СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

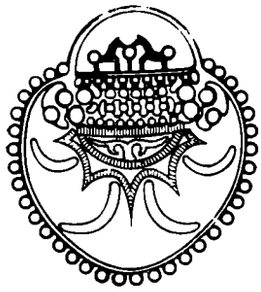
3

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

Статьи

И. Г. НАРИМАНОВ

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

История Закавказья неолитического времени изучена еще очень слабо. Вместе с тем отдельные памятники показывают, что уже в этот период производственные навыки и некоторые другие факторы позволили местным племенам перейти к новому укладу хозяйства. Можно сказать, что совершилось это значительно раньше, чем время бытования памятников типа Шому-Тепе и Кюль-Тепе [1]. По облику материальной культуры часть этих памятников выглядит несколько архаично, хотя здесь мы уже имеем дело с основными видами домашних животных и подвергнувшимися культивизации хлебными злаками.

Советские ботаники, на основе чисто биологических анализов, пришли к заключению о начале культивации и первоначальном формообразовании некоторых видов хлебных злаков в Закавказье [2]. Особо пригодные для развития земледелия районы Закавказья с их разнообразием видов дикого растительного и животного мира явились естественной материальной базой для перехода человека к производящему хозяйству путем одомашнивания местных видов флоры и фауны.

Однако не исключается возможность распространения некоторых видов культурных злаков из Передней Азии в соседнее Закавказье. Это тем более вероятно, что еще в VII—VI тысячелетиях до н. э. там процветали высокоразвитые земледельческие культуры [3], под влиянием которых происходил процесс появления и распространения злаков в Европе; только в Крыму и на Балканах земледелие могло возникнуть самостоятельно [4].

---

[1] А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, 125, 1965, стр. 11—15; И. Г. Нариманов. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге, М., 1966, стр. 121—126; О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Результаты работы Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). «Мацне», 3, Тбилиси, 1967, стр. 292—298; Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V—IV тысячелетие до н. э.). «Мацне», 6, 1967, стр. 336.

[2] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Избр. труды, II, М.—Л., 1960, стр. 28, 42; П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964, стр. 31; И. Д. Мустафаев. Материалы по изучению пшениц, ржи, ячменя и эгилопсов Азербайджана. Баку, 1961, стр. 3, 4; его же. Пшеницы Азербайджана и их значение в селекции и формообразовательном процессе. Л., 1964, стр. 16, 21—24.

[3] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 39—81; J. Mellaart. Earlist Civilizations of the Near East. London, 1965; Robert J. Braidwood. The Paleo-Environments of Southwestern Asia and the Appearance of Food-Production. Chicago, 1966.

[4] В. С. Титов. Древнейшие земледельцы в Европе. Сб. «Археология старого и нового света». М., 1966, стр. 25—35.

По-видимому, следует ожидать выявления более ранних данных, связанных с оседлым образом жизни, чем известные в широком ареале Закавказья поселения, в основном отражающие энеолитический этап развития местного общества в V—IV тысячелетии до н. э.

Но независимо от того, будут они выявлены или нет, для изучения истории древней земледельческой культуры Закавказья фактические данные энеолитических памятников имеют первостепенное значение. В этом отношении особенно выделяются азербайджанские поселения шому-тепинского типа, не уступающие синхронным памятникам Средней и Передней Азии по богатству и разносторонности земледельческих материалов. Эти материалы распадаются на несколько категорий. Среди материальных остатков, связанных с земледелием, пожалуй, самыми ценными являются остатки разных видов хлебных злаков и их разновидности.

Энеолитические поселения Азербайджана дали немало образцов хлебных злаков [5]. Во всех случаях они оказались обуглившимися, благодаря чему и сохранились до современности.

Образцы зерен энеолитического времени найдены на следующих памятниках: Шому-Тепе (1), Тойре-Тепе (2—12), Рус-Тепеси (13), Иланлы-Тепе (14—16).

1. Образец, состоящий из небольшого количества зерен, собран и найден в хозяйственной яме, вырытой в грунте около кирпичных домов (раскопки 1962 г.) Он включал многорядный ячмень (Hord. pollidum) и двурядный ячмень (Hord. distichum). Здесь же найдены семена сорной травы из семейства бобовых (Кавказский копеечник) и косточки винограда [6].

2. Образец с глубины 5 *м* (раскопки 1962 г.): собраны зерна хлебных злаков, в которых оказались твердая пшеница (Tr. durum Dest), мягкая пшеница (Tr. aestivum L), пшеница тургидум, или английская (Tr. turgidum L), пшеница полба (Tr. diccocum schübl) и ячмень культурный (Hord. pollidum).

3. Образец собран в помещении № 21 (раскопки 1964 г.), состоит из мягкой пшеницы (Tr. eastivum L) с примесью семян полевой сорной травы из семейства плевел (Lolium sp.).

4. Основу образца составляют зерна трех видов пшеницы — твердая пшеница (Tr. durum Dest), мягкая пшеница (Tr. aestivum L) и пшеница тургидум (Tr. turgidum). В нем имеются и зерна культурного ячменя (Hord. pollidum).

5. Образец в большей части состоит из культурного ячменя (Hord. pollidum); определены также два вида пшеницы — твердая пшеница (Tr. durum Dest), мягкая пшеница (Tr. aestivum L) и семена дикой вики (Vica villosa).

6. Образец представлен двумя видами пшениц — мягкой (Tr. aestivum L), твердой (Tr. durum Dest) и культурным ячменем (Hord. pollidum), а также семенами дикой вики (Vica villosa).

7. Образец содержит четыре вида пшеницы — мягкой (Tr. aestivum L), твердой (Tr. durum Dest), тургидум (Tr. turgidum L), полба культурная-двузернянка (Tr. dicoccum schübl) и ячменя (Hord. pollidum). Среди них были также семена дикой вики.

8. Образец состоит из небольшого количества зерен мягкой пшеницы (Tr. aestivum L) и культурного ячменя (Hord. pollidum).

9. Образец в основном содержит культурный ячмень (Hord. pollidum); имеются также зерна твердой (Tr. durum Dest) и мягкой пшеницы (Tr. aestivum).

---

[5] Все собранные образцы хлебных злаков переданы в Институт генетики и селекции АН АзербССР и были определены акад. И. Д. Мустафаевым.

[6] Косточка винограда из Шому-Тепе осмотрены проф. А. М. Негрулом, по мнению которого она соединяет в себе элементы дикого и культурного винограда.

10. Образец состоит из мягкой пшеницы (Tr. aestivum) и пшеницы тургидум (Tr. turgidum L).

11. Образец содержит дикий двурядный ячмень (Hord. spontaneum), а также зерна культурного ячменя (Hord. pollidum) и трех видов пшеницы — полба двузернянка (Tr. dicoccum schübl), твердая (Tr. durum Dest) и мягкая (Tr. aestivum L). Последняя составляет основу данного образца.

12. Образец содержит два вида пшениц — твердой (Tr. durum Dest), мягкой (Tr. aestivum L) и дикий ячмень (Hord. spontaneum); имеются и семена дикой вики.

Образцы 4—12 найдены в 1965 г. в самых нижних предматериковых горизонтах и в большом углублении, врытом в грунте, в золистых скоплениях и просто в культурном слое.

Таким образом, в приведенных образцах в разных сочетаниях и количественных соотношениях встречаются зерна твердой, мягкой пшеницы, культурной полбы, пшеницы тургидум, дикого и культурного ячменя. В них имеются также семена диких злаков. Все это говорит о смешанном характере посева в этот ранний период истории земледелия [7].

Два из приведенных образцов (11—12) содержат двурядный дикий ячмень, от которого, как полагают исследователи, произошел культурный двурядный ячмень. В настоящее время заросли дикого двурядного ячменя (Hord. spontaneum) часто встречаются в районах Азербайджана [8].

13. Образец состоит из мягкой пшеницы (Tr. aestivum), твердой пшеницы (Tr. durum) и культурного многорядного ячменя (Hord. pollidum). Здесь, по предварительному сообщению И. Д. Мустафаева, оказались и семена диких злаков, напоминающие «семена эгилопса», который в настоящее время в достаточном количестве растет в Азербайджане и считается родоначальником культурной пшеницы.

14. Образец содержит два вида пшениц — мягкой (Tr. aestivum) и твердой (Tr. durum Dest) и культурный ячмень (Hord. pollidum).

15. Образец состоит в основном из культурного ячменя (Hord. pollidum); редко встречаются зерна мягкой пшеницы (Tr. aestivum), а также семена дикой вики (Vica villosa).

16. Образец содержит только культурный ячмень (Hord. pollidum) и мягкую пшеницу (Tr. aestivum). Состав хлебных злаков из рассмотренных поселений совпадает, при этом для Тойре-Тепе отмечено большее разнообразие в видовом и сортовом отношении.

Остатки хлебных злаков, найденные в однотипном и синхронном с Шому-Тепе и Тойре-Тепе поселении Шулавери в Грузии, относятся к пшеницам. Там так же, как и в Шому-Тепе, обнаружены косточки винограда [9].

В настоящее время, если даже предположительно говорить об эндемичности, или самостоятельном развитии некоторых видов хлебных злаков энеолитического периода в Закавказье, то сопоставление остатков злаков из Тойре-Тепе с материалами Кюль-Тепе около г. Нахичевана дают некоторые основания для более конкретного заключения по этому вопросу. В энеолитическом слое Кюль-Тепе найдена пшеница круглозерная (Tr. sphaerococcum), чего не имеется ни в одном поселении Закавказья.

Аналогичная картина в отношении сферококкума наблюдается и в современном материале. Из всех районов Азербайджана образцы этого вида пшеницы в небольшом количестве встречены в Нахичевани [10].

---

[7] Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.

[8] И. Д. Мустафаев. Материалы по изучению пшениц, ржи, ячменя и эгилопсов Азербайджана, стр. 39, 59.

[9] О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Результаты работы..., стр. 296.

[10] И. Д. Мустафаев. Азербайджан — родина многих видов пшеницы. Баку, 1964, стр. 29 (на азерб. яз.).

Вообще распространение круглозерной пшеницы довольно ограничено. В настоящее время она возделывается исключительно в Пенджабе [11]. До сих пор помимо энеолитического слоя Кюль-Тепе она была найдена в памятниках харапской культуры в долине Инда, относящейся ко времени не ранее середины III тысячелетия до н. э.[12] Среди палеоботанического материала Передней и Средней Азии сферококкум не был отмечен [13].

Рис. 1. Днище грубого сосуда с отпечатками зерен из Тойре-Тепе

В энеолитический период в Азербайджане при изготовлении керамических изделий к тесту примешивали рубленую солому. Широко применяли ее в качестве примесей при изготовлении кирпичей и штукатурке зданий. Иногда в глине можно встретить отпечатки зерен и колосьев. Остатки колосьев встречались в межкирпичном растворе одного из жилых помещений Шому-Тепе. Отпечатки многих зерен с хорошо выраженными очертаниями сохраняются на днище сосуда из Тойре-Тепе (рис. 1).

У энеолитических племен, хозяйство которых наряду с придомным скотоводством базировалось на выращивании злаковых культур, существенную роль играли орудия обработки почвы. Костяные и роговые мотыги представлены в большом количестве в поселениях Шому-Тепе и Тойре-Тепе, несколькими экземплярами — в Шулавери, Имирис-гора и Арухло, в нижнем энеолитическом слое первого холма Бабадервиш, среди материала Гаргалар-Тепеси и в Иланлы-Тепе. Эти мотыги изготовлены из трубчатых, и лопаточных костей, из рога оленя, реже из крестцовых костей крупного рогатого скота. Чтобы придать костям форму мотыг, их подвергали обработке. В чашечной части лопатки делали отверстие, которое служило для укрепления деревянной рукоятки с загнутым концом. Рукоять вставлялась через верхнее отверстие наружу и, очевидно, привязывалась. Мотыги из лопаточной кости имеют различные размеры. Максимальная длина их достигает 25 *см* (рис. 2, *6—7*).

Подобные костяные мотыги известны из энеолитического культурного слоя поселения Пиждели-Тепе в Солдузской долине в Иранском Азербайджане. Мотыги Пиждели-Тепе имеют сильно сработанный рабочий край и отверстие для рукоятки [14].

Лопаточную кость лося использовали в качестве мотыги и североамериканские индейцы. Женщины индейцев подобной мотыгой, прикрепленной к палке, взрыхляли землю для посева маиса [15]. В этих индейских мотыгах не было отверстий для рукояти.

Мотыги, изготовленные из трубчатых костей, представлены двумя разновидностями, одна из которых по способу укрепления рукоятки не от-

---

[11] П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 85.
[12] Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инды. М., 1961, стр. 98.
[13] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 112—114.
[14] Robert H. Dyson and T. C. Young. The Solduz Walley. Iran: Pisdeli-Tepe. «Antiquity». XXIV, 133, 1960, стр. 26, табл. III.
[15] Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр 114.

личается от лопаточных мотыг. Обушной частью мотыг из трубчатых костей служил эпифиз с ровной поверхностью, в которой, как правило, было выдолблено отверстие для насадки деревянной рукояти, по-видимому, с загнутым концом. Противоположная сторона кости косо срезана спереди и аккуратно обработана, в результате чего она превратилась в сравнительно острый рабочий край. Верхний край среза доходит до середины или

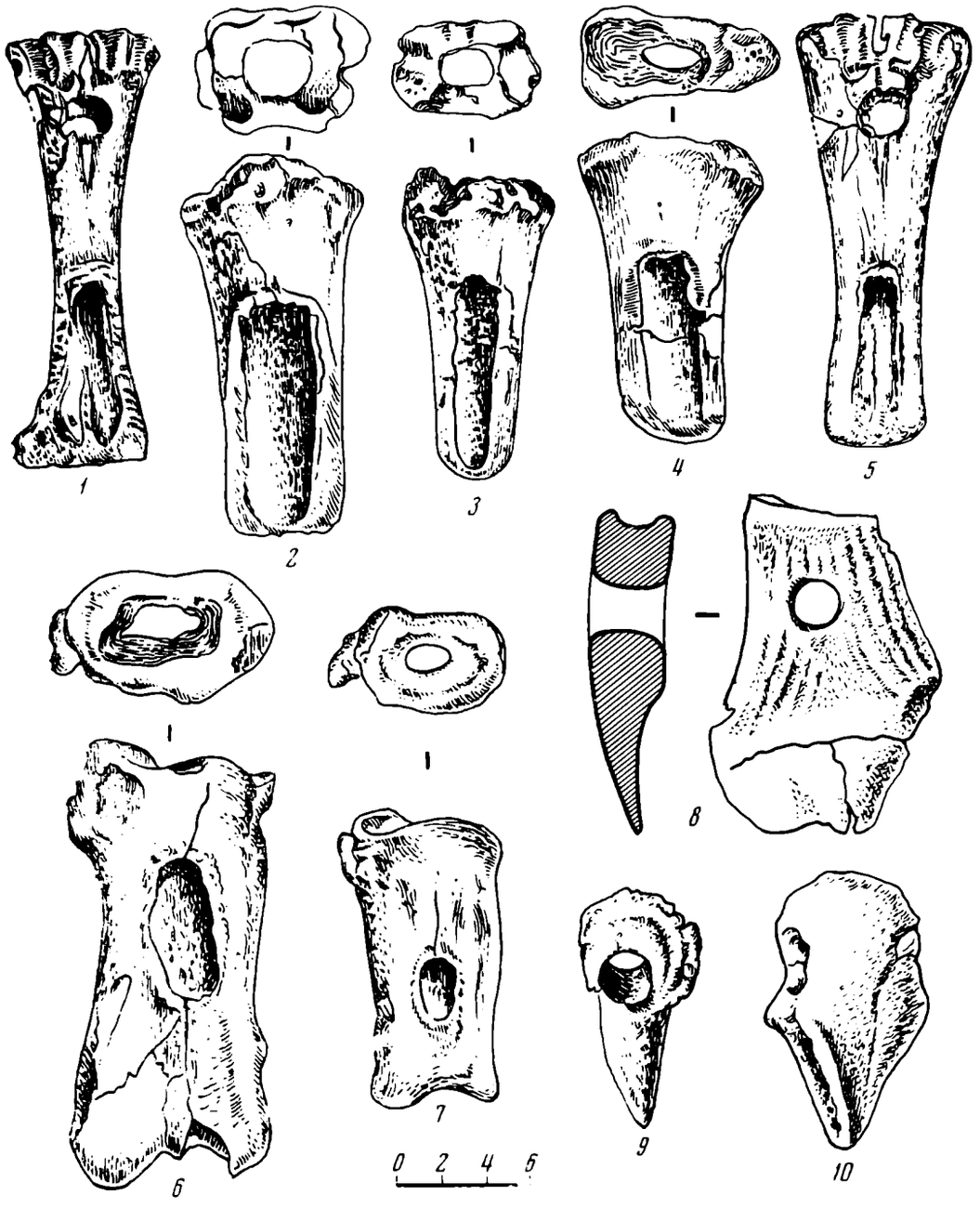


Рис. 2. Костяные и роговые мотыги из Шому-Тепе и Тойре-Тепе.

выше его. Из этой части среза, очевидно, выступал загнутый конец рукоятки (рис. 2, *2—4*). К числу мотыг данного типа следует отнести остатки костяных предметов из нижнего слоя Кюль-Тепе около Нахичевана [16].

В более чем девятиметровом энеолитическом культурном слое Кюль-Тепе найдено очень незначительное количество костяных орудий для обработки земли. Правда, там найдены и каменные орудия с отверстиями, которые могли применяться в качестве наконечников мотыг [17].

---

[16] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку, 1959. стр. 51, табл. 17, рис. 1 (на азерб. яз.).

[17] Там же, стр. 40, табл. 8, рис. 1—4.

Полная аналогия азербайджанским мотыгам данного типа имеется среди костяных предметов поселения Меримде в Египте, на западной окраине дельты Нила. Однако Г. Чайльд костяную мотыгу из Меримде называет «долотообразным орудием для сглаживания»[18]. Рабочая часть этого орудия косо срезана и обработана, а на верхней эпифизной части — отверстие, эта часть сохранилась не полностью. Чтобы использовать такое орудие в качестве инструмента для сглаживания, нет необходимости в отверстии, в его эпифизной части. Подобные орудия в Центральной Европе встречаются редко[19]. Они были также обнаружены в раннеземледельческих поселениях Румынии[20].

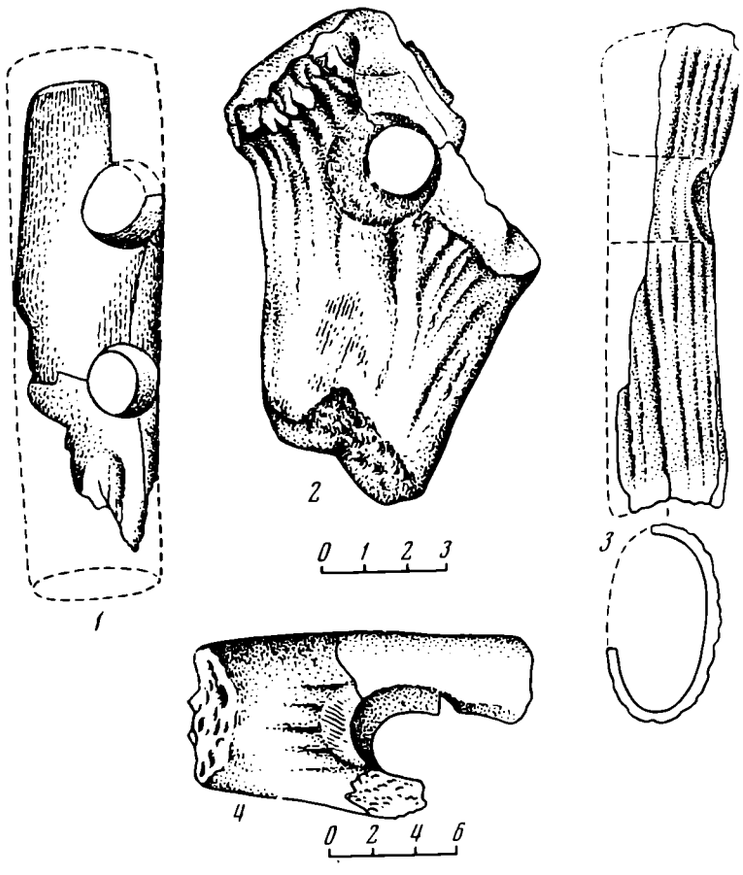


Рис. 3. Роговые предметы из Тойре-Тепе и Бабадервиша

Часть азербайджанских мотыг из трубчатых костей имеет сквозное отверстие ниже эпифизной части (рис. 2, *1, 5*). По способу крепления рукоятки эти мотыги отличаются от мотыг из лопаток тем, что в них конец прямой рукоятки пропускался через отверстие в мотыге. Выступающий конец рукоятки закреплялся на спинке мотыги кожей. Такой же способ крепления имел место в роговых мотыгах с отверстием, расположенным перпендикулярно к его рабочей части (рис. 2, *8, 10*). Очевидно, также были мотыгами некоторые роговые предметы с рабочим краем и сверленым отверстием, хотя отверстие у них расположено параллельно с рабочим краем. Рукоятки у этих мотыг крепились сбоку (рис. 2, *9*). Применение подобной формы роговых орудий в обработке земли подтверждается находками в поселениях трипольской культуры. Без всяких оговорок исследователи называют эти орудия мотыжками[21].

В одних случаях мотыги из рога имели необработанную корону, в других коронная часть прекрасно обточена и в результате этого приобрела округлую форму. Такие орудия были предназначены, видимо, не только для взрыхления почвы, но и для разбивания комьев, являясь, таким образом, двойными орудиями, как это отмечено на основе материалов трипольской культуры[22].

---

[18] Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 76, рис. 13.

[19] U. Scheknecht. Eineschmaske aus Plau, Kr. Lübz. Ausgrabungen und Junde, 6, 4, 1961, стр. 169—173, рис. 3.

[20] D. Berclu. Contributii la problemele Neoliticului in Rominia in Lumina noilor cercetari Bucureşti, 1964, рис. 64, *1*.

[21] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, стр. 77, рис. 18, *7, 8*; Н. А. Кетрару. Позднетрипольские поселения у села Кубань в Молдавии. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР, Кишинев, 1964, стр. 88, рис. 4, *12, 13*.

[22] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 12.

Не совсем ясно назначение нескольких роговых предметов, оба края которых срезаны поперек. Внутри, с одного конца, они полые или частично полые. Возможно, губчатая внутренность их была специально соскоблена для укрепления в ней наконечника. Однако следы такой обработки не прослеживаются (рис. 3, *1, 3*). Эти предметы могли иметь деревянную рукоятку, вставлявшуюся в отверстие. Их можно сопоставлять с муфтами для тесел и мотыг из энеолитических поселений Приднестровья, которые выделяются исследователями в особую группу. «Такие орудия, состоящие из каменного острия, костяной муфты и деревянной рукоятки,— пишет Е. К. Черныш,— с успехом могли использоваться для разрыхления земли» [23]. Ввиду того, что подобные азербайджанские материалы одиночны, да и к тому же плохой сохранности, их пока только условно можно отнести к числу изделий, связанных с обработкой земли. Аналогичные муфты, имеющие сверленые стволы с гнездом для каменного орудия, были найдены в памятниках майкопской культуры (Каменномостская пещера и курган у хутора «Рассвет») [24].

Для того чтобы обработка почвы костяными мотыгами была более эффективна, специально увеличивали их тяжесть, надевая на деревянную рукоять массивную роговую муфту (рис. 3, *2, 4*). Отметим, что в раннеземледельческих памятниках с каменными мотыжками подобные костные изделия нехарактерны.

Как показывают материалы, костяные и роговые мотыги были основными орудиями в обработке земли. Применение их требовало немалых усилий для очистки полей от камней, которые при соприкосновении могли быстро вывести из строя костяные мотыги. Независимо от размера поля, очевидно, больше походили на огород, чем на посевную площадь в современном понятии. Зерна сеяли ручным способом в ямки. Последние делались деревянными или костяными орудиями в виде колышков. К числу таких орудий можно отнести роговые и костяные предметы с заостренными концами, имеющие в некоторых случаях сквозные отверстия в верхней части (рис. 4, *2, 3, 5*). Среди костяных встречается немалое количество орудий из трубчатой кости мелкого рогатого скота. О них утвердилось мнение как об орудиях для обработки шкур и лощил (рис. 4, *1, 4*). Не исключено, что ранние земледельцы применяли их при посадке зерен, выкапывая ими ямки-гнезда. В памятниках последующего периода они почти не встречаются, хотя по-прежнему могли бы быть использованы как лощила и орудия для обработки шкур. Очевидно, в связи с изменением и усовершенствованием системы земледелия такие орудия выходят из употребления.

Мотыжное земледелие археологически документировано на значительной территории земного шара. В некоторых районах оно удерживалось до последнего времени. «Во многих областях Африки практикуется примитивная форма земледелия, так называемое мотыжное или огородное земледелие. Люди, обычно женщины, обрабатывают мотыгами небольшие участки земли и засевают их до тех пор, пока они не перестанут давать урожай. При этом не применяются никакие удобрения, не практикуется и планомерное оставление земли под паром. Когда участок истощается, люди расчищают и возделывают новую полоску целины. Наконец, когда вся земля в округе оказывается использованной, поселение переносят на новое место» [25].

Жизнь на многих поселениях Азербайджана протекала длительное время; этому способствовали благоприятные условия и сочетание земледе-

---

[23] Е. К. Черныш. Энеолитическое время в среднем Приднестровье. МИА, 102, 1962, стр. 77.

[24] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 112, рис. 55, *1*.

[25] Г. Чайльд. Древнейший Восток..., стр. 56.

лия со скотоводством. Очевидно, после сбора урожая поля на определенное время служили пастбищем для домашних животных, а последние в свою очередь приносили неоценимую пользу в смысле обогащения почвы. Разлагаясь в почве, навоз обогащает почву и воздух припочвенных слоев углекислотой, необходимой растениям для образования органического вещества. Легкая и песчаная почва под влиянием навоза становится более вязкой, а почва тяжелая, глинистая — рыхлой. Увеличивается также способность почвы поглощать и удерживать влагу и она быстрее нагревается.

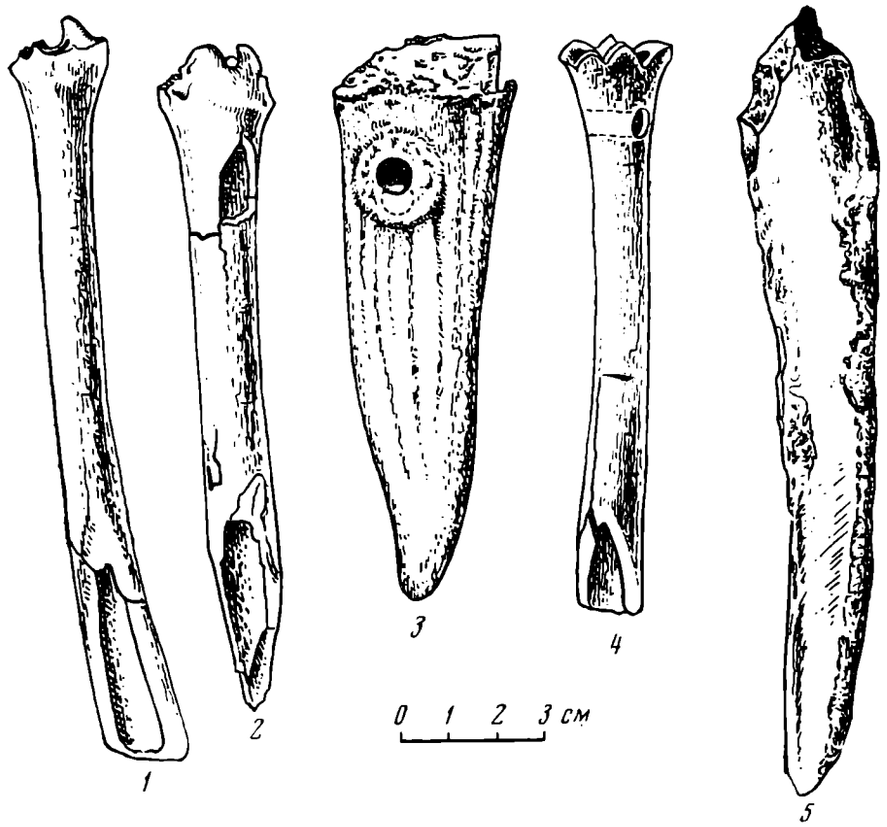


Рис. 4. Костяные и роговые изделия из Шому-Тепе и Тойре-Тепе

Все это улучшает структуру почвы, имеющую большое значение для плодородия. Обработанные поля становятся постоянными и это гарантирует развитие оседлости и земледелия.

Локализация энеолитических поселений показывает, что в V—IV тысячелетиях до н. э. племена Азербайджана хозяйственно осваивали низменные и предгорные районы. Оседлая жизнь процветала в таких ныне безводных районах, как Мильская степь, где в энеолите развитие земледелия, как и во многих районах Закавказья, протекало в других климатических условиях. Очевидно, в низменных районах тогда протекали многочисленные (ныне пересохшие) речки, к которым и была приурочена значительная часть энеолитических поселений. Опираясь на месторасположение некоторых энеолитических памятников (Бабадервиш и др.) можно предполагать, что земледелие местами носило богарный характер, так же как в эпоху поздней бронзы и раннего железа [26].

Жатвенные орудия Азербайджана эпохи энеолита также хорошо известны. Были найдены серпы — костяные и деревянные. Многочисленными находками являются серповые вкладыши из кремня, обсидиана и других пород камня.

Единственный серп с костяной основой из челюсти молодого быка происходит из поселения Шому-Тепе. Зубы из челюсти были вынуты, их мес-

---

[26] Г. Чайльд. Древнейший Восток..., стр. 289, табл. XXXIII; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 44, рис. 1, *6*.

то выскоблено в виде канавки. Она служила пазом для установления вкладышей серпа. В пазу сохранились остатки черной битумообразной массы. Почти половина серпа с концевой стороны была обломана еще в древности. Длина сохранившейся части паза — 7,5 *см*. Оба продольных края паза сохраняют следы длительного употребления в виде полировки. Длина всей оставшейся части серпа 19,5 *см* (рис. 5).

Жатвенные орудия с костяной основой из ребер животных известны из древейших поселений Передней и Средней Азии [27]. Вкладыши в них

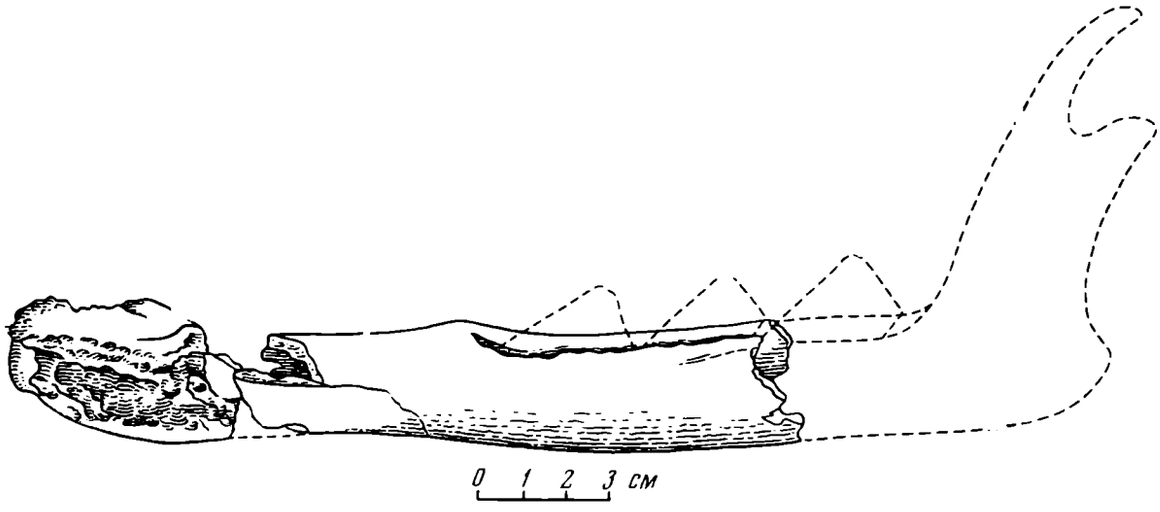


Рис. 5. Серп из челюсти быка. Шому-Тепе

закреплялись в костяной оправе спинкой, а рабочий край образовывал линию, параллельную пазу. Азербайджанские серпы по структуре расположения вкладышей резко отличаются от них. Об этом свидетельствуют характерные признаки сработанности каменных зубцов. Особенно характерны деревянные серпы с каменными зубцами. Они представлены четырьмя экземплярами, в которых сохранились вкладыши в первоначальном виде (рис. 6). Один из них был найден в Тойре-Тепе, остальные — в Шому-Тепе. Один из шому-тепинских серпов сравнительно массивный (длина паза 16,8 *см*). Найден он в смешанной очажной золе прямо у стены круглопланового помещения [28].

Второй деревянный серп из Шому-Тепе был найден просто в культурном слое. Он по размеру меньше и имеет два зубца из обсидиановой пластинки, четырехугольной формы, закрепленные битумообразной массой. Деревянная обойма не сохранилась. Однако нижняя половина скрепляющей массы сохраняет полную форму и размеры паза обоймы, имевшей длину 12,8 *см*.

Третий деревянный серп представлен в виде обломка (длина 7 *см*) из черной скрепляющей массы. В этой массе сохранилась часть сломанного обсидианового вкладыша. Серп найден в хозяйственном помещении № 8, заполненном землей, золою и различными остатками.

Последний, четвертый деревянный серп был обнаружен в Тойре-Тепе, на глубине 2,6 *м*; он состоит из черной скрепляющей массы с пятью кремневыми вкладышами небольших размеров. Материалом для изготовления зубцов этого серпа служили кремнистые породы табачного и серовато-синеватого цвета. Рабочий край вкладышей тонкий, спинка толстая. Один конец вкладышей наклонно вставлен в паз обоймы, другой выступает наружу. На них довольно отчетливо прослеживаются следы изношенности в виде угловой заполировки. Судя по многочисленным находкам, отсутствует строгая единообразная форма вкладышей. Последние изготовлены не

[27] Т. А. Бунятов. Ук. соч.
[28] И. Г. Нариманов. Древнейшие серпы Азербайджана. СА, 1964, 1, стр. 283.

только из пластинок, но и из обломков или отщепов кремня с острой рабочей частью. Определенная часть вкладышей из кремня или кремнистых пород подвергнута обработке притупляющей ретушью по дуге и по очертаниям ближе к сегменту. Рабочий край вкладышей почти во всех случаях острый и тонкий, что исключает необходимость дополнительной подработки. Нередко вкладыши применялись без обработки спинки. Это целиком относится к вкладышам пластинчатой формы. Вкладыши сохраняют остатки закрепляющей смолистой массы, по которым легко устанавливается как размер части вкладыша наклонно входящей в паз обоймы, так и

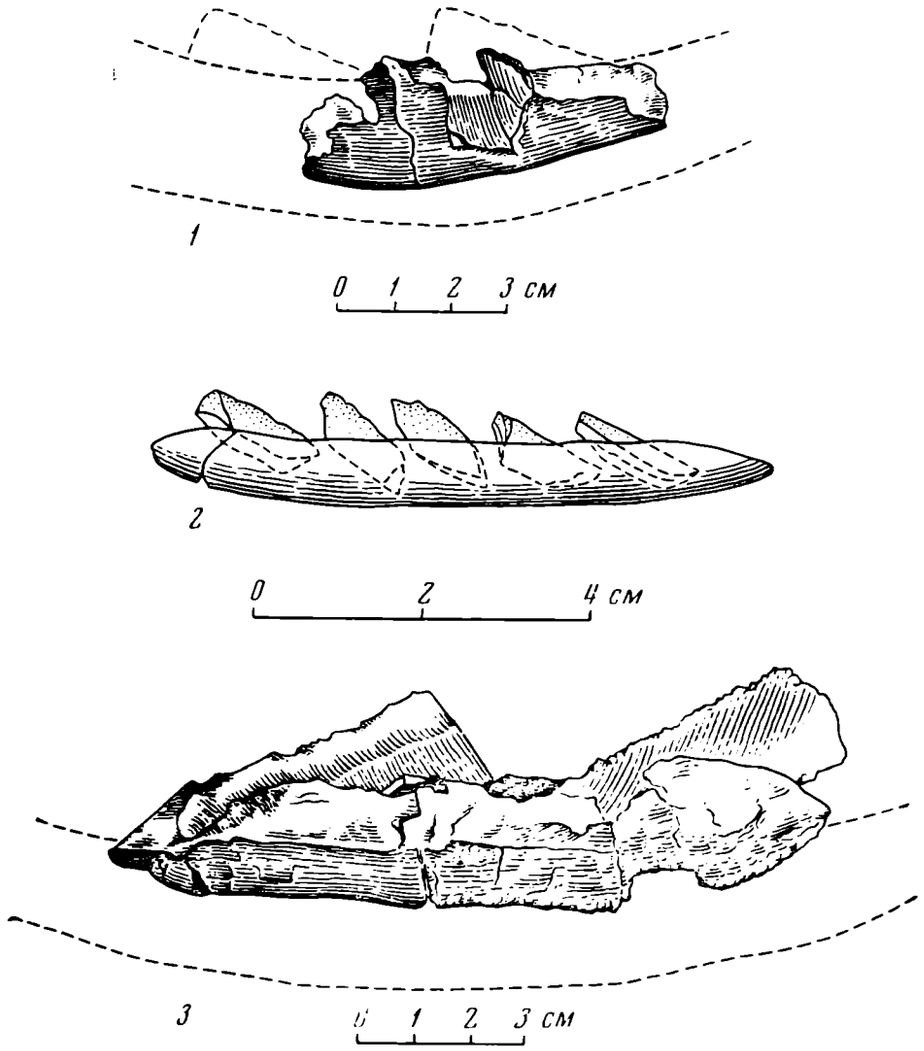


Рис. 6. Деревянные серпы
1, 3 — из Шому-Тепе, *2* — из Тойре-Тепе

размер его рабочей части с угловой заполировкой. Имеются и такие, на которых нет ни остатков черной скрепляющей массы, ни следов интенсивной полировки. Вероятно, они не были в употреблении.

Около полусотни пластин, напоминающие серповые вкладыши, сколотые с одного куска кремнистой породы, были обнаружены внутри скрепляющего раствора между кирпичами в помещении № 12 в Тойре-Тепе.

Пять обсидиановых пластинок почти одинакового размера, которые были специально выделаны в качестве зубцов для одного серпа, найдены вместе в Тойре-Тепе в помещении № 22. В отдельности подобные обсидиановые пластинки встречаются довольно часто. Серпы Азербайджана по системе крепления вкладышей обнаруживают близкое сходство с серпами Восточной и Центральной Европы [29]. Среди материалов подскальных убежищ Кобыстана, раскопанных Д. Н. Рустамовым, имеется кремневый

[29] С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы. СА, 1962, 3, стр. 6.

кладыш шому-тепинского типа, на котором хорошо сохранились следы угловой заполировки и черной закрепляющей массы. Следовательно, можно предполагать, что уже в хозяйстве древнейших (неолитических) обитателей Кобыстана жатва приобретала определенное значение, и возникновение шому-тепинских серпов на местной основе находит некоторое обоснование.

В энеолитическом слое Кюль-Тепе вблизи г. Нахичевана выявлена роговая оправа серпа, в пазу которого сохранились остатки сероватой скрепляющей массы без каменных зубцов. По-видимому, этот серп еще не был

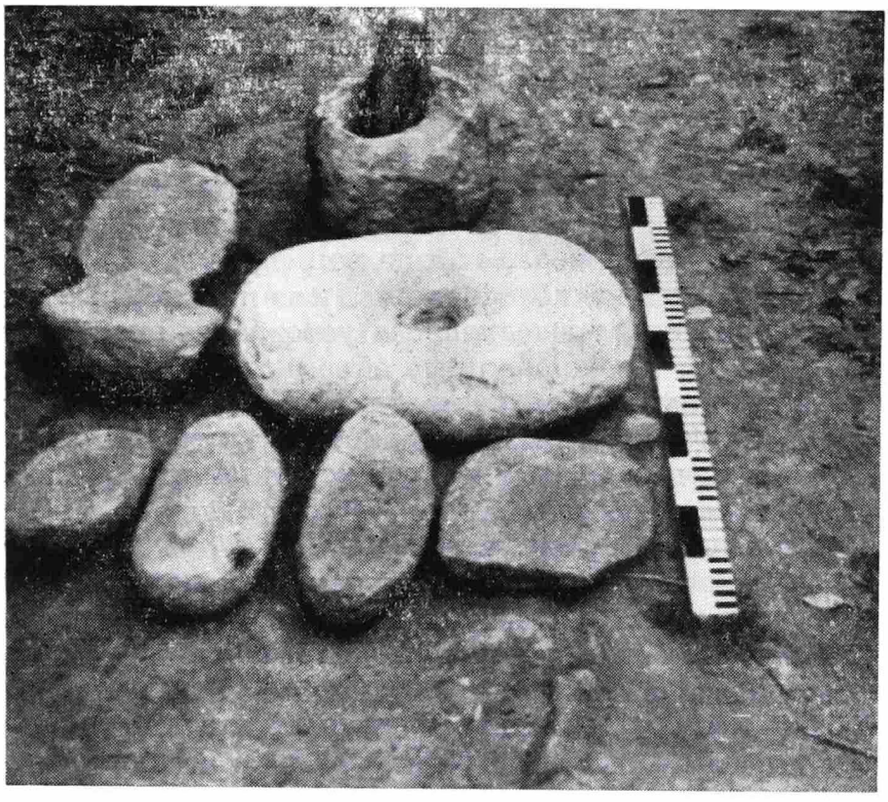


Рис. 7. Каменные орудия для обработки зерна

в применении. Несмотря на многочисленность бесспорных обсидиановых вкладышей в Кюль-Тепе, система их закрепления в оправе пока не установлена точно.

Важно отметить, что в энеолитическом земледелии Азербайджана, хотя, может быть, в очень ограниченном масштабе, применялись также серпы иного типа. Вкладыши таких серпов сохраняют краевую полировку. Подобный вкладыш найден в Шому-Тепе. Положение вкладыша довольно четко определяется и остатками черной массы, охватывающей большую часть предмета. Граница между этой массой и заполированной полосой проходит по горизонтали несколько ниже лезвия.

Таким образом, устанавливается, что на раннем этапе истории земледелия в Азербайджане применялись серпы двух типов и наблюдается переходный этап от серпов с наклонными вкладышами к серпам с горизонтально установленными вкладышами. Последние в Закавказье существовали вплоть до широкого освоения железа, в то время как первый тип серпов вышел из употребления еще в энеолите.

История развития жатвенных орудий обширной территории, расположенной к югу от Закавказья, дает как будто несколько другую картину. Серповые вкладыши расположены там не наклонно, а горизонтально по отношению к рабочему краю [30].

[30] В. М. Массон. Средняя Азия..., рис. 16.

Таким образом, данные о древнейших серпах Азербайджана дают основание прийти к правомерному выводу о том, что это земледельческое орудие на Кавказе могло возникнуть и развиваться вполне самостоятельно. Это подтверждается и раскопками С. Н. Замятнина и П. Г. Акритаса в гроте Сосруко в Кабардино-Балкарии и Дж. Н. Рустамова в одном из подскальных убежищ Кобыстана, показавшими более раннее применение жатвенных приспособлений на Кавказе, в эпоху, когда еще в хозяйстве населения охота играла ведущую роль, о чем свидетельствуют остеологические материалы, состоящие только из костей диких животных [31].

Поселения энеолитического времени в Азербайджане дали также серию находок, связанных с обработкой продуктов земледелия (рис. 7). Это прежде всего каменные ступки и песты, зернотерки и терочники. Каменные ступки представлены в небольшом количестве, причем некоторые из них очень массивны.

Отличительной чертой зернотерок является двухстороннее их использование, доводившее их иногда до пластинчатой формы. Ладьевидной формы зернотерки со ступенчатыми концами, характерные для кура-аракской культуры последующего периода, еще не встречены.

Непереносные сосуды из сырой глины, несомненно, были предназначены для содержания зерна ежедневного употребления отдельных семей. Аналогичную функцию имели крупные объемистые обожженные сосуды с узкой нижней частью и маленьким днищем. Для устойчивости днища устанавливаются на глиняной массе. Наиболее выразительные экземпляры этих сосудов были выявлены в поселениях Иланлы-Тепе и Кюль-Тепе. В последнем были найдены и крупные бочкообразные сосуды с широким дном и выступами вместо ручек на тулове.

Продукты земледелия хранились также в кирпичных хозяйственных помещениях, сооруженных около жилых домов, составлявших вместе архитектурный комплекс одного двора. По-видимому, в них содержалась годовая доля урожая отдельной семьи.

Таким образом, археологические данные — остатки хлебных злаков, орудия обработки почвы, жатвы и размола зерна, а также большие сосуды и специально сооруженные помещения для хранения зерна — бесспорно отражают уже сложившийся этап земледелия в Азербайджане и в Закавказье в эпоху энеолита. Можно полагать, что несмотря на определенные связи с Передней Азией, земледелие в Закавказье могло возникнуть и развиваться самостоятельно.

I. G. Narimanov

SUR L'AGRICULTURE DE L'ENÉOLITHIQUE EN AZERBAIDJAN

Résumé

Au cours des dernières quinze années, on a découvert, dans divers districts de l'Azerbaidjan, plusieurs sites qui ont souvent de puissantes couches archéologiques remontant à l'Eonéolithique (V—IV millénaires avant notre ère). Lors des fouilles effectuées à Cholou — Tépé, Toiré — tépé, Rousse — tépéssi, Ilanly — tépé et Kul — tépé il a été trouvé des grains des céréales Tr. durum Dest, Tr. aestivum L. Tr. Turgidum, Tr. dicoccum Schübl, Tr. sphaerococcum, Hord. pollidum, Hord. Distichum, Hord. Spontanéum et des traces des grains (fig. 1). Les outils en os et en corne pour travailler la terre (figs 2—4), pour la récolte (figs 5—6) et la moulure (fig. 7) sont très variés et en grand nombre.

Ces matériaux reflètent une étape de l'agriculture en Azerbaidjan et en Transcaucasie. Dans ces régions, le passage à une nouvelle formation économique a eu lieu bien avant le Ve millénaire avant notre ère.

Les données disponibles permettent de supposer que l'apparition et le développement de l'agriculture en Azerbaidjan et en Transcaucasie pouvaient se faire de façon indépendante, malgré certaines influences provenant des régions de l'Asie Antérieure.

[31] П. Г. Акритас. Первобытнообщинный строй на территории Кабарды. Сборник статей по истории Кабарды, 4. Нальчик, 1955, стр. 11, 12.

М. ТОСИ

СЕИСТАН В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ — РАСКОПКИ В ШАХРИ-СОХТЕ

Географическая характеристика Сеистана

Там, где р. Хильменд, разделившаяся на десяток рукавов и проток, впадает в оз. Хамун, где она ежегодно откладывает ил во время паводков, находится Сеистан — сложенная суглинками белая равнина, однообразие которой нарушается только остатками древних речных террас, часто почти стершихся и превратившихся в невысокие холмы (рис. 1).

Бассейн р. Хильменд представляет собой крупнейшее непересыхающее водное пространство между Месопотамией и р. Инд, и все же, несмотря на указания арабских источников, сообщавших о богатстве и высоком культурном уровне Сеистана [1], он как-то почти полностью выпал из поля зрения ученых, изучавших древнейшие городские поселения [2]. В сложном процессе взаимопроникновения и становления, протекавшем в течение III тысячелетия до н. э., завершившимся образованием первых очагов городской цивилизации в различных районах Западной Азии, Сеистан и прилегающие области безусловно играли роль главных действующих лиц в формировании культурного комплекса, заложившего основы для дальнейшего развития цивилизации на всем континенте.

Итак, первым объектом исследования в изучении истории данной области является река, которую питает сложная гидрографическая сеть сезонных и постоянных ручьев и рек, берущих начало на юго-западных склонах Гиндукуша. Обилие стекающей с гор воды позволяет р. Хильменд не пересыхать даже в Регистанской пустыне и достичь бассейна оз. Хамун, орографически тождественного Сеистану.

Вследствие неустойчивости речного ложа ось дельты переместилась от прежнего широтного направления к современному почти меридиональному [3]. Такое типичное для всех крупных рек южной части Центральной Азии изменение дельты имело два очевидных последствия, придающих Сеистану особый интерес в глазах исследователя древности.

Передвижение всей дельты либо отдельной части вынуждает жителей отдельных деревень и целых областей переселяться в новые места и переносить населенные пункты поближе к воде. Подобное явление реконструировано и тщательно изучено на материале древнего Хорезма С. П. Толстовым и его коллегами [4]. Здесь дельта Амударьи перемещалась довольно

---

[1] G. Lestrange. Lands of the Eastren Caliphate, XXIV. Cambridge. 1966, стр. 334—351.

[2] До начала наших исследований на значение Шахри-Сохте и Сеистана в целом в III тысячелетии до н. э. указывал в нескольких своих работах В. М. Массон, а также Б. де Кардн в Excavations at Bampur, S. E. Iran: a Brief Report. «Iran», VI, 1968, стр. 142.

[3] R. L. Raikes. Environmental Studies at Shahr-i Sokhta. Forth — Coming on EW.

[4] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

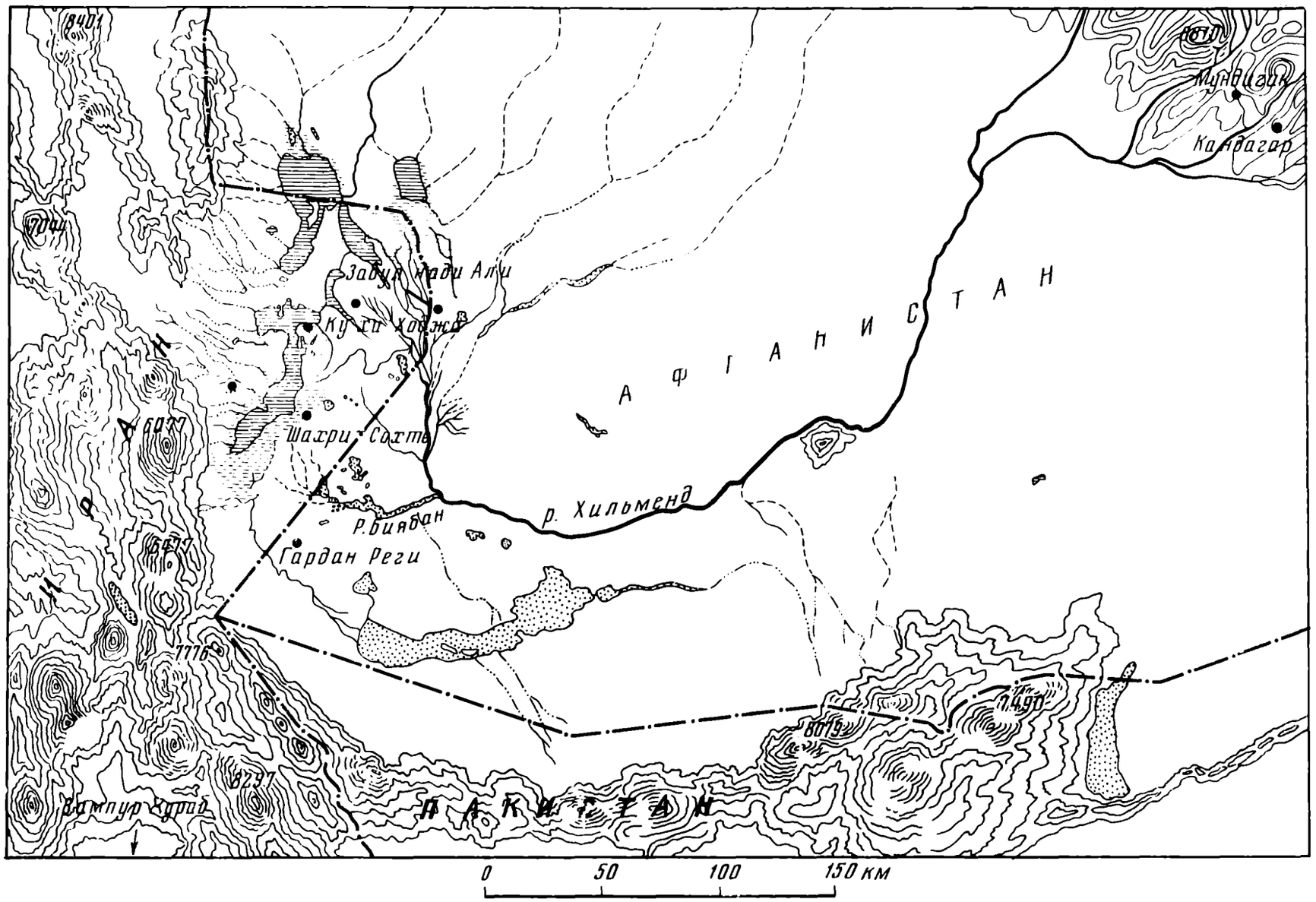


Рис. 1. Сеистан и бассейн р. Хильменд

часто, что обуславливало совершенно новую дислокацию поселений в каждом случае. В Сеистане такие перемещения, безусловно, носили гораздо более скромные масштабы. Не исключено, что данный процесс уже завершился к 500 г. до н. э., когда в окрестностях современной деревни Калан Нау был выстроен главный город эпохи государства Ахеменидов [5]. Через несколько веков, возможно по этой же причине, город был покинут жителями [6]. Безусловно, перемещения реки неоднократно имели место и позднее, вызывая, однако, не столь массовые переселения.

Шахри-Сохте

Возвращаясь из своего легендарного путешествия по Центральной Азии в 1916 г., А. Стейн проделал первое археологическое обследование Сеистана [7]. Хотя Стейн находился в этом районе всего две недели, он сразу оценил его значение и позднее опубликовал первую археологическую карту Сеистана, где отметил скопления доисторических курганов (тепе) вокруг населенных пунктов Рамрод и Тасуки у западного края прежнего русла р. Хильменд — Руди Бийябан [8]. Уже в то время стало ясно, что эти городища, на которых обнаружена расписная керамика, относятся к эпохе, в которую здесь проходила главная протока большой реки. Действительно, они распределяются между расположенной южнее Руди Шелаг и южной границей затопляемой в половодье территории вокруг оз. Хамуни-Хильменд [9]. Здесь мы и обнаруживаем Шахри-Сохте — очень большое поселение, к которому, по-видимому, раньше подходил один из рукавов прежней дельты, проходивший на расстоянии всего лишь каких-то двух километров от восточной протоки [10].

Между Шахри-Сохте и прилегающим к Руди Шейлаг районом Рам Род цепочкой располагается более трех десятков городищ бронзового века, которые легко опознаются по своеобразной раскрашенной керамике. Первым из них Стейн посетил Шахри-Сохте, где на него произвели большое впечатление не только размеры городища, но и его сразу же бросившаяся в глаза отличительная черта — толстый слой черепков и других материалов, покрывающий площадь, почти равную квадратному километру. Этот факт внушил Стейну и посещавшим данный район после него ученым мысль о том, что здесь имели место интенсивное выветривание и, хотя и в меньшей степени, паводковая эрозия, почти полностью уничтожившие остатки зданий и превратившие ценные в археологическом отношении отложения в простую кучу битых горшков [11]. Далее мы увидим, что эта гипотеза Стейна оказалась неточной, по крайней мере частично.

Шахри-Сохте не является тепе в прямом смысле этого термина: поселение образовалось на вершине плоской естественной речной террасы на высоте около 10 *м* над уровнем озера.

На первый взгляд городище похоже на усеянное развалинами широкое поле с почти плоским возвышением, рассеченным в верхней его части прорытыми водой руслами ручьев, причем вода не пощадила и склонов холма. И все-таки эрозия была не столь интенсивной, как полагал Стейн, поскольку

---

[5] U. Scerrato. Excavations at Dahan-i Chulaman (Seistan — Iran). First Preliminary Report. EW, 16, 1966, стр. 9—30. G. Gnoli. Richerche Stoyiche nel sistan Antici. Ismeo Rep. Mem., Roma, 1967, стр. 103—108.

[6] U. Scerrato. Excavations..., стр. 10.

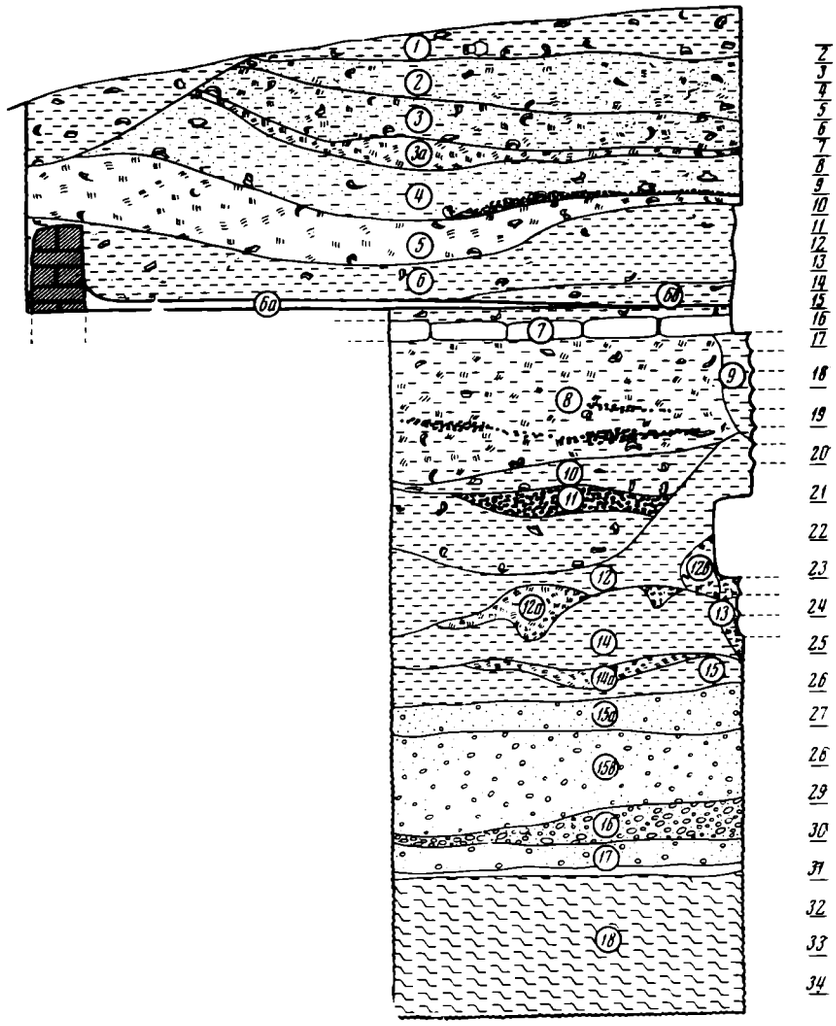
[7] A. Stein. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran, 4. Oxford, 1928, 11.

[8] A. Stein. Ук. соч., карты C и D в «Приложении».

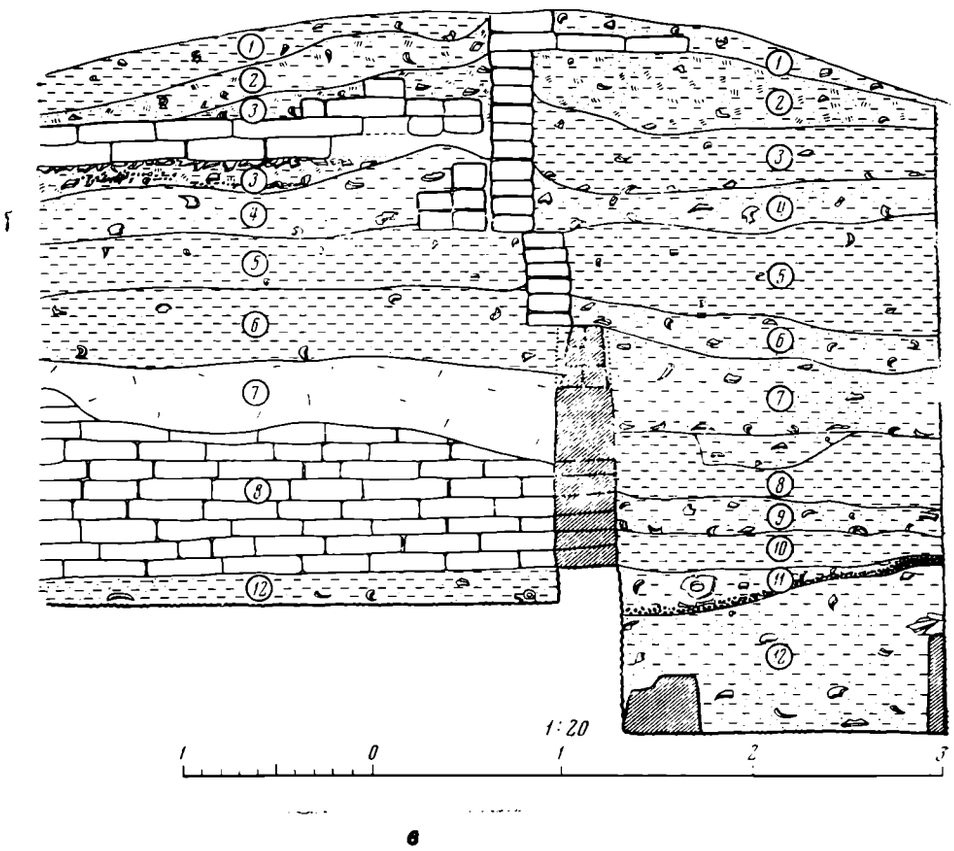
[9] W. A. Fairservice. Archaeological Studies in the Sistan Basin of South Western Afganistan and Eastern Iran. APAM NH, 48, 1961, стр. 1—128, рис. 49.

[10] M. Tosi. Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sisten Preliminary Report of the First Campaign. October, стр. 11—13.

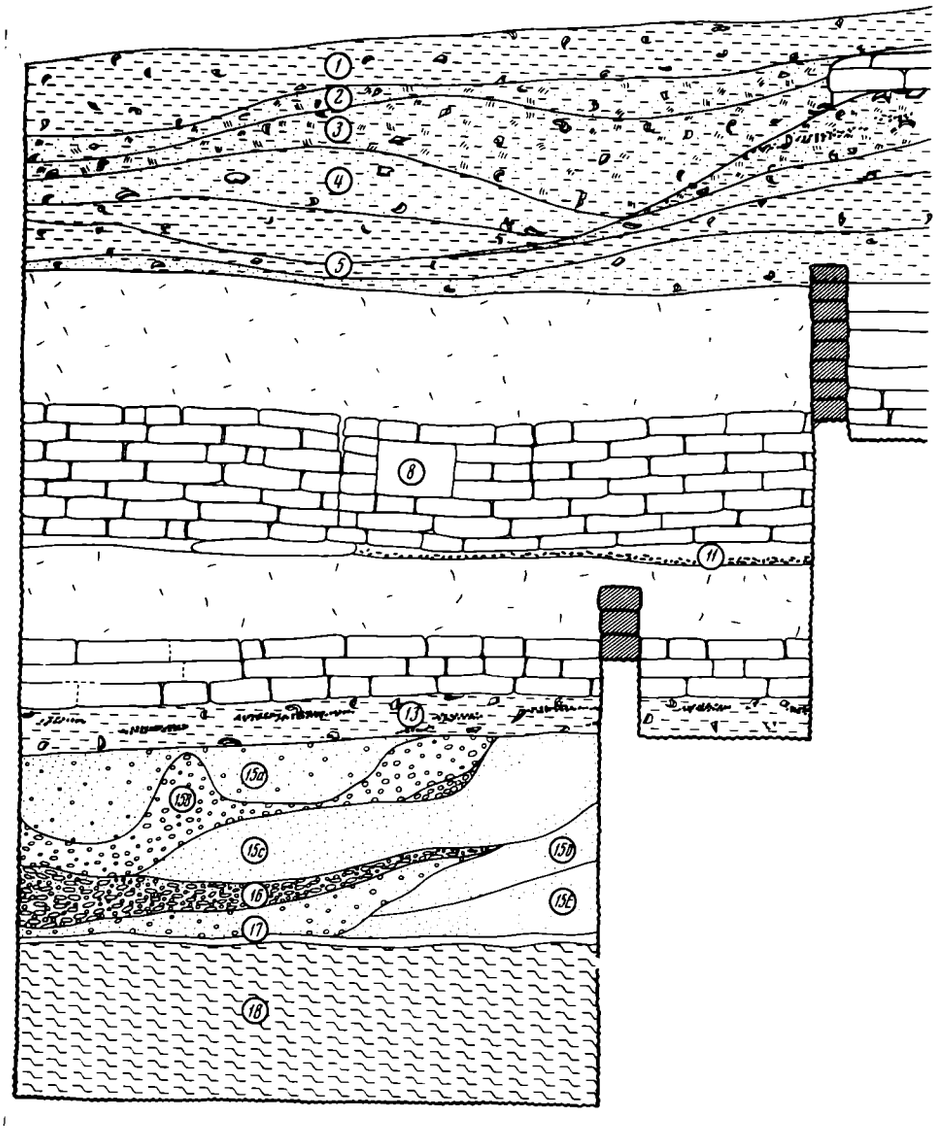
[11] A. Stein. Ук. соч. II, стр. 954.



а



б



б

Рис. 2. Шахри-Сохте. Широтное сечение комнат I, II, III периодов

ку ее разрушительное действие тормозилось засушливым климатом этих мест и безлюдьем, наступившим после передвижения русла реки, а также интенсивным выделением (вследствие быстрого испарения) соли, покрывавшей развалины зданий прочной коркой и тем самым предохранившей их от выветривания и замедлившей процесс разложения, вызываемый влагой. Это не только дало возможность уцелеть зданиям, но и нередко в значительной мере сохранило такие крайне непрочные материалы, как дерево, ткани, краски и т. д.

О местонахождении засыпанных зданий частично можно судить по небольшим неровностям на поверхности холма, а также по разнице в степени засоленности почвы, чем мы и руководствовались при выборе участков для раскопок [12].

Раскопки начались осенью 1967 г. и продолжались в течение двух последующих лет. Инициатива раскопок исходила от президента итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (Is MEO) проф. Джузеппе Туччи, который совместно с директором Национального музея восточного искусства доктором Доменико Фаценна непрестанно оказывали нам поддержку, помогал советами и заботился о нас. С экспедицией постоянно сотрудничала Археологическая служба Ирана, в частности ее директор доктор А. А. Пурманд; каждый год представитель этой организации участвовал в раскопках.

[12] В. М. Массон. Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане. СА, 1968, 2, стр. 247.

В качестве объекта раскопок была выбрана ровная площадка на северо-восточном склоне холма, сравнительно слабо поврежденная водной эрозией. К концу третьего сезона раскопок, в декабре 1969 г., была вскрыта поверхность на площади около 2000 $м^2$. Здесь была обнаружена застройка, состоящая в основном из трех групп зданий, по-видимому городских кварталов, отделенных друг от друга узкими извилистыми улочками шириной около 3 *м*. При раскопках во многих местах достигнут ненарушенный естественный уровень грунта, что позволило определить стратиграфическую последовательность. Здесь различаются три периода заселения, каждый из которых можно в свою очередь подразделить на ряд более коротких этапов [13].

Расширение раскопок на данном участке позволило нам сделать его основным источником сведений не только о стратиграфической последовательности, но также и о всем комплексе материальной культуры этого города в периоды, обозначенные как I, II и III.

Чтобы окончательно уточнить периодизацию, осенью 1968 г. была вырыта глубокая траншея вдоль края террасы, на 220 *м* южнее. Здесь нетронутый слой грунта обнаружен на глубине 7,5 *м*. Обнаружены те же три последовательных периода. Затем для исследования структуры грунта траншею заглубили еще на 3 *м* в слой, не содержащий культурных остатков. Установлено, что здесь располагаются аллювиальные осадочные породы — гравий, песок и глина (рис. 2).

В течение археологического сезона 1969 г. при раскопках большого здания площадью около 600 $м^2$, являющегося в настоящее время самой высокой точкой Шахри-Сохте, обнаружены остатки IV периода в истории города.

Топографические данные говорят о том, что город, по-видимому, занимал примерно половину естественного плато. Действительно, остатки стен и сплошной покров из черепков глиняной посуды обнаруживаются внутри треугольника с вершинами в крайних северо-западной, северо-восточной и юго-восточной точках плоского холма. В настоящее время размеры города оцениваются примерно в 1000×900 *м*; такая большая площадь застройки ставит Шахри-Сохте в ряд крупнейших поселений бронзового века в Юго-Западной Азии.

Хронологическая последовательность культур

Мы уже говорили о том, что, согласно нашей реконструкции истории города на основе стратиграфических данных, выделяется четыре периода, каждый из которых можно подразделить на различное число этапов. Хотя точная хронологическая датировка еще не завершена, она будет вскоре выполнена Геохимическим институтом Римского университета, мы уже сейчас можем, исходя из некоторых сопоставлений, датировать существование города 2800—1800 гг. до н. э.

Период I — поздний халколит

Остатки этого периода обнаружены в нижних слоях траншеи. Немногочисленные фрагменты стен этого периода не позволяют реконструировать планировку сооружений. Строители использовали необожженные кирпичи размером $40 \times 20 \times 10$ *см*, характер кладки которых вполне сходен с применявшимся в течение последующих периодов.

Основная особенность этого периода — керамика buff pottery. Как правило, она тщательно изготовлена и имеет орнамент с геометрическими мотивами, в котором явное предпочтение отдается двуцветным контрастам и симметричным повторяющимся рисункам (рис. 3). Наиболее распространенная форма — слегка расширяющиеся к середине миски и горшки, не-

[13] M. Tosi. Excavatons at Shahr-i Sokhta; Second Preliminary Report. Forthcoming on EW, 19, 1969.

сколько приплюснутые в верхней части. По форме и типам орнаментации посуда этого периода близко напоминает керамику периода Намазга III Южной Туркмении, особенно геоксюрской культуры, обнаруженной В. И. Сарианиди [14] в восточной части Каракум. Эта интересная связь далее прослеживается и в соседних областях — Кандагар-Мундигак III [15], Кветта — культура Кечи-бег [16], что, несомненно, даст нам отправную точку для выяснения происхождения культур пограничных районов Индии и Ирана.

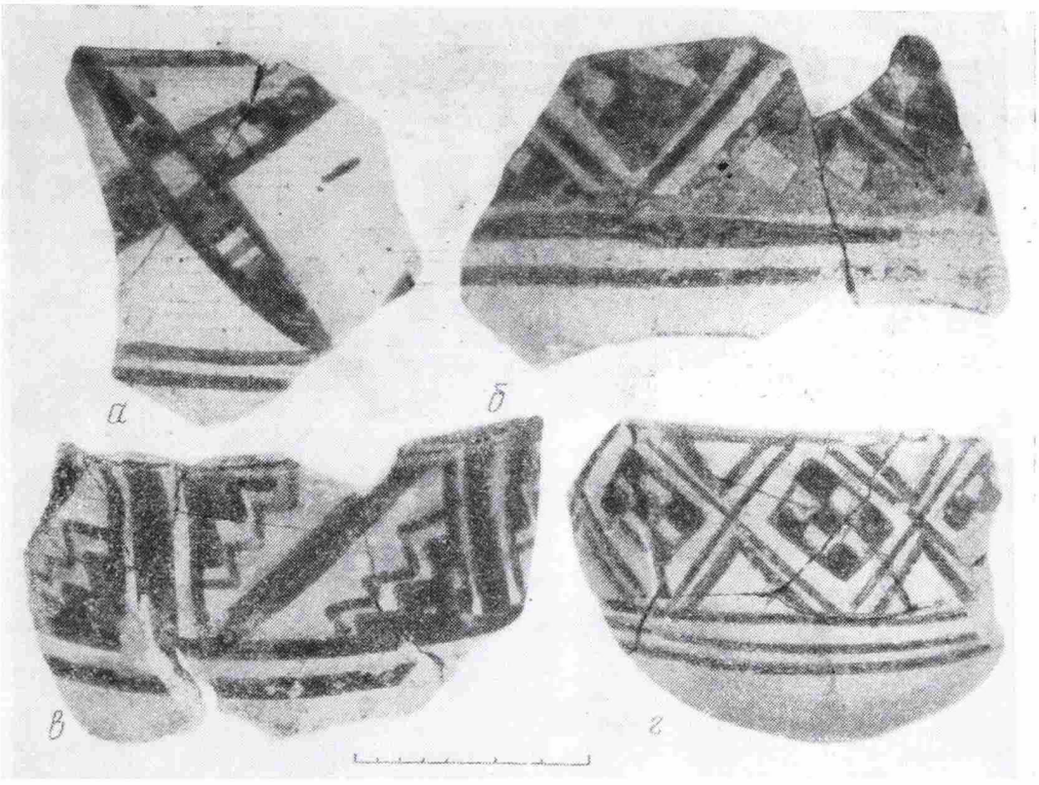


Рис. 3. Шахри-Сохте. Керамика периода I

Наряду с buff pottery мы находим тонкостенную серую керамику открытых форм. Она обнаружена на очень значительной площади, простирающейся от Бампурской долины, где Стейн нашел много остатков этой посуды, до могильников Хураба [17] и Кветты, где Фэрсервис дал ей наименование «серой посуды Фаиз Мохамеда» [18]. В слоях Шахри-Сохте эти изделия встречаются вплоть до конца III периода и пропадают одновременно с исчезновением традиции изготовления окрашенной керамики, уступающей место одноцветной глиняной посуде, изготовленной на гончарном круге быстрого вращения.

Связи с Южной Туркменией подтверждаются также антропоморфными фигурками, сильно стилизованными, в сидящей позе, найденными в большом числе в обоих упомянутых районах. К числу наиболее интересных находок относятся три оттиска цилиндрических печатей, весьма похожие на изготавливавшиеся в Месопотамии в IV и III тысячелетиях до н. э. Эти находки ставят перед нами вопрос о связях с западом, которых мы вкратце коснемся на последних страницах данной статьи.

---

[14] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965.

[15] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. Paris, 1961.

[16] W. A. Fairservice. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. APAMNH, 45, 1956, стр. 259, рис. 53.

[17] A. Stein. Archaelogical Reconnaissance in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, стр. 118—125.

[18] W. A. Fairservice. Ук. соч., стр. 263, рис. 55.

Периоды II и III — ранний и средний бронзовый век

Эти два периода образуют единый культурный комплекс и различаются лишь по изменениям в архитектуре, в меньшей мере по степени устойчивости традиций более раннего периода в слоях более позднего. В частности, в производстве керамики медленно, но верно продолжается дальнейшее совершенствование образцов халколитического времени, которые приобретают все большее разнообразие и четкость декоративного оформ-

Рис. 4. Шахри-Сохте. Вид городской застройки II и III периодов

ления; внутри каждого типа изделий все более усиливается стандартизация формы и декоративной тематики. Этот процесс является отражением и дальнейшим развитием традиции, зародившейся еще у общинников эпохи халколита и получившей завершение в первых городах, где рост населения и расширение рынка требовали непрерывного расширения производства, в данном случае керамических изделий.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о протогородском периоде получены в основном при раскопках плоского участка на восточном склоне холма, площадь которого составляет около 2000 $м^2$. В 1968 г. была вскрыта интенсивно застроенная часть центрального «ядра» города, состоящая из четырех прямоугольных зданий. Каждый дом имел от шести до десяти прямоугольных и квадратных комнат, разделенных перегородками. Перегородки настолько хорошо сохранились, что ко времени окончания раскопок их высота составила более 3 *м*. В это время завершились раскопки северо-западного здания «ядра», которое представляет собой комплекс, где отлично сохранились двери, окна, лестницы и некоторые другие детали архитектурного оформления. По-видимому, с момента по-

стройки этот дом несколько раз перестраивался и расширялся: удалось выделить пять таких, не вызывающих сомнения, этапов.

Первоначально здание имело в плане квадратную форму и разделялось на четыре почти симметричные комнаты (фаза II*а*). Позднее были внесены некоторые изменения: часть комнат была перегорожена (фазы II*б* и III*а*), а с восточной и южной сторон сделаны пристройки (фаза II*в*). Уже судя по данным древнейшего периода, в доме почти наверняка имелся второй этаж или терраса, куда вело не менее двух лестниц, сложенных

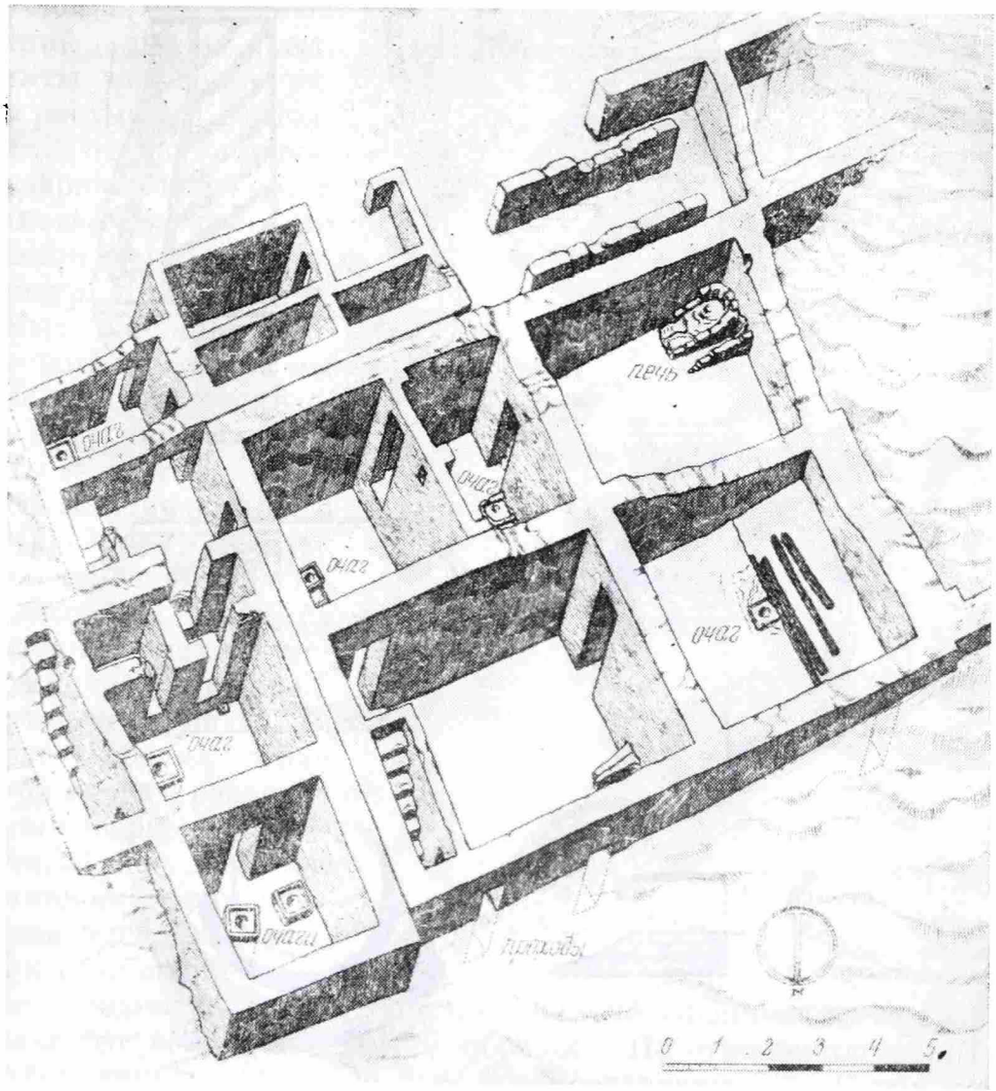


Рис. 5. Шахри-Сохте. «Дом с лестницами», изометрия

из необожженного кирпича, из-за чего мы и назвали это здание «Домом с лестницами» (рис. 5).

Постепенное накапливание мусора снаружи дома и внезапные вторжения потоков грязи при ливнях вынуждали жителей Шахри-Сохте, так же как и население Месопотамии и долины Инда, подгонять высоту пола в домах к уровню улицы: для этого стены надстраивались дополнительными рядами необожженного кирпича, порог поднимали на соответствующую высоту, прорубали новые двери и строили новые очаги.

Для искусственного повышения уровня пола каждый раз комнаты засыпали на различную высоту землей и обломками необожженных кирпичей. Применение этого дешевого и остроумного метода позволило нам обнаружить огромное количество керамики. Впоследствии большая часть помещений была повреждена в результате естественных процессов дефляции.

Фактически степень сохранности такова, что в комнате LXIX, находящейся в прилегающем к «Дому с лестницами» «ядре», все сохранилось полностью — от служивших стропилами крыши обгоревших и сломанных бревен, покрывавших стропила циновок крыши и циновок, которые укладывали под глиняную штукатурку стен для отвода влаги, и до древнего замощения пола и очага.

Весьма любопытной архитектурной деталью, обнаруженной при раскопках «Дома с лестницами», является своеобразный дверной подпятник

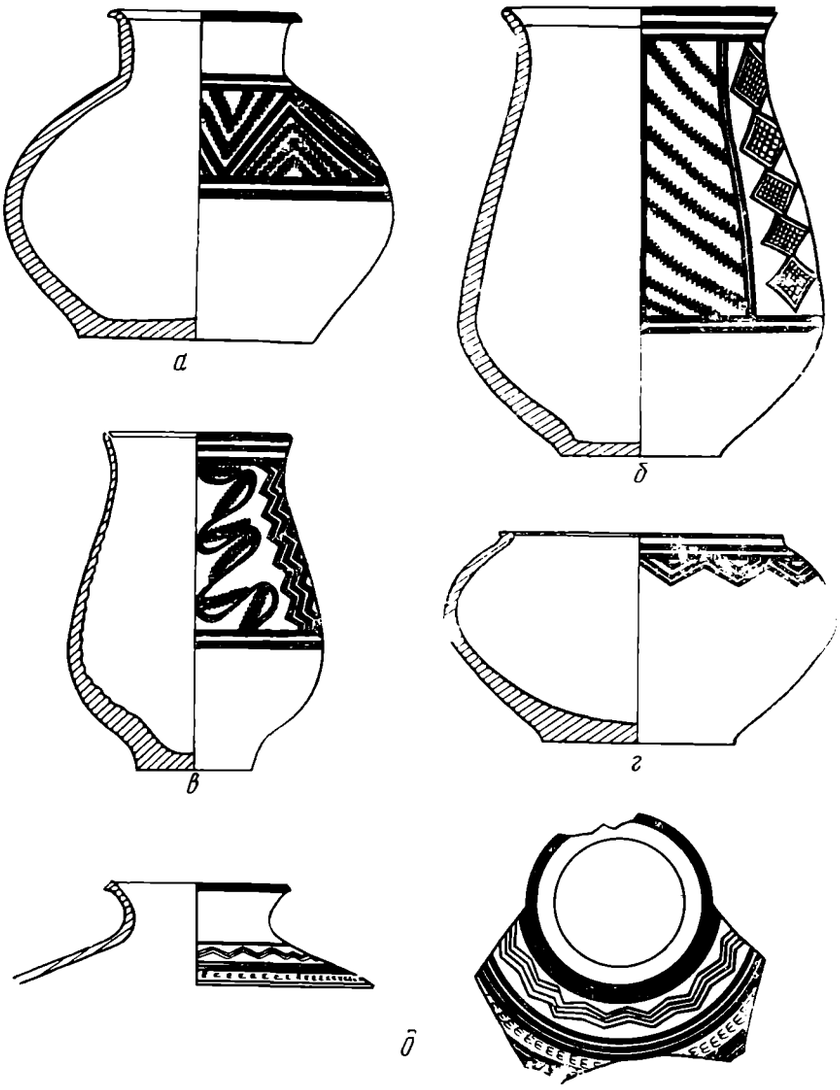


Рис. 6. Шахри-Сохте. Керамика II и III периодов

от южной двери XXIX комнаты; он представляет собой деревянный брусок, вставлявшийся в раму из необожженной глины у уровня пола.

В 1969 г. работы возобновились на участке, непосредственно примыкающем к «Дому с лестницами». Поставленная задача — раскопать прилегающее здание — была выполнена к концу сезона. Это здание также оказалось прямоугольным в плане и разделенным на десять почти прямоугольных комнат. Основной характерной чертой данного дома является тип фундамента, за что он и получил название «Дома с фундаментами». Хотя он расположен рядом с «Домом с лестницами», здесь картина совершенно иная. В первом отмечено четыре этапа (II*a* — II*d*), различающиеся по возвышению стен и пола над искусственным земляным замощением с включением кирпича и многочисленных черепков; во втором же мы видим незначительную земляную засыпку и непрерывные изменения в планировке. Здесь обнаружены остатки двух последовательно выстроенных на одном и том же месте зданий; при постройке более позднего, стены его предшественника были снесены более чем наполовину, а фундамент но-

вого дома был сделан настолько глубоким, что покоился на полу прежнего сооружения. Другими словами, этим эффективным и оригинальным методом был образован ряд высоких и массивных опорных столбов, скрепленных со старыми стенами.

Пропадает двухцветная керамика, типичная для I периода, и остается всего лишь две категории — серая и buff pottery, причем последней гораздо больше — около 85%. Обнаружено около 40 форм, относящихся в большинстве к трем основным группам — миски, чаши и горшки. Рельефных украшений почти нет. Фрагменты керамики украшены рисунками, выполненными темно-коричневой и черной краской; в большинстве случаев это композиции геометрических фигур. Кроме многочисленных вариаций геометрического характера мы находим сильно стилизованные натуралистические элементы — листья, козы, дикие ослы, птицы, змеи и рыбы (рис. 6*а* — *е*). Как правило, отмечается большая свобода выбора декоративного стиля и мотивов, типичных для предшествующего периода.

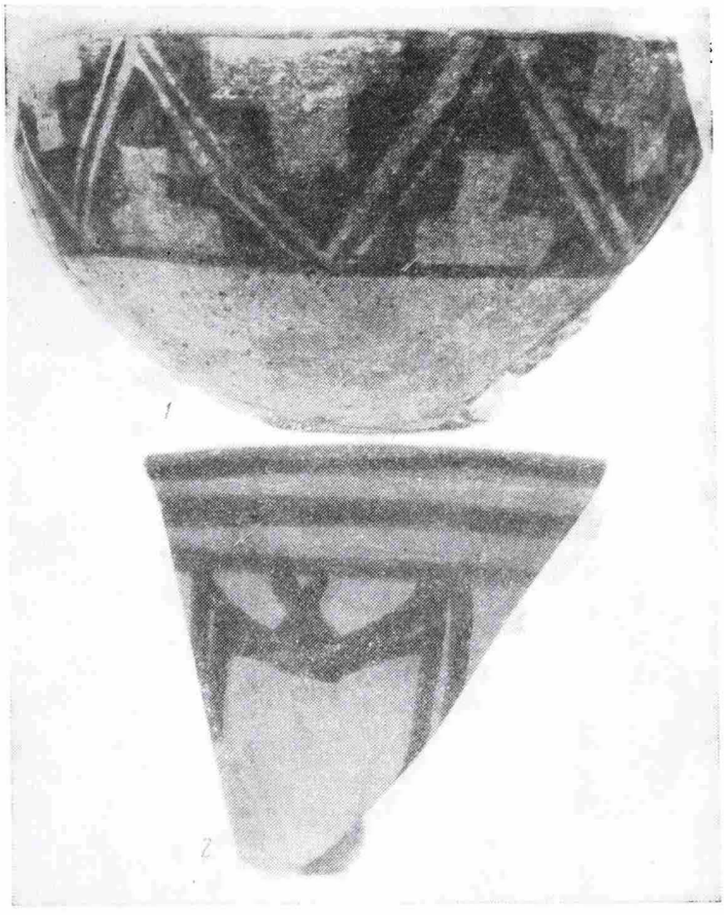


Рис. 7. Шахри-Сохте

1 — расписной сосуд типа Намазга III; *2* — стилизованное изображение летучей мыши на фрагменте сероглиняной чаши

В изготовлении серой гончарной посуды развитие пошло по совершенно иному пути. Здесь диапазон декоративной орнаментировки значительно шире, однако, к сожалению, аналитическая дешифровка тематики пока еще не закончена из-за сравнительно небольшого количества целых образцов. По отношению к buff pottery хорошо сохранившиеся серые черепки составляют 5%. Серая керамика формовалась на гончарном круге из хорошо отмученной глины, после чего залащивалась деревянным бруском и обжигалась в печи при постоянной высокой температуре, что делало глиняные изделия почти аналогичными фарфоровым. Судя по некоторым остаткам серой посуды, раскрашивавшие ее художники пользовались самыми разнообразными и утонченными стилями; один из примеров этого рода нам дает нанесенный по верхнему краю чаши небольшой рисунок летучей мыши с оригинально стилизованным телом (рис. 7).

И, наконец, заслуживают упоминания керамические сосуды с чрезвычайно редкой многоцветной росписью. Красная, синяя, белая и желтая роспись, выполненная минеральными красителями, нанесена на сосуды закрытых форм, например шаровидные горшки.

Глиняные статуэтки, изображающие людей и животных, представляют собой, как в количественном, так и в качественном плане, один из самых интересных видов пластики, созданных данной цивилизацией: образ создается всего лишь несколькими штрихами, придающими мягкой глине столь выразительные формы, что они нередко поражают своим совершенством. Из слоев II и III периодов их извлечено более 300; из них 80% —

фигурки зебу (рис. 8) и кабана, но имеются также изображения кошек, овец, мышей и онагров (ослов), у одного из которых виден наброшенный на спину чепрак (рис. 8, *1*). Сосуды, которым приданы формы животных, большей частью зебу, представляют особый интерес и как оригинальная посуда, и как произведения искусств. Наиболее выразительный из них обнаружен в слое, соответствующем началу периода II (рис. 8, *2*).

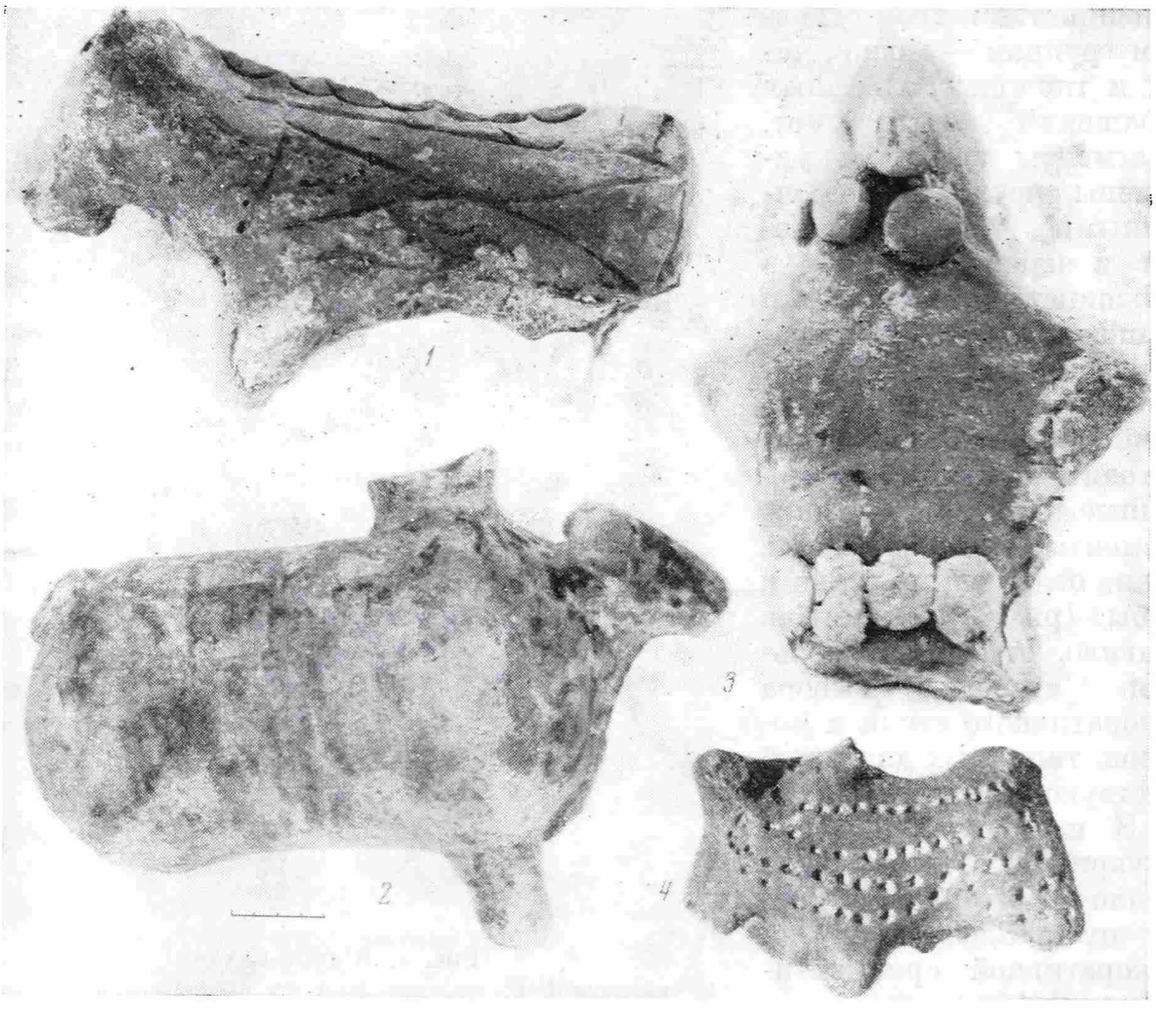


Рис. 8. Шахри-Сохте

1 — фигурка дикого осла, на спине изображен, вероятно, чепрак; *2* — сосуд в форме быка, начало II периода: *3* — антропоморфная фигурка; *4* — статуэтка-зебу

К другому виду находок, которые после соответствующего изучения позволят судить о характере и масштабах связей Сеистана с окружающими областями, относятся печати. Все они принадлежат к типу перегородчатых. Обычным материалом для их изготовления является бронза, фрагменты каменных сосудов, алебастр, кость и керамика. Некоторые из них имеют более 12 *см* в диаметре (рис. 9, *1*).

Нет нужды перечислять все разновидности найденных предметов. Ограничимся лишь заявлением о том, что их множество и они отлично сохранились, что позволяет реконструировать различные способы изготовления, особенно гончарной посуды, каменных ваз и полудрагоценных камней, благодаря обнаружению значительной части использовавшихся для этих целей инструментов.

Изучение обработанных в Шахри-Сохте полудрагоценных камней позволит расширить наши знания о торговых путях, по которым этот популярный товар путешествовал в бронзовом веке по южной части Центральной Азии. Обнаружено большое количество лазурита, бирюзы, сердолика

и нефрита; ни один из этих минералов не мог добываться в Сеистане, где встречаются (в находящихся неподалеку горах Куча и руслах некоторых рек) базальт, алебастр и кварц. Особенно много найдено лазурита — 80% в виде зерен, чешуек и других отходов, свидетельствующих об интенсивной обработке этого камня. Из Бадахшана эти камни могли доставляться по долине р. Хильменд [19]. Вполне возможно, что Шахри-Сохте являлся

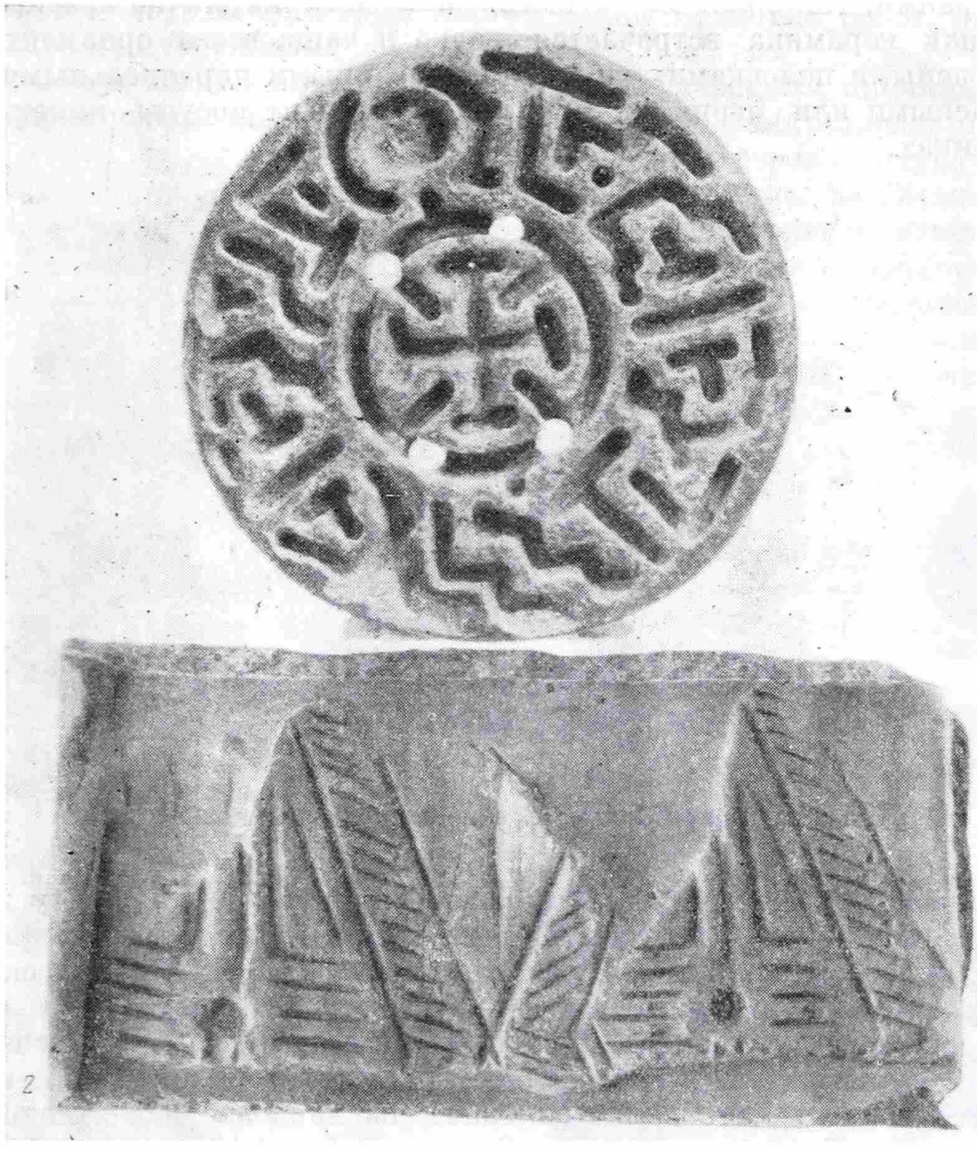


Рис. 9. Шахри-Сохте

1 — круглая печать из стеатита; *2* — оттиск цилиндрической печати типа Джемдет Наср

рынком и центром их обработки и был связан с пунктами массового потребления, находившимися в Месопотамии. Одним из аргументов в пользу такого предположения служит находка (1967 г.) изготовленной в Месопотамии цилиндрической печати эпохи Джемдет Наср (рис. 9, *2*).

Материалы из раскопок в Шахри-Сохте позволяют косвенно проследить связь между установленными нами периодами с периодом Намазга IV истории Туркмении и непосредственные связи с периодом Мундигак IV и стадиями I—IV Бампурского периода истории Иранского Белуджистана. Сходство наших находок с предметами, обнаруженными в двух последних районах, поразительно.

---

[19] G. Herrmann. Lapis Lazuli; the Early Phases of its Trade. Iraq, XXX, 1968, стр. 21—57; В. И. Сарианиди. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке. КСИА АН СССР, 114. 1968. стр. 3—9.

Период IV — поздний бронзовый век

Этот период, обнаруженный в течение археологического сезона 1969 г., характеризуется почти полным исчезновением традиции изготовления расписной керамики в результате появления гончарного круга быстрого вращения, а также очевидным совершенствованием форм, их изящества и пластичности. Для новых форм типичны четкие очертания с подчеркнутыми краями, глиняная масса имеет buff или кирпично-красный цвет. Расписная керамика встречается редко и чаще всего орнаментирована либо красными полосками, либо заполированными параллельными линиями красными или черными. Небольшой процент посуды имеет роспись на плечиках.

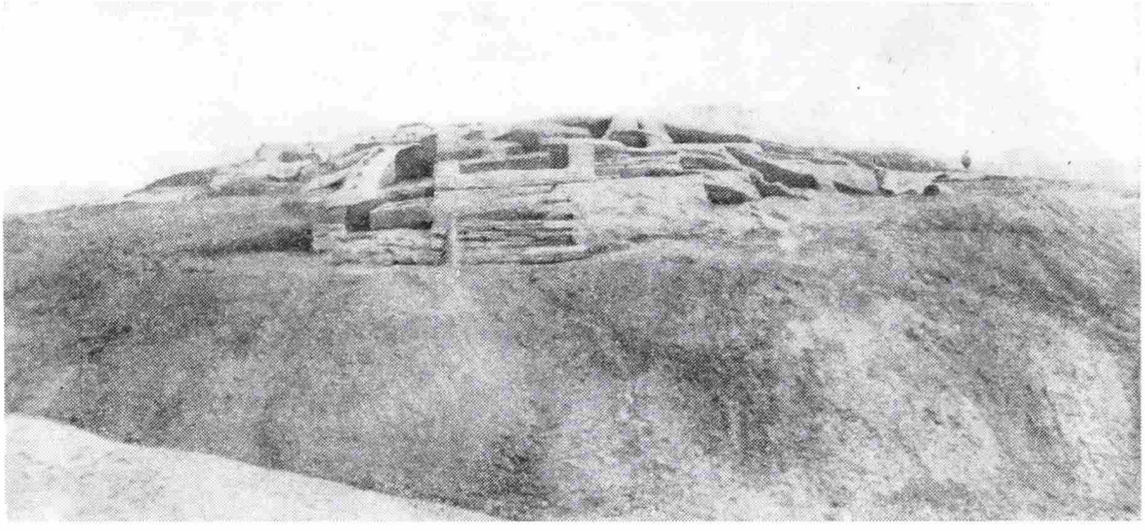


Рис. 10. Шахри-Сохте. «Сожженный дворец», вид с запада

Несмотря на все перечисленные существенные изменения, у нас сложилось впечатление о своеобразной культурной преемственности между данным периодом и предшествующим, прежде всего в керамических формах и традициях металлургического производства.

Интерес к данному периоду усиливается еще и тем, что в течение последнего сезона раскопок было полностью вскрыто внушительное архитектурное сооружение, что является одним из наиболее впечатляющих результатов наших исследований в Сеистане (рис. 10). Здание занимает площадь более 500 $м^2$, его мощные стены выложены из сырца (размеры кирпичей около 50 × 20 × 10 *см*) и сохранились в высоту более чем на 3 *м*. К сожалению, с трех сторон здание сильно разрушено по периметру, но внутри превосходно сохранилось: со стен даже не осыпалась штукатурка, в целости сохранилось замощение полов, и это несмотря на то, что соседние дома полностью обрушились.

В плане здание состоит из ряда квадратных и прямоугольных комнат и внешних коридоров, которые устроены в нарушение всех законов архитектурной гармонии и функциональной целесообразности, так как не группируются вокруг какого-либо одного помещения. Создается такое впечатление, как будто бы весь этот комплекс комнат и зал совершенно непродуман. Узкий коридор проходит вдоль наружной стены: он, очевидно, позволял сократить путь при проходе через весь дом. Благодаря своим внушительным размерам прямоугольные двери кажутся монументальными, глиняные пороги имеют высоту около 15 *см*. На открытый верхний этаж-террасу вели две лестницы, в которых каждая ступенька была укреплена деревянным бруском, вставленным в проделанные по краям лестничной клетки углубления.

Стратиграфически это сооружение покоится на останках своих предшественников периода III, для которого характерны достаточно широко известные «buff», серые и гончарные изделия с черным орнаментом. Фундамент здания заглублен в слой предшествующего периода на глубину около 80 *см*, и планировка на уровне первого этажа приспосабливалась, по-видимому, к ранее существовавшей лишь в самой незначительной степени. В нашем здании IV периода заметны признаки лишь одного этапа строительства, хотя в некоторых местах видны признаки работ, предпринимавшихся для укрепления дома.

Разрушение здания вызвано явно катастрофическими причинами: повсюду видны следы сильного пожара, полностью уничтожившего дом — обгоревшее дерево, штукатурка и замощение пола, разбитые in situ сосуды и амфоры и, наконец, человеческий скелет, обнаруженный на полу одной из комнат в северной части дома. Кости скелета полностью обуглились, по-видимому, вскоре после смерти человека. Останки лежат в окружении различных сосудов периода IV, в правой руке все еще зажат пестик.

Рис. 11. Шахри-Сохте. Бронзовая статуэтка женщины с кувшином на голове

Рис. 12. Шахри-Сохте. Фрагмент декоративной тарелки с изображением человека

Для материальной культуры данного периода типично появление печатей нового вида, почти всегда глиняных и антропоморфных фигурок, в некоторых случаях с весьма оригинальной крестообразной формой тела.

На основании керамики, найденной в разрушенном слое, можно отнести «Сожженный дворец» к началу II тысячелетия до н. э. Можно усмотреть прямое сходство с фазами V—VI Бампурской стратиграфии [20] и да-

[20] B. de Cardi. Ук. соч., стр. 145—148, рис. 10—12.

же с Умман Нар (бераймийская культура) противоположного побережья Персидского залива, остатки которой обнаружены на полуострове Оман [21].

Введение гончарного круга быстрого вращения в совокупности с почти полным исчезновением раскрашенной керамики и монументальным архитектурным стилем сильно напоминает период Намазга V в Туркмении [22]. Как здесь, так и там видны несомненные доказательства упадка городской цивилизации бронзового века.

В городе, несомненно, имелись водоотводные устройства (возможно, элементарная канализационная система), что подтверждается обнаружением примерно в 400 *м* от «Дома с лестницами» пятиметрового участка трубы из терракоты, сделанной из метровых отрезков круглого сечения с соединительной муфтой на концах. Обнаруженная здесь же керамика позволяет датировать эти трубы периодом III, однако вполне возможно, что они использовались и в течение последующего периода.

Некоторые чрезвычайно интересные предметы, найденные на поверхности, пока не удалось отнести ни к одному из упомянутых четырех периодов истории Шахри-Сохте.

«Женщина с вазой» — изящное изображение в бронзе женщины, несущей на голове кувшин с низким горлышком, который она поддерживает левой рукой (рис. 11). Высота статуэтки 29 *см*. Женщина одета в длинную тунику и держит правую руку посредине между маленькими грудями, волосы ее собраны на затылке в круглый пучок, у нее большие глаза и крупный с маленькой горбинкой нос. Мы склонны считать эту статуэтку местным произведением II или III периода. С другой стороны, в ней наблюдаются явные черты сходства с иконографическими произведениями раннединастической Месопотамии, что представляет в некотором роде намек на пути дальнейших исследований [23].

Связь с иконографическими произведениями Месопотамии ощущается также в терракотовой декоративной тарелке, на которой изображен длинноволосый человек вправо; в руке он держит какой-то предмет, который некоторые ученые (в том числе Ж. Дюшесне-Гиллемен и В. Хинц) склонны считать арфой (рис. 12). Все это дает обнадеживающие перспективы для будущей исследовательской работы, и мы уверены, что они заинтересуют не только ученый мир, но и самую широкую публику.

M. Tosi

«LE SÉISTAN À L'AGE DE BRONZE. LES FOUILLES À SHAKHR-I-SOKHTA»

Résumé

Les fouilles à Shakhr-i-Sokhta mettent à la disposition des savants un matériel tout à fait nouveau. La division en périodes I — IV est particulièrement importante car le système chronologique établie est, en fait, l'unique qui existe pour le Séistan iranien. Les rapports culturels et historiques révélés qui relient le pays en question à la Mésopotamie et à la Turkménie du Sud revêtent le plus d'importance.

---

[21] K. Thorvildsen. Burial Cairns of Umm an Nar. Kuml. 1962, стр. 191—219, рис. 20.

[22] А. Ф. Ганялин. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-Тепе. СА, 1967, 4, стр. 207—219. В. М. Массон. Ук. соч., стр. 248.

[23] M. Dushesne-Guillemin. La Harpe à Plectre Iranienne: son Origine et sa Diffusion. JNES, 28, 1969, стр. 109—115.

П. М. КОЖИН

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ В МОГИЛЬНИКЕ ОКУНЕВ УЛУС

Могильник Окунев улус [1] дал название вновь выделенной окуневской культуре [2]. Анализ керамики этого памятника предопределил и место окуневской культуры в шкале относительной хронологии культур эпохи бронзы Хакасско-Минусинских степей.

Могильник Окунев улус описан очень подробно [3]. Поэтому рассмотрю лишь моменты, непосредственно связанные со стратиграфией, а тем самым и с относительной хронологией погребений. По заключению М. Н. Комаровой, курган над этим кладбищем образовался в результате слияния насыпей, перекрывавших первоначально каждую из могил. Однако последовательность захоронений по стратиграфии насыпей не была установлена в процессе раскопок и стратиграфические наблюдения могут быть сделаны лишь на основе соотношений каменных ящиков.

Основным материалом, определяющим культурную принадлежность данного памятника, является керамика. Сосуды обнаружены в трех могилах (№ 2, 7, 8). Малочисленность керамики — явление типичное для окуневских кладбищ, что подтверждается, в частности, материалами уникального и неопубликованного до сих пор памятника — Абаканского могильника у церкви, раскопанного в 1945 г. Саяно-Алтайской экспедицией под руководством С. В. Киселева [4]. Между могилами 2 и 8 устанавливается четкое стратиграфическое соотношение. Могила 8 вкопана в грунт. Погребение относительно богатое и, судя по рисунку и описанию, непотревоженное. С двух сторон на эту могилу «находят» более поздние могилы 5 и 6. Они также в каменных ящиках и, в свою очередь, вкопаны в грунт. Инвентаря там не обнаружено. Принадлежность могилы 5 к окуневской культуре подтверждается характером погребального обряда. В ней найдены кости трех-четырех разрозненных скелетов. Сама могила довольно узкая. Последовательное захоронение в узком каменном ящике нескольких погребенных характерно для окуневской культуры и отличает ее от афанасьевской, где коллективные захоронения располагаются в широких ямах и погребенные лежат не соприкасаясь друг с другом. В связи с этим нарушения костяков при многократных захоронениях в афанасьевских могилах более редки и менее значительны. Впрочем,

---

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947, стр. 47—59.

[2] Г. А. Максименков. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине. КСИА, АН СССР, 101, 1964; его же. Окуневская культура. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964; его же. Окуневская культура в Южной Сибири. Сб.: «Новое в советской археологии». М., 1965; Л. А. Иванова. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры. СЭ, 1966, 3.

[3] М. Н. Комарова. Погребения..., стр. 47—49.

[4] В. П. Левашова. Раскопки могильника в г. Абакане. Архив ИА, Р — 1, 1945, № 35; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 74—76.

принадлежность всех могил данного кургана к окуневской культуре подтверждается их специфическим взаимным расположением. Большая часть могил расположена в ряд, друг за другом, порой соприкасаясь короткими сторонами. Построение ряда могил вдоль их длинной оси очень редкое явление в культурах эпохи бронзы. Для окуневской культуры оно типично. Характерно также расположение могил под прямым углом друг к другу. К СВВ стенке могилы 5 пристроен стоящий на горизонте каменный ящик — могила 2. Разница между более ранним сосудом из могилы 8 и более поздним из могилы 2 очень показательна.

Тюльпановидная банка из могилы 8 [5] сплошь покрыта горизонтальными рядами частых вертикальных оттисков крупного гребенчатого штампа. По горлу проходит полоса довольно редкой наклонной решетки, выполненной тем же штампом. Дно покрыто бессистемными оттисками.

Сосуд из могилы 2 [6] резко отличается от предыдущего. Это банка меньшего размера со сравнительно прямыми, расширяющимися кверху стенками [7]. Ее сплошь покрывают узкие, равномерно оттиснутые, лощеные желобки, полукруглые в поперечном сечении [8]. По тулову они размещаются почти вертикально с легким наклоном вправо. В придонной части и по горлу желобки располагаются в несколько горизонтальных рядов. У основания придонной части желобки рассечены довольно частыми вертикальными насечками.

Различия между этими сосудами настолько значительны, что их можно систематизировать и, учитывая принадлежность сосудов к одному кладбищу, рассматривать такие различия как хронологический показатель.

Могила 7 расположена несколько в стороне от предыдущей группы могил и стратиграфически с ней не связана.

Сосуд из этой могилы [9] несколько отличается от сосуда из могилы 8. Горизонтальные ленты из вертикальных оттисков гребенчатого штампа покрывают всю его поверхность, включая горло. Венчик окаймлен насечками, подобными тем, которые нанесены на сосуде из могилы 2 вокруг придонной части. По дну вдоль его внешнего края проходит ряд коротких

---

[5] М. Н. Комарова. Погребения..., стр. 50, рис. 3, 6.

[6] Там же, рис. 3, 11.

[7] Переход от дна к стенкам крутой и четко выраженный, что не типично для окуневской керамики. У большинства окуневских сосудов толщина стенок и дна одинаковы: плоское дно образуется за счет уплощения первоначально округлого дна.

[8] Лощение желобков типично для андроновских сосудов, на окуневских же линии, напоминающие тонкий желобок, выполнены по принципу орнамента «отступающей лопаточки». Эта техника орнаментации, при которой благодаря частым вдавлениям палочки, поставленной наклонно к орнаментируемой поверхности, получаются сплошь углубленные желобчатые линии, свойственна культурам лесной полосы в неолитическую и бронзовую эпохи. В Сибири она восходит к позднему палеолиту: основной орнамент на крупной бляхе со стоянки Мальта выполнен посредством частых ударов, наносившихся массивным треугольным лезвием, поставленным наклонно к поверхности орнаментируемого бивня мамонта. Линии, выполненные таким способом, при поверхностном осмотре ничем не отличаются от резных (З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ — А 4—3. М.— Л., 1962, табл. 12). (Благодарю Н. К. Анисюткина за предоставленную возможность подробно изучить орнаментацию указанного предмета.) Возможно, что этот способ орнаментации берет свое начало от выполнения орнаментов по дереву. Характерно, что ряд сосудов из Черновой VIII украшен шахматным и треугольным мелким орнаментом, очень напоминающим узоры деревянных изделий. Отмеченное Г. А. Максименковым (Окуневская культура..., стр. 175) сходство окуневских скульптурных человеческих изображений с неолитической скульптурой более северных районов может быть распространено и на некоторые позднепалеолитические изображения человека (З. А. Абрамова. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л., 1966, табл. VIII, *2*, *3*).

[9] М. Н. Комарова. Погребения..., стр. 50, рис. 3, 13. Техническая характеристика окуневской керамики дана в статье Л. А. Ивановой (О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур. СА, 1968, 2, стр. 251—254). Следует лишь отметить, что при лепке окуневских сосудов применялся преимущественно не кольцевой, а спиральный налеп.

радпальных желобков. Профиль этого сосуда представляет промежуточную форму между тюльпановидными и прямостенными банками. Желобки на дне и вертикальные насечки сближают его по орнаментации с сосудом из могилы 2. Основная орнаментация сосудов из могил 7 и 8 близка орнаментальным композициям на большой серии сосудов окуневской культуры. Часто такая орнаментация сопровождается рядом решетчатых оттисков на горле сосуда. Типологически сосуд из могилы 7 занимает промежуточное положение [10] между сосудами из могил 8 и 2. Так как все они принадлежат одному и очень небольшому кладбищу, можно считать, что типология сосудов совпадает с их реальными хронологическими соотношениями.

Общий облик орнаментации сосуда из могилы 2 резко отличен от обычных окуневских орнаментальных схем. Если желобчатый орнамент по горлу периодически встречается на окуневских сосудах, то такой орнамент в придонной части — явление, для них чрезвычайно редкое. Выполнение же всей орнаментации желобками придает этому сосуду уникальный характер. В Хакасско-Минусинских степях желобчатая орнаментация часто встречается на керамике андроновской, карасукской и тагарской культур. Но лишь для андроновской керамики с ее стойкой традицией изготовления плоскодонных сосудов характерно применение орнамента из желобков в придонной части. Этот факт вынуждает вновь вернуться к гипотезе М. Н. Комаровой о генетической близости между памятниками «окуневского этапа», по ее терминологии, и андроновской культурой [11]. Однако исследования последних лет исключают возможность выводить все формы андроновской керамики из окуневских форм. Все без исключения признаки андроновской культуры свидетельствуют о том, что она сложилась не в Хакасско-Минусинских степях [12]. Не выдерживает критики и положение о том, что смена археологических культур во всех случаях является быстрым целенаправленным процессом, в котором изменения идут лишь в одном направлении, а также и о том, что черты и признаки предшествующей культуры могут переходить в последующую, даже если культуры не сосуществуют на каком-то этапе своего развития, а лишь следуют друг за другом во времени. Такое положение, постулированное при построении формальной хронологии памятников эпохи бронзы, могло существовать лишь в рамках стадиальной концепции, но по мере накопления материала реальные связи, установившиеся между памятниками, комплексами и даже культурами, вынуждают отказаться от него. В связи с этим сходство, отмеченное М. Н. Кома-

---

[10] Могила 7 находится на северном краю могильника и по своему положению (по отношению к основной группе могил) могла бы считаться наиболее поздней. Однако это вкопанная в грунт большая могила с несколькими захоронениями, и считать ее более поздней по сравнению с могилой 2, хотя и расположенной в центре, но стоящей на уровне погребенной почвы, нет оснований. Скорее, она более ранняя.

[11] М. Н. Комарова. Погребения..., стр. 51—54.

[12] По антропологическим данным пришлый характер андроновского населения Минусинской котловины установлен (Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. ИЭ, IV, М.— Л., 1948, стр. 70—76). Археологические подтверждения данного положения еще окончательно не систематизированы. Они основываются на различиях: а) в погребальных сооружениях и погребальном обряде между афанасьевской, андроновской и окуневской культурами; б) в традициях керамического производства и орнаментации керамики этих трех культур. Существенно, что ковровая орнаментация на андроновской керамике в бассейне Среднего Енисея представлена лишь усложненными поздними схемами (С. В. Зотова. Ковровые орнаменты андроновской керамики. Сб.: «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 177—180). Раскопки и разведки в Кемеровской области и на Алтае позволяют наметить путь продвижения андроновского населения на Енисей (М. Г. Елькин. Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса. Известия лаборатории археологических исследований. I, Кемерово, 1967. стр. 89—94; А. П. Уманский. Новые памятники андроновской культуры на Алтае. Там же, стр. 96—100; А. И. Мартынов. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье. Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964, стр. 227—245).

ровой, между окуневскими и андроновскими баночными сосудами [13] заставляет поставить вопрос о частичном сосуществовании в Хакасско-Минусинских степях окуневской и андроновской культур. Исходя из стратиграфии могильника Окунев улус, это сосуществование падает на время, близкое к завершению функционирования этого кладбища. Однако в целом ряде андроновских могильников (Орак и др.) встречаются параллельно с высококачественной андроновской горшковидной посудой грубые банки, покрытые крупным зубчатым штампом. Они напоминают некоторые образцы окуневских банок [14]. Это позволяет рассматривать процесс сосуществования этих культур как явление длительное, сопровождавшееся разнообразными взаимными влияниями. Такой вывод тем более вероятен, что андроновская культура не распространилась по всей территории Хакасско-Минусинских степей [15]. Группы носителей этой культуры прошли здесь с северо-запада на юго-восток, от улуса Орак и далее, к северу от Оглахтов и вышли на правобережье Енисея, о чем свидетельствуют могильники Каменка II [16] и Ланин Лог. Частичное сосуществование окуневской и андроновской культур — не единственный случай сосуществования в Хакассии разнокультурных групп. Непосредственный переход афанасьевской культуры в лугавскую прямо свидетельствует о непрерывном существовании афанасьевской культуры, во всяком случае вплоть до карасукской эпохи [17]. Возвращаясь к могильнику Окунев улус,

[13] Среди баночных сосудов андроновской культуры выделяются две разновидности. Одна — известная на большей части ареала. Это лощеные банки с двумя или более широкими желобками под горлом и прямым срезом венчика. Они редки в андроновских памятниках Хакасско-Минусинских степей (Орак, мог. 35—2, Усть-Ерба и др.). От них (Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 192, 193) ведет древнейшие формы тагарской керамики. Другая разновидность — банки, напоминающие опубликованные С. А. Теплоуховым и М. Н. Комаровой сосуды из некоторых памятников Батеней. Они грубо вылеплены. Лощение либо слабое, либо отсутствует вовсе. Количество банок этой разновидности в андроновских памятниках резко возрастает на окраинах ареала культуры. В разных областях ареала они различаются по форме, технике изготовления и орнаментации. В них сохраняются особенности местных, субстратных по отношению к андроновской культур.

[14] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. «Археологический сборник. ГЭ», 3. Л., 1961, стр. 70, табл. XII, *4*, *5*; стр. 69, табл. XI, *10* и др. Приношу глубокую благодарность Г. А. Максименкову за возможность ознакомиться с небольшой, но выразительной коллекцией окуневской керамики из раскопок на могильнике Черновая VIII и С. Рахимову за подробную информацию о материалах андроновских могильников в Ярках и Каменке, где на баночной керамике особенно отчетливо выявляются технологические признаки, не свойственные андроновскому гончарству. Очень показателен в этом отношении баночный сосуд из могилы № 3 Ярков-I (С. Рахимов. Памятники андроновской культуры близ селения Батени. ОНУ, 1965, 7, стр. 52, рис. 2, *3*). Дно этого сосуда представляет собой грубую глиняную лепешку, примазанную к стенкам снизу.

[15] Нельзя согласиться с утверждением Г. А. Максименкова по поводу смены вначале афанасьевской культуры окуневской, а затем окуневской андроновской: «Археологически вырисовывается картина полной смены одной культуры другой», тем более, что далее Г. А. Максименков отмечает появление «окуневских» черт на черепах позднекарасукского времени (Г. А. Максименков. Окуневская культура..., стр. 174). Ср. также Г. А. Максименков. Возможно ли сосуществование культур эпохи бронзы в Минусинской котловине? Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, стр. 159—161; А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 153—155, прим. 12.

[16] С. Рахимов. Памятник андроновской культуры — Каменка II. ИМКУ, Ташкент, 1965, 6, стр. 61—70; его же. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыда (Красноярский край). КСИА, АН СССР, 114, 1968, стр. 70—75.

[17] Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, стр. 52—54; ее же. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967; А. Н. Липский. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края». Красноярск, 1963, стр. 57—89. Примечательно, что впервые на непосредственную близость между афанасьевскими и карасукскими памятниками обратил внимание С. В. Киселев, описывая материалы из Теси (С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, стр. 56—57 и прим. 67, стр. 160).

нельзя не обратить внимание на могилу 1, расположенную несколько в стороне от основной группы погребений, но по конструкции ящика, ориентировке и обряду аналогичную всем остальным могилам этого кладбища. В ней обнаружены два обломка полушарных бляшек, являвшихся деталью двухчастной бляшки типично карасукского облика [18]. Проволочные серьги, обнаруженные в этой могиле, также напоминают карасукские. Таким образом, не исключена и непосредственная связь во времени окуневской и карасукской культур. В связи с этим уместно упомянуть о том, что в последнее время делаются попытки выводить карасукскую культуру из андроновской. Для подтверждения этого положения привлекают орнаментацию керамики и некоторые особенности погребального обряда [19].

В карасукском могильнике на Болоте близ улуса Орак встречены два сосуда, которые напоминают андроновскую керамику своими тщательно отформованными плоскими днищами и орнаментальной композицией.

Один из них из могилы 4, по М. Н. Комаровой, свидетельствует о преемственных связях между андроновской и карасукской культурами. Этот сосуд украшен андроновским ковровым орнаментом, схема которого искажена [20]. Форма его, несмотря на четко выраженное плоское дно, близка карасукским. Такое сочетание двух исходных традиций в одном изделии не может свидетельствовать о преемственности между комплексами двух культур, а тем более о генетическом их родстве, которое вновь начинают видеть между ними. Этот факт, как и целый ряд других аналогичных фактов, может подтверждать непосредственное сосуществование обеих культур [21]. В процессе такого сосуществования, возможно, было перенесение орнаментальной схемы на керамику с иными техническими традициями. Обычным возражением против такой интерпретации является замечание о том, что орнаментация как этнический признак на чужеродных изделиях воспроизводиться не может. Однако, если обратить внимание на сходство в системе построения оград между андроновскими и карасукскими могильниками, в частности в том же Ораке (могильник у Красной Горы), где типично андроновские могилы группируются по карасукскому принципу, т. е. путем пристройки оград к предыдущим, это возражение отпадет само собой. В топографии могил отразилась так или иначе общественная структура коллектива. Здесь механические заимствования принципов устройства кладбища невозможны. И если андроновские могильники начинают строиться по тому же принципу, что и карасукские, это может свидетельствовать лишь о разнообразных культурных связях, и в частности об экзогамных браках в этнически чуждой среде.

---

[18] М. Н. Комарова. Погребения..., стр. 50, рис. 3, 7, 8; ср. С. В. Киселев. Материалы..., табл. III, *12*, *14*, *15*.

[19] Г. А. Максименков. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине. КСИА, АН СССР, 101, 1964.

[20] Искажение довольно значительно и в классификацию андроновских ковровых схем этот орнамент точно не укладывается. Он представляет собой механическое смешение двух типов орнаментации $Б_3$ и В/М (С. В. Зотова. Ковровые орнаменты..., стр. 178, рис. 1); М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. «Археологический сборник. ГЭ», 5. Л., 1964, стр. 72—74, рис. 10, *2*.

[21] В андроновской женской могиле 5 в могильнике у Красной Горы обнаружена совместно с типичным андроновским сосудом с ковровым орнаментом типа Б массивная литая карасукская бляшка, абсолютно отличная по технике изготовления от всей серии бронзовых изделий андроновских могил этого могильника. Думаю, что формула, которую применяют для того, чтобы опровергнуть свидетельства сосуществования карасукской и андроновской культур,— «такого случая не имелось и не могло быть» — уже полностью изжила себя (М. Н. Комарова. Памятники..., табл. XI, *9*, стр. 67, табл. XV, *6*, стр. 73, 54). По устному сообщению В. П. Алексеева, между черепами карасукских и андроновских могильников в Ораке и Ужуре наблюдается очень большая близость. Некоторые андроновские могилы Орака (мог. 26, 31 и др.), а также могилы многих окуневских памятников (Абаканская управа, Сыда и др.) имеют трапециевидную форму, типичную для каменных ящиков карасукской культуры.

Итак, в период функционирования могильника Окунев улус в этом районе сосуществовали по меньшей мере три разноэтничные культуры: окуневская, андроновская и карасукская. С помощью детального анализа относительной хронологии каждой из них и их культурных связей на каждом из выделяемых этапов можно установить длительность их взаимного сосуществования [22]. Обширные, вновь накопленные и полностью документированные материалы позволяют это сделать при непредвзятом подходе и при полном отказе от стадиальной концепции. Следует учитывать, что последовательность проникновения в Хакасско-Минусинские степи афанасьевской, андроновской, а затем и карасукской культур установлена достаточно надежно [23].

На небольшом материале могильника Окунев улус можно сделать еще одно типологическое наблюдение. Сосуд из могилы 2 украшен в придонной части вертикальными насечками, рассекающими желобки. То, что эти насечки — явление не случайное, а представляют собой реликтовый орнамент, заменивший особую конструктивную деталь горшка, подтверждает один из сосудов из могильника Черновая VIII, придонная часть которого напоминает лепестковую ножку афанасьевских курильниц. Лепестковый поддон афанасьевских курильниц представляет собой невысокий конус, снаружи оформленный выпуклыми лепестками, образующими розетку. Происхождение такого поддона легко объяснимо после находок курильниц с несколькими обособленными ножками (могильник Моисеиха у д. Потрошилово и др.). Очевидно, в процессе выработки этого типа курильницы ножки сменились поддоном, на котором по традиции отформовывали лепестки, напоминающие прежде обособленные ножки. Но лепестковый поддон отчетливо бывает выражен на афанасьевских курильницах с боковой ручкой, а на окуневских курильницах с отделением он не сохранился. Таким образом, связь между курильницами с лепестковым поддоном афанасьевской культуры и окуневскими банками с реликтами такого поддона не могла бы считаться достоверной, если бы не находка А. Н. Липским в могиле 4 могильника Тас-Хаза'а курильницы с боковым отделением и коническим поддоном. Основной орнамент состоит из концентрических окружностей. На поддоне орнамент представлен несколькими горизонтальными рядами коротких оттисков, разделенных между собой вертикальными штрихами, которые раздваиваются в верхней части. Эти штрихи делят всю композицию орнамента на поддоне на узкие вертикальные поля, которые вполне правомерно интерпретировать как орнаментальную замену лепестков [24]. Таким образом, можно считать, что и окуневские курильницы имели первоначально лепестковый поддон. Но тогда придется признать, что возникновение курильниц в афанасьевской и окуневской культурах не было независимым процессом. С другой стороны, погребальный обряд, конструкции погребальных сооружений, а также основные керамические формы — окуневские плоскодонные банки и афанасьевские яйцевидные остродонные и шаровидные круглодонные горшки — типологически не связываются

[22] Совершенно необычайный интерес представляет для изучения окуневской культуры курган № 2 во II группе могильника Абаканская управа. Он исследован А. В. Андриановым в 1899 г. Этот памятник фактически не подвергался анализу, и о нем в литературе имеются очень смутные сведения (М. Н. Комарова. Погребения..., стр. 52, 55, рис. 5). При сопоставлении детального описания этого памятника (А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, стр. 75—76) с планом кургана и происходящими из него сосудами выясняется, что окуневская коллективная могила 2 и примыкающая к ней могила 3, относящаяся к первой стадии тагарской культуры (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.— Л., 1951, стр. 222) перекрыты одной большой плитой (А. В. Адрианов. Отчет о раскопках в Минусинском округе Енисейской губернии. Архив ЛОИА, Ф. 1, № 85/1899, стр. 51/21—23).

[23] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 1. Древность.

[24] Л. А. Иванова. О происхождении брахикранного компонента..., стр. 84, рис. 1, Д.

друг с другом и одни из других выведены быть не могут. В таком случае происхождение единственного общего для них керамического типа (курильниц) необходимо связывать лишь с одной из этих культур [25]. Появление их в другой культуре приходится рассматривать как заимствование, вызванное культурным влиянием их друг на друга. Такой вывод нельзя считать неожиданным, учитывая участие афанасьевской культуры в возникновении лугавской культуры. Вещественным же подтверждением связей окуневских и афанасьевских групп можно считать эпизодическое появление на афанасьевских сосудах плоского дна, которое не придавало устойчивости сосуду из-за слишком малого диаметра, сходство орнаментальных элементов, встречающихся также эпизодически в одной из культур и типичных для другой (например, шагающая гребенка, изредка встречающаяся на окуневских сосудах), и орнаментальных композиций, а также целый ряд других признаков. Таким образом, прямую связь между афанасьевской и окуневской культурами приходится признать реальным фактом. Установление шкалы внутренней относительной хронологии для каждой из этих культур на основе анализа последовательности сложения отдельных больших кладбищ [26] и выявления типологических и технологических линий развития, а затем сопоставление и взаимная проверка этих шкал — реальные и разрешимые на имеющемся материале проблемы. Даже самая общая предварительная оценка материалов отдельных могильников дает некоторые основания для построения относительной хронологии. Так, в могильниках Черновая VI и VIII [27], Абаканская управа, Абаканском, Уйбат [28] и др. отсутствуют вазочки-курильницы, тогда как в равноценных им по количеству керамики могильниках Карасук III [29], Сыда [30], Тас-Хаза'а [31], Потрошило-

[25] Можно полагать, что своим происхождением курильницы связаны с афанасьевской культурой. Своими генетическими корнями эта культура скорее всего связана с ямной культурой Восточной Европы. Сходство проявляется и в материальной культуре, и в антропологическом типе населения. В ямно-катакомбных памятниках Европы широко распространены курильницы в виде миски с боковым внутренним отделением на крестовидной ножке или раздельных ножках (Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах северокавказского типа. СА, 1957, 1, стр. 160—177; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 37, рис. 1). Эволюция курильниц этого типа прослеживается непрерывно в течение более чем тысячи лет. В сарматских памятниках Поволжья фиксируются реликтовые формы с отделением, но часто без ножки (В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 455, рис. 47, *8*, *10*, *11*). Этот тип керамики, встречающийся на огромной территории в родственных культурах, вряд ли возник конвергентно, учитывая совершенно одинаковую специфику конструкции курильниц на самых отдаленных окраинах ареала. Раздельные ножки известны на афанасьевских курильницах, реликтовый орнамент, заменивший их, сохранился на окуневских. Можно думать, что первоначальный тип афанасьевской курильницы был снабжен внутренним боковым отделением, которое со временем заменилось боковой ручкой. В таком случае, анализируя курильницы, возможно установить время возникновения контактов окуневской и афанасьевской культур.

[26] Показательно, что при изучении андроновско-карасукского могильника Усть-Ерба такая задача была поставлена (С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакассии. СЭ, 1935, 4—5, стр. 210), тогда как при изучении в 1961 г. двух непосредственно смыкающихся могильников, афанасьевского (Черновая VI) и окуневского (Черновая VIII), исследователи фактически ограничились заключением, что окуневский могильник позже афанасьевского, так как в этом последнем встречаются окуневские впускные погребения (Г. А. Максименков. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах. СА, 1965, 4, стр. 204—211; Э. Б. Вадецкая. Афанасьевский могильник на речке Черновая. КСИА, АН СССР, 1965, 101, стр. 116—120).

[27] Г. А. Максименков. Отчет о работах курганного отряда в 1962 г. Отчет о работах Черновского отряда в 1963 г. Архив ИА, Р — 1, № 2487, 2744.

[28] Н. В. Леонтьев. Отчет о полевых археологических исследованиях за 1968 г. Архив ИА. Р — 1, № 3739.

[29] М. П. Грязнов. Отчеты карасукского отряда о раскопках в 1961, 1962 гг. Архив ИА. Р — 1. № 2483, 2484.

[30] М. П. Грязнов. Отчет о работах карасукского отряда в 1965 г. Архив ИА, Р — 1, № 3202.

[31] А. Н. Липский. Отчет о археологических раскопках могильника афанасьевской эпохи на строительстве Койбальского канала. Архив ИА, Р — 1, № 1476.

во [32] курильницы обнаружены. Далее в Тас-Хаза'а найден литой медный топор [33], а в Потрошилово (Моисеехе) — втульчатый литой наконечник копья с узким пером [34]. Эти предметы следует сравнить с изделиями андроновских и карасукских металлургов. Могилы в раскопанном кургане [35] Окунева улуса все близки по времени. Однако и они позволяют сделать некоторые выводы в целях увязки наблюдений над относительной хронологией с исследованием демографии [36], общественных отношений [37] и этнокультурных контактов [38] окуневского населения. Взаимная связь могил 2, 5, 6, 8, образующих единый ряд, свидетельствует о том, что они сооружались непосредственно одна за другой. Наличие тесной связи могил говорит о близкородственных отношениях между погребенными в них людьми [39]. Ряд возникает вокруг могилы 8 (погребение женщины и ребенка). К этой могиле непосредственно примыкают могилы 5 (три-четыре разрушенных костяка взрослых) и 6 (разрушенный костяк) [40]. К могиле 5 пристроена могила 2 (взрослый и детский костяки), стоящая на поверхности погребенной почвы. Конструкция окуневских каменных ящиков свидетельствует о том, что они предназначались исключительно для постройки в грунтовых ямах. У этих ящиков отсутствуют внешние контрфорсы [41], и только стенки ямы удерживали плиты в вертикальном положении. Таким образом, могила 2 и параллельные ей детские могилы 3 и 4 могли быть устроены лишь после возведения насыпи над погребениями в материке. Ряд погребений от древнейшей могилы 8 до наиболее поздней могилы 2, делится на три стратиграфические фазы, каждая из которых, вероятно, соответствует одному поколению. Сосуд из параллельной данному ряду могилы 7 занимает промежуточное типологичес-

[32] В. М. Старущенко (Зимина). Отчет о полевых работах Минусинского музея в 1959 г. Архив ИА. Р — 1, № 2211.

[33] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. Сб.: «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 271—276; И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. Сб.: «Новые методы в археологических исследованиях». М.— Л., 1963. стр. 129, 131, рис. 7, *10*.

[34] В. М. Зимина. Афанасьевское погребение из Тубы. «Сибирский археологический сборник». Новосибирск. 1966. стр. 160—163.

[35] М. Н. Комарова (Погребения..., стр. 47) указывает, что группа состоит из трех курганов, расположенных в ряд.

[36] Палеодемографические исследования на материалах могильников дописьменного периода развиваются с недавнего времени в трех основных направлениях. Два направления: определение поло-возрастного состава популяций и установление генетического родства представителей разных поколений — относятся к области чисто антропологических исследований (М. С. Великанова. Антропологический материал Выхватинского могильника. МИА, 84, 1961; И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966; H. Ullrich. Interpretation morphologisch — metrischer Ähnlichkeiten an ur- und frühgeschichtlichen Skeletten in verwandschaftlicher Hinsicht. «Zeitschrift für Archäologie», 3, 1, Berlin, 1969). Третье направление археологическое. Уточнение хронологии, взаимосвязи и последовательности захоронений — один из важнейших способов установления реальной (а не гипотетической, как часто бывает) плотности населения и размеров популяций в разные периоды доистории.

[37] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М.— Л., 1962.

[38] Перспективный опыт выяснения этнокультурных контактов и семейных отношений. по данным могильника Ужур, предложен: Н. Л. Членова. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины. «Сибирский археологический сборник». Новосибирск, 1966.

[39] В публикации памятника (М. Н. Комарова. Погребения..., стр. 48—49) не указано, на каком основании сделаны определения пола погребенных в могилах 1 и 8. Неясно, из каких погребений происходят мужские черепа, измеренные Г. Ф. Дебецом и В. П. Алексеевым (В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. Тр. ИЭ, нов. сер., LXXI, М., 1961). Таким образом, на имеющемся из Окунева улуса материале антропологическая оценка поло-возрастного состава невозможна.

[40] Судя по размерам каменного ящика, это должен быть костяк взрослого.

[41] Такими контрфорсами снабжали каменные ящики андроновской культуры в Центральном Казахстане, если они сооружались непосредственно на поверхности почвы.

кое положение между сосудами из могил 2 и 8. Этот сосуд обнаружен в нижнем ярусе захоронений могилы, где найдены разрозненные скелеты трех взрослых особей и одного ребенка. Этот ярус можно синхронизировать с захоронениями могилы 5, которая занимает промежуточное стратиграфическое положение между могилами 2 и 8 и относится ко второй стратиграфической фазе указанного ряда могил. Верхние погребения могилы 7 (костяки взрослого и ребенка) синхронизируются с могилами 2—4. Захоронения в могиле 7, видимо, принадлежали другой семье, впрочем, связанной с первой. Захоронения женщины и ребенка в могиле 1 [42] можно также связывать со второй стратиграфической фазой. Ко второй фазе (или поколению) в таком случае следует относить наибольшее число захоронений (8 или 9 костяков взрослых). Предполагая, что в могилах 1,5—7 захоронены все взрослые члены семей, принадлежащие к одному поколению, можно сделать вывод об очень незначительных размерах семейных коллективов. Отчасти это подтверждается и небольшими размерами насыпей над могилами и применением сравнительно небольших плит для сооружения ящиков. Объем работ явно рассчитан на небольшое число участников. Малочисленность захоронений третьей фазы также свидетельствует о существовании малых семей, которые, подвергаясь быстрой перестройке, благодаря возникновению новых семейных связей уже во втором поколении создавали новые семейные кладбища. Впрочем, кратковременность использования курганов-кладбищ подтверждает также частые передвижения окуневского населения по енисейским степям. Наличие непрерывных связей этого населения с группами афанасьевской, андроновской, карасукской культур вело к созданию местного приенисейского антропологического [43] и культурного субстрата эпохи бронзы, который оказал воздействие на формирование и развитие эпохи железа Хакасско-Минусинских степей [44].

P. M. Kojine

CHRONOLOGIE RELATIVE DES SÉPULTURES DE LA NÉCROPOLE D'OKOUNEV — OULOUSSE

Résumé

Dans le kourgane situé près d'Okounev — Oulousse sont investiguées huit tombes. On révèle les corrélations stratigraphiques bien déterminées qui existent entre ces tombes et qui permettent de suivre les changements technologiques et typologiques des céramiques trouvées dans les tombes se rapportant aux époques diverses. En partant des analogies découvertes dans les nécropoles semblables, notamment celles d'Abakanskaïa ouprava, Abakansky Afanassiéva — Gora, Orak, Tchernovaïa VIII et d'autres, on signale dans les céramiques les traits particuliers dont l'apparition n'est pas dûe à l'évolution interne de l'industrie céramique exclusivement dans les cadres de la culture d'Okounevo mais les traits liés aux traditions céramiques d'autres cultures de l'Age du Bronze diffusées dans les steppes de Khakassie — Minoussinsk. Ces influences et même les rapports réciproques sont également perceptibles dans les cérémonies funéraires et certaines catégories des mobiliers de métal et de pierre. Généralement, les matériaux okouneviens sont, et partie, synchrones à ceux d'Afanassiévo, Andronovo, Kara — Souk. Il est à noter que les monuments okouneviens influencés par la culture d'Afanassiévo ne comportent pas les traits propres à deux autres cultures. Dans les documents d'Okounev — Oulousse est signalée l'emprise des cultures d'Andronovo et de Kara — Souk. Cela est susceptible de confirmer leur âge relativement récent dans les cadres de la culture okounevienne. Les rapports des sépultures dans le kourgane témoignent du fait que ce dernier était le tombeau probablement des trois générations de deux familles.

---

[42] Быть может, наличие украшений карасукского типа объясняет обособленность этой могилы от остальных.

[43] В. П. Алексеев. Палеоантропология Хакассии эпохи железа. Сборник Музея антропологии и этнографии. XX, М.— Л., 1961, стр. 239, 258, 259, 273, 279.

[44] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири...

М. И. АРТАМОНОВ

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗОЛОТА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ С. И. РУДЕНКО

1. Гривны и браслеты с втулками и шарнирами

В 1962 г. С. И. Руденко впервые издал замечательную Сибирскую коллекцию золотых вещей, собранную в основном еще при Петре I, но до этого в течение почти 250 лет остававшуюся не опубликованной [1]. Ввиду этого Сибирская коллекция не была научно освоена и интерпретирована, тем более что существовали еще и другие непреодолимые препятствия, например отсутствие хронологически определенного сравнительного материала. Находки на Алтае [2] в изобилии дали такой материал, и естественно, что С. И. Руденко первым использовал его в отношении к сибирскому золоту. В тексте его публикации сибирских золотых вещей дана хронологическая классификация основной части этой коллекции, основанная на сопоставлениях, которые раньше были невозможны.

В прошлом, когда алтайские курганы еще не раскапывались и сибирское золото можно было сравнивать только с находками в сарматских курганах, утвердилось мнение, что оно в целом не только не древнее, но даже моложе найденных в этих курганах вещей с инкрустациями. Попытки углубить хронологию отдельных вещей Сибирской коллекции, основанные на аналогиях с вещами Амударьинского клада [3], также оказались не слишком успешными, так как сопоставимые с сибирскими произведениями вещи, имеющиеся в составе этого клада, сами не имели прочной хронологии [4].

В настоящее время положение существенно изменилось. Алтайские курганы благодаря карбонному и дендрохронологическому анализу полу-

---

[1] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, Д3-9, М.— Л., 1962.

[2] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953; его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960.

[3] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1905, 2-е изд., 1926. 3-е изд., 1964.

[4] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 3. СПб., 1891; А. А. Спицын. К вопросу о хронологии сибирских блях с изображениями животных. ЗРАО, XII, 1, 2, СПб., 1901; А. А. Спицын. Сибирская коллекция Кунсткамеры. ЗОРСА, VIII, 1, СПб., 1906; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913; E. Minns. The Art of the Northern Nomads, 1942; M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, 1922; его же. The Animal Style in South Russia and China, 1929; J. G. Andersson. Huntig Magic in the Animal Style. BMFEA, 1932; A. Salmony. Sino Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. 1933; H. Kühn. Zum Problem der Chronologie der sino-sibirischen Bronzen. JPEK, 1935; S. J. Rudenko. The Mythological Eagle, the Grython, the Winged Lion and the Wolf in the Art of Northern Nomads. «Artibus Asiae», XXI, 2, 1958; J. F. Haskins. Sarmatian Gold Collected by Peter the Great. «Artibus Asiae», XXII, 1/2, 1959: его же. Tardhyn — the Hero, Aq — Zhunus — the Beautiful, and Peter's Siberion Gold. «Ars Orientalis», IV, 1961.

чили сравнительно твердую датировку, а успехи в исследовании иранского искусства позволили по-новому подойти к давно известным памятникам Амударьинского клада. Опираясь на аналогии в тех и других материалах, вопросы хронологии сибирского золота ныне можно решить уже не путем субъективных впечатлений, а пользуясь приемами сравнительного изучения, начало которому положено С. И. Руденко. Но только начало, так как задача остается весьма трудной и потребует дальнейших усилий специалистов. Далеко не со всеми заключениями С. И. Руденко можно согласиться, да и предлагаемые мной решения задачи не все и не для всех окажутся приемлемыми. В Сибирской коллекции Петра I находится около 250 разнообразных предметов, которые делятся по своему назначению на несколько категорий: поясные застежки, гривны, браслеты, украшения конской сбруи, статуэтки, сосуды и др. Естественно, что рассмотреть все их в одной статье невозможно[5]. Поэтому сначала я остановлюсь на одной группе золотых вещей этой коллекции — на довольно многочисленных гривнах и браслетах, нередко украшенных по концам скульптурными изображениями животных, представленных только головой или целой фигурой, а иногда даже сценой из двух и более фигур. Одни из них согнуты из проволоки различной толщины, другие из трубок. И те и другие имеют форму либо кольца с несомкнутыми, или, с заходящими друг за друга концами, либо спирали, состоящей из нескольких витков. Гривны из трубок чаще всего собраны из нескольких напаянных друг на друга колец, завершающихся сверху полукольцом.

Жесткая структура гривен и браслетов из трубок вызывает необходимость в специальных устройствах, с помощью которых можно было бы надевать их на шею или на руку. С этой целью они делаются разъемными. Имеются два способа скрепления разъемных частей — втулка и шарнир. При первом из них разъемные части образующих окружность трубок соединяются между собой деревянным стержнем соответствующей толщины, на который они насаживаются своими смежными концами. С целью подстраховки такое крепление нередко дополняется цепочкой, соединяющей смежные концы посредством припаянных к каждому из них колечек.

Шарнир устраивается в виде петель по концам каждой из соединяемых частей с таким расчетом, чтобы петли одной из них входили в промежутки между петлями другой. В эти петли пропускается вертикальный стержень, у одного края съемной части обычно расклепанный на концах так, чтобы она, вращаясь на нем, могла быть отведена в сторону при надевании гривны или браслета, а с другого — составляющий запор, который легко вынимается из петель и для предохранения от потери прикреплен цепочкой к трубке.

Примером гривны из двух соединенных втулкой частей может служить, пожалуй, самый замечательный образец подобного рода предметов во всей Сибирской коллекции. Это гривна из золотого полого кольца с заходящими друг на друга концами, украшенными скульптурными фигурками львиных грифонов[6]. Она состоит из двух половин, соединявшихся между собой деревянной втулкой и цепочкой между колечками, напаянными на смежных концах трубки. Противоположные заходящие друг на друга концы трубки с насаженными на них фигурками грифонов скреплены между собой вертикальным гвоздиком.

Каждая фигурка грифона отлита из двух спаянных половинок и имеет отдельно изготовленную голову. Это крылатые львиные грифоны, представленные в динамической позе — лежащими в готовности к прыжку. У них оскаленная пасть на вытянутой голове, козлиные рога с чашечками на концах, изогнутые крылья и изгибающийся хвост. Все части фигуры

---

[5] Часть застежек из этой коллекции мною рассмотрена. М. И. Артамонов. Композиции с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве. СА, 1970, 1.

[6] Сибирская коллекция, табл. XVII.

обильно уснащены гнездами для инкрустаций; глаза, складки на морде, рога, чешуеобразная грива, крылья, ребра, бедро, хвост были покрыты вставками из бирюзы, отнюдь не нарушающими, а, наоборот, выделяющими формы зверя. Вдоль крыльев эти вставки листообразны, на ребрах — в виде дуг, а на бедрах — в виде кружка с криволинейными треугольниками по сторонам. Близкое сходство этих фигурок с грифонами на браслете из Амударьинского клада[7], а через него с изображениями львиных грифонов, выложенных цветными кафелями на стенах дворца в Сузах[8], не оставляет сомнений в ахеменидско-персидском происхождении рассматриваемой гривны, а равным образом и в ее дате — V в. до н. э., что было установлено еще Е. Придиком[9].

Не менее замечательна вторая гривна из той же коллекции, согнутая из массивной трубки в кольцо с заходящими друг на друга концами, украшенными литыми фигурками львов[10]. Она тоже состоит из двух половинок, соединявшихся деревянной втулкой. Львы здесь представлены тоже лежащими, с головой на вытянутых передних лапах, но с более сжатыми формами, чем грифоны предшествующего экземпляра. И здесь фигуры животных покрыты гнездами для несохранившихся инкрустаций, условными формами передающими гриву, ребра, мускулатуру бедер, детали морды и изгибающегося хвоста, заканчивающегося головкой грифа. Среди инкрустаций преобладают сравнительно крупные фигуры — полукружия с вогнутым основанием, криволинейного треугольника и так называемой запятой — листовидной фигуры с изогнутым острым концом, распространенной в алтайских изображениях, с которыми львы на гривне сближаются и рядом других признаков, например формой уха с завитком в основании, трактовкой лап с длинными пальцами и др.[11] Это несомненно изделие местных сибирских мастеров, представляющее собой переработку не слишком отдаленного переднеазиатского образца, относящегося, вероятно, к тому же времени, что и Пазырыкские курганы на Алтае, т. е. к V — IV вв. до н. э.[12]

Во 2-м Пазырыкском кургане, относящемся к концу V — началу IV в. до н. э., найдены части гривны, состоящей из изогнутой медной трубки, в концы которой вставлялись вырезанные из рога и покрытые золотом рельефные фигурки львиных грифонов с козлиными рогами, лежащих один за другим по три с каждой стороны[13]. И эта гривна и в особенности украшавшие ее львиные грифоны являются свободным воспроизведением того типа ахеменидско-персидских гривен, прекрасным примером которых является рассмотренная золотая гривна с грифонами на концах из Сибирской коллекции Петра I. Роговые наконечники, составляющие значительную часть окружности пазырыкской гривны, делали ненужным специальное устройство для ее надевания — они вставлялись в концы согнутой дугой трубки тогда, когда она находилась уже на шее, и замыкали ее спереди. Однако по принципу своего устройства пазырыкская гривна сближается с трубчатыми гривнами из двух половинок на втулке.

В Сибирской коллекции имеется еще несколько гривен из трубок со съемной частью на втулках. Они отличаются от вышерассмотренных гривен, состоящих из двух частей, соединенных одной втулкой, тем, что съемная часть их, составляющая примерно треть окружности, скреплялась двумя втулками. Особо следует отметить, что среди них нет гривен в виде кольца с заходящими друг на друга концами, какими являются

---

[7] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1964, табл. 1, *116*.
[8] SPA. London — New York, 1938.
[9] Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, СПб., 1911, стр. 11.
[10] Сибирская коллекция, табл. XVI.
[11] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. LXII, *7*; LXIII, *5, 6*: CIX—CXI и др.
[12] Там же, стр. 342 сл.
[13] Там же, рис. 79; табл. XXIX, *1, 2*.

гривны с одной втулкой; по сравнению с последними они упрощенного устройства: вместо заходящих концов на основной обруч гривны сверху напаяно полукольцо с изображениями животных на концах.

Примитивно-варварский характер этих гривен особенно отчетливо выявляется в украшающих их изображениях. На одной из них по концам полукольца представлены фигуры лежащего с поджатыми ногами животного. У него круглые глаза, маленькие треугольные уши, шеи нет, голова непосредственно примыкает к плечам. Плечи и бедра обведены рубчатыми поясками, а ребра обозначены дугами с такими же поперечными рубчиками. Длинный хвост из крученой проволоки зигзагами извивается позади фигуры над стержнем гривны [14]. Того же рода и другая гривна, у которой полукольцо украшено схематическими головками животных на длинных наконечниках, орнаментально трактованных заштрихованными чешуйками [15].

Кроме гривен из одного кольца с полукольцом в Сибирской коллекции имеется гривна из двух напаянных друг на друга колец и тоже с полукольцом наверху [16]. Другая маленькая, детская гривна состоит из двух колец с фигурками животных между ними [17]. Обе гривны на втулках, а изображения у них характеризуются теми же чертами грубости и схематизма, как и на гривнах из одного кольца с полукольцом. У первой из этих гривен по концам полукольца помещено по неопределенной головке на длинном, украшенном рядами петлеобразного узора наконечнике, а у другой между кольцами — две фигурки лежащих зверей, в орнаментальной трактовке голов которых много общего с головкой зверя на длинном наконечнике, покрытом заштрихованными чешуйками.

Для определения времени бытования гривен из одного кольца с полукольцом и с разъемной частью на втулках большое значение могла бы иметь медная, обложенная золотом гривна из раскопанного С. В. Киселевым Каракольского кургана на Алтае, если бы была точно известна ее форма. Как и гривна из 2-го Пазырыкского кургана, она была украшена по концам резными, в данном случае не из рога, а из дерева, но тоже обложенными золотом головками зверя — тигра или барса с характерным загнутым кверху спиральным ухом, а вдоль наконечника — узором из изгибающихся поперечных полосок [18]. Трактовкой уха эта головка сближается с фигурками лежащих зверей между кольцами одной из рассмотренных выше гривен Сибирской коллекции, а ее орнаментированный наконечник соответствует того же рода наконечникам описанных выше гривен из одного или двух колец с полукольцом и съемной частью на втулках.

С. В. Киселев, нашедший гривну Каракольского кургана в сильно разрушенном виде, описывает ее как спиральную [19], т. е. сходную с ранними гривнами в виде окружности с заходящими друг на друга концами. Стилистически изображение на этой гривне, несомненно, древнее изображений на сибирских гривнах в виде кольца с полукольцом или двух колец и, судя по сходству других вещей из Каракольского кургана с находками в алтайском же кургане Шибэ, расположенном поблизости от Каракола выше по р. Урсулу, относится еще к IV в. до н. э. [20] Принимая во внимание бо́льшую схематичность и грубость соответствующих изображений на гривнах Сибирской коллекции сравнительно с каракольской находкой, их надо датировать более поздним временем — III в. до н. э.

---

[14] Сибирская коллекция, табл. XI, *6*.
[15] Там же, табл. XVIII, *2*.
[16] Там же, табл. XI, *7*.
[17] Там же, табл. XVIII, *1*.
[18] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, табл. XXXII, *7*, *8*.
[19] Там же, стр. 192.
[20] М. П. Грязнов. Раскопки княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, 2—4, стр. 217 сл.; хронология установлена на основе радиокарбонного анализа в лаборатории ЛОИА АН СССР.

Эта дата подтверждается находкой золотой гривны того же типа, т. е. в виде кольца с полукольцом и съемной частью на втулках в сарматском кургане № 2 у деревень Карчажинской и Черноярской на р. Миассе [21] вместе с железным наконечником копья, который К. Ф. Смирнов относит к IV — III вв. до н. э. [22] Украшений, вставлявшихся в концы полукольца, у нее, к сожалению, не сохранилось.

Украшения на рассмотренных сибирских гривнах, относящихся приблизительно к III в. до н. э., стилистически не отличаются от гривен той же коллекции, но с другим устройством, а именно со съемной частью не на втулках, а на шарнирах. Они представлены несколькими экземплярами, состоящими не из одного или двух, а из многих (до 10) колец, напаянных друг на друга и завершающихся полукольцом на верху. Смежные концы их основной и съемной частей укреплены вертикальной обоймой с петлями шарнирного устройства. Концы полуколец украшены схематическими звериными фигурками или головками на длинном орнаментированном наконечнике [23]. Судя по стилистическим признакам, их можно отнести к тому же времени, что и гривны из одного или двух колец со съемной частью на втулках. Однако типологически их следует признать не только более совершенными, но и более поздними.

Своеобразная гибридная гривна на втулках и шарнирах сохранилась только в своей передней части, задняя, большая часть ее, вероятно согнутая из трубки и скреплявшаяся втулками, отсутствует [24]. Уцелели, собственно говоря, только наконечники, надевавшиеся на концы этой трубки, соединенные между собой шарнирами. Они имеют вид уплощенных, сильно схематизированных баранов с вытянутыми в противоположные стороны передними и задними ногами и поднятой кверху головой с полукруглыми кольчатыми рогами по сторонам, внутри которых находятся гнезда для инкрустаций. По туловищу в два ряда расположены дугообразные гнезда для вставок, означающие ребра. Передние ноги в виде четырехугольного выступа, заканчивающегося петлями шарнира, трактованы продольными желобками, а задние с такими же желобками суживаются к концу и переходят в трубку. Над ними возвышается зигзагообразно изогнутый проволочный хвост, не имеющий ничего общего с бараньим, но зато близко сходный с хвостом тоже сильно схематизированного льва, представленного лежащим на концах полукольца у одной из гривен с втулками [25]. Разворотом рогов эти бараны напоминают бараньи головки на концах проволочного в три оборота спирального браслета [26], который дальше будет рассмотрен в другой связи.

В Сибирской коллекции имеются еще две гривны на шарнирах, выделяющиеся своей оригинальностью. Одна из них представляет собой спираль в три с половиной оборота с концами, украшенными глубокими нарезками со следами инкрустации из бирюзы и стилизованными звериными головками с прижатыми подтреугольными ушами и как бы вырезанными формами морды [27]. Вторая гривна состоит из двух колец и полукольца, спаянных между собой посредством небольших шариков между ними. Кольца обработаны спиральными желобками, придающими им вид витых, а насаженные на концы полукольца головки львов соединены с ними посредством втулок, состоящих из нескольких колечек разного диаметра с ободками псевдозерни по краям [28]. Головки эти реалистичны и хорошо моделированы складками на лбу, вокруг глаз и рта, у них мохна-

---

[21] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, рис. 71, *16*.
[22] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 73, рис. 41, *19*.
[23] Сибирская коллекция, табл. XVIII, *3—7*.
[24] Там же, табл. XII, *3*.
[25] Сибирская коллекция, табл. XI, *6*.
[26] Там же, табл. VII, *4*.
[27] Там же, табл. XIII, *2*.
[28] Там же, табл. XIII, *1*.

тые уши и разделанная продольными прядями грива. Эти головки представляют собой произведения высокого мастерства и, несомненно, не местного происхождения. Дробная реалистическая разделка их имеет много общего с такими же львиными головками в греческих произведениях IV — III вв. до н. э. Они могут относиться ко времени не раньше эллинистического периода, когда греческое искусство распространилось в Передней Азии и расцвело в Греко-Бактрии. Гривна с львиными головками, или по крайней мере одни только головки, помещенные на ее концах, по-видимому, является одним из попавших в Сибирь произведений греко-бактрийского ювелирного искусства, образцы которого известны и по другим находкам в составе Сибирской коллекции [29]. Хронология этой гривны имеет решающее значение для установления времени появления в Сибири шарнирного устройства.

Браслеты и гривны с львиными головками имеются в Амударьинском кладе [30], но, пользуясь репродукциями, их невозможно сравнить с львиными головками сибирской гривны. К сожалению, неизвестно устройство гривны, от которой в Амударьинском кладе сохранился только наконечник с львиной головкой и такими же гнездами для инкрустации [31], как у сибирской гривны. Среди полностью сохранившихся гривен и браслетов в амударьинском кладе нет ни спиральных, ни кольчатых экземпляров на шарнирах, основываясь на этом, можно утверждать, что и те и другие появились не раньше III в. до н. э., так как вещи этого клада в основном относятся ко времени не позже IV в. до н. э.

Трубчатые гривны в виде спирали со съемной частью на шарнирах были известны в Сибири, хотя и не получили там широкого распространения в отличие от Боспора, где, как мы увидим ниже, наоборот, вовсе нет гривен, составленных из напаянных друг на друга колец. Типологически спиральные гривны из трубок с шарнирным устройством занимают место между согнутыми из трубок гривнами с заходящими друг на друга концами и с разъемным устройством на втулках и гривнами с шарнирным устройством, состоящими из наложенных друг на друга нескольких колец и полукольца. Гривны из одного кольца с полукольцом появляются в порядке воспроизведения гривен с заходящими концами и так же, как они, скрепляются втулками. Только с развитием многовитковых гривен на шарнирах возникают и многоколечные гривны тоже с шарнирами, так как крепление разъемной части втулками у многовитковых и многоколечных гривен практически неприменимо.

Многовитковые гривны изображены на монетах парфянских царей II в. до н. э.— II в. н. э. [32] Такие же гривны у Аполлона-Митры и Антиоха на барельефе из Нимруд-Дага I в. до н. э. [33], а равным образом у «прекрасной одалиски», представленной алебастровой статуэткой в Лувре, датируемой III в. до н. э. [34] Совершенно несомненно, что во всех указанных случаях это спиральные гривны на шарнирах, свидетельствующие о распространенности таких украшений в Передней Азии в эллинистическое время. Оттуда они проникали в Сибирь, где воспроизводились местными мастерами с изменениями, соответствующими их вкусам и техническим возможностям. В то же время такие гривны появляются в Европе — во Фракии и на Боспоре, при этом с чертами, определенно исключающими возможность их сибирского происхождения. Во Фракии многовитковые гривны известны по относящимся ко II в. до н. э. изображениям на серебряных фалерах: в одном случае у горельефного женского бюста, а в

[29] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, № 1, 2, 5, 12, 14, 15, 23, 24.
[30] O. M. Dalton. Ук. соч., табл. XVII, *118*; XVIII, *120*, *122*; XIX, *124*; XXI, *119*.
[31] Там же, табл. XXI, *119*.
[32] SPA.
[33] R. Ghirshman. Iran. Parthians and Sassanians, 1962, рис. 80.
[34] A. Champdor. Kunst Mesopotamiens. Leipzig, 1964, табл. 193.

другом — всадника. Оба найдены у с. Галиче в Болгарии[35]. Согнутые из полых трубок гривны происходят из боспорских курганов на Таманском полуострове — Буеровой могилы, Ахтанизовского и кургана, раскопанного в 1881 г. в г. Анапе, а также из комплексов, известных под названием «кладов» — Казинского в Ставропольском крае и Новочеркасского на Нижнем Дону. Эти гривны представляют собой несколько типов, в общем соответствующих различным формам этих предметов в Сибирской коллекции.

Анапская гривна имеет вид кольца с заходящими друг на друга концами, украшенными астрагалами и головками оленей (ланей) с плотно прижатыми к шее широколопастными рогами[36]. Она состоит из двух частей, соединенных между собой спереди вертикальным штырем, а позади втулкой и цепочкой между колечками на смежных концах (сохранились только колечки). Типологически эта гривна соответствует наиболее ранней из сибирских гривен — с львиными грифонами на концах, но, судя по сходству оленьих головок с такими же изображениями на несомненно более поздних боспорских гривнах, должна датироваться не раньше конца IV в. К еще более позднему времени, по-видимому, надо относить гривну Казинского клада, представляющую собой кольцо из толстой, по всей длине оформленной астрагалами трубки[37]. Разъемная часть ее, составляющая примерно треть окружности, укреплялась втулками и цепочками на колечках. Вероятно, такой же конструкции была другая гривна из того же клада, сохранившаяся лишь частично, во фрагментах. Она тоже была украшена астрагалами, а на концах украшена скульптурными фигурками, представляющими собой лежащего льва, грызущего зажатую между передними лапами голову какого-то животного[38]. Грубоватая, но реалистическая трактовка этого сюжета, известного в Причерноморье по ряду греческих и греко-скифских произведений, начиная с IV в., указывает на эллинистическое время казинской гривны. Браслеты и гривны с астрагалами появляются в IV в., и представлены находками в Куль-Обе[39] и Карагодеуашхе. В последнем из этих курганов имеется золотая массивная гривна, украшенная по концам астрагалами и скульптурной сценой терзания кабана львом, выполненной в том же греко-эллинистическом стиле, что и гривна Казинского клада, но в более артистическом исполнении[40]. По своему устройству на втулках казинские гривны имеют близкие соответствия в Сибирской коллекции, где такого рода шейные украшения, как мы видели, типологически предшествуют гривнам на шарнирах и датируются IV — III вв. до н. э. Казинские гривны тоже не могут быть позже III в. до н. э.

Гривны Буеровой могилы и Ахтанизовского кургана имеют вид плотной многовитковой спирали с концами, украшенными астрагалами и головками животных, и с разъемной частью на шарнирах. Гривна из Буеровой могилы состоит из 6 витков, на ее концах, как и на анапской гривне, головки оленя с хорошо моделированной мордой, длинными острыми ушами и широколопастными рогами, как и уши, плотно прижатыми к шее[41]. В Ахтанизовском кургане найдены три таких же гривны[42]. У одной из них, самой узкой — всего в три витка,— на концах головка неопределенного животного с длинной мордой и короткими ушами, у второй,

---

[35] Народный музей в Софии.

[36] ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1893, Атлас, табл. 1, 12.

[37] Е. М. Придик. Новые кавказские клады. МАР, 34, Пг., 1914, табл. VIII, *5*.

[38] Там же, табл. VII, *6*, *7*.

[39] Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854, Атлас, табл. VIII, *2*.

[40] А. Лаппо-Данилевский и И. Мальберг. Курган Карагодеуашх. МАР, 13, СПб., 1894, табл. II, *7—9*.

[41] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Пг., 1918, табл. II, *4*.

[42] ОАК за 1900 г., стр. 105, 107, рис. 192, 193, 210; А. С. Спицын. Фалары южной России. ИАК, 29, СПб., 1908, рис. 2, *6*, *10*, *12*.

в шесть витков, головка оленя с прижатыми к шее ушами и рогами и у третьей, в девять витков,— опять безрогого, но длинноухого животного. Моделированы все эти головки грубее, чем на гривне Буеровой могилы, но в том же стиле.

На обороте самой широкой ахтанизовской гривны нацарапаны греческие буквы, означающие вес предмета, что, по мнению М. И. Ростовцева [43], указывает, что она сделана греческим мастером. Это заключение следует распространить и на другие таманские гривны, включая сюда и анапскую, так как стилистически они ничем существенным не отличаются друг от друга и одинаково могли выйти из боспорских ювелирных мастерских, изготовлявших вещи варварского быта в традиционном греческом стиле.

По своему стилю таманские гривны резко отличаются от сибирских и представляют другую, хотя и параллельную сибирской, но независимую от нее линию развития. Замечательно, что среди таманских нет характерных для Сибири гривен, составленных из наложенных друг на друга колец с полукольцом наверху, представляющих собой упрощение многовитковой спиральной гривны, изготовление которой из жесткой трубки являлось сложной задачей, требующей, очевидно, более высокой квалификации, нежели та, которой обладали сибирские мастера. По всей вероятности, сибирские и таманские гривны восходят к общим, иранским образцам, но создавались они совершенно независимо друг от друга в свойственном каждой из этих областей художественном стиле. Таманские спиральные гривны с шарнирами датируются по времени погребальных комплексов, в составе которых они найдены, III — II вв. до н. э., что косвенным образом подтверждает указанное выше время появления шарнирного устройства в Сибири не ранее III в. до н. э.

Подобные сибирским гривны из полых колец на шарнирах известны в Восточной Европе только с начала нашей эры, со времени Новочеркасского клада. Новочеркасская гривна состоит из трех колец, обрамленных в передней части сверху и снизу ажурными фризами из тесно расположенного ряда зверей, повернутых в каждом ряду в противоположную сторону и представленных поочередно с головами, обращенными то вперед, то назад [44]. Все они изображены в высоком рельефе, лежащими на согнутых, преувеличенно когтистых лапах, с поджарым туловищем и с пропущенным между задними ногами изогнутым веревкообразным хвостом. У животных с направленной вперед головой тупая, зубастая морда, которой они кусают за зад находящееся перед ними животное с повернутой головой, заканчивающейся массивным изогнутым клювом. У тупорылых животных шея покрыта несколькими рядами рубчатых полосок, видимо, означающих львиную гриву, у животных с клювом на шее имеется тоже рубчатый поясок. У всех туловище покрыто косыми бороздками, означающими ребра; на плече и бедре у каждого крупные вставки бирюзы, бирюзою же инкрустирован круглый глаз и пристроенное к нему сбоку большое семечкообразное ухо с острым концом. В основе этих изображений, по-видимому, лежит образ грифона — львиного и орлиного, но утратившего свой основной признак — крылья.

Новочеркасская гривна отдаленно напоминает гривну на шарнирах Сибирской коллекции, тоже состоящую из трех полых колец, но не лежащих друг на друге, а отделенных одно от другого ажурными поясками из рядов инкрустированных кружков и ромбов, и украшенную по верхнему краю четырьмя детализированными только с наружной стороны скульптурными фигурками животных [45]. Они обращены к центру гривны и расставлены по две с каждой стороны. Все фигурки одинаковые и представляют зверя, лежащего на согнутых когтистых лапах с приподнятой задней

[43] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 556.

[44] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 3. СПб., 1890, рис. 154.

[45] Сибирская коллекция, табл. XVIII, *8*.

частью туловища, поднятой головой и оттянутым назад длинным хвостом с загнутым концом в виде головки грифа. У них голова с выступающим лбом, щелевидными глазами, выделенным носом, овальным ртом и торчащими ушами; шея отделена от туловища рельефной полоской, на туловище тремя бороздками показаны ребра, бедро отделено закругленной выемкой. Вдоль шеи и спины протянут рубчатый поясок, таким же образом подчеркнуты нижние линии туловища и лап.

Несмотря на некоторое сходство в позах, фигурки животных на сибирской и новочеркасской гривнах существенно различаются между собой. Стилистически они не имеют ничего общего друг с другом и не могут быть поставлены в сколько-нибудь определенную связь между собой. Вместе с тем фигурки на сибирской гривне не имеют близких соответствий и среди других произведений в той же, что и они, Сибирской коллекции, хотя некоторыми приемами моделировки, например закругленной выемкой у бедра, и напоминают волка в схватке со змеей на ажурной четырехугольной застежке в широкой рамке с треугольными выемками для инкрустаций[46]. Сибирская гривна производит впечатление более ранней, чем новочеркасская, во всяком случае она не моложе II в. до н. э., но может относиться и к III в., так как, судя по приведенным выше данным, именно к этому веку может относиться появление шарнирного устройства.

Во II в. до н. э. шарниры полностью вытесняют втулки как способ крепления растворной части гривен. В это время шарниры применяются для соединения частей и таких предметов, как диадемы и браслеты. Широкой известностью пользуется трехчастная на шарнирах диадема Артюховского кургана, относящегося ко II в. до н. э.[47] Не менее знаменита диадема Новочеркасского клада конца I в. до н. э. или начала н. э.[48] Браслеты с шарнирами получают распространение в позднейшее время. Из ранних известен только один золотой браслет этого рода из местности Дуздак бывш. Сырдарьинской области[49]. Он состоит из двух соединенных шарнирами частей и образован двумя массивными кольцами, между которыми на каждой половине помещено рельефное ажурное изображение коня с подогнутыми ногами и перевернутой задней частью фигуры. Голова его на вытянутой шее мордой касается земли. В отличие от моделированного гладкими, отделенными друг от друга выпуклостями тела животного голова его трактована рельефными ободками, обводящими удлиненный глаз, ноздрю и рот. Торчащее над головой остроконечное ухо и разделенная на части выемками грива вдоль шеи были, как и глаз, украшены вставками из бирюзы. Листовидные, несоразмерно большие копыта также были инкрустированы бирюзой. По сторонам шарниров края створок браслета украшают круглые и треугольные инкрустации из того же камня. Этот браслет был найден вместе с другим, проволочным браслетом с фигуркой фантастического зверя на каждом конце, в связи с рассмотрением которого целесообразнее решать и вопрос о времени находки в целом.

Но прежде этого следует отметить, что подобные дуздакскому широкие ажурные браслеты известны по находкам в Пакистане[50]. Один такого рода браслет хранится в Пешеварском музее, а другой в Кельне (Римско-Германский музей). Так же как и браслет из Дуздака, они состоят из двух створок на шарнирах, но ободки у них плоские с орнаментом из инкрустированных треугольников. На каждой створке по ажурному изображению зверя, припавшего на передние лапы, но с высоко поднятым поджарым задом, вокруг поднятой головы обвивается змея. По узким сторонам створок рельефные головки зверей в фас, по три с каждого края. По сюжету изображения на створках напоминают сибирские за-

---

[46] Там же, табл. XII, *4*, *5*.
[47] ОАК за 1880, СПб., 1882, Атлас, табл. 1, *1*.
[48] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Ук. соч., рис. 152, 153.
[49] Сибирская коллекция, табл. XII, *2*.
[50] K. Jettmar. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964, стр. 183.

стежки со сценой борьбы волка со змеей, но стилистически они отличаются от них прежде всего совершенно необычным для сибирских застежек обильным применением инкрустаций в их, так сказать, классических формах, а именно в виде кружка с криволинейными треугольниками на плече и бедре животных и широкой скобки на ребрах. Такие формы инкрустаций характерны для Амударьинского клада, а в Сибири известны только у наиболее ранних гривен с фигурами грифонов и лежащих львов на концах. Иетмар датировал пакистанские браслеты II в. до н. э., что, принимая во внимание моделировку изображений и наличие шарниров, вполне вероятно. Вероятна и указанная им связь этих браслетов с Греко-Бактрией с той, однако, поправкой, что эта страна была не посредником в передаче форм искусства сибирских кочевников в Пакистан, а частью восточноиранского очага их формирования, распространявшего свое влияние и на Пакистан и на степи Евразии. Важно подчеркнуть, что классические формы инкрустаций, созданные в этом очаге в V — IV вв., продолжали в нем применяться и позже без существенных изменений, в связи с чем находится появление их в сарматском искусстве в то время, когда в Сибири они были уже заменены другими, среди которых наиболее распространенными стали листовидные инкрустации [51].

2. Проволочные гривны и браслеты

Большинство браслетов и гривен в течение всего времени их существования делалось из различной толщины проволоки в виде колец с несомкнутыми или с заходящими друг на друга концами или же спиралей с тем или иным числом оборотов. Они различаются между собой главным образом украшениями на концах, отлитыми отдельно и затем напаянными на них. К наиболее ранним образцам проволочных гривен в Сибирской коллекции относится спиральная гривна в три оборота со скульптурной фигуркой лежащего льва на каждом конце [52]. В соответствии с толщиной стержня гривны фигура льва сильно сжата, передние лапы его протянуты под длинной шеей, а задние с едва возвышающими бедрами подогнуты под брюхо. Тело зверя завершается длинным, раздваивающимся хвостом, заканчивающимся головкой ушастого грифа. Тупая морда хищника детализирована выделенным носом, мохнатыми губами и обведенными ободками удлиненными глазами, инкрустированными черным стеклом; сравнительно большие уши подтреугольной формы оформлены выемкой для инкрустации из бирюзы. Шея трактована изогнутыми прядями гривы с узкими гнездами для вставок. Выделенные плечи и бедра подчеркнуты инкрустациями, ребра показаны полукруглыми гнездами, на лапах обозначены пальцы. Стилистически фигурки на этой гривне примыкают к скульптурным изображениям львов на концах трубчатой гривны с втулкой [53], в свою очередь сближающейся с ахеменидской гривной, украшенной крылатыми грифонами [54]. Основываясь на приведенных сопоставлениях, проволочная гривна с львами на концах вполне может быть отнесена к IV в. до н. э.

Того же рода скульптурными фигурками лежащих львов, с утраченной у одного из них головкой, украшен проволочный спиральный браслет из 10 витков [55]. Они тоже моделированы гнездами для инкрустаций в виде «скобок и запятых», которые С. И. Руденко считает верным признаком произведений V — IV вв. до н. э. [56]

---

[51] М. И. Артамонов. Композиции с ландшафтом.
[52] Сибирская коллекция, табл. X, *3, 4*.
[53] Там же, табл. XVI.
[54] Там же, табл. XVII.
[55] Там же, табл. XVIII, *4, 5*.
[56] Там же, стр. 32 сл.

Стилистически близко сходна с этими гривной и браслетом еще одна пара проволочных браслетов в виде спирали из 7 витков [57]. На концах их напаяно тоже по очень сжатой фигурке лежащего хищника с выделенными лопатками и бедрами, но с менее детализированными, чем на гривне, другими частями тела и без гнезд для инкрустаций, хотя и с нарезками на соответствующих местах. Эти браслеты, вероятно, более поздние, чем гривна, но едва ли очень далеко отстоят от нее. Две пары проволочных спиральных браслетов отличаются тем, что концы их украшены не отдельными фигурками зверей, а сценами, состоящими из двух или трех животных. Так, на одной из этих пар браслеты из 11 витков заканчиваются очень сжатыми изображениями головы оленя, выступающей из пасти заглатывающего его хищника. Эта голова представлена в довольно детальной моделировке: у нее мягкие губы приоткрытого рта, удлиненно треугольные глаза и прижатые к длинной шее уши и рога, причем последние имеют форму лопасти с двумя треугольными выступами вдоль верхней длинной стороны. Голова зверя, в пасти которого она находится, охарактеризована выделенным носом, удлиненными глазами и маленькими острыми ушами. Туловище его позади гладкой шеи испещрено нарезками, скорее орнаментального, чем изобразительного характера, среди которых, впрочем, еще улавливаются намеки на поджатые ноги [58].

На другой паре проволочных браслетов из 16 витков на концах представлен тот же, но более усложненный мотив [59]. Здесь из пасти хищника выходит не одна голова, а часть тела оленя с поджатыми под длинной шеей передними ногами с выделенными лопатками. От довольно мягко моделированной головы этого животного вдоль шеи тянутся рога, стилизованные в виде ряда птичьих головок. У хищника большая голова с широко открытой пастью, с загибающейся вниз верхней губой, такие же, как у оленя, удлиненные глаза с веками и длинные остроконечные уши с завитком внутри. У него длинное туловище с выделенными плечами и бедрами и плотно поджатые лапы с намеченными нарезками когтями. Тело между ногами покрыто редкими точками. За этим зверем помещен второй хищник, тоже с широко раскрытой пастью с острым выступом над верхней губой. У него выпуклые полукруглые глаза и небольшие треугольные уши. Передние лапы поджаты под шеей, а задние с выделенными, как и плечи, бедрами вывернуты назад. Сверху вдоль них протянут хвост с загнутым кверху кончиком. По бокам туловища дугообразными нарезками показаны ребра, на лапах обозначены пальцы или когти. Сзади этого зверя имеется еще одна голова, обращенная в противоположную сторону. Изо рта ее выходит стержень браслета. Она моделирована так же, как и другие головы этой сложной композиции: по сторонам пасти ноздри, глаза удлиненные с веками, уши небольшие, листовидные.

Трудно сказать что-нибудь вполне определенное о времени браслетов со сценами пожирания хищником оленя, но, судя по их стилистическим признакам, они не могут быть позже других описанных в данной группе проволочных браслетов. Существенно отметить, что изображения на наконечниках гривен из наложенных друг на друга колец с шарнирами, относящихся в общем к III — II вв. до н. э., стилистически отличаются от них значительно большей орнаментальностью и схематизмом, что дает основание датировать проволочные браслеты и гривны с изображениями животных на концах в целом более ранним, чем эти гривны на шарнирах, временем. Вместе с тем несомненно, что и проволочные гривны и браслеты не одновременны и что наряду с теми, которые выше отнесены нами к IV в., среди браслетов имеются и более поздние экземпляры, современные гривнам на шарнирах.

---

[57] Там же, табл. IX, *3—5*.
[58] Там же, табл. XI, *3—5*.
[59] Там же, табл. X, *2*.

Хотя хронология Амударьинского клада и остается спорной, все же установленное Далтоном время находящихся в нем вещей наиболее обоснованно. В состав этого клада, образовавшегося из вещей и монет, скупленных через посредников, могли, конечно, попасть, так же как монеты III — II вв. до н. э., ювелирные изделия того же, что и они, времени, но для выделения их пока что нет никаких оснований. В этом кладе имеется массивный золотой браслет, оформленный в виде двух обращенных друг к другу зверей [60], которые своими сжатыми, орнаментализированными формами сходны с фигурами на сибирских проволочных браслетах. Если этот амударьинский браслет относится к основному составу клада, то его следует учесть как указание на хронологическую близость с ним сибирских проволочных браслетов и соответственно с этим датировать последние если не IV, то III в. до н. э.

Не может быть полной уверенности в хронологии находящегося в Сибирской коллекции проволочного браслета с заходящими друг на друга концами со скульптурной фигуркой лежащего льва на каждом из них, представленного в обобщенных формах со слегка повернутой в сторону головой [61]. Самыми замечательными чертами этого изображения являются, во-первых, четкая грань, отделяющая шею зверя от его туловища, причем на спине она образует двойной, заостренный и слегка изогнутый выступ, и, во-вторых, раздваивающийся хвост с завитком на каждом из концов, охватывающих стержень браслета с боков. Подобная грань между туловищем и шеей имеется у изображения волка в схватке со змеей на паре ажурных застежек Сибирской коллекции [62], которое по другому признаку, а именно по закругленной выемке у бедра, было сопоставлено с фигурами зверей по верхнему краю гривны с шарнирами, украшенной между кольцами ажурным орнаментом из ромбов и кружков с инкрустациями, отнесенной нами к III в. до н. э.[63] Раздвоенный хвост имеется у фигуры лежащего льва на концах проволочной гривны [64], которая по ряду признаков сходна с ранними трубчатыми гривнами Сибирской коллекции с изображениями грифонов и львов, относящимися ко времени не позже IV в. до н. э. Принимая во внимание все эти соответствия, проволочный браслет с лежащими львами на концах должен датироваться IV—III вв. до н. э., хотя и без достаточной для того уверенности.

Несколько гривен и браслетов Сибирской коллекции украшено по концам головками животных. Наиболее замечательна из них гривна в виде обруча с несомкнутыми, несколько расширяющимися концами с насаженными на них крупными головками, по-видимому, львов [65]. Эти головы с полушаровидными ушами, ребром вдоль лба, с резкими складками вокруг удлиненных глаз, продолжающимися до конца челюсти, с маленьким носом, раздвоенной верхней губой с точками, означающими усы, приоткрытым обведенным рамкой ртом с угловатыми краями и таким же образом выделенными полукружиями на концах челюстей были украшены вставками бирюзы в выемках глаз, ушей и челюстей, а также в прядях гривы, показанной двумя парами гнезд за ушами по сторонам шеи. Моделировка этих головок близко сходна с вырезанными из дерева изображениями животных в алтайских курганах [66]. На наконечнике-шее у гривны Каракольского кургана грива стилизована сходным образом [67]. На основании этих сопоставлений сибирскую гривну с львиными головками можно отнести к IV в.

---

[60] O. M. Dalton. Ук. соч., табл. XX, *144*.
[61] Сибирская коллекция, табл. VII, *3*.
[62] Там же, табл. XII, *4*, *5*.
[63] Там же, табл. XVIII, *9*.
[64] Там же, табл. X, *3*, *4*.
[65] Там же, табл. XV.
[66] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. LVI, *1—3*; LXII, *1—4*, *7*; LXIII, *1*, *4—6* и др.
[67] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXII, *8*.

Другая проволочная гривна в виде спирали в 5 оборотов украшена по концам настолько схематизированными маленькими головками животных, что даже вид их невозможно установить [68]. Общим своим характером они напоминают головки на концах согнутой спиралью трубчатой гривны на шарнирах, концы которой, кроме того, украшены поперечными нарезками со вставками бирюзы [69].

Весьма схематичны также головки баранов на концах проволочного браслета в виде спирали из трех витков [70]. У них тонкая морда и изогнутые по ее сторонам рога со слегка отогнутыми кверху концами. Эти головки отдаленно напоминают бараньи же головы на наконечниках гривны с шарниром между ними [71], хотя и сильно стилизованной, но все же относящейся, по-видимому, еще к III — II вв. до н. э. Проволочный браслет с бараньими головками, вероятно, более позднего времени, судя по сарматской аналогии [72], может относиться ко II—I вв. до н. э.

Определение хронологии золотых вещей Сибирской коллекции встречается с большими трудностями вследствие ограниченности сравнительного материала, который к тому же, в свою очередь, остается в большей части хронологически не определенным. Типологическая и стилистическая классификации, как бы они не были совершенны, сами по себе указаний на время не дают. Они важны для относительной, а не для абсолютной хронологии. Ввиду этого сопоставление сибирских золотых вещей со сходными произведениями из более или менее точно датированных комплексных находок имеет особенно большое значение. Сопоставление гривен на втулках и шарнирах с ахеменидскими и боспорскими памятниками привело к определенным положительным результатам. Подобного же рода сопоставления проволочных гривен и браслетов с соответствующими сарматскими находками, хотя и не имеет решающего значения, будет тоже небесполезным.

Однако прежде чем к этому приступить, следует вернуться к упомянутому выше золотому проволочному браслету из местности Дуздак в Средней Азии [73], найденному вместе с растворным браслетом на шарнирах с ажурным изображением повторенного на каждой створке коня. На концах этого проволочного браслета напаяно по литой сжатой фигурке фантастического зверя с вытянутым туловищем, поджатыми под длинной шеей передними лапами и задними лапами, вытянутыми вдоль стержня браслета назад. На его туловище обозначены ребра в виде налегающих друг на друга полуовальных срезов — чешуек, голова его с удлиненными глазами с веками, приоткрытым ртом, обведенным рельефными губами, с выделенным носом, трактованным в виде птичьей головки, и с острыми изгибающимися ушами. Вдоль шеи и спины протянут ряд из восьми птичьих головок с торчащими ушами, круглыми глазами и загнутым клювом. Над задними ногами изгибается длинный хвост с раздвоением, на конце каждого из которых по такой же, как на рогах и на носу, птичьей головке. Общим своим характером и некоторыми деталями этот фантастический зверь сближается с изображениями на концах проволочных гривен и браслетов Сибирской коллекции, а по своему типу он соответствует такому же зверю, представленному в борьбе с тигром на паре ажурных застежек той же коллекции — рог этого зверя тоже составлен из птичьих головок, такими же головками у него заканчиваются хвост и нос [74]. Сходные элементы имеются у изображения и на другой паре за-

---

[68] Сибирская коллекция, табл. XIV, *2*.
[69] Там же, табл. XIII, *2*.
[70] Там же, табл. VII, *4*.
[71] Там же, табл. XII, *3*.
[72] См. стр. 54.
[73] Сибирская коллекция, табл. X, *1*.
[74] Там же, табл. V, *5*.

стежек, где представлена борьба тигра с грифом и волком из-за добычи [75], а равным образом у скульптурных зверей на большой бляхе со скобкой внизу [76]. Все эти произведения относятся ко времени не раньше III в. до н. э. Тем же или несколько более поздним временем следует датировать и дуздакскую находку, чему не противоречит форма другого, найденного вместе с ним двухстворчатого браслета на шарнирах [77].

Дуздакская находка важна еще и в другом отношении, а именно тем, что подтверждает тесную связь сибирского искусства со Средней Азией. Хотя полного тождества в произведениях, найденных в Средней Азии и Сибири не наблюдается, искусство там и тут развивалось на общей основе и в одном и том же направлении. Тот факт, что в Сибирской коллекции относительно мало вещей, соответствующих произведениям среднеазиатского искусства, представленным в составе Амударьинского клада, и что вместе с тем художественные произведения Сибирской коллекции стилистически тесно связываются с памятниками ахеменидско-иранского искусства, составляющими основной фонд этого клада, нельзя не расценивать как определенное указание на то, что сибирские золотые изделия в общем позже амударьинских находок и что хронологическая граница между ними пролегает где-то в пределах второй половины IV в. до н. э. Замечательно, что и искусство Алтая, теснейшим образом связанное с иранским искусством ахеменидского периода, представляет параллели только для наиболее ранних образцов Сибирской золотой коллекции, большинство произведений которой относится к следующему эллинистическому периоду.

Сарматское искусство нередко ставят в прямую зависимость от сибирского. Действительно, у того и другого имеются определенные соответствия, но они отнюдь не свидетельствуют о зависимости одного от другого. Произведения сарматского искусства отличаются своими специфическими признаками, хотя и развивающимися на одной основе с сибирским искусством, но сближающимися скорее не с сибирскими, а со среднеазиатскими произведениями. Вместе с тем в сарматском искусстве отчетливо выступают элементы скифского и греко-скифского или, точнее, боспорского происхождения.

Одна из наиболее ранних сарматских гривен происходит из 1-го Прохоровского кургана III в. до н. э.[78] Она согнута из золотой проволоки в три оборота и украшена по концам напоминающими астрагалы валиками и псевдосканными поясками, а также головками тупорылого зверя с раскинутыми в противоположные стороны рогами из рубчатой проволоки, скрепленными с головой маленькими шариками. Глаза и уши зверя обведены на одном конце гладкой, а на другом рубчатой проволокой и являются гнездами для инкрустаций. Близких аналогий для этой гривны нет, но некоторыми своими чертами она напоминает сибирские произведения этого рода. Так, напаянные проволочные рога с поперечными насечками в известной мере соответствуют проволочным хвостам на сибирских гривнах [79], а скрепляющие их с головкой шарики напоминают такие же шарики между кольцами у гривны с реалистическими львиными головками на концах [80]. К этому можно добавить, что трактовка деталей головы рубчатыми ободками имеется у маленькой сибирской гривны с фигурами лежащих зверей между двумя кольцами [81]. Указанные соответствия подтверждают вероятность предложенной выше датировки сибирских гривен с данными признаками III в. до н. э., но отнюдь не до-

---

[75] Там же, табл. IV, *3*, *5*.
[76] Там же, табл. IV, *1*.
[77] См. стр. 17, 18.
[78] М. И. Ростовцев. Курганные находки..., табл. II, *1*, *1а*, *1б*.
[79] Сибирская коллекция, табл. XI, *6*; XII, *3*.
[80] Там же, табл. XIII, *1*.
[81] Там же, табл. XVIII, *1*.

казывают ни сибирского происхождения прохоровской гривны, ни даже создания ее по сибирскому образцу.

К III в. до н. э. мы отнесли гривны в виде оформленного астрагалами кольца с втулками из Казинского или Ставропольского клада [82]. Однако среди вещей этого клада имеются и другие гривны, носящие все признаки местного варварского производства. Одна из них, массивная с головками лошади на концах, сближается с рассмотренной гривной из I-го Прохоровского кургана. Для той и другой характерно воспроизведение псевдоскани и заполнение точками. Три гривны Казинского клада украшены по концам фигурками лежащего хищника с длинной зубастой мордой, когтистыми лапами и веревкообразным хвостом, в одном случае — на гривне с сомкнутыми концами — длинном, а в двух других — на гривнах в полтора оборота — в виде торчащего обрубка [83]. Позами и схематической орнаментальной трактовкой эти фигурки хищников напоминают зверей на сибирских гривнах из полых колец с втулками [84], а стилистически особенно близко примыкают к сарматским изображениям из кости и бронзы, в которых повторяется один и тот же образ зубастого зверя с вытянутой мордой, как, например, из курганов Пятимары [85] или в вырезанной из кости фигурке зверя из кургана Черная гора у с. Абрамовки [86]. Это сарматский волк, образ которого появляется еще в VI—V вв. до н. э. В стилизованных формах Казинского клада он может относиться к тому же времени, что и лев, грызущий голову какого-то животного на импортной гривне из того же комплекса [87]. Сопоставление волков Казинского клада с фигурками хищников, помещенных по верхнему краю сибирской гривны из трех колец с орнаментальными поясами между ними [88], не только показывает существенное стилистическое различие тех и других, но и свидетельствует о сравнительно большой древности сибирской гривны, которую мы выше отнесли тоже к III в. до н. э. [89]

Два золотых браслета с изображениями на концах происходят из разрушенного погребения у дер. Саламатино Волгоградской области. Один из них проволочный, спиральный из семи витков, украшенный фигурками козлов с плотно поджатыми передними и вытянутыми задними ногами, т. е. в положении прыжка [90]. Тупорылая голова животного на вытянутой шее отделена псевдосканным пояском, глаза и ноздри обозначены углублениями, а рога в виде дуг с изогнутыми концами сделаны отдельно и напаяны. Сзади фигура заканчивается длинным хвостом с раздвоением на конце, тоже напаянным из изогнутой рубчатой проволоки. На туловище с четко выделенными плечами и бедрами врезами показаны ребра; кроме того, врезанной изогнутой линией отмечено каждое плечо. Второй браслет из трех витков украшен бараньими головками с загнутыми вперед рогами. И здесь рот и нос обозначены углублениями, глаза полушаровидными выпуклостями, шерсть на шее — точками [91].

Оба эти браслета напоминают некоторые произведения Сибирской коллекции и Амударьинского клада. Фигурками животных в положении прыжка украшались ручки сосудов и концы гривен и браслетов. Для примера напомним золотой браслет Амударьинского клада с прыгающими грифонами на концах [92] и браслет из местности Дуздак, на котором пры-

---

[82] См. стр. 14; Е. М. Придик. Новые кавказские клады, табл. VIII, *6*, *7*.
[83] Там же, табл. VII, *8*; VIII, *4*, *8—11*.
[84] Сибирская коллекция, табл. XI, *6*; XVIII, *1*.
[85] К. Ф. Смирнов. Савроматы, рис. 79, *2—5*.
[86] Там же, рис. 80, *8*.
[87] Е. М. Придик. Новые кавказские клады, табл. VIII, *6*, *7*.
[88] Сибирская коллекция, табл. XVIII, *8*.
[89] См. стр. 17, 18.
[90] М. И. Ростовцев. Курганные находки, табл. II, *6*; И. Берхин. Сарматское погребение у с. Саламатина. СГЭ, XV, Л., 1959, стр. 39—41.
[91] Там же, стр. 40.
[92] O. M. Dalton. Ук. соч., табл. 1, *116*.

гающим представлен фантастический волк [93]. В Пазырыкских курганах такое положение придавалось животным в стремительном движении [94]. Для сибирских изображений животных положение в прыжке не характерно, там обычно изображались не скачущие, а лежащие или ползущие звери. В Причерноморье, где чаще всего на концах гривен и браслетов помещался лежащий лев, он же изредка представлен в прыжке, но не с поджатыми, а с вытянутыми передними лапами, как, например, на браслете из Большой Близницы [95]. Напаянные из проволоки рога и хвосты уже отмечались как у сибирских, так и сарматских произведений, раздвоенный хвост, как мы видели, появляется в Сибири на ранних памятниках, а дуги, спирали и другие фигуры на плечах и бедрах представляют собой традицию, восходящую к ахеменидскому искусству V в. Сходные с саламатинскими бараньи головки на концах браслетов можно указать и в Сибирской коллекции [96], и в Амударьинском кладе [97]. Саламатинская находка датируется довольно неопределенно — I в. до. н. э.—II в. н. э. [98] Однако, принимая во внимание сходство изображений на саламатинских браслетах с мотивами более раннего времени, их можно отнести по крайней мере ко II—I вв. до н. э.

Большой интерес вызывает золотой спиральный в три витка браслет, найденный В. П. Шиловым в разграбленном погребении у с. Верхнее Погромное на Нижней Волге [99]. На концах его представлена сцена нападения хищника на оленя. Лежащий с плотно поджатыми ногами олень изображен с сильно вытянутой шеей и головой, на которой отчетливо выделены обведенные складками удлиненные глаза, губы приоткрытого рта с виднеющимися в нем зубами, прижатые к шее уши и лежащие на ней же рога удлиненно овальной формы в виде рамки с зигзагообразными отростками по верхнему краю. Передние ноги его с выступающими лопатками прижаты к шее, а задние с таким же образом выделенными бедрами протянуты под туловищем, на котором обозначены луновидные ребра. Верхние края плеч, бедер и хребет покрыты поперечными насечками, на ногах копыта с листовидными гнездами; треугольными гнездами отмечены плечи и бедра животного. Позади этого оленя изображена голова хищника, тоже, как и он, как бы вырезанная из дерева, с резко очерченными формами. В общем здесь представлена сцена, известная по ряду примеров в сибирском искусстве, где, впрочем, обычно изображается не преследующий, а пожирающий свою добычу зверь. Олень в пасти хищника на концах сибирского спирального браслета [100] очень похож на оленя из Верхнего Погромного, в частности у него совершенно так же оформленные рога, только более плотно прижатые к шее. Зато трактовка туловища пожирающего его хищника более орнаментальна, и оно, по сути дела, превращается в наконечник, какие встречаются у других гривен Сибирской коллекции [101]. Стилистически браслет из Верхнего Погромного сближается с произведениями Сибирской коллекции, относящимися к III—II вв. до н. э., и в силу этого, казалось бы, не может относиться к тому позднему времени, которым В. П. Шилов датирует погребение, из которого он происходит [102]. Но это вещь, восходящая не к сибирским, а к среднеазиатским образцам, так как трактовка животного условными геометрическими фигурами в Сибири бы-

---

[93] Сибирская коллекция, табл. X, *1*.

[94] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. XXXIV, *2*, Л., XL, *2*.

[95] Сокровища скифских курганов. Прага. 1966, табл. 279; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Ук. соч., 1, СПб., 1889, рис. 84.

[96] Сибирская коллекция, табл. VII, *4*.

[97] O. M. Dalton. Ук. соч., табл. XVIII, 134; XIX, 133; XX, 132.

[98] И. Берхин. Ук. соч., стр. 39.

[99] В. Шилов. Погребения сарматской знати. I в. до н. э.— I в. н. э. Сообщения ГЭ, вып. IX, Л., 1956, стр. 44.

[100] Сибирская коллекция, табл. XI, *4*.

[101] Там же, табл. XI, *7*; XVIII, *6*, *7*.

[102] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 45.

товала только в более раннее время, тогда как в иранском искусстве Средней Азии она сохранялась до поздней поры.

Несомненно, значительно более позднего времени браслеты из погребений, открытых В. П. Шиловым в Калиновском могильнике в Волгоградской области. По заключению автора раскопок, эти погребения хорошо датируются найденными в них импортными стеклянными и бронзовыми сосудами I в. до н. э. [103] Один из найденных там золотых браслетов согнут спиралью в восемь оборотов, а другой, вероятно такой же, но разломанный, связан из двух кусков [104]. На концах того и другого изображена сцена, истолкованная В. П. Шиловым как нападение хищника на лосиху. Действительно, на них в очень схематизированном виде представлена голова животного с длинной шеей и прижатыми к ней передними ногами с выделенными лопатками, а за ней еще более схематизированная голова другого зверя с раскрытой пастью, заглатывающего первое животное. Из других частей второго зверя показан только хвост в виде змеевидно изогнутой проволоки, напаянной на стержень браслета. Этот мотив, как уже говорилось, хорошо известен в сибирском искусстве, однако ни в одном случае схематизация изображений в такого рода сценах в сибирских произведениях не заходит столь далеко, как на калиновских браслетах, где образ животного передается в самом общем виде, с полной утратой каких-либо видовых признаков. По характеру стилизации эти браслеты можно сравнивать только с одной сибирской гривной со схематическими головками животного на концах [105]. Калиновские браслеты сильно отличаются от браслета из Верхнего Погромного, хотя там представлен тот же сюжет, что может служить веским доводом в пользу значительного хронологического разрыва между этими произведениями. Общим для браслетов из Калиновки и Саламатина являются напаянные из проволоки детали изображений, таких, как хвост или рога. Однако этот прием изображения встречается в Сибири еще на образцах IV—III вв. и не может быть основанием для датировки.

К сожалению, очень плохо был раскопан Курджипский курган в Майкопском районе Южного Прикубанья, в котором среди разнородных и разновременных находок имеется гривна с несомкнутыми концами, украшенными выполненными филигранью пальметками и цветными вставками, а также головками животного с удлиненной мордой, трактованной поперечными насечками, с круглыми глазами, прижатыми ушами и лирообразными рогами, дугами возвышающимися над головой [106]. Своим схематизмом и напаянными из проволоки рогами эти головки существенно отличаются от того же рода, но более реалистических головок козлов и оленей на боспорских гривнах, но зато близко напоминают козлов на браслетах из Саламатина, что с учетом других находок в Курджипском кургане позволяет сближать их и в хронологическом отношении.

Подводя итоги сопоставления сибирских проволочных браслетов и гривен с произведениями того же рода из сарматских курганов, приходится признать, что вследствие недостаточной разработанности хронологии сарматских памятников, а главное ввиду хотя и параллельного сибирскому, но независимого от него развития сарматского ювелирного искусства это сравнение не дало существенных результатов и не привело к уточнению заключений, полученных путем типологического и стилистического анализа сибирских вещей. Сам по себе такой анализ, совершенно необходимый в качестве первого этапа исследования, не может привести к прочным выводам в отношении абсолютной хронологии. Поэтому предложенные выше датировки следует рассматривать как предварительные, подлежащие проверке и уточнению путем привлечения нового, сравнительного

[103] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 454 сл.
[104] Там же, рис. 51.
[105] Сибирская коллекция, табл. XIV, *2*, *3*.
[106] ОАК за 1896 г. рис. 303.

материала. Кое-что в части уточнения датировки может еще дать сопоставление результатов изучения гривен и браслетов с заключениями, относящимися к другим категориям вещей Сибирской коллекции, что и будет сделано в других частях исследования.

M. I. Artamonov

«PROBLÈMES DE LA CHRONOLOGIE DES OBJETS EN OR SCYTHES PROVENANT DE LA SIBÉRIE. TORQUES ET BRACELETS»

Résumé

La collection du Pierre Premier provenant de la Sibérie et conservée à l'Ermitage se compose des torques et bracelets de deux types: fabriqués de tiges ou bien de fils. Pour mettre les torques et bracelets du premier type, les parties de derrière de leurs anneaux pouvaient être désunies. Pour les rassembler, chez certains objets on utilisait les tampons de bois que l'on introduisait à l'intérieur des extrémités de leurs tiges. Chez les autres, c'étaient les charnières qu'on employait à ces fins. Ce dernier moyen d'assemblage n'est pas antérieur au IIIe siècle avant notre ère. Et sa large diffusion est signalée seulement à partir du IIe siècle avant notre ère. L'assemblage à l'aide des charnières est indispensable pour les torques à plusieurs rangées formées de tiges ou fils d'or qui étaient fréquents au Proche Orient. On les connaît d'après les trouvailles provenant des Kourganes du Bosphore. En Sibérie ces torques étaient reproduits sous forme de plusieurs anneaux intersoudés et surmontés d'un demi-anneau. Les bouts des torques composés de tiges en spirale ou de plusieurs anneaux étaient décorés des figures et des têtes d'animaux moulées séparément.

Dans la collection de Sibérie l'un des plus anciens est le torque fait d'un tige formant un cercle aux extrémités qui se superposent. L'objet est orné des figures sculptées des griffons à corps de lion abondamment parsemées d'enchâssements pour les incrustations. Le torque est d'origine achéménido-iranienne.

Dans les partie que se demontuient on se servaft d'un tampon pour les affermir. Un autre torque, du même genre, était décoré à ses extrémités, des figures des lions couchés très blottis. Les figures semblables décorent les extrémités d'un torque composé de plusieurs ranquées de fils qui remonte, parait-il, à la même époque (les V—IV-es siècles avant notre ère) ou bien aux temps un peu plus postérieurs. Les torques sibériens les plus simples se composent d'un ou deux anneaux surmontés d'un demi-anneau, leurs parties désunissables sont jointes avec les tampons. Les figures des bêtes couchées ou bien leurs têtes qui décorent les bouts des demi-anneaux ne se distinguent pas stylistiquement de ceux des torques à plusieurs anneaux avec les charniéres. Cela temoigne que, chronologiquement, ces parures sont proches. Les torques de ce type, munis de tampon, sont datés, dans les sépultures sibériennes et sarmates, des IV—III-es siècles avant notre ère; les torques aux charnières ne sont pas antérieurs au IIIe siècle avant notre ére.

Quant au bracelet composé de plusieurs rangées de fils décoré d'une scéne représentant un fauve qui avale un cerf et des images d'autres animaux, il occupe, du point de vue de style, une place intermédiaire entre un bracelet en fils d'or ci-mentionné (dont les extrémités sont ornées des lions) et des bracelets et torques faits également en fils, aux images schématiques des bêtes. Le motif d'un fauve avalant sa proie est connu d'après les monuments achéménides et greco-scythes. Il se répète souvent sur d'autres bracelets sibériens ainsi que sur des bracelets et torques découverts dans les sépultures sarmates associées aux derniers siècles avant notre ère. Cependant les objets sarmates ont des affinités stylistiques aux monuments de l'Asie Moyenne et non pas à ceux de la Sibérie. Cela correspond au rôle de l'Asie Moyenne dans le développement de l'art en Sibérie, d'une part, et dans les régions attenantes à la Volga et aux Monts Oural, d'autre part.

Л. И. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

ПАМЯТНИКИ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВРЕМЕНИ В ВЕРХОВЬЯХ ЗАПАДНОГО БУГА

Западное Побужье конца бронзового и начала раннежелезного периодов представлено памятниками высоцкой и лужицкой культур. Памятники лужицкой культуры в этих районах исследованы недостаточно, и поэтому территория их распространения в юго-восточном направлении остается пока неясной. Лучше определяется северо-западная граница высоцкой культуры. Наиболее западными будут памятники в верховьях р. Шкло (поселения у сел. Шкло и Терновица Яворовского района Львовской области) [1], северными — поселение и могильник около с. Рипнев (Бужский район Львовской области) [2].

В настоящее время в верхнем течении Западного Буга и Стыра открыто еще несколько памятников, но они отличаются как от лужицкой, так и от высоцкой культур (Лежница, Валентынив, Торчин, Зимно, Пятидни Волынской области; Свитазив, Павлив Львовской области) [3]. Небольшие раскопки производились на поселениях у с. Лежница (1962 г.) и г. Торчин (1965 г.) [4].

Поселение у с. Лежница находится на правом берегу Западного Буга, в урочище «Чуб», представляющем собой высокий с крутыми склонами мыс, ограниченный речными долинами и оврагами. На небольшой площади раскопа в насыщенном культурном слое собраны многочисленные обломки посуды.

Керамика изготовлена из глины с крупно- или среднезернистыми примесями толченого гранита, шамота и реже кварца. Из форм в основном представлены горшки, крышки-тарелки и миски.

Горшки — тюльпановидные или с выпуклыми боками и бочкообразным телом. Последние имеют иногда короткую, почти незаметную шейку и слегка отогнутые наружу или вертикальные края венчиков (рис. 1, *1—7, 9—10*). Характерной особенностью большинства горшков является шероховатая или бугристая, специально ошершавленная поверхность, иногда с косыми полосами, которые остались от сглаживания пальцами. Горшки, как правило, украшены под венчиком рядом «жемчужин», проколов или пальцевых оттисков, реже — налепным валиком с пальцевыми вдавлениями. Орнамент в виде пальцевых и ногтевых вдавлений нередко покрывает край венчика или даже значительную часть внешней поверхности сосудов (рис. 1, *6*). Встречаются также небольшие шишечки на шейке или верхней части туловища.

---

[1] Раскопки автора 1968 г.

[2] Раскопки Ю. Н. Захарука 1951 г. и В. Д. Барана 1957—1960 гг. Материалы не опубликованы, находятся в фондах Института общественных наук, Львов.

[3] Материалы экспедиций Института общественных наук, Львов.

[4] Раскопки Н. А. Пелещишина, Институт общественных наук. Автор выражает благодарность Н. А. Пелещишину за представленные для публикации материалы.

Крышки-тарелки — округлые диски, с одной стороны гладкие, с другой — частично заглажены. Они украшены оттисками пальцев, «жемчужинами» и сквозными проколами (рис. 1, *11—13*).

Миски в большинстве случаев имеют полусферическую форму стенок с загнутыми во внутрь венчиками и ровным, иногда несколько утолщенным профилированным донышком (рис. 1, *19—23*). На отдельных экземплярах имеются небольшие ушки. Поверхность мисок гладкая, с внешней

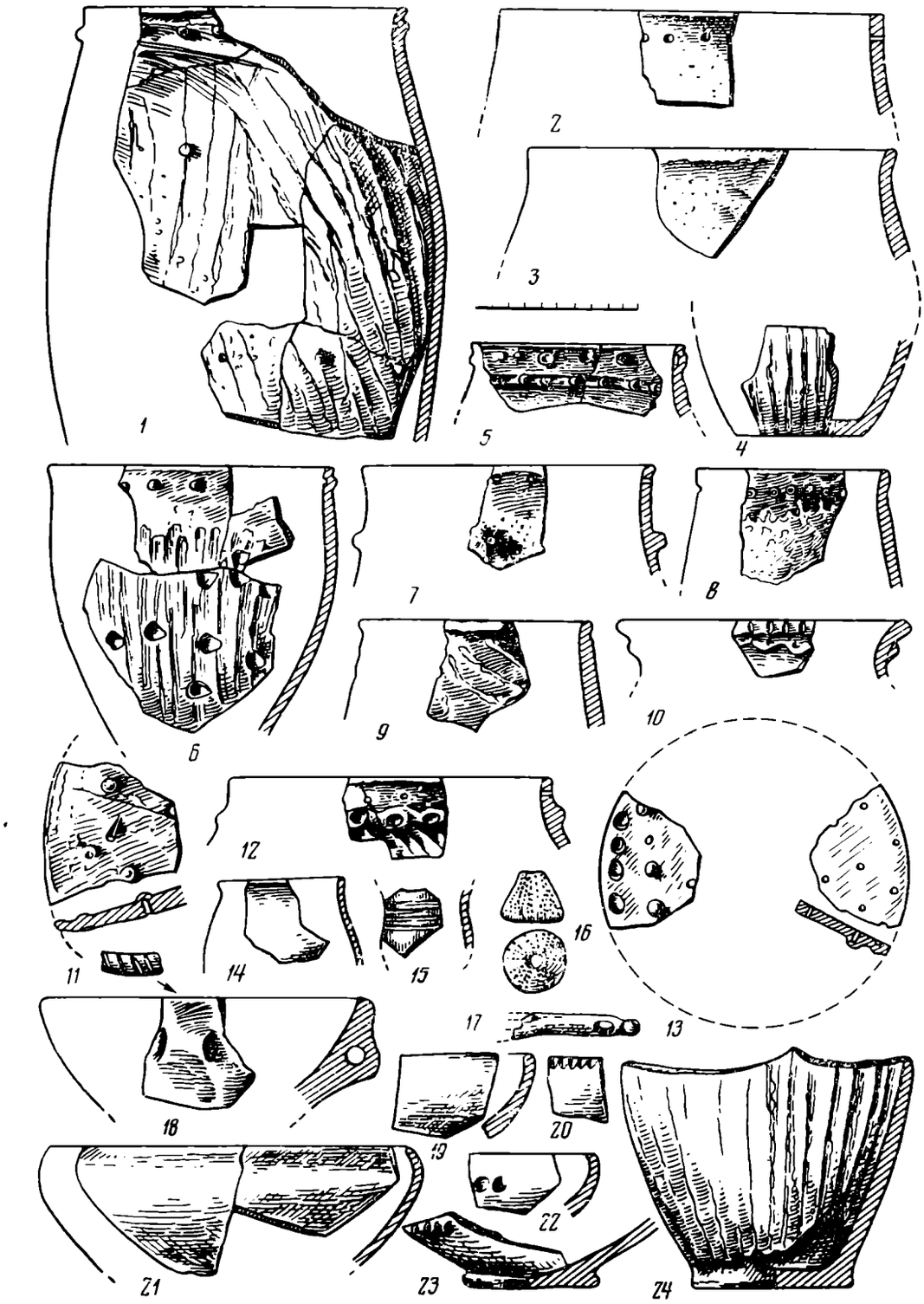


Рис. 1. Керамика из поселений у с. Лежница и г. Торчин Волынской области

стороны серая, внутри почти черная. Некоторые миски украшены оттисками пальцев (рис. 1, *20, 22, 23*).

Кроме упомянутой посуды на поселении найдены обломки маленьких кубков с выпуклыми боками (рис. 1, *14*) и пряслице в форме усеченного конуса, украшенное густыми рядами мелких наколов, составляющих

треугольники (рис. 1, *16*). Обнаружен также фрагмент рогового псалия с концом в виде кулачка и отверстиями в одной плоскости (рис. 1, *17*).

Раскопки в г. Торчин производились на восточной его околице, вблизи действующего карьера. Поселение расположено на юго-восточном склоне небольшой возвышенности левого берега р. Сарны (приток р. Стирь).

Среди собранных здесь обломков керамики выделяются горшки — тюльпановидные, баночные или с бочкообразным телом. Как и в Лежнице, они изготовлены с примесями толченого гранита, имеют бугристую или шероховатую поверхность и украшены под венчиками проколами и «жемчужинами» (рис. 1, *8*). В культурном слое памятника собраны куски железного шлака.

Подъемный материал из других пунктов — это преимущественно обломки таких же шероховатых горшков и гладких, иногда слегка лощеных мисок.

Обнаруженный в Лежнице фрагмент рогового псалия, который можно считать вариантом доскифских или скифских псалиев [5], и наличие на поселении в Торчине железного шлака позволяют датировать эти памятники не ранее VII в. до н. э.

При описании керамики представленной группы памятников необходимо остановиться, хотя бы коротко, на опубликованных Я. Домбровским материалах из многослойного памятника в окрестности г. Стжижув на левобережье Западного Буга (вблизи г. Грубешув, Польша) [6], где среди керамических находок есть аналогичные описанным выше.

Работа Я. Домбровского посвящена анализу материалов из двух поселений и могильника конца бронзового — начала раннежелезного периодов. Наиболее определенным в культурном отношении является могильник, поскольку наличие типичных для ульвивецкой группы лужицкой культуры кубков позволяет связывать его с этой группой памятников. Но особенно интересны для нас замечания автора о том, что существующее мнение о принадлежности к лужицкой культуре поселений спорно [7] и памятники эти представляют культурную группу, имеющую смешанный характер с сочетанием элементов лужицкой культуры и культуры с территории Украины [8].

Основную массу материалов, найденных на указанных поселениях, составляла керамика. Автор подробно анализирует ее и выделяет отдельные типы посуды. Сравнивая их с керамикой широкого круга культур конца бронзового периода Центральной и Восточной Европы, Я. Домбровский синхронизирует стжижовские комплексы с памятниками IV—V периодов бронзы (согласно принятой польскими археологами хронологии,— X—VI вв. до н. э.), причем поселение I, как и могильник, относит к IV периоду бронзы, а поселение II — к самому концу указанного времени [9].

Керамика поселения I состоит из значительного количества горшков, мисок и крышек-тарелок, а также нескольких экземпляров дуршлаков, черпаков и кубков.

К первой выделенной автором группе относятся тюльпановидные горшки с отогнутыми наружу венчиками. Они бывают и гладкие, но в большинстве случаев поверхность их шероховатая, бугристая или заглаженная полосами. Украшены горшки проколами, шишечками, жемчужинами и реже валиками (рис. 2, *1—3*) [10]. Вторая группа представлена широкогор-

---

[5] A. Mozsolicz. Hors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Karpathes. AA. Budapest, 1953, стр. 91.

[6] J. Dąbrowski. Materialy ze Strzyżowa pow. Hrubieszów a. niektóre powiązania ziem Polski wschodniej i Ukrainy w późnej epoce brązu. Materialy starożytne. VIII, Warszawa — Wrocław — Kraków, 1962, стр. 7—58.

[7] Там же, стр. 42.

[8] Там же, стр. 44, 55.

[9] Там же, стр. 39.

[10] Там же, табл. I, *12*, *18*; II, *22*; IV, *4*; VI, *2* и др.

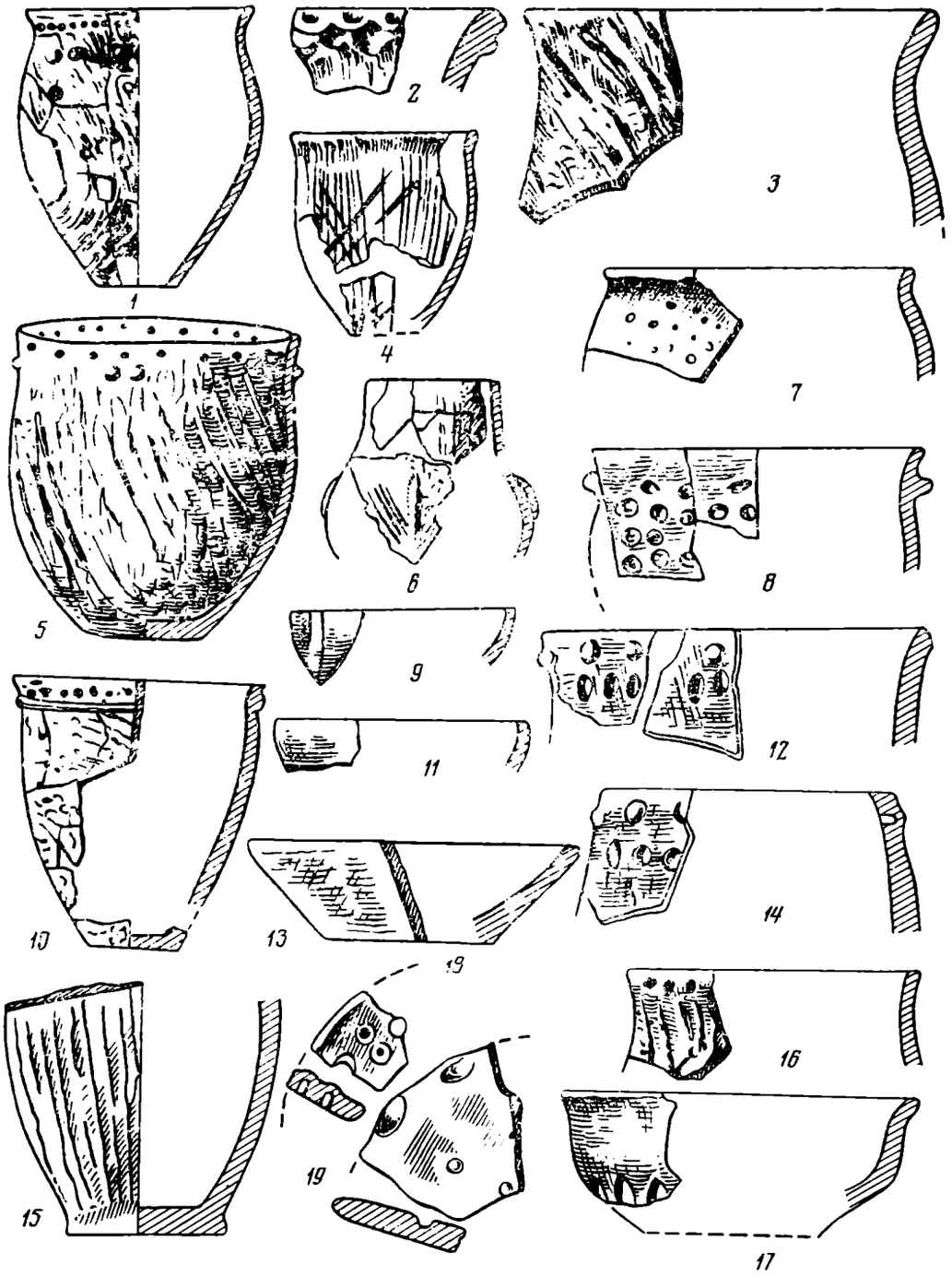


Рис. 2. Материалы из поселения у с. Стжижув, Польша (из публикации Я. Домбровского)

лыми горшками с короткой шейкой и несколько выпуклым туловом аналогичной выделки и орнаментации (рис. 2, *4*, *5*, *7*, *10*, *15*) [11]. Третья — горшки баночной и тюльпановидной формы с венчиками, край которых чуть наклонен наружу [12]. На поверхности некоторых из них имеются многочисленные пальцевые оттиски (рис. 2, *8*, *12*, *16*) [13]. Отдельно выделены находки фрагментов горшков бочкообразной (рис. 2, *14*) [14] и биконической форм [15], а также несколько экземпляров, отличающихся по форме от остальной посуды, например горшок с выпуклым в нижней части туловом и высокой конической шейкой (рис. 2, *4*) [16].

---

[11] Там же, табл.I, *8*; II, *10*, *25*; III, *6* и др.
[12] Там же, табл. III, *5*; V, *11*; VII, *1*, *5*, *6*.
[13] Там же, табл. VII, *1*.
[14] Там же, табл. VI, *7*, *10*.
[15] Там же, табл. IV, *6*.
[16] Там же, табл. II, *13*.

Миски представлены пятью группами. Из них к первой относятся миски с полусферическими стенками (рис. 2, *9, 11*) [17], ко второй — со стенками в форме латинской буквы S (рис. 2, *17*) [18], к третьей и четвертой — конической формы (рис. 2, *13*) [19]. К пятой группе автор отнес очень невыразительный обломок сосуда [20]. Встречаются миски шероховатые, но большинство их гладкие серые, реже чернолощеные, в нескольких случаях украшенные под венчиками рядом проколов, а в нижней части стенок — пальцевыми оттисками (рис. 2, *17*).

Найденные в Стжижове на поселении I крышки-тарелки — гладкие или украшенные оттисками пальцев, иногда в сочетании с проколами или «жемчужинами» (рис. 2, *18, 19*).

Кроме того, на поселении обнаружено несколько экземпляров чернолощеных кубков на высокой ножке [21], характерных для ульвинецкой группы лужицкой культуры, глиняная фигурка птички и так называемая стопка [22]. Не исключено, однако, что эта керамика попала в инвентарь поселения I случайно, из более ранних слоев, как нередко случается на многослойных памятниках. Сам автор неоднократно подчеркивает перемешанность материалов поселения с древностями иных культур. Об этом же говорит и проведенный им анализ посуды единственного «чистого» на этом памятнике керамического комплекса из очага 12 [23].

На поселении II керамика представлена в основном большими выпуклобокими или баночными горшками. Они украшены на плечиках налепными валиками с пальцевыми вдавлениями, в меньшем количестве проколами под венчиками или вдавлениями по их краю. Поверхность большинства горшков на шейке гладкая, ниже валика — шероховатая [24].

Представленная нами керамика памятников типа Лежница имеет аналогии в комплексе поселения I в Стжижове. В частности, горшки очень близки посуде из выделенных Я. Домбровским I, II, III групп. Это же относится и к мискам (I — III группа) и крышкам-тарелкам. Кроме того, одинаковая обработка поверхности большинства сосудов, орнаментация и технология изготовления позволяют предположить, что поселение I в Стжижове и памятники типа Лежница принадлежат к очень близкой, если не одной и той же культурной группе.

Как известно, в довоенные годы большинство польских археологов полагали, что лужицкая культура, образовавшаяся в III периоде бронзы (1200—1000 г. до н. э.) на землях «долужицких» племен, распространилась на территорию восточнее Вислы только в конце бронзового и начале раннежелезного периодов. В настоящее время исследователи склоняются к выдвинутой К. Яждже вским гипотезе, согласно которой лужицкая культура Средней и Восточной Польши возникла на местной тшцинецкой основе [25]. Сторонником этой теории является, в частности, А. Гардавский, который выделяет для среднепольских и восточных лужицких групп переходный от тшцинецкой культуры так называемый лудзкий этап (начало III периода бронзы), включая сюда и территорию верхнего течения Западного Буга [26].

Однако памятники лужицкой культуры восточнее Западного Буга

---

[17] Там же, табл. II, *3*; VI, *9* и др.
[18] Там же, табл. IV, *10*; VII, *11*.
[19] Там же, табл. VII, *1*; V, *15*; III, *1*.
[20] Там же, табл. III, *7*.
[21] Там же, табл. III, *10*; IV, *3* и др.
[22] Там же, табл. III, *18*.
[23] Там же, стр. 12, 13.
[24] Там же, стр. 22, табл. VIII.
[25] K. Jażdżewski. O zagadnieniu początków kultury łużyckiej. «Slavia Antiqua», 1, Poznań, 1948, стр. 94; J. Głosik. Zproblematyki kultury łużyckiei na wschód od środkowej Wisły. AR, IX, 55, Praha, 1957, стр. 702.
[26] A. Gardawski. Chronologia kultury trzcinieckiej, AP, X, 2, Warszawa, стр. 530

представлены в основном лишь малохарактерными находками [27]. На основании частичных исследований ряда могильников: Вильхове (прежде Ульвивок), Скварява Львовской области, Вербень Ровенской области и Млыныще Волынской области были сделаны некоторые выводы. Могильник в с. Вильхове и, возможно, еще несколько пунктов в его окрестности выделены в отдельную ульвивецкую группу, распространенную также в сопредельных районах Польши [28]. В отличие от других групп лужицкой культуры здесь преобладает обряд погребений с трупоположениями [29]. Относительно могильников в сел. Млыныще, Вербень, Скварява и еще нескольких отдельных погребений в районе Владимир-Волынска, упоминаемых А. Цинкаловским, у исследователей нет единого мнения, к какой группе лужицкой культуры они относятся. Предположительна и датировка лужицких памятников указанной территории IV периодом бронзы [30].

В период раннего железа памятники лужицкой культуры в бассейне верхнего течения Западного Буга, по-видимому, исчезают, и на их месте развивается указанная группа памятников типа Лежница. Как уже упоминалось, в керамическом инвентаре этих памятников отсутствуют основные формы, характерные для керамики типа Ульвивок и Млыныще (кубки на высокой ножке, широкогорлые кубки с резким переломом тулова, выпуклобокие вазы, нередко украшенные косыми каннелюрами). Вместо этого имеются сосуды, представляющие как бы продолжение форм кухонной керамики, в частности памятников люблинской группы лужицкой культуры (баночные и тюльпановидные горшки с шероховатой, заглаженной преимущественно полосами поверхностью) [31], которые А. Гардавский относит к II и III периодам бронзы [32]. Некоторые исследователи, например Г. Викляк и М. Гедль, считают эту керамику характерной для раннего этапа лужицкой культуры и свидетельствующей о ее происхождении от тшцинецкой культуры [33]. К местным «тшцинецким» традициям восходит и технология изготовления керамики лежницкого типа (примеси толченого гранита) [34], обработка поверхности сосудов [35], возможно, и некоторые детали орнаментации [36].

---

[27] В. И. Канивец упоминал всего шесть памятников, которые он считает без сомнения лужицкими. В. И. Канивец. Памятники лужицкой культуры. КСИА, 2, 1953, стр. 44, 45. Значительное дополнение карты лужицких находок из этой территории внес А. Цинкаловский (A. Cynkałowski. Materialy do pradziejów Wołynia i Polesia wołyńskiego. Warszawa, 1961, стр. 93—96), но некоторые из указанных пунктов тоже сомнительны. Поэтому трудно установить, на какие 40 памятников лужицкой культуры ссылается З. Буковский, распространяя ее на значительную территорию восточнее, а главное южнее Западного Буга. Z. Bukowski. W sprawie grupy wysockiej kultury łużyckiej. AP, XI, 1. Wrosław — Warszawa — Kraków, 1966, стр. 35.

[28] J. Głosik. Z problematyki kultury łużyckiej. стр. 648.

[29] T. Sulimirski. Kultura Wysocka. Lwów, 1931, стр. 109—112.

[30] Небольшая группа находок лужицкой культуры известна в верховьях Припяти, но они также маловыразительны. Достаточно отметить, что кроме двух браслетов позднелужицкого времени не обнаружено ни одной действительно характерной для этой культуры вещи, ибо даже керамику из этих пунктов Ю. В. Кухаренко с некоторым предостережением определяет как лужицкую. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д 1-29, М., 1961, стр. 9. Со временем на указанной территории выступают памятники поморской культуры (в основном типа подклешевых), а как известно, четких критериев для размежевания керамики позднелужицкого типа и поморской культуры пока не существует.

[31] Этот тип посуды преобладает на поселении лужицкой культуры на стоянке III в г. Тшцинец пов. Пулавы. A. Gardawski. Wyniki prac wykopaliskowych preprowadzonych w 1952 r. w miejscowosci Trzciniec pow. Pulamy. WA, 20, Warszawa, 1954, стр. 383.

[32] Там же, табл. XXXIX и XXXVIII.

[33] H. Wiklak. Poczatki kultury łużyckiej w Polsce środkowej. Lódź, 1963, стр. 19; M. Gedl. Studia nad wczesną fazą kultury łużyckiej w środkowej j wschodniej Polsce. AP, XII, 2, Warszawa — Wrocław — Kraków, 1967, стр. 296, табл. III, *10*; VII, *1*, *2* сл.

[34] A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. Materialy Starozytne, V, Warszawa, 1959, стр. 90.

[35] Там же, стр. 91.

[36] Например в Мазовецко-подляской группе тшцинецкой культуры. A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej..., табл. L, *2*; XL, VI, *13*, *14* и т. д.

К сожалению, как уже говорилось, территория верхнего течения Западного Буга очень слабо изучена, поэтому пока неизвестны памятники, позволяющие установить переходный этап, связывающий распространенную на этой территории в бронзовом веке тшинецкую культуру с более поздней лужицкой культурой и тем более с культурой раннежелезного времени. На основании имеющихся данных пока трудно делать какие-либо выводы. Однако следует обратить внимание на наличие в комплексе керамики лежницкого типа черт, указывающих на существование культурной преемственности от тшинецкой культуры и пожалуй более ярко выраженной чем культурная преемственность от недолговременно бытовавших в конце бронзового века памятников лужицкой культуры типа Ульвивок и Млыныще.

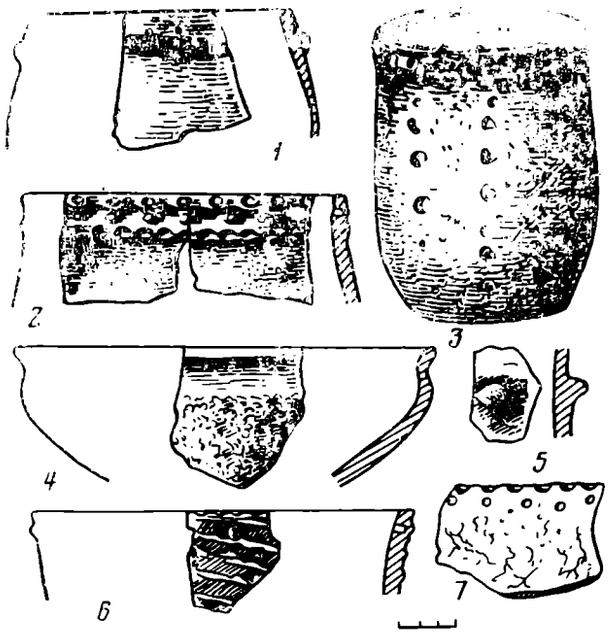


Рис. 3. Керамика из поселений у сел Шкло, Тернавица, Звенигород, Почапи, Плисписко Львовской области

Лежницкая группа синхронна распространенным на территории Южного Полесья, а также восточной части Западной Волыни памятникам, которые А. И. Тереножкин относит к II ступени черняхесской культуры [37]: поселения на р. Гнилопяти и в с. Троянив Житомирской области, Миклашив и Волхивци Хмельницкой области [38], Могиляны [39], Мырогощa, Костянец [40] Ровенской области и др.

Керамика из этих памятников по формам и орнаментации связывается с керамическими комплексами культуры лесостепных племен (тюльпановидные горшки с выпуклыми боками или более удлиненной формы с проколами и валиками, миски нескольких типов, черпаки с ручками), но имеет и некоторые особенности, например удлиненные, цилидрические формы горшков Могилянского типа [41], применение (Троянив, Миклашив, Волхивци) в орнаментации горшков и мисок из памятников Южного Полесья жемчужного орнамента и т. п. [42]

При сравнении керамических материалов из указанных выше поселений и памятников типа Лежница нетрудно отметить общие черты, в частности в форме и орнаментации горшков и мисок. На наличие элементов культуры предскифского времени в комплексах Стжижовского поселения неоднократно указывает также Я. Домбровский [43], подчеркивая, что аналогичные тюльпановидные формы — самый распространенный тип посуды на территории Украины. Характерна для лесостепи и орнаментация сосудов проколами, жемчужинами и налепными валиками [44].

Вместе с тем в инвентаре лежницкой группы пока не известны нарядные черпаки, которые имеются у их восточных соседей, зато находятся многочисленные орнаментированные крышки-тарелки, нехарактерные для

---

[37] О. І. Тереножкін. Памъятки скіфів-орачів в Південному Поліссі, «Археологія», XIX, Київ, 1965, стр. 25—34.

[38] Там же.

[39] М. Ю. Смишко. Погребения раннежелезного века в с. Могиляны Ровенской области. КСИА, 7, 1957, стр. 54—57.

[40] Разведки исследования автора в 1955 г. Материалы не опубликованы.

[41] М. Ю. Смишко. Погребения раннежелезного века..., табл. I.

[42] О. І. Тереножкін. Памъятки скіфів-орачів..., рис. 2, 3, 7.

[43] J. Dąmbrowski. Materiały ze Strzyżowa, стр. 44, 55.

[44] Там же, стр. 37.

памятников Южного Полесья. Различия между керамикой этих групп касаются также обработки поверхности сосудов и некоторых деталей орнаментации (например, преимущественно шероховатая поверхность, орнамент в виде пальцевых оттисков на керамике лежницкого типа).

Очевидно, памятники типа Лежница составляют особую локальную группу, родственную лесостепным памятникам. Но объясняется ли близость их материальной культуры наличием общей культурной подосновы, восходящей еще к комаровско-тщинецким культурам, или перемещением на запад в начале раннежелезного века отдельных групп лесостепного населения, на настоящем этапе исследований сказать трудно.

В VII—VI вв. до н. э. лежницкая группа синхронизируется с высоцкой культурой, развиваясь в ближайшем с ней соседстве. Но среди лежницких материалов нет пока находок, характерных для высоцкой культуры (черпаки, кубки, биконические горшки, металлические изделия и др.), однако среди инвентаря памятников высоцкой культуры, в частности поселений, все чаще встречаются сосуды с шероховатой поверхностью, аналогичные лежницким. Особенно заметны эти влияния на поселениях позднего этапа высоцкой культуры у сел Шкло, Тернавица, Звенигород (Львовская область) [45] (рис. 3, *1, 2, 4, 7*).

С предложенной в свое время В. И. Каневцом конечной датой для высоцкой культуры — IV в. до н. э. [46] соглашается сейчас большинство исследователей. Она совпадает со временем передвижения на запад части племен лесостепной Правобережной Украины, которые, очевидно, были причиной смены культуры в междуречье Западного Буга и Верхнего Днестра. В последние годы эти районы исследовались экспедициями Львовского отдела археологии [47]. На основе полученных данных нам представляется, что в конце VII — в начале VI в. до н. э. в южной части высоцкой территории появляются селища, не отличающиеся в основном от культуры синхронных поселений Западной Подолии (Черепин, Лагодов, Волкив, Перемышляны, Гологоры и др.). Однако рядом с материалами западноподольского типа распространяется также керамика, нехарактерная для этой культуры. В основном это те же тюльпановидные или баночные горшки с налепными валиками, расположенными сразу под венчиками, но обработка поверхности, частое применение жемчужного орнамента и орнамента в виде пальцевых вдавлений, разного типа шишечек и бугорков на поверхности сосудов и краях венчиков позволяют отнести ее к керамике, восходящей к лежницкой посуде. Таким является, например, горшок из с. Почапы (Золочевский район Львовской области) банкообразной формы, украшенный валиком с неаккуратно вдавленными «жемчужинами» и вертикальными рядами оттисков пальцев на неровной поверхности (рис. 3, *3*) [48]. Близок к лежницкой керамике комплекс посуды, открытый В. И. Каневцом в с. Княже (Золочевский район), а также «послевысоцкие» материалы в с. Плиснесько (Бродовский район Львовской области) (рис. 3, *5, 6*) [49].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что на территории высоцкой культуры в раннескифское время распространяются памятники западноподольского типа, а в ее более северных и западных районах — памятники, близкие к лежницкой культурной группе.

О контактах памятников высоцкой культуры с памятниками Побужья свидетельствуют также находки, относящиеся уже к VI — началу V в. до н. э. Так, в керамике поселения и могильника в с. Лагодов Перемышлян-

---

[45] Исследования автора 1964, 1968 гг.

[46] В. И. Каневец. Памятники высоцкого типа как исторический источник. Автореф. канд. дис., Киев, 1953, стр. 14.

[47] Л. Крушельницкая. Памятники скифского времени на верхнем Поднестровье. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1967, стр. 24—27.

[48] Находится в фондах Львовского исторического музея, инв. № ЛІМА 2188.

[49] Львовский исторический музей, инв. № XXII (Б) 15; XXII (Б) 14; XXII (Б) 1 и др.

ского района Львовской области (урочище Залука I, II) [50], где отмечены элементы западноподольской культуры, есть горшки, напоминающие сосуды из поселения Стжижув II. Горшки эти сглаженные под венчиком и с шероховатой или заглаженной полосами поверхностью ниже валика. Некоторые из них имеют по краю венчика вдавления. Появляются также горшки с раздутым в нижней части туловищем и удлиненной шейкой. Сосуды эти несколько напоминают керамику поморской культуры типа «подклешевых». Наличие их на территории высоцкой культуры в VI — V вв. до н. э. является, по-видимому, причиной существующего в археологической литературе мнения о появлении поморских элементов в высоцкой среде [51].

В заключение следует подчеркнуть, что приведенные выше предположения основаны только на предварительном обследовании территории верхнего течения Западного Буга. За неимением хорошо изученных археологических комплексов раннежелезного времени нами использована только керамика. Значение описанных памятников состоит в том, что они дали возможность поставить вопрос о формировании культур раннежелезного времени на Западной Волыни и сопредельных районах.

L. I. Krouchelnitskaia

«MONUMENTS DE L'ÂGE DE FER ANCIEN SITUÉS DANS LE COURS SUPÉRIEUR DU BUG»

Résumé

A l'heure actuelle, sur le territoire situé entre le cours supérieur du Bug et celui du Styr, on découvrit un petit groupe de monuments se rapportant au début de l'époque scythe. Jusqu'à présent ce ne furent que les sites aux environs du village Legnytcia et de la ville de Tortchine (la région de Volynie) qui furent partiellement fouillés. Les matériaux céramiques obtenus au cours des fouilles et travaux de reconnaissance témoignent de l'existence, dans les lieux précités, d'un groupe local particulier de monuments. Celui-ci est parent aux monuments de la steppe boisée de l'Ukraine et, à un certain degré, à ceux de la culture de Loujitsy, particulièrement à son groupe de Lublin.

---

[50] Л. Крушельницкая. Раскопки в Лагодове. Сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 206.

[51] Z. Bukowski. Wschodni zasięg form kloszowych i pomorskich. AP, XII, 2, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, стр. 344, 375, 379.

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКО

ЗАМЕТКИ О СИНОПСКИХ КЛЕЙМАХ

VI

Клеймо найдено летом 1964 г. при разведках, проведенных О. Д. Дашевской на Западно-Донузлавском городище в северо-западном Крыму (рис. 1). Оно довольно плохой сохранности, однако достаточной, чтобы судить о его содержании. Как и большинство синопских клейм, беляусское клеймо состоит из надписи и эмблемы. Надпись находится в левой части штемпеля и содержит четыре строки. В первых трех строчках мастер помещает название магистратуры и имя астинома в родительном падеже с отчеством. Название магистратуры выражено существительным и находится перед именем астинома. В четвертой строке мастер написал имя гончара в именительном падеже.

.Σ.....ΟΥ	ἀ]σ[τυνόμ]ου
ΜΑ...ΘΕΟΥ	Μα[θτι]νέου
.....ΑΓΟΡΟΥ	τοῦ Πρωτ]αγόρου
.ΡΑ..ΕΙΔΗΣ	Ἡ]ρα[κλ]είδης.

Справа от надписи помещена эмблема. Она изображает сидящего влево бескрылого сфинкса. Правее сфинкса, в правом верхнем углу клейма, расположена отдельно стоящая буква *хи* по величине в два раза превышающая все остальные буквы надписи. Эмблема и надпись рельефные.

Клеймо имеет ряд особенностей. Прежде всего нужно отметить, что поверхность, на которой помещена третья строка надписи, несколько возвышается над всеми остальными строками. Она образовалась в результате исправления ошибки, обнаруженной резчиком во время изготовления штемпеля. Заметив ошибку, мастер стер уже написанное отчество [1]. Стирая буквы, резчик несколько углубил в этом месте поверхность штемпеля. На новой гладкой поверхности он написал нужное ему слово [2]. При оттиске клейма на амфорной ручке третья строка надписи оказалась выше всех остальных строк, что очень хорошо видно на самом клейме [3].

Не менее интересной является эмблема. Как уже указывалось выше, она представляет собой изображение бескрылого сфинкса, помещенного ли-

[1] Обычно в таких случаях мастер писал заново поверх уже написанной строки, не стирая ее. Буквы ошибочно написанного слова заметно проступают сквозь буквы нового слова. В. И. Цехмистренко. Заметки о синопских клеймах. СА, 1964, 1, стр. 321.

[2] Такое исправление можно произвести только в том случае, если материал, из которого изготовлялся штемпель, был мягким и податливым. По всей вероятности, штемпель был сделан из глины. В. И. Цехмистренко. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис., М., 1963, стр. 16.

[3] Аналогичный случай исправления надписи известен нам на одном родосском клейме из раскопок Д. Б. Шелова в Танаисе в 1959 г.

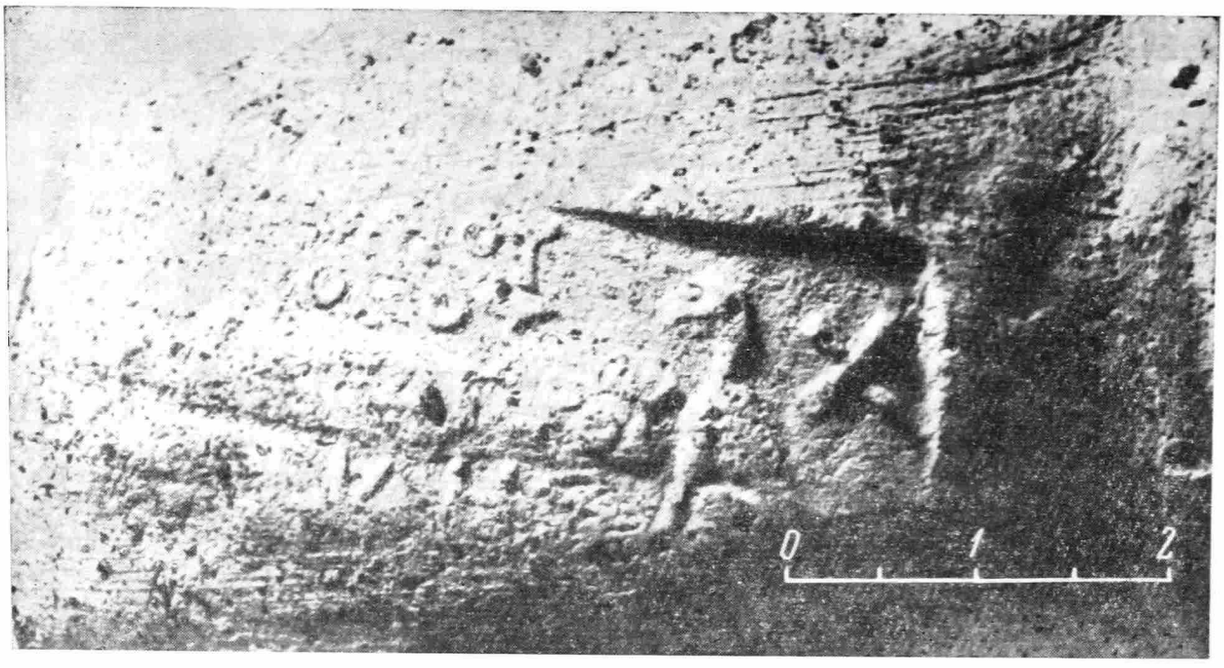


Рис. 1. Клеймо с Западно-Донузлавского городища

цом к надписи. При описании эмблем этой астиномной группы Б. Н. Граков указывает, что обычно встречается изображение льва, сидящего влево, реже вправо, иногда заменяемого бескрылым сфинксом вправо [4]. На нашем клейме сфинкс изображен влево, подтверждая тем самым наличие разновидностей в этой астиномной группе, которых теперь становится четыре.

Как известно, надписи синопских клейм обычно состоят из двух элементов: имени астинома и имени гончара. Имя астинома в некоторых клеймах имеет отчество и сопровождается названием магистратуры или предлогом. Имя гончара, как правило, не имеет определяющего слова [5] и редко сопровождается отчеством. В нашем клейме можно видеть третий элемент — отдельно стоящую букву, которая отделена от надписи эмблемой. Этим подчеркивается ее самостоятельное значение. Отдельно стоящая буква не так уже редка в синопских астиномных клеймах. Нам известны альфа при астиноме Дие сыне Мения между надписью и эмблемой «акростилием», перевернутая альфа в клейме из собрания Музея изобразительных искусств (имя астинома отбито, название магистратуры в форме ἀστυνομοῦντος) , в котором отдельная буква также расположена между надписью и эмблемой «головой человека впрямь». Известна бета в плохо читаемом клейме Керченского музея, надпись которого идет по трем сторонам штемпеля, причем отдельно стоящая буква начертана ретроградно в отличие от остальных строк надписи. В правом нижнем углу клейма изображен канфар. Дельта известна дважды. В нескольких клеймах группы астинома Дионисия она помещена внутри венка и, таким образом, отделена от остальной надписи. В клейме с именем астинома Гестиея дельта находится в середине четвертой строки под именем гончара. Все эти буквы сопровождают полную надпись и не заменяют какой-нибудь из ее элементов. Кроме того, встречается буква эпсилон в самостоятельном клейме.

Наряду с буквами в синопских клеймах встречаются и монограммы, как в самостоятельных клеймах, так и в клеймах с полной надписью при астиномах Гистиее (эмблема «орел на дельфине»), Гикесии («птица» вле-

[4] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 149, табл. 9, *8*.

[5] В последней четверти IV в. до н. э. в некоторых клеймах появляется иногда слово κεραμέως, но затем оно надолго исчезает с синопских клейм.

во), Дзении, сыне Аполлодора («трофей»). Вероятно, эти монограммы имеют то же значение, что и отдельные буквы. Не исключено, что монограммы и буквы в синопских клеймах обозначали имена мастеров-резчиков, которые готовили штемпеля по заказу владельцев мастерских. Наблюдения показывают, что эти отдельно стоящие буквы и монограммы всегда связаны с разновидностями клейм, а стало быть с гончарными мастерскими, и имеют производственный характер. Эти символы характерны не для какого-то определенного времени, а встречаются в разных хронологических группах, на всем протяжении астиномного клеймения.

VII

Недавно Б. Н. Граковым было опубликовано синопское клеймо очень интересного содержания[6]. Оно читается издателем следующим образом:

ἐπὶ Ἡφαιστίο
αἰσυ(μ)νήτεω.
Νευμηνίο ἀ —
[στυνομο] . . .

Нам известны два таких клейма одного штемпеля, оба из Керченского музея (инв. № К 4450). Оба клейма состоят из надписи и эмблемы. Эмблема «орел на дельфине» располагается справа от надписи во всю ширину штемпеля. Рисунок повернут в сторону надписи, как и в большинстве клейм с подобной эмблемой.

Надпись трехстрочная, а не четырехстрочная, как считает Б. Н. Граков. В первой строке надписи написано имя ΗΦΑΙΣΤΙΟ, перед которым помещен предлог ΕΓΙ, ясно видимый на одном из экземпляров Керченского музея. Во второй строке очень хорошо читается слово ΑΙΣΥ(Μ)ΝΗΤΕΩ с пропущенной буквой ми. В третьей строке, четко оттиснутой в обоих известных нам клеймах, написано имя ΝΕΥΜΗΝΙΟ и рядом с ним отдельно стоящая альфа. Таким образом, анализ надписи показывает, что она содержит два собственных имени, название эсимнетной магистратуры и отдельно стоящую букву, принадлежность которой не раскрывается самой надписью. Б. Н. Граков объединяет первое имя с названием магистрату́ры и считает, что Гефестий является эсимнетом. Такое объяснение двух первых строк надписи и связь их между собой пока не вызывают никаких сомнений. Толкование Б. Н. Граковым третьей строки не очень убедительно и требует дополнительного рассмотрения. В этой строке помещено имя Невмения. Б. Н. Граков считает Невмения астиномом, основываясь на чтении альфы. Он видит в ней начальную букву названия магистратуры ᾽α[στυνόμο] и полагает, что остальные буквы этого слова перенесены в четвертую строку. При таком толковании надписи в ней оказываются сразу два чиновника, что пока не находит аналогии в керамических клеймах, а имя гончара, обязательное для всех синопских клейм, исчезает со штемпеля[7]. Нам думается, что в толковании издателем альфы заключается ошибка. Как было указано выше, четвертой строки в этом клейме не существует. Между третьей строкой надписи и нижнем горизонтальным бортом клейма лежит довольно большое свободное пространство,

[6] Б. Н. Граков. Заметки по греческой керамической эпиграфике. Сб.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 101, рис. 1, 2.

[7] Можно предположить, что имя гончара стояло на второй амфорной ручке, поскольку в синопских клеймах иногда встречается разделение надписи на две части, каждая из которых выступает в самостоятельных клеймах. Но во-первых, такое разделение характерно для более позднего времени, во-вторых, самостоятельные клейма с именем гончара и эмблемой «орла на дельфине» не сопровождалось отдельными клеймами, принадлежащими чиновникам. В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, 3, стр. 64; Г. Д. Белов. Синопская амфора из Херсонеса. СА, 1966, 2, стр. 309—311.

ничем не заполненное. Это очень хорошо видно на обоих экземплярах Керченского музея и на фотографии одного из них, опубликованной Б. Н. Граковым. Поэтому объявление альфы начальной буквой астиномной магистратуры необоснованно. В связи с этим Невмений не может считаться астиномом. Сравнение всех без исключения клейм с эмблемой «орел на дельфине» показывает, что Невмений должен быть только гончаром. Как астиномное, это имя в синопских клеймах неизвестно. Его нет в списках Е. М. Придика (1928 г.) и Б. Н. Гракова (1929 г.). У обоих авторов оно зарегистрировано как имя гончара. Так мы и будем понимать его впредь.

В первых двух строчках, как указывалось выше, помещается имя Гефестия с предлогом и названием магистратуры. Предлог предшествует имени, магистратура поставлена после него. Именно в такой последовательности имя чиновника с названием должности встречается во всех ранних астиномных клеймах, где присутствует предлог и магистратура [8]. Не вызывает сомнений, что Гефестий в клейме Б. Н. Гракова также является чиновником, поскольку это имя вместе с сопровождающими словами строится по той же схеме, что и имена астиномов, т. е. предлог ΕΓΙ, имя собственное и далее название магистратуры. Однако в клеймах с эмблемой «орел на дельфине» Гефестий обычно известен как астином [9]. Почему же тогда в клейме Б. Н. Гракова Гефестий назван эсимнетом? Здесь мы сталкиваемся с одним из интересных эпизодов в системе синопских клейм, неизвестном пока в клеймах других центров производства. Дело в том, что в какой-то период времени Гефестий замещал не одну, а две должности и, будучи астиномом, был избран на должность эсимнета, сохраняя за собой функции магистрата, контролирующего гончарное производство.

Такое предположение нам представляется более чем вероятным, так как в синопских клеймах уже наблюдалось замещение двух различных магистратур одним лицом. Мы имеем в виду клейма с магистратурами астинома и агоранома. Д. Б. Шелов уже обращал на это внимание читателей. Им приведено найденное в Пантикапее клеймо с именами агоранома Тейпифа и гончара Невмения, которые сопровождаются эмблемами «венком» и «гроздью винограда» [10], и одновременно отмечено, что в литературе известны клейма с именами астинома Тейпифа и гончара Невмения, которые сопровождаются теми же самыми эмблемами [11]

ΘΕΥΠΕΙΘΟΥ	венок	ΘΕΥΠΕΙΘΟΥ	венок
ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥ	гроздь	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	гроздь
ΝΕΥΜΗΝΙΟΥΠΟ		ΝΕΥΜΗΝΙΟΥΠΟ	

Пред нами полное совпадение схемы построения надписи (на первом месте имя магистрата, затем название должности и далее имя гончара), одинаковая форма склонения имени чиновника, магистратуры и второго имени (окончание родительного падежа на ΟΥ), а также одинаковые эмблемы и их расположение в клейме. Из этого сопоставления Д. Б. Шелов заключает, что и агораном Θευπείθης и астином Θευπείθης являются одним и тем же лицом. Вероятно, еще до окончания срока одной магистратуры чиновник был избран на другую должность, но продолжал исполнять

---

[8] Предлагаем сравнить: ἐπὶ Ἀπολλοδώρου ἀστυνόμου, ἐπὶ Φορβάντος ἀστυνόμου, ἐπὶ φίλωνος ἀσευνόμου.

[9] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма, стр. 114.

[10] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, 56, 1957, стр. 213 и табл. III, *5*.

[11] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. ИАК, 11, СПб., 1904, стр. 72, 290, 291; Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 91, 601—605.

прежние обязанности [12]. Это нашло отражение в клеймах. В обоих приведенных выше примерах Гефестий и Тейпиф, избранные на должности более высокие, чем астиномная, не были отстранены от обязанностей по надзору за керамическим производством.

Наше предположение подтверждается еще одним синопским клеймом, которое уже неоднократно издавалось Е. М. Придиком и Б. Н. Граковым [13]. Надпись в клейме негативная. В позитивном изображении она выглядела бы следующим образом:

ΝΙΚΟΣΤΡΑΤΟΥΕΠΙ
ΑΙΣΥΜΝΗΤΟΥΑΣΤΥΝΟΜΟ
ΥΝΤΟΣΠΟΣΙΔΕΙΟΥ.

Б. Н. Граков эту надпись понимает как:

Νικοστράτου ἐπὶ
αἰσυμνήτου. Ἀστυνομο-
ῦντος Ποσιδείου.

При таком толковании надписи имя гончара исчезает, а в клейме появляются два чиновника. Верно ли такое объяснение надписи? Во всех известных нам синопских клеймах этого времени Никострат является гончаром и его имя сопровождается эмблемой «лук в горите». С точно такой же эмблемой Никострат фигурирует в приведенном выше клейме. Без сомнения, Никострат — гончар. В то же время Посидей, как верно отмечает Б. Н. Граков в своей последней статье, является здесь астиномом, поскольку этот чиновник во всех клеймах, в том числе и в данном клейме, сопровождается эмблемой «палицей Геракла». Если Никострат — гончар, а Посидей — астином, то к какому же из этих имен должна относиться эсимнетная магистратура? Нам думается, что прав был Е. М. Придик, который следующим образом транскрибировал надпись этого клейма:

Νικοστράτου. Ἐπὶ
Αἰσυμνήτου ἀστυνομο-
ῦντος Ποσιδείου.

Издавая надпись в Каталоге Эрмитажного собрания, Е. М. Придик не объяснил ἐπὶ Αἰσυμνήτου, но, вероятно, он относил это слово к имени Посидея, разграничив надпись точкой. Б. Н. Граков отмечает, что в рукописи IOSPE Е. М. Придик считал слово αἰσυμνήτου украшением к имени астинома. Нам кажется возможным пойти несколько дальше и предложить иное толкование надписи. Вероятно, Посидей какое-то время являлся одновременно астиномом и эстимнетом. Будучи избранным на новую должность, он продолжал исполнять свои обязанности по прежней должности. Судя по приведенным выше синопским клеймам с именами Гефестия и Тейпифа, такая практика существовала в Синопе в более раннее время. Поэтому мы предлагаем транскрибировать клеймо с именем Посидея следующим образом:

Νικοστράτου. Ἐπὶ
αἰσυμνήτου, ἀστυνομο-
ῦντος Ποσιδείου

или Νικοστράτου. Ἐπὶ
αἰσυμνήτου (καὶ) ἀστυνομο-
ῦντος Ποσιδείου.

---

[12] В античных государствах, видимо, существовала такая практика. Аристотель (Политика, II, 8, 8) осуждает возможность предоставления одному человеку одновременно нескольких должностей и приводит пример Карфагена, не уточняя, однако, должности, замещаемые одним лицом.

[13] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 94, № 681; Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма, стр. 34; его же. Заметки, стр. 101.

Должность эсимнета была выше астиномной магистратуры, поэтому в клейме Посидея при двух магистратурах на первом месте поставлена должность эсимнета, а затем уже астиномная.

Остается объяснить теперь альфу, которая следует за именем гончара Невмения в конце третьей строки клейма, изданного Б. Н. Граковым в его «Заметках». Как уже указывалось выше, издатель ошибочно видел в ней начало астиномной магистратуры. По поводу значения этой буквы можно высказать два предположения, с нашей точки зрения одинаково правомерных. Во фрагменте VI настоящих заметок отдельно стоящая буква хи объяснялась нами как обозначение имени резчика клейма, который по каким-то причинам посчитал возможным ввести в клеймо и свое имя. Альфа в конце третьей строки клейма Б. Н. Гракова может иметь то же содержание. Однако если в клейме О. Д. Дашевской буква хи совершенно оторвана от надписи и отделяется от нее эмблемой, то в клейме Б. Н. Гракова альфа следует непосредственно за именем гончара. Указанное обстоятельство позволяет несколько по-иному подойти к ее объяснению. Предлагаем сравнить это клеймо с двумя клеймами конца IV в. до н. э., в которых после имени гончара следуют буквы пи и омикрон [14]. Эти буквы обычно понимаются как отчество гончара Невмения. Вероятно, точно так же можно было объяснить и альфу, тем более, что в клеймах с эмблемой «орел на дельфине» известны отчества гончаров при астиноме Форбанте [15]. В свете изложенного клеймо с именем Гефестия можно читать как

Рис. 2. Клеймо с Панского городища

ἐπὶ Ἡφαιστίου
αἰσυμνήτεω (καὶ ἀστυνόμου).
Νευμηνίου (κεναμέως). Ἀ . . .

или ἐπὶ Ἡφαιστίου
αἰσυμνήτεω (καὶ ἀστυνόμου).
Νευμηνίον (τοῦ) Ἀ . . . (κεραμέως).

VIII

Клеймо найдено во время разведочных работ на Панском городище в северо-западном Крыму в 1967 г. [16] Оно круглое, анэпиграфное, диаметром 23 *мм* (рис. 2). На клейме изображен орел, стоящий в три четверти на вытянутых лапах, с отогнутыми назад крыльями. На шее орла вместо головы мастер изобразил дельфина. Эта фантастическая птица повернута в правую сторону. У левой лапы орла помещен хлебный колос.

Это не первое синопское клеймо без надписи. Нам известны еще четыре анэпиграфных клейма, одно из них происходит из раскопок Фанагории [17], другое из Пантикапея [18], остальные клейма Керченского музея не изданы. На одном из керченских клейм изображен стоящий впрямь человек, на другом — протома Пегаса. По мнению Д. Б. Шелова, такие клейма могли

[14] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 123 и табл. III, *5*; В. И. Цехмистренко. Заметки о синопских клеймах. СА, 1967, 1, стр. 159, рис. 2, 3.

[15] Там же, рис. 2, *2*.

[16] О. Д. Дашевская. Работы Донузлавской экспедиции. Сб.: «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 215.

[17] Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, 57, 1956, стр. 147, рис. 4, *4* и стр. 150.

[18] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, стр. 212, 213.

являться оттисками гемм [19]. Так же считает и М. И. Максимова [20]. Возможно, геммы употреблялись при изготовлении штемпелей, когда на глиняной заготовке эмблема не рисовалась, а просто оттискивалась [21].

Известные нам синопские анэпиграфные клейма небольшого диаметра и могут быть датированы второй половиной III в. до н. э. Именно в это время в Синопе встречаются очень редкие клейма, состоящие только из одной надписи. Поскольку обычно клейма этого центра производства имели в своем составе надпись и обязательно эмблему, не исключено, что анэпиграфные клейма служили дополнением к основному клейму [22], но оттискивались либо на другой ручке амфоры, либо рядом с основным клеймом [23].

Клеймо Панского городища отличается по величине от остальных синопских анэпиграфных клейм. В этом отношении оно напоминает нам хиосское клеймо, найденное в Гермонассе в 1956 г. [24], которое датируется второй половиной V в. до н. э.

Все три составные части эмблемы нашего анэпиграфного клейма не новы для синопских клейм. Необычно только положение орла и дельфина. Несмотря на это, перед нами те же орел и дельфин, употреблявшиеся в качестве монетного типа с V в. до н. э. Самые ранние синопские монеты с этими символами имеют изображение большой головы орла на всем поле монеты и под головой птицы небольшой рисунок дельфина. Затем следует несколько серий монет с классической трактовкой орла, клюющего дельфина. Это изображение, по мнению Рейнака и Бабелона, датируется IV в. до н. э. Для начала III в. характерно изображение впрямь стоящего орла с распростертыми крыльями, что несколько приближается к изображению на анэпиграфном клейме Панского городища. В этом отношении датировка клейма ближе к началу III в., чем к IV в. до н. э. Однако если мы обратимся к изображению дельфина в анэпиграфном клейме, то получим новые данные для его датировки. Как уже говорилось, классическим мотивом городской эмблемы Синопы является изображение орла, клюющего дельфина. В таком виде эта эмблема перекочевала с монет в керамические клейма. Керамическая эмблема почти полностью передает трактовку монетного типа. Это отмечалось многими исследователями, и прежде всего В. Н. Юргевичем и Б. Н. Граковым. Однако некоторые детали эмблемы имеют хронологическое различие. В свое время нам удалось установить, что изображение дельфина имеет несколько вариантов, которые встречаются как на монетах, так и в клеймах. К основному варианту относится изображение дельфина с поднятыми кверху хвостовыми плавниками, причем такое изображение встречается почти во всех синопских клеймах этого типа. К другому варианту относится дельфин, у которого

---

[19] Там же, стр. 213.

[20] М. И. Максимова. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов. МИА, 103, 1962, стр. 192, 193.

[21] Д. Б. Шелов. Клейма..., стр. 213.

[22] Такие случаи известны в фасосских клеймах. Они зарегистрированы в литературе. Д. Б. Шелов, описывая одну из фасосских амфор Керченского музея, отмечает факт клеймения обеих ручек, причем одна несет на себе клеймо с надписью, другая — анэпиграфное клеймо с изображением черепахи (Д. Б. Шелов. Керамические клейма..., стр. 133; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, стр. 84). Е. М. Придик в Каталоге Эрмитажного собрания помещает фотографии нескольких фасосских клейм, повторенных недавно во французском Корпусе, на котором рядом с основными клеймами без эмблем оттиснуты маленькие анэпиграфные клейма (Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 42, № 125, 126 и стр. 48, № 275; А.-М. Bon et A. Bon. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris, 1957, стр. 81, 82, № 85—88).

[23] Одно из таких клейм принадлежит гончару Маникку, работавшему при астиноме Аристоне. Многие гончары при этом астиноме употребляли эмблему в виде пляшущего сатира с мехом. Но наряду с этой эмблемой в качестве разновидности в некоторых клеймах встречается изображение стоящего человека с протянутой рукой. Аналогичный рисунок стоящего человека имеется на одном из упомянутых выше анэпиграфных клейм. Поэтому вполне возможно, что это анэпиграфное клеймо и клеймо гончара Маникка составили единое целое.

[24] И. Б. Зеест. Архаические слои Гермонассы. КСИА АН СССР, 83, 1961, рис. 19.

хвостовые плавники раздвинуты в разные стороны и иногда напоминают изображение полумесяца [25]. Детальное сопоставление синопских клейм с такой эмблемой дало возможность установить, что второй вариант изображения характерен для клейм, содержащих только одно имя гончара, написанное в две строки. Клейма же, носящие в своем составе имена гончаров и астиномов, имеют первый или основной вариант трактовки дельфина. Сопоставление списка имен гончаров в безастиномной группе клейм со списком имен гончаров в клеймах с именами астиномов позволило предположить, что безастиномная группа является изначальной и должна датироваться временем около середины второй четверти IV в. до н. э.[26]

Если обратиться к изображению дельфина в анэпиграфном клейме, то можно заметить, что его трактовка ближе всего к клеймам гончарной группы. Это и является, по нашему мнению, решающим моментом для датировки анэпиграфного клейма. Оно должно быть датировано либо временем этой безастиномной группы, либо стоять раньше нее, так как изображение орла на вытянутых лапах в керамических клеймах нигде больше не встречается. Поэтому мы склонны считать анэпиграфное клеймо Панского городища самым ранним синопским клеймом и датировать его началом второй четверти IV в. до н. э.

Не исключено, конечно, что анэпиграфное клеймо сопровождалось клеймом с надписью, но без эмблемы, по типу упомянутых выше фасосских клейм [27]. Но поскольку клейма гончарной группы не сопровождались штемпелями с одним только именем астинома [28], более вероятно предположение о клеймении амфор в самом раннем периоде только одним анэпиграфным клеймом.

Датировка анэпиграфного синопского клейма Панского городища IV в. до н. э. подтверждается также дополнительным символом в виде ячменного колоса, который расположен с правой стороны орла. В клеймах III в. до н. э. колос не встречается. Зато часто наблюдается употребление этой эмблемы в клеймах второй половины IV в. до н. э., начиная с середины столетия (периоды II и III нашей классификации). Эмблема «колос» повторяется чаще всего с именем гончара Посидония в сочетании с гроздью винограда [29]. С одним только колосом встречаются имена гончаров Посидония, Архептолема, Мана, Невмения [30]. Вероятно, в это время существовала мастерская, владелец которой избрал своей эмблемой «колос» [31]. Сопоставляя эти данные, можно предположить, что амфора с анэпиграфным клеймом вышла из мастерской Посидония.

Имеется еще один аргумент в пользу датировки клейма IV в. до н. э. Эта сама амфорная ручка. По нашим наблюдениям, все синопские амфорные ручки с клеймами могут быть разделены на две категории, в основе которых лежат промеры диаметров в месте наложения клейма. Первая категория амфорных синопских ручек имеет диаметр около 4,4 × 2,4 *см* и датируется с 70-х годов IV в. до н. э. до второй четверти III в. до н. э. Вторая категория ручек имеет диаметр около 3,5 × 1,7 *см* и датируется со второй четверти III в. до н. э. до конца астиномного клеймения, т. е. до второй четверти II в. до н. э. Это в общем соответствует выделенным И. Б. Зеест двум основным типам синопских амфор с некоторым уточне-

---

[25] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма, стр. 68, рис. 6.

[26] Там же, стр. 68.

[27] Такое синопское клеймо существует. Оно относится к тому же времени, что и клеймо Панского городища и содержит имя гончара Формиона, написанное в две строки (В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма, стр. 61, а также рис. 1, *5*).

[28] См. сноску 7.

[29] В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, 1, стр. 67.

[30] В. И. Цехмистренко. О принадлежности вторых имен в синопских клеймах. НЭ, VII, 1968, стр. 36, приложение.

[31] Там же, стр. 29.

нием, согласно клеймам, наложенным на них. Правда, иногда встречаются амфорные ручки второй категории с ранними клеймами, но в общем они не противоречат предложенному нами правилу, и амфорные ручки первой категории с поздними клеймами не встречаются. Анэпиграфное клеймо поставлено на амфорной ручке, имеющей диаметр 4,7 × 2,2 *см*, что соответствует амфорным ручкам первой категории. Таким образом, датировка клейма по этому признаку не выходит за указанные нами рамки.

V. I. Tsekhmistrénko

«NOTICES SUR LES EMPREINTES DE SINOP»

Résumé

L'article comprend trois notices. La première et la troisième sont consacrées aux empreintes dernièrement trouvées en Crimée nord-ouest, la seconde aux emprientes conservées dans le Musée de Kertsh. L'empreinte publiée dans la promiére notice est munie du nom de l'astynome Mantithéos, fils de Protagore, et de celui du potier Héracléeïdes. Elle comporte une variante non ordinaire de l'emblème (le sphynx sans ailes tourné à gauche) et la lettre X indépendante que l'on considère comme la marque du ciseleur du timbre. La deuxième notice prèsente une correction du déchiffrement de l'empreinte portant le nom de l'aesymnète Hephaestios et celui de Néyménios publiée par B. N. Grakov. L'auteur présente encore deux empreintes du même timbre amphorique. Et il prouve que Neyménios n'était pas un astynome mais un potier. Quant à Hephaestios il excerçait, simultanément, la fonction d'aesymnète et celle d'astynome. Cela est également confirmé par l'analyse de l'empreinte de Posidéos, aesymnète et astynome. La troisième notice traite de l'empreinte anépigraphique unique à l'image d'un aigle se tenant debout et couronné d'un dauphin (au lieu de tête). En suite de la confrontation aux types monétaires de Sinop, des études de l'interprétation du dauphin et de celles des régularités des dimensions des anses d'amphores provenant de Sinop, l'empreinte en question est datée du deuxième quart du IVe siècle avant notre ère.

В. И. ПРУГЛО

К ХРОНОЛОГИИ ЭНГЛИФИЧЕСКИХ КЛЕЙМ ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ

Более 40 лет прошло после опубликования исследования Б. Н. Гракова [1], в котором впервые в систематическом виде был разобран вопрос о месте изготовления древнегреческих остродонных амфор с энглифическими клеймами и дана хронологическая периодизация этих клейм. Согласно гипотезе Б. Н. Гракова, убедительно им обоснованной, амфоры с энглифическими клеймами изготавливались в Гераклее Понтийской. Этот вывод Б. Н. Гракова принят теперь большинством исследователей.

По-другому обстоит дело с датировкой энглифических клейм. Разрабатывая в 1926 г. их хронологию, Б. Н. Граков вынужден был базироваться только на палеографическом анализе легенд клейм и на орфографических особенностях начертаний имен, в них представленных. Б. Н. Граков установил, что ...«формы букв встречаются в очень разнообразных сочетаниях, и едва ли представляется возможным разбить их на точные хронологические группы... приходится руководствоваться общей манерой письма... в ней, по крайней мере, заметны две группы». «Первая группа должна быть отнесена к последней четверти IV в. и к началу III в.», вторая — к трем первым четвертям III в. до н. э.[2] Позднее, по сообщению И. Б. Зеест [3], Б. Н. Граков отодвинул начальную дату первой группы энглифических клейм примерно к середине IV в. до н. э.[4]

Надлежит, однако, иметь в виду, что в настоящее время Б. Н. Граков пересмотрел свои прежние хронологические выводы. Результаты его новых исследований, остающихся, к сожалению, неопубликованными, сводятся в основном к следующему.

Керамическое клеймение в Гераклее Понтийской возникло на рубеже V—IV вв. и закончилось около середины III в. до н. э. В клеймах начального периода предлог ἐπί при имени магистрата отсутствует. С начала

---

[1] Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, 1, 1926, стр. 165 сл.

[2] Там же, стр. 175, 177, 179, 180, 195.

[3] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, 22, 1948, стр. 48; ср.: ее же. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 22.

[4] Вопросы хронологии гераклейских клейм разбирала также А. А. Нейхардт (А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки, как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореф. канд. дис. Л., 1951, стр. 8 сл.). Принимая разработанное Б. Н. Граковым членение энглифических клейм на две группы, А. А. Нейхардт выделила еще одну — третью группу, датированную ею по особенностям шрифта последней четвертью III в. до н. э. Этот вывод встретил возражения (см.: Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, 56, 1957, стр. 208). Рассматривая повторно вопросы периодизации энглифических клейм, А. А. Нейхардт пришла к выводу, что начало керамического клеймения в Гераклее восходит к первой половине IV в. до н. э. (А. А. Нейхардт. К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском. Сб.: «Древний мир». М.— Л., 1962, стр. 596).

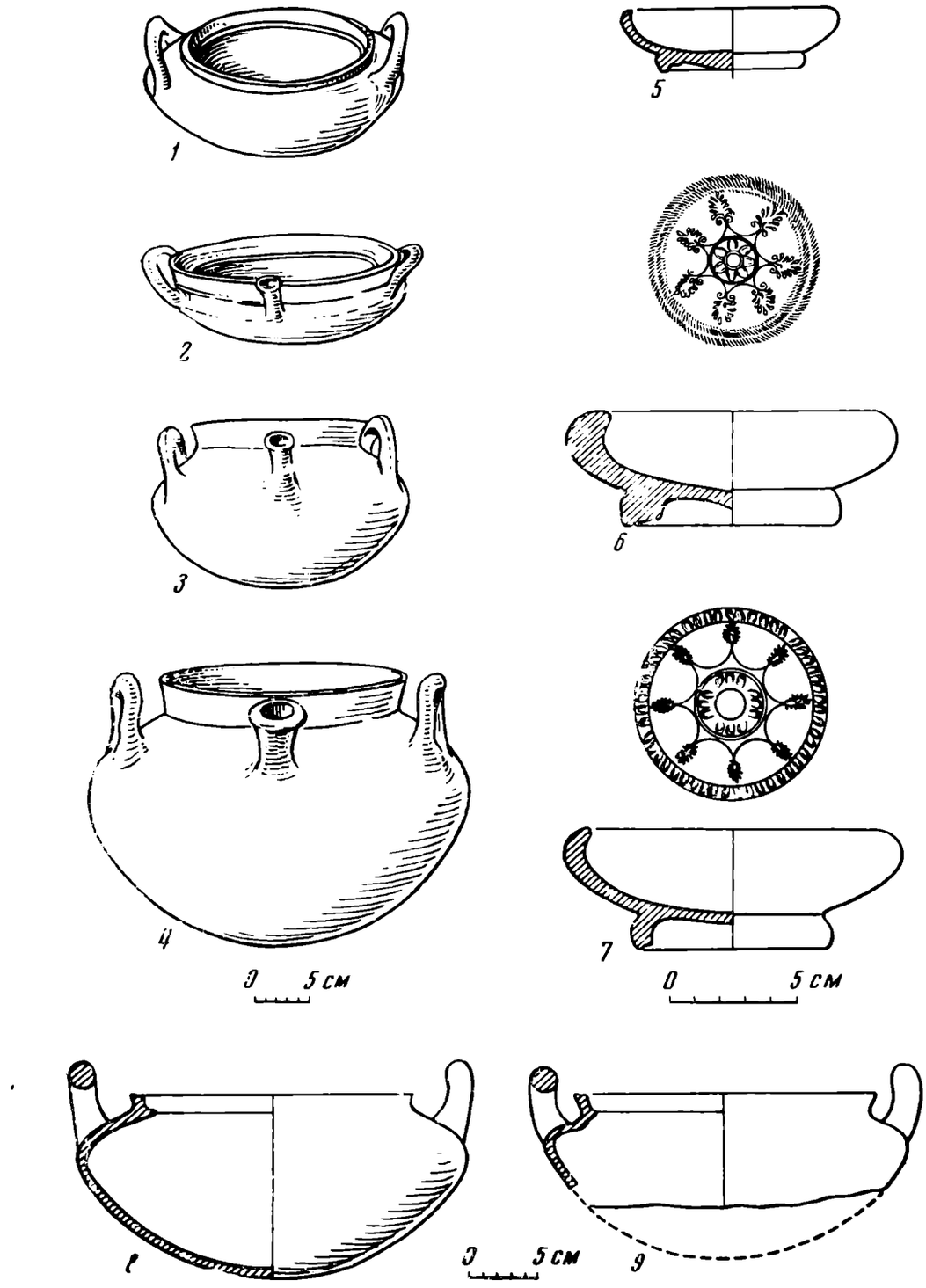


Рис. 1

1—4, 8, 9 — кухонные котлы (*1, 8* — из Нимфея, *2, 4* — из Афин, *3* — из Коринфа, *9* — из Мирмекия); *5—7* — чернолаковые чаши (*5* — из Афин, *6* — из Нимфея, *7* — с Самоса)

или с середины второй четверти IV в. и до 330 г. имя чиновника в клеймах предварялось предлогом ἐπί. К этому периоду относятся круглые, ромбические, треугольные и листовидные штемпеля[5].

Итак, благодаря исследованиям Б. Н. Гракова оказалась упорядоченной огромная масса энглифических клейм, очерчены их примерные хронологические границы, намечены основные вехи для их классификации и

[5] Основные выводы Б. Н. Гракова из вступительного очерка к гераклейским клеймам в рукописи «Корпуса керамических клейм» (IOSPE, III) изложены И. Б. Брашинским (И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, V, 1965, стр. 20). Из изложения остается непонятным, какие признаки, согласно наблюдениям Б. Н. Гракова, свойственны штемпелям начального периода клеймения и штемпелям, относящимся к 330—250 гг. до н. э.

датировок. Успешная разработка более дробного членения внутри каждого из намеченных Б. Н. Граковым этапов и выявление типов клейм, связанных с каждым этапом, могли вестись только на базе тщательного изучения серий клейм, обнаруженных в надежно датированных культурных отложениях или в археологических комплексах, даты которых хорошо устанавливаются по сопутствующему вещевому материалу.

Попытка установить дату энглифических клейм по указаниям археологического комплекса была предпринята В. М. Скудновой. В 1951 г. в Нимфее, рядом со святилищем Кабиров, раскопке подверглась яма, из которой наряду с фрагментами различных керамических сосудов были извлечены обломки четырех гераклейских амфор с клеймами: Ὀνάσ(ο)υ, Νόσσ(ο)υ. ἐπί | Αἰθέρος, Εὐρυ | δάμ(ο)υ и Στασ:χορ(ο)υ. | Ἀρίστωνος[6]. В. М. Скуднова, придя к выводу, что все найденные совместно с амфорами сосуды относятся к концу V в. и только один — к началу IV в. до н. э., черпает из этого заключения довод для датировки перечисленных клейм началом IV в. до н. э.[7].

Однако этой дате противоречит присутствие в комплексе сосудов более позднего времени. Так, среди найденной в яме простой керамики имеются четыре круглодонных котла. Три из них восходят к одному и тому же типу и разнятся между собой только размерами. Присмотримся к одному из этих котлов (рис. 1, *1, 8*). Ему свойственны приземистые пропорции, округлое дно, поднимающиеся над низким венчиком горизонтальные круглые в сечении ручки. При датировке этого котла второй половиной V в. до н. э. В. М. Скуднова основывалась на сопоставлении его с двумя сосудами из хорошо датированных комплексов афинской агоры — 460—440 гг. (рис. 1, *2*) [8] и 480—460 гг. (рис. 1, *4*) [9], а также с сосудом из Коринфа, из комплекса конца V в. до н. э. (рис. 1, *3*) [10].

Однако сличение нимфейского котла с указанными сосудами выявляет в нем ряд черт, не соответствующих приведенным аналогиям. У всех котлов V в. до н. э. имеется втулка, которой нет на нимфейском сосуде. Отличается он и профилировкой венчика. Форма нимфейского котла заметно отклоняется как от формы сосудов коринфского (рис. 1, *3*) и афинского (рис. 1, *4*) 480—460 гг., характеризующихся шаровидным туловом, так и от формы афинского котла 460—440 гг. (рис. 1, *2*), которому свойственно сильно сплющенное тулово и довольно большой по отношению к размерам тулова диаметр устья. Вместе с тем черты, отличающие нимфейский котел от рассмотренных сосудов V в., присущи кухонной керамике более позднего времени. Например, в Ольвии обломки котлов, профили которых близки профилю нимфейского котла, встречались в слое IV в. до н. э.[11] Фрагменты котлов, по типу сходных с нимфейским, в значительном количестве были найдены в Мирмекии в напластованиях раннеэллинистического зольного алтаря, функционировавшего с 20-х годов IV в. примерно до середины III в. до н. э. (рис. 1, *9*) [12].

Рассмотрим еще один сосуд комплекса — чернолаковую чашку с слегка загнутым внутрь краем и кольцевидной подставкой (рис. 1, *6*). В. М. Скуднова, справедливо отметив, что чашка обладает чертами, свой-

---

[6] В. М. Скуднова. Комплекс находок из раскопок святилища Кабиров в Нимфее. КСИИМК, 63, 1956, стр. 128 сл.

[7] Там же, стр. 137.

[8] L. Talcott. Attic Black — Glazed Stamped Ware and Other Pottery from a Fifth Century Well. «Hesperia». 4, 1935, стр. 494, рис. 16, № 78.

[9] L. Talcott. Vases and Kalos — names from an Agora Well. «Hesperia», 5, 1936, 3. стр. 343, № 5184.

[10] M. Z. Pease. A. Well of the Late Fifth Century at Corinth. «Hesperia», 6, 1937, 2, стр. 305, рис. 36, № 265.

[11] Ср.: Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа *И*. Ольвия. 1, Киев, 1940, стр. 141, рис. 99, *1*.

[12] Ср.: В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсхары. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 33, рис. 13, вверху.

ственными такого типа сосудам IV в. до н. э. (конусовидный выступ на дне; круг из насечек, украшающий внутреннюю поверхность дна), все же отнесла ее к последним годам V в. до н. э., подкрепив эту дату ссылками на чернолаковую чашу из Олинфа и на чашечку из комплекса 425—400 гг. афинской агоры. Поскольку чаша из Олинфа опубликована без графического воспроизведения профиля, о ее форме судить невозможно. Что касается афинской чашечки, то о ней можно составить довольно полное представление по имеющемуся в издании описанию и рисунку [13].

Сравнивая профили обеих чаш, нимфейской (рис. 1, *6*) и афинской (рис. 1, *5*), легко заметить между ними существенные различия. Прежде всего афинская чашечка меньше, чем нимфейская, и более плоская. Для нее характерны сравнительно тонкий венчик и массивное дно. Нижний край кольцевидной подставки у афинской чашечки имеет вид узкого ребра, с внутренней стороны плавно переходящего в дно. Нимфейской чашке, напротив, свойственны кольцевая подставка с четко очерченными наружным и внутренним контурами, довольно массивный край и относительно тонкое дно. К тому же на дне нимфейской чашки имеется штампованный орнамент, а афинская чашечка без украшений.

Нимфейской чашке как раз присущи те особенности, какие характеризуют изделия этого типа не V в., а IV в. до н. э. Хорошая ей аналогия имеется среди чернолаковых сосудов IV в. до н. э. из раскопок на Самосе (рис. 1, *7*) [14]. Сопоставление самосской чаши с нимфейской (рис. 1, *6*), показывающее большую их близость в форме, пропорциях, орнаментации, выявляет вместе с тем в нимфейской чашке ряд признаков более позднего происхождения. К ним относится массивность черепка, а главное, наличие на ее дне круга из насечек.

Дата самосской чаши определена В. Технау широко — IV в., нимфейская же чашка поддается более точной датировке. Такие признаки, как значительная толща черепка, а также форма венчика и подставки указывают примерно на середину IV в. до н. э.[15]

К сходным хронологическим выводам приводит и изучение орнаментации, украшающей внутреннюю поверхность нимфейской чашки. Хорошо известно, что исполненные штампиками овы и пальметки начали использоваться для украшения краснофигурной и чернолаковой керамики около 430 г. Образованная врезанными штрихами окружность появляется на сосудах лишь во второй четверти IV в. до н. э.[16] Наличие на дне нимфейской чашки такой окружности исключает возможность ее датировки временем ранее второй четверти IV в., а характер и размеры пальметок дают основания относить ее скорее к середине IV в. до н. э.

Разобранные примеры указывают на необходимость повторного изучения находок нимфейского комплекса с целью уточнения его даты. Вместе с тем эти примеры доказывают, что нимфейский комплекс не дает указаний на принадлежность энглифических клейм Εὔρο | δάμο(), Ὀνάσσ(υ), Νόσσο(υ). ἐπὶ | Αἰθέρος, Στασι/όρο(υ). | Ἀρίστωνος началу IV в. до н. э.[17]

---

[13] P. E. Corbett. Attic Pottery of the Later Fifth Century from the Athenian Agora. «Hesperia», 18, 1949, 4, стр. 329, рис. 5, № 63.

[14] W. Technau. Griechische Keramik im Samischen Heraion. Mdl. Athenische Abteilung, 54, 1929, стр. 42, сл., рис. 32, *2*.

[15] Д. Кук отмечает, что массивность края, достигающего наибольшей толщины в месте перехода от венчика к стенкам, характеризует чернолаковые чаши середины и третьей четверти IV в. до н. э. J. M. Cook. Old Smyrna: Fourth — Century Black — Glaze. BSA, vol. 60, 1955, стр. 149. Ср.: L. Talcott. Vases and Kalos — names..., стр. 329 и рис. 5; J. K. Anderson. Excavation on the Kofinà Ridge, Chios. BSA, vol. 49, 1954, стр. 147, 151, рис. 16, *141*, *190*.

[16] P. Corbett. Ук. соч., стр. 304. Ср.: A. D. Ure. Red — Figure Cups with Incised and Stamped Decoration, II. JHS, 64, 1944, стр. 77, примеч. 29.

[17] В статье (В. М. Скуднова. Ук. соч., стр. 136, примеч. 8) погребения № 64, 68, 74 ольвийского некрополя (раскопки 1910 г.), содержавшие клейменые гераклейские амфоры, датированы концом V в. до н. э., но не сказано, на основании каких

Следует отметить, что основанное на неверных посылках заключение В. М. Скудновой о дате поименованных клейм не повлекло за собой пересмотр хронологии гераклейских клейм в целом. И хотя необходимость разработки их детальной хронологической классификации ощущалась весьма остро, все исследователи, работавшие над интересующей нас группой керамических клейм, продолжали руководствоваться трудами Б. Н. Гракова, поскольку не имелось каких-либо материалов, способных помочь решению этой важной задачи.

Но в 1964 г. на конференции по изучению проблем античности И. Б. Брашинским было доложено следующее: «Исследование ряда комплексов гераклейских амфор позволило предложить новую их хронологическую классификацию и абсолютные даты. Все гераклейские клейма разделены мною на пять хронологических групп, охватывающих время от рубежа V—IV вв. до середины III в. до н. э.» [18]. Годом позже появилась статья [19], в которой новая хронологическая классификация приведена полностью, и по ней выходит, что гераклейское керамическое клеймение с рубежа V—IV вв. до середины III в. прошло через пять последовательно сменявших друг друга периодов, называемых автором то группами, то этапами, причем к каждому из них автор приурочил определенный тип клейма.

Сразу возникает недоумение, почему указанная статья направлена автором на опровержение периодизации Б. Н. Гракова, относящейся к 1926 г. и существенно самим Б. Н. Граковым пересмотренной. В то же время автор статьи никак не оговаривает тот факт, что фигурирующие в его схеме начальная и конечная даты гераклейского клеймения совпадают с датами новой периодизации Б. Н. Гракова (рукопись «Корпуса керамических клейм», IOSPE, III), которые автор сам привел в своей статье (НЭ, V, стр. 20).

Новая датировочная шкала не только дважды опубликована [20] и введена в научную литературу в качестве пособия для датировки энглифических клейм [21], но и рассматривается ее автором как надежный базис для широких исторических выводов: «Предложенная новая хронологическая схема гераклейского керамического клеймения заставляет во многом изменить существующие представления о развитии экономических связей Северного Причерноморья с Гераклеей Понтийской» (НЭ, V, стр. 27).

Первая половина разбираемой статьи содержит сведения о работе, проделанной советскими исследователями в области изучения амфорных клейм Гераклеи. Начав с изложения вывода Б. Н. Гракова о гераклейском происхождении амфор с энглифическими клеймами и отметив большую заслугу И. Б. Зеест в изучении типов указанных амфор, И. Б. Брашинский на стр. 11 говорит о необходимости «пересмотра всего круга вопросов, связанных с гераклейским керамическим клеймением», продиктованного целым рядом причин. Среди них фигурирует и то обстоятельство, что «преж-

---

наблюдений эта дата установлена. Не приведя убедительных данных, В. М. Скуднова удревнила также даты двух марицынских курганов — № 7 близ Петуховки и № 10 у Аджигола, первый из которых М. Эберт датировал рубежом IV—III вв., а второй — IV в. до н. э. Ср.: M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. «Phaehistorische Zeitschrift», 5, 1913, 1/2, стр. 23, 37, 102 сл.

[18] И. Б. Брашинский. Керамическая тара как материал для датировки скифских курганов IV—III вв. до н. э. Конференция по изучению проблем античности 9—14 апреля 1964 г. Ленинград. Тезисы докладов. М., 1964, стр. 12.

[19] Его же. Керамические клейма... (в дальнейшем цитируется НЭ, V, с указанием соответствующей страницы).

[20] Кроме работы, указанной в примеч. 18, см.: Его же. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья. «Eirene», IV, 1965, стр. 92 и сл. (в дальнейшем цитируется «Eirene», IV, с указанием соответствующей страницы).

[21] «Eirene», IV, стр. 89 сл.

ние выводы, полученные более 35 лет назад (имеется в виду исследование Б. Н. Гракова. Энглифические клейма... — *В. П.*), были основаны на весьма ограниченном материале».

Дальше дается перечень тех коренных вопросов гераклейского керамического клеймения, которые, по утверждению автора, теперь появилась возможность пересмотреть: «Такими вопросами являются прежде всего вопросы хронологические — датировка начала клеймения амфор в Гераклее Понтийской, установление периодизации различных этапов клеймения». Дальше поясняется, что если Б. Н. Граков при разработке в 1926 г. хронологии гераклейских клейм «исходил лишь из палеографических и грамматических их особенностей», то у И. Б. Брашинского «появилась возможность положить в основу датировки археологический (стратиграфический) метод», ибо «теперь... материал неизмеримо вырос, а главное... в распоряжении исследователей имеется ряд хорошо датируемых археологических комплексов со значительным числом целых гераклейских клейменых амфор или их обломков» (НЭ, V, стр. 12).

Напрасно, однако, читатель начнет искать в статье исчерпывающую сводку материалов, составляющих фундамент новой классификации. Такой сводки в статье нет.

На стр. 20 разбираемой статьи находим уже следующее: «Как мне представляется, керамическое клеймение Гераклеи Понтийской в настоящее время может быть разделено на пять хронологических этапов (групп), каждый из которых имеет свои характерные особенности». При этом дело рисуется таким образом, будто достаточно по легенде клейма определить, к какой по новой классификации группе оно принадлежит, чтобы тут же установить его дату.

«I группа. Одиночные имена — рубеж V—IV вв. до н. э. — конец первой четверти IV в. (ок. 400—370 гг.).

II группа. Два имени без предлога ἐπί — вторая и третья четверть IV в. (ок. 370—330 гг.).

III группа. Два имени. Имя магистрата с предлогом ἐπί — последняя четверть IV в. (ок. 330—300 гг.).

IV группа. Одиночные имена. Окончание родительного падежа имен второго склонения ου — первая половина III в. (ок. 300—250 гг.).

V группа. Сокращение имен — около середины III в.» (НЭ, V, стр. 27).

Самое беглое ознакомление с приведенной таблицей не оставляет никаких сомнений в том, что автор без всяких доказательств поставил знак равенства между классификацией хронологической и классификацией типологической; в качестве хронологических групп в его таблице фигурируют варианты легенд гераклейских клейм, сопровожденные датами, а типы надписей определены как «характерные особенности каждого хронологического этапа». О хронологических границах указанных групп автор говорит так: «Абсолютные датировки пока не во всех случаях могут быть обоснованы с достаточной убедительностью... Относительная же хронология уже сейчас стоит на надежной почве» (НЭ, V, стр. 20), не указав почему-то, какие абсолютные датировки могут быть обоснованы [22].

Как известно, большинству энглифических клейм свойственна прямоугольная форма. Но кроме них, имеется еще группа так называемых фигурных клейм — в форме листа плюща, а также ромбической, круглой, треугольной и крестообразных форм [23]. При этом почти в каждом из перечисленных видов фигурных клейм встречаются разнообразные варианты

---

[22] В другом месте («Eirene», IV, стр. 92 и примеч. 10; ср.: И. Б. Брашинский. Керамическая тара..., стр. 12) все даты характеризуются автором схемы в качестве абсолютных.

[23] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 171 сл.

легенд, а именно — с одним именем[24], с двумя именами без определителя[25], с двумя именами и предлогом ἐπί[26], с несколькими буквами, по-видимому сокращениями имен[27].

Если мы на основании этой новой классификации попытаемся продатировать фигурные клейма, то наш вывод будет таков: практика маркирования амфор фигурными штемпелями существовала в Гераклее на протяжении всего керамического клеймения. Ведь в качестве датирующего признака И. Б. Брашинский использует содержание выставленной в клейме надписи, а те варианты легенд, какие дают фигурные клейма, находят себе соответствие во всех пяти группах его схемы.

Но оказывается, при датировке фигурных клейм следует руководствоваться отнюдь не рассмотренной таблицей, а теми данными, которые находим на стр. 24 разбираемой статьи: «...фигурные штемпеля — клейма в форме сердцевидного листа» появляются на втором этапе (370—330 гг., по новой хронологии.— *В. П.*). «Возможно, что тогда же начинают входить в практику и треугольные, ромбические и другие клейма. Подавляющее их число, однако, относится уже к следующему, третьему этапу, гераклейского клеймения», т. е. к 330—300 гг., по той же хронологии. Но на стр. 25 статьи приведены характерные признаки клейм третьего этапа — в клейме начертано два имени, причем имя чиновника обязательно предварено предлогом ἐπί.

Новая датировочная схема, таким образом, имеет отношение только к прямоугольным энглифическим клеймам, и, согласно ей, хронологическим показателем является содержание надписи. Что касается фигурных клейм, то здесь датирующим признаком служит, по мнению автора, уже их форма. Почему при хронологической классификации прямоугольных энглифических клейм автор руководствовался содержанием надписи, а при определении даты фигурных клейм, имеющих те же варианты легенд, что и прямоугольные клейма, исходил из формы клейма, так и остается неизвестным.

Нет в разбираемой статье, и это уже отмечалось, ни сводки тех материалов, которые указали автору на необходимость коренного пересмотра хронологической классификации Б. Н. Гракова, ни характеристики того материала, на котором покоится предложенная взамен последней новая классификация. Автор говорит только (НЭ, V, стр. 14), что им «в основу исследования кладется изучение датируемых комплексов клейменых гераклейских амфор и их обломков, найденных в ямах-хранилищах на городищах (прежде всего в Ольвии) и в могильниках (в первую очередь Елизаветовского курганного некрополя)».

Как показал анализ разбираемой статьи, при составлении новой классификации привлекались клейменые гераклейские амфоры лишь из трех археологических комплексов: из раскопанной в 1947 г. в Ольвии ямы-хранилища[28]; из ольвийской ямы-хранилища № 9, раскопки 1961 г., и из кургана № 8 курганной группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника на Дону[29]. При этом приведенные в статье даты обоих ольвийских комплексов недостаточно обоснованы[30]. Что касается гераклейских амфор

---

[24] Там же, стр. 202, № 21 (в форме листа), стр. 203, № 27 (треугольное); неопубликованное клеймо из раскопок Мирмекия. М. 65—130 (круглое).

[25] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 123, № 82 (в форме листа плюща), стр. 123, № 70 (круглое).

[26] Там же, стр. 121, № 33 (треугольное), стр. 119, № 3 (ромбическое); ЗООИД, 18, 1895, стр. 115, № 74 (круглое).

[27] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 123, № 95, стр. 124, № 96 (в виде листа плюща).

[28] Т. Н. Книпович. Ольвийская экспедиция. КСИИМК, 27, 1949, стр. 26.

[29] В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 1, стр. 150 сл.

[30] См. наше примеч. 35.

из кургана № 8, то, поскольку дата этого комплекса является одной из опорных точек новой датировочной шкалы, остановимся на анализе того, каким путем она была установлена [31].

Сличив с выявленными И. Б. Зеест пятью типами гераклейских амфор амфоры из кургана № 8, И. Б. Брашинский заключил, что форма последних имеет «черты сближающие их как со вторым, так и с третьим типом амфор, по классификации И. Б. Зеест», и в соответствии с датами И. Б. Зеест отнес их, исходя из формы, «к концу IV в. до н. э. (возможно, к концу предпоследнего или к последнему десятилетию этого столетия)» [32], а затем приурочил к этой дате имеющиеся на указанных амфорах клейма.

Привлекая выведенную таким путем дату клейм гераклейских амфор из кургана № 8 для пересмотра периодизации Б. Н. Гракова, И. Б. Брашинский упустил из виду тот факт, что при датировке этих клейм он опирался именно на хронологические выводы Б. Н. Гракова. Ведь время четырех из пяти ею прослеженных типов гераклейских амфор И. Б. Зеест установила, продатировав по хронологии Б. Н. Гракова, клейма, имевшиеся на амфорах соответствующих типов [33].

Где же логика, если классификация Б. Н. Гракова, нуждающаяся, по заключению И. Б. Брашинского, в коренном пересмотре, оказывается в то же самое время пригодной для датировки амфор из кургана № 8, а комплекс, фактически продатированный по классификации Б. Н. Гракова, привлекается для пересмотра этой классификации? Непонятно также, почему амфоры из кургана № 8, первоначально отнесенные к концу предпоследнего или к последнему десятилетию IV в., в разбираемой сейчас статье датируются 330—320 гг. до н. э.

При сопоставлении дат трех поименованных комплексов с датировками хронологических групп новой шкалы обнаруживается, что комплексы, материалы которых, по словам автора, положены в ее основу, не охватывают хронологического диапазона этой шкалы (рис. 2). Согласно датировкам автора, все три комплекса (их даты: 380—370 гг., 330 г. и 330—320 гг.) укладываются примерно в 50—60 лет, тогда как общая хронологическая схема отражает керамическое клеймение Гераклеи с рубежа V—IV вв. до середины III в. до н. э. Из разбираемой статьи устанавливается, что эти комплексы дали немногим более шестидесяти клейм [34].

Присмотримся к новой датировочной шкале. «Первый этап характеризуется тем, что легенда клейма содержит одно имя»,— утверждает автор (НЭ, V, стр. 20). Проследим, каким путем пришел автор к отождествлению типов клейм с хронологическими группами и как он установил их даты. Основания и для того и для другого усмотрены автором в комплексе амфор из ольвийской ямы-хранилища 1947., где были найдены гераклейские амфоры с клеймами двух типов — с одним именем и с двумя именами.

---

[31] И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 3, стр. 178 сл.

[32] Там же, стр. 179.

[33] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 100.

[34] Всего в ольвийской яме-хранилище 1947 г. найдено 59 амфор: 49 гераклейских, 9 фасосских, 1 хиосская с колпачковой ножкой (см.: НЭ, V, стр. 22). «Почти все они имели на горлышках клейма — большинство энглифические, гераклейские, несколько — фасосские» (см.: Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 26). Елизаветовский курган № 8 дал 9 клейменых гераклейских амфор (см.: В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 163). Сложнее установить количество гераклейских амфор из ольвийской ямы-хранилища № 9. Но исходя из того, что комплекс находок из этой ямы составляет всего 32 инвентарных номера (см.: «Eirene», IV, стр. 97, примеч. 31), а в это число кроме гераклейских амфор еще входят фасосская амфора, амфоры с «рюмкообразными» ножками, хиосские амфоры с «колпачковыми», ножками (НЭ, V, стр. 24) и значительное число амфор типа Солоха II («Eirene», IV, стр. 97), надлежит заключить, что в яме-хранилище № 9 найдено лишь несколько гераклейских амфор. В пользу этого заключения свидетельствует и то обстоятельство, что И. Б. Брашинский упоминает из этого комплекса только три гераклейских клейма.

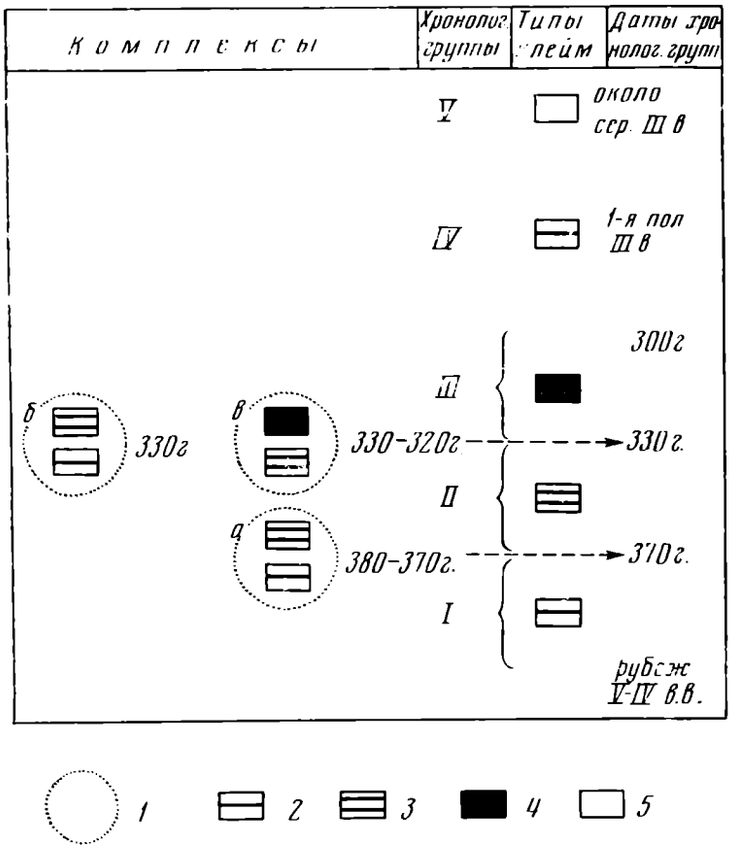


Рис. 2. Схема выведения И. Б. Брашинским из археологических комплексов абсолютной хронологии энглифических клейм

1 — археологические комплексы (*а* — ольвийский комплекс 1947 г., *б* — ольвийский комплекс 1961 г., *в* — комплекс амфор из кургана № 8 курганной группы «Пять братьев»); *2—5* — типы легенд энглифических клейм (*2* — с одним именем, *3* — с двумя именами, *4* — с двумя именами и предлогом ἐπί, *5* — с отдельными буквами)

Если согласиться с предложенной автором датой гераклейских амфор из этого комплекса—380—370 гг. до н. э.[35], то на какие выводы давал бы право этот комплекс? Правомерно было бы заключить, что оба типа энглифических клейм — с одним именем и с двумя — имели хождение до 380—370 гг. до н. э. Но на такие вопросы, как одновременны ли оба типа клейм или они принадлежат различным хронологическим периодам, существовали ли до указанного времени какие-либо другие типы энглифических клейм, материалы ольвийского комплекса ответить не могут. Также невозможно вывести из даты комплекса абсолютную хронологию найденных в нем клейм, так как неизвестно, сколько времени амфоры использовались, прежде чем попали в яму-хранилище, а тем более невозможно на основании найденного в Ольвии комплекса гераклейских амфор установить начальную дату гераклейского керамического клеймения. Тут мы приходим в соприкосновение с методом, которым автор руководствовался при составлении своей шкалы. Хотя его характеристике в статье не отводится специального места, он вырисовывается довольно отчетливо из хода рассуждений автора.

Во-первых, автор без каких-либо доказательств отождествил типологию с хронологией. Априорно исключив возможность сосуществования клейм различных типов, он усмотрел в каждом из известных типов энглифических клейм самостоятельные хронологические этапы. Обратившись к мате-

[35] Приходится с сожалением констатировать, что И. Б. Брашинский не поделился всей совокупностью наблюдений, позволивших ему датировать ольвийский комплекс 1947 г. 380—370 гг. В статье (НЭ, V, стр. 22) только отмечено, что в комплексе найдено восемь фасосских амфор с безэмблемными клеймами, которые, согласно выводам В. Грэйс, принадлежат начальному периоду фасосского клеймения — примерно последнему десятилетию V в. до н. э., но не приведено никаких дополнительных данных, подкрепляющих предложенную дату ольвийского комплекса. А это было бы весьма к месту, поскольку, как сам И. Б. Брашинский указывает, по данным И. Б. Зеест, фасосские амфоры с безэмблемными клеймами на территории Боспора, например, были обнаружены в комплексах, которые не могут датироваться ранее второй четверти IV в. до н. э. Так, из кургана, раскопанного Л. Б. Ашиком в 1838 г., происходят две фасосские амфоры с безэмблемными клеймами, на одной из них — клеймо, аналогичное клейму из ольвийского комплекса 1947 г. В комплексе этого кургана, отмечает И. Б. Зеест, совместно с указанными амфорами находились предметы не ранее IV в. до н. э. А что касается наконечников стрел из этого кургана, то среди них имеются такие, формы которых широко применялись в IV—III вв. до н. э. (см.: И. Б. Зеест. Керамическая тара..., стр. 85).

рналам ольвийского комплекса 1947 г., в котором имеются клейма двух типов (с одним именем и с двумя), автор произвольно отнес их к двум хронологическим периодам (рис. 2). Клейма из кургана № 8, тоже дающие два варианта надписей (с двумя именами без определителя и с двумя именами и предлогом ἐπί), также произвольно определены в качестве клейм двух хронологических периодов.

Для того чтобы обосновать принадлежность клейма и первого и второго комплексов смежным «хронологическим» периодам (в ольвийском комплексе 1947 г. I и II периодам, в комплексе кургана № 8—II и III периодам) и получить абсолютные даты своих периодов, автор исходит из следующих посылок. Он почему-то уверен, и не один раз это повторяет [36], что дата комплекса чрезвычайно близка, если вообще не синхронна дате амфор, которые в него входят. Тот факт, что в его классификации временем ольвийского комплекса 1947 г. датируется конец I и начало II группы (рис. 2), а даты ольвийского комплекса 1961 г. и комплекса амфор из кургана № 8 представлены в качестве абсолютной даты, фиксирующей конец II и начало III группы по той же классификации, доказывает, что автор ставит знак равенства между датой любого комплекса и датой сосудов из него.

После того как типы клейм были произвольно отождествлены с хронологическими группами и даты комплексов приравнены к дате амфор из него, автору осталось еще объяснить, почему в каждом из трех поименованных комплексов присутствуют клейма различных типов (по терминологии автора, различных хронологических групп). Для этого автор предположил, что формирование каждого из комплексов произошло именно в тот момент, когда в керамическом клеймении Гераклеи Понтийской один тип клейма сменился другим. «Очевидно, перед нами группа амфор, относящаяся ко времени перехода от одного этапа клеймения к другому»— так объясняется (НЭ, V, стр. 25) присутствие в кургане № 8 гераклейских амфор с клеймами двух типов.

Усмотрев в двух типах гераклейских клейм из ольвийского комплекса 1947 г. две хронологические группы и отнеся клейма с одним именем к первой из них, автор говорит (НЭ, V, стр. 22): «Задачей первостепенной важности является установление абсолютной хронологии первой группы гераклейских клейм» — и приступает к решению этой задачи. Вначале устанавливается конечная дата этой группы. «Время перехода от I ко II группе гераклейских клейм... определяется комплексами, в которых имеются совместные находки амфор с клеймами обеих групп,— прежде всего ольвийским комплексом 1947 г., который, по-видимому, должен датироваться 380—370 гг.» (НЭ, V, стр. 24).

Отсюда, руководствуясь тремя выдвинутыми им тезисами — о синхронности даты комплекса и дат амфор из него, о принадлежности клейм различных типов различным хронологическим периодам и о формировании поименованных комплексов как раз в период перехода от одного типа клейма к другому,— автор заключает, что именно в 370 г. до н. э. в Гераклее для маркировки амфор были введены штемпеля с двумя именами без определителя (по новой шкале II группа) и что до 370 г. амфоры клеймились там штемпелями с одним именем (по новой шкале I группа) (см. рис. 2).

Совместная находка в комплексе клейм двух типов позволила автору даже установить продолжительность выведенного им первого этапа гераклейского клеймения. «Ввиду того,— поясняет он — что в ольвийском комплексе 1947 г. вместе с наиболее ранними (с одним именем.— *В. П.*) гераклейскими амфорами найдены также такие, которые должны быть отнесены к следующей группе (ко второму этапу по новой классифика-

[36] См.: И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок..., стр. 178; его же. Значение греческих остродонных амфор для изучения скифских курганов Причерноморья. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. 1967 г., М., 1966, стр. 13.

ции — *В. П.*), полагаем, что первый этап был кратковременным и укладывается в рамки не более 20—25 лет» (НЭ, V, стр. 22). Едва ли нужно доказывать, что такие доводы ни в чем не убеждают и ничего не доказывают.

Нельзя не остановиться и на тех ссылках, которыми автор подкрепляет свои выводы о хронологии клейм с одним именем. «Подобная ранняя датировка подтверждается находками гераклейских амфор с описанными клеймами в ряде других комплексов из Северного Причерноморья»,— говорит он и указывает на клейма Εὐρυ|δάμο(υ) и Ὀνάσο(υ) из нимфейского комплекса 1951 г., повторяя вслед за В. М. Скудновой, что они «найдены совместно с чернолаковой керамикой конца V — начала IV в.» (НЭ, V, стр. 22) и, следовательно, принадлежат этому же времени. Если бы автор сверил со своей схемой и два других опубликованных В. М. Скудновой клейма из того же комплекса, то одно из них — Στασιχόρο(υ).|Ἀρίστωνος — он должен был бы отнести к 370—330 гг., а второе — Νόσσο(υ) ἐπὶ|Αἰθέρος — к 330—300 гг. Тогда, принимая предложенную В. М. Скудновой датировку комплекса находок из Нимфея (начало IV в. до н. э.) [37], он обязан был бы объяснить присутствие в этом комплексе клейма, принадлежащего, по его классификации, к 330—300 гг. К сожалению, автор ссылается только на те клейма нимфейского комплекса, которые подтверждают его датировку клейм с одним именем, и ничего не говорит о тех клеймах, которые, если основываться на его же классификации, опровергают датировку комплекса, а следовательно, и выведенную из нее дату клейм Εὐρυ|δάμο(υ) и Ὀνάσο(υ)[38].

Для обоснования предложенной им даты клейм с одним именем автор приводит еще и такое доказательство: «Ранняя датировка гераклейских амфор, находимых в Северном Причерноморье... получает косвенное подтверждение в памятниках лапидарной эпиграфики» (НЭ, V, стр. 23).

Таким «косвенным подтверждением» является обломок найденной в Ольвии плиты с частью проксенического декрета [39]. Обращаемся к плите и обнаруживаем, что от декрета дошло пять последних строк, содержащих стандартную формулу. Имени чествуемого не сохранилось совсем, а его этникон предположительно восстановлен по буквам НРА второго высеченного на боковой грани плиты текста, от которого почти ничего не сохранилось. Даже если согласиться и с датой декрета, и с тем, что оба текста принадлежат одному документу, и с тем, что в надписи действительно чествуется житель Гераклеи Понтийской — хотя последнее просто недоказуемо,— многого, казалось, отсюда для хронологии керамических клейм Гераклеи Понтийской не извлечешь. Но именно из этого обломка проксенического декрета выводится доказательство наличия в Гераклее на рубеже V — IV вв. керамического клеймения. «Если толкование этой надписи признать правильным,— мельком оговаривается автор (НЭ, V, стр. 23),— то она свидетельствует о существовании на рубеже V — IV вв. уже достаточно прочных экономических связей между Ольвией и Гераклеей, из которой основные продукты (вино) транспортировались в амфорах». Выдвинув затем тезис о сосуществовании неклейменых и клейменых гераклейских амфор, автор делает вывод: «Поэтому можно полагать, что в широком масштабе торговые связи Гераклеи с Северным Причерноморьем начинают развиваться именно на рубеже V и IV вв.» (НЭ, V, там же), считая, очевидно, что таким путем можно доказать наличие в Гераклее Понтийской керамического клеймения на рубеже V—IV вв. до н. э.

---

[37] О неприемлемости датировки В. М. Скудновой говорилось выше.

[38] Когда И. Б. Брашинский в подтверждение своих выводов ссылается на курган у Аджигола, то здесь, вероятно, он без проверки пользуется сведениями В. М. Скудновой (В. М. Скуднова. Ук. соч., стр. 134). О дате комплекса из этого кургана (см. выше, примеч. 17).

[39] И. Б. Брашинский. Древнейшая ольвийская проксения. СА, 1963, 3, стр. 191 сл.

Вернемся к датировочной шкале. Как уже отмечалось, клейма с одним именем фигурируют в ней в качестве самых ранних, якобы бытовавших с рубежа V—IV вв. до 370 г., причем в одних клеймах этого типа автором усмотрены имена владельцев керамических мастерских, а другие клейма без всяких доказательств приписаны магистратам [40]. За клеймами с одним именем (I группа) помещены клейма, в которых начертано два имени без предлога ἐπί (II группа). Из даты ольвийского комплекса 1947 г. автор заключил, что переход от одного типа клейм к другому совершился в 370 г. до н. э.

Конечная дата клейм II группы и, следовательно, переход к клеймам с двумя именами и предлогом ἐπί (III группа) относится, по мнению И. Б. Брашинского, к 330 г. до н. э. (рис. 2), потому что гераклейские амфоры из ольвийской ямы-хранилища № 9 1961 г., связанной с подвалом, который «прекратил свое существование в третьей четверти IV в., не позднее 330 г. ... в основном имеют клейма II группы, встречаются также и клейма I группы. Ни одного клейма III группы нет» (НЭ, V стр. 24).

Но ведь в ольвийском комплексе 1961 г., согласно данным автора, обнаружены клейма тех же двух типов, что и в ольвийском комплексе 1947 г.,— с одним и с двумя именами (НЭ, V, там же). Именно из факта совместной находки клейм обоего типа в комплексе 1947 г. выведено заключение, что переход от одного типа клейм к другому датируется как раз временем этого комплекса. Так почему же дата комплекса 1961 г. обозначает конечную дату клейм II типа? Обратившись к другой статье [41], читаем о том же ольвийском комплексе 1961 г. следующее: «Поскольку (в яме-хранилище № 9.— *В. П.*) совместно найдены клейма первой и второй групп, наиболее вероятным представляется, что комплекс относится к начальному периоду второй группы». Автор оставляет без объяснений, почему он полагает возможным ольвийский комплекс 1961 г., из которого он установил конечную дату клейм II группы (рис. 2), относить и к началу той же группы. Вместо этого приводится еще такой аргумент: «Конечная граница второго этапа гераклейского клеймения устанавливается и на основании комплекса амфор из кургана № 8 группы «Пять братьев»... гераклейские амфоры из этого кургана содержат клейма как II, так и III группы и относятся к 330—320 гг. до н. э.» (НЭ, V, стр. 24).

Вопрос о конечной дате клейм с двумя именами и предлогом ἐπί решается о статье так: «По-видимому, третий этап был довольно кратковременным и целиком укладывается в пределы последней четверти IV в.» (НЭ, V, стр. 25). С точки зрения автора, «в пользу этого свидетельствует сравнительная немногочисленность гераклейских клейм, содержащих имя городского магистрата с предлогом ἐπί (НЭ, V, там же), хотя на следующей странице он отмечает, что число магистратов, известных по этим клеймам, достигает нескольких десятков. Читаем и такой довод: «... в этих клеймах имя чиновника всегда фигурирует (при именах 2-го склонения) в родительном падеже с окончанием на о, вместо более поздней формы — ου, что также не позволяет относить их ко времени позднее IV в. до н. э.» (НЭ, V, стр. 26). Кстати, это утверждение не ново, оно принадлежит Б. Н. Гракову [42], на исследование которого автору надлежало сослаться.

Использовав установленную Б. Н. Граковым конечную дату клейм с

---

[40] Вывод, что первому этапу гераклейского клеймения якобы принадлежат клейма с одним именем — «владельца керамической мастерской («фабриканта») или городского магистрата без предлога ἐπί (НЭ, V, стр. 20, 21; ср.: «Eirene», IV, стр. 92) и что этот предлог появляется перед именем магистрата только на третьем этапе (НЭ, V, стр. 24, 25; ср.: «Eirene», IV, там же), совсем не мешает И. Б. Брашинскому утверждать, что имя магистрата предварялось предлогом ἐπί уже в конце первого этапа (см.: «Eirene», IV, стр. 106, примеч. 84).

[41] «Eirene», IV, стр. 97, примеч. 31.

[42] Ср.: Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 180.

двумя именами и предлогом ἐπί, автор приступает к опровержению предположения Б. Н. Гракова, что в этих клеймах представлено имя магистрата-эпонима, указывающее на время выпуска товара [43], и делает это так: «Число имен магистратов с предлогом ἐπί достигает в клеймах нескольких десятков... Если полагать, что чиновник, клеймивший амфоры в Гераклее, был эпонимом, то придется считать, что это годичная должность, причем в течение года амфоры клеймились именем лишь одного чиновника. Такое предположение кажется маловероятным, так как в этом случае следовало бы прийти к выводу, что третий этап гераклийского клеймения охватывает большой отрезок времени — в полстолетия или даже больше. Это противоречит имеющимся данным, которые указывают на его кратковременность» (НЭ, V, стр. 26).

Но в том-то и дело, что у автора нет никаких доказательств, что эти клейма в гераклейском клеймении составляли самостоятельный этап [44]; не имеется и фактов, которые бы указывали на время появления в Гераклее клейм с двумя именами и предлогом ἐπί. А на этом необоснованном допущении о кратковременности бытования указанных клейм вырастает такой вывод: «По-видимому, в Гераклее за выпуском керамической тары наблюдала коллегия городских магистратов, состоявшая из нескольких лиц, каждое из которых пользовалось правом клеймения» (НЭ, V, стр. 26).

В четвертую группу (этап) новой классификации включены клейма с одним именем. Обходя молчанием вопрос, когда эти клейма появились, и не видя возможности «более или менее точно определить конечную границу этого этапа клеймения... из-за отсутствия комплексов, равноценных комплексам IV в.», автор утверждает, что «во всяком случае, клейма IV группы относятся к первой половине III в.. доходя до его середины», и в подтверждение своих слов приводит такое «косвенное доказательство», как «факт отсутствия гераклейских клейм в Танаисе, который возник, по-видимому, в середине III в. до н. э. и, следовательно, не существовал в период широких торговых связей Гераклеи с Северным Причерноморьем» (НЭ, V, стр. 26).

Но разве из факта отсутствия в Танаисе гераклейских клейм возможно вывести заключение, что клейма Ἐτύ|μου и Γορ|γίου, а именно эти два клейма и составляют IV группу (этап) новой периодизации — датируются первой половиной III в. до н. э.?

И наконец, последняя, V группа (этап) клейм. «Пятый этап... представлен группой клейм, состоящей из сокращений имен... написанных крупными буквами»,— утверждает автор и сразу же делает поправку: «сокращение имени само по себе не может служить датирующим признаком», поскольку «...клейма, состоящие из сокращенных имен, существовали на всем протяжении гераклейского клеймения». И опять неопределенность: как автору удалось выделить те клейма, которые составляют его V группу, и какие это конкретно клейма?

Время бытования клейм V группы определяется автором так: «Они, вероятно, являются позднейшими среди керамических клейм Гераклеи Понтийской» и пятый этап «...по-видимому, относится уже ко второй половине III в. до н. э.». А через 20 строк оказывается, что дата клейм пятого этапа — около середины III в. до н. э. (НЭ, V, стр. 26, 27).

Решение вопроса о конечной дате гераклейского керамического клеймения связывается И. Б. Брашинским с комплексом амфор, найденных в Румынии, Северной Добрудже, вблизи с. Ислам Джаферка [45], хотя пред-

[43] Там же, стр. 191, 192.

[44] Еще в 1926 г. (Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 193) высказал предположение, что ряд клейм с двумя именами без предлога ἐπί одновременен клеймам, в которых тоже значится два имени, но при одном из них — имени магистрата — имеется предлог. Также см.: А. А. Нейхардт. Памятники карамической эпиграфики..., стр. 9; е е ж е. К вопросу о политике Евмела..., стр. 601.

[45] E. Bujor. The Amphorae Deposit of Islam Geaferca. «Dacia», нов. сер. VI, 1962, стр. 475 сл.

положение Э. Бужора о принадлежности этих амфор Гераклее Понтийской основано единственно на сходстве их керамической массы с глиной гераклейских амфор, а дата этого комплекса определена тем же исследователем в пределах I в. до н. э.— I в. н. э., что отмечает и сам И. Б. Брашинский.

«Возможно, что клеймение прекращается в III в., а затем, если прав Э. Бужор в датировке комплекса Ислам Джаферка, оно вновь на короткое время возрождается уже значительно позднее». И тут же поправка: «Возможно, что датировка Э. Бужора требует пересмотра и опубликованные им амфоры относятся к значительно более раннему времени» (НЭ, V, стр. 27).

Относительно конца гераклейского клеймения у автора имеются и другие соображения: керамическое клеймение прекращается, по-видимому, около середины III в. до н. э., а «в дальнейшем, уже во II в. до н. э., имело место кратковременное возрождение» последнего [46]. И снова ссылка на комплекс амфор из Ислам Джаферка, хотя, как говорилось выше, издатель отнес его к I в. до н. э.— I в. н. э.

Итак, мы подошли к концу нашего разбора. Подведем некоторые итоги. Прежде всего мы установили, что утверждения И. Б. Брашинского о существовании в настоящее время возможности пересмотреть на основании археологического материала начальную дату гераклейского клеймения остаются в статье недоказанными. Лишена оснований и предложенная И. Б. Брашинским новая датировочная шкала гераклейских клейм, поскольку имевшиеся в его распоряжении материалы (немногим более 60 клейм) не давали никаких указаний на те выводы относительно гераклейского керамического клеймения, которые изложены в разобранной статье.

Вероятно, с целью обезопасить себя от справедливых упреков в беспочвенности датировочной шкалы автор говорит в заключительном абзаце: «Разумеется, вопросы, поставленные в настоящей статье, ни в коей мере не могут считаться окончательно решенными. Это в равной степени относится как к вопросам хронологии, так и к проблеме характера гераклейского клеймения и назначения клейм». Но, к сожалению, порыв автора к беспристрастной оценке своей работы сводится тут же на нет, ибо далее он говорит следующее: «Однако основные выводы, касающиеся периодизации и хронологии гераклейских клейм, уже сейчас стоят на достаточно надежной базе. Предложенная новая хронологическая схема гераклейского керамического клеймения заставляет во многом изменить существующие представления о развитии экономических связей Северного Причерноморья с Гераклеей Понтийской» (НЭ, V, стр. 27).

Из нашего разбора явствует, что новая хронологическая схема не имеет под собой оснований и поэтому может только серьезно затруднить и запутать решение всех вопросов, связанных с гераклейским керамическим клеймением, и привести к ошибочным выводам относительно развития экономических связей Гераклеи Понтийской с античными центрами Причерноморья.

V. I. Prouglo

«A PROPOS DE LA CHRONOLOGIE DES EMPREINTES D'HÉRACLÉE DE PONTE»

Résumé

Quelques années aupravant fut publié l'ouvrage intitulé «Empreintes céramiques d'Héraclée de Ponte» par I. B. Brachinsky consacré à la datation et à la typologie des empreintes de provenance d'Héraclée. L'ouvrage comporte plusieurs défauts fondamen-

[46] «Eirene», IV, стр. 93 и примеч. 12.

taux. Les principes de la classification chronologiques des empreintes d'Héraclée dont I. B. Brachinsky se sert sont très douteux. Le schéma de datation proposé par I. B. Brachinsky ne caractérise que les empreintes rectangulaires et n'est pas susceptible de s'appliquer aux empreintes d'autres formes comportant les mêmes variantes des légendes. Pour établir une classification chronologique des empreintes rectangulares englyphiques I. B. Brachinsky tenait compte des sujets des inscriptions tandis qu'en vue de déterminer les datations des empreintes de formes diverses représentant les mêmes variantes des légendes il partait des formes des empreintes. Du point de vue méthodique, cela ne paraît pas acceptable. Ayant exclu a priori la possibilité de coexistance des empreintes I. B. Brachinsky a défini chaque type déjà connu des emprentes englyphiques comme type chronologique indépendant. Cette opinion n'est point à partager.

С. М. ВАСЮТКИН

К ДИСКУССИИ ПО БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Около 20 лет длится дискуссия по бахмутинской культуре. Эта археологическая культура была выделена известным уральским археологом А. В. Шмидтом еще в 1929 г.[1] К ней он отнес исследованный к тому времени Бахмутинский могильник, находки из Бирского и Никольского могильников и одновременные с ними поселения Бельско-Уфимского междуречья. Погребения Бахмутинского могильника А. В. Шмидт разделил на две группы и первую (раннюю) датировал V—VI вв., а вторую (позднюю) — VI—VII вв. Исследователем было высказано предположение, что памятники бахмутинскго типа оставлены древнемадьярскими племенами. Р. Б. Ахмеров, согласившись с выделением самостоятельной бахмутинской культуры и ее датировкой, считал, что она сформировалась на местной основе[2]. А. П. Смирнов вслед за А. В. Шмидтом погребения Бахмутинского могильника разделил также на раннюю и позднюю группы[3]. Но если материалы Бахмутинского могильника А. В. Шмидту послужили основанием для выделения в Башкирии самостоятельной археологической культуры, отличной от пьяноборской и ломоватовской культур Прикамья, то А. П. Смирнов отнес их к двум разным культурам. Раннюю групп погребений он связал с пьяноборской культурой, а позднюю — с ломоватовской. Позднее А. П. Смирнов пересмотрел свои взгляды и Бахмутинский могильник отнес к одноименной культуре[4]. Кроме того, он счел возможным датировать раннюю группу могильника IV—V вв., позднюю — V—VI вв., может быть, самым началом VII в. А. П. Смирнов привел некоторые аргументы в пользу мнения о местном происхождении бахмутинской культуры. Против этого мнения выступил в 50-х годах В. Ф. Генинг, который тогда считал, что бахмутинская культура сложилась в результате слияния пришлых южноуральских или западносибирских угорских племен с местным населением культуры типа Кара-Абыз[5]. Бахмутинская культура датируется им с III в. В это же время, по его мнению, в низовье р. Белой и на правобережье Средней Камы появляется другая группа пришлого угорского населения, и она вытесняет местные пьяноборские племена. Одновременно с этой группой или немного позже расселяются здесь племена — носители плоскодонной керамики именьковского типа. «Под воздействием этих двух течений в прикамской части Удмуртии и близлежащих

---

[1] А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. «Хозяйство Башкирии», 8—9, Уфа, 1929.

[2] Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. КСИИМК, 40, 1951, стр. 135—136.

[3] А.П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 82, 180.

[4] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 50—54.

[5] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. КФ АН СССР, сер. гуман. н., 2, Казань, 1959, стр. 200, 201.

районах сложилась культура, получившая название мазунинской»[6]. Эта культура вначале датировалась В. Ф. Генингом III—VI вв.[7]. Совсем недавно он в своей работе по мазунинской культуре датировал ее III—IX вв. и в истории развития ее выделил три этапа: первый — III—V вв., второй — VI — VIII вв., третий — конец VIII — начало IX в.[8] Изменилось и его первоначальное мнение по вопросу о происхождении этой культуры. Постепенно он стал признавать участие в формировании мазунинской культуры и местного пьяноборского населения, но основную роль в этом процессе, по его мнению, сыграли все-таки пришлые племена[9].

Н. А. Мажитов, занимавшийся в конце 50-х — начале 60-х годов изучением бахмутинской культуры, отнес к ней не только памятники Бельско-Уфимского междуречья, но и устья р. Белой и правобережья Средней Камы[10]. На основании материалов своих раскопок на Бахмутинском, Бирском и Кара-Тамакском могильниках Н. А. Мажитов предложил новую периодизацию бахмутинской культуры. Первый этап вначале им был датирован III — IV, а второй — концом IV — VII в.[11] Впоследствии Н. А. Мажитов расширил хронологические рамки первого этапа, датировав его II—IV вв.[12] Он вначале вслед за Р. Б. Ахмеровым и А. П. Смирновым считал, что бахмутинская культура выросла на базе культуры местных племен предшествующего времени. Причину смены местной пьяноборской (кара-абызской) культуры бахмутинской Н. А. Мажитов в ранних работах объясняет не смешением пришлых племен с местным населением, а эволюционным развитием последнего[13]. Отсюда и утверждение, что бахмутинские племена на раннем этапе своей истории в этническом отношении были однородными. Отрицая роль пришлого угорского (по В. Ф. Генингу) населения в формировании раннебахмутинских племен, Н. А. Мажитов в то же время утверждает, что бахмутинцы были уграми. Следовательно, угры жили в Западном Приуралье уже в пьяноборскую эпоху. Лишь в последней работе Н. А. Мажитов считает возможным связать формирование раннебахмутинской культуры с проникновением в среду местных племен новых этнических групп. «Но этот приток нового населения, если и имел место, видимо, был очень незначительным...»[14]. По мнению Н. А. Мажитова, сильные изменения в этническом составе бахмутинских племен происходят лишь на рубеже двух этапов, когда в Западное Приуралье из южных районов внедряются кочевые тюркоязычные племена турбаслинской культуры.

Изучение хода дискуссии показывает, что, во-первых, она велась до полной публикации материалов как памятников Бельско-Уфимского междуречья, так и южных районов Среднего Прикамья, т. е. не на прочной источниковедческой базе, что и привело к ошибочной трактовке некоторых вопросов; во-вторых, в ходе дискуссии взгляды исследователей по тем или иным вопросам не оставались постоянно неизменными; у каждого исследователя они менялись по мере накопления им новых материалов;

---

[6] Его же. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 75—83; его же. Очерк этнических культур..., стр. 201—204.

[7] Там же.

[8] Его же. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. ВАУ, 7. Ижевск, 1967, стр. 35—37.

[9] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, 4. Свердловск, 1962, стр. 46; его же. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, стр. 50.

[10] Н. А. Мажитов. Итоги изучения бахмутинской культуры в Башкирии. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе (тезисы докладов). Уфа, 1962, стр. 62; его же. Бахмутинская культура. Автореф. канд. дис. М., 1963, стр. 5, 6.

[11] Н. А. Мажитов. Ранние памятники бахмутинской культуры. ВАУ, 2, Свердловск, 1962, стр. 65—71.

[12] Его же. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 12, 17.

[13] Его же. Итоги изучения бахмутинской культуры в Башкирии, стр. 63; его же. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 104.

[14] Его же. Бахмутинская культура, стр. 64.

в-третьих, ни один из вопросов, по которым идут споры, нельзя считать в настоящее время окончательно разрешенным.

Возможность ведения дискуссии на прочной источниковедческой базе появилась лишь в настоящее время, после опубликования материалов памятников обоих районов [15]. Кроме того, в течение 1966—1968 гг. нами на двух новых могильниках бахмутинской культуры исследовано 61 погребение, которые дали дополнительный материал для решения некоторых спорных вопросов. Целью настоящей статьи и является рассмотрение трех таких вопросов: о культурной принадлежности памятников устья р. Белой и правобережья Средней Камы; о хронологии и периодизации бахмутинской культуры; о происхождении и локальных вариантах бахмутинской культуры.

Культурная принадлежность памятников устья Белой и правобережья Средней Камы

Выше говорилось, что памятники этого района В. Ф. Генингом противопоставляются памятникам Бельско-Уфимского междуречья и объединяются в самостоятельную археологическую культуру под названием мазунинской, а Н. А. Мажитов считает их памятниками бахмутинской культуры. Чтобы решить, кто из них прав, вначале дадим краткую характеристику памятников Бельско-Уфимского междуречья, а потом их сравним с памятниками Среднего Прикамья.

В настоящее время в Бельско-Уфимском междуречье известно 6 могильников бахмутинского типа: Бахмутинский, Бирский, Кара-Тамакский, Ангасякский, Кувыковский и Никольский. Раскопки производились на четырех памятниках, и в общей сложности исследовано около 300 погребений, из которых одна треть одновременна с могильниками Среднего Прикамья [16]. Все могильники грунтовые, в топографическом расположении их определенной закономерности не наблюдается. Так, Бахмутинский могильник расположен в пойме р. Уфы, на краю правого берега реки; Ангасякский — на краю правого высокого берега небольшой речки Ангасяк, правого притока р. Белой; Кара-Тамакский — на краю первой надпойменной террасы р. Быстрый Танып; Бирский — на высоком мысу правого коренного берега р. Белой. На территории могильников погребения расположены рядами. Форма и размеры могильных ям четко прослежены в основном лишь на Бирском и Кара-Тамакском могильниках. Большинство могил в плане имеет форму прямоугольника с закругленными углами, вертикальные или слегка наклонные ко дну стенки. Ширина одиночных погребений составляет 0,5—0,8 *м*. Глубина могил на всех могильниках разная. Так, глубина бахмутинских погребений равна 1,4—1,53 *м*, каратамакских — 0,6—0,8 *м*, ангасякских — 0,25—0,8 *м*. Умерших хоронили в гробу или обернутыми в кору. В одной могиле обычно находится один костяк, но есть и парные, и коллективные погребения. В Кара-Тамакском могильнике обнаружены четыре парных, одно тройное и одно коллективное (5 костяков) погребения. Умершие лежат на спине с вытянутыми руками и ногами. Ориентировка погребенных по странам света в основном однородна на одном могильнике и неодинакова на различных могильниках. Так, для бахмутинских погребений характерна восточная ориентировка, ангасякских — юго-восточная. В Кара-Тамакском могильнике большинство костяков было ориентировано на север и лишь часть — на юг. Н. А. Мажитов отмечает, что «южная ориентировка характерна для коллективных погребений, в которых костяки лежат в противоположные стороны». В Бирском могильнике из 116 погребений, ориентировка кото-

---

[15] Памятники мазунинской культуры. ВАУ, 7, Свердловск, 1967; Н. А. Мажитов. Ук. соч.

[16] А. В. Шмидт. Ук. соч.; Н. А. Мажитов. Ук. соч., стр. 10, 19, 21.

рых установлена точно, 99 имеют северо-западное направление, 2 — северо-восточное, 12 — северное, 3 — западное.

В погребениях содержится инвентарь, состоящий из украшений, орудий труда, оружия, керамики. Но есть и такие погребения, в которых найдены лишь единичные предметы. Сосуды найдены во всех исследованных могильниках: более 10 — в Бахмутинском, 10 — в Бирском, по 1 — в Кара-Тамакском, Ангасякском. В Бахмутинском могильнике они стояли по одному или два в слое заполнения, иногда на дне могильных ям; в Бирском могильнике — обычно в изголовье умершего. Характерной особенностью погребального обряда могильников является наличие так называемого жертвенного комплекса — уложенные в берестяную коробочку или в кучу предметы украшений, орудия труда; они встречаются в основном в изголовье погребенного. Наконечники стрел и копий находятся в ногах, около колена умершего; ножи — около бедра, колена, на поясе; топоры — в изголовье и ногах.

Таков погребальный обряд могильников Бельско-Уфимского междуречья. Общими для всех этих могильников являются следующие признаки: грунтовые могильные ямы прямоугольной формы; захоронение умерших в деревянном гробу (колоде) или обернутыми в кору; положение костяка вытянуто на спине; отсутствие общей для всех могильников ориентировки погребений; отсутствие в погребениях костей животных; берестяные коробочки с жертвенными комплексами рядом с умершим; наличие в погребениях в единичных экземплярах глиняных чашевидных сосудов с примесью песка или толченой раковины, украшенных иногда поясом ямок по шейке; височные подвески в виде знака вопроса с нанизанной стеклянной бусиной; металлические подвески в виде полых фигурок медведей; бронзовые круглые плоские подвески с загнутым сверху ушком; короткие узкие бронзовые наконечники ремней с закругленным передним концом; длинные и широкие бронзовые наконечники ремней; железные проушные топоры; круглые подвески из белой раковины.

А теперь сравним могильники Бельско-Уфимского междуречья с памятниками Среднего Прикамья, которые В. Ф. Генинг объединяет в мазунинскую культуру.

Для могильников Среднего Прикамья характерны: «грунтовые неглубокие (средняя глубина 4,85 *см*) могильные ямы прямоугольной формы; деревянный гроб (ящик или колода) или каменный ящик; положение костяка вытянуто на спине; преобладание северо-восточной и северо-западной ориентации; отсутствие на костяке украшений; железные ножи у бедер большинства захороненных и почти полное отсутствие прочих орудий труда и оружия; поясной ремень уложен вдоль умершего; фибулы-застежки на груди мужских костяков; берестяные коробочки с жертвенными комплексами рядом с умершим; состав жертвенных комплексов мужских захоронений: височные подвески, ожерелья, браслеты; состав жертвенных комплексов женских захоронений: височные подвески, фибулы, ожерелья, пряжки, мелкие орудия (ножи, шилья)» [17].

Из всех перечисленных черт две (грунтовые захоронения в неглубоких могилах прямоугольной формы, положение костяка вытянуто на спине), как признает и сам В. Ф. Генинг, чрезвычайно часто встречаются в большинстве памятников не только Прикамья, но и других областей. Следовательно, их можно исключить из числа признаков, характерных только для могильников Среднего Прикамья. Захоронения в деревянных гробах также имеются не только в могильниках правобережья Камы, но и Бельско-Уфимского междуречья. Что касается каменных ящиков, то они встречены только в Мазунинском могильнике, притом в небольшом количестве (в 10 погребениях из 69), наличие их следует объяснить природными условиями местности, где расположен могильник. Большинство

[17] В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, стр. 55.

погребений могильников правобережья Камы, как и Бельско-Уфимского междуречья, ориентированы на северо-запад, север, северо-восток, немного на запад и восток и лишь некоторые — на юг, юго-восток, запад. В могильниках обоих районов встречаются берестяные коробочки с жертвенными комплексами рядом с умершим. Нельзя считать чертой, характерной только для могильников правобережья Камы, отсутствие на костяке украшений. Так, в Кара-Тамакском могильнике бахмутинской культуры украшения на костяке встречены очень редко, а в Ангасякском могильнике, где костяки не сохранились, также почти во всех погребениях украшения находились в куче в составе жертвенных комплексов.

Интересные материалы для сравнения могильников двух районов дает Старо-Кобановский могильник, исследованный нами в 1967—68 гг. Он расположен на правом берегу р. Белой, недалеко от ее устья, т. е. почти в центре территории так называемой мазунинской культуры.

Захоронения совершены в могилах прямоугольной формы глубиной 0,5—1,15 *м*. Костяки ориентированы на запад и северо-запад. В одном парном погребении найден чашевидный сосуд, изготовленный из глины с примесью мелкотолченой раковины. Вдоль костяков лежат кожаные пояса с длинными прямоугольными бронзовыми наконечниками и пряжками с овальным щитком, украшенные иногда бронзовыми накладками ромбической формы. В инвентарь почти каждого погребения входят украшения (бусы, подвески бахмутинского типа, плоские трапециевидные подвески), орудия труда (топоры, ножи, косы) и оружие (наконечники стрел, копий). Наконечники копий и стрел встречаются около ступней ног, колена, в изголовье погребенного, ножи — около бедренных костей, локтя, плеча, выше колена. В детском погребении 20 найден жертвенный комплекс, состоящий, кроме прочих украшений, из подвесок бахмутинского типа, фигурок медведей. В одном погребении в изголовье умершего, как и в погребениях Бирского могильника, лежал железный проушной топор.

Казалось бы, Старо-Кобановский могильник, расположенный на территории мазунинской культуры, должен был отличаться от бахмутинских могильников, но этого мы не наблюдаем. Его материалы свидетельствуют об отсутствии резкой разницы не только в погребальном обряде, но и в инвентаре бахмутинских и мазунинских могильников. Прежде всего они опровергают утверждение В. Ф. Генинга о том, что для могильников Среднего Прикамья характерно положение ножей у бедер большинства захороненных, почти полное отсутствие прочих орудий труда, в том числе топоров, оружия и подвесок в виде скульптурных изображений медведя.

Из 11 перечисленных В. Ф. Генингом специфических черт погребального обряда «мазунинской» культуры почти все находят полное соответствие в обряде бахмутинской культуры.

А теперь сравним вещевой комплекс памятников двух районов. Сам же В. Ф. Генинг признает, что «вещевой комплекс мазунинской культуры вообще не представляет большого разнообразия и содержит немало вещей, характерных для широкого круга памятников I тыс. н. э.»[18]. Действительно, многие вещи, найденные в могильниках правобережья Средней Камы, являются частой находкой и в других, иногда значительно удаленных районах. Так, железные браслеты известны из окских могильников[19]; железные пряжки с длинным расширяющимся к концу щитком, эполетообразные застежки — из пьяноборских и азелинских могильников[20]; тонкие медные бляхи с отверстием в середине и концентрическими кругами на одной из поверхностей — из пьяноборских, азелинских и бахмутинских

[18] Там же.

[19] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, табл. XXII, *10*.

[20] В. Ф. Генинг. Азелинская культура. ВАУ, 5. Свердловск, 1963, табл. IV, VI, VII.

могильников[21]; височные подвески из витой проволоки с напускной бусиной, умбоновидные бляшки, медные треугольные поясные накладки, узкие наконечники поясов с расширением на переднем конце — из бахмутинских могильников; медные пластинчатые браслеты с расширенными концами, биконические и плоские глиняные пряслица — из памятников именьковской культуры Среднего Поволжья[22]; сюльгамы — из пьяноборских, азелинских, именьковских, окских и бахмутинских памятников[23]. Нет необходимости продолжать этот перечень дальше, так как уже из сказанного достаточно ясно видно, что могильники правобережья Средней Камы по составу инвентаря близки памятникам соседних районов. На фоне соседних культур их выделяют лишь несколько вещей: бабочковидные фибулы, поясные застежки в виде крючка и петли у женских ремней; бляхи-накладки из раковин к поясным наборам и молоточковидные подвески — пронизки. К числу вещей, характерных только для могильников Среднего Прикамья, В. Ф. Генинг относит также височные подвески в виде кольца и отвисающего книзу стержня с бусиной, умбоновидные бляшки, поясные накладки прямоугольной формы с насечками и выемками, круглодонные сосуды из глины с примесями песка и изредка мелкотолченых раковин, орнаментированные очень редко поясом ямок на шейке и насечками по венчику[24]. В действительности же все они находят ближайшие аналогии в материалах памятников других районов Прикамья. Так, поясные накладки прямоугольной формы являются почти точной копией накладок из могильника Ныргында I пьяноборской культуры[25], височные подвески и умбоновидные бляшки ничем не отличаются от подвесок и бляшек из бахмутинских могильников[26]. А круглодонные сосуды с пояском ямок по шейке и насечками по венчику известны из Ангасякского, Бахмутинского, Бирского могильников и поселений Бельско-Уфимского междуречья[27]. И в то же время в Среднем Прикамье встречаются, притом в значительном количестве, сосуды с ямками по всему тулову[28]. Все это говорит за то, что для обоих районов характерны сосуды, орнаментированные ямками как по шейке, так и по всему тулову. При этом следует отметить, что сосуды, орнаментированные только по шейке, встречаются в обоих районах в более раннее время, чем орнаментированные по всему тулову. Последние хорошо выводятся от первых и датируются лишь с V в. н. э. Поэтому противопоставлять друг другу сосуды двух типов нет оснований. Они были распространены в обоих районах, но только в разное время.

Далее, по мнению В. Ф. Генинга, для «мазунинской» культуры характерны жилища наземного типа, а для бахмутинской — полуземлянки типа тех, остатки которых исследованы на селище Новотурбаслинское II. В настоящее время трудно утверждать, что бахмутинское население жило именно в таких полуземлянках. Есть веское основание считать их жилищами, характерными для другой группы населения Башкирии. Полуземлянки прямоугольной формы, аналогичные новотурбаслинским, обнаружены на Кушнаренковском селище, культурный слой которого содержит

---

[21] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения..., рис. 7, *99*; его же. Азелинская культура, табл. IX, *12*.

[22] П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. САИ, Д1-3, М., 1967, табл. 17, *3*; табл. 21, *2, 3, 7, 20*.

[23] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., рис. 7, *55*; его же. Азелинская культура, табл. I—III, *2, 3*; П. Н. Старостин. Ук. соч., табл. 19, *1, 2, 6*; А. А. Спицын. Древности..., табл. XI—II, *13*.

[24] В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., стр. 55—56.

[25] Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. ИГАИМК, 2, М.—Л., 1933, табл. IX, *20*.

[26] В. Ф. Генинг. Ук. соч., табл. I, *7, 16, 20*; Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 2, *3*; табл. 6, *1, 2*.

[27] Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 9, *7*; табл. 32.

[28] Памятники мазунинской культуры, табл. II, *7*.

керамику не бахмутинского, а романовского типа. Если учесть, что на самом Новотурбаслинском селище около 50% керамического материала составляют обломки сосудов романовского типа, то станет совершенно ясно, что жилища этого типа нельзя связывать только с бахмутинским населением. Следовательно, неправомерно сравнение их с жилищами населения, оставившего могильники правобережья Средней Камы.

Как видно из всего изложенного, могильники обнаруживают близкое сходство между собой как в погребальном обряде, так и в вещевом материале. Имеющиеся отличия могильников Среднего Прикамья (бабочковидные фибулы, поясные застежки в виде крючка и петли у женских ремней, бляхи-накладки из раковин к поясным наборам, молоточковидные подвески-пронизки) не настолько значительны, чтобы на основании их эти памятники объединять в самостоятельную археологическую культуру. «Мазунинскую» культуру следует рассматривать как вариант одной обширной бахмутинской культуры.

Хронология и периодизация бахмутинской культуры

Вопрос о хронологии и периодизации бахмутинской культуры исследователями решается также по-разному. Н. А. Мажитов на основании материалов Бирского могильника объединил Бахмутинские погребения в четыре хронологически последовательные группы (А, Б, В, Г), датировав их соответственно II — IV, IV — V, V — VI и VI — VII вв., и выделил два этапа в развитии культуры: ранний (II — IV вв.) и поздний (V — VII вв.)[29]. В. Ф. Генинг датирует «мазунинскую» культуру III—IX вв. и внутри этого большого отрезка времени выделяет три этапа: ранний (III — V вв.), средний (VI — первая половина VIII в.) и поздний (конец VIII — середина IX в.)[30]. Следует отметить, что два последних этапа выделены не на основании материалов могильников, а городищ, притом совершенно неисследованных. В. Ф. Генинг делит городища на три хронологические группы на основании различия их по площади и системе укреплений по аналогии с городищами других районов Прикамья, которые, в свою очередь, изучены очень плохо.

Нам представляется, что каждая из предложенных датировок и периодизаций нуждается в уточнении. Обратимся к конкретному материалу. Вначале попытаемся уточнить даты отдельных бахмутинских могильников, а потом рассмотрим вопрос об их периодизации.

Большинство могильников бахмутинской культуры датируется III — V вв. К этому времени относятся Кара-Тамакский, Ангасякский, Старо-Кобановский, Мазунинский, Сайгатский, Ижевский, Быргындинский, Чепанихинский, Сарапульский, Нивский могильники. При определении ранней даты бахмутинских могильников необходимо учитывать тот факт, что они приходят на смену пьяноборских и кара-абызских, которые прекратили функционировать где-то в начале III в. И поскольку между ранними и поздними памятниками хорошо прослеживается генетическая связь, постольку между ними не может быть и хронологического разрыва. Следовательно, уже исходя из этих соображений, бахмутинские могильники не могут быть датированы со времени раньше или позже III в. Эта дата хорошо подтверждается и самим материалом из могильников. В них встречаются обычно пряжки с овальным утолщенным спереди кольцом, длинным загнутым язычком и овальным щитком, которые появляются не раньше III в.[31] Началом III в. датирует В. Ф. Генинг фи-

---

[29] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 12 сл.

[30] В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., стр. 35, 36.

[31] К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК. XXII, 1948, рис. 30, *6*; В. Ф. Генинг. Могильник Качка. ОКВАЭ, I, М., 1959, рис. 4—5; его же. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, 2, Свердловск, 1962, рис. 31, *4*, *5*.

булы с ромбическим щитком из Сайгатского могильника [32]. В Ангасякском могильнике обнаружен обломок пластинчатой пряжки с неподвижным крючком, аналогичной известной из Уяндыкского могильника конца II — начала III в. пьяноборской культуры [33]. Пряжки этого типа широко были распространены во II — начале III в. среди населения кара-абызской культуры в Центральной Башкирии. Из Мазунинского могильника происходит большая лапчатая подвеска с утолщениями по углам [34], аналогичная подвеске из могильника Чегенда II пьяноборской культуры [35]. В Мазунинском могильнике найден обломок фибулы, которая по форме близка к пружинным фибулам с гладким корпусом, распространенным в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье в конце III — начале IV в. [36] В Старо-Кобановском могильнике вместе с бронзовыми пряжками с овальным щитком встречены большие железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, у которых нижние края лопастей срезаны не под прямым углом к черешку, как у стрел II — IV вв., а оттянуты вверх. В Нижнем Поволжье стрелы этого типа не известны раньше IV — V вв., там они обнаружены впервые в погребениях с сожжением вблиз г. Энгельса [37]. Среди материалов Кара-Тамакского могильника имеются бронзовые пряжки с круглой утолщенной спереди дужкой и прямоугольным щитком, которые датируются концом IV — V вв. [38] Частой находкой в могильниках правобережья Средней Камы являются кожаные пояса с прямоугольными накладками с вырезом и насечками, которые появляются еще в конце пьяноборской эпохи [39]. В Старо-Кобановском могильнике найдена фибула, по форме близкая к фибуле из городища на р. Сонохте в Поволжье, которую П. Н. Третьяков по прибалтийским аналогиям датирует IV — началом V в. [40] Все это дает основание датировать перечисленные выше могильники III — началом V в.

В. Ф. Генинг считает, что некоторые могильники правобережья Средней Камы функционировали и после V в. [41] Так, к VI в. он относит погребение 27 Мазунинского могильника, в котором найдена железная цельнокованная пряжка с пластинкой для прикрепления ремня [42], датируемая, по мнению В. Ф. Генинга, временем не раньше VI в. Но В. Ф. Генинг не подтверждает свое мнение ссылкой на аналогичные пряжки из памятников, относящихся ко времени позже III — V вв. Пряжки этого типа являются очень редкой находкой в памятниках I тысячелетия, нам известна одна пряжка из древнеудмуртского могильника Мыдлань-Шай VIII — IX вв. и одна — из могильников поздних кочевников Восточной Европы [43]. По аналогии с этими пряжками погребение 27 Мазунинского могильника должно быть датировано концом I тысячелетия н. э., но это исключено, так как в противном случае оно оказалось бы оторванным хронологически от остальных погребений примерно на 300 лет. Видимо, дата

---

[32] В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., стр. 36.

[33] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения..., рис. 7, *77*.

[34] В. Ф. Генинг. Е. М. Мырсина. Мазунинский могильник. ВАУ, 7, Свердловск. 1967, табл. III, *2*.

[35] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения..., рис. 7, *31*.

[36] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, табл. 5. *19, 20, 21*, стр. 46.

[37] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, 1927, VI, III, табл. I—II.

[38] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. НВИК, Саратов, 1931, рис. 51*а*, 54, 63, 64, 129.

[39] Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына, табл. IX, *20*.

[40] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, рис. 37, *6*, стр. 68.

[41] В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., стр. 37.

[42] В. Ф. Генинг, Е. М. Мырсина. Ук. соч., табл. IV, *15*.

[43] В. Ф. Генинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ, 3, Свердловск, 1962, табл. III, *3*; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, рис. 7, *3*.

погребения 27 не выходит из общих хронологических рамок могильника, относящегося к III — V вв.

Ко времени более позднему, чем III — V вв., относится, по мнению В. Ф. Генинга и В. А. Семенова, Нивский могильник. В. А. Семенов пишет: «Время захоронения на могильнике, судя по вещам, несколько позднее, чем большинство известных нам погребальных памятников III — V вв. В мазунинских могильниках пока не обнаружены железные топоры, и нивский экземпляр — первая находка[44]. Однако в действительности находки из этого могильника ничем не отличаются от материалов бахмутинских погребений, датируемых III—V вв. Так, треугольные штампованные накладки из тонкой медной пластины являются точной копией накладок из погребений 8 III — V вв. Бирского могильника[45]. Гривны из толстого медного драта, обвитого медной проволокой[46], аналогичны гривнам из Ангасякского могильника; железные топоры[47] — топорам из Ангасякского и Старо-Кобановского могильников. Все это дает основание датировать и Нивский могильник III — V вв.

Из всех могильников бахмутинской культуры лишь Бирский и Бахмутинский имеют широкие хронологические рамки — III — VII вв. Н. А. Мажитов датирует их даже со II в., но для этого нет достаточных оснований. Во-первых, как уже говорилось выше, бахмутинские могильники нельзя датировать со II в. хотя бы потому, что поздней датой предшествовавших им пьяноборских и кара-абызских могильников является не I, а начало III в. А, во-вторых, материал, на котором основана датировка Н. А. Мажитова, не является датирующим. Он ссылается в основном на бусы. Так, датируя Бирский могильник, он пишет: «...в могильнике I в. до н. э. у дер. Камышлы-Тамак имеются погребения, где найдены ожерелья, составленные из мелких стеклянных бусин темно-синего, желтого, голубого, зеленого цветов. Появление маленьких красных стеклянных бусин на территории Башкирии также относится к пьяноборскому времени. Они, например, имеются в некоторых поздних погребениях Биктимировского могильника и Уфимского могильника в районе расположения университета... ожерелья из подобных мелких бусин встречены во многих сарматских курганах Поволжья рубежа нашей эры. Именно там мы находим самые близкие аналогии редким экземплярам бусин из бирских погребений, таких, как цилиндрические из красного, зеленого, синего стекла, плоская граненая из красного сердолика»[48]. Как видно уже из тех аналогий, которые привел Н. А. Мажитов бусам, последние имели длительный период бытования. Точно так же не относятся к числу датирующих вещей и бронзовые и железные бесщитковые пряжки, бытовавшие в течение всего I тысячелетия н. э.[49] Следовательно, ни бусы, ни пряжки, на которые ссылается Н. А. Мажитов, не могут служить основанием для датировки Бирского могильника со II в. Весь остальной материал ранних погребений могильника позволяет датировать их уверенно III — V вв. Об этом времени свидетельствуют прежде всего бронзовые пряжки с овальным, треугольным и квадратным щитком, проволочные В-образные пряжки, некоторые фибулы и многие другие вещи[50]. Поздние

---

[44] В. А. Семенов. Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии. ВАУ, 7, стр. 122.

[45] В. А. Семенов. Ук. соч., рис. 3, *1*; Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 6, *20, 21*.

[46] В. А. Семенов. Ук. соч., рис. 3, *11*.

[47] Там же, рис. 3, *12*.

[48] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 16, 17.

[49] Там же, стр. 16, 17.

[50] Н. М. Кравченко. Косановский могильник. История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1961; табл. IX, *13*, *22*; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1952, рис. 62, *36*; В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963.

погребения могильника, как правильно определил Н. А. Мажитов, относятся к V — началу VII в.[51]

И, наконец, о хронологии собственно Бахмутинского могильника. Н. А. Мажитов[52] датирует его со II в. По его мнению, ко II — IV вв. можно отнести погребения, исследованные им в 1960 г.[53] Однако вряд ли их можно датировать временем раньше III в. Прежде всего здесь следует иметь в виду отсутствие среди материалов этих погребений пряжек с овальным щитком, характерных для эпохи III — V вв. В конце IV — начале V вв. они бытуют вместе с пряжками с прямоугольным щитком. Только такие пряжки найдены в погребениях 1960 г.[54], что, безусловно, является свидетельством позднего возраста последних. Ко времени не раньше IV — V вв. относится бронзовая серьга[55], близкая по форме к серьгам из Бирского могильника, где они встречены вместе с поздними вещами[56]. О позднем времени свидетельствует и подвеска в виде фигурки человека, аналогичная найденной Касьяновым в одном из погребений этого же могильника вместе с коньковыми подвесками, со стременем, пряжкой с литым сердцевидной формы щитком, железными наконечниками поздних форм. Все эти вещи характерны для VI — VII вв. Бронзовую пластинчатую пряжку с неподвижным крючком из погребения 2[57], аналогичную пряжкам из могильников позднепьяноборской эпохи, следует рассматривать как пережиточную форму, и должна датироваться по пряжкам с прямоугольным щитком IV — V, а не II — III вв., как это делает Н. А. Мажитов. Что касается маленьких рубленых бусин из темно-синего стекла, красной и желтой пасты, то они имели, как об этом пишет Н. А. Мажитов, широкое распространение в течение всей первой половины I тысячелетия. Таким образом, учитывая отсутствие среди материалов могильника вещей, характерных для эпохи II — III вв., его можно уверенно датировать лишь с III в. Поздней датой могильника, как это определил еще А. В. Шмидт, является начало VII в.[58]

Таким образом, могильники бахмутинской культуры датируются временем в пределах III — VII вв. Кара-Тамакский, Ангасякский, Старо-Кобановский, Ижевский, Сайгатский, Чепанихинский, Нивский могильники относятся к III — V вв. Синхронны им более 70 ранних погребений Бирского и Бахмутинского могильников. Всех их объединяет единый погребальный обряд и инвентарь, особой разницы между погребениями III — V вв. нет. Отличия обнаруживаются лишь между погребениями III — V и V — VII вв. Особенно хорошо эти отличия прослеживаются на материале Бирского могильника. Во-первых, многие захоронения V — VII вв. совершены в могилах с нишей или ступенькой в северном конце; во-вторых, в погребениях этого времени встречаются сосуды, украшенные ямками по всему тулову, а также кушнаренковского и турбаслинского типов; в-третьих, в погребениях вместе с сосудами находятся кости крупных животных; в-четвертых, иногда в почвенном слое между поздними погребениями встречаются захоронения конечности и хвоста лошади; в-пятых, если инвентарь ранних погребений относительно беден и единообразен, то в поздних погребениях в большом количестве встречаются орудия труда, украшения, оружие; в-шестых, кожаные пояса лежат не вытянуто рядом с погребенными, а так, как они носились ими при жизни.

Все эти факты свидетельствуют, что в бахмутинской культуре в середине I тысячелетия произошли изменения. На основании их Н. А. Мажи-

---

[51] Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 5, *3*, *8*, *18*, *19*, *21*; табл. 8, *3*; табл. 13, *3*.
[52] Там же, стр. 38—44.
[53] Его же. Бахмутинская культура, стр. 21—25.
[54] Там же, стр. 23.
[55] Там же, табл. 30, *1*.
[56] Там же, табл. 2, *17*; табл. 21, *2*.
[57] Там же, табл. 30, *15*.
[58] А. В. Шмидт. Археологические изыскания..., стр. 20.

тов в развитии культуры выделил два этапа: ранний и поздний. Н. А. Мажитов, объединяя погребения Бирского могильника в четыре хронологически последовательные группы (А, Б, В, Г), отмечает, что погребения двух первых групп обнаруживают очень близкое сходство в обрядах и инвентаре и поэтому выделение их в самостоятельные группы очень условно[59]. Далее Н. А. Мажитов пишет, что начальная дата — V в.— поздних погребений (групп В, Г) одновременно служит и конечной датой ранних погребений (групп А, Б), с которыми они тесно связаны генетически[60]. Но в то же время он почему-то в ранний этап бахмутинской культуры не включает V в. По нашему мнению, поскольку погребения III—V вв. практически составляют единую компактную группу, постольку ранний этап культуры следует датировать III—V вв. Поздний этап охватывает V — начало VII в.

Эта периодизация полностью будет соответствовать имеющимся материалам и правильно отражать исторические события того времени. Изменения в бахмутинской культуре в середине I тысячелетия Н. А. Мажитов объясняет влиянием на нее культуры населения, оставившего в Башкирии курганные могильники турбаслинского типа. Поскольку турбаслинские племена появились в среднем течении р. Белой в начале V в., постольку они не могли оказать влияния на бахмутинское население и соответственно бахмутинская культура не могла претерпеть изменений раньше этого времени. Поэтому, исходя даже из этих соображений, гранью между двумя этапами бахмутинской культуры следует считать V в.

Происхождение и локальные варианты бахмутинской культуры

А. П. Смирнов и Н. А. Мажитов[61] считают, что бахмутинская культура сформировалась на основе местной культуры, а по мнению В. Ф. Генинга,— в результате смешения культур местных и пришлых групп населения[62]. Точка зрения В. Ф. Генинга нам представляется наиболее правильной. Попытаемся показать это на конкретном материале.

Бахмутинская культура занимает междуречье Уфы — Белой и южные районы Среднего Прикамья, т. е. часть территории предшествующих пьяноборской и кара-абызской культур. Для бахмутинской, как и для предшествующих ей культур, характерны грунтовые могильники, в топографическом расположении которых определенной закономерности не прослеживается. Во всех раннебахмутинских могильниках могилы имеют форму простых ям прямоугольной формы, захоронения совершались вытянуто на спине. Интересные результаты дает сравнение ориентировки погребений трех культур. Население пьяноборской культуры хоронило умерших головой в основном на северо-запад, север, северо-восток, восток, юго-восток, иногда на юг (12 случаев) и лишь изредка на юго-запад (2 случая) и запад (7 случаев). Для кара-абызской культуры характерна в основном ориентировка на север, северо-запад, запад, юго-запад, очень редко встречаются погребения с северо-восточной (8 погребений), восточной (3 погребения) и юго-восточной (2 погребения) ориентировкой. Следовательно, в обеих культурах встречаются погребения с северо-западной, северной и северо-восточной ориентировкой, что как раз характерно для погребений бахмутинской культуры. Некоторые бахмутинские погребения ориентированы, как пьяноборские, на запад и, как кара-абызские,— на восток. Для всех трех культур нехарактерны погребения с южной, юго-западной и юго-восточной ориентировкой. Таким образом, в

---

[59] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 12.

[60] Там же, стр. 16.

[61] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 54; Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., стр. 104.

[62] В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., стр. 48—54.

ориентировке костяков по странам света, являющейся одним из основных элементов погребального обряда, прослеживается определенная преемственность между пьяноборской, кара-абызской культурами, с одной стороны, и бахмутинской — с другой.

Эта преемственность культур проявляется и во многих других деталях их погребального обряда. В пьяноборских погребениях украшения и принадлежности костюма обычно лежат там, где они носились при жизни. В аналогичном положении они лежат иногда и в раннебахмутинских погребениях. В этом отношении интересно богатое детское погребение 20 Старо-Кобановского могильника. Около черепа лежала узкая кожаная лента длиной 20 *см*, на которую были нанизаны плотно друг к другу обоймочки из узких бронзовых пластин, на лицевой стороне которых имеются выдавленные с обратной стороны три выпуклины. На плечах и руках до локтя лежали круглые бронзовые обоймочки, аналогичные обоймочки были на руках ближе к кисти. На левой руке сохранилась ткань от одежды, на правой руке обоймочки были пришиты к одежде. Справа лежала большая бронзовая проволочная гривна, сломанная на две части, на груди — маленькая сюльгама, чуть ниже — круглая плоская бляшка, слева в области пояса — бронзовая пряжка с круглым щитком, под челюстью — ажурная бронзовая подвеска; справа от черепа находился жертвенный комплекс из украшений.

Обычай класть пояс рядом с умершим, получивший широкое распространение среди населения бахмутинской культуры, возник, видимо, еще в пьяноборское время. Так, в погребениях 6 Урманаевского могильника пьяноборской культуры и 46 Биктимировского могильника кара-абызской культуры [63] слева вдоль костяка от плеча до бедра лежали кожаные пояса с бронзовыми накладками. В погребении 23 Ангасякского могильника раннебахмутинской культуры на черепе умершей лежали в один ряд маленькие бронзовые полусферические бляшки, точно такие же, как на налобнике из могильника Чеганда II [64]. В этом погребении и другие украшения находились в том положении, в котором они носились умершей при жизни. Около правой височной кости лежали две подвески с бусиной и бронзовая серьга, чуть сзади левой височной кости — одна подвеска без бусины.

Для большинства раннебахмутинских могильников, как и для пьяноборских, нехарактерно наличие керамики. Из всех пьяноборских могильников лишь в II Ныргындинском найдены три сосуда, по одному сосуду найдено в Старо-Кобановском, Кара-Тамакском и Ижевском могильниках раннебахмутинской культуры [65]. Исключение составляют Бирский и Бахмутинский могильники, которые расположены на территории предшествующей кара-абызской культуры. В ранних погребениях их, как и в позднекара-абызских, найдено немало сосудов. Сосуды из бахмутинских могильников [66] по форме, примеси к глине и орнаментации хорошо сопоставляются с пьяноборскими и кара-абызскими. Пьяноборские и кара-абызские сосуды представляют собой круглодонные чаши, изготовленные из глины с примесью толченой раковины и песка. Орнаментировались они ямками по шейке и насечками по венчику. Примечательно то, что с III в. чашевидные сосуды с примесью раковины встречаются в основном в устье д. Белой и на правобережье Камы, т. е. на территории предшествующей пьяноборской культуры, а сосуды с примесью песка — на территории кара-абызской культуры.

---

[63] А. Х. Пшеничник. Биктимировский могильник. АЭБ, II, Уфа, 1964, рис. 6. *1*.

[64] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры, рис. 7, *62*.

[65] Его же. Мазунинская культура..., табл. III, *1*; его же. Ижевский могильник IV—V вв., табл. IV, *6*; С. М. Васюткин. Новые материалы по археологии раннего средневековья Башкирии. Археологические открытия. 1967 г. М., 1968, стр. 130.

[66] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения..., рис. 10, *5, 9*.

О генетических связях бахмутинской культуры с пьяноборской и кара-абызской свидетельствуют находки в могильниках трех культур однотипных вещей, к которым относятся: поясные наборы с накладками прямоугольной формы и бляхой-раковиной[67], кольцевые и пластинчатые пряжки с неподвижным крючком[68], застежки-сюльгамы[69], спаренные пронизки, трапециевидные подвески[70], эполетообразные застежки[71], маленькие полусферические бляшки[72], медные нагрудные бляхи с вырезом[73], железные пряжки с длинным прямоугольным щитком[74] и многие другие[75].

Таким образом, материалы раннебахмутинской культуры свидетельствуют, что она в основе своей местная, генетически связанная с пьяноборской и кара-абызской культурами. Но бахмутинская культура во многом и отличается от местных предшествующих ей культур. Прежде всего следует отметить появление в погребениях III—V вв. жертвенных комплексов из предметов украшений в берестяных коробочках рядом с костяком. Во-вторых, появляются украшения и принадлежности костюма совершенно новых типов: височные подвески в виде знака вопроса с напускной бусиной, подвески в виде фигурок медведей, бабочковидные фибулы, молоточковидные подвески-пронизки, поясные застежки в виде крючка и петли у женских ремней. Эти украшения в пьяноборских погребениях не встречены. В-третьих, в бахмутинских погребениях больше встречаются орудия труда (топоры, ножи, серпы, косы). В-четвертых, раннебахмутинские погребения не содержат остатков жертвенной пищи в виде костей животных, в то время как в Камышлинском могильнике пьяноборской культуры были найдены кости лошади, в Охлебинском могильнике кара-абызской культуры — кости барана. Относить такие резкие изменения в погребальном обряде к материальной культуре местного населения в начале III в. только за счет внутреннего развития едва ли можно. При решении вопроса о происхождении бахмутинской культуры нельзя не учитывать и такой факт, как несовпадение территорий бахмутинской культуры, с одной стороны, и кара-абызской и пьяноборской, с другой: первая занимает часть территории вторых. К югу от г. Уфы по правобережью р. Белой встречаются памятники имендяшевского типа, отличающиеся от бахмутинских. Нет бахмутинских памятников и в междуречье Ика и Белой, за исключением узкой полосы вдоль последней. До III в. н. э. Бельско-Икское междуречье было заселено пьяноборскими племенами, в начале V в. здесь появляются племена — носители керамики кушнаренковского и романовского типов. Если признать, что бахмутинская культура возникла исключительно на основе пьяноборской, как считают А. П. Смирнов и Н. А. Мажитов, то непонятно, почему в междуречье Белой и Ика отсутствуют памятники хотя бы ранней бахмутинской культуры (III—V вв). Видимо, все-таки прав В. Ф. Генинг, который считает, что в III в. имело место переселение сибирского и зауральского населения в Западное Приуралье и вытеснение им части пьяноборского населения на северо-запад. Уход пьяноборцев из междуречья Белой и Ика нали-

---

[67] Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., табл. IX, *17*, *20*, *24*; X—II; В. Ф. Генинг, Е. М. Мырсина. Мазунинский могильник, табл. I, *1*, *2*, *3*, *4*: табл. IV, *2*, *6*.

[68] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения..., рис. 7, *37*, *38*, *77*.

[69] Там же, рис. 7, *37*, *38*, *77*.

[70] Там же, рис. 7, *71*.

[71] В. А. Семенов. Два могильника мазунинской культуры..., рис. 1—8; В. Ф. Генинг. Ук. соч., рис. 7, *73*, *106*.

[72] В. Ф. Генинг. Ук. соч., рис. 7, *62*.

[73] Там же, рис. 7, *99*: В. Ф. Генинг, Е. М. Мырсина. Ук. соч., табл. III, *7*.

[74] В. Ф. Генинг. Ижевский могильник IV—V вв., табл. III, *19*; А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, рис. 75.

[75] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 2, *1*, *12*; табл. 30, *12*; табл. 35, *15*; В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения..., рис. 8, *6*; Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., табл. 18, *17*.

цо. И в то же время в междуречье Камы, Белой и Уфы число памятников увеличивается в два раза по сравнению с пьяноборским временем. В III—VII вв. заселяются даже мелкие притоки Уфы, Таныпа и Буя. Все эти факты говорят о передвижениях внутри местного населения и о притоке в междуречье Белой — Уфы и на Среднюю Каму населения извне и участии его в формировании раннебахмутинских племен.

Таким образом, можно считать, что раннебахмутинская культура сформировалась в результате синтеза культур местных пьяноборских и кара-абызских племен и культуры пришлого населения. В ней больше выявляются местные пьяноборский и кара-абызский компоненты и меньше пришлый. Говорить о решающей роли пришлого населения в сложении бахмутинских племен, как это делает В. Ф. Генинг, нет достаточных оснований. В то же время нельзя и умалять роль пришлых племен в этом процессе (Н. А. Мажитов). Некоторое своеобразие памятников Бельско-Уфимского междуречья и устья р. Белой и правобережья Средней Камы обусловлено тем, что в предшествующее время в этих районах жили две отличающиеся погребальным обрядом и материальной культурой группы населения — кара-абызская и пьяноборская. В III в. на территории кара-абызских племен сложился один вариант бахмутинской культуры, а на части территории пьяноборских племен — второй. Общие для обоих вариантов элементы погребального обряда и материальной культуры (отсутствие в могилах костей животных, жертвенные комплексы, височные подвески в виде знака вопроса с нанизанной бусиной, фигурки медведей, гривны из медного урота, обвитого медной проволокой, кожаные пояса с бронзовыми наконечниками и др.), видимо, следует связать с пришлой группой населения, которая смешалась как с пьяноборцами, так и кара-абызцами.

В V в. бахмутинская культура претерпевает некоторые изменения. В Бирском могильнике появляются захоронения в ямах со ступеньками или нишами в одной из узких стенок, большие глиняные сосуды без орнамента и кости лошадей. Все эти черты погребального обряда были характерны для турбаслинских племен. Видимо, турбаслинские племена, появившись в Центральной Башкирии в конце IV или начале V в., вступили в тесные связи с частью бахмутинцев, что и привело к появлению в погребальном обряде и материальной культуре последних черт, характерных для первых. Влияние турбаслинских племен испытали не все бахмутинцы, о чем свидетельствуют материалы поздних погребений Бахмутинского могильника. В этом могильнике не обнаружены могилы с подбоями и ступеньками, сосуды турбаслинского типа и кости лошади. В лесные районы по реке Уфе, где находится Бахмутинский могильник, турбаслинцы не заходили. Они установили связи лишь с теми бахмутинцами, которые жили по Белой, т. е. в лесостепной полосе, являющейся юго-западной окраиной бахмутинской территории.

С V в. на всей территории бахмутинской культуры появляются также круглодонные сосуды, изготовленные из глины с примесью песка, мелких камешков и украшенные ямками по всему тулову, которые хорошо выводятся от маленьких сосудов с пояском ямок по шейке, датируемых III—V вв.

В Бирском могильнике и на некоторых поселениях бахмутинской культуры по р. Белой в качестве очень незначительной примеси к основной бахмутинской керамике встречены сосуды кушнаренковского типа, а на поселениях нижнего течения р. Белой и правобережья Среднего Прикамья — плоскодонные сосуды романовско-именьковского типа[76]. В глубине бахмутинской территории сосуды этих типов не найдены. Поэтому о каких-либо значительных культурных, тем более этнических связях между

---

[76] Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 26; В. Ф. Генинг. Ижевский могильник. табл. III, *9—14*.

бахмутинскими, кушнаренковскими и романовско-именьковскими племенами, говорить не приходится. Более или менее уверенно можно говорить о включении бахмутинским населением в свой состав на втором этапе развития лишь некоторой части представителей турбаслинских племен.

Таким образом, процесс формирования бахмутинских племен был сложным. Они сформировались в результате смешения потомков местного пьяноборского и кара-абызского населения с племенами, как считает В. Ф. Генинг, переселившимися из Западной Сибири и Зауралья в III в. В V в. в их состав влилась группа турбаслинских племен.

S. M. Vassioutkine

A PROPOS DE LA DISCUSSION SUR LA CULTURE DE BAKHMOUTINO

Résumé

L'article est consacré aux trois problèmes qui font l'objet de discussions et concernent l'étude de la culture de Bakhmoutino: l'appartenance culturelle des monuments de l'embouchure de la Biélaia et de ceux des régions situées sur le côté droit du cours moyen de la Kama, la chronologie et la périodisation de la culture de Bakhmoutino, l'origine et les variantes locales de cette culture.

L'étude des matériaux connus antérieurement et découverts par l'auteur donne lieu à partager l'avis de N. A. Majitov que les monuments der régions situées à l'embouchure de la Biélaïa et sur le bord droit du cours moyen de la Kama appartiennent à une grande culture unique de Bakhmoutino et non pas à la culture autonome de Mazounino comme le croyait V. F. Guéning.

En analysant le second problème l'auteur conclut que ni l'un ni l'autre des points de vue précités ne peut pas être soutenu. Il propose de rapporter la culture de Bakhmoutino aux III—VII siècles et de diviser l'histoire de sa formation et de son évolution en deux étapes dont la première comprend les III—V siècles et la seconde les V—VII siècles.

En ce qui concerne l'origine de la culture de Bakhmoutino l'auteur partage entièrement l'opinion des savants selon lesquels c'est une culture locale. Elle s'est formée à la base des deux cultures antérieures (de Pianoborsk et de Kara-Abyz). C'est justement par ce fait que s'explique l'existence de ses deux variantes.

А. К. АМБРОЗ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. II *

Памятники IV—VII вв. на Оке, в Приуралье и степях описываются здесь кратко, только с одной корреляционной таблицей по Бирску, чтобы уделить больше места VIII в. Восточной Европы, Сибири и Согда. Перечень ведущих вещей и номеров могил позволит читателю проверить излагаемое и без корреляционных таблиц. Финно-угорские древности отличаются обилием могил VI в., плохо представленных раскопками на юге.

Место мазунинской и азелинской культур в общей хронологии долго не удавалось определить из-за их большого своеобразия. Это стало возможным после разделения мазунинских могильников [1] на пять этапов по эволюции местных фибул и поясов. Первый этап, выделенный предварительно (погр. № 37 в Мазунино, обычное по обряду, но с невыразительными вещами), датируется обломком причерноморской фибулы второй половины II и III вв. (по А. А. Спицыну и В. Ф. Генингу, такие фибулы есть и в позднепьяноборских памятниках). Инвентарь II этапа уже сложившийся: поясные бляшки без привесок, маленькие височные подвески (рис. 9, *2—5, 10;* Мазунино, погр. № 13, 17, 31, 47; Наргында I, погр. № 9; Сайгатка, погр. № 14, 18); датируют позднесарматские фибулы с завитком IV в. [2] Тогда три последующих этапа придутся соответственно на V, VI, VII вв. Это хорошо подтверждается аналогиями (см. ниже). III этап: небольшие местные фибулы с завитком, бляшки с кольцом, пряжки типа тураевских (рис. 9, *6—9, 11, 49;* Мазунино, погр. № 24, 40, 50; Ижевск, погр. № 2, 4; Сайгатка погр. № 26, 32) — V в.; IV этап: большие фибулы «бабочковидного» варианта, бляшки с усложненными фасетками, образующими ромбическое поле в центре, пластинчатые подвески (рис. 9, *9, 22, 23, 26;* Мазунино, погр. № 14, 15; Ижевск, погр. № 1, 5, 8) — VI в.; V этап: очень большие фибулы с чертами вычурности, пояса и обувные пряжки позднеазелинского типа (рис. 9, *39, 55—59, 68*; Мазунино, погр. № 63; Ижевск, погр. № 16, 22, 24; Сайгатка, погр. № 7, 15; Быргында, погр. № 5) — VII в.

Азелинская культура [3] делится пока на два этапа: 1) пряжки с длин-

---

* Первая часть работы опубликована в СА, 1971, 2. Нумерация рисунков и таблиц сплошная: в I части помещены рис. 1—8 и табл. I—II.

[1] Памятники мазунинской культуры. ВАУ, 7, Ижевск, 1967 (Мазунино, Ижевск, Быргында); В. Е. Стоянов. Сайгатский могильник на Средней Каме. ВАУ, 4. Свердловск, 1962; Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына, 1898 г. Л., 1933, табл. IX, *17, 20*; X, *11* (Быргында I); коллекции Ижевского и Кировского музеев.

[2] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э. САИ, Д1—30. М., 1966, стр. 46 (варианты 8, 9), табл. 5, *19—23*; 19, *3*.

[3] В. Ф. Генинг. Азелинская культура. ВАУ, 5. Ижевск, 1963. (Суворово и Азелино); А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. Марийской АЭ, 2. Йошкар-Ола, 1962 (Мари-Луговая); Е. И. Горюнова. Мари-Луговской могильник и селище. ПИДО, 1934, 9—10.

ной прямоугольной обоймой, обувные пряжки с кольцом круглого сечения, витые перстни, одна грубая пряжка с тремя заклепками на круглой обойме и характерным утолщением язычка к «острию» (рис. 9, *25, 27, 29* и как *31:* Суворово, погр. № 10, 19, 20; Мари-Луговая, погр. № 17 и, по-видимому, 12) — по сравнению с III этапом окско-сурских древностей ориентировочно VI в. (может быть, и позже?); 2) пряжки с прямоугольным сечением колец, часто В-образные, с «губами» или с выемкой для конца иглы (два последних признака появились на юге с VII в.), обоймы и наконечники с сильно вогнутыми боками (рис. 9, *50, 55—58, 60, 61, 77, 88, 90, 95, 97;* Азелино, погр. № 1, 2, 11, 15; Суворово, погр. № 1, 5, 14, 15 и др.) — VII в. Дату II этапа подтверждают костяная подпружная пряжка с длинной прорезью типа алтайских и высокие полые подвески — «уточки» (как на рис. 9, *74*).

Бахмутинская культура в Башкирии [4], имеющая много южных аналогий, делится на пять этапов (табл. III): 1) лишенные обоймы утолщенные пряжки с коротким хоботковым язычком IV в. (Бирск, погр. № 6, 47, 48, 72); 2) аналогичные пряжки, но с небольшой треугольной обоймой (рис. *9, 12, 96* и подобно рис. 9, *20—21*; Бирск, погр. № 12, 14, 35, 55, 60, 70) — синхронно Тураевским курганам — V в.; 3) такие же пряжки с очень вытянутой обоймой, иногда вычурной формы; пряжки с длинным, сильно выступающим за кольцо язычком (на юге появились в V в.) иногда с рудиментами звериной головки (в виде поперечного желобка); грубые заостренные язычки ремней и очень большие прямоугольные язычки из согнутой пополам пластинки; большие хоботковые пряжки с прямоугольной обоймой (рис. 9, *32—36, 38, 96;* Бирск, погр. № 19, 29, 38, 40, 95, 126, 133, 193) — VI в. (по промежуточному положению между вторым и четвертым этапами); 4) обтянутые золоченой серебряной фольгой с красными вставками полые пряжки и короткие тисненые язычки, В-образные и часть цельновыгнутых широких полых пряжек, в одном случае типичный длинный коробчатый язычок с желобчатой окантовкой отверстия, местные тонкие двупластинчатые фибулы варианта II-в, удила с концами в виде трилистника и «стремевидными» подвесными петлями, сменившие удила с кольчатыми концами (рис. 9, *62—64, 66, 73—75, 82, 86, 87, 96, 98; 10, 5, 10—12, 16—19;* Бирск, погр. № 2, 5, 25, 27, 39, 59, 61, 77, 78, 83, 85, 88, 89, 108, 111—113, 116, 117, 121, 123—125, 128, 130, 139, 148, 156, 186, 189, 192, 197 и др.) — все характерно для VII в. Традиции II—III периодов представлены в VII в. сильно изменившимися хоботковыми пряжками и широкими прямоугольными язычками со сплошным рядом крупных заклепок по верхнему краю (рис. 9, *62, 63, 64, 98* и др.)[5]. К концу IV этапа появились пряжки с признаками «вычурного» стиля конца VII в. (Бирск, погр. № 158 и 165). По сообщению Н. А. Мажитова, непосредственно за IV этапом следуют обнаруженные им памятники с геральдическими поясами IV группы (первой половины VIII в., синхронными Неволину, Кудыргэ и т. п.). Ново-Турбаслинские курганы — VII в., а курган № 26, вероятно, не ранее VIII в.

Тураевские курганы (рис. 9, *13—15, 19, 20*) [6] содержат набор форм V в., но явно уже доживающий и трансформированный в VI в. Поэтому наряду с узкими длинными язычками и пряжками V в. в них есть ранние узкие массивные В-образные пряжки, небольшие прямоугольные язычки и перегородчатые инкрустации позднего стиля. Вероятно, это конец V и первая половина VI в. По вещевым аналогиям Тураеву синхронны бога-

---

[4] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968 (Бирск, Каратамак); материалы в фондах Башкирского ФАН СССР и музее Башкирии; о турбаслинской культуре: Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.

[5] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 5, *12, 14—18.*

[6] В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, 2. Свердловск, 1962; материалы в кабинете археологии Казанского университета.

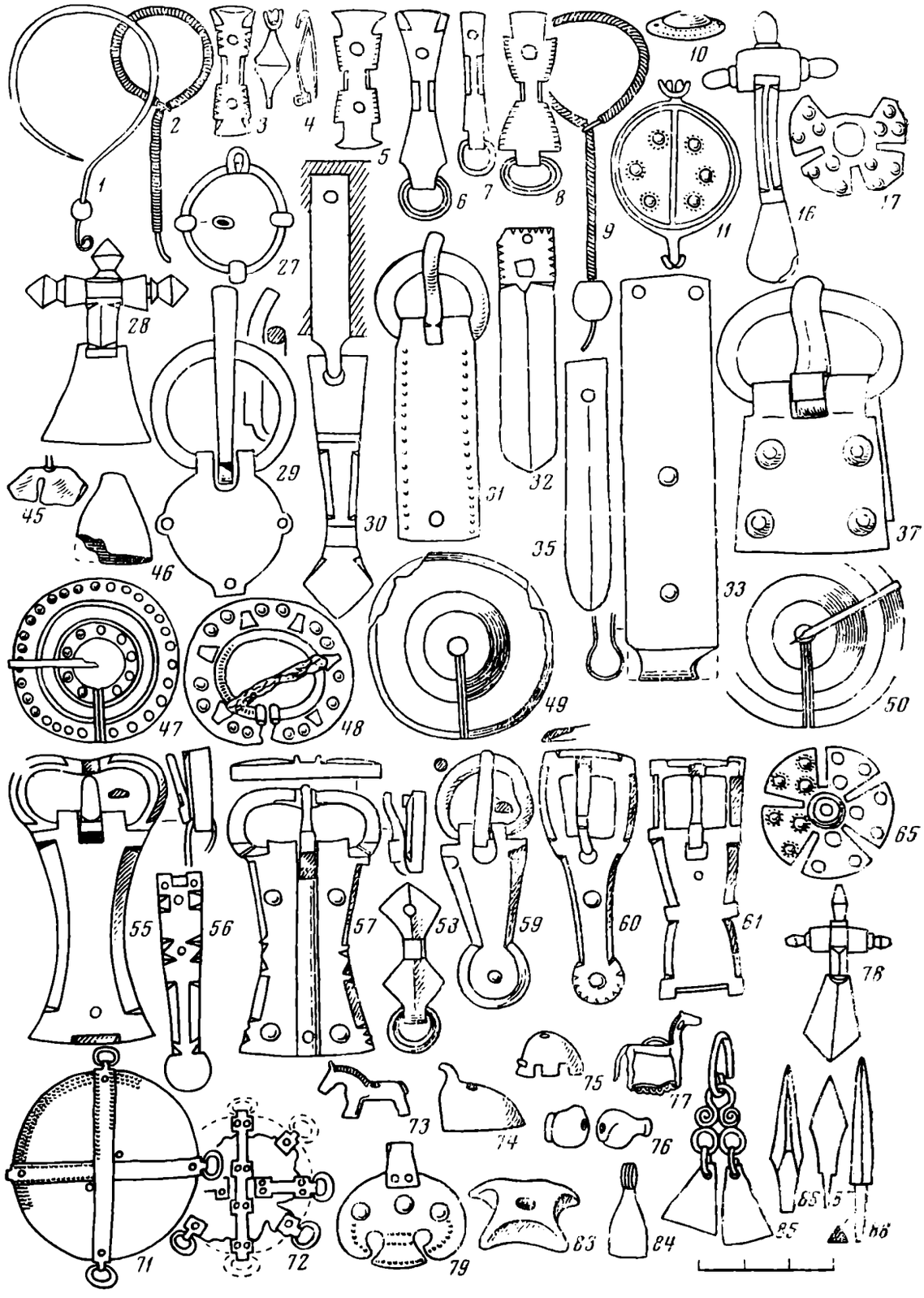
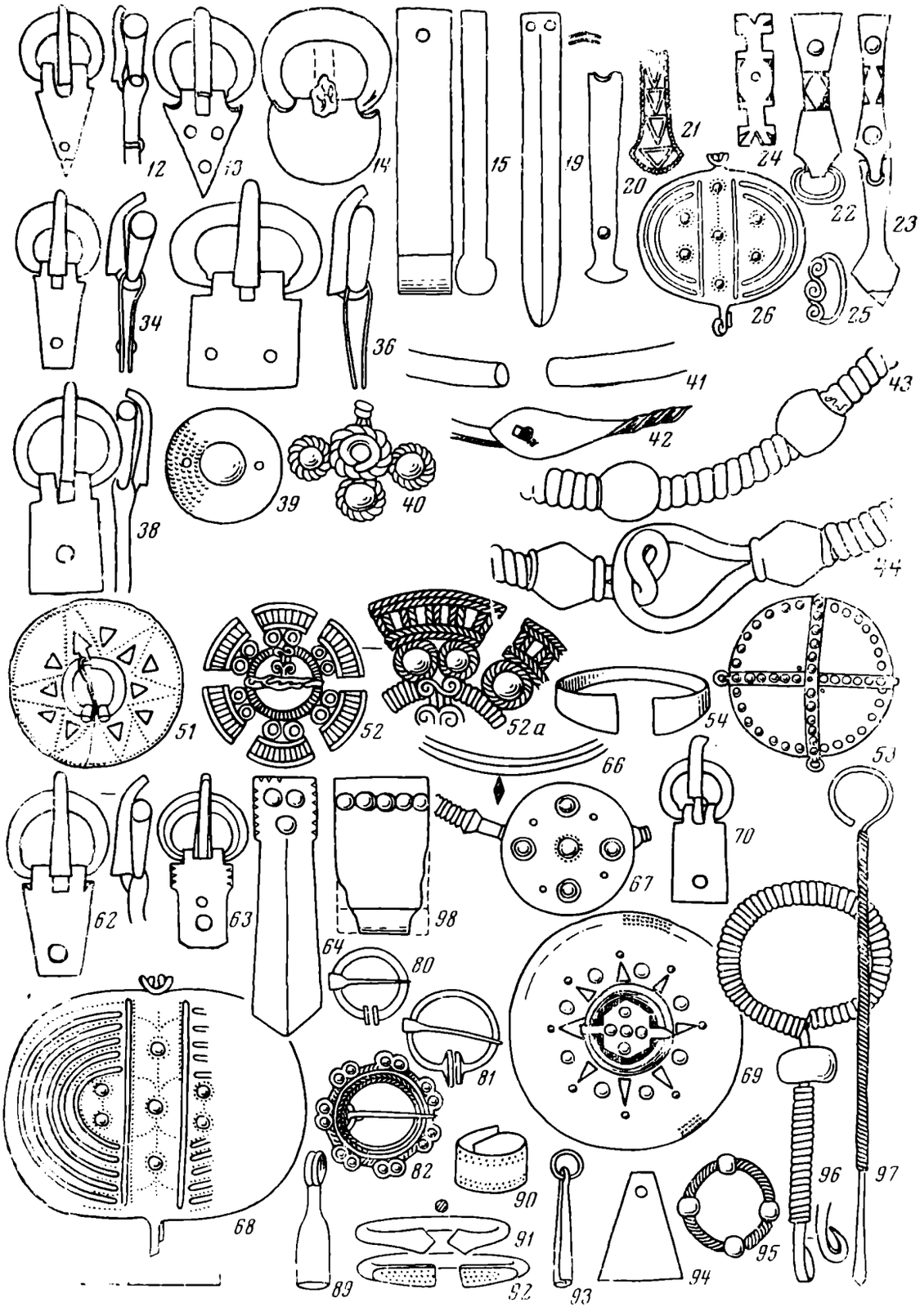


Рис. 9. Культура Оки и Приуралья III—VII вв.

1 — **II—III вв.**; ***2—4*** — **IV в.**; ***5—8***, ***10***, ***11***, ***16***, ***17*** — V в.; ***9*** — V и VI вв.; ***12—15***, ***19—21*** — вторая половина V — первая половина VI в.; ***22—27***, ***29—41***, ***43***, ***45—48***, ***51—54*** — VI в.; ***28*** — VI и частично VII в.; ***42*** — V (?) и VI вв.; ***44*** — VI и VII вв.; ***49*** — V—VI вв.; ***50***, ***55—95***, ***97***, ***98*** — VII в.; ***96*** — VI и VII вв. ***1*** — Чеганда; ***2—5***, ***9—11***, ***49***, ***59*** — Мазунино (***2***, ***4***, ***5***, ***9***, ***10*** — погр. 47; ***3*** — п. 36; ***11*** — п. 50; ***49*** — **п. 62**; ***59*** — **п. 63**); ***6***, ***8***, ***22***, ***23***, ***26***, ***39***, ***68*** — **Ижевск** (***23*** — погр. 2; ***26***, ***39*** — п. 8; ***68*** — п. 22); ***7***, ***12***, ***20***, ***32—36***, ***38***, ***62—64***, ***66***, ***73—75***, ***82***, ***86***, ***87***, ***96*** — Бирск (***7***, ***12*** — п. 55; ***32***, ***33*** — п. 137; ***34*** — п. 133; ***35*** — п. 75; ***36*** — п. 21; ***38*** — п. 95; ***62*** — п. 117; ***63*** — п. 113; ***64*** — п. 89; ***66*** — п. 125; ***73*** — п. 130; ***74*** — п. 128; ***75*** — п. 25; ***82*** — п. 148; ***86***, ***87*** — п. 77; ***98*** — п. 5); ***13—15***, ***19*** — Тураево; ***16***, ***28***, ***30***, ***31***, ***37***, ***41—43***, ***48***, ***53***, ***67***, ***69***, ***76***, ***79***, ***83***, ***89***, ***92***, ***94*** — Кузьминское (***16*** — п. 41; ***28*** — п. 50; ***30*** — п. 69; ***31*** — п. 5; ***37*** — п. 19, ***41*** — п. 21; ***42*** — п. ***22***; ***43***, ***83*** — п. 20; ***48*** — п. 38; ***53*** — п. 36; ***67***, ***69*** — п. 51; ***76*** — п. 30; ***79*** — п. 42; ***89*** — п. 31; ***92*** —



ил. 72; *94* — п. 15); ***17, 44, 65, 70, 80, 81, 84, 85, 93*** — Борки (*17* — п. 102; *44* — п. 91; *65* — п. 58; *70* — п. 106; *80* — п. 25; ***81*** — п. 14; ***85*** — п. 66; *93* — п. 44); *21* — Муслюмово; *24, 40, 45—47, 51, 52, 72* — Кошибеево (*24* — п. 75; ***40*** — п. 70; ***45*** — п. 21; *46* — п. 2; *47* — п. 54; *51* — п. 11; *52* — п. 49; *72* — п. 67); *25, 27, 50, 56, 58, 61, 77, 90, 95, 97* — Суворово (*25* — п. 20; *27* — п. 10; *50, 61, 90, 95* — п. 5; *56, 58* — п. 29; *77* — п. 11; *97* — п. 14); *29* — Мари-Луговая, п. 17; *55, 57, 60, 88* — Азелино (*55* — п. 12; *57, 88* — п. 20; *60* — п. 15); *78* — Подболотье, п. 217. Масштаб к рис. *1—3, 5—9, 12—15, 19, 20, 22—24, 29—46, 55—64, 70, 83, 84, 89, 93, 97*

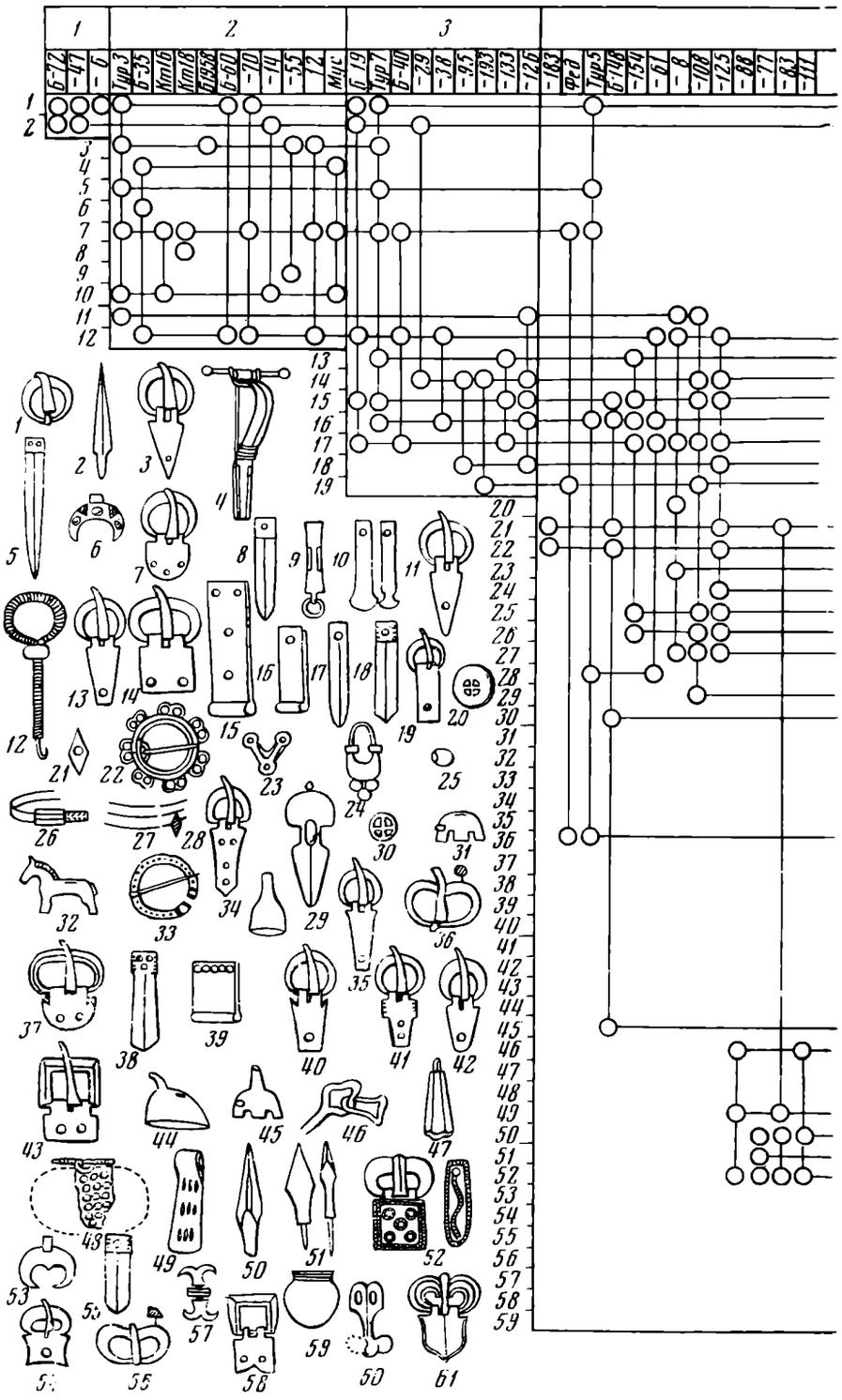
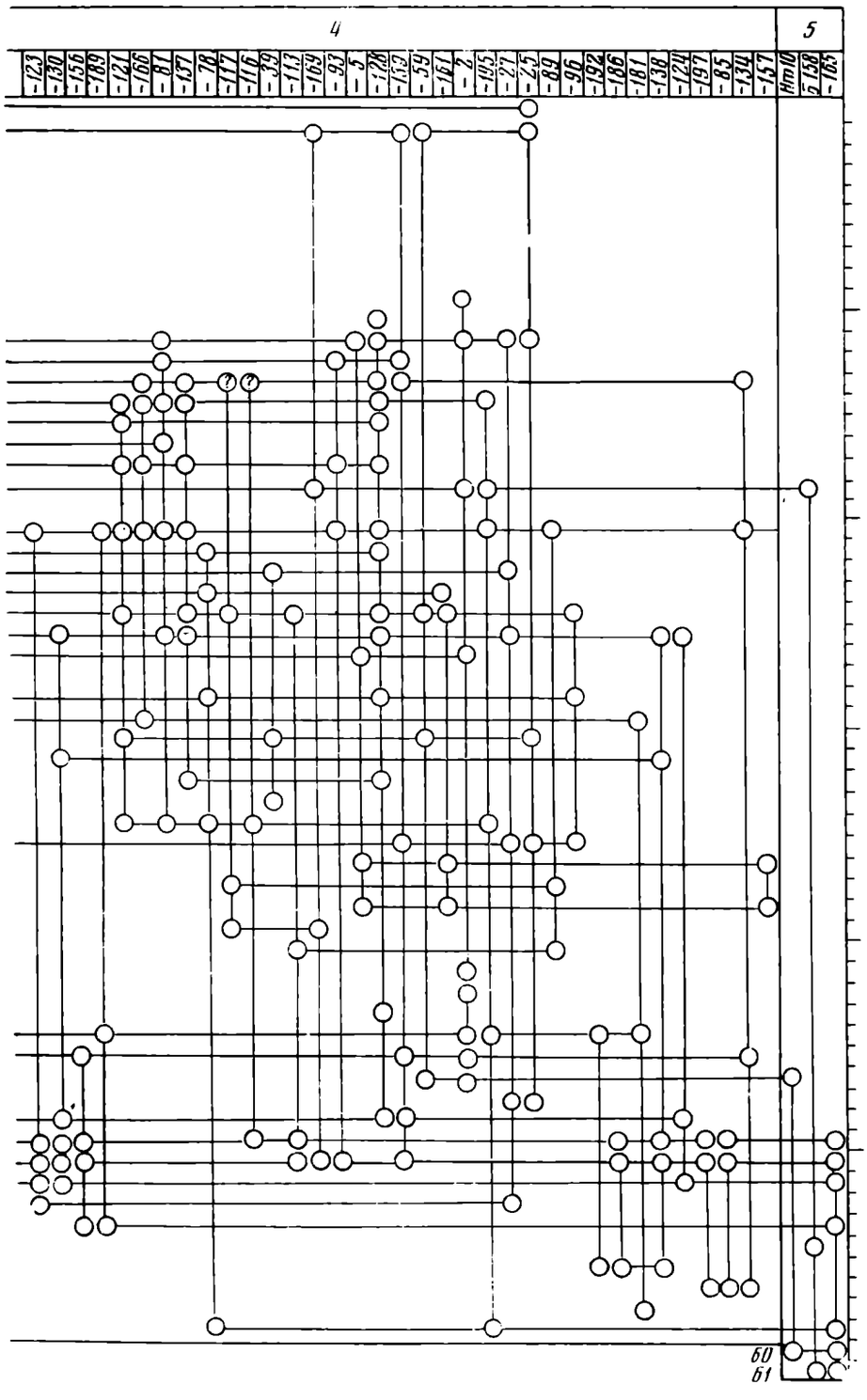


Таблица III. Эволюция могильников Башкирии

Сокращения: Б — Бирск, Тур — Тураево, Кт — Каратамак, Мус — Муслюмово, Фед — Федоровка, НТ — Ново-Турбаслы (по материалам Н. А. Мажитова и В. Ф. Генинга). *1* — простые хоботковые пряжки; *2* — узкие костяные стрелы; *3* — пряжки с треугольной обоймой I варианта (рис. 9, *12, 13*); *4* — прогнутые подвязные фибулы с кольцом для оси пружины; *5* — длинные узкие язычки (рис. 9, *19*); *6* — узкие лунницы с инкрустацией; *7* — пряжки с полукруглой обоймой (рис. 9, *14* и как Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 5, *7, 8*); *8* — укороченные язычки поясов (короче, чем на рис. 9, *19*); *9* — подражание мазунинской обкладке III этапа (рис. 9, *7*); *10* — язычки типа рис. 9, *20* и *21*; *11* — пряжка с треугольной обоймой II варианта (немного продолговатее, чем на рис. 9, *12*). *12* — височные подвески типа рис. 9, *96*; *13* — пряжки типа рис. 9, *34*; *14* — пряжки типа рис. 9, *36, 38*; *15* — большие прямоугольные язычки (рис. 9, *33*); *16* — подобные, но средней величины; *17* — язычки рис. 9, *35*; *18* — язычки, рис. 9, *32*; *19* — пряжки с удлиненной прямоугольной обоймой; *20* — крупные бляшки с крестовидной прорезью (крупнее № 30); *21* — ромбические бляшки поясов; *22* — кольцевые застежки (рис. 9, *82* и как Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 8. *10*); *23* — V-образные бляшки (Ук. соч., табл. 6, *20, 21*); *24* — серьги, рис. 10, *16*; *25* — позолоченные бусы; *26* — браслеты со звериными головками (рис. 10, *10* и др.); *27* — гривны ромбического сечения; *28* — пряжки типа: Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 5, *12*; *29* — двупластинчатые фибулы варианта II-в; *30* — маленькие бляшки с крестовидной прорезью (Ук. соч., табл. 6, *23*); *31* — фигурка медведя



с некоторыми аналогиями из соседних областей).

(рис. 9, *75*); *32* — **фигурка коня (рис. 9, *73*);** *33* — сюльгама с точечным орнаментом; *34* — бутылочная подвеска; *35* — пряжка типа: Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 5, *15; 36* — узкая (круглая или граненая) В-образная пряжка (Ук. соч., табл. 5, *21—23*); *37* — овальная пряжка, переходящая в В-образную, дальнейшее развитие № 7 (Ук. соч., табл. 5, *17, 18*); *38* — язычок, рис. 9, *64; 39* — широкий язычок типа: Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 6, *12* **(и шире); *40* — пряжка, рис. 9, *62;*** *41* — пряжка, рис. 9, *63* (и Ук. соч., табл. 5, *16*); *42* — пряжка типа: Ук. соч., табл. 11, *2; 43* — пряжка типа: Ук. соч., табл. 11, *4; 44* — подвеска — «уточка» рис. 9, *74; 45* — подвеска типа: Ук. соч., табл. 7, *7* и 11, *9; 46* — удила с трехлопастными кольцами и трапециевидными привесками (Ук. соч., табл. 28, *5* и 29, *20*); *47* — пирамидальная подвеска (Ук. соч., табл. 11, *5*); *48* — мазунинские фибулы IV варианта (Ук. соч., табл. 8, *8;* каждая пластина — обломок отдельной фибулы); *49* — топор с насечками; *50* — массивные костяные стрелы (рис. 9, *86*); *51* — плоские (рис. 9, *87*) или узкие граненые железные стрелы; *52* — полые пряжки и язычки с инкрустацией (рис. 10, *11, 12, 17—19*); *53* — трехлопастные лунницы (Ук. соч., табл. 2, *20—22*); *54* — цельновыгнутые пряжки (рис. 10, *5* и др.); *55* — короткие массивные язычки (дальнейшее развитие рис. 9, *32* и *64*); *56* — В-образные пряжки со скошенной поверхностью; *57* — «якоревидные» накладки пояса; *58* — полая пряжка с четырехугольным кольцом; *59* — «кушнаренковские» сосуды; *60* — детали поясных наборов VII в. (Ук. соч., табл. 6, *26, 31, 32*); *61* — пряжки «вычурного» варианта VII в. (Ук. соч., табл. 5, *24, 25*)

тый комплекс из Муслюмова (рис. 9, *21*), III этап мазунинской культуры, конец II и начало III этапов Бирска, раннехаринские могилы из раскопок В. Ф. Генинга в Качке. За Тураевом следует богатый комплекс из Федоровки — VI в. За Федоровкой — IV этап Бирска с его набором «архаичных» форм (типа рис. 9, *62, 63* и т. п.) и памятники позднехаринского этапа из Верхнего Прикамья (Харино, Бурково, Качка, могила а)[7] — VII в. Наиболее близки позднехаринским вещи из бирских могил № 5, 78, 157, 161. Новая дата позднего «Харина» согласуется с тем, что следующий за ним (по периодизации В. Ф. Генинга) неволинский этап начинается в первой половине VIII в. Итак, южные наборные пояса появились в Башкирии в VII в., вытесняя местные формы, развивавшиеся с V в., а в Верхнем Прикамье это произошло лишь в конце VII—VIII вв.[8]

Хронологию подтверждают находки одной детали мазунинского пояса III этапа во II этапе бахмутинской культуры (Бирск, погр. № 55), обломков мазунинских фибул IV этапа в бирских могилах № 25 и 27 (III этап), многочисленных позднеазелинских поясов в мазунинских могилах V этапа, азелинских вещей в раскопках М. Р. Полесских на Суре. Сближает все три культуры и постепенное укрупнение подвесок в виде знака вопроса: в IV в. мазунинские подвески достигали 5,5 *см*, в V и VI вв.—7,5 *см*, бахмутинские V—VII вв.— 8 *см*, азелинские VII в.— 11 *см* и более. VI век отмечен появлением пряжек с длинными прямоугольными обоймами (более всего на Суре и Оке). С VII в. везде распространились фигурки животных (рис. 9, *73—75, 77*); в VIII в. более развитые образцы обильны в Шарееве[9], Неволине, Плесе в Верхокамье, «Архиерейской заимке» в Томске и др. Бахмутинская, азелинская и мазунинская культуры — это самостоятельные особые культуры, не покрывающие одна другую. Они развивались в тесной взаимосвязи, но каждая по своим внутренним закономерностям, вплоть до конца VII в. Изученные до сих пор могильники прекратили свое существование примерно во второй половине VII или начале VIII в. Памятники VIII в. (Петропавловск в Удмуртии и Шареево в Башкирии) имеют иной облик, и их соотношение с более ранними нуждается в изучении.

Рязанские могильники изучались П. П. Ефименко[10]. Его деление на этапы не всегда четко, одинаковые вещи считаются характерными для многих этапов, пряжки почти не учитывались. В итоге моя попытка использовать периодизацию П. П. Ефименко для датировки комплексов с местными фибулами окончилась неудачно и показала необходимость разработки новой периодизации. Несмотря на это, его периодизация сохраняет свое значение как первый у нас опыт датировки методом относительной хронологии. Реконструированная П. П. Ефименко «ранняя пора» Кошибеевского могильника (его рис. 6) после открытия В. Ф. Генингом азелинской культуры оказалась смешением вещей II—VII вв. и пьяноборских. Достоверно ранние (не позднее II—III вв.) материалы Андреевского кургана[11] здесь не рассматриваются. Опубликованные материалы IV—V вв. скудны. Ярче

[7] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, IV, М., 1929, рис. 54—62; ОАК за 1895, рис. 181—189; A. W. Šmidt, Kačka. ESA., 1, Helsinki, 1927, рис. 3, 5, 6, 31 (Муслюмово, Качка, могила а); В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, 57, 1955; его же. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. ФАН СССР. Сер. гуман. н., 2. Казань, 1959, стр. 189, табл. V (Бурково); ОАК за 1900 г., рис. 160, 161; В. Ф. Генинг. Могильник Качка. Отчеты Камской (Боткинской) АЭ, 1. М., 1959.

[8] «Позднехаринский» пояс был в могиле № 80 Поломского могильника — первой половины VIII в.: В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 94—97, рис. 39—41.

[9] Г. И. Матвеева. Шареевский могильник. Из истории Башкирии. Уфа, 1968.

[10] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III—1. Л., 1926; его же. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. СА, II, 1937.

[11] П. Д. Степанов. Южные связи племен Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 169, 1969.

культура представляет лишь с VI в. [12]. Всего выделено 7 этапов IV—VIII вв. Первый этап: черняховские фибулы IV в., простые хоботковые пряжки, остальное маловыразительно (Кошибеево, погр. № 11, 19, 89) — IV в. Этап II: крупные фибулы V в., гривны с пробитой петлей, четырехлопастные подвески, простые хоботковые пряжки (рис. 9, *16, 17, 42*; Кошибеево, погр. № 79; Борки, погр. № 38; Кузьминское, погр. № 41) — V в. III этап: пряжки с очень длинной прямоугольной обоймой, массивные крестовидные фибулы, различные нагрудные бляхи, в их числе литые ажурные (пестрота форм — показатель того, что формы только складываются); гривны, железные с напущенными бронзовыми бусами, толстопроволочные с прямо срезанными концами и другие; браслеты пластинчатые, украшения обуви, есть бляшки, близкие мазунинским IV этапа (рис. 9, *24, 28—31, 37, 40—48, 51—54;* Кошибеево, погр. 12, 49, 69, 75, 81, 87, 97, 108; Борки, погр. № 8, 23, 91; Кузьминское, погр. № 14, 19, 38, 57, 74, «Старшая» Селикса) — VI в., предшествуя могилам с южными вещами VII в. В четвертом этапе инвентарь более однороден, формы сложившиеся, устойчивые, как и их сочетание в комплексах. Звездчатые пятилопастные подвески, нагрудные бляхи с крышкой, гривны с большой крышкой и узкие серповидные, лунницы, круглопроволочные браслеты с расплющенными концами, подвески бутыльчатые, трапециевидные и конические, сюльгамы с насечкой по обоим краям, сюльгамы с выступающими трубочками на концах, пряжки типов VI—VII вв. и южные детали поясов VII в., красные бусы неправильных форм, из оружия — однолезвийные мечи (рис. 9, *65—67, 69—72, 74, 76, 79—81, 83—85, 89, 91—94*; Кошибеево, погр. № 37, 70, 96; Борки, погр. № 5, 37, 43, 44, 46, 61, 71, 87, 95; Кузьминское, погр. № 5, 15, 42, 50, 51, 69, 90; Польное-Ялтуново, погр. № 3; более 200 могил в Армиево) — VII в. Пятый этап: упрощенные литые крестовидные фибулы, часть из них превратилась в бляшки с петлей снизу, браслетовидные височные кольца, геральдические пряжки «вычурного стиля», днепровские пальчатые фибулы (рис. 9, *78*; Подболотье, погр. № 217; Кузьминское, погр. № 7; Холуй) — конец VII в. Шестой этап: сюльгама с длинными «усами» и намечающимися крыловидными выступами в основании иглы, сильно расширяющийся браслет с расплющенными концами, детали поясов типа неволинских, упрощенные бляхи с крышкой (Кочкино, погр. № 4; Хотимль, погр. № 5; Серпово, погр. № 24, 34, 36) — первая половина VIII в., так как предшествует салтовскому влиянию. Седьмой этап: сюльгамы с «крылатой» иглой, поздние бляхи с крышкой, широкие серповидные гривны, гривны с замком «лодочкой», длинные подвески с грузиком; «салтовские» вещи (бусы, перстни, детали поясов), стремена с прогнутой подножкой, сабли (Серпово, погр. № 14; Перемчалки, погр. № 6; Красный Восток, погр. № 1; Заря, погр. № 1; Крюково-Кужново, погр. № 4) — вторая половина VIII—IX вв.[13] Для сравнения, выделенные

[12] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25. СПб., 1901 (Кошибеево, Борки, Кузьминское, Холуй); П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930 (Армиево); А. Е. Алихова. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. КСИИМК, 72, 1958; М. Р. Полесских. Тезиковский могильник. Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1966; его же. В недрах времен. Пенза, 1956 и публикации: СА, 1959, 4; СА, 1962, 4; СА, 1968, 1. Раскопки М. Р. Полесских на Селикса-Трофимовском могильнике (п. 8, 11, 20) подтверждают синхронность IV окско-сурского этапа с II азелинским, V мазунинским, IV бирским и позднехаринским.

[13] Комплексы 6—7 этапов: П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952 (Крюково-Кужново); А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Археологический сборник, 1. Саранск, 1948; ее же. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК XXIX, 1949; А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959 (Серпово, Кужендеево, Заря); А. Ф. Дубынин. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли. СА, 1966, 3 (Кочкино); Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, рис. 56, *1—10* (Хотимль).

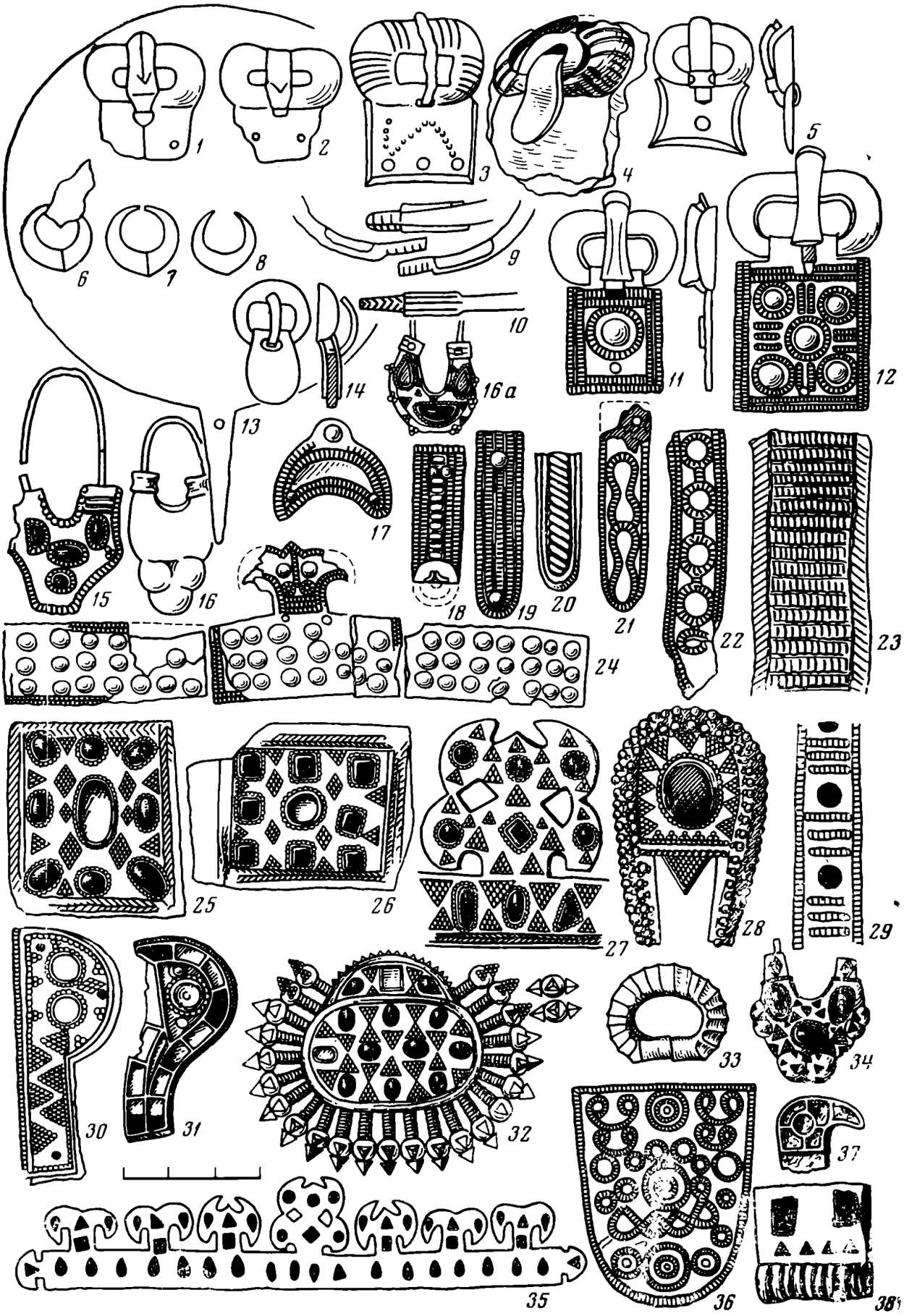


Рис. 10. Древности кочевников VII в.

1—38 — VII в.; *16а* — V в. *1, 2, 7* — Верхне-Погромное; *3, 4, 6, 9, 13, 14, 20, 22—24* — Шипово (*3, 9, 20—23* — курган 3; *4, 6, 13, 14, 24* — курган 2); *5, 8, 10—12, 16—19* — Бирск (*5* — погр. 138; *8* — п. 125; *10* — п. 124; *11, 17, 19* — п. 130; *12, 18* — п. 123; *16* — п. 78); *15, 21* — Энгельс, курган 36; *16а* — Белянус; *25, 26, 28, 31, 33, 37, 38* — Боровое; *27, 29, 35* — Мелитополь; *30* — Перещепино; *32* — Цюрупинск (Алешки); *34* — Кара-Агач; *36* — Старая Игрень. Масштаб к рис. *1—23, 25—31, 33, 34, 35—38*

П. П. Ефименко периоды содержат вещи: период А1 — 2 и 3 этапов; В/В1 — 1, 2, 3, 4; С/С1 — 4 (фибула-третьего); D — 4, 5, 7 этапов. Выработка характерных типов раннесредневековых металлических украшений рязано-пензенского района происходит в VI в. Подавляющее большинство найденных комплексов «IV—VII вв.» (в том числе огромный Армиевский могильник) относится к VII в.

Кочевнические могилы Восточной Европы с полихромными диадемами и обтянутыми тисненой фольгой вещами, т. е. большинство известных археологам раннесредневековых кочевнических могил, относили к V в. Так, И. П. Засецкой учтено в Поволжье 27 могил «конца IV — первой половины V в.» и лишь пять с характерными поясами «VI—VII вв.» [14]. Такое уменьшение населения степей после падения власти гуннов противоречит письменным данным о сложении в восточноевропейских степях сильных кочевых объединений VI—VII вв. И действительно, могилы с вещами, обтянутыми фольгой и с инкрустациями в отдельных гнездах, четко делятся на 3 группы.

I группа кочевнических древностей. Характерны массивные пряжки V в. с длинным хоботковым язычком, узкие длинные тисненые язычки ремней, железные удила с кольцами из цветного металла, крестовидные и ромбические бляхи от узды — стилистически единые от Поволжья до Центральной и Западной Европы (рис. 2, *14—17*, *19—22*, *29*, *30*; 11, *1*). Это общеизвестные могилы знатных конных воинов эпохи Аттилы, а на территории СССР — и послеаттиловской поры, когда остатки гуннов и союзные с ними кочевники были вынуждены отступить в Причерноморье после крушения их державы на Дунае. Учитывая последнее, датировка этой группы в СССР — весь V век, начиная с его первых десятилетий.

Во II группе [15] (рис. 10, *1—4*, *6*, *7*, *9*, *14*, *15*, *20—24*; 11, *3*) чешуйчатый узор крупнее и сложнее, тисненые язычки грубее, изменились формы удил, набор уздечных блях, техника исполнения некоторых диадем, есть круглые бляхи со схематическими изображениями лиц, концевые накладки луков иногда резко расширяются у зарубки (вплоть до VII в.— Бирск, Новиковка около Уфы — равномерной ширины, расширение часто у авар с конца VII в.). О дате VII в. говорят полые цельновыгнутые пряжки, иногда обтянутые фольгой (рис. 10, *1—4*), большое зеркало с ручкой (рис. 10, *13;* аналогии VII в.: Бирск, мог. № 128, 170 и из раскопок В. Ф. Генинга в Кушнаренкове, VIII в. — «Калмацкий Брод» в Свердловске). Орнаменты: «дерюжный» (рис. 10, *18*, *19*, *23*; Шипово, Новогригорьевка, мог. VII, Энгельс, кург. № 17; аналогии VII в. в Бирске — рис. 10, *18*, *19*), из рельефных полосок (рис. 10, *20*; Шипово, мог. № 3; имеют аналогии VII в. и рубежа VII—VIII вв. из Камунты, Бирска и аварских могил) [16]. VI—VII веков еще кург. № 18 и 36 около г. Энгельса [7] и, вероятно (по неполным публикациям), Макартет на Украине [18].

---

[14] И. П. Засецкая. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. СА, 1968, 2, стр. 60.

[15] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, 3. Саратов, 1927, табл. I, 5, 6; V, 41, 42 (Новогригорьевка, могила VII; Энгельс, курган 17); И. П. Засецкая. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. «Археологический сборник. ГЭ», 10. Л, 1968, рис. 1, *10—14* (Верхне-Погромное); T. M. Minajeva. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA. IV. Helsinki, 1929.

[16] П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея, табл. VII; N. Fettich. Das Kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn. Budapest, 1926, табл. VI, *3* (Адонь).

[17] И. В. Синицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Изв. СНВИК, VII. Саратов, 1936, рис. 9—10.

[18] В. Ф. Пешанов, Д. Я. Телегин. Жертвенное место алано-гуннского времени в урочище Макартет. Сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 231; Л. М. Рутківська. Кочовики та землероби на території степової України. «Археологія», XXII. Київ, 1969, рис. 2, *5* (короткий язычок пояса, «дерюжный» (?) орнамент, ромбические петли удил — VII в.).

Итак, у кочевников VI—VII вв. тоже «доживают» традиции гуннской эпохи, как в Приуралье, Абхазии или на Западе, и лишь в VII в., особенно его второй половине, у них появляются цельновыгнутые полые пряжки новых форм, а потом и поясные наборы. Кочевнические могилы с наборными геральдическими мужскими поясами: второй половины VI в. — Большой Токмак, VII в. — Иловатка, Бережновка, кург. № 1 и 111, Зпновьевка — на Волге, Белозерка, кург. № 14, Аккермень, памятники перещепинского типа на Украине (Глодосы, Сенжары — уже VIII в.) [19]. Кочевникам приписывают также могильники VII в. в Ново-Турбаслы, Уфе и Новиковке в Башкирии. Ко второй половине VII в. относятся богатые женские погребения с роскошными колтами (рис. 8, *9*; 11, *3*), судя по аналогии декоративных приемов с перещепинскими и по поясному набору. Прототипы нагрудных цепей с медальонами и колтов, вероятно, византийские. Вещи различны по исполнению. Лучшие — из Джигинской близ Темрюка (рис. 8, *9*; с христианскими символами на медальонах), Уфы, Муранова, Кайбел. Проще колты из бывшей Кубанской области и Верхне-Курмоярской. Грубые имитации — в Кудыргэ (VIII в.), Одинцовке и Веспрем-Силашбалхаше в Венгрии [20]. Нередко считают, что инкрустации — признак «IV—V вв.». Однако в VII в. инкрустации вновь распространились чрезвычайно широко (рис. 6, *2*, *5*, *26—29*, *32*, *37*, *38*; 10, *11*, *12*, *15*, *24*), а в конце VII— начале VIII в. достигли особой пышности (рис. 5, *39*, *70*; 6, *9*, *30—36*, *38*; 7, *1*; 8, *8*, *9*; 10, *30*, *31*; Перещепино, Глодосы, Морской Чулек и др.). Вероятно, это связано с социальным прогрессом, ознаменованным во второй половине VII в. созданием хазарского и болгарского государств.

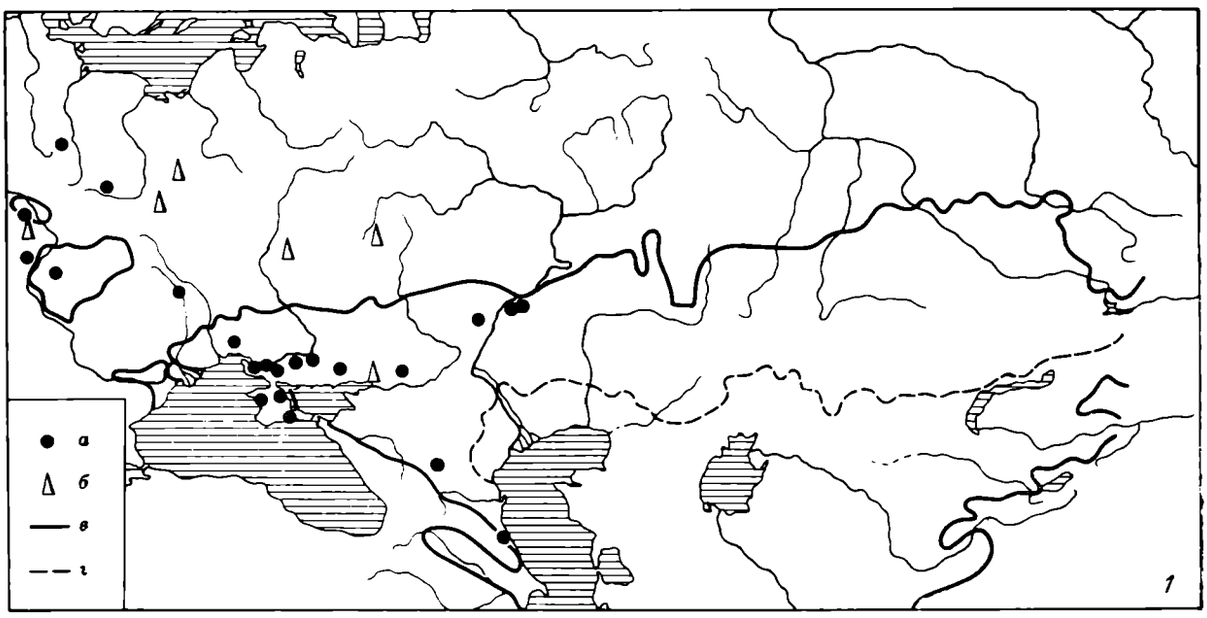
III группа [21] отличается инкрустированными украшениями, чрезвычайно обильно, до перегруженности усыпанными зернью (рис. 10, *25—29*, *31—37*; 11, *2*): Боровое, Кара-Агач, Игрень, Цюрупинск (быв. Алешки), Ленинск, Варна в Болгарии и др. Обычно их не выделяют среди комплексов V в., хотя стиль и набор форм в них совсем иные. Характерно стремление к симметрии в размещении инкрустаций (рис. 10, *25—27*, *30*), обилие среди вставок янтаря и сердолика, часто подбор камней пра-

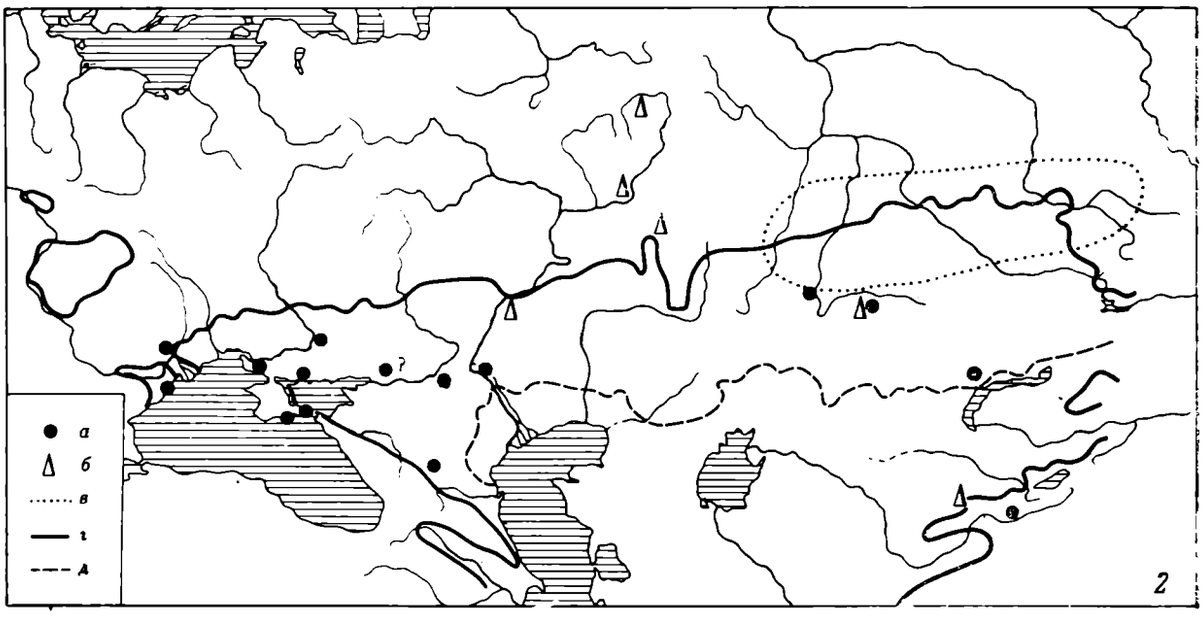
---

[19] П. С. Рыков. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губ. Петровск, 1929; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 110; его же. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, рис. 39, *12*, *14*; Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского у. Белозерской волости и соседние городища и курганы. Тр. VIII АС, III. СПб., 1897, стр. 126, 127, рис. 45—50; М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська и др. Кургани біля с Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень», АП, VIII. Київ, 1960, стр. 129, 130, рис. 73, *4*; 74, *5—8*; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890, стр. 140—142, рис. 166—171; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, рис. на стр. 77 (Морской Чулек у устья Дона); А. Т. Сміленко. Глодоські скарби. Київ, 1965; ее же. Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары. Славяне и Русь. М., 1968.

[20] Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 193—203, рис. 104—106, 113, 115—119 (Джигинское, Кубань, Мураново, Кайбелы); ОАК за 1891, рис. 84; ОАК за 1905, рис. 134 (Верхне-Курмоярская); Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. КСИИМК, XL, 1951, рис. 36—39, *1—5*; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ. М.—Л., 1965, табл. IX, *3—4*; X; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, стр. 109, рис. 18, *3*, *4* (Одинцовка); J. Werner. Zum Stand der Forschung über die archäologische Hinterlassenschaft der Awaren. Beiträge zur Südosteuropa-Forschung. München, 1966, стр. 314, рис. 3, *3* (Веспрем).

[21] А. А. Козырев. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач. ИАК, 16. СПб., 1905; ОАК за 1902, рис. 212, 213 (Верхне-Яблочный и Алешки); В. Ф. Пешанов. Мелитопольская диадема. КСИА, 11. Киев, 1961; И. Ф. Ковалева. Погребение IV в. у с. Старая Игрень. СА, 1962, 4 (и о Корушане); М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ, 7. Алма-Ата, 1959, стр. 179—182, 193—196, рис. 13—15, 24, 25 (Канаттас); И. П. Засецкая. Полихромные изделия (Ленинск, Марфовка, «Феодосия», быв. коллекция П. Строганова, Здвиженск и др.); Новочеркасский музей № 3/2144 (пластины с камнями и зернью); J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, табл. 30, *1* (Варна); I. T. Dragomir. Descoperire hunice la Bălteni. SCIV, 17, 1. Bucureşti, 1966.





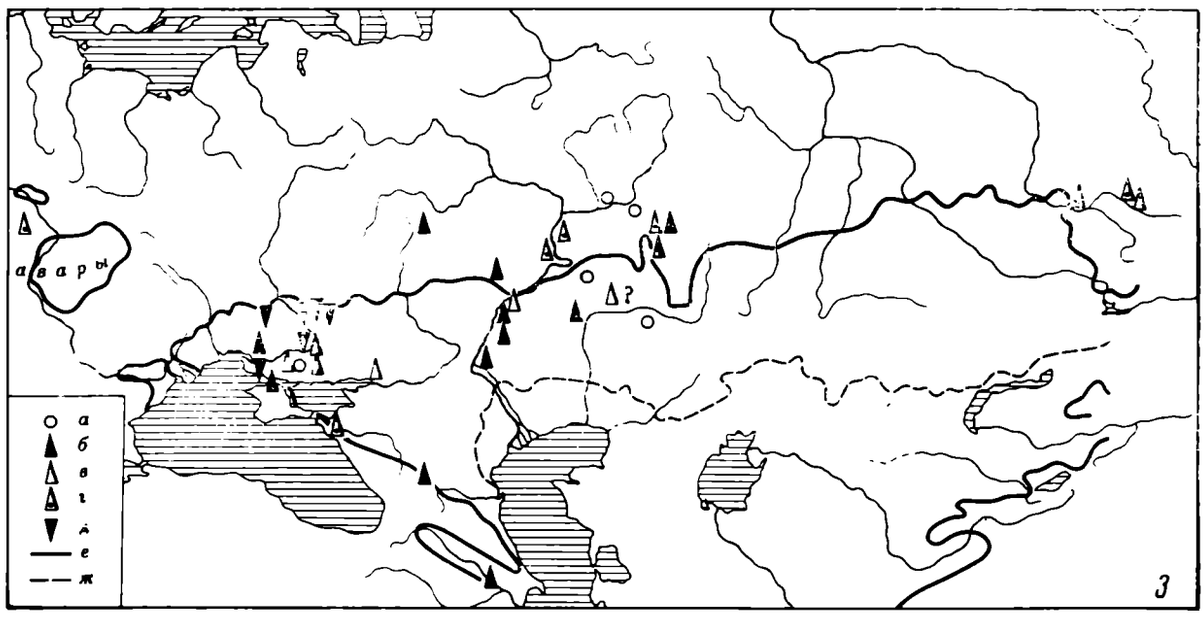
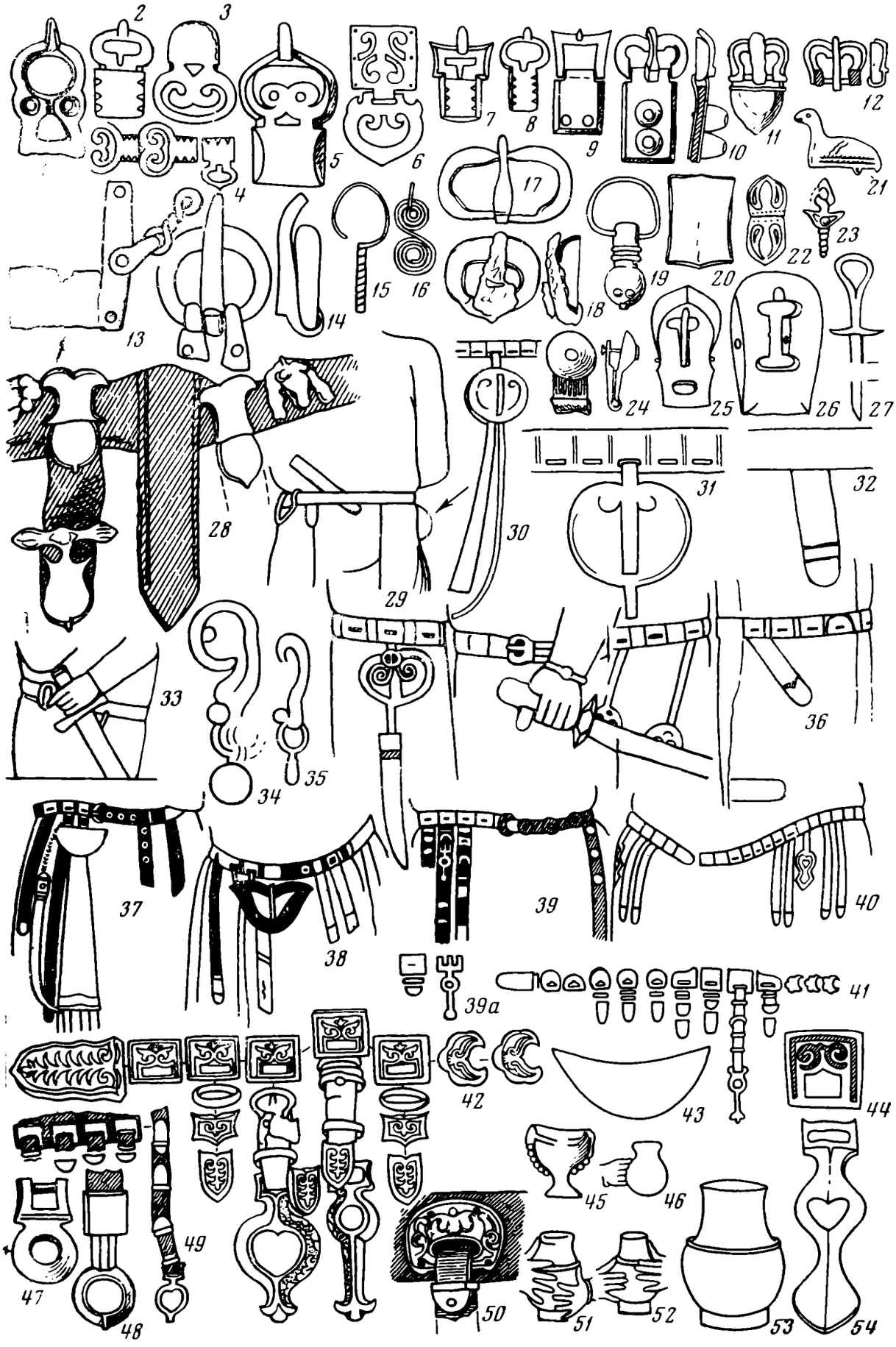


Рис. 11. Памятники кочевников V—VII вв.

1 — V в. («I группа»): *а* — погребения кочевников и случайные находки, *б* — богатые могилы с двупластинчатыми фибулами, *в* — границы степи, *г* — границы пустынь. *2* — VII в. («III группа»): *а* — погребения и случайные находки, *б* — серьги «харинского» типа (рис. 10, *15*, *16*, *34*), *в* — район происхождения серег из коллекций Петра I и Витзена, *г* — границы степи, *д* — границы пустынь. *3* — VII в. («II группа»): *а* — могилы VI в., *б* — могилы с элементами наборных поясов VII в., *в* — могилы VII в. без наборных поясов, *г* — находки колтов (рис. 8, *9*) и подражаний им, *д* — могилы перещепинской группы, *е* — границы степи, *ж* — границы пустынь


2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
39a
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54

вильной формы (круглых, овальных, удлиненных), зернь покрывает почти все свободное место. Диадемы чаще с выступами сверху, передающими символы древа жизни (а не птиц, как иногда считают): например, рисунок 10, *27* в виде поставленных друг на друга двух «ромбов с крючками» [22]. Женские диадемы с «деревьями» по краю изготовлялись кочевниками с эпохи Новочеркасского клада, в V в. (рис. 2, *29*) и в VII в. (рис. 10, *24*, Шипово). Мотив древа с животными есть на «колтах» III группы и. в очень близкой трактовке, в салтовском искусстве VIII—IX вв. [23]. Наконец, лилиевидное древо и ромб с крючками — один из основных мотивов в современной орнаментике женских украшений у туркмен. каракалпаков и др.

Ареал III группы совпадает с областью I группы от Волги до Днепра, но I идет к западу до Венгрии и Польши (а единично — до Франции и Португалии), а III смещается к востоку и особенно часта в Казахстане (рис. 11, *1—2*). Это две разные группы населения, с разными художественными традициями, жившие одна от Венгрии до Волги (I) и другая от нижнего Дуная (Бэлтень и Варна) до Западной Сибири и Казахстана (III). Совпадение основного ареала — против их одновременности. И действительно, серьги из Кара-Агача (рис. 10, *34*) не только входят в группу серег VII в. из Бирска и Энгельса (рис. 10, *15*, *16*), но и зерненые прототипы тех и других, по памятникам позднехаринского типа, относятся к VII в. Серьги V в. совсем другие (рис. 10, *16а*). Они ближе к образцам III—IV вв. (Можары и др.). Прототипы VII в.— серьги с гроздью шариков, каждый из которых завершается пирамидкой крупной зерни — найдены на пространстве степного междуречья Иртыша и Оби (7 экземпляров) и от Киргизии (3 пункта) [24] до Верхнего Прикамья (Харино, Бурково). Золотые харинские серьги и пластинки пряжек очень близки украшениям III группы: вставки правильной формы, симметрично расположены, фон еще гуще заполнен треугольниками мелкой зерни. Шарики с пирамидками зерни на харинских серьгах и на овальных лучевых подвесках III группы (рис. 10, *32*) также одинаковы. В погребении из Борового (рис. 10, *25*, *26*, *28*, *31*, *33*, *37*, *38*) [25] было Р-об-

---

[22] А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками». СА, 1965, 3, рис. 4, *3*, *6—9*, *11—15*, *18*, *19*.

[23] И. П. Засецкая. Полихромные изделия, рис. 4, *4*, *6*; ср. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, 1958, рис. 27 (в центре растение. Ср. растения по краям предмета с выступами диадем).

[24] И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 68, рис. 7, *5*; С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ Д3-9, М.— Л., 1962, стр. 12, табл. II, *1*, *3*, XX, *20*, *26—29*, рис. 2. *D*, *F*.

[25] А. Н. Бернштам. Находки у оз. Борового в Казахстане. «Сборник Музея антропологии и этнографии», XIII. Л., 1951.

Рис. 12. Древности южной Сибири и их аналогии.

1 — I в. до н. э.; *2—6*, *13*, *14* — V—VI вв.; *7*, *8* — вторая половина VI — первая половина VII в.; *15—18*, *24—27*, *47*, *48* — VII в.; *9—12* — вторая половина VII в.; *19* — VII или VIII в. (?); *20—23* — VIII в.; *28*, *33—36*, *43*, *45*, *46* — первая половина VIII в.; *29—32* — 732 г. (памятник Кюль-Тегину); *37*, *39—42*, *49*, *53* — вторая половина VIII — первая половина IX в.; *38* — вторая половина IX в. (Идыкутшэри); *44*, *54* — вторая половина IX—X вв. *1—5*, *7—12* — таштыкские, *13—23* — верхнеобские, *24—27* — берельские, 28—36, *40—53* — так называемые «раннетюркские», *37—39* — уйгурские, *44*, *54* — эпохи господства кыргызов в Туве, *29—33*, *35*, *36*, *40*, *43*, *45*, *46*, *51*, *52* — каменные изваяния (*36—40* — развертки), *34*, *37—39* — живопись. *1* — Абакан; *2*, *3*, *5*, *9—11* — Изых (*2*, *3*, *5* — склеп 2; *9—11* — склеп 1); *4* — Уйбат; *6* — Корея; *7*, *12* — Сыры, склеп 1; *8*, *14—23* — Большие Елбаны; *13* — Пазырык; *24—27* — Берель; *28* — Таш-Тюбе; *29—32* — Кошо-Цайдам, Монголия (*29—31* — одно изваяние); *33*, *43* — р. Чаадана; *34* — Афрасиаб (всадник на верблюде); *35* — р. Саглы (Мугур); *36*, *45* — р. Хам-Дыт; *37*, *39* — Сорчук; *38* — Идыкутшэри (оба — Восточный Туркестан); *40* — р. Шеми; *41*, *50* — Туэкта, 1935 (*41* — курган 4; *50* — к. 3); *42* — Курай IV, курган 1; *44*, *54* — Шанчиг, курган 19; *46* — Тётё («Кезер»); *47*, *48* — Чми (*47* — катакомба XVII, *48* — к. XI); *49* — Монгун-Тайга, 1957 к. XXXVI; *51*, *52* — Чанагаш; *53* — Копены, к. 2. Масштаб различен

разное ушко сабли VII в. (рис. 10, *31*). Некоторое отличие в деталях выполнения вещей (меньше зерни), возможно, связано с иным назначением: могила мужская, а наиболее яркие комплексы III группы женские. Подобные серьги в виде знака вопроса и удила есть в «переходном этапе» на Верхней Оби — VII в. (см. ниже). Обильная зернь и симметричное размещение инкрустационных вставок правильных форм — черта многих вещей перещепинской группы (язычки поясов типа рис. 6, *22*, *23* и арматура сабли) и колтов типа джигинских, хотя и они имеют вполне понятные отличия. Не ранее VII в. прямоугольная серебряная и большая костяная с длинным вырезом пряжки из Канаттаса (последние ранее VII в.— Борисово, Азелино, Берель, Айвазовское, Пензенская обл.,— мне неизвестны). Пояса, обложенные поперечными пластинками (Канаттас), известны в VII в. на Оке (Холуй) и в Приуралье (Буркино; в Поломе даже VIII в.). Чужды V в. широкие язычки со сложной плетенкой (рис. 10, *36*), бороздчатые пряжки (рис. 10, *33*). Не могут изменить даты и две вещи V в. Марфовское погребение совершено в более раннем склепе, и стеклянный кубок мог быть использован вторично: слишком непохож стиль вещей, всегда сопутствующих таким кубкам. В Ленинске найден кусочек бортика зеркала с орнаментом в стиле V в. Но узорчатые дальневосточные зеркала высоко ценились и даже в Сибири иногда запаздывали на 100—200 лет.

Нет оснований приписывать украшения III группы керченским мастерам: это изделия местных варварских мастерских, обслуживавших знать разных народов. Их появление на Нижнем Дунае (Бэлтень и Варна), возможно, связано с приходом болгар в 670—680 гг. Значительное увеличение кочевнических памятников VII в. по сравнению с V в. согласуется со сведениями византийцев о существовании в наших степях сильных кочевых объединений VI—VII вв. Кочевническая культура V—VII вв. к западу от Урала во многом традиционна и развивалась очень постепенно. Сохранялся обычай захоронения в могиле ног и черепа коня, местами обычай трупосожжения, устройство насыпи из камней. Удерживался восточный обычай покрывать оружие и седла, как доказал И. Вернер, чешуйчатой имитацией перьев (есть еще в начале VIII в. на изображениях оружия в Варахше, рис. 14, *40*, и крыльев в Восточном Туркестане, также на ножнах послесасанидских мечей с Р-образными ушками из Ирана) и класть в могилы знатных женщин золоченые диадемы с символами древа жизни.

Неизбежно уточнение хронологии сибирских древностей, поскольку они в основном датированы по европейским аналогиям. Считалось, что до V в. существовали культуры таштыкская, шурмакская и др., а в VI—VIII вв. так называемая раннетюркская. Однако по «вычурным» геральдическим пряжкам (рис. 12, *10*, *11*) уйбатский этап таштыкской культуры [26] надо датировать второй половиной VII в. (склеп № 1 в Изыхе и, по Л. Р. Кызласову, еще четыре склепа). Предшествующий ему сырский этап приходится соответственно на вторую половину VI — первую половину VII в., т. е. эпоху I тюркютского каганата. Судя по одной «вычурной» пряжке (рис. 12, *12*), склеп № 1 в Сыры заполнялся в конце сырского этапа и был закрыт в начале уйбатского. Погребенные в нем таштыкцы (часть с погребальными масками) — кыргызы эпохи Тайцзуна. Изыхский этап падает на V — первую половину VI в. Аналогии его наборным поясам с прорезными волютами — в Корее V—VI вв. (рис. 12, *3—6*) [27], цепочке из скрученных звеньев — в одинцовских памятниках V—VI вв. на Верхней Оби (рис. 12, *13*). Более ранние могилы, вероятно, следует искать среди грунтовых погребений с их округлыми клювовидными пряжками и архаичной

[26] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, особенно стр. 35—40, 71, 72, 163, 164, рис. 7—9, 29, 30, 36, табл. 4.

[27] М. В. Воробьев. Древняя Корея. М., 1961, рис. XXXII, *5*, XXXIII, *6*, XXXIV, *3*, XXXV, *1*, XXXVIII, *4*, XXXIX, *14*, *15*.

посудой (ножны с круглыми выступами бытовали в Иране как раз в I в. до н. э.— V в. н. э., судя по рельефам и сасанидскому серебру).

На Верхней Оби [28] одинцовский этап с ножами в обоймах, с цепочками из скрученных звеньев (рис. 12, *13*) и чашевидной посудой (Большие Елбаны, пункт XII, могилы 17, 18, 22, 32—34; пункт XIV, мог. № 31, 38, 40) нужно датировать V—VI вв. по пряжке рис. 12, *14* (ср. рис. 2, *14, 16*). Переходный этап с более вытянутыми сосудами, в некоторых кладбищах с серьгами в виде знака вопроса,— не позже VII в., так как в следующем, фоминском этапе вещи уже VIII в. (серьга со ступенчатым столбиком, имеющим аналогии в «Архиерейской заимке», геометрическая тюркская бляшка и костяная имитация геральдической поясной бляшки — рис. 12, *20—23*). Замыкает шкалу сросткинский этап второй половины VIII и IX вв. Погребальный обряд одинцовского и переходного этапов, по М. П. Грязнову, одинаков, а посуда в юго-западной части могильника XIV ближе к «переходной», поэтому могилы № 7, 12, 17 (без посуды и с пряжками VII в.— рис. 12, *15—19*) надо отнести к переходному этапу. Следовательно, переходные могилы: БЕ III, 1, 6, 15, БЕ XII, 1, 11, 19, 23, 30, БЕ XIV, 7, 12, 17, 24, 33, 37, 47, 49 и Одинцовка, 1930 г. Тогда все могильники V—VIII вв. в Больших Елбанах росли с юго-запада на северо-восток или север.

Алтайские памятники V—VII вв. близки верхнеобским: одинцовские (Пазырык) и близкие к «переходным» берельские [29]. Берельские — также VII в. (рис. 12, *24—27*): костяные подпружные пряжки неизвестны мне ранее VII в., в VII в. есть длинные, слабоизогнутые накладки лука (Новиковка близ Уфы), «кошибеевские» удила (Борки, мог. 69, Кошибеево, мог. 70) и кольцевые навершия палашей (от Дуная до Японии). Судя по трапециевидным пряжкам с клювом, близким таштыкским уйбатского этапа, шурмакские, или сыын-чюрекские древности Тувы [30] также дожили до VII в. Итак, в период I тюркютского каганата VI—VII вв. тюркоязычные народы Сибири представлены целой серией локальных культур, уходящих корнями в местную древность. В VII в. лишь намечается важная черта последующего этапа: на Верхней Оби (угры?) и на Алтае уже есть могилы всадников со взнузданными конями, в Хакассии и Туве лишь изредка удила и отдельные кости лошади. Древности тюркютов VI—VII вв. (локализируемых на Южном Алтае) пока неизвестны. Вещи [31] из приписываемых им поминальных оградок не имеют узкой даты. Более тщательно выполненные изваяния при оградках снабжены реалиями VIII—IX вв., более схематичные не датируются, но часто входят в один комплекс с датируемыми (Кошо-Цайдам, Кызыл-Тей). Пока не доказано, что к оградкам можно относить письменные данные о тюркютских трупосожжениях. Тюркюты сжигали с трупом вещи и коня, но ничего этого нет в оградках. Пока сожжения всадников V и VII вв. известны лишь на Украине и в Поволжье (Ново-Григорьевка, Энгельс, мог. № 17 и 18 и др.). Повсюду трупосожжения разных народов содержат обломки костей (в Сибири — у кыргызов), в оградках их нет. По топографии Кудыргэ нельзя доказать, что могилы VIII—IX вв. позднее оградок: они не окружают их, а просто расположены ближе к реке, а оградки — ближе к горе. На каждом «могильном» холме хоронили долго: и в первой половине VIII, и во второй половине VIII—IX вв.— возможно, это отдельные кладбища двух маленьких коллективов.

---

[28] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, стр. 99—152, табл. XXXI—LVII.

[29] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, стр. 51—57.

[30] С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н. э.— первых веков н. э. Тр. ТКАЭЭ, II. М.— Л., 1966, стр. 254—255, табл. XIII, *13*, *17*.

[31] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, стр. 14—21, 99—103; табл. II—V; Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 23—35.

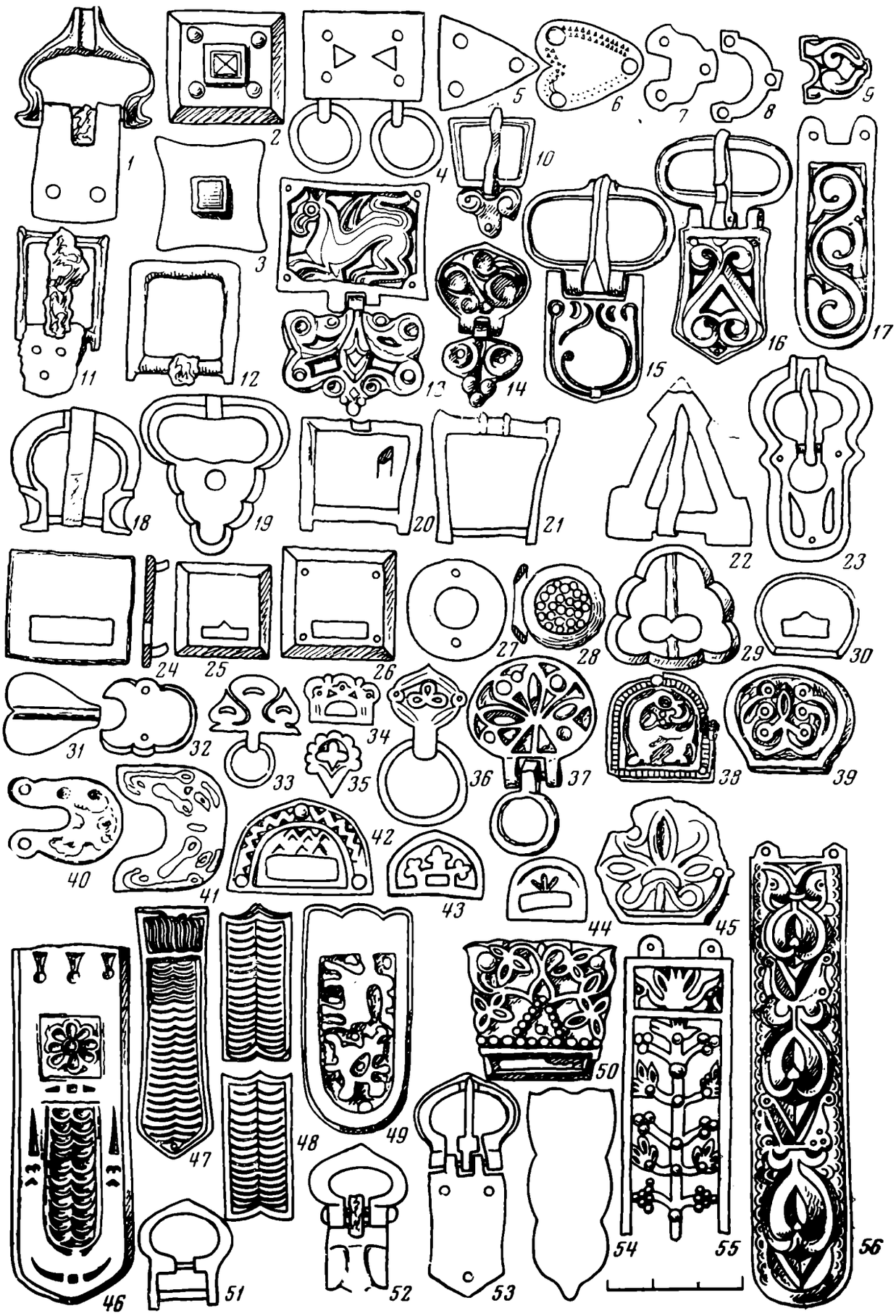


Рис. 13. Украшения поясов VIII—IX вв.

1, 9—17, 22, 47 — VIII в.; *2—8, 23—32, 46, 54* — конец VII и первая четверть VIII в. (*23—32, 54* — и позднее); *33—45, 48—53, 55, 56* — вторая половина VIII и IX в. *1, 9, 11, 13, 14* — Венгрия (*1, 4—9, 11, 13, 14* — Алаттьян; *2* — Кечкемет-Баллосёг; *3* — Сегед-Фехерто «Б»); *10, 12* — Житавска Тонь (Чехословакия); *15—17* — Югославия; *18—20, 28, 35, 36, 40, 43, 44* — Чми (*18, 20, 28* — катакомба XXIII; *19* — кат. VII; *25, 36, 43, 52* — к. XXIV; *40* — к. XVI; *44* — к. XXVII); *21, 22* — Верхний Чир-Юрт; *23, 25—27, 29, 39, 49, 54* — Деменки; *24* — Катанда; *30* — Пенджикент; *31—34, 51, 53* — Мыдлань-Шай; *37, 38, 42, 50, 56* — Песчанка (*37, 50, 56* — могила 6; *38* — м. 5; *42* — м. 8); *41* — Тополи; *45* — Гиждуван, 1898, склеп I; *46* — Глодосы; *47* — Нове Замки (Чехословакия); *48* — Галиат, 1935 г. Масштаб — к рис. *18—46, 48—56*

На рубеже VII и VIII вв. у кочевников Дуная и Сибири появились наборные пояса с геометрическими (прямоугольными и сегментовидными) бляхами и с подковообразными и сердцевидными окантовками отверстий на ремне; серьги с маленькой подвеской и часто с боковым выступом на кольце, изогнутые сабли с коротким ромбическим перекрестием и двумя полукруглыми ушками на ножнах, стремена с прямой или сильно выгнутой вверх подножкой (рис. 8, *4—6, 10—36;* 12, *29—36;* 13; 14, *5—7, 16—18, 23*). Локальное своеобразие зависит от различной трактовки этих общих мотивов и форм. Начало этапа лучше всего видно у авар — в виде кратковременного «II периода» (с пластинчатыми обкладками поясов, рис. 13, *2—8*) [32]. Сначала вещи II периода бытовали параллельно с поздними комплексами I периода, а в конце постепенно сменились литыми украшениями III периода (рис. 13, *9, 10, 13—17*). Многие специалисты по аварам относят начало II периода к 670-м годам или даже середине VII в. (а III группы — к 680 г.), основываясь только на находках в комплексах II периода византийских монет 582—602 гг. (Сегвар — Кородьпарт), 654—659 гг. (Сегед — Маккошердё, мог. 24), 668—669 гг. (Озора), поступление которых, по их мнению, прекратилось в 681 г., с образованием Болгарского царства [33]. Но одни монеты очень ненадежны (рис. 1, *3*). Полное отсутствие византийских монет в следующем, III аварском периоде (за неимением их в могилы кладут римские!) говорит о его значительном отдалении от гипотетической даты прекращения ввоза монет — 681 г. Сопоставление с Суук-Су заставило сдвинуть I группу аварских могил в большой мере на вторую половину VII в.; следовательно, II и III группы падают в основном на VIII в. Это согласуется с хронологией Д. Чалланя и Х. Мпти-Мерхайма: геометрические пластинчатые пояса — с рубежа VII—VIII вв. (680—720 гг.), литые с 720—730-х годов и весь VIII в. Неубедительно возражение, что «могилы с литыми обкладками встречены в несравненно большем количестве, поэтому их нельзя связывать только с одним столетием, т. е. с VIII в.» [34]. Их росту соответствует появление в III периоде обширных аварских поселений. И вообще на некрополях самых разных культур накопление могил шло в геометрической прогрессии.

В СССР характерны геометрические поясные бляхи-оправы с прорезью для продевания подвесного ремешка (рис. 12, *29—33, 36;* 13, *24—26, 29, 30;* 14, *31, 35, 36, 42, 44*). На могильниках в зоне их распространения четко выделяются два периода: период, наиболее яркие представители которого Салтово и Сростки (второй половины VIII и IX в.) с любовью к орнаментации блях, и предшествующий ему кратковременный период с гладкими бляхами. В Прикамье (Деменки, Неволино, Броды, Полом) и Томске на одних и тех же поясах смешаны сибирские бляхи-оправы и местные геральдические 4 этапа [35]. Следовательно, в Прикамье, на Алтае, в Хакассии и в Монголии геометрические бляхи-оправы появились при-

---

[32] I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963, стр. 123—148 (II), 148—176 (III); Z. Čilinská. Slawisch-awarisches Cräberfeld in Nové Zámky. Bratislava, 1966; N. Fettich. Beiträge zum Entstehungsproblem des altgermanischen II. Stils. AE, 1929, XLIII, 1, стр. 328—340, табл. VI—X (Игар), XI, *5, 6*; XII, *9* (Озора); E. Lovas. Eine Grabstätte aus der Völkerwanderungszeit bei Bágyog. AÉ, 1929, XLIII, 1 рис. 125, 126; Д. Чалланъ. Византийские монеты в аварских находках. ААН, II. Budapest, 1952; D. Csallány. Rapports archéologiques entre les trouvailles tombales de l'epoque avare de Szeged et des cors à boire hunno — bulgares. AÉ, VII—VIII—IX. Budapest, 1948, табл. LXXV—LXXVII (Атокхаза и Фехерто «Б» в Сегеде); K. Szabó. An avar grave from Kecskemét-Ballószëg. FA, I—II. Budapest, 1939; E. Garam. Avar nyereg Tiszafüredről. AÉ, 96, 1, 1969.

[33] I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán, стр. 131, 135, 136, 226, 232.

[34] Z. Čilinská. Slawisch-awarisches Gräberfeld, стр. 203.

[35] А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, XI, 1—2. СПб., 1899 (Томск); В. Ф. Генинг. Деменковский могильник, ВАУ, 6. Свердловск, 1964; его же. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. Свердловск, 1962; В. Б. Ковалевская. К вопросу о «поломской культуре». МИА, 169, 1969; I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Newolino. Budapest, 1969.

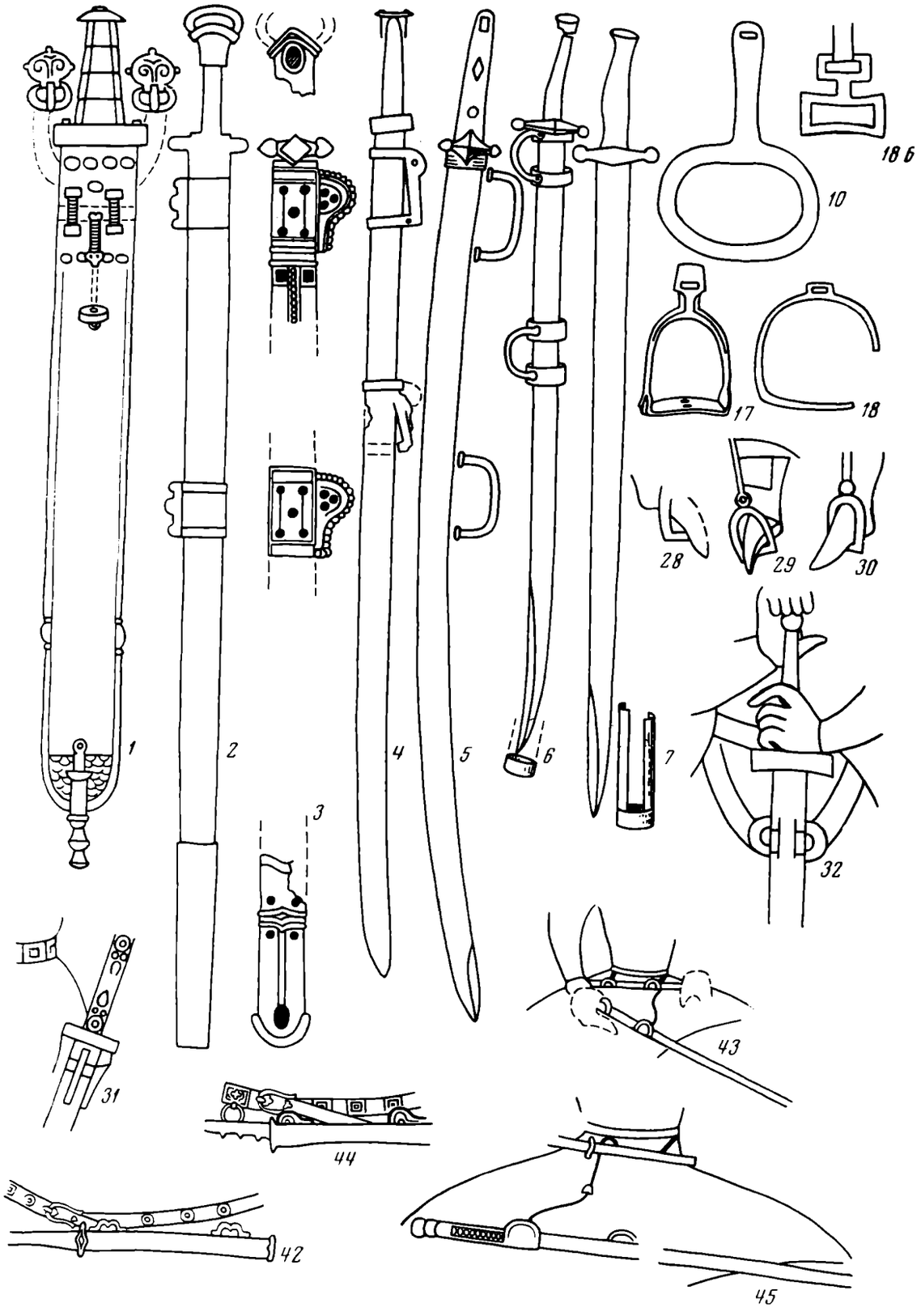
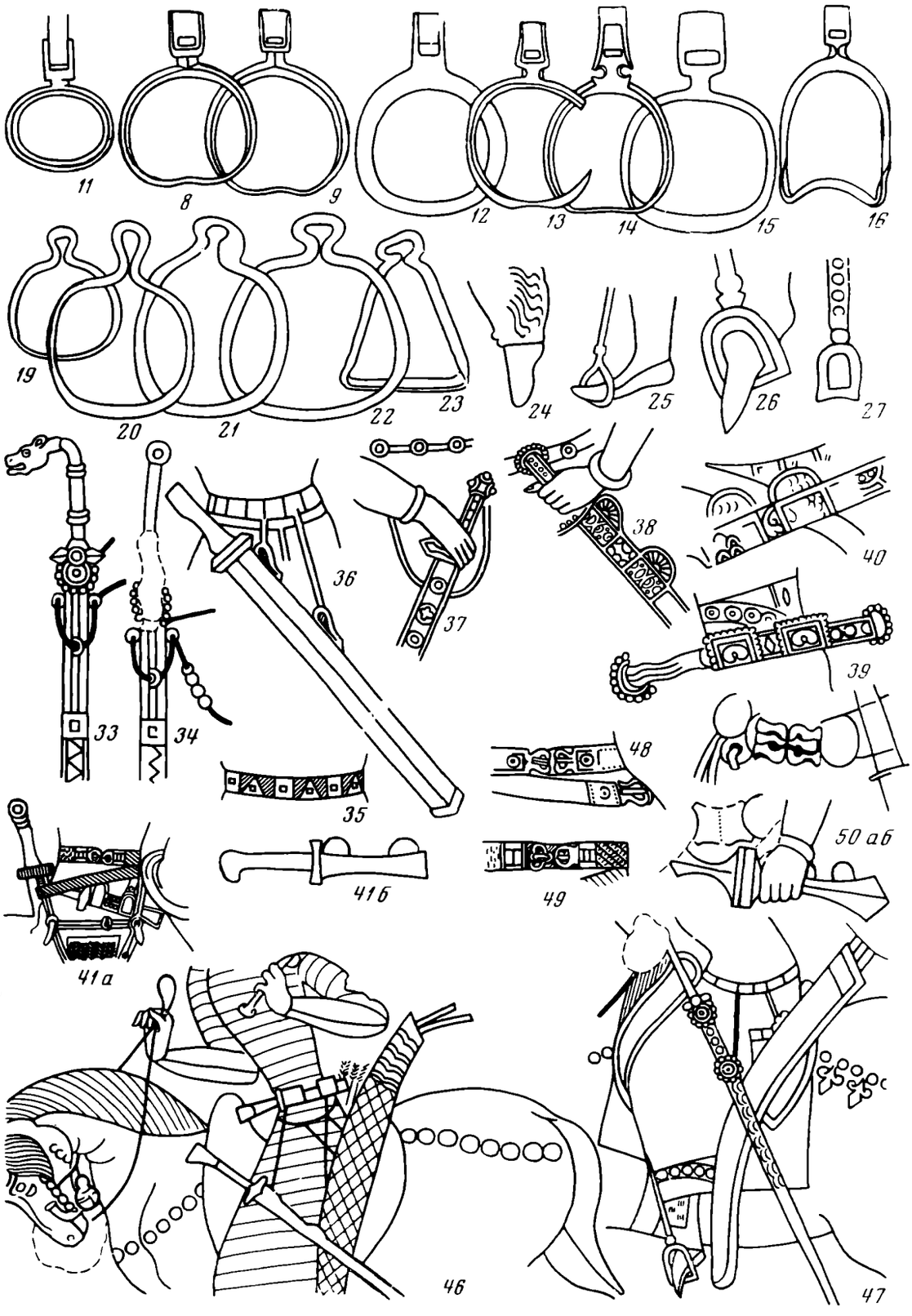


Рис. 14. Оружие и стремена V—IX вв.

1 — вторая половина V в.; *10* — V—VI вв.; *18б* — 554 г.; *2, 8, 9, 19* — VII в.; *3—5* — конец VII — первая четверть VIII в.; *6—7* — вторая половина VIII—IX вв.; *10* — V—VI вв.; *11* — 637 г.; *12—18а, 20—23* — с VIII в.; *24* — IV в.; *25—31, 33—47, 50* — первая четверть VIII в. (*31, 41б* — первое десятилетие?); *32* — VI в.; *41а, 48, 49* — VIII в. без более узкого подразделения. *1* — Блучина (Чехословакия); *2, 4, 5, 8, 9, 19* — Венгрия (*2* — Сегед-Ченгеле, п. 1; *4* — Кечкемет-Баллосёг; *5* — Игар, п. 3; *8, 9* — Цико, п. А; *19* — Чолнок); *6, 7* — Мыдлань-Шай, п. 52, 50; *10* — Хваннам, Корея; *11* — памятник императора Тайцзуна (Китай); *12* — Самарканд, обсерватория Улугбека; *13, 20, 21* — Кудыргэ (п. 18, 11, 22); *14, 18а* —



Вознесенка; *15*, *22* — Монгун-Тайга (1957, курган XXI, 1958, к. VIII); *16*, *17* — Борисово (погр. 114 и 99); *18б* — Вэйский рельеф 554 г. (Китай, ныне в Бостонском музее, США); *23* — Катанда II, большой курган, впускная могила 2; *24*, *25*, *32*, *36*, *41а*, *48*, *49* — серебряные блюда: *26—28*, *39*, *40* — Варахша; *29*, *30*, *33—35*, *42—45*, *47* — Пенджикент (*29*, *47* — объект VI, пом. 41; *30* — об. III, пом. 7; *33—35* — об. VI, пом. 1; *42*, *44* — об. XVI, пом. 10; *43*, *45* — об. I, пом. 10, ранний отрезок позднего III этапа, по П. И. Кострову); *31*, *41б* — Афрасиаб; *37*, *38* — Фундукистан (Афганистан; вместе); *46* — замок Муг, щит; *50* — пещера Майа в Куче (Восточный Туркестан)

мерно в одно время: после 3 этапа геральдических поясов. Но в Приуралье они — только примесь к местным формам. Судя по наличию на поясах бляшек с рельефным орнаментом, многие пояса с гладкими бляхами-оправами и с геральдическими четвертого этапа дожили до второй половины VIII в. (Деменки, погр. № 9, 17, 19; Томск, погр. 5, 16, 28).

На Алтае. в Хакассии, Туве и Киргизии обе группы так называемых раннетюркских погребений всадников с конем: «кудыргинская» (с геральдическими поясами четвертого этапа) и «катандинская» (с бляхами-оправами) появились с рубежа VII—VIII вв. (в послеташтыкское и послеберельское время) и параллельно развивались в VIII—IX вв. Возможно, права А. А. Гаврилова, что это разные группы племен. Среди «кудыргинских» [36] типологически древнее пояс из кург. № 1 в Таш-Тюбе (Киргизия, рис. 12, *28*, четвертый этап геральдических поясов), бляшки из могил 4, 5, 8 в Кудыргэ чуть позднее (рис. 5, *64*; 6, *17*), но все они первой половины VIII в. По наличию рельефного орнамента геральдические бляшки из мог. № 9—11, 13, 15, 22 в Кудыргэ и могилы у обсерватории Улугбека второй половины VIII и IX вв. И действительно, так же датируются аналогии килевидной бляшке с изображением животного (в Песчанке на Кавказе, рис. 13, *38*) и поясному наконечнику (в Салтовской культуре) из могилы № 9. Пояса с геральдическими бляхами VI—VIII вв. имели много подвесных ремешков (рис. 12, *28*), эту черту сохранили аварские пояса II группы. В Прикамье VIII в. ремешки слились в широкие лопасти (Неволино, Броды).

Ранние тюркские пояса — с гладкими бляхами-оправами и без декоративных подвесных ремешков (рис. 12, *29—33*, *36*; 13, *24—32*; 14, *31*, *35*, *36*, *39*, *40*, *42*, *44*, *47*). К ним подвешены лишь сабля, кинжал, сумка, оселок, инструменты. Блях-оправ то мало, то они сплошь покрывают весь пояс. Наконечник один, свисает то сбоку (Согд, рис. 14, *39*, *40*, *42*, *44*), то сзади (тюрки, рис. 12, *29*, *32*, *36*). Таковы пояса на изваяниях тюркютов (рис. 12, *29—32*) в орхонских памятниках Кюль-Тегина (732 г.), Бильге-Кагана (735 г.), Тоньюкука, а также лишь иногда имеющие бляхи-оправы согдийские пояса в росписях Пенджикента (до 722 г.), Афрасиаба (до 711 г.). Варахши (рис. 14, *39—40*), Балалык-Тепе и Восточного Туркестана [37]. Поэтому пояса с тесно свисающими ремешками на сасанидских рельефах Хосрова II (590—627 гг.) в Так-и-Бустане не центральноазиатские: по ремешкам они ближе к западным «геральдическим», по декору не имеют аналогий. Много раннего типа поясов и на тюркских статуях [38],

---

[36] А. К. Кибиров. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 86—87 (Таш-Тюбе); В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Труды Музея истории народов Узбекистана, 1. Ташкент, 1951; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ; C. Dorjsüren. An Early Medieval Find from Northeren Mongolia. AAH, XIX, 3—4, 1967, рис. 1.

[37] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, СПб., 1892—1899, табл. IX, *3*, *4*, X, *1*, *3*, *4*, XI, *2—8*, *10*, XIII, *1*, XIV, *5*, XV, *2*, CV, *4*, CVIII, *1*, *2*; В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, 4, рис. 5—6; В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963; его же. Новые памятники искусства Согда. «Искусство», 1966, 1; A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch — Turkistan. Berlin, 1912, рис. 53, 426, 427; Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 104, 114, 118, 123 и др. Некоторые согдийские пояса снабжены двойными геральдическими (лировидными?) пряжками не ранее VII в. (ктиторы в пещере Майа, рис. 14, *50*: A. Grünwedel. Alt-Kutscha. Berlin. 1920, табл. XLVIII, XLIX), но им сопутствуют кинжалы с двумя полукруглыми ушками (как на рис. 14, *41*) не ранее рубежа VII—VIII вв. По сходным пряжкам и кинжалу (рис. 14, *41а*, *48*, *49*) можно считать, что близкие между собой серебряные блюда с охотящимися царями в крылатых коронах (Чердынское в ГЭ, ошибочно относимое к Перозу, и Парижское, приписываемое Иездигерду III) сделаны в VIII в.: по многим признакам они хорошо входят в стилистически пеструю группу послесасанидских имитаций сасанидских блюд, убедительно очерченную К. Эрдманном.

[38] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, рис. 3—5, 17—19, 28, 31, 45, 46; 47, *1*, *3*; 49, *2*; Л. Р. Кызласов. Тува в период

не имеющих точной даты. Им часто сопутствуют круглые сумки с волютами на клапане (рис. 12, *30*, *31*, *36*), хорошо датирующиеся по орхонским статуям 730-х годов. Беднее археологические материалы: ведь статуи стоят на поверхности, а объем раскопок ограничен. Явно ранние могилы: Катанда II, кург. № 5 (1954 г.) на Алтае, Капчалы II, кург. № 19 в Хакасии (Кокэль, кург. № 23 в Туве, возможно, позднее, судя по костяным пряжкам) [39]. Прочие погребения недостаточно выразительны или с поздними признаками. Простые пояса бытовали и позднее, поэтому не все могилы и статуи можно сейчас точно датировать.

Следующий этап — пояса с узорчатыми бляхами-оправами или с декоративными подвесными ремешками, продетыми в прорезь или пришитыми (рис. 12, *37—42*, *49*, *50*). Их датирует уйгурская живопись второй половины VIII и IX вв. в Сорчуке и Бэзэклыке, второй половины IX в. в Идыкутшэри (рис. 12, *37—39*) [40]. Сумки расширяются кверху. Такие же пояса с множеством наконечников, металлическими бляхами-петлями с сердцевидной прорезью и с гладкими либо узорными бляхами-оправами имеются на поздних статуях [41], в сросткинских и большинстве так называемых раннетюркских могил VI — VIII вв. [42] Примеры поздних «раннетюркских» могил: Копены, 1939, курган № 2, 6, Туэкта, 1935, курган № 3, 4, Курай, IV, кург. № 1, 3, Капчалы I и II, Монгун-Тайга, 1957, кург. XXI, XXVI, XXXVI, 1958, кург. IV, V, VIII, X, Бай-Тайга, 1959, кург. № 1, Черби, кург. № Б—18, Кара-Чога, 1953, кург. № 4, Кокэль, кург. № 1, 2, 5, 6, 22, 47, Джаргаланты, кург. № 2 (рис. 12, *41*, *42*, *49*, *50*, *53*). Следующий этап, датируемый исследователями второй половиной IX и X в., ярко представлен в Туве (Успенская, Шанчиг, Тора-Тал-Арты) [43]. Это непосредственное продолжение кыргызских древностей типа копенских, особенно в орнаментике, теперь более сухой и измельченной. Металлические подвески-петли следует разделить на этапы: VII в. (рис. 12, *47*, *48*), вторая половина VIII и первая половина IX в. (рис. 12, *39—42*), вторая половина IX—X вв. (рис. 12, *54*). Ко второй половине VIII—IX вв., судя по комплексам, надо отнести надписи на поясе (рис. 12, *42*) и серебряных и золотых сосудах Алтая и Хакасии (такие сосуды изображены и на поздних изваяниях, рис. 12, *51—53*). Следовательно, они позднее орхонских эпитафий эпохи Бильге-Кагана (к ней Л. Н. Гумилев относит

тюркского каганата. ВМГУ, сер. IX, 1960, 1, рис. 2 и 5; его же. История Тувы в средние века. М., 1969, рис. 3 и 5; С. С. Сорокин. Древние каменные изваяния Южного Алтая. СА, 1968, 1, рис. 2; Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966, рис. 2, № 4, 5, 8, 9, 11, 15, 16 (?), 17, 19, 20, 25, 26, 32, 37, 40, 43, 44, 46, 47 (о стиле изваяний № 61, 72—74: вероятно они сделаны для тюрков согдийскими мастерами, как на Орхоне иногда работали китайские).

[39] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, стр. 59, 61—63; В. И. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов, МИА, 24, 1952, рис. 5, *5*, *6*, *28*, *36*, *42*, *48*, *55*; С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве. Тр. ТКАЭЭ, II. М.— Л., 1966, табл. VI—VII; возможно, Хана в Монголии (I. Erdélyi and oth. Results of the Mongolian — Hungarian Archaeological Expeditions. AAH, XIX, 3—4, 1967, рис. 33—37).

[40] A. Grünwedel. Altbuddihistische Kultstätten, рис. 56, 443, 564, 566, 664—666 (но пояса на рис. 239, 562, 567, 628 без подвесок?).

[41] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния, рис. 20, 21, 24—26, 33, 34, 40; Л. Р. Кызласов. История Тувы, стр. 80—82, рис. 26, 27.

[42] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, стр. 61, 64—72, табл. XXXI, *49*, *55*, *56*; Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Чаа-тас у села Копёны. Тр. ГИМ, XI, 1940; их же. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, XVI, 1941; В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952; Л. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге. Тр. ТКАЭЭ, I. М.— Л., 1960; его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. Там же; его же. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. Тр. ТКАЭЭ, II. М.— Л., 1966; С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, VI. Кызыл, 1958, табл. IV, *119*, *125*, *127*; его же. Памятники второй половины I тысячелетия; Л. А. Евтюхова. О племенах центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2.

[43] Л. Г. Нечаева. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. Тр. ТКАЭЭ, II. М.— Л., 1966; Л. Р. Кызласов. История Тувы, стр. 97—108.

и стелу в память умершего раньше Эльтереса). Вероятно, древнетюркская письменность появилась в период консолидации сибирских тюрок на рубеже VII—VIII вв., проявившейся в возникновении у них общих обычаев, общей моды в одежде и оружии, а главное, в создании II каганата и развитии самосознания[44]. Сначала письменность появилась в быту правящей верхушки на Орхоне и с годами все более распространялась в тюркоязычной среде. О ее существовании в период локальных культур V—VII вв. (таштыкской и др.) данных пока нет.

По данным С. И. Вайнштейна, древнейшие изображения всадников, опирающихся обеими ногами на стремена,— китайские статуэтки 582 г. До того ноги всадников при езде свободно свисали (даже тогда, когда слева изредка имелась треугольная петля-подножка, применявшаяся больными для посадки на лошадь). Первое упоминание стремян византийцами (у псевдо-Маврикия) — не ранее рубежа VI—VII вв.[45] По поводу возникновения стремян (как и сабли) возникало множество умозрительных гипотез. Однако по имеющимся фактам их эволюцию следует представить так: 1) очень растянутые горизонтально овальные с отверстием для ремня на вершине длинного стержня (сначала выгнутые из дерева и обтянутые металлическим листом, потом железные; в первой половине V в. с нерасширенной подножкой, позднее с расширенной массивной подножкой) — обычная находка в японских и корейских могилах V и VI вв. (рис. 14, *10*) [46]; 2) горизонтально вытянутые (овальные, иногда угловатые) с широким ушком на короткой шейке — на вэйском рельефе 554 г. (рис. 14, *18б*) и на рельефах памятника 637 г. в честь императора Тайцзуна (рис. 14, *11*) [47]— вторая половина VI и первая половина VII в.; 3) еще сохранившие слабую горизонтальную овальность, но подножка пластинчатая со спрямлением или слабым прогибом вверх (напоминая очертания яблока), ушко пластинчатое на короткой шейке или петлевидное (рис. 14, *8, 9, 19*) — они типологически позднее тайцзуновых, следовательно, в основном второй половины VII в.— из аварских могил I группы на Дунае и из Перещепина; 4) очень разнообразные: круглые или вытянутые вверх, иногда угловатые, с тенденцией к трапециевидности, низ часто спрямлен, совсем прямой или резко выгнут вверх, ушки как в 3 этапе, но иногда щель внизу высокой пластины без перехвата, бывают боковые вырезы у основания (рис. 14, *12—18*, *20—23*, *25—30*, *47*) — в аварских могилах II и III групп, сибирских и среднеазиатских могилах с бляхами-оправами, на фресках Варахши и Пенджикента, в древностях салтовской поры — VIII и IX вв. (они здесь не рассматриваются: важно лишь их отличие от ранних). У авар пока не найдено стремян ранее VII в., а у тюрков ранее VIII в. Последние еще во второй половине VIII—IX вв. иногда ездили без стремян, судя по рисункам на луке седла из мог. № 9 в Кудырге.

Смена форм мечей и палашей на рубеже VII—VIII вв. четче всего видна в аварской группе II, где зачастую смешивались Р-образные и дуговидные ушки ножен, прямое и ромбическое перекрестия, прямой и изогнутый клинок (Кечкемет-Баллосёг. Глодосы; аварские изогнутые сабли периода II самые ранние из найденных в Евразии, в других местах они известны пока лишь для второй половины VIII и IX вв.). Та же смена

---

[44] Об идеологии II каганата: Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 270—272, 338—346.

[45] С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, 1966, 3, стр. 62—66, 69, 70.

[46] М. В. Воробьев. Древняя Корея, стр. 108—117, табл. XXXIV, *10*; С. Онояма. Нихон хаккэн-но сёки-но багу. Кокогаку дзасси, LII-1. Токё, 1966; С. Умэхара. Кэйсю кинрэй цука сёкури цука хаккуцу тёса хококу. Косэки тёса хококу, 1924, № 2. Кэйдзё, 1931, табл. 119, 120, 203, 204; А. Хамада. Кэйсю-но кинкан цука. Токё, 1932, табл. 36, 37; J. Werner. Beiträge, табл. 67, *1*.

[47] I. Kovrig. Adatok az avar megszállás kérdéséhez. AÉ, 81, 1, 1955, табл. XI; E. Chavannes, Six monuments de la sculpture chinoise. Bruxelles — Paris, 1914, табл. XLI, XLII.

видна и в живописи VI объекта в Пенджикенте, где свободно подвешенные на продетом сквозь скобы ремне типологически ранние мечи (как в сасанидском искусстве III—VII вв. и в Европе эпохи великого переселения народов, рис. 14, *1*, *31—34*, *37*; на ремень часто нанизаны плоские кольца) изображены наряду с наклонно подвешенными за два боковых ушка (рис. 14, *47*) с тем отличием, что, судя по мечам из Дейлема, фрескам и торевтике, пранские и согдийские мечи VIII в. двулезвийны, несмотря на частую асимметричность рукояти. Им сопутствуют на фресках стремена с прямой подножкой и пояс, по мнению В. И. Распоповой, с бляхами-оправами (рис. 14, *29*, *35*, *47*). В живописи остальных объектов — только полукруглые (редко поздние Р-образные) ушки (рис. 14, *42—45*), пояса с бляхами-оправами и стремена с прямым низом [48]. Те же признаки рубежа VII—VIII и начала VIII вв.— в живописи Варахши, Афрасиаба, в торевтике [49] (рис. 14, *25*, *36*, *41а*, *б*) и на тюркских статуях. Иногда на одних ножнах — и дуговидная и Р-образная скоба (Афрасиаб; Фундукистан в Афганистане, рис. 14, *38*) [50]. Показательны типичные серьги VIII в. с боковым выступом на фреске Афрасиаба [51]. Из-за отсутствия датированных аналогий согдийскую живопись в основном датировали по реалиям, сопоставляя их с сибирскими и аварскими (М. М. Дьяконов и др.). Поэтому последний этап согдийской живописи Пенджикента (III группа), Варахши, Афрасиаба, Балалык-тепе и более южной в Фундукистане следует синхронизировать по реалиям с аварской II группой рубежа и первой четверти VIII в. Действительно, в забутовке более ранних развалин под основанием южной части объекта VI в Пенджикенте (с типологически ранним оружием) найдена монета Бидйана начала или первой четверти VIII в. [52] Большинство раскопанных росписей Согда сделано в период первоначальной зависимости от арабов и угрозы полного подчинения, а некоторые и при арабах. Ведь сами арабы уничтожали только идолов, а светская живопись была и у них [53], на арабских монетах Ирана 770-х годов изображены головы в коронах.

В Восточной Европе второй половины VIII и первой половины IX в. характерны бляхи-оправы с растительным узором, перстни с четырьмя выступами, серьги с боковым шипом и длинными подвесками, бородавчатые бусы и др. (рис. 8, *27—46, 48—50;* 13, *33—45, 48—53, 55, 56;* 14, *6, 7*). Наряду с монетами этого времени часты монеты VII и первой половины

---

[48] М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. ЖДП. М., 1954, табл. V (Муг, щит первой четверти VIII в., здесь рис. 13, *46*), VII—X, XII (объект I), XVII (об. II), XXXI, XXXIII (об. III), XXXV—XXXIX (об. VI); А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, 37, 1953, табл. V; Очерки истории СССР, рис. 80; А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, рис. 48 (об. VI, пом. 13); его же. Древний Пенджикент. СА, 1959, 1, рис. 18, 19*а*, *б*, 22 (об. VI); СЖДП, М., 1959, табл. III, V, VII, VIII, XII, XXIII (об. VI); В. И. Распопова. Поясной набор, рис. 5—7 (объект XVI).

[49] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, табл. III, IV, XIV, XVII; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XXIII, *50* (из Кулагыша), XXXI, 59 («Парижская» чаша, здесь рис. 14, *41а*, *49*), XXXIII, *61* (с именем заказчика: Пур- и Вахмана, здесь рис. 14, *25, 36*), XXXVIII, 67 («бактрийская» со сценой пира).

[50] Л. Лифшиц. Гибель принцессы. «Знание — сила», 1966, 3, стр. 17; J. Hackin, J. Carlet, J. Meunie. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan. Paris, 1959, рис. 195, 199.

[51] Д. Вархотова, Г. Шишкина. Мировое открытие советских археологов. «Вокруг света», 1966, 1, стр. 3.

[52] Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати. МИА, 124, 1964, стр. 122, 145, 174, 176; В. И. Распопова. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. СА, 1969, 1, стр. 174.

[53] А. Ю. Якубовский, О. Г. Большаков в книге «Очерки истории СССР», стр. 422, 424, 426, 433, 445—448. С реалиями согласуется дата надписи на фреске Афрасиаба, по В. А. Лифшицу: последняя треть VII или начало VIII в., но он не исключает и арабское время (с разрушением фрески в IX в.: КСИА, 122, 1970, стр. 5).

VIII в. Эта эпоха повсюду хорошо изучена[54] и здесь не рассматривается. Исключение — Северный Кавказ, где своеобразие материалов затрудняет датировку по салтовским аналогиям. Показательны могильники Чми, Галиат, Песчанка[55]. Чми делится на три этапа (табл. IV); 1) с поясами и инвентарем второй половины VII в.; 2) с элементами позднего стиля вычурных поясов (язычки) и геометрическими бляшками в виде плоского кольца с вставной серединой (рис 13, *28*; такие, килевидные, есть в Неволине), отделяется от этапа 3 очень нечетко (катакомбы 7 и 23) — VIII в.; 3) основная масса могил с орнаментированными бляхами поясов, салтовскими пряжками и серьгами, стеклянными перстнями — второй половины VIII и IX вв. Важный признак VIII в. (и позже) в Восточной Европе вообще — бубенчики и пуговицы (до эпохи Перещепина их не было). Из 12 комплексов с монетами лишь в четырех монеты датируют (вторая половина VIII в.), в восьми монеты запоздали на 100—150 лет. Вопреки распространенному мнению, склепы Песчанки и могила 1935 г. в Галиате оказались тоже второй половины VIII — первой половины IX в. Датируют их стеклянные перстни, орнаментированные бляхи-оправы, ажурные детали поясов (рис. 13, *37*, *38*, *42*, *45*, *50*, *56*), язычок с двумя выступами у верхнего края (рис. 13, *56*; аналогии в Тополе[56], Мыдлань-Шае, рис. 13, *55*, в поздней части аварской группы III, рис 13, *17*) и др. Выделяется группа рельефных трапециевидных блях-оправ второй половины VII—IX вв. (рис. 13, *50*): Песчанка, 6 (вместе с рис. 13, *56*), с. Султановское (гора Брык; на кожаном поясе с более усложненным язычком), Дмитровское, могила 52 (второй половины IX в.), Столбица (с монетами 716—717 и 717—741 гг.), Житавска Тонь (Чехословакия; могила А, рубежа VIII—IX вв.) и Кестхей (Венгрия)[57]. Фибулы этого времени шарнирные с завитком, пологой спереди спинкой (рис. 15, *5*), пружинные с резко выгнутой спинкой (рис. 15, *6*) с очень длинным приемником (рис. 15, *9, 10)*. В Дагестане и Чечено-Ингушетии[58] — массивные литые фибулы с гирькой на конце (рис. 15, *8*) или кованые с длинными перекладинами из металлических бус (Бежта, ранняя Агач-Кала, Чинухой и др.), звездчатые бляхи, огромные полые полиэдрические подвески, полые браслеты с утолщенными серединой и концами; шпильки с головками, фигурки животных, в Бежте бляхи со звериным орнаментом. В VIII в. на Северном Кавказе происходит вторичное после кобанской эпохи рождение в металле звериного стиля, связанное, вероятно, с последним периодом родового строя.

---

[54] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967; А. А. Гаврилова, Кудыргэ, стр. 66—72; В. Ф. Генинг. Деменковский могильник, стр. 118, 119, 121, 122; его же. Мыдлань-Шай; В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

[55] ОАК за 1898, стр. 124—135 (Песчанка, раскопки И. А. Владимирова); Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Изв. СОНИИ, IX, Орджоникидзе. 1940 (Галиат); В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 20, рис. 6 (Хазнидон); Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац. Тр. СА РАНИОН, IV. Л., 1928.

[56] Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, XLI, 1951, рис. 31, *2*; 33, *8*; С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 101.

[57] ОАК за 1900, рис. 125 (Султановское); В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ Е4-4. М., 1962, рис. 18, *1* (Столбица); С. А. Плетнева. От кочевий к городам, рис. 45, *13* (Дмитровское); V. Budinský-Krička. Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tôny na Slovensku. Slovenská archeológia, IV, 1. Bratislava, 1956, стр. 60, 62, табл. IX, *1* (там же — о Кестхее).

[58] К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951 (дополнение: Очерки истории СССР, стр. 723); Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963 (Бежта и др.); С. Ц. Умаров. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни. «Археолого-этнографический сборник», III. Грозный, 1969, рис. 1 и 2 («Арсойн Хаст» в с. Дай); М. Х. Багаев, В. Б. Виноградов. Могильник в с. Хорочой. КСИА, АН СССР, 127, 1971; F. Hančar. Kaukasische Sprossenfibeln. ESA, XII. Helsinki, 1938 (Чинухой); А. К. Амброз. Фибулы, табл. 6, *6—9*.

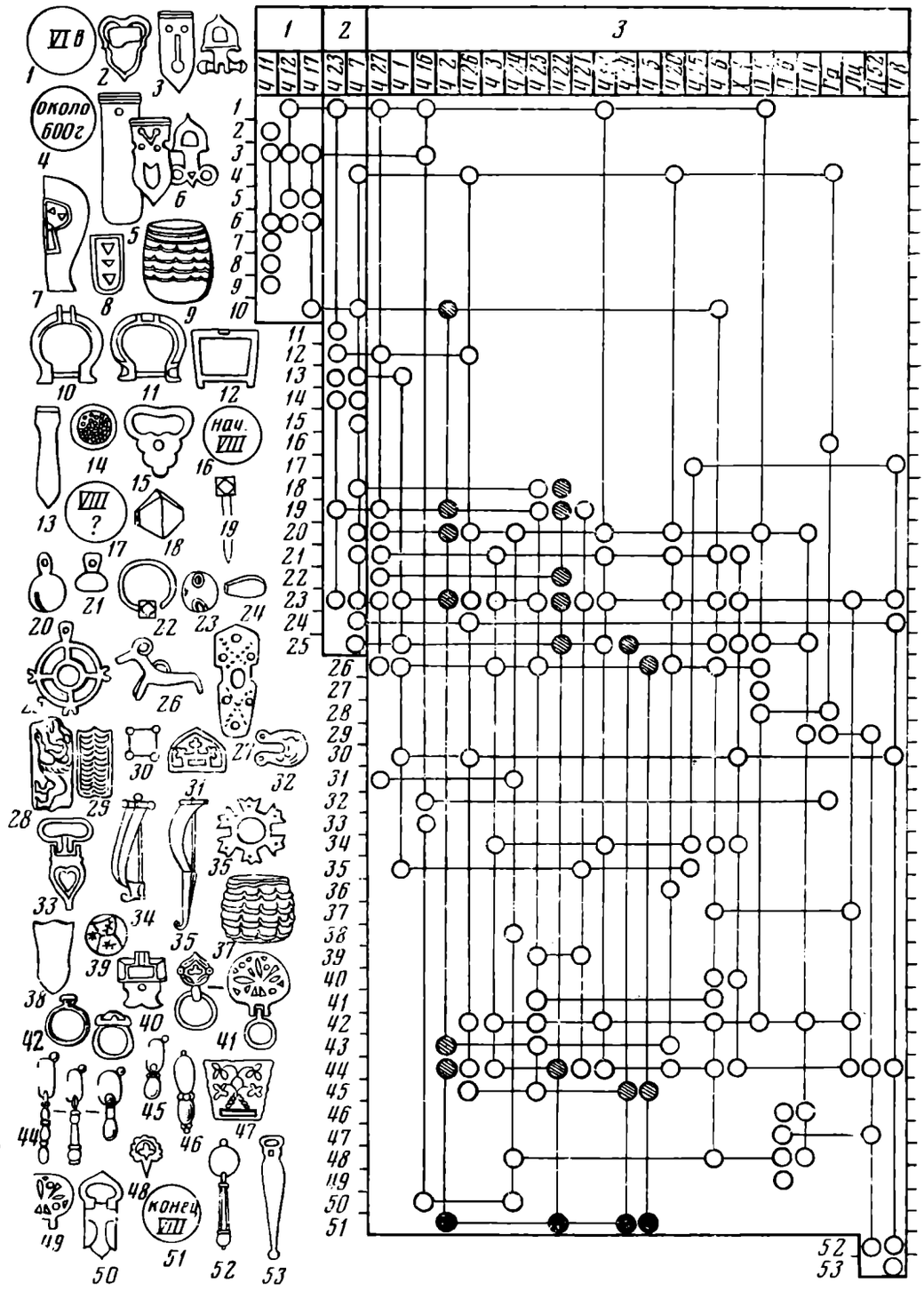


Таблица IV. Эволюция могильника Чми (с привлечением аналогий).

Сокращения: Ч — Чми, Х — Харх, П — Песчанка, Га — Галиат, Лц — Лац, Д — Дмитровское.

1 — монеты середины и второй половины VI в.; *2* — В-образная пряжка (рис. 6, *39*); *3* — части поясов VII в. (II группы, рис. 5, *26, 37, 44, 66, 71*); *4* — монеты рубежа VI—VII вв.; *5* — язычки с желобчатой окантовкой отверстия (рис. 5, *69*); *6* — части «выгнутых» поясов (III группы; рис. 5, *38, 43, 47, 62, 63, 67*); *7* — Р-образное ушко сабли; *8* — зерненые обкладки пояса (типа рис. 6, *22, 23*; *9* — стеклянный стакан с узором из относительно тонких нитей (Очерки истории СССР, стр. 629, слева); *10* — лировидные пряжки с вытянутыми «губами» (рис. 6, *13*); *11* — лировидные пряжки с невыступающими «губами»-валиками (рис. 13, *18*); *12* — прямоугольные бронзовые пряжки (рис. 13, *20*); *13* — наиболее поздние язычки в «традициях VII в.» (IV группа, рис. 5, *77—79*); *14* — дисковидные бляшки со вставленной серединой (рис. 13, *28*); *15* — фестончатые пряжки (рис. 13, *19*); *16* — монета начала VIII в.; *17* — арабская монета (VIII в.?); *18* — биконические грубые бусы; *19* — шпилька; *20* — бубенчик с прорезью (рис. 8, *48*); *21* — пуговица (рис. 8, *49, 50*); *22* — полиэдрические серьги (В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, рис. 2, *1, 7*); *23* — прозрачные глазчатые бусы (рис. 8, *41*); *24* — грушевидные бусы (рис. 8, *43*); *25* — ажурные круглые подвески-амулеты; *26* — бронзовые фигурки животных (рис. 8, *40* и др.); *27* — антские антропоморфные фибулы; *28* — язычки с изображением дракона, тисненые на одной матрице; *29* — пластинки с тисненым чешуйчатым орнаментом (рис. 13, *48*); *30* — «бородавчатые» бусы; *31* — сегментовидные бляшки-оправы с орнаментом (рис. 13, *43, 44*); *32* — подковообразные бляшки с орнаментом (рис. 13, *40*); *33* — пряжка с сердцевидной обоймой (В. Б. Деопик. Ук. соч., рис. 1, *6*); *34—35* — фибулы с завитком (*34* — рис. 15, *5*; *35* — рис. 15, *9, 10*); *36* — звездчатая бляха; *37* — массивный стеклянный стакан с грубым узором из толстых нитей (как Е. Г. Пчелина. Два погребения, рис. 2); *38* — фестончатые язычки; *39* — сердоликовые бусы с росписью (В. Б. Деопик. Ук. соч., рис. 6, *1—8*); *40* — пряжка с «двурогой» обоймой; *41* — поясные бляхи с подвесными кольцами (рис. 13, *36, 37*); *42* — стеклянные перстни (рис. 8, *44*); *43* — салтовские перстни (рис. 8, *46*); *44* — салтовские серьги со столбиком I группы (рис. 8, *27*—31); *45* — серьги с шаром (рис. 8, *32*); *46* — серьги типа Песчанки (рис. 8, *6*); *47* — трапециевидные рельефные бляхи-оправы (рис. 13, *50*); *48* — узорчатые бляшки пояса (рис. 13, *35*); *49* — прорезные бляшки пояса (рис. 13, *37*); *50* — салтовские пряжки (рис. 13, *52* и др.); *51* — монеты конца VIII в.; *52* — салтовские серьги II группы (рис. 8, *33*); *53* — копоушка с широкой пластинкой

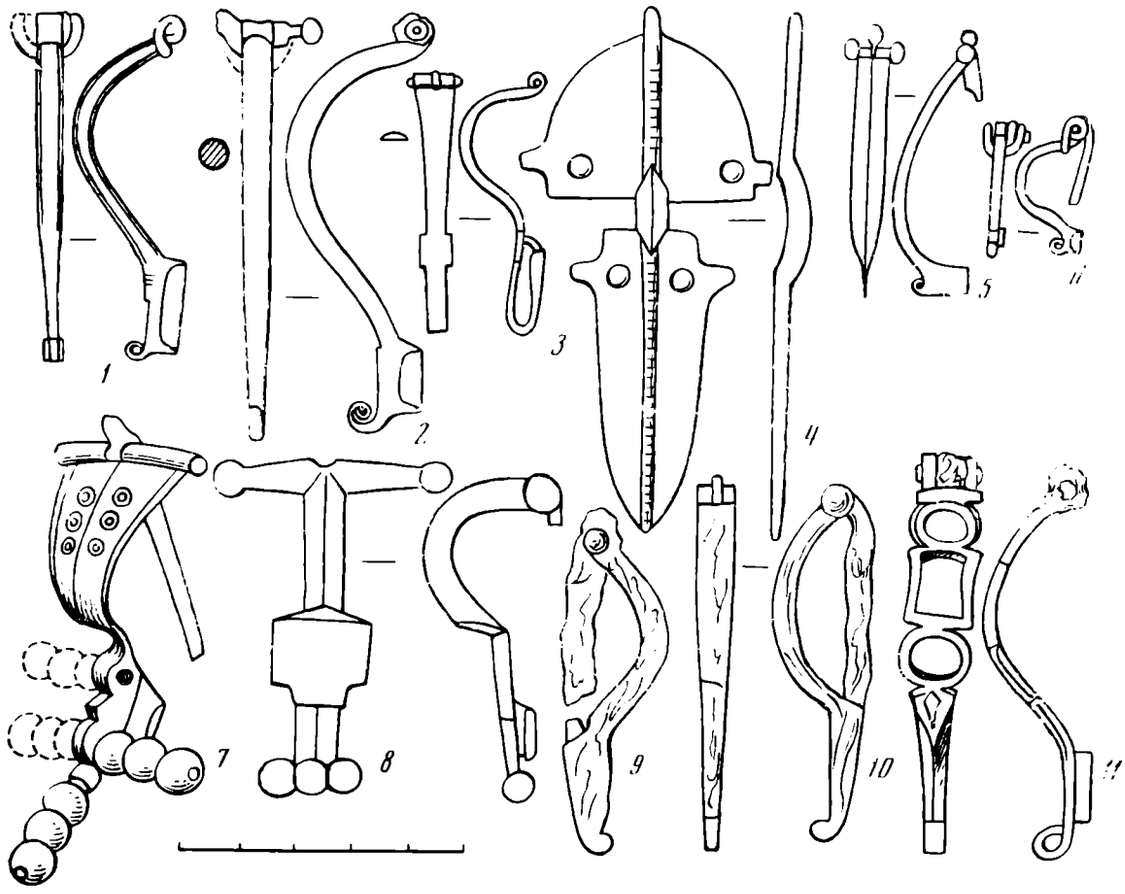


Рис. 15. Некоторые северокавказские фибулы VII—IX вв.

1, 2 — VII в., *3, 5—11* — VIII—IX вв.; *4* — рубеж VII—VIII вв. *1* — Гижгид; *2* — Кумбулта; *4, 5, 9, 10* — Чми (*3* — катакомба VII; *5* — к. VI; *9* — к. XXI; *10* — к. XV); *4* — Чир-Юрт, могила 72; *6* — Балта, катакомба 12; *7* — Чинухой; *8* — Агач-Кала; *11* — Рутха

Итак, уже на первой стадии работы удалось большинство комплексов датировать по столетиям и даже детальнее. Так же можно разработать керамику, и она будет еще более важным и тонким хронологическим показателем, чем украшения. Пример — датировка И. П. Русановой раннеславянской керамики[59]. Надо подчеркнуть, что только публикации с полным воспроизведением комплексов в иллюстрациях (и чем больше «одинаковых», тем ценнее) отвечают современному уровню науки. Это стало обязательным правилом во многих странах и все шире распространяется у нас. Образец — замечательные книги И. Ковриг, З. Чилинской, А. А. Гавриловой. Если же выборочность неизбежна, лучше отобрать целые характерные комплексы, ограничив их число, чем давать произвольную подборку изолированных вещей. Иногда самые яркие комплексы можно воспроизводить в более крупном масштабе, а «дублирующие» для экономии места — в значительно более мелком.

---

[59] И. П. Русанова. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. Древности Белоруссии. Минск, 1966; ее же. Керамика раннеславянских поселений Житомирщины. Archeologické rozhledy, XX — 5. Praha, 1968. Детально можно датировать и зарубинецкую керамику: А. К. Амброз. Фибулы, стр. 14—15, табл. I (указаны номера погребений, керамику можно видеть в публикациях) и табл. II (в основном по Ю. В. Кухаренко).

Поправка. На табл. II в первой части статьи следует исправить цифры по вертикали слева: *31* на *43* и *32—43* на *31—42*. По данным Б. И. Маршака, полукруглые ушки ножен имелись на Востоке уже в VI и VII вв.; пояса, близкие рис. 12, *37*, *38*, есть уже на танских изображениях начала VIII в. (Вэнь'у, 1959, № 8 и 1964, № 1) — это вносит некоторые коррективы в статью II.

A. K. Ambroz

«PROBLÈMES DE LA CHRONOLOGIE DU DEBUT DU MOYEN ÂGE EN EUROPE ORIENTALE»

Résumé

L'utilisation pratique de la chronologie généralement adoptée pour l'Europe Orientale et la Sibérie des V—VIIIes siècles a montré qu'elle est très contradictoire et partiellement périmée. L'auteur fait une tentative d'établir un système chronologique unifié des ensembles de sépultures des V—VIIIes siécles découverts sur les territoires s'étendant du cours moyen du Danube jusqu'à la Siberie méridionale (fig. 1, 1—2). Ici la date de chaque étape est définie compte tenu du système chronologique en entier. Grâce à l'application de la méthode de chronologie relative les antiquités en question sont réparties par les périodes de 50 à 100 ans. Il est constaté que seulement certaines monnaies pouvaient servir à déterminer les dates; quant aux autres, l'époque de leur enfouissement était plus postérieure que celle de leur battage (fig. 1, 3). Les datations de la plupart de monuments sont corrigées de 50 à 200 ans et, dans certains cas, encore plus. Au centre du système figurent les nécropoles de l'Abkhasie (7 étapes, les II—VIIes siècles) et celles de la Crimée (du type Sououk-Sou, 6 étape de la deuxième moitié des VI—IXes siècles). Cela a permis de préciser sensiblement la chronologie du Bosphore des IV—VIIes siècles (peu étudiée jusqu'à présent) et celle du Caucase du Nord (ici tout un groupe de nécropoles prétendues des IV—V es siècles sont à associér au VIIe siécle). Des fibules à semi-disques et des boucles de ceinture sont surtout importantes pour déterminer les datations. Le IVe siècle est le temps de l'apparition des boucles massives à un court ardillon en crochet, le Ve siècle — celui des boucles à un long ardillon de même forme, la deuxième moitié du VIe siécle (sur le Danube et en Crimée) — celui des plaques géraldiques de ceinturon du type aneien byzantin. Au VIIe siècle ces plaques, en formes sensiblement changées, étaient fréquentes sur un territoire très vaste. Pour le VIIIe siècle sont caractéristiques leurs modifications les plus tardives. Le style des incrustations propre à l'époque des Huns se forma lors des premières décennies du V-e siècle dans la région située au cours moyen du Danube. Et c'est d'ici-là qu'il pénétra au Bosphore et au Caucase. Pour le Bosphore il est à définir les étapes suivantes: au III-e siècle, la ruine du royaume par les Goths et sa décadence qui en fit suite et envahit aussi le IVe siècle; au Ve siècle, sous les Huns, la réapparition de riches sépultures appartenant à la noblesse du Bosphore et la réhabitation de Tanaïs; aux VI—VIIes siècles, l'étape des fibules digitées et des boucles de ceinture avec décoration en relief. Les objets prétendus de l'ancienne époque avare retrouvés sur le Danube sont à rattacher à la troisiéme étape de Sououk-Sou et, en premier lieu, à sa quatrième étape et datés du VIIe siècle. Parmi les trouvailles publiées il n'y a pas d'ensembles avars du VIe siècle.

L'auteur propose une nouvelle répartition, par périodes, des objets anciens des IV—VIIIes siècles provenant des régions de la Volga, l'Oka et la Kama. Ces antiquités sont réparties par étapes selon leur combinaison dans les ensembles d'objets autochtones. En même temps, les analogies du sud ont permis d'établir les rapports entre les rubriques locales chronologiques et celles de la Crimée et du Caucase. On voit les traditions du Ve siécle se transformer graduellement au cours d'une longue période; dans certaines régions elles se maintenaient jusque dans le VIIe siècle. Les sépultures des nomades comportant des objets couverts par des feuilles d'or incrustées sont généralement rattachées à l'époque des Huns. Cependant on peut y distinguer nettement les ensembles du Ve siécle (Novo-Grigoriévka, Théodosie) et ceux du VIIe siècle (Chipovo, les Kourganes 17 et 18 aux environs de la ville d'Engels, les objets du type Varna — Kara — Agatch — Borovoïé). Il parait que les sépultures des nomades renfermant les objets de parure du style d'incrustations danubien de l'époque d'Atilla ne sont pas diffusées dans les régions éloignées à l'est de la Volga et se localisent en Europe. L'étude des boucles de ceinture des types propres à l'Europe orientale permet de constater qu'en Sibérie méridionale au VIIe siècle, à l'époque du Premier Kaganat turc, existaient de nombreuses cultures locales: celles de Tachtyk et, de Chourmak, celles du cours supérieur de l'Obi (étape de transition) et de Bérel (à l'Altaï). Les sépultures célèbres des cavaliers

turcs enterrées avec leurs montures, les statues en pierre et les inscriptions runiques turques apparurent à la limite du VIIIe siècle, à l'époque du Second Kaganat turc. Dans les cultures antérieures elles n'étaient pas presentées. A cette période sont surtout caractéristiques les ceinturons aux plaques de formes géométriques ayant, dans leurs parties inférieures, des fentes en vue d'y introduire des courroies où étaient suspendus des sabres et des sacoches. Ces ceinturons ne comportaient pas de petites bandes étroites de cuir pendantes qui avaient une destination décorative. La seconde moitié du VIII-e — première moitié du IXe siècle se caractérisent par l'apparition de petites bandes de cuir précitées accrochées aux plaques de ceinturon fenestrées. Les plaques tardives sont souvent chargées d'ornements. C'est à cette dernière époque qu'il est à reporter également la majeure partie de sépultures dites «anciennes turques» découvertes en Sibérie (entre autres les tombeaux riches de Kopiony et de Kouraï aux vases portant des inscriptions). La chronologie des Turcs de la Sibérie et des Avars du Danube est en bonne corrélation avec l'évolution des étriers, Les étriers de l'Extrême-Orient rattachés aux V—VIes siècles sont de forme ovale avec un oeil dans le bout supérieur d'une lame haute et étroite. Les étriers dits «avars anciens» sont typologiquement postérieurs à ceux du monument de T'ai-tsōung (de l'an 637) et se rapportent à la seconde moitié du VIIe siécle; les étriers de Sibérie — au VIIIe siècle et aux temps plus tardifs. Les images des armes et des étriers et une pièce de monnaie provenant de Bidian trouvée dans une substruction donnent lieu à croire que les fresques fameuses de Varakhcha, d'Afrassiab et de Pendjikente sont crées au debut — premier quart du VIIIe siècle.

А. П. СМИРНОВ

К ВОПРОСУ О РУССКО-МОРДОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ в X — XIV вв.

Проблема русско-мордовских отношений интересовала русскую историческую науку давно. В трудах историков XIX в. этот вопрос изучали по письменным источникам. К началу XX в., когда был накоплен большой археологический материал, стали привлекать вещественные данные. За последние 40 лет количество раскопанных археологических памятников неизмеримо увеличилось, что позволило расширить источниковедческую базу и изучать данный вопрос более всесторонне. В 1968 г. Мордовский государственный университет опубликовал книгу А. В. Циркина «Русско-мордовские отношения в X—XIV вв.», написанную в основном на археологическом материале. Автор использовал не только археологические, но и исторические свидетельства, привлекая также этнографические данные. Эта книга была издана в качестве учебного пособия, что наложило на нее определенный отпечаток. Здесь нет полноты материала, хотя он привлечен в количестве, достаточном для раскрытия основных положений. Не приведена вся аргументация, не обязательная для учебного пособия.

В 1970 г. В. М. Зубаревой и Ю. А. Красновым опубликована рецензия на эту работу [1]. В ней внимательно разобраны основные положения книги и отмечены конкретные ошибки и небрежность в ее выполнении. Несмотря на ряд правильных критических замечаний, в частности касающихся методики работы, с оценкой некоторых положений согласиться нельзя.

Первым и основным является вопрос о трупосожжениях в мордовских могильниках, на котором построены положения о славянизации мордовского края. Рецензенты решают этот вопрос отрицательно, ссылаясь на точку зрения В. В. Седова, которая, по их мнению, хорошо обоснована [2]. Если разобрать весь материал, которым располагает археология, то так просто согласиться с рецезентами нельзя. Было бы лучше признать данный вопрос спорным, каким он и является в настоящее время. В самом деле, на трупосожжения в могильниках мордвы существует несколько точек зрения. Некоторые археологи, например Е. И. Горюнова, не аргументируя своих положений, считают трупосожжения одним из типичных финно-угорских обрядов захоронения. Другие считают трупосожжения характерными для погребений знати. Эта точка зрения была высказана А. Е. Алиховой [3], которая вместе с тем не может объяснить, почему среди погребений знати есть и сожжения и трупоположения. Кроме того, встречены сожжения без всякого инвентаря. И, наконец, есть третье мнение, которое приписывает кремированные захоронения славянам. К этой точке зрения примкнул и А. В. Циркин.

[1] СА, 1970, 4, стр. 310.

[2] Там же.

[3] А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э. Археологический сборник, 2. Саранск, 1959, стр. 14.

В самом деле, если взять обряд погребения и рассмотреть его на протяжении длительного периода, то мы должны будем признать, что для финно-угров характерны захоронения в неглубоких грунтовых могилах в вытянутом положении. Таковы погребения эпохи неолита, бронзы и раннего железа нашего Севера и средней полосы Европейской части СССР, например Младший Волосовский могильник, датируемый около X—IX вв. до н. э. В Прикамье и Западном Приуралье такого положения не наблюдалось. Там в ананьинскую эпоху трупосожжения встречаются, но весьма редко.

Среди ранних могильников в междуречье Оки и Волги кремации не известны. Они появляются приблизительно в половине I тысячелетия. Среди захоронений этого рода можно наметить два типа. Первый, когда погребали в обычной формы могилах, нередко с раскладкой вещей в порядке, применяемом для трупоположений. Кремированные кости или рассыпали по дну ям, или ссыпали кучкой. Этот обряд зафиксирован, в частности, для Кочергинского могильника в Кировской области и типичен для могильников бассейна р. Вычегды конца I — начала II тысячелетия.

В настоящее время трудами Э. А. Савельевой зафиксированы тесные этнические связи между областью Коми и Средним Поволжьем. А еще раньше проникновение населения на Волгу из области Прикамья было установлено трудами В. В. Гольмстен. Отмеченного типа трупосожжения, встречаемые в Окских могильниках, весьма вероятно, надо связать с инфильтрацией населения с севера. Не исключается возможность, что данный обряд сложился в результате ассимиляции местного населения славянами и наконец не следует забывать, что в могильниках зарубинецкой культуры встречены ямы вытянутой формы. А. В. Циркин опирался на работы А. Л. Монгайта и А. П. Смирнова, в которых не ставился вопрос дифференциации кремаций бассейна Оки.

Другая волна трупосожжений связана с полями погребальных урн. Для них характерны круглые или подквадратной формы могильные ямы, в которых находились кремированные кости и вещи. Их можно указать в Борковском и Кузминском могильниках [4]. Близкий тип захоронений известен в Максимовском могильнике, где кремированные остатки вместе с вещами (в сосудах или кучкой) помещены в ямы круглой, реже квадратной формы [5]. В литературе отмечалось группа погребений IV—VI вв. в среднеокских могильниках, которую можно приписать пришлым славянам [6]. Точно также выделялась группа древнеславянских погребений и на Нижней Оке [7]. Такие могильники, как Муромский и Подболотьевский, дают тому явное доказательство [8]. Заслуживает внимания факт наличия в могильниках около половины I тысячелетия (IV—VI вв.) трупосожжений типа, который может быть приписан славянам. Первоначально их было около 10%, ко времени X в.— 72% (по А. В. Циркину, 75%) [9]. Позднее в таких могильниках, как Пустошенский, датируемый XI в., число сожжений падает до 8%, несмотря на то, что резко возрастает число общеизвестных славянских вещей. Замечательно, что число трупосожжений типа, который мы связываем со славянами возрастает до X в., когда у славян господствует кремация, а в могильниках более позднего времени количество трупосожжений резко падает, точно так же, как обряд кремации прекращается и у славян, у которых с XI в. господствуют трупоположения. Если сопоставить развитие обряда трупосожжения у различных мордовских племен, начиная с середины

---

[4] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 27.

[5] Там же, стр. 44, 74.

[6] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 141 сл.

[7] Там же, стр. 47.

[8] Там же, стр. 148.

[9] А. В. Циркин. Ук. соч., стр. 61.

I тысячелетия до X в., с проникновением славян, которое для IX—X вв хорошо зафиксировано данными русской летописи, будет совершенно очевидно, что процесс славянизации начался значительно раньше и к X в. среднее и нижнее течение Оки были в основном славянскими. Это подтверждают находки большого числа славянских и древнерусских вещей, возникновение русских городов и сел. В это время получает распространение западная ориентировка костяков, сопоставляя которую с находкой большого числа древнерусских вещей, можно говорить об усиленной славянизации мордовских племен.

Едва ли проникновение славян охватило всю мордовскую территорию. Это будет верно лишь в отношении рязанского течения Оки и Цны, где в качестве примера можно привести хотя бы ориентированное на запад погребение 507 Крюково-Кужноского могильника с радимическими височными кольцами [10]. Наконец, на Самарской луке открыты поселки с мордовским и древнерусским материалом, датируемые несколько более поздним временем — XIII—XIV вв. [11] Наконец, не следует забывать о широком распространении русских к XII в. Древнерусское погребение XII в. было открыто Т. М. Минаевой под Волгоградом [12]. Все это свидетельствует в пользу точки зрения, высказанной А. В. Циркиным в его книге. Позиция А. В. Циркина опирается на обряд погребения, на наличие древнерусских вещей и общеисторическую ситуацию, которая при разборе данного вопроса не может быть сброшена со счета.

Несколько лет назад В. В. Седов выступил с гипотезой о балтском характере некоторых групп погребений в Окских могильниках. Это, прежде всего, погребения с восточной ориентировкой и отмеченные им трупосожжения с балтскими вещами. Несомненно, В. В. Седов прав, отмечая миграцию балтского населения на восток. Однако нельзя не отметить некоторых неточностей. Восточная ориентировка была распространена значительно шире и связана, по-видимому, не только с балтами, но характерна и для некоторых групп финно-угров. Так, она встречена в могильнике Чем-шай на Чепце [13], в могильнике бассейна Вычегды, в памятниках так называемой мазунинской культуры, где господствует ориентировка на восток и северо-восток [14]. Ориентировка на северо-восток характерна для Сайгатского могильника [15].

Для могильников финно-угров обычна неустойчивая ориентировка, включающая, в частности, направление на восток. На неустойчивый характер ориентировки в могильниках Прикамья обратил внимание В. А. Оборин [16]. Можно полагать, что вопрос с ориентировкой значительно сложнее и требует разбора на большом материале.

При настоящем состоянии наших знаний и точка зрения о славянской принадлежности кремированных покойников, и мнение об их балтской принадлежности имеют равное право на существование. Обе гипотезы имеют слабые стороны. В частности, так называемые балтские вещи в I тысячелетии были широко распространены в Восточной Европе и встречаются в захоронениях не только с восточной ориентировкой. Поэтому упреки рецензентов в адрес автора нельзя считать основательными. Правда, А. В. Циркин не провел сам анализа всех случаев кремации у мордвы, не сопоставил этих данных со случаями трупосожжений у других народов Восточной Европы, в том числе и финно-угорских, как

[10] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, стр. 161, табл. VII.

[11] А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV вв. у с. Березовки. МИА, 80, 1960, стр. 194.

[12] МИА, 61, 1958, стр. 8.

[13] А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 202.

[14] Памятники мазунинской культуры. ВАУ, 7, Свердловск, 1967, стр. 12.

[15] В. Е. Стоянов. Сайгатский могильник на Средней Каме. ВАУ, 4, 1962, стр. 119.

[16] В. А. Оборин. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья. ВАУ, 9, 1969, стр. 8.

этого требуют рецензенты [17]. Однако для учебного пособия было достаточно дать ссылку на работы А. Л. Монгайта и А. П. Смирнова.

Работа В. В. Седова, основанная на анализе только 20 погребений, без широкого использования сравнительного материала, вызвала совершенно иную реакцию, и рецензенты считают ее достаточно хорошо обоснованной [18], хотя в отношении кремации приведены крайне незначительные материалы и сам обряд сожжения не подвергнут детальному анализу.

Что касается западной ориентировки, на которую ссылается А. В. Циркин, то она в ряде случаев связана с находкой славянских вещей. Примером может служить погребение 24 Максимовского могильника, в котором наряду с финно-угорскими предметами встречены и древнерусские [19]. Однако рецензенты правы, упрекая А. В. Циркина в чрезмерном расширении этой группы.

Касаясь экономических связей славянских племен с мордвой, рецензенты упрекают А. В. Циркина в том, что он отнес к славянским древностям крестообразные и антропоморфные фибулы, «славянское производство которых весьма проблематично». Если некоторые типы фибул, в том числе и подковообразные, нельзя считать славянскими и часть их, как это теперь доказано, принадлежит к числу прибалтийских, то антропоморфные и пальчатые, несомненно, относятся к числу славянских. Область их бытования совпадает с территорией раннего распространения славянства (Приднепровье, Курская и Воронежская области). Позднее они распространились в центральной и западной Европе. В настоящее время к числу славянских их относит значительная группа исследователей [20]. По месту находок к ним надо относить и антропоморфные. Во всяком случае, этот вопрос можно считать дискуссионным, а не ошибочным. Усатые перстни также в своей массе славянские. Даже если, как это делает Н. Е. Недошивина [21], считать их финно-угорскими, то и тогда широкое бытование этих перстней в обеих этнических группах свидетельствует об экономических связях этих народов. Что касается стеклянных с металлической прокладкой бус, то привлечение их в данном вопросе надо считать правильным. Одни из бус оказались славянского производства, другие — восточные. Без анализа большого материала трудно установить центры производства бус, находимых в мордовских памятниках, и в настоящее время точка зрения автора книги не выглядит столь нелепой, как это можно понять из рецензии. Рецензенты правы отрицая русское происхождение бус Гачинского могильника, которые в работе А. В. Циркина названы фарфоровыми.

Что касается сердоликовых бус, то позволю себе заметить, что в Булгаре, крупном центре торговли с востоком, находки сердоликовых бус — как призматических, так и бипирамидальных — крайне редки. В собрании Государственного музея ТАССР они известны в частных собраниях Лихачева и Штукенберга. Из раскопок же они насчитываются единицами. С большой долей вероятия можно считать, что эти бусы, хотя и являются продукцией востока, попали к мордве из древнерусских центров. В этом отношении точка зрения А. В. Циркина более справедлива. Вопрос о гребнях освещен в рецензии неправильно. Действительно, если не учитывать форму гребней, то трудно поверить, что они были импортными. Однако в настоящее время хорошо известны формы русских и финно-угорских гребней. При этом различить мордовские от марийских и удмуртских трудно. Рисунок в работе А. В. Циркина [22] дает типичный гребень русской рабо-

---

[17] СА, 1970, 4, стр. 312.

[18] В. В. Седов. Рязано-Окские могильники. СА, 1966, 4, стр. 86.

[19] А. А. Спицин. Древности бассейнов..., стр. 44.

[20] Е. Н. Симонова. Пальчатая фибула Венгерского национального музея. МИА, 176, 1970, стр. 7 сл.

[21] Н. Е. Недошивина. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 48, М., 1967, стр. 258.

[22] А. В. Циркин. Русско-мордовские отношения, стр. 59, рис. 8, *1*.

ты (двусторонний, с расширяющимися концами). Типичный финский гребень всегда односторонний, с краем, нередко орнаментированным головками лошадей или уточек. Гребни, опубликованные А. В. Циркиным на стр. 63, несомненно, мордовские. Недоразумением можно объяснить и вопрос с витыми браслетами, которые, как справедливо отметил А. В. Циркин, аналогичны вятичским браслетам. Полное совпадение типа и техники производства не оставляет сомнения в их древнерусском, точнее вятичском, производстве [23].

Данные, приведенные А. В. Циркиным в доказательство влияния Руси на мордву, мне представляются убедительными. Вся историческая обстановка с большой долей вероятия заставляет видеть в проводниках русского влияния прежде всего вятичей. Хотя следует заметить, что некоторые вещи не являются специфически вятичскими, а имеют широкое распространение в Древней Руси.

В основном правильны положения А. В. Циркина в оценке влияния мордвы на Русь. Такими показателями надо считать прежде всего сюльгамы, характерные и для мордвы [24]. Более широко распространены у финно-угорских народов другие украшения, приведенные А. В. Циркиным в качестве типично мордовских. Они могли означать влияние мордвы, а также могли попасть к русским и от других финно-угорских народов.

Подводя итоги, следует заметить, что основные положения книги А. В. Циркина правильны. Несомненна инфильтрация русского населения в земли мордвы, которая подтверждается всем ходом исторического развития. Правильно трактовано также взаимное культурное влияние этих народов. В рецензии несомненно сгущены краски. Проблема финно-угорских отношений еще не решена, и в этом вопросе требуется большая осторожность и внимание ко всем фактам. Точка зрения В. В. Седова еще не выходит из рамок рабочей гипотезы, и рецензенты без достаточных оснований дали ей высокую оценку.

Если рецензия В. М. Зубаревой и Ю. А. Краснова при всех ее недостатках, несомненно, сыграет положительную роль в разрешении проблемы русско-мордовских взаимоотношений, то этого нельзя сказать о письме П. Д. Степанова и М. Ф. Жиганова, опубликованном газетой «Советская Мордовия» 28 января 1971 г. под названием «Против искажений истории мордовского народа», которое создает у читателей неверное впечатление о книге. Авторы письма неправы, считая, что торговые пути и направления культурных связей в книге даны неверно. Опубликованные на стр. 69 и 90 карты не содержат ошибок. Можно говорить лишь о небрежности и грубости выполнения. Старый вопрос о Пургасе и Пуреше представлен в письме неверно. А. В. Циркин в трактовке этого вопроса последовал по следам книги А. П. Смирнова «Волжские булгары», где на основании косвенных данных устанавливалась политическая зависимость Пуреша от русских, который именуется «ротником Юргева», а Пургаса от булгар [25]. Точно так же можно согласиться с предположением А. В. Циркина, что во время похода князя Святослава вместе с вятичами была обложена данью и часть мордвы. Нет никаких оснований считать эти страницы книги А. В. Циркина «отсебятиной» или «хлестаковщиной», как это делают авторы письма.

Вопрос о времени выделения мокши в первых веках нашей эры был поднят М. Р. Полесских и обоснован на сессии в Саранске в 1964 г., посвященной этногенезу мордвы [26]. Нам следует помнить, что в истории мордвы не все проблемы еще решены. Многие положения, высказанные в литературе, не вышли из рамок гипотез и заслуживают всестороннего и углуб-

---

[23] Там же, стр. 63; А. В. Арциховский. Курчаги вятичей. М., 1930, стр. 11.

[24] А. В. Циркин. Ук. соч., стр. 93, рис. 13, *1*, *2*, *3*, стр. 99, рис. 15, *3*.

[25] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 48.

[26] М. Р. Полесских. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши. Сб. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965, стр. 146—147.

ленного рассмотрения. Так, например, принадлежность рязанских и муромских могильников I тысячелетия мордве-эрзе еще не доказана. Было бы полезнее вместо лихого налета написать серьезную рецензию на основе анализа первоисточников, тем более что основные положения, высказанные А. В. Циркиным, правильны и не расходятся с мнением большинства советских историков.

Другое дело — небрежность и неточности, на которые раньше письма обратили внимание В. М. Зубарева и Ю. А. Краснов. Они весьма характерны и для других работ этого автора. В письме проскальзывает какое-то непонятное противопоставление мокши и эрзи, которое в книге Циркина не ощущается.

Проблема русско-мордовских отношений — интересная и важная тема, требующая углубленной разработки. В этой работе кроме археологов должны принять участие и этнографы, и языковеды.

A. P. Smirnov

«DE RUSSE-MORDVINES RELATIONS EN X—XIV SIÈCLES NOTRE ERE»

Résumé

Dans cet article sont examinés les travaux consacrés aux russe-mordvines relations, qui sont parus pendant les dernieres années. L'auteur inscrit la quantité principale des cremations des sepultures mordvines du 1-er millénaire notre ere aux Slaves, qui pénétrent sur le territoire des Mordvines dés la moitie du 1-er millénaire dé notre ere. L'auteur choisit des objets qui témoignent les russe-mordvines correlations en XI — XIV siécles.

Публикации

Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

(по материалам раскопок Советской экспедиции)

Весной 1969 г. Советская археологическая экспедиция приступила к широким археологическим исследованиям на территории Месопотамии, в северо-западной части Ирака. Исследования подчинены разработке проблемы становления и развития производящих форм экономики на территории Междуречья. Проблема эта последние десятилетия привлекает к себе особое внимание исследователей древнейшей истории человечества. Переход к производящей экономике, именуемый по праву «неолитической революцией» [1], явился важнейшим процессом, подлинным поворотным пунктом в ходе истории, определившим дальнейший прогресс в экономическом, социальном и культурном развитии человеческого общества. Месопотамия же сыграла особо значительную роль в этом процессе. Северная, предгорная часть ее явилась одним из древнейших на земле центров происхождения основных форм производящей экономики — земледелия и скотоводства. Она располагалась в центре выделенного акад. Н. И. Вавиловым [2] юго-западно-азиатского очага доместикации диких злаков и предков домашних животных. «Холмистые предгорья» северного Ирака входили в зону распространения дикого эммера, с которым связаны своим происхождением все виды пшеницы, кроме однозернянки. Здесь же были распространены обязательный спутник эммера — дикий ячмень, а также пшеница-однозернянка, полевой горох, чечевица, вика и дикие предки всех основных видов домашних животных — козы, овцы, коровы, свиньи. Таким образом, здесь в оптимальном варианте был представлен природный фон, являющийся первым и основным условием возможности перехода к производящим формам экономики. Достаточно четко документировано и весьма раннее заселение этого района человеком: древнейшие открытые здесь памятники относятся еще к ашельскому и мустьерскому периодам [3], дальнейшие же периоды палеолита и мезолит представлены рядом весьма интересных памятников,

[1] В. Г. Чайлд подчеркивал, что это «первая революция, которая трансформировала человеческую экономику и дала человеку контроль над его собственными пищевыми ресурсами». V. G. Childe. Man Makes Himself. 1948, стр. 67.

[2] Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. «Труды по прикладной ботанике и селекции», XVI, 2, Л., 1926; его же. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932; его же. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина. «Советская наука», 1940, 2.

[3] N. Al Asil. Barda Balka. «Sumer», V, 2, 1949, стр. 205—206, H. E. Wright and B. Howe. Preliminary Report on Soundings at Barda Balka. «Sumer», VII, 2, 1951, стр. 107—111.

прежде всего пещерными стоянками в районе Шанидара [4], наиболее поздние из которых непосредственно предшествуют периоду первоначальной доместикации злаков и животных.

Совершенно закономерно поэтому, что с началом целенаправленных исследований указанной выше проблемы именно в Северной Месопотамии были открыты прямые археологические свидетельства как процесса сложения древнейшей производящей — прежде всего раннеземледельческой — экономики, так и основных ступеней дальнейшего ее развития. Уже мезолитические поселения IX тысячелетия до н. э., подобные Шанидару (слой B) и Карим-Шахиру, дают материалы, свидетельствующие о регулярном сборе и широком использовании диких злаков, а также о начале приручения животных [5]. В Малефаате отмечены остатки искусственных жилищ в виде овальных полуземлянок, подобных жилищам того же периода на протоземледельческих памятниках натуфийской культуры Палестины [6]. Завершающий этап процесса становления древнейшего земледелия, отмеченный культивацией злаков, выработкой специализированных земледельческих орудий, стационарными глинобитными постройками и, в конце этапа, появлением керамики, с большой четкостью отражен расположенным в предгорьях Загроса и получившим ныне широкую известность поселением VII тысячелетия до н. э.— Джармо [7]. Близкие по культуре поселения открыты как в «холмистых предгорьях» и горах Иракского и Иранского Курдистана (Хараба-Кара-Чавар, Кани-Сур, Хора-Намык, Тепе-Сараб, Тепе-Гуран), так и в долинах (Али-Кош [8], Тамерхан [9]). Это свидетельствует о заметном развитии земледелия, о начале спуска земледельцев с холмов в речные долины, о формировании раннеземледельческих культур.

Наконец, последующие этапы, связанные с дальнейшим совершенствованием земледелия, широким освоением речных долин, началом ирригации и бурным прогрессом во всех отраслях производства и культуры, представлены в Северном Ираке памятниками хассунской культуры, в том числе эпонимным ее поселением — Телль-Хассуной [10], и следующей за ней халафской культуры, прежде всего поселением и некрополем Арпачии [11] и нижними слоями Тепе-Гавры [12].

Однако исследования всех этих важнейших культур до сего времени территориально ограничивались Северо-Восточным Ираком и прилегающими к нему районами Ирана, т. е. горными областями Загроса и Курдистана с прилегающими к нему долинами. Между тем, на северо-западе Ирака — от Мосула до сирийской границы — простираются области по своим природным данным не менее перспективные для изучения указанной проблемы. Это прежде всего широкая и плодородная Синджарская долина, особо благоприятная для развития земледелия, начиная с самых ранних ступеней этого процесса. На востоке долина соприкасалась с районами Мосула и — далее — Эрбиля и Киркука, т. е. с предгорной областью, непосредственно связанной с Загросом. На севере долина ограничена холми-

---

[4] Ralph Solecki. Cave Archaeology in the Zagros Mountins. «Acta Archaeologica Carpatica», X, 1—2, 1966, стр. 245—259.

[5] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistorie Investigations in Iraqi Kurdistan, SAOC, 31, Chicago, 1960.

[6] Там же; В. М. Массон. Средняя Азия и Дальний Восток. М.— Л., 1969, стр. 421.

[7] R. J. Braidwood, B. Howe, Ук. соч.

[8] F. Hole, K. Flannery, J. A. Neel. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969, стр. 30 сл.

[9] Joan Oates. Prehistoric Investigations near Mandali, Iraq. «Iraq», XXX, Spring, 1968, 3.

[10] Seton Lloyd and Fuad Safar. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944. JNES, IV, 4, October, 1945.

[11] M. E. L. Mallowan and J. C. Rose. Prehistoric Assyria. The Excavations at Tall Arpachiyah. «Iraq», 11, 1, London, 1933.

[12] A. J. Tobler. Excavations at Tepe Gawra. 11. Philadelphia, 1950.

стой грядой и невысокими горами Синджара (до 1250 *м*), пока еще очень малоизученными, но изобилующими пещерами и по своим природным условиям близкими Загросу. Зимние осадки здесь довольно обильны, а мягкие почвы долины были удобны для создания простейших ирригационных систем, связанных с рядом небольших, спускающихся в Синджара рек[13]. Наносы этих рек способствовали чрезвычайно высокому плодородию почв долины и орошали ее на протяжении 10—15 *км* южнее гряды. Все это привлекало древнейших земледельцев в Синджарскую долину с самого начала культивации пшеницы и ячменя.

Широкие возможности открывал этот район и для культурных связей: долина, начиная с глубочайшей древности, была одним из наиболее активных путей, связывающих основную часть Месопотамии с Сирией и Восточным Средиземноморьем в целом. Неудивительна поэтому огромная концентрация здесь археологических памятников самых различных периодов. Только на протяжении 60 *км*, разделяющих города Телль-Афар и Синджар, зафиксировано несколько сотен археологических памятников — от раннеземледельческих поселений до многочисленных крепостей конца II — начала I тысячелетия до н. э., прикрывавших с северо-запада доступ к центральным районам Ассирийской державы, к ее главным городам и прежде всего к знаменитой Ниневии.

По сравнению с другими районами Месопотамии Синджарская долина изучена крайне слабо. Специальные археологические исследования начались здесь лишь в конце 30-х годов нашего века и ограничились разведками и небольшими раскопками единичных памятников сравнительно поздних исторических периодов. Руководивший разведками проф. Ситон Ллойд отметил здесь свыше 200 поселений. Среди подъемного материала им выделено 12 хронологических групп керамики, древнейшую из которых (I) он сопоставил с самаррской керамикой и с Ниневией II-в.[14], т. е. с концом не открытой еще тогда хассунской культуры. Следующую группу (II) С. Ллойд связывал с халафской культурой, специально подчеркнув крайнюю редкость ее памятников в этом районе (в отличие от левобережья Тигра)[15]. Напротив, поселений убейдского периода отмечено было много.

В 50—60-х годах разведки в этом районе были успешно продолжены проф. Девидом Отсом и д-ром Джоэн Отс. Число открытых здесь памятников было удвоено, причем были обнаружены материалы, связанные, возможно, с культурой типа Джармо и относящиеся к VII тысячелетию до н. э.— к одной из наиболее ранних ступеней развития земледелия[16]. Но раскопкам и в этот период подверглись лишь сравнительно поздние памятники,— прежде всего здесь должны быть отмечены широкие и плодотворные исследования ассирийского городища Телль эль-Рихмаха[17]. Раннеземледельческие поселения Синджарской долины не раскапывались совсем. К широким исследованиям их и приступила Советская археологическая экспедиция в 1969 г.

Еще в ходе предварительной разведки (зимой 1968 г.) сотрудниками экспедиции Н. Я. Мерпертом и Н. О. Бадером была обследована группа многослойных поселений (теллей), расположенная в 7 *км* к юго-западу от г. Телль-Афара и именуемая местными жителями Ярым-Тепе (турецк.)

[13] G. M. Lees and N. L. Falcon. The Geographical History of the Mesopotamian Plains. «Geographical Journal», 118, стр. 24—39; Abdul Jalil Jawad. The Advent of the Era of Townships in Northern Mesopotamia. Leiden, 1965, 8; S. Lloyd. Some Ancient Sites in Sinjar District. «Iraq», 1938, стр. 123—124.

[14] S. Lloyd. Ук. соч., стр. 128 сл.

[15] Там же, стр. 124—126.

[16] Материалы разведок не изданы. Выражаем глубокую благодарность проф. Д. Отсу и д-ру Джоэн Отс, любезно предоставившим нам возможность ознакомиться с материалами и документацией этих работ. Упоминание древнейших памятников — см. Joan Oates. Prehistorical Investigations near Mandaly, Iraq. «Iraq», XXX, 1968, 4, прим. 9.

[17] David Oates. The Excavations at Tell al Rimah 1966. «Iraq», XXIX, 1967; его же. The Excavations at Tell al Rimah 1967. «Iraq», XXX, 1968.

«половина холма» — действительно половина одного из теллей смыта изменившим русло ручьем [18]. Шесть холмов, составлявших группу, расположены компактно на протяжении менее одного *км*. Три из них, значительны по размерам, судя по обильному подъемному материалу, они представляли собой остатки поселений трех важнейших раннеземледельческих культур Северной Месопотамии: хассунской, халафской и убейдской. После повторного обследования весной 1969 г. группа была избрана в качестве основного объекта раскопок экспедиции. За истекшие два полевых сезона раскопки были начаты на двух холмах: хассунском (Ярым-Тепе I) и халафском (Ярым-Тепе II).

Ярым-Тепе I — крайний восточный холм группы — расположен в 250 *м* от левого берега ручья Джубара-дяряси и на 4,5 *м* возвышается над современным уровнем поля. Диаметр холма не превышает 100 *м*. Собранные на поверхности холма фрагменты сосудов за единичными случайными исключениями принадлежат только хассунской культуре. Исследование площади и окружения холма, специальная стратиграфическая траншея на его склоне показали, что культурный слой более чем на 1,5 *м* уходит ниже уровня поля и общая мощность его превышает 6 *м*, по горизонтали же слой выходит за пределы холма и покрывает прилегающие к нему участки поля. Последнее, очевидно, связано с изменением уровня поля, что в свою очередь было обусловлено определенным повышением горизонта почвенных вод. Площадь поселка в период наибольшего распространения его достигала, видимо, 2 *га*. Таким образом, по своим основным размерам это хассунское поселение близко эпонимному памятнику: высота Телль-Хассуны над скальным основанием соседнего ручья — 7 *м*, однако, собственно хассунский культурный слой имеет мощность 5,2 *м* и перекрыт халафскими, убейдскими и ассирийскими отложениями, по горизонтали он покрывает прямоугольник 200 × 150 *м* [19]. Из 15 строительных горизонтов, выделенных в Телль-Хассуне[20] к собственно хассунской культуре принадлежат нижние пять и часть шестого: в последнем появляются уже халафские. В Ярым Тепе I весь культурный слой принадлежит хассунской культуре и внутри него выделено minimum 8 больших строительных горизонтов, в каждом из которых отмечен, кроме того, ряд локальных перестроек [21]. Холм нарушен значительным числом более поздних погребений и хозяйственных ям, но регулярных следов более поздних поселений здесь нет.

Раскопки были начаты на восточной половине холма, площадь раскопа в первом сезоне была доведена до 800 $м^2$, а к концу второго сезона (1970 г.) до 1120 $м^2$ (рис. 1). Вся площадь поселения была покрыта сеткой десятиметровых квадратов. Внутри них бровки для стратиграфических наблюдений оставлялись через каждые 2,5 *м*. Фиксировались все профили, в силу чего как открытые в ходе раскопок строительные комплексы, так и отдельные следы их перестроек получали свое место в общей стратиграфии памятника.

Основной стратиграфической единицей при вскрытии культурного слоя поселения являлся строительный горизонт, определявшийся по всему комплексу остатков сосуществовавших сооружений, прежде всего по нижним полам и основаниям стен домов и по соотношению их с гипсовыми покрытиями свободных пространств (на них мы остановимся ниже). Каж-

---

[18] Впервые эта группа холмов открыта Ситоном Ллойдом, который и отметил ее в списке синджарских поселений под № 34. Им, однако, упомянут лишь один холм «незначительный по размерам, но с выразительной керамикой». Последнюю С. Ллойд отнес к самаррской и халафской группам с небольшой примесью североубейдских черепков. Seton Lloyd. Ук. соч., стр. 138.

[19] Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., ст. 259, табл. I.

[20] Там же, табл. I.

[21] Число строительных горизонтов может быть окончательно установлено после полного вскрытия значительных участков поселения, пока же на широкой площади вскрыты шесть горизонтов, не менее двух подстилающих их отмечены в стратиграфической траншее.

Рис. 1. Виды раскопов Ярым-Тепе I

1 — панорама раскопа на уровне V строительного горизонта; *2* — раскоп на уровне VI строительного горизонта

дый горизонт отражает значительный отрезок времени, ознаменованный с одной стороны сохранением единой планировки значительных участков, с другой—рядом перестроек, иногда весьма сложных. Переходы от одного горизонта к другому характеризуются заметной общей перепланировкой больших участков. При этом, однако, другие участки могут сохранить прежнюю планировку и вообще остаться без коренных изменений. Отдельные комплексы могут существовать на протяжении двух горизонтов, подвергаясь лишь внутренней реконструкции. Таковы чаще всего постройки, созданные в позднюю пору одного горизонта и сохраняющиеся в раннюю пору следующего. Они как бы знаменуют переходный период между этими горизонтами. В других случаях в новые постройки включаются элементы старых: комнаты или отдельные стены. В третьих случаях сооружения предшествующего горизонта используются лишь как субструкции для новых построек: при этом верхние части стен срезаются, а сохранившиеся нижние части помещений плотно забутовываются их остатками, превращаясь в площадку для сооружений следующего горизонта. Необходимо

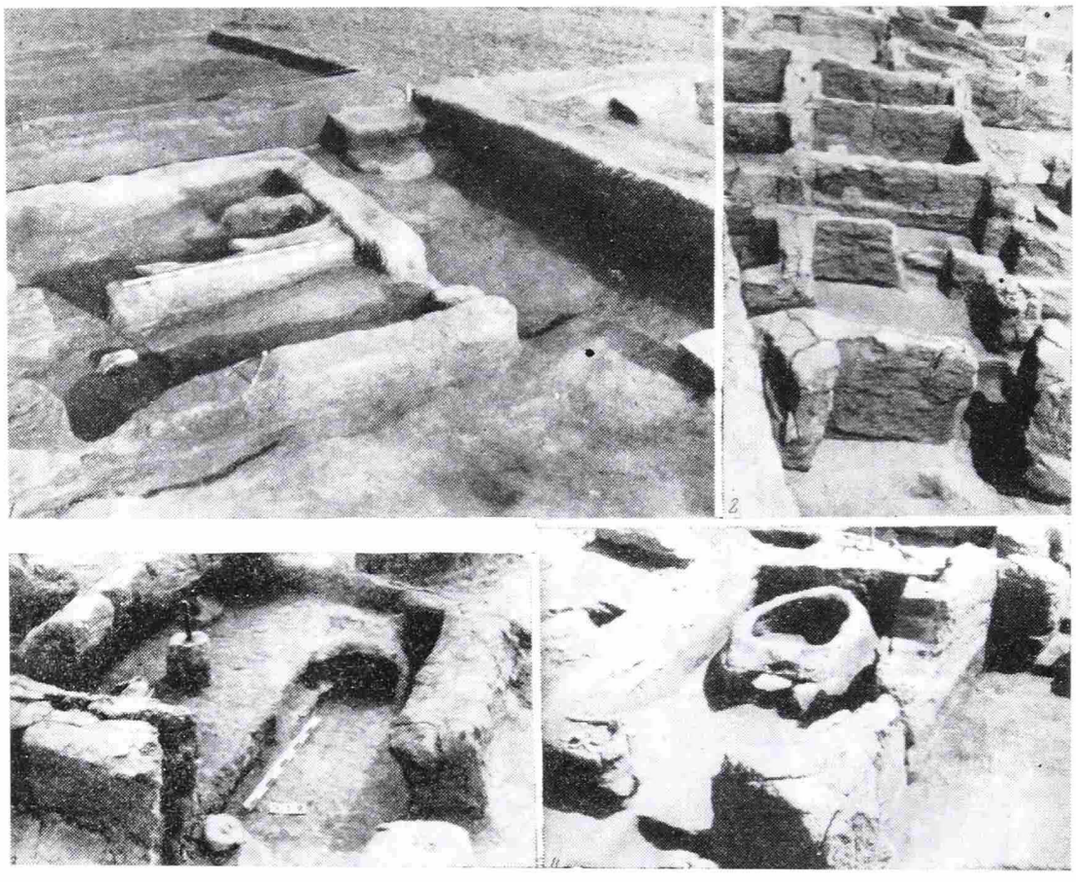


Рис. 2. Ярым-Тепе I. Сооружения и детали раскопов

1 — дом с печью III строительного горизонта (помещения 16—17); *2* — помещения 82, 83, 84 и 54 V строит. горизонта; *3* — помещение 57 с прямоугольной печью V строительного горизонта; *4* — помещение 86 с круглым тонуром V строительного горизонта

поэтому иметь в виду, что деление на строительные горизонты по-разному выражено на различных участках и иногда носит относительный характер.

Верхний строительный горизонт начинается непосредственно под распаханной поверхностью холма. Однако, от сооружений его сохранились лишь разрозненные незначительные остатки, сосредоточенные на единичных участках в центре холма. На сильно эрозированных и полностью распаханных склонах этот горизонт уничтожен полностью. Лишь на квадратах 37 и 47 открыты обрывки стен, принадлежавших сложному многокомнатному строительному комплексу общей длиной не менее десяти метров. Внутри него выделены прямоугольная, очевидно жилая, комната размерами 3,5×2,5 *м* при толщине стен 45—50 *см*, два подсобных помещения размерами 2×2 *м* и остатки еще двух прямоугольных комнат, в одной из которых отмечены следы круглой печи. Комплекс вытянут с севера на юг, помещения его примыкают к открытому двору, от которого сохранился лишь небольшой западный участок. Остатки сооружений I горизонта располагались на глубине до 70 *см* от 0.

Второй и третий горизонты по планировке данного участка мало отличались от первого, хотя и отмечены рядом перестроек. Остатки их сооружений прослежены на большем числе квадратов, но сохранность и здесь чрезвычайно слабая: помимо эрозии, слой (особенно в центральной части) сильно нарушен поздними погребениями и разновременными хозяйственными ямами. Отмеченный выше комплекс был перестроен и дополнен. На кв. 47 сохранились две жилые комнаты: первая, как и в первом горизонте, размерами 3,5×2,5 *м* сохранила примерно то же расположение, вторая — той же длины, но более узкая (1,5 *м*) — примыкает к ней с запада. В ЮЗ углу первой комнаты находилась печь (рис. 2, 1). Комнаты соединены дверью. Кроме того, другие двери вели из первой комнаты

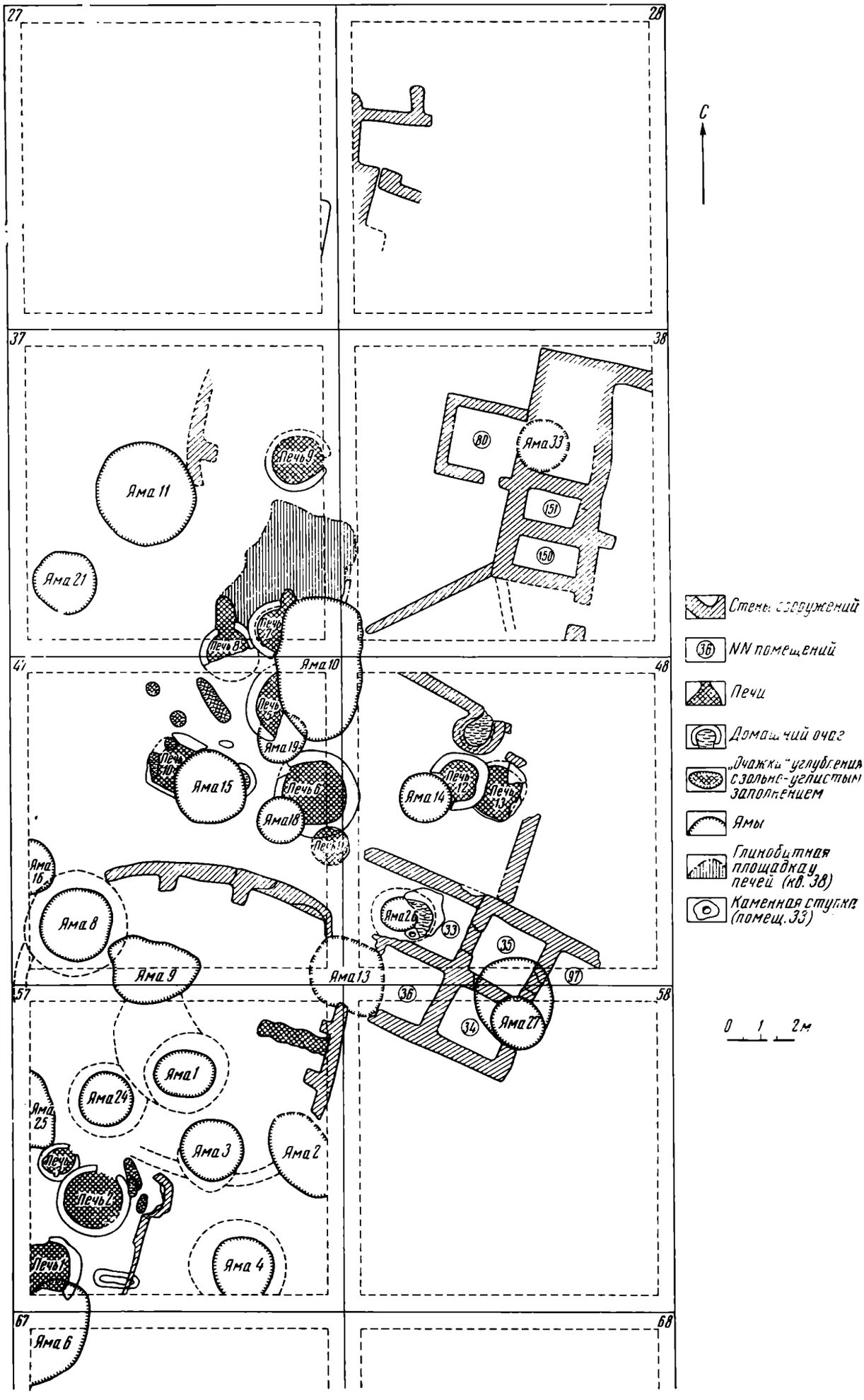


Рис. 3, *1*. Ярым-Тепе I. Планы сооружений. IV строительный горизонт

на север — во внутренний двор, а из второй — на юг, в проход между домами. К северу от жилых комнат располагался ряд небольших подсобных помещений, внутри которых выделены совсем уже маленькие кладовые размерами 1,5×1,20 и 1×0,70 *м*. В этот же комплекс входил узкий (0,50 *м*), длинный (не менее 3 *м*) коридор — тупик. С юга к данному комплексу примыкал свободный от построек проход между домами шириной свыше 4-х *м*. За ним, на кв. 57 сохранилась часть следующего строительного комплекса: двухкомнатное помещение размерами 3,5×3 *м*. Остатки сооружений II горизонта располагались на глубине 0,70 — 1,00 *м* и от 0, III горизонта — 1,00 — 1,4 от 0.

Особо следует отметить, что, начиная с III горизонта, на разделявших сооружения проходах и площадях найдены остатки неоднократно обновлявшихся гипсовых покрытий — своего рода мостовых. На кв. 57 в III—IV горизонтах таких покрытий было пять, толщина их — 2—3 *см*, промежутки между ними от 4 до 8 *см*. Такие же «мостовые» открыты и в V горизонте. Наличие их в этой дождливой и влажной в зимний и весенний сезоны части Месопотамии совершенно закономерно. Они свидетельствуют о высокой уже организации поселка. При раскопках же гипсовые покрытия дают возможность «микростратиграфии» с фиксацией находок и деталей сооружений, принадлежащих весьма ограниченному отрезку времени.

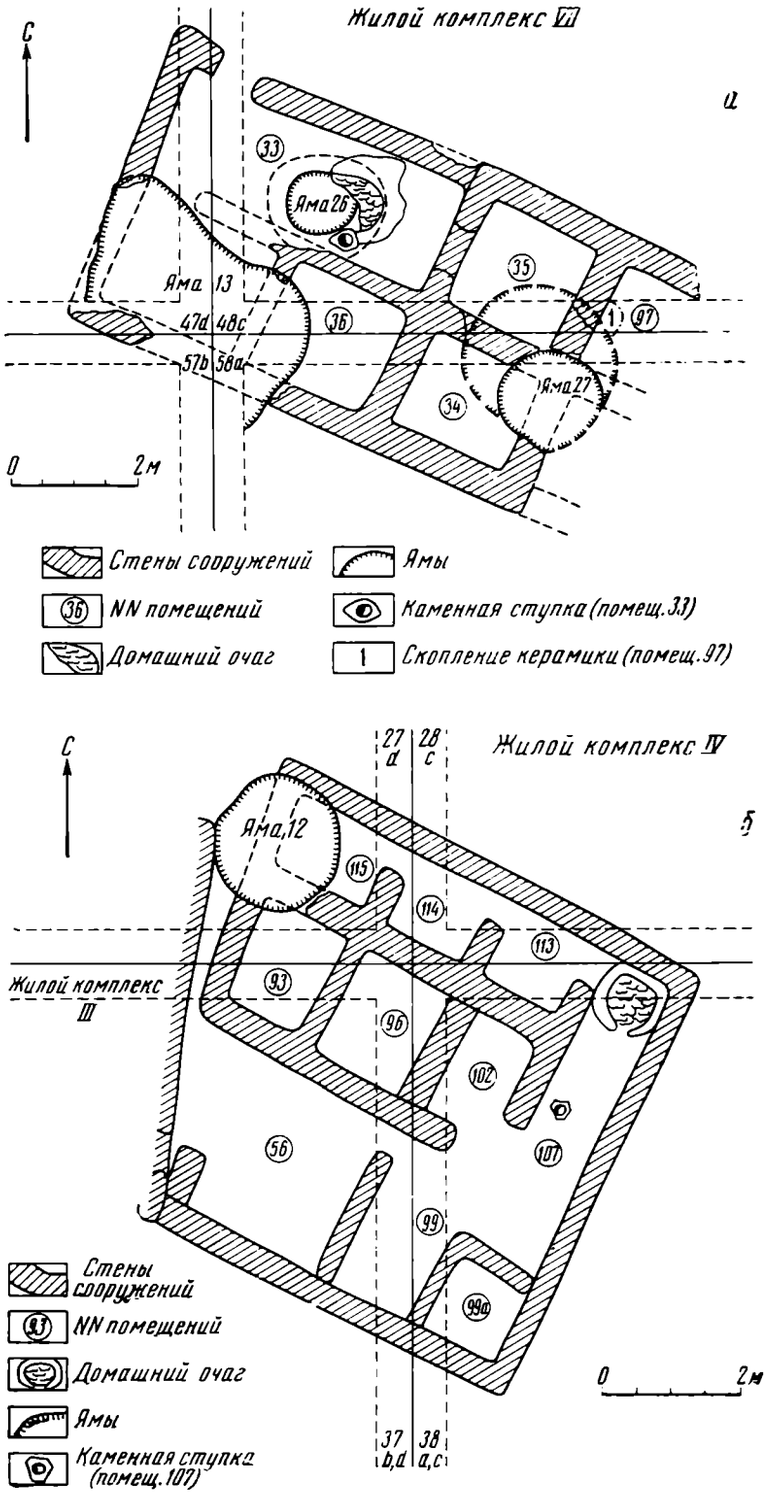


Рис. 3. *2. а* — IV строительный горизонт. Жилой комплекс VII; *б* — V строительный горизонт. Жилой комплекс IV

Сооружения четвертого строительного горизонта все еще сильно разрушены поздними ямами и могилами, но остатки их отмечены уже на восьми квадратах. Они свидетельствуют об определенной специфике застройки восточной половины поселка в данный период (рис. 3, *1*). На двух участках — южном (кв. 57) и центральном (кв. 37, 47, 48) отмечены скопления монументальных круглых печей со сводами. Всего их не

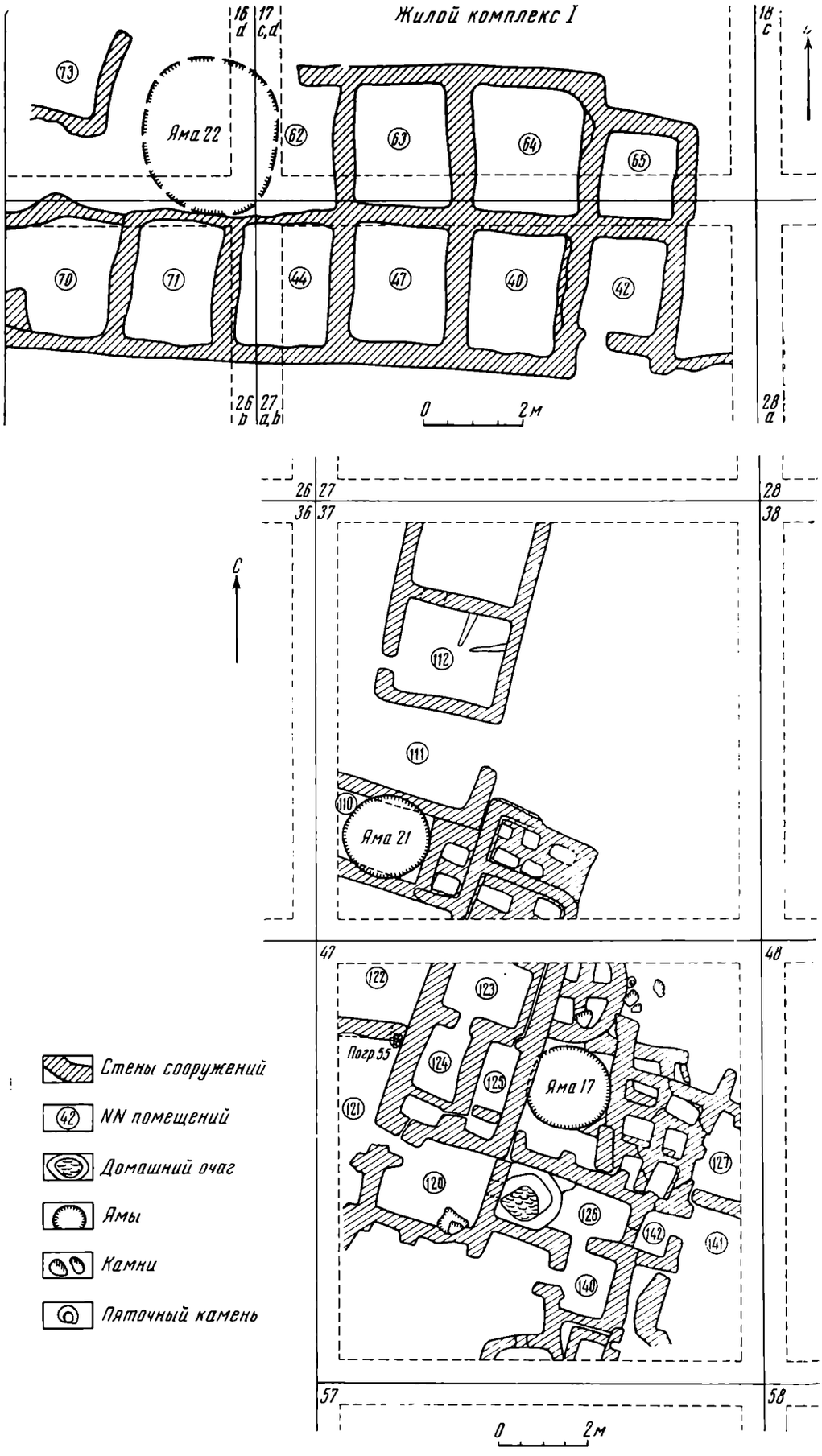


Рис. 3, *3* IV строительный горизонт. Жилой комплекс I (верхний рис.); сооружения V строительного горизонта (нижний рис.)

менее тринадцати. Диаметр некоторых из них превышал 2 *м*. Они располагались вне домов (возможно, над ними были легкие перекрытия) и имели производственное назначение, являясь скорее всего, керамическими печами [22]. Рядом с печами открыт ряд овальных (длиной до 1 *м*) и круглых (диаметром до 50 *см*) углублений, заполненных золой и углем. У печи на кв. 57 сохранилось овальное (1,5 *м*×50 *см*) глиняное корытообразное сооружение. Не все печи функционировали одновременно, но характерна традиция расположения их на одних и тех же участках (иногда огражденных специальной стенкой). Это позволяет предполагать наличие здесь особого производственного района поселения. В том же районе открыты и керамические печи более раннего — пятого горизонта.

Центральное скопление печей с севера, востока и юга ограничено большими многокомнатными домами. Особенно характерен комплекс VII на кв. 48—58. Он был вытянут с ЮВ на СЗ и состоял из двух рядов небольших равновеликих комнат (2,20×1,75 *м*), соединенных дверями. В одной из комнат находилась круглая печь типа тонура, а перед ней — вмазанная в специальное глиняное возвышение каменная ступка для толчения зерна. Общее число комнат этого дома было не менее шести. Ширина всего сооружения 5 *м*, длина не менее 8 *м*. Далее к северу — на кв. 38 и 28 — также располагались жилые комплексы, которые спускались по пологому склону образовавшегося уже холма. На северо-восточном участке поселения (кв. 27—37) в основном сохранялась планировка, выработанная еще в период V строительного горизонта. То же следует сказать и о центральном участке (кв. 47): в раннюю пору IV горизонта здесь стояли еще сооружения предшествующего периода. Но в позднюю пору они были заменены совершенно иной постройкой, имевшей почти круглую форму. Диаметр ее 10 *м*. Остатки перегородок свидетельствуют о наличии внутри сооружения отдельных отсеков.

Сооружение это непосредственно примыкало к южному скоплению печей. Оно необычно для хассунской архитектуры [23], и имело, скорее всего, особое назначение. Оно свидетельствует о большой сложности и многообразии хассунского строительства.

Остатки построек пятого строительного горизонта были уже вне досягаемости поздних могил и большинства ям. Они сохранились удовлетворительно и дали относительно полную картину планировки древнего поселка (рис. 2, *2*). В этом отношении пятый горизонт Ярым-Тепе I может быть сопоставлен с пятым же слоем Хассуны, по сохранности своей резко отличным от остальных слоев и давшим основные материалы по домостроительству и планировке этого поселка [24].

Стены домов сохранились в пятом горизонте на высоту свыше метра. Вместе с прочими строительными остатками они позволили не только выделить ряд сложных сооружений, но и наметить этапы их создания, определив наиболее ранние их части, — своего рода первоначальное «ядро» сооружения, — и последующие пристройки. Тем самым выяснялась история как отдельных строительных комплексов так и целых участков поселка в период пятого горизонта.

Всего на исследованном до сего времени участке этого поселка (свыше 1000 *м*^{2}) [25] вскрыто не менее девяти больших построек. Все они многокомнатные (рис. 3, *2а*, 3, *3*). В расположении их может быть отмечен определенный элемент плановости. Первоначальные (основные) сооружения правильно располагались по отношению друг к другу (длинные их оси

[22] Это подтверждается находками в районе печей фрагментов сосудов, не завершенных производством.

[23] Круглоплановые постройки известны в нижних слоях Хассуны (1-с), но они резко отличны от нашего сооружения по размерам и, очевидно, по назначению. Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 272.

[24] Там же, стр. 274—275.

[25] Остатки сооружений пятого горизонта открыты по всей исследуемой площади, кроме стратиграфической траншеи.

часто были параллельны), стояли относительно свободно и были разделены проходами или небольшими площадями, покрывавшимися, как уже указывалось, гипсом. Однако, рост населения поселка и, прежде всего, выделение новых семей вызвали необходимость все новых пристроек к домам[26]. К первоначальным «ядрам» пристраивались не только вспомогательные, но и новые жилые помещения. Комплексы заметно расширялись за счет разделявших дома проходов, площадок и тупичков, которые иногда перекрывались, превращаясь в новые помещения. Отдельные строительные комплексы сливались друг с другом. Застройка становилась все более тесной. Первоначальная плановость ее заметно нарушалась, что было одним из факторов, обусловивших в дальнейшем коренную перепланировку и создание нового строительного горизонта.

Сложная картина эволюции застройки исследуемого участка выяснялась с помощью ряда показателей. Среди них отметим швы между первоначальными и пристроенными стенами, различия в уровнях их оснований, соотношение последних с гипсовыми покрытиями проходов, различия уровней полов, наконец историю дверей: двери, обычно, выводили из жилых помещений в проходы и открытые дворы и закладывались после пристройки новых жилых комнат, принадлежавших уже новой семье.

Большинство открытых построек имело жилое назначение. В одной из комнат их, как правило, находилась печь. Часто такая комната превышала прочие по своим размерам и имела дверные проемы, выводящие наружу или — реже — в соседние комнаты. Безусловно, комната с печью была основным жилым помещением. Другие комнаты уступали ей по размерам и носили вспомогательный характер, являясь прежде всего закромами для хранения пищевых продуктов. Печей в них не было, а часто не было и дверных проемов. Видимо, они были ограждены сравнительно невысокими перегородками и доступ в них был возможен без дверей. Не исключена возможность и наличия доступа в такие помещения сверху, с плоской крыши здания: подобные примеры известны как в раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока[27], так и современных деревнях Северного Ирака.

Как правило, в одной комнате с печью или же в смежной и соединенной с ней дверью находилась массивная каменная ступка для толчения зерна, вмазанная в пол и специально заклиненная в нем крупными черепками и камнями. Иногда печи выносились в открытый дворик, но ступки и зернотерки в этом случае оставались в помещении.

Некоторые же постройки не имели ни печей, ни ступок, ни обычного для жилищ культурного слоя. Они должны быть исключены из числа жилых построек. Наиболее показательно здесь крайнее северо-восточное сооружение поселка (комплекс I, рис. 3, *3*). Это длинная прямоугольная постройка, ориентированная с востока на запад, шириной в 6 и длиной не менее тринадцати метров. Она состояла минимум из 12 комнат, расположенных в два ряда. Десять из них одинаковы по размерам (2,40 × 2 *м*), две крайних с востока несколько меньше (2×1,5). Дверь имела лишь крайняя юго-восточная комната. Все здание носит характер большого склада, имевшего, судя по размерам, общественный характер. С юга оно было отделено проходом от основного жилого района поселка. Проход первоначально был довольно широк (свыше 2 *м*), но позднее пристройки к жилым комплексам сузили его до 1 *м* и даже 70 *см*.

К югу от прохода располагались три многокомнатных комплекса — №№ 2, 3 и 4. Первые два были разделены проходом север — юг, позднее полностью застроенным и превращенным в ряд вспомогательных поме-

[26] Подобное же «разрастание» домов отмечается и в современных арабских деревнях Ирака: H. J. Nissen. Survey of an Abondoned Modern Village in Southern Iraq. «Sumer», XXIV. 1. 2. Badhdad. 1968, стр. 107 сл.

[27] James Mellaart. Earliest Civilizations in the Near East. London, 1965, стр. 81...; Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 273—274.

щений (при этом были заложены и выводящие в него из обоих комплексов двери). Весьма цельную картину дал комплекс № 4, созданный на позднем этапе пятого и продолжавший существовать в начале четвертого горизонта. В целом он представлял собой несколько неправильный четырехугольник размерами 7×6 *м*. Северную его часть составляли семь небольших комнат. Шесть из них расположены двумя рядами. В северный ряд входили три помещения размерами 1,25—1,50×1,10 — 1,20 *м*. Все они соединены дверями. В южном ряду также три помещения размерами 1,40 — 1,00×1,70 *м*, но лишь одно из них имеет дверь, выводящую во двор. С востока оба ряда замыкаются узкой и длинной (3,50×1,00 *м*) комнатой с печью и ступкой. Эта комната также имела выход во двор, занимавший всю южную половину комплекса (6,00×2,50 *м*). Двор был разделен на две части неполной перегородкой, а юго-восточный его угол был отделен глинобитными стенками и превращен в квадратную кладовую со стороной около 1,20 *м* (рис. 3, *2б*).

Западнее двора находилась «площадь» (7,5×3 *м*) с гипсовым покрытием, к югу от которой открыты еще пять комплексов. Четыре из них (№ 5—9, не менее 15 комнат) в результате ряда достроек вплотную придвинулись друг к другу, образовав почти слившийся массив, разделенный лишь внутренними дворами. С восточной стороны этот массив был ограничен метровым проходом, за которым жилой район продолжался. Наиболее показателен на этом участке комплекс X.

«Ядро» этого комплекса сформировалось еще в период перехода от VI к V горизонту и состояло из 10 или 12 комнат размерами (в среднем) 1,60×1,40 *м*. Печь, очевидно, находилась в разрушенной поздними сооружениями северо-западной комнате, вдвое превышавшей остальные своими размерами. Весь комплекс имел форму прямоугольника длиной (ЮВ—СЗ) — около 10 и шириной около 6 *м*. К востоку и югу от него располагались открытые участки. Однако вскоре к восточной стене здания были пристроены еще два помещения, а примыкающие к ним участки огорожены и превращены в закрытые дворики, в одном из которых была сооружена печь. Далее был огорожен большой южный двор, по сторонам которого возник ряд новых помещений, из них одно с печью. Усложнение постройки в связи с «отпочкованием» новых семей на примере этого комплекса видно весьма наглядно. Последняя — южная — пристройка сама по себе была сложным и значительным сооружением, она потребовала частичной реконструкции «ядра» комплекса, одна из основных стен которого была перемещена соответственно плану южной пристройки.

Не менее сложные сооружения со следами ряда перестроек и реконструкций открыты в шестом строительном горизонте, исследование которого пока лишь начато на ограниченном участке (рис. 3). Здесь большой интерес представляет комплекс № 15. Длина его 10 *м*, ширина до 4 *м*. Жилые помещения располагались в южной его части и представляли собой комнаты 2,50×2 *м*; в одной из таких комнат открыта печь со сводом, створ которой находился в перегородке и был выведен в смежную комнату. С севера к этой основной части комплекса был пристроен ряд хозяйственных помещений, в которых найдены скопления зернотерок, пестов, терочников, фрагментов толстостенных сосудов-хранилищ, костей животных. Особо следует отметить замыкающее комплекс с севера скопление из девяти овальных или круглых ячеек, вырубленных в слое утрамбованной глины и предназначенных для установки глиняных или гипсовых сосудов с пищевыми запасами. С востока к комплексу примыкали две пристройки с такими же ячейками (одна из них имела округлую форму диаметром около 2 *м*[28]), а с запада большие открытые дворы[29].

[28] Подобные круглые помещения известны в слое I — с Хассуны — Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 272.

[29] По предположению авторов раскопок Хассуны в такие дворы на ночь загонялся скот. Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 262.

Наиболее выразительным и хорошо сохранившимся элементом интерьера жилищ являются печи, служившие для выпечки хлеба, а также для обогрева помещений в зимний период, достаточно холодный в этой части Месопотамии. Во всех вскрытых до сего времени горизонтах встречены печи различных конструкций, но в основном двух планов: круглые и подпрямоугольные. Среди последних различаются открытые очаги с высокими стенками и печи со сводами и отвором, целиком занимающим одну из торцовых сторон. Примером последней конструкции может служить полностью сохранившаяся печь помещения № 57 (V горизонт) (рис. 2, *3*). Длина ее свыше метра, ширина 80 *см*, высота свода 30 *см*. Среди круглых сооружений различаются открытые кольцевидные очаги, тонуры с отвором сверху, и, возможно, поддувалом в боковой стенке и куполообразные же печи с боковым отвором. К числу последних относятся и большие керамические печи, сами размеры которых (до 2 *м* и более) исключают возможность верхнего отвора.

Хорошо сохранившийся тонур открыт в помещении № 86 (V горизонт, рис. 2, 4). Диаметр его 1,45 *м*, толщина стенок, 0,18 *см*, высота свода свыше 50 *см*. В нижней части стенки — отверстие (поддувало) перед ним — ямка для сброса золы. Пол печи тщательно обмазан глиной и устлан мелкими камнями (для лучшего сохранения тепла). Такую же конструкцию имела и печь, открытая в комплексе № 15 VI горизонта [30].

В целом архитектурные остатки верхних шести горизонтов Ярым-Тепе I свидетельствуют о выработанной уже планировке поселка, организации всего его пространства, а также о сравнительно высокой строительной технике и развитых навыках домостроительства. Для всех горизонтов характерны большие прямоугольные многокомнатные дома [31]. Стены домов и своды больших производственных печей сложены из блоков плотной глины. В некоторых случаях установлено регулярное расположение таких блоков и близость их размеров (пока еще для отдельных построек). Это позволяет предполагать, что в строительной технике хассунской культуры происходил процесс выработки стандарта глиняных блоков, завершившийся на позднем этапе культуры появлением сырцового кирпича. Внешние стены домов массивны, обычная их толщина 45—50 *см*. Нередко они усиливались контрфорсами, расположенными по углам и на линиях внутренних перегородок. Контрфорсы являются одним из характерных элементов хассунских и самаррских построек, позднее же они весьма распространены в шумерской архитектуре. Авторы раскопок Хассуны считают, что они не только укрепляли стену, но и служили опорами для балок плоской или низкоконьковой крыши [32]. Балки перекрывались жер-

---

[30] В Хассуне наиболее ранние печи в виде «...простого глиняного боченка, наклоненного под углом 30°» встречены в слое I в.— Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 267; в последующих слоях распространены печи со сводами, подобные печам Ярым-Тепе I. Авторы раскопок Хассуны именуют их «хлебными печами» и подчеркивают, что они «... почти не отличимы от современных арабских тонуров». Там же, стр. 262, 272, 275 и др. Подобные же печи известны на поселениях самаррской культуры. В Матарре найден открытый очаг; R. Braidwood, L. Braidwood, J. Smith and C. Leslie. Matarrah, «JNES» XI, 1. Chicago, 1952, 7; В Телль эс-Савване открыты печи со сводами, в том числе большие круглые печи для обжига керамики.

[31] Такие дома могут считаться характерными для всех поселений хассунской и самаррской культур на различных этапах их развития. В Хассуне они встречены, начиная со II слоя, в V слое дома имели по 8—9 и более комнат; Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 273 сл., рис. 31, табл. VIII, 1. До 7 комнат имели открытые до сего времени дома Матарры. R. Braidwood and oth. Matarrah., 6. Свыше 14 комнат имели большие дома нижнего слоя Телль эс-Саванна Faisal El-Wailly and Behnam Abu es Soof. The Excavations at Tell es-Sawwan. First Preliminary Report (1964). «Sumer», XXI, 1—2, 1965, 20, табл. XIX—XX; Превосходные дома, включающие до 12 комнат, открыты в Шога Мами. Joan Oates. Choga Mami 1967—1968. A Preliminary Report. «Iraq», XXXI, 1969, стр. 115 сл., табл. XXIV.

[32] Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 275.

дями, ветвями и камышевыми циновками, после чего вся крыша обмазывалась толстым слоем глины. Такая конструкция кровли безраздельно господствует в этом районе и ныне.

Полы помещений отмечены хорошо утрамбованной землей, часто с золько-угольными пятнами. В некоторых случаях полы, как и стены, покрыты слоем глиняной обмазки. А иногда встречались и более сложные конструкции полов: субструкция из мелкого камня и черепков перекрывалась камышовым настилом, который в свою очередь обмазывался глиной. Таков пол помещения № 89 (V—IV горизонты).

В одной из жилых комнат открыты примыкающие к стене глиняные скамьи (помещение № 90) [33]. Почти обязательным элементом дверных проемов были сравнительно высокие глиняные пороги, поверхность которых часто вымощена черепками крупных сосудов. Абсолютно такие же пороги отмечены в Хассуне [34].

На вскрытой до сего времени площади поселения трижды встречены погребения младенцев в жилищах. Два из них относятся к пятому горизонту: первое совершенно в ямке под дверным порогом, второе — в специально вырубленной в стене нише. В последнем случае костяк лежал в черепке большого сосуда, ниша же была заложена вторым черепком. Третье погребение принадлежало четвертому горизонту и было совершено под полом комнаты: в специальной ямке были погребены два новорожденных младенца (скорее всего двойня). Во всех случаях костяки лежали резко скорченно на правом боку головами на восток или юг. Обряд погребения младенцев под полами домов широко распространен в раннеземледельческих культурах, в том числе и в древнейших культурах Месопотамии [35].

Коллекция находок из культурного слоя Ярым-Тепе I весьма значительна. Большую ее часть составляет керамический материал, заметно пополняющий представления об этой важнейшей категории изделий хассунской культуры.

Процесс появлений древнейших глиняных сосудов в Северо-Западной Месопотамии освещен ныне материалами поселения (VII тысячелетие до н. э.). Джармо в горах Иракского Курдистана. Здесь 11 нижних докерамических горизонтов сменяются пятью верхними, содержащими весьма примитивную еще глиняную посуду [36]. Близкая картина открыта в Тепе-Гуране (Луристан) [37], а также на холме Али-Кош в Дех-Луранской долине (Юго-Западный Иран) [38]. Керамика типа Джармо найдена ныне на значительной территории, как в горах Тепе-Сараб [39], так и на примыкающих

---

[33] Такие же известны в Хассуне. Там же, стр. 274.

[34] Там же.

[35] В Хассуне, начиная со слоя 1-в. и выше, найдено более десяти детских погребений в глиняных сосудах под полами домов, среди них отмечена одна двойня. Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 263, 267—268; В Телль эс-Савване ряд детских погребений был совершен в плоских гипсовых чашах, располагавшихся в углах комнат. F. El-Wailly and Behnam Abu es-Soof. Ук. соч., стр. 24. На этом же поселении под полами построек № 1 и 2 слоя I в узких овальных могилах открыто свыше 130 скорченных костяков детей, подростков и взрослых, сопровождавшихся богатым инвентарем. Там же, стр. 23; Khalid Ahmed Al-A'dami. Excavations at Tell es-Sawwan (Second son). «Sumer», XXIV, 1—2, Baghdad, 1968. стр. 57 сл. Единичные погребения взрослых открыты и в Хассуне. Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 267, 272. Отдельные некрополи хассунской культуры до сего времени не найдены.

[36] R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. «SAOC», 31, Chicago, 1960.

[37] J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe-Guran, Luristan. Preliminary Report of the Danish Archaeological Expedition to Iran, 1963. «AAKbh». XXXIV, Coppenhagen, 1964.

[38] F. Hole, K. Flannery, J. Neely. Ук. соч.

[39] R. Braidwood. Seeking the World's First Farmers in Persian Kurdistan: A Full-Scale Investigation of Prehistoric Sites near Kermanshah. ILM. October, 22, 1960.

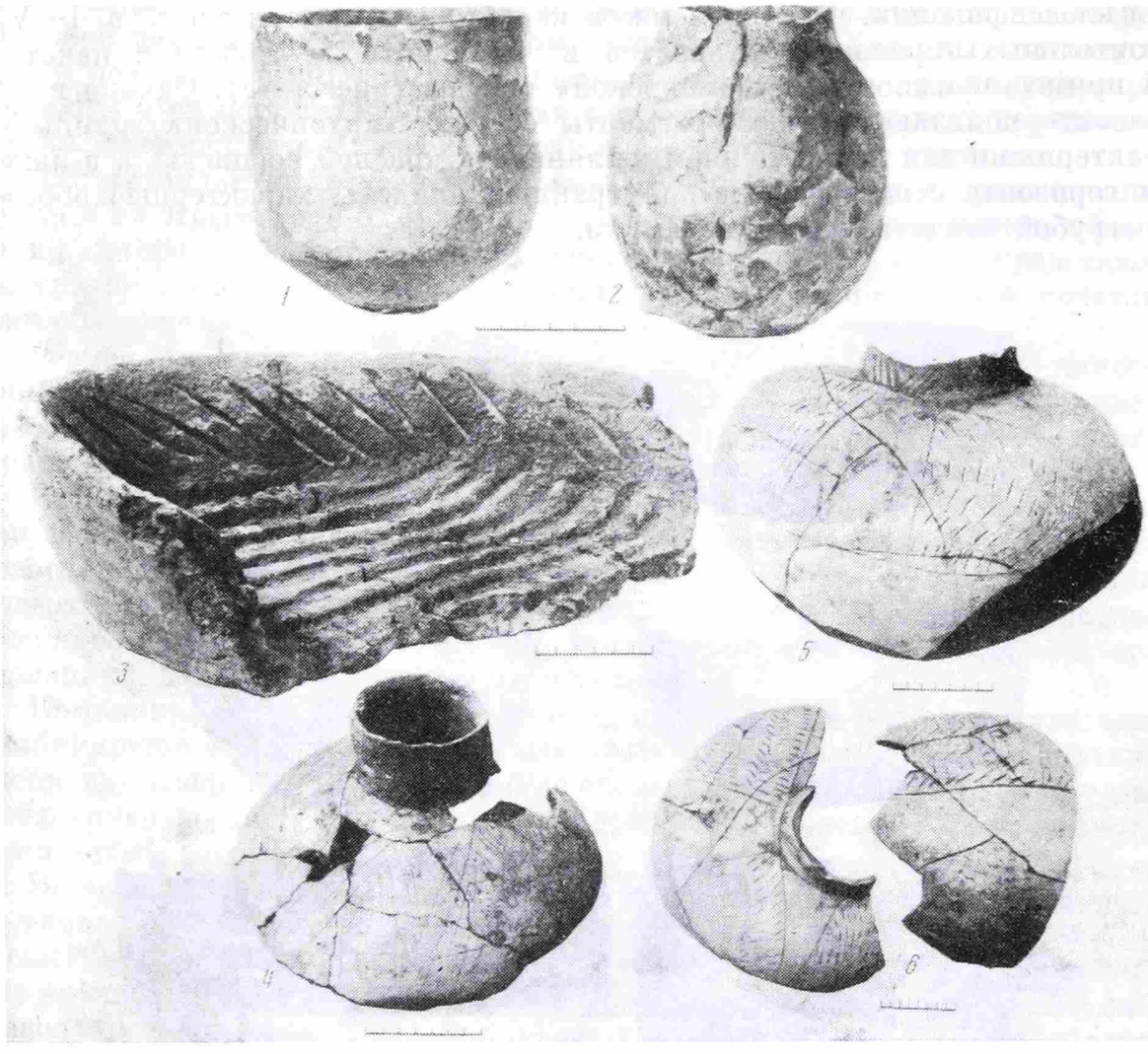


Рис. 4. Ярым-Тепе I. Глиняные сосуды

1 — грубый архаический сосуд (VII строит. горизонт); *2* — грубый круглодонный сосуд (V строит. горизонт); *3* — сосуд с реберчатым дном (III строит. горизонт); *4—6* — сосуды «стандартной Хассуны» с резным и комбинированным орнаментом (V строит. горизонт)

к ним участках долины Тамерхан [40]. Эти находки знаменуют первую ступень развития керамики в примыкающих к Месопотамии районах. Следующая ступень представлена двумя культурами: хассунской в Северной и самаррской в Центральной Месопотамии. Они позволяют говорить уже о высоко развитых и широко распространенных (теперь прежде всего в речных долинах) керамических традициях, в определенной мере связанных с традицией предшествующего этапа [41].

Впервые керамика хассунского типа открыта на дне 27-метрового зондажа на холме Куинджик в Ниневии (слои Ниневия I—II-а) [42]. Однако первая ее систематизация стала возможной лишь после исследований самой Хассуны, давшей неизмеримо больший материал. Авторы исследований выделили основные группы керамики, встреченной в различных слоях этого памятника, дав им наименования: «грубой неолитической» (слой I-а); «архаической» (слои I-в—II); «стандартной» (слои III—VI) и «самаррской» (слой III и выше) [43]. Позднее эта же классификация сохранена и детализирована в специальном исследовании Такея Даббага [44].

---

[40] Joan Oates. Prehistoric Investigations...

[41] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 51.

[42] R. S. Thompson and M. E. Mallowan. The Prehistoric Sondage of Nineveh, 1931—1932. «Annals of Archaeology and Anthropology», XX, Liverpool, 1933, стр. 127 сл.

[43] Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 261, 262, 276—283.

[44] Dr. Takey Dabbagh. Hassuna Pottery. «Sumer», XXI, 1—2, 1965, стр. 93 сл.

Материалы Ярым-Тепе I в основном подтверждают справедливость этой классификации. Основная масса керамики, открытой здесь в I—VI строительных горизонтах относится к «стандартной» группе с некоторой примесью импортной «самаррской» посуды (рис. 4—5). Однако в VI горизонте появляются уже фрагменты сосудов «архаической» группы с характерными для нее лощением и глянцевой красной росписью, а в нижнем горизонте стратиграфической траншеи найдены характерные образцы «грубой неолитической» керамики.

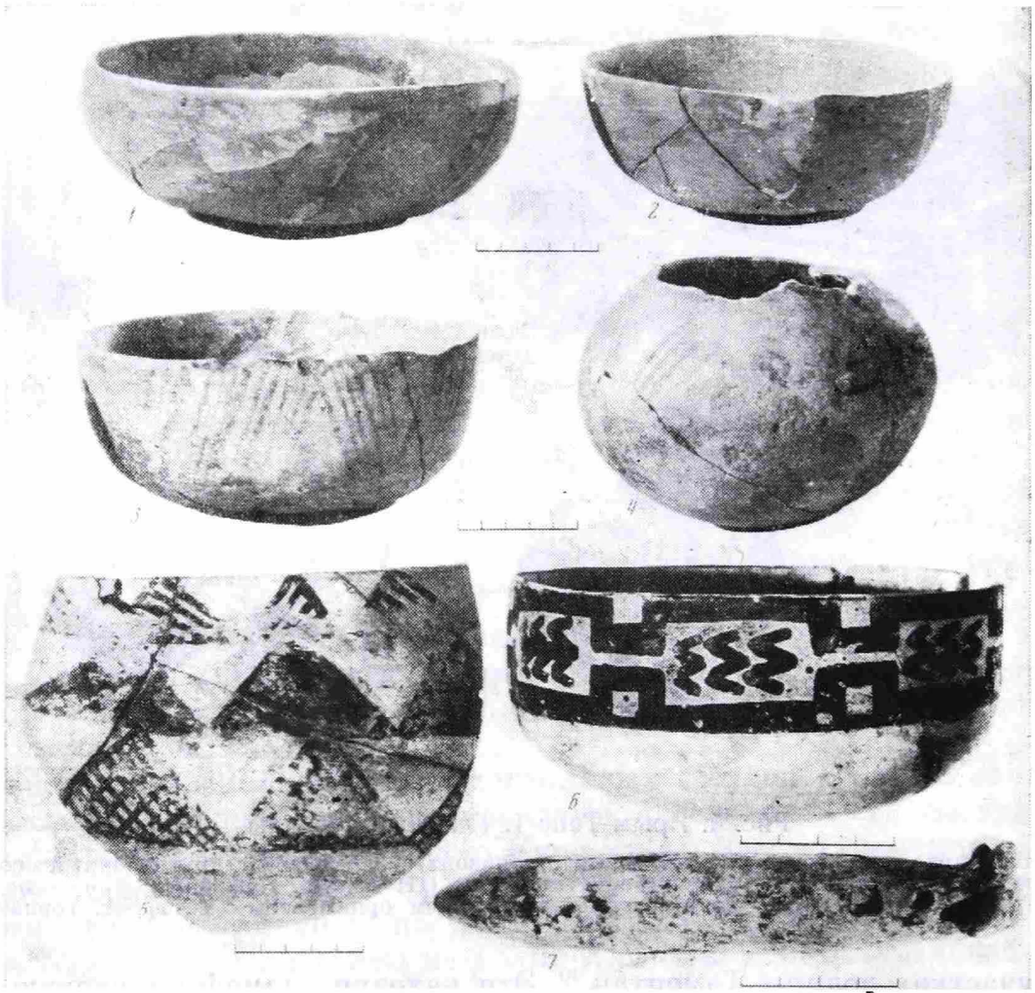


Рис. 5. Ярым-Тепе I. Глиняные сосуды и «свисток» с бараньей головкой

1—5 — сосуды «стандартной Хассуны» (V строит. горизонт); *6* — самаррская чаша — V строит. горизонт; *7* — «Свисток» с бараньей головкой (V строит. горизонт)

Что касается «стандартной» группы, то наиболее характерными для нее формами, открытыми в Ярым-Тепе I, являются следующие.

1. Открытые чаши, как плоскодонные, так и с округленным дном, прямостенные, остроребериые или полусферические, с прямым или отогнутым венчиком, иногда на поддонах [45].

2. Кувшины, плоскодонные и круглодонные, со сферическим туловом и цилиндрической или (реже) раструбовидной шейкой [46].

3. Горшки — плоскодонные и круглодонные, прямостенные или с эсовидным профилем [47], иногда очень крупные, предназначенные для хранения зерна.

4. Высокие прямостенные плоскодонные кубки [48].

---

[45] Там же, табл. I, *2—14*; табл. II, *20—22*, *24—35*.

[46] Ср. Там же. табл. IV, *53—64*.

[47] Ср. Там же, табл. I, *15*; табл. II, *36*; табл. III, *43—45*.

[48] Ср. Там же. табл. III, *42*.

Особо должны быть выделены большие грубые толстостенные «тазы» овальной формы с реберчатым дном. Исследователи Хассуны считают их своего рода веялками, употреблявшимися для очистки от шелухи зерен пшеницы и ячменя [49]. Остатки таких сосудов найдены во всех горизонтах, а в Хассуне как в «архаической», так и в «стандартной» группах.

Для «стандартной» хассунской керамики характерна и орнаментация сосудов из Ярым-Тепе I. В отличие от «архаической» керамики, оформление которой ограничивалось лощением и росписью, здесь представлены три вида орнамента: резной, расписной и комбинированный, сочетающий оба приема [50].

Резной орнамент встречен на чашах и (чаще) на кувшинах. Он нанесен тонким резцом (каменным или костяным), обычно занимает большую часть поверхности сосуда и носит геометрический характер. Мотивы его — линии, шевроны, «елочка», треугольники, заполненные косой решеткой.

Расписной орнамент встречен почти на всех формах сосудов и выполнен натуральными красками красного, розового, бордового, черно-коричневого цветов по светло-серой, кремовой или розовой ангобированной поверхности. Наиболее распространенные мотивы росписи — противостоящие группы скошенных линий, ленты, косая решетка, шевроны, треугольники, залитые краской круги и гусеницы.

Комбинированный орнамент отмечен на чашах и кувшинах. Чаще всего комбинируются резные и расписные треугольники с такими же лентами, расписная косая решетка с резной елочкой, расписные треугольники с резной штриховкой и т. д. Иногда резной орнамент на внешней стороне сосуда сочетается с расписным на внутренней.

Вплоть до VI горизонта встречается и импортная керамика самаррского типа. Формы сосудов этой группы мало отличны от хассунских, но весьма характерен орнамент: сложные, многокомпонентные геометрические композиции и стилизованные изображения скорпионов, нанесенные шоколадной или черной краской по почти белому ангобу [51]. Следует отметить находки черепков с двуцветной росписью (красной и шоколадной), представляющих значительную редкость [52]. Особую форму представляет расписной сосуд в виде двустворчатой раковины с узким горлом в центре ребра и отверстием в одном из углов. Подобный же найден в Хассуне [53].

Орудия представлены кремневыми и, чаще, обсидиановыми ножами, резцами и вкладышами для серпов, а также ступами, пестами, зернотерками и молотами из кристаллических пород камня. Из кости делались шилья, иглы, лощила, рукоятки, иногда орнаментированные; из глины — биконические пряслица и «пуля для пращи» [54]. Отметим, что пока совсем не встречались большие мотыги, столь характерные для Хассуны.

---

[49] Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 262.

[50] Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 279.

[51] Самарская керамика, открытая впервые еще в 1911 г. (E. Herzfeld. Die Ausgrabungen von Samarra. V. Die Vorgeschichtlichen Töpferein von Samarra. Berlin. 1930), вызвала длительную дискуссию. Ее причисляли к хассунскому комплексу (R. J. Braidwood et al. New Chalcolithic Material of Sammaran Type and its Implications. «JNES», III, 1944, стр. 65); считали продукцией особых групп бродячих мастеров (R. J. Braidwood. Prefactory Remarks. В кн. Seton Lloyd and Fuad Safar, стр. 258); дериватом Хассуны или прямым импортом со стороны. (Там же, стр. 382). Последнее может ныне считаться доказанным. Раскопки Телль эс-Саввана и Шога Мами доказали существование в Средней Месопотамии родственной хассунской, на определенном этапе тесно с ней контактировавшейся, но безусловно самостоятельной самаррской культуры.

[52] В Хассуне найден лишь один такой фрагмент. Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 281.

[53] Багдадский Национальный музей, № 50267.

[54] Последние особенно многочисленны. Однако назначение этих глиняных овальных предметов спорно: Ф. Сафар предполагает, что накаленные в золе они могут использоваться для нагревания воды в сосудах («pot-boilers») Seton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 267.

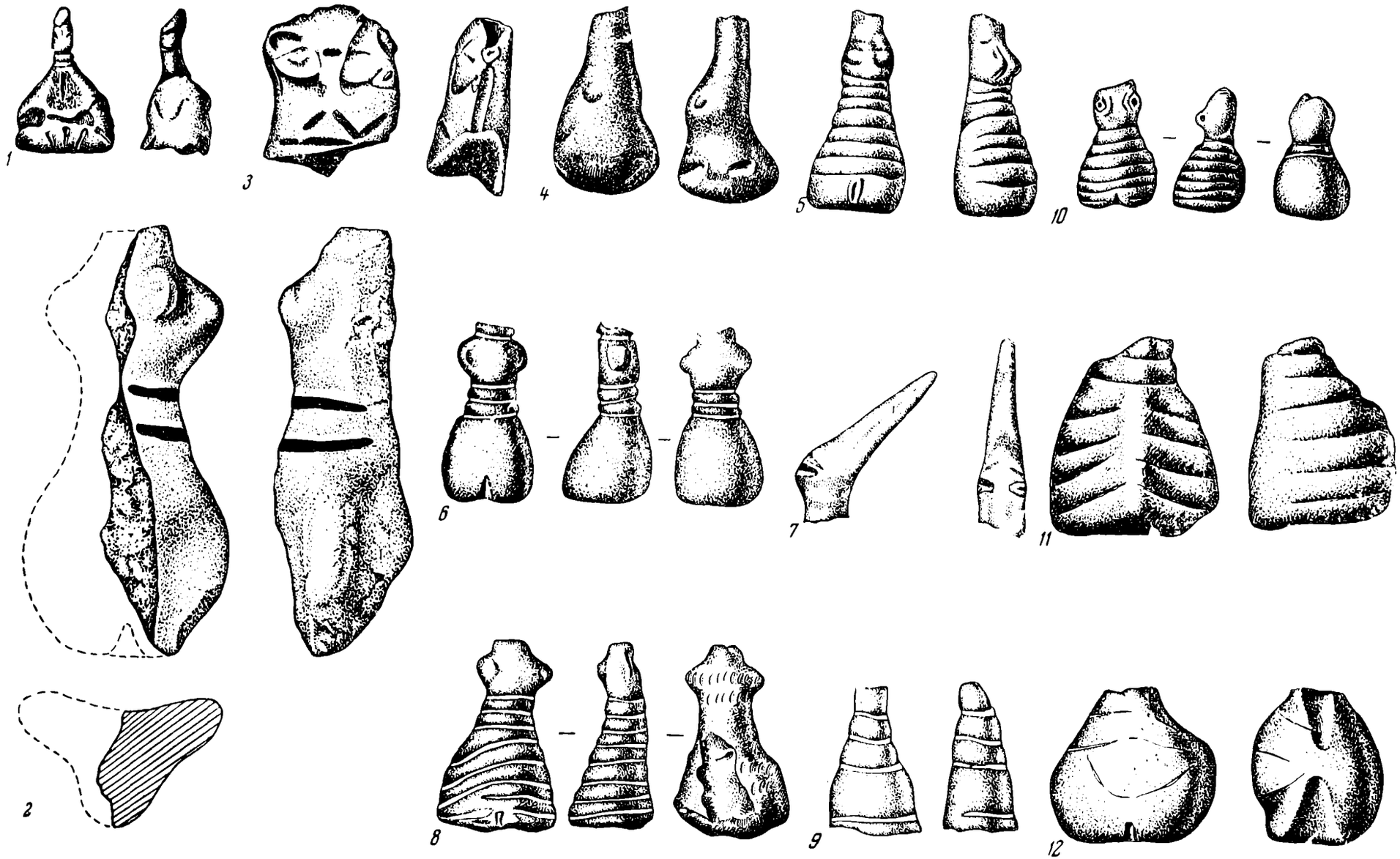


Рис. 6. Ярым-Тепе I. Глиняные хассунские статуэтки из II—V строит. горизонтов

1 — кв. 57, горизонт II, *2* — кв. 47, горизонт III; *3* — кв. 47, помещение 18, горизонт III; *4* — кв. 27, помещение 40, горизонт IV; *5* — кв. 47, помещение 91, горизонт V; *6* — кв. 37, помещение 56, горизонт V; *7* — кв. 48, горизонт V; *8* — кв. 37, помещение 54, горизонт V; *9* — кв. 37, горизонт V;

Из мелких изделий отметим находки каменных туалетных палочек, превосходных крупных бусин (плоских овальных и веретенообразных) из мрамора и халцедона [55], глиняных и каменных печатей.

Особый интерес представляет коллекция глиняных женских статуэток, включающая ныне 23 экземпляра (рис. 6). Большинство их найдено в V горизонте, где представлен четко выработанный и сравнительно единообразный тип: стоячая фигура с высокой конусообразной прической (или головным убором), длинными скошенными глазами, симметричными боковыми

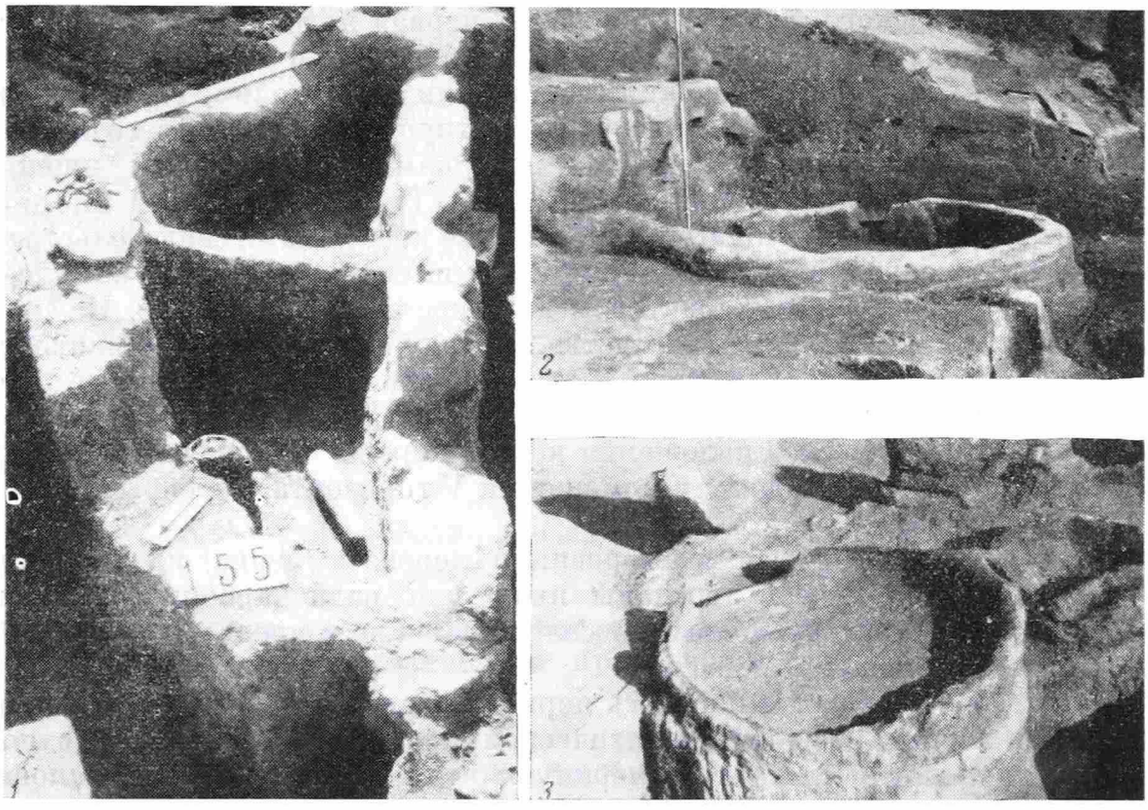


Рис. 7. Ярым-Тепе II

1 — часть круглого дома с внутренними перегородками; *2* — круглое жилище, открытое на глубине 2,5 *м*; *3* — остаток печи

выступами рук, моделированной (иногда) грудью, тонкой талией, подчеркнуто расширенными бедрами и редуцированными ногами. Статуэтки украшались резными лентами. В верхних горизонтах найдены расписная статуэтка, а также маленькая сидячая фигурка и головка статуэтки с рельефно отмеченными миндалевидными глазами [56]. У одной из статуэток рядом с глазом вмазано зерно пшеницы, что еще раз подтверждает связь всей группы с культом плодородия и образом «богини-матери».

Особый интерес представляет найденный в одном из помещений V горизонта уникальный предмет в виде вытянутой полой глиняной «сигары», один конец которой завершается острым, окрашенным охрой конусом, второй — хорошо моделированной головкой барана. В разных частях «сигары» отмечены правильные отверстия. Они позволяют предполагать использование этого изделия в качестве музыкального инструмента или свистульки.

---

[55] Такие же найдены в Хассуне. Там же, табл. XI, 1, 2.

[56] Ныне это самая большая коллекция собственно хассунской пластики: в самой Хассуне статуэток очень мало, однако многочисленные превосходные образцы их найдены в синхронных поселениях самаррской культуры — Телль эс-Савване и Шога Мами. Последние см. F. El-Wally and B. Abu es-Soof. Ук. соч., стр. 22, табл. XXVI, XXVII, XXXI; J. Oates. Choga Mami, стр. 128 сл., табл. XXV—XXX; собственно хассунская пластика см. Selton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 270, табл. XVII; B. L. Goff. Simbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven and London, 1963, стр. 53.

Вместе с тем, общая его форма свидетельствует о связи этой находки с кругом фаллических изображений и, следовательно, с тем же культом плодородия [57]. Последний символизируется в данном случае и головкой барана (рис. 5, 7).

Трижды в V горизонте встречены фрагменты крупных (длиной 25, толщиной 10 *см*) глиняных изделий с двумя или тремя отверстиями (диаметром 5,5 *см*). Подобные изделия, относимые одними исследователями к числу культовых («глаз-идол» или «символ хижины») [58], а другими — к числу хозяйственных предметов [59] были известны до сего времени лишь начиная с убейдского периода (конец V — первая половина IV тыс. до н. э.). Теперь установлено, что они появились в гораздо более раннее время.

Основу экономики поселения составляли достаточно уже развитые земледелие и скотоводство. Первое документировано прежде всего прямыми свидетельствами — многочисленными находками зерен мягкой пшеницы (Triticum aestivum G.), пшеницы Спельта (Triticum Spelta) и многорядного ячменя (Hordeum vulgare G) [60], а также косвенными свидетельствами: вкладышами серпов, ступками, зернотерками, специфическими комплексами внутри домов, общим характером долговременных поселков. Не менее определенны данные о животноводстве. Наряду с костями диких животных (газель, дикий бык, кабан, заяц и др.) найдены многочисленные кости безусловно одомашненных: козы, овцы, свиньи и, что важнее всего, коровы [61]. Стратиграфическое положение костей коровы безусловно: некоторые из них, в частности, найдены в помещении V горизонта, перекрытом полом дома IV горизонта.

Многочисленные образцы обгоревшего дерева и зерна из различных горизонтов Ярым-Тепе I переданы ныне для радиокарбонного анализа. До его завершения о хронологии поселения можно в предварительном плане сказать следующее.

Ярым-Тепе I представляет весь период развития хассунской культуры, начиная с периода «грубой неолитической керамики» [62]. В плане относительной хронологии следует подчеркнуть, что весь этот период в основном предшествует времени расцвета, а скорее всего и времени появления в этом районе халафской культуры. Последнее безусловно доказывается открытием халафского кладбища, впущенного в культурный слой Ярым-Тепе I после прекращения жизни поселка. Кладбище позволяет четко установить terminus ante quem для нашего поселения и ставит под серьезное сомнение основанное лишь на единичных радиокарбонных датах предположение о синхронности развития хассунской и халафской культур [63]. Вместе с тем, нет оснований считать, что в данном случае представлен лишь поздний вариант халафа: этому противоречит огромный, (минимум восьмиметровый) культурный слой соседнего холма Ярым-Тепе II, относящийся только к халафской культуре и представляющий ряд этапов ее развития, начиная с ранних.

---

[57] Упомянем в этой связи алебастровые фаллические изображения, неоднократно отмеченные в могилах Телль эс-Саввана. F. El-Wailly and B. Abues Soof. Ук. соч., стр. 22, табл. XXVI.

[58] M. E. G. Mallowan. Excavations at Brak and Chagar Bazar. «Iraq», IX, 1957.

[59] A. Tobler. Ук. соч., стр. 171 сл. Когда эта статья находилась уже в печати, наша экспедиция в ходе полевого сезона 1971 г. безусловно доказала, что эти находки являются остатками решеток двухэтажных керамических печей.

[60] Определение З. В. Янушевича и Л. В. Прищепенко.

[61] В поле остеологический материал осмотрен посетившим наши раскопки венгерским археологом Ш. Бёкини. В дальнейшем он исследован и определен известным советским палеобиологом покойным проф. В. И. Цалкиным.

[62] С. Ллойд и Ф. Сафар считали, что этот период не связан с хассунской культурой и поселение нижнего слоя Хассуны (I-а) принадлежало другой группе населения. Р. Брейдвуд сомневался в справедливости такого заключения (Selton Lloyd and Fuad Safar. Ук. соч., стр. 258) и писал о единой линии развития и едином населении, что подтверждается и материалами Ярым-Тепе I.

[63] Peder Mortensen. Tell Shimshara. The Hassuna period. Kobenhaven, 1970, стр. 137, рис. 120.

Что касается нижней хронологической границы хассунской культуры, то ее обычно связывают с концом предшествующей культуры Джармо. Такое заключение в целом представляется справедливым, хотя основано оно лишь на типологических и общестадиальных данных. Прямых стратиграфических показателей здесь нет. Стратиграфия поселения Телль-Шимшара в верховьях Малого Заба, в которой усматривалась первоначально смена джармосского слоя хассунским [64], была пересмотрена П. Мортенсеном, показавшим принадлежность обоих слоев Хассунской культуре [65].

Общее хронологическое положение нашего комплекса и хассунской культуры в целом определяется типологическими соответствиями с неолитическими и раннехалколитическими поселениями обширной территории Восточного Средиземноморья (Иерихон IX, Мегиддо XX, Рас-Шамра IV A—B, Амук A—B, Кархемиш); Южной Турции (Мерсин XXIV—XX; Сакча-Гезу), Северной и Центральной Месопотамии, Юго-Западного Ирана (фазы Мохаммед Джафар и Сабз). Абсолютная хронология этого горизонта намечена с помощью немногочисленных пока радиокарбонных дат. Приведем такие даты, касающиеся только поселений хассунской и самаррской культур:

для конца ранней фазы Хассуны:

W — 623 — Матарра: 5610 ± 250 до н. э.
P— 855 — Телль эс-Савван I: 5506 ± 73 до н. э.;

для поздней фазы:

P — 856 — Телль эс-Савван III — 5349 ± 86 до н. э.
W — 660 — Хассуна V — 5080 ± 200 до н. э. [66]

Как эти даты, так и приведенные соответствия [67] позволяют считать, что хассунская культура развивалась на протяжении всего VI тысячелетия до н. э.

* * *

Типичное халафское кладбище, впущенное в слой Ярым-Тепе I, интересно прежде всего тем, что ряд погребений его был совершен в катакомбах, которые могут считаться древнейшими погребальными сооружениями этого типа, известными до сего времени. Кладбище было оставлено жителями халафского поселения, остатки которого образовали соседний холм Ярым-Тепе II.

На Ярым-Тепе II, находящемся примерно в 200 *м* к западу от Ярым-Тепе I, сохранилась лишь западная половина холма, остальная часть его смыта протоком ручья Джубара-дяряси (откуда и название Ярым-Тепе, т. е. половина холма). Холм в древности имел, видимо, округлую в плане форму, достигая в диаметре 100—140 *м* при высоте почти 9 *м*. В настоящее время его размеры следующие: длина (С-В) 120 *м*, ширина 25—40 *м*.

С целью установления характера и толщины культурных отложений в центральной, наиболее высокой части холма в 1969 г. была заложена нами разведочная стратиграфическая траншея, которая была спущена от верхнего края холма до уровня ручья. В результате выяснено, что культурный слой на поселении достигает 8 *м* толщины, причем весь он насыщен материалами единой — халафской культуры.

---

[64] Harald Ingholt. The Danish Dokan Expedition. «Sumer», XIII, 1957, стр. 215 сл.; В. М. Массон. Ук. соч., стр. 46.

[65] Peder Mortensen. Ук. соч., стр. 126 сл.

[66] Там же, стр. 136. Пять других дат образцов из Телль эс-Саввана и Телль-Шимшары П. Мортенсен считает недостоверными в связи со спецификой самих образцов.

[67] Показательны в этой связи даты фазы Мохаммад Джафар (Юго-Западный Иран): 5270 и 5870 до н. э. F. Hole, K. Flannery, J. Neely, стр. 334.

Халафская культура — одна из самых ярких раннеземледельческих культур Старого Света. Свое название получила по поселению Телль-Халаф, расположенному в Сирии и исследованному почти 40 лет назад М. Оппенгеймом [68]. В настоящее время уже исследовано значительное количество халафских памятников. Устанавливается, что ареал этой культуры охватывал всю Северную Месопотамию (северные районы Ирака и Сирии и юго-восточная часть Турции). Влияние же ее распространялось довольно активно как в западном направлении (включая Палестину) [69], так и в восточном (халафская керамика есть не только в районе оз. Ван [70], но даже в Закавказье [71]). В настоящее время более или менее четко выделяются две группы памятников халафской культуры — западная, включающая поселения Телль-Халаф, Брак и Чагар-Базар [72] и другие, и восточная, характеризуемая поселениями Телль-Арпачия [73], Тепе-Гавра [74] и т. д. Ни одно из этих поселений до сих пор полностью не раскопано. Наиболее исследованным же памятником халафской культуры является пока Телль-Арпачия на окраине г. Мосула. Следует подчеркнуть, что до сих пор не решены еще многие существенные вопросы, связанные с халафской культурой, в частности проблема ее происхождения и генезиса, вопрос о соотношении отмеченных групп халафских памятников и т. д. и т. п. [75]. В этой связи как раз и представляют особый интерес начатые нашей экспедицией раскопки поселения Ярым-Тепе II, как комплекса, занимающего промежуточное положение между западной и восточной группами халафских памятников. Исходя из этого экспедиция приступила в 1970 г. к стационарному исследованию поселения Ярым-Тепе II.

Здесь, на участках, примыкающих к разведочной траншее, в 1969 г. был заложен раскоп площадью около 400 *м*^{2}. Раскопки показали, что верхние горизонты поселения сильно разрушены как в результате сооружения многочисленных могил (вскрыто около 30 погребений), так и рытья значительного числа ям, по-видимому, хозяйственного назначения. Последних открыто до десяти, они были вырыты главным образом, вероятно, в ассирийскую эпоху. В результате, по крайней мере, два верхних слоя поселения Ярым-Тепе II оказались почти целиком уничтоженными. От самого верхнего, т. е. первого слоя на отдельных участках исследованной площади поселения сохранились отдельные части пола в виде довольно ровных хорошо утрамбованных площадок толщиной до 5 *см*.

Следующий жилой уровень или условно второй строительный горизонт поселения прослежен на глубине 0.50—0.80 *м*. Здесь на многих участках сохранились остатки наслоившихся друг на друга полов. Более того, на участке 23-в расчищена и часть стенки глинобитного жилища. Последняя, судя по дугообразной форме сохранившейся части стены, имело ок-

---

[68] Max Oppenhaim. Tell Halaf. Berlin, 1943.

[69] G. Kaplan. The Relation on the Chalcolitic Pottery of Palestine to Halafian Ware. «American Schools of Orient Research Bull». Jerusalem, 1960, Oct., 159, стр. 32—36; R. J. Braidwood and Linda S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch, Chicago, 1960; J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток.

[70] E. B. Reilly. Jest Excavations at Tilki Tepe (1937). Turk Tarih arkeologya ve etnografya dergisi. IV, Istanbul, 1940.

[71] Типичный халафский горшок найден, например, в Нахичеванском Кюль-Тепе О. А. Абибуллаевым. Выставлен в экспозиции музея истории Азербайджана (Баку).

[72] M. E. L. Mallowan. Excavations at Brak and Chagar Bazar, «Iraq», IX, London, 1947.

[73] M. E. L. Mallowan and Y. C. Rose. Excavations at Tall Arpachiyah. «Iraq», II, London, 1935. табл. 1.

[74] Arthur Tobler. Excavations at Tepe Gavra. 2, Philadelphia, 1950.

[75] См., например, такие общие работы, как Ann Louise Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957; James Mellaart. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, стр. 15—20, и др.

круглую в плане форму. По всей вероятности, с этим жилищем связан и обнаруженный рядом подпяточный камень.

Хотя и третий строительный горизонт оказался в сильной степени разрушенным, тем не менее в нем сохранились многочисленные остатки не только полов, но и отдельных жилищ, с примыкающими к ним подсобными пристройками и очажных сооружений. Они зафиксированы на глубине в среднем от 1,10— 1,20 *м* до 1,50 *м*. Еще два слоя раскопаны на глубине от 1,70 до 2,80 *м*. В результате мы получили данные для изучения вопросов техники и формы домостроительства у обитателей данного поселка и в целом у племен халафской культуры, а также большое количество разнообразного археологического материала.

Остановимся кратко на домостроительстве у населения Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э. по материалам раскопок Ярым-Тепе II. Поселение Ярым-Тепе II не имело четкой планировки и отличалось плотной застройкой, как и другие известные халафские поселения, в частности, например, Телль-Арпачия в г. Мосуле [76]. Почти все открытые здесь жилища представляют собой однокомнатные, круглые в плане дома в виде толоса, диаметром 3—4 *м* (рис. 7, *1*, *2*). Из раскопанных на Ярым-Тепе II жилых помещений лучше остальных сохранился толос, вскрытый на участке 23-в, на глубине 1,20—2,05 *м*. Он имел в диаметре 4,5 *м*. Стены его, сохранившиеся на высоту не менее 0,80 *м*, достигали в толщину в среднем 25 *см*. Последние были местами укреплены специальными подпорками. В помещении оказались два дверных проема шириной 0,60—0,85 *м*: один в северо-западной части, а другой в противоположной. Видимо, второй был устроен первоначально, а затем он был заложен и в северо-западной части толоса пробили новую дверь. У одной из дверей, кстати, сохранился in situ и подпяточный камень. На разных уровнях дома расчищены полы. Для обмазки полов была использована особая плотная глина и гипс. Любопытно отметить, что в северной части стены этого дома была сделана ниша прямоугольной формы высотой 55 *см*, шириной 40 *см* и глубиной 20 *см*.

Остатки крайне интересного круглопланного помещения, сохранившегося, к сожалению, неполностью, вскрыты и на соседнем участке. Собственно, последнее вплотную примыкало с южной стороны к вышеописанному толосу. Оно было построено несколько позже последнего. Это помещение специальной глинобитной стеной — перегородкой — было разделено на два неравных по размерам отделения. Меньшее отделение, в свою очередь, делилось на два отсека (рис. 7, *1*), которые несомненно использовались для хозяйственных целей и, в частности, для хранения, видимо, продуктов. Интересно, что в них кроме больших раздавленных глиняных сосудов, крупного каменного песта и других предметов обнаружены в значительном количестве и обуглившиеся зерна злаковых. Подсобные помещения, которые имели как круглую, так и прямоугольную форму и обычно примыкали к жилым постройкам, отличались от последних небольшими размерами. Например, одно из таких круглых помещений, вскрытое на участке 28-а, имело в диаметре 1,5 *м*.

В настоящее время на Ярым-Тепе II открыты остатки около 20 жилых и хозяйственных круглых толосообразных построек. До наших же раскопок в поселениях халафской культуры было раскопано примерно столько же круглых домов, в том числе 10 в Телль-Арпачии [77], одно в Тепе-Гавре [78], два в Нузи [79] и несколько в Юнусе близ Кархемиша [80]. И если до сих пор не было твердой уверенности в том, что они служили жилищами, то теперь сомнений на этот счет быть не может. На Ярым-Тепе II, как ви-

---

[76] M. E. L. Mallowan and I. C. Rose. Ук. соч.
[77] Там же.
[78] A. Tobler. Ук. соч.
[79] R. Starr, Nuzi. Cambridge — Massachusetts, 1939.
[80] James Mellaart. The Chalcolithic and Bronze Age..., рис. 4.

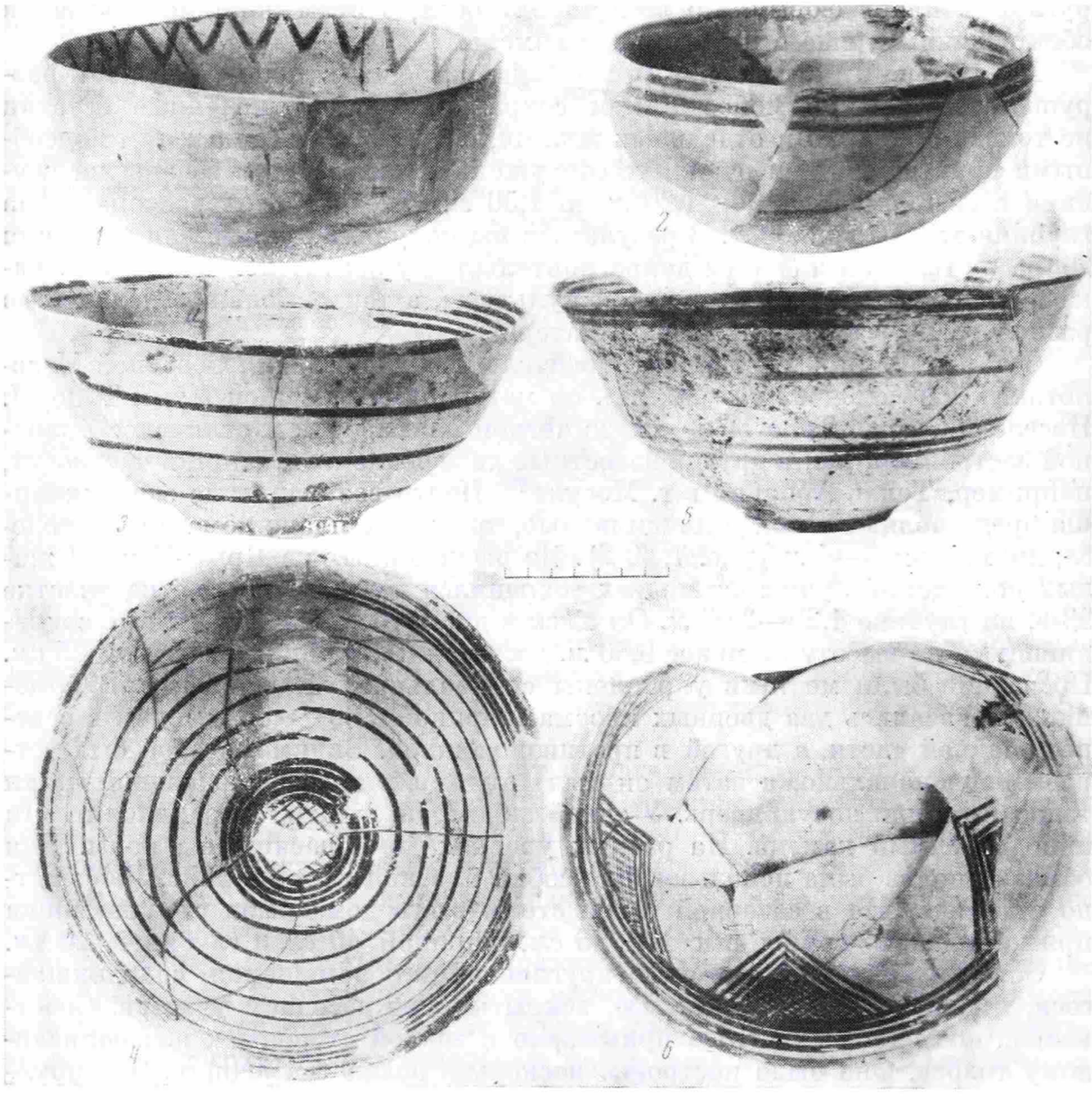


Рис. 8. Глиняные расписные миски из Ярым-Тепе II

дим, они составляют по существу единственный тип жилой постройки. Важно, что в некоторых из них открыты очаги. Общий же вывод, который можно сейчас уверенно сделать, следует сформулировать так: круглые в плане глинобитные постройки [81] являются характерной формой жилой архитектуры населения Северной Месопотамии в V тыс. до н. э. Эта архитектура по форме резко отлична от той, которая, как мы отметили выше, характерна для поселения Ярым-Тепе I или, другими словами, для населения данного края предшествующей эпохи [82].

Как показывают археологические данные и, в частности полученные на Ярым-Тепе II, общее культурно-историческое развитие Северной Месопотамии в халафское время характеризуется не только изменением формы домостроительства, более широким развитием земледельческо-скотоводческого хозяйства и увеличением численности населения, но и появлением в материальной культуре новых элементов. Не ставя в настоящей статье перед собой задачу установить причины, вызвавшие такие заметные перемены в общем развитии Северной Месопотамии на заре эпохи металла,

[81] В Телль-Арпачии открыты каменные толосы с примыкающими к ним прямоугольными помещениями.

[82] Мы сознательно не затрагиваем здесь вопроса о происхождении круглопланной жилой архитектуры. Это большой и специальный вопрос.

Рис. 9. Ярым-Тепе II. Образцы халафской расписной керамики

нам, тем не менее, хочется обратить здесь внимание на такой любопытный факт.

Новейшими археологическими исследованиями в Закавказье устанавливается, что примерно в эту же эпоху в междуречье Куры и Аракса основным типом жилой архитектуры становятся круглые глинобитные постройки типа толоса. Не связаны ли эти явления между собой? Необходимо иметь в виду при этом, что в Закавказье появляются тогда же примерно и импортные образцы характерной расписной керамики халафской культуры. Таким образом, в результате работ Советской экспедиции в Месопотамии открывается, кроме того, возможность постановки и решения интереснейших вопросов, связанных с мало изученной проблемой о культурно-исторических связях Древнего Востока и Кавказа в эпоху возникновения и развития раннеземледельческих культур.

Здесь наряду с жилыми и хозяйственными постройками открыто значительное количество печей. Они находились, как отмечалось выше, иногда в самих жилищах, но чаще рядом с ними. В северо-восточной части раскопа выявлена группа печей, компактно расположенных. Все печи глиняные, надземные, круглые в плане, типа тонура (рис. 7, *3*). В среднем диаметр их в основании достигает около 0,80 *м*.

Одним из самых значительных результатов раскопок этого памятника является, пожалуй, открытие остатков большого общественного здания, имевшего, по-видимому, культовый характер. Раскопки его еще не завершены. В южной половине раскопа выявлена массивная глинобитная стена

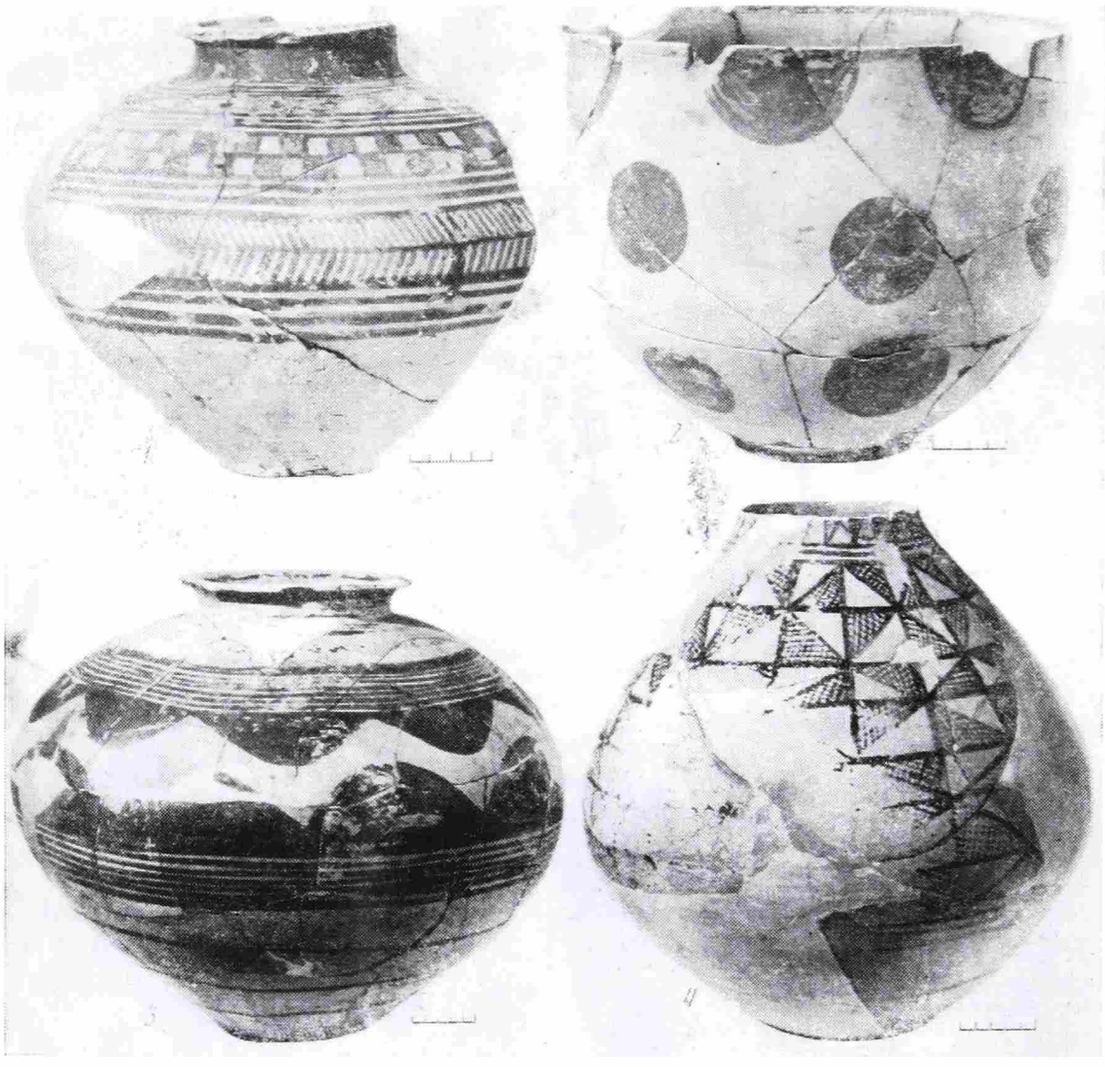


Рис. 10. Расписные сосуды халафской культуры из Ярым-Тепе II

протяженностью около 7 *м*, укрепленная местами контрфорсами. К ней примыкают прямоугольные помещения различных размеров. Обращает внимание отсутствие в этих помещениях и в целом вокруг здания остатков хозяйственно-бытовых предметов — керамики, орудий труда, а также костей животных.

Известно, что такие здания-святилища появляются именно в пору развития раннеземледельческих культур [83]. Но на территории Ирака до сих пор в памятниках V тысячелетия до н. э. они открыты не были. Да и вообще до сего времени лишь в одном поселении халафской культуры открыто святилище. Речь идет о поселении Телль-Асвад в Северной Сирии. Здесь раскопаны остатки прямоугольного здания площадью 6,25×5,1 *м*, состоящего из нескольких помещений и сложенного из сырца. М. Маллован не без основания считает его храмом [84].

Раскопками Ярым-Тепе II добыт огромный археологический материал. В нем, в частности, представлены каменные и обсидиановые орудия труда (серповые вкладыши, зернотерки, терочники, песты), отражающие весь земледельческий процесс — от жатвы до переработки продуктов земледелия. Обнаружено и значительное количество обуглившегося зерна, которое передано специалистам на определение и изучение. Собран большой остеологический материал.

---

[83] James Mellaart. Earliest Civilizations in the Near East, London, 1965.

[84] M. E. L. Mallowan. Excavations in the Balich Valley, «Iraq», VIII; Twenty Five Years of Mesopotamian Discovery (1932—1956), London, 1956, стр. 39—40, рис. 16.

По заключению проф. В. И. Цалкина, изучившего костные остатки из раскопок 1969 г. в стаде обитателей поселка Ярым-Тепе II были представлены все основные виды домашних животных (корова, бык, овца, коза, свинья и др.).

Кроме предметов из камня (топоров, зернотерок, пестов, разнообразных сосудиков, отдельных украшений в виде подвесок), различных костяных изделий—шильев, проколок и т. д. при раскопках Ярым-Тепе II обнаружена значительная коллекция халафской керамики. Такой большой и разнообразной коллекции пока не получено ни на одном из исследованных памятников халафской культуры. Интерес к ней обусловлен тем обстоятельством, что это самая лучшая и яркая в художественном отношении керамика, известная до сих пор из раннеземледельческих памятников Старого и Нового Света.

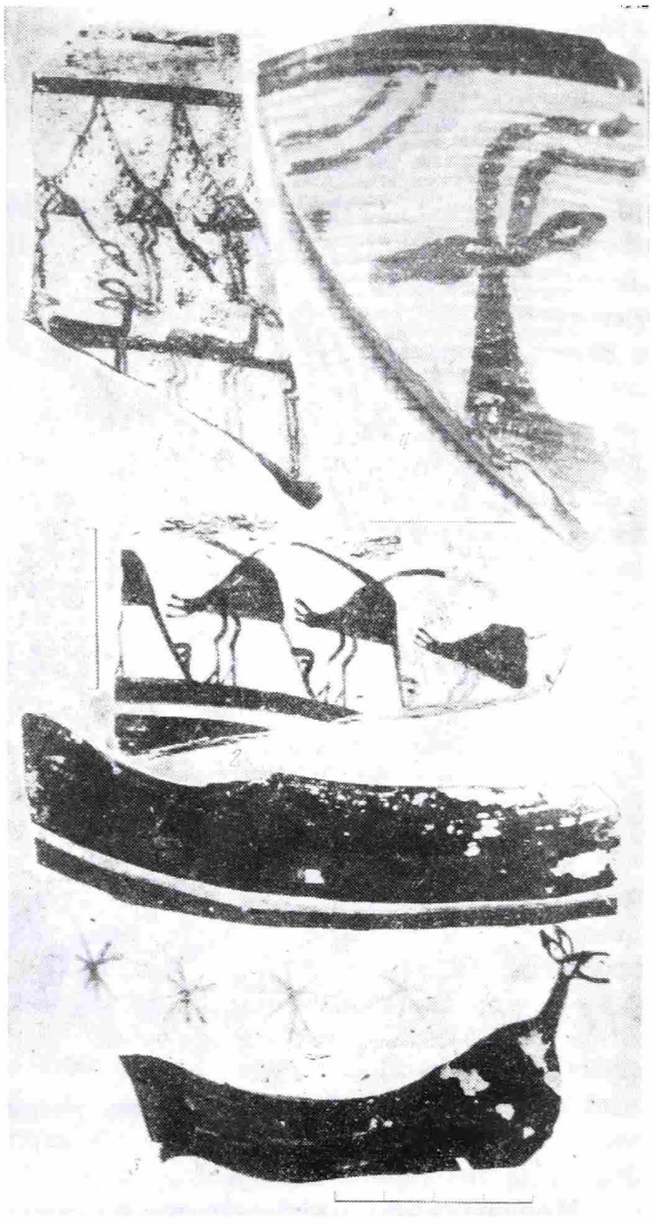


Рис. 11. Ярым-Тепе II

1 — обломок чаши с изображением коз; *2* — обломок расписного сосуда с изображением лани; *3* — обломок брошки с изображением стаи птиц; *4* — фрагмент сосуда с изображением сцены нападения птиц на оленей

В керамике из Ярым-Тепе II представлены все известные формы халафской глиняной посуды. Она отличается и общими для всей халафской керамики технологическими особенностями[85]. Вся посуда лепная, часто покрытая ангобом и залощенная. В глине имеются примеси дресвы, песка, раковин и т. д. Она делится на две большие группы: расписную и простую, гладкую. Первая группа, особенно сосуды малых форм, изготовлены значительно лучше, среди них имеются тонкостенные высококачественные сосудики. Характерной особенностью халафской посуды следует считать отсутствие ручек.

Наиболее распространенными формами являются миски и чаши (рис. 8, *1—6*; рис. 9, *1—4*) и разнообразные горшки, обычно с округлым туловом и невысоким прямым венчиком (рис. 9, *6*; 10, *1*). Много и больших сосудов, достигающих до 50 *см* и более высоты. Некоторые из них удалось полностью восстановить. Они грушевидной (рис. 10, *4*) и главным образом шаровидной формы (рис. 10, *3*). Кстати, среди образцов керамики халафской культуры из других памятников, нам такие сосуды неизвестны. Как видим, эти большие сосуды целиком расписаны — от края венчика до днища. Надо сказать, что в Ярым-Тепе II весьма часто встречаются глиняные толстостенные сосуды овальной формы в виде небольшого таза с вертикальными стенками. Они в основном груболепные, лишь отдельные из них украшены росписью (рис. 9, *5*).

---

[85] Takey Dabbagh. Halaf Pottery. «Sumer», XXII, Baghdad, 1966, стр. 23—43.

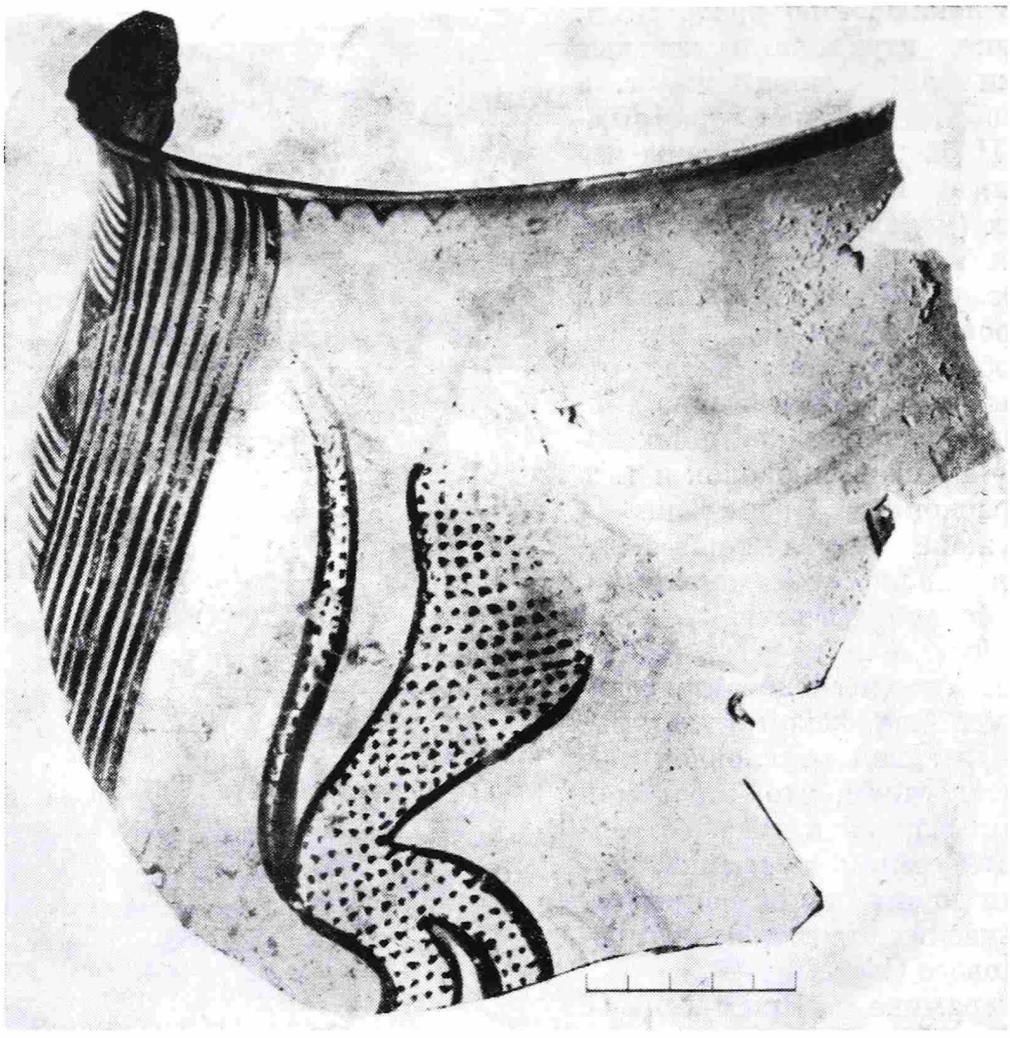


Рис. 12. Ярым-Тепе II. Обломок расписного сосуда с изображением леопарда

Чрезвычайно привлекательна халафская расписная керамика, богато представленная и в Ярым-Тепе II. Она в основном монохромная, но немало и бихромной, а также полихромной расписной посуды. Обычно миски и чаши покрыты росписью с наружной и внутренней стороны. Цвет росписи преимущественно красный и коричневый различной тональности.

Сейчас уже насчитывается более 350 различных узоров на халафской посуде [86]. Преобладают различные геометрические узоры — простые, заштрихованные треугольники и ромбы, прямые и волнистые линии, зигзаги и т. д. и т. п. Имеются также изображения в виде шахматной сетки, четырехлепестковой фигуры, мальтийского креста, широко представлен мотив букрании. Из находок в Ярым-Тепе II, кроме того, представляют интерес фрагмент чаши с изображением черной краской стаи водоплавающих птиц (рис. 11, *3*), обломки сосудов с реалистически выполненными рисунками коз и оленей (рис. 11, *2*, *4*,) и даже целых сцен нападения хищных птиц на оленей (рис. 11, *1*). Аналогичные мотивы росписи, в частности, встречены и на посуде самого Телль-Халафа [87].

Уникальным следует признать роспись на одном горшке, на светло-желтоватой, внешней поверхности которого коричневой краской изображены шары (рис. 10, *2*). Обращает на себя внимание и обломок большого сосуда, на светлом фоне которого темнокоричневой краской изображен весьма реалистически леопард в геральдической позе (рис. 12). Такое изображение до сих пор не было встречено на халафской керамике.

---

[86] Там же, табл. XIV—XXIX.
[87] M. Oppenheim. Ук. соч.

Ввиду того, что вскрыты лишь верхние горизонты поселения Ярым-Тепе II, да и то не на всей сохранившейся площади, мы сознательно не делаем в этой статье подробного сравнительного анализа обнаруженной нами керамики и вытекающих из этого выводов. Сейчас можно более или менее уверенно говорить о том, что поселение Ярым-Тепе II по ряду признаков тяготеет к западной группе памятников халафской культуры, обнаруживая при этом и много общего с Телль-Арпачией и другими поселениями восточной группы Халафа. Вместе с тем здесь уже встречены, в частности, такие формы керамики и мотивы росписи, которые отсутствуют в памятниках как той, так и другой групп. Отсюда возникает вопрос об особом месте поселения Ярым-Тепе II в кругу памятников халафской культуры, дата которой определяется сейчас в пределах V тыс. до н. э.[88]

Учитывая важное значение рассмотренных памятников с точки зрения изучения культурно-исторического развития Северной Месопотамии в VI—V тыс. до н. э. и решения ряда общих и частных вопросов, Советская экспедиция ставит целью максимально широко исследовать поселения Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II.

N. Ya. Merperte, R. M. Mountchaev

«SITES DES AGRICULTEURS ANCIENS DANS LA MÉSOPOTAMIE SEPTENTRIONALE»

(D'après les matériaux de fouilles d'une expédition soviétique»)

Résumé

En 1969 une expédition soviétique archéologique entama les recherches de grande envergure des monuments se rapportant aux agriculteurs les plus anciens de la Mésopotamie. Deux tells du groupe de Yarym-tépé dans la vallée de Sinjar (la partie nord-ouest de l'Irak) furent les objets essentiels des fouilles. Le premier tell Yarym — Tépé I dont le diamètre mesure 100 m et la couche archeologique 6 m appartient à la culture d'Hassuna (le VIe millénaire avant notre ère). Dans la couche sont mises en évidence 8 niveaux. Au cours des travaux qui durèrent 2 périodes les 6 niveaux supérieurs furent découverts sur une surface étendue (à peu près 1100 m²). On retrouva plusieurs constructions en pise (adobe) à usage d'habitation et de ménage qui comptaient plus de 150 pièces. Sont définis les élements d'une implantation planifiée et de l'organisation de l'agglomération (les passages entre les constructions étaient recouverts de gypse). On découvrit sous les planchers des maisons les sépultures de petits enfants. La plupart d'objets en céramique peuvent être classés au type de céramique «Standard» d'Hassuna, mais on retrouve également la céramique de culture de Samarra. Les outils sont faits de silex, obsidienne, os et argile. Sont misent au jour les cachets en argile et en pierre, objets de parure et de toilette. Une collection comportant 23 statuettes de femmes faites d'argile revêt d'un intérêt particulier. On trouva les grains de blé de deux espèces et d'orge, les os d'animaux domestiques (chèvres, brebis, cochons et vaches). Une fois la vie de l'agglomération éteinte, une nécropole appartenant aux habitans d'un nouveau site de culture d'Halaf (le Ve millénaire avant notre ére) apparut. Ses vestiges firent l'objet des recherches sur la colline voisine Yarym-tépé II (diamètre — 125 m, couche archeologique — 8 m) comportant au moins 7 niveaux. Dans tous les niveaux sont fouillés les tholoi, maisons en pise de forme circulaire. Outre cela, dans des niveaux supérieurs on trouva les vestiges d'une construction massive rectangulaire de caractère cultuel. Parmi les trouvailles attirent le plus d'attention les spécimens magnifiques de la céramique de culture de Halaf décorés de peintures monochromes et polychromes. Les motifs des peintures sont de caractère géométrique. Mais il y en a aussi plusieurs qui comportent les images des oiseaux, cerfs, léopards. On découvrit des récipients et objets de pierre, statuettes et parures d'argile et de pierre. Les sépultures de la culture d'Halaf sont trouvées non seulement à la nécropole précitée mais aussi sur le territoire de l'agglomération et à ses alentours.

On prévoit à continuer les fouilles de ces deux sites.

[88] См. в сборнике «Chronologies in Old World Archaeology» (Chicago — London, 1965) статьи П. Я. Ватсона и Э. Парады.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

КАРАСУКСКИЙ МОГИЛЬНИК ХАРА ХАЯ

В 1958—1959 гг. в Хакасии, на правом берегу реки Аскиза, левого притока р. Абакан, нами в могильнике Хара хая было раскопано девять могил карасукской культуры[1]. Могильник этот расположен между скалой Хара хая, сопкой Кизик тигей и железной дорогой на перегоне ст. Аскиз — ст. Казановка. Местность здесь повышается от железной дороги на юг до сопки Кизик тигей. Между сопкой и скальным фронтом Хара хая расстояние 0,5 *км*. Посредине оно разделено лощиной. Здесь на скате возвышения от лощины к скале Хара хая, в 200 *м* от нее к юго-западу и находится большой карасукский могильник (свыше 100 могил), растянувшийся с юга на север по сильно развеянной ветрами гриве. В результате постоянного выпаса скота, развеянности дернового слоя и смыва земли дождевыми водами, большинство каменных оградок могильника разрушено. Сохранились только каменные ящики, вкопанные в грунт (рис. 1). В 1958 г. нами раскопано семь карасукских могил. Все они были ограблены еще в древности.

Могила № 1 расположена на выдуве. Оградка не сохранилась. Стенки каменного ящика выступали на поверхности почвы до 5 *см*. После снятия дерна сверху в ящике оказались две каменные плиты от покрытия (размерами 0,9×0,45 и 0,3×0,3 *м*) и обломки других плиток. Ящик был вытянут с востока — северо-востока 60° на запад — юго-запад 240°. Стенки его, составленные из восьми больших и малых плиток девонского песчаника (толщина их от 2 до 4 *см*), были неравными, и ящик имел трапециевидную в плане форму. Длина продольных стенок 1,8 и 1,7 *м*, а поперечных 0,7 и 0,88 *м*. Глубина ящика 0,58 *м*. Средний размер внутри 1,7×0,75 *м*.

В нетронутом положении обнаружены кости левой ноги взрослого человека, лежащие на боку (согнутого) в восточном — северо-восточном конце ящика (рис. 2, *1*). Судя по расположению ноги, первоначально захороненный лежал на левом боку скорченно, головой на запад — юго-запад. Остальные кости погребенного найдены в беспорядке, черепа человека не оказалось. У северо-западной стенки обнаружены остатки мясной пищи: ребра, лопатка и бедро коровы[2].

В восточном углу в засыпке ямы, на глубине 10 *см*, найден кремневый наконечник стрелы с обломанным насадом (находка № 1). Так как ящики первоначально землей не засыпались, а земля находилась только сверху на покрытии из плит, то наконечник этот (рис. 3, *3*) относится к инвентарю разграбленной могилы, а не попал сюда случайно. У ступни ноги, на глубине 0,5 *м*, обнаружены четыре выпукло-вогнутые полусферические бляшки из бронзы (находка № 2, рис. 3, *2*). На уровне предпо-

[1] Л. Р. Кызласов. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. «Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ», 8, Абакан, 1960; его же. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года. «Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ», 9, Абакан, 1963.

[2] Крупного рогатого скота. Определение костей принадлежит В. И. Цалкину.

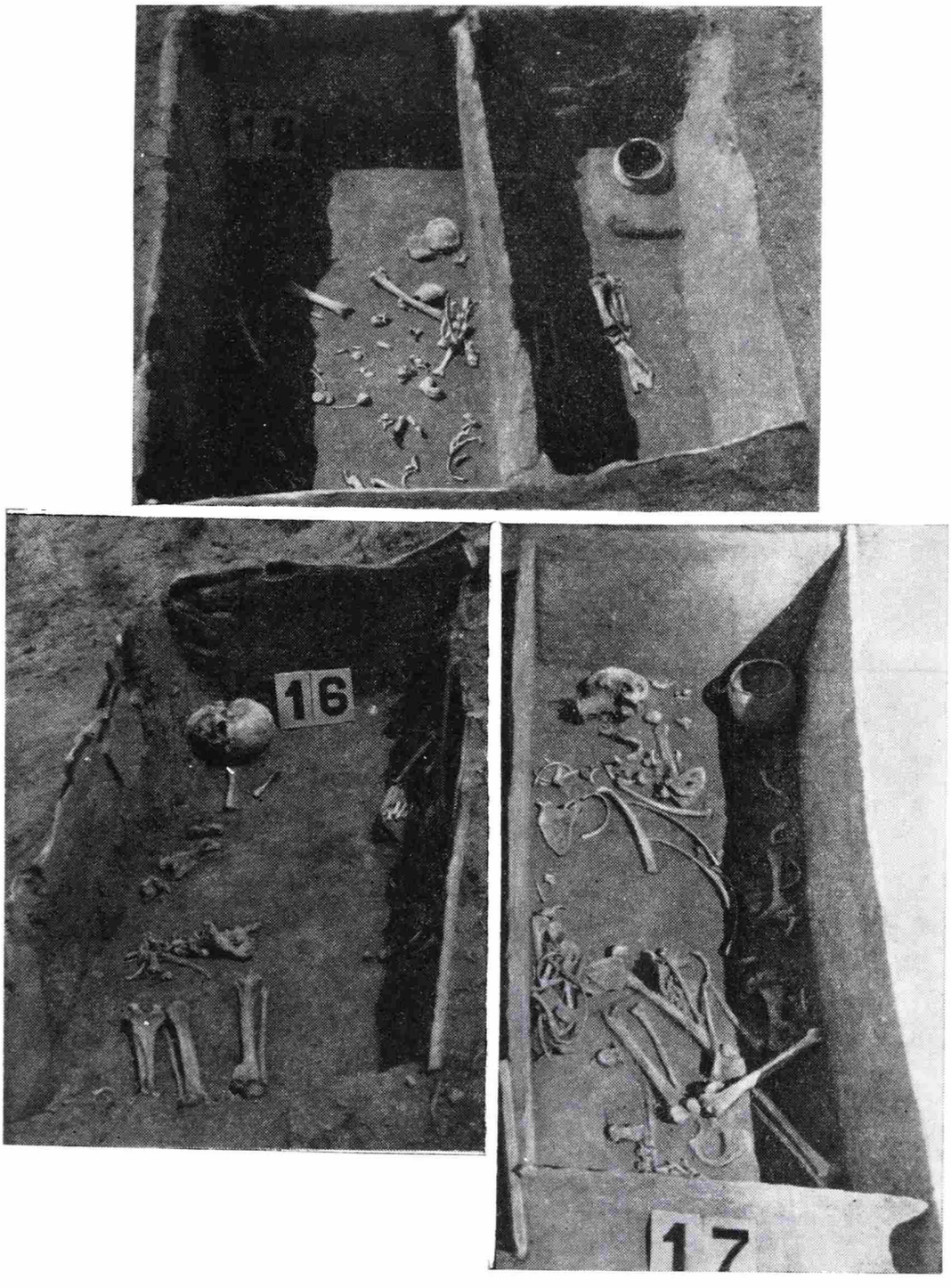


Рис. 1. Карасукские могилы у скалы Хара хая на р. Аскизе.
верхний рис.— № 4 и 3 (вид с востока — северо-востока); рис. слева — № 5; рис. справа — № 2

лагаемых плеч найдена овальная выпукло-вогнутая бронзовая бляшка с двумя отверстиями для пришивания и половина височного кольца из круглой бронзовой проволоки (находка № 3, рис. 3, *1*). Судя по находкам, здесь, вероятно, была погребена женщина.

Могила № 2 находилась в 25 *м* к северу от ящика № 1. Она имела плохо сохранившуюся прямоугольную оградку из тонких плит девонского песчаника размерами 5×4,2 *м*. Оградка вытянута с севера на юг и ориентирована сторонами по странам света, с небольшими отклонениями. В северной части оградки на уровне современной почвы была видна горизонтально лежащая плита покрытия ящика, который и был раскопан. Покрытие было цельным и состояло из двух больших плит (1,5×1,3 и 1×0,8 *м*), одна из которых налегала на другую. Лишь в северном углу виднелся грабительский пролом.

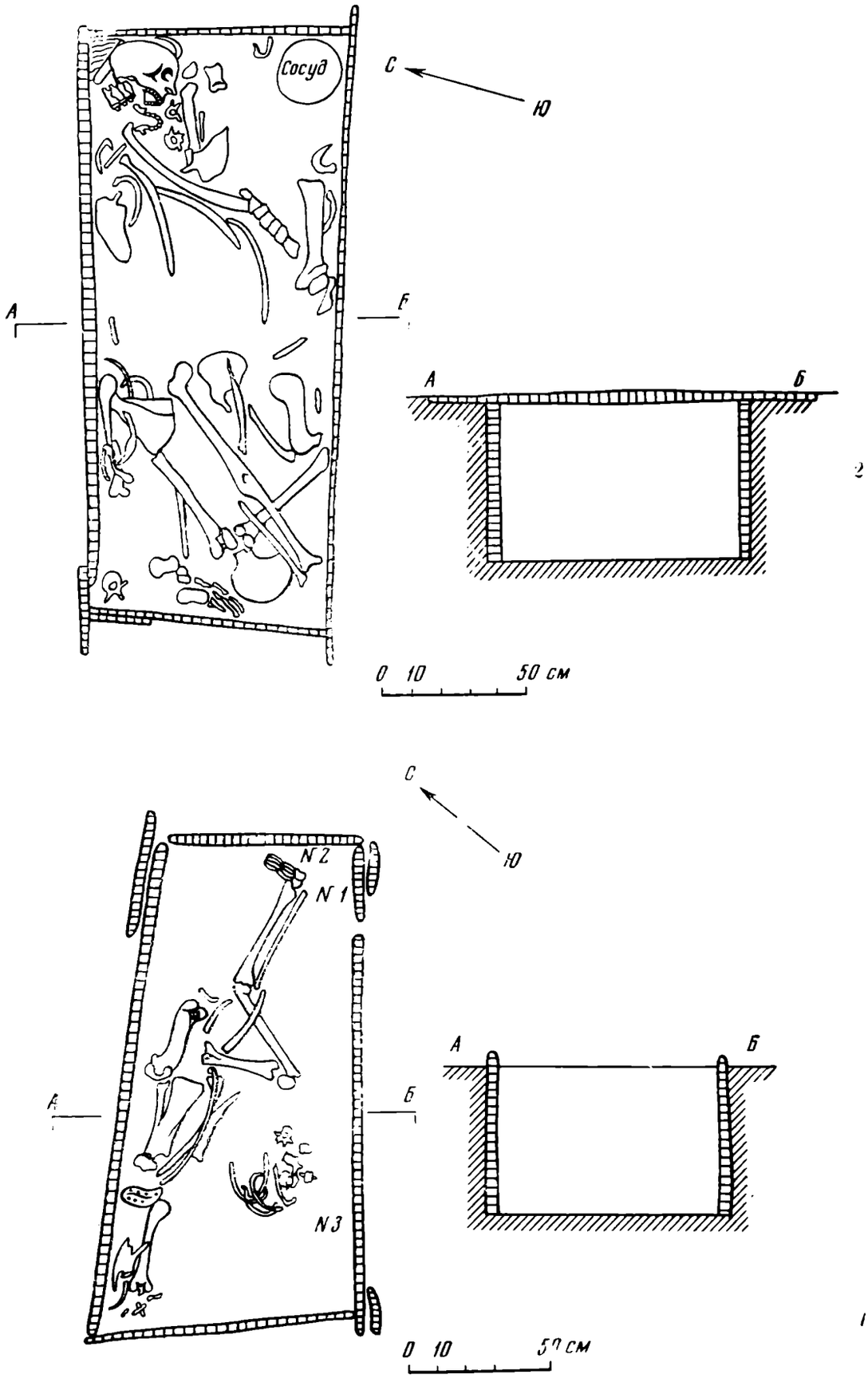


Рис. 2. Погребения в каменных ящиках

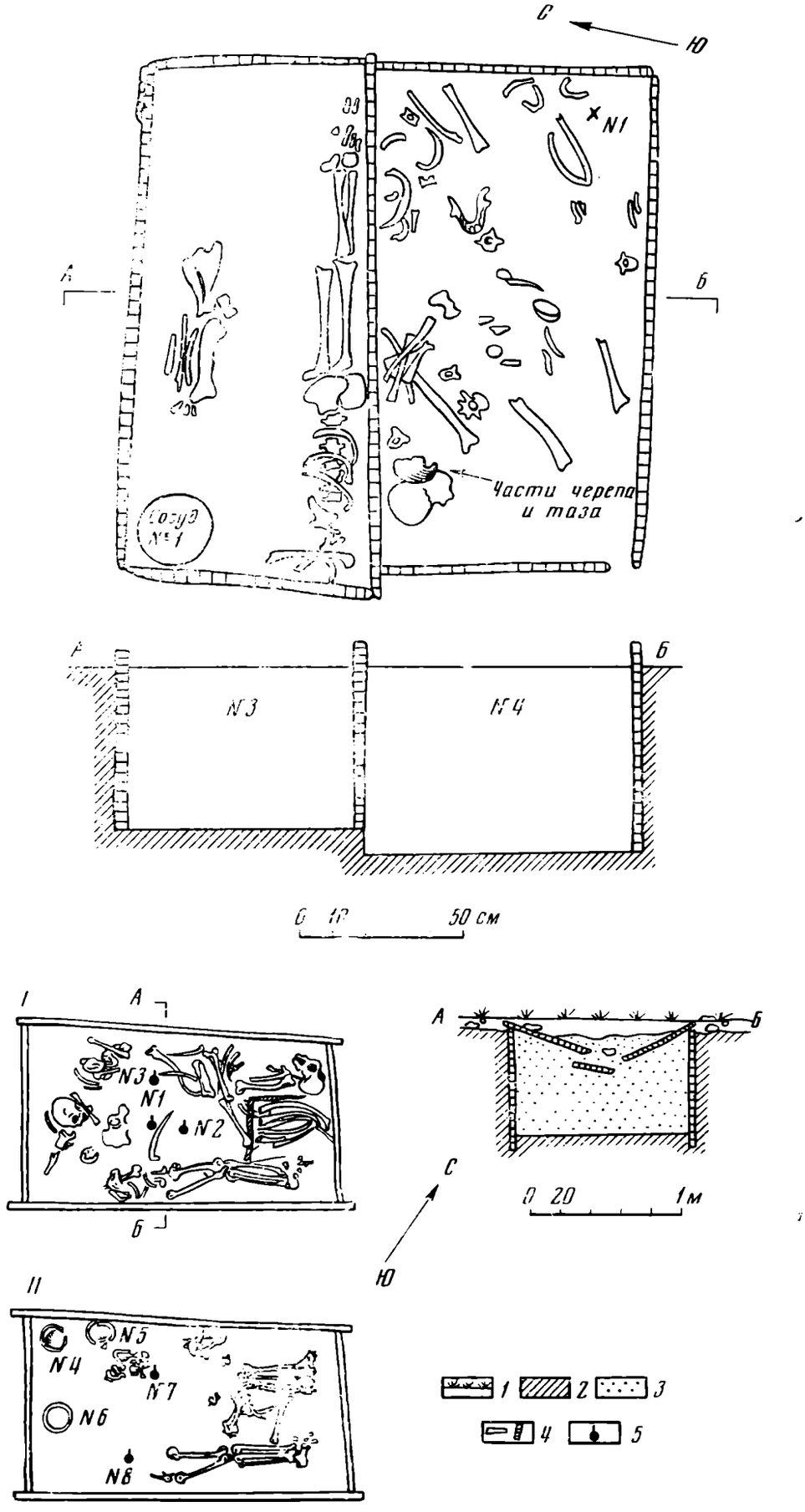


Рис. 2. Погребения в каменных ящиках

1 — № 1, *2* — № 2, *3* — № 3 и 4, *4* — № 8 (*I* — план на глубине 30—55 *см*, *II* — план на глубине 55—70 *см*); *1* — дерн, *2* — материк, *3* — песок, *4* — плиты, *5* — находки

После снятия плит открылся ящик, ориентированный по длине с востока — северо-востока 75° на запад — юго-запад 255°. Ящик составлен из четырех плит, и только западный угол дополнительно подперт еще двумя маленькими плитками (рис. 1, *17*). Длина продольных стенок 2,27 и 2,17, поперечных 0,91 и 0,86 *м*. Внутри ящик имеет размеры 2×0,85 *м*, а глубина его 0,54—0,58 *м*. Обнаружено большое скопление костей взрослого мужчины в разбросанном состоянии (рис. 2, *2*). В северном углу лежал

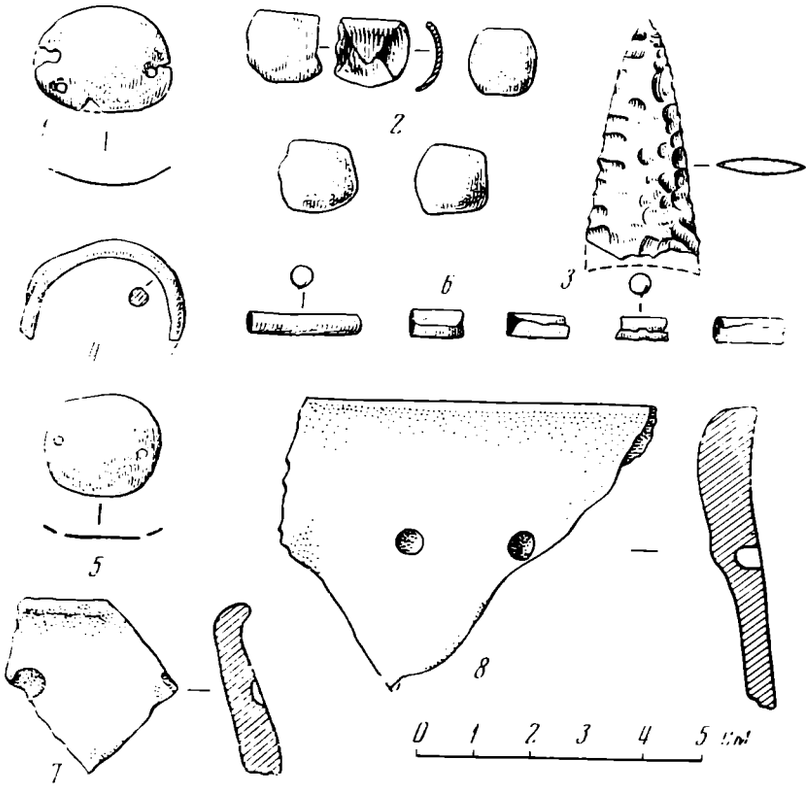


Рис. 3. Предметы из карасукских могил

№ 1 (*1*—*4*), № 4 (*8*), № 5 (*5*—*6*) и № 7 (*7*). *1*, *2*, *4*—*6* — бронза; *3* — кремень; *7*, *8* — обломки сосудов

на левом боку явно смещенный череп с неотпавшими шейными позвонками. Кости ног, лежащих в западной половине, также сохранили естественное сочленение. Все это заставляет полагать, что ограбление совершено современниками, когда связки далеко не все успели разложиться. По расположению костей видно, что погребенный первоначально лежал головой на восток — северо-восток (почти на восток), возможно вытянуто на левом боку, так как все кости левой ноги лежат прямо. От мясной пищи сохранились кости коровы: бедро, ребра, лопатки и астрагал. В восточном углу стоял своеобразный сосуд редкой для карасукской культуры формы. Это широкогорлый плоскодонный сосуд «баночного» типа, с двухзонным нарезным орнаментом из треугольников. Сосуд имеет толстые стенки (до 0,7 *см*) и нагар внутри (рис. 4, *3*).

Могилы № 3 и № 4 находились в плохо сохранившейся прямоугольной оградке 4×3,7 *м*, вытянутой с запада на восток. Оградка ориентирована сторонами по странам света, с небольшими отклонениями. Посредине ограды торчали плиты двух ящиков, не имевших перекрытия (рис. 1, *1*). Оказалось, что ящик № 4 был пристроен к ящику № 3 и они имели одну общую стенку из большой плиты (рис. 2, *3*). Оба ящика были вытянуты с востока — северо-востока 81° на запад — юго-запад 261°. Общий размер их 1,66 × 1,7 *м*.

Ящик № 3 (внутренний промер 1,56×0,7 и глубина 0,54 *м*) был расширен к западу (рис. 2, *3*). Ширина западной стенки внутри 0,77 и во-

сточной 0,67 *м*. Толщина плит 2—4 *см*. В нем лежали кости скелета подростка лет 10—12 без черепа. Так как потревоженной была верхняя часть скелета, то сначала погребенный, возможно, лежал вытянуто на левом боку, головой на запад — юго-запад, вдоль южной стенки ящика. У северной стенки найдены кости коровы: бедро, лопатка и ребра, а в северо-западном углу стоял сферический плоскодонный сосуд с уступчиком при переходе к прямой шейке (рис. 4,*2*).

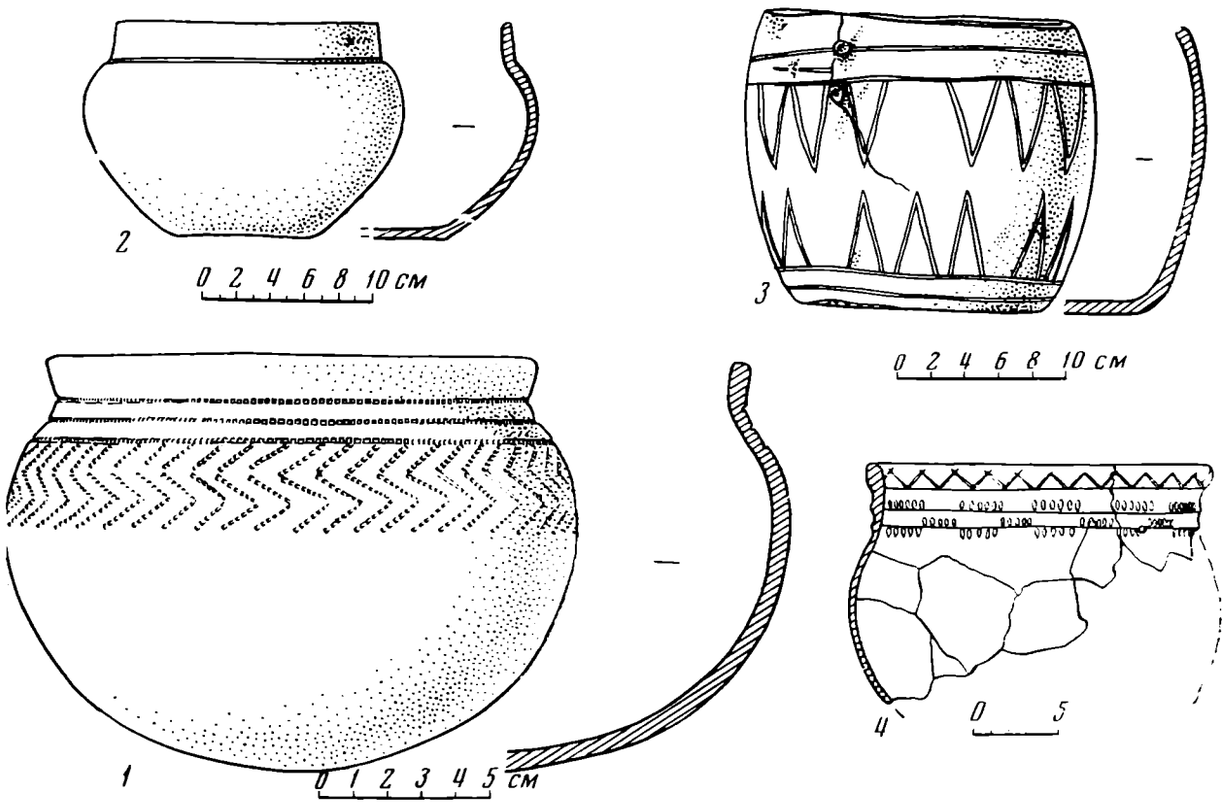


Рис. 4. Глиняные сосуды

1 — из могилы № 6, *2* — из могилы № 3; *3* — из могилы № 2, *4* — из могилы № 9

Ящик № 4 внутри имел размер 1,52×0,83, а глубину 0,64 *м*. Длина поперечных стенок 0,87 *м* (восточная) и 0,8 *м* (западная). Толщина плиток от 4 до 6 *см*. На грунтовом дне оказались разбросанные кости скелета ребенка лет 6—7. Он погиб во время смены молочных зубов (всего на нижней челюсти 12 зубов), причем два резца еще только начали прорезаться.

Части черепной крышки оказались у западной—юго-западной стенки. Но в то же время нижняя челюсть, шейные позвонки, ребра и обломок сосуда находились в восточной половине ящика, а кости таза и ног — в западной половине. Возможно, что первоначально умерший подросток был положен головой на восток — северо-восток. Это, вероятно, подтверждает и некоторое расширение соответствующей стенки ящика (рис. 2, *3*).

От мясной пищи сохранились только кости овцы: астрагал, лопатка и трубчатая. В восточном углу ящика обнаружен обломок венчика выпуклобокого сосуда, скромно украшенного пояском круглых ямочных вдавлений (рис. 3, *8*).

Могила № 5 располагалась на выдуве, в 6 *м* к югу — юго-западу от могилы № 2. Оградка не сохранилась. Плиты ящика выступали на поверхности земли. Внутренние его размеры 1,71×0,84 *м* и глубина 0,4 *м*. От покрытия остались лишь две плитки (0,47×0,18 и 0,5×0,3 *м*). Высота плиты юго-восточной стенки 0,26 *м*, юго-западной стенки 0,6 *м*, северо-восточной и северо-западной стенок 0,4 *м*. Ящик вытянут с востока—северо-востока 66° на запад — юго-запад 234°. Кости скелета взрослого мужчины обнаружены в разрозненном состоянии. Ограбление было совершено до окон-

чательного разложения связок, очевидно современниками. Нижние кости обеих ног находились в естественном сочленении в запад — юго-западной части ящика. Череп с неотчлененными шейными позвонками находился в северном углу ящика, а левая рука у юго-восточной стенки.

Судя по всему, погребенный первоначально лежал скорченно на правом боку, головой на восток — северо-восток (рис. 1, *16*). Костей животных

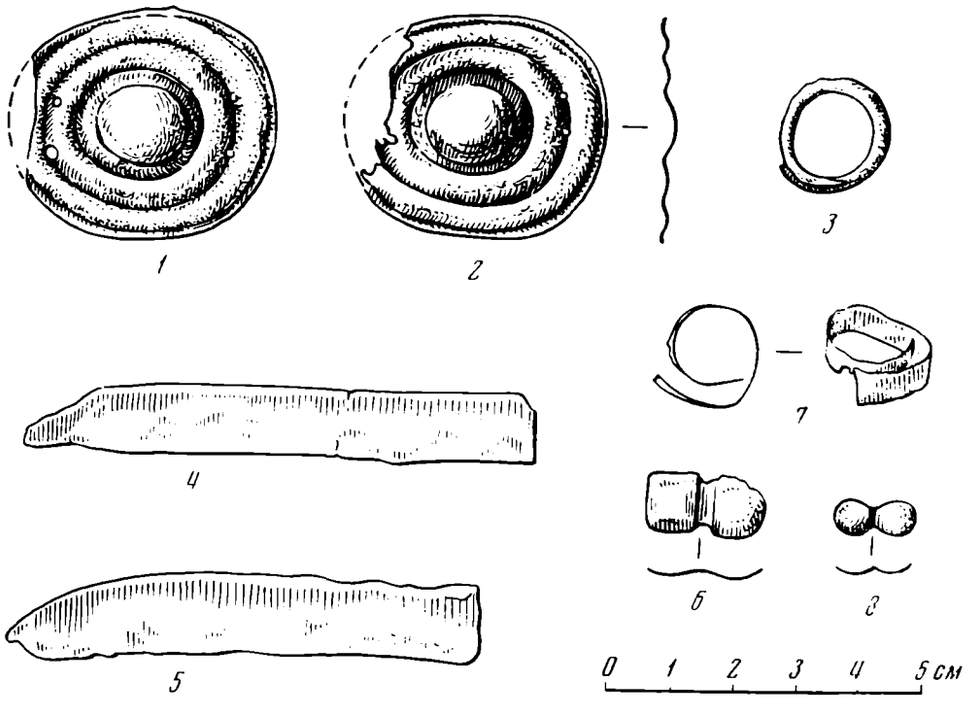


Рис. 5. Бронзовые украшения из могилы № 6

не обнаружено. Найдено тринадцать бронзовых цилиндрических бус — пронизок, свернутых из пластинок (рис. 3, *6*) и овальная, выпукло-вогнутая бляшка с двумя отверстиями для пришивания (рис. 3, *5*).

У могилы № 6 оградка была смыта весенними водами. Над поверхностью почвы торчали три врытых на боку плиты ящика, а четвертой (северо-западной) не было, также не сохранились и плиты перекрытия. Ящик вытянут с востока — северо-востока 72° на запад — юго-запад 252°. Его внутренний размер 1,05×0,52 *м* и глубина до 0,57 *м*. На дне оказались разбросанные кости скелета подростка, без черепа. Первоначальное положение погребенного установить нельзя. От мясной пищи до нас дошли кости молодой овцы: астрагал, ребра, лопатка, бедро, трубчатые и пяточная кость. В западном углу ящика стоял сферический выпуклодонный сосуд с зигзагообразным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом (рис. 4, *1*). Судя по положению сосуда, скелет первоначально лежал головой на запад— юго-запад, судя по украшениям это была девочка. В трех местах найдены бронзовые сдвоенные полушарные бляшки разных размеров (4 экз.), спираль из пластинки, височное кольцо из круглой проволоки, два сломанных пластинчатых браслета и две штампованные бляхи с выпуклостью посредине и двумя концентрическими кругами из валиков (по бокам их имеется по два отверстия для пришивания — рис. 5).

Могила № 7 находилась к северу от ящика № 6 в маленькой деформированной оградке 1,45×1,28 *м*, вытянутой с восток—северо-востока на запад — юго-запад. Оградка была пристроена с восточной — северо-восточной стороны к большой не раскопанной нами ограде. В центре оградки торчали плиты маленького ящика, ориентированного с востока — северо-востока 66° на запад—юго-запад 246°. Его внутренние размеры 0,57×0,38 *м* и 0,52 *м* глубиной. Толщина плит 2—3 *см*. На грунтовом дне в западном конце лежали только две косточки конечностей младенца, а в восточном углу — обломок выпуклобокого сосуда с отогнутым венчиком без шейки с

украшением из пояса ямок (рис. 3, 7). Погребенный, вероятно, лежал первоначально головой на восток — северо-восток.

В 1959 г. нами были раскопаны еще две карасукские могилы в той части могильника, которая подходит близко к скале Хара хая.

Могила № 8 на ровной задернованной поверхности, была отмечена лишь выступающей, врытой на ребро плиткой длиной 12 *см*. По снятии дерна выявились плиты, лежащие плашмя (0,3×0,4 *м*, толщиной 2—3 *см*), образующие покрытие восточной части могилы. Над западной частью — плит не было. Каменный ящик из четырех тонких плит девонского песчаника (2,28 × × 1,2 *м* и глубиной 0,7 *м*) был ориентирован в длину с востока—северо-востока на запад — юго-запад. Ящик заполнен землей, так как погребение ограблено еще в древности.

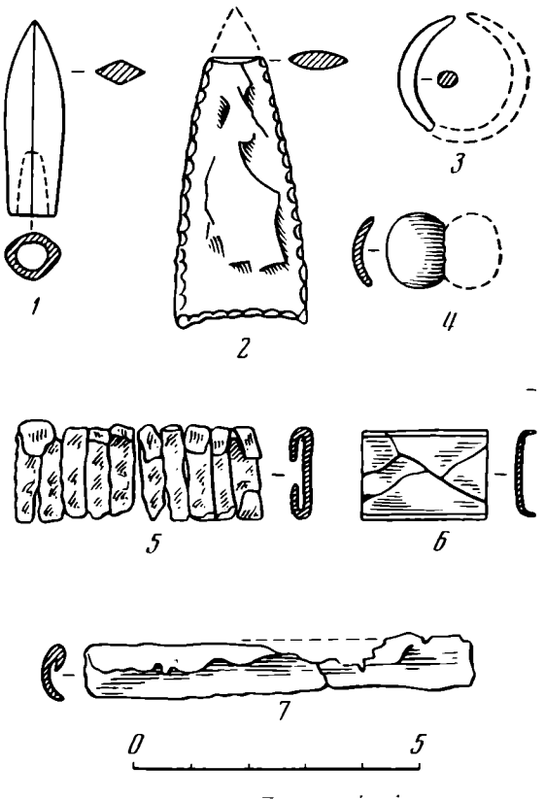


Рис. 6. Предметы из карасукских могил № 8 (*1—6*) и 9 (*7*)

1 — кость, *2* — белый кварцит, *3—7* — бронза

До глубины 55 *см* при расчистке обнаружены разрозненные кости человека и крупного рогатого скота (рис. 2, *4*). В западной—юго-западной части ящика оказался череп женщины, выброшенный из южного угла, а в восточном конце — ребра и бедро коровы на упавшей плите перекрытия и под нею. На глубине 0,6 *м* между костями обнаружен втульчатый, ромбический в сечении, костяной наконечник стрелы (рис. 2, *4*, находка № 1, рис. 6, *1*). На глубине 0,5 *м* найдены 11 тонких бронзовых наременных обоймочек и прямоугольная пластинка с закраинами (рис. 2, *4*, находка № 2; рис. 6, *5* и *6*), а на глубине 0,55 *м* — плоский удлиненно-треугольный наконечник стрелы из белого кварцита (рис. 2, *4*, находка № 3, рис. 6, *2*). На глубине 0,65—0,7 *м*, на материке обнаружены кости ног от двух человеческих скелетов, а в западном—юго-западном конце—вторая нижняя челюсть (рис. 2, *4*). Таким образом, в могиле первоначально погребено два взрослых человека (мужчина и женщина), лежавших друг возле друга вытянуто на левом боку головой на запад — юго-запад. В головах мужчины, в западном углу ящика, стояло два орнаментированных сосуда: сферический (рис. 2, *4*, находка № 5) и бомбовидный (рис. 2, *4*, находка № 4) с уплощенным дном (рис. 7, *1* и *2*). В головах женщины стоял плоскодонный бадейкообразный краснолощенный сосуд (рис. 2, *4*, находка № 6) с линейными поясками орнамента у дна и горла (рис. 7, *3*). С двух сторон горловины у сосуда имеется по паре отверстий для подвешивания. На дне ящика найдена еще половинка от бляшки с двумя выпуклостями (рис. 2, *4*, находка № 7) и обломок бронзового кольца (рис. 2,*4*, находка № 8; рис. 6,*3* и *4*).

Вторая могила — могила № 9 была обнаружена при раскопках древнехакасского каменного кургана (№ 14). Оказалось, что насыпь более позднего кургана перекрыла карасукскую могилу. Над ней были встречены обломки мелких и крупных (0,7 ×0,7 *м*) тонких плит от покрытия. Под плитами находились остатки полусгнившего дерева. Вероятно, плиты перекрытия лежали первоначально на жердях. Ниже выявилась грунтовая яма 2,1 × 1,35 и глубиной 0,8 *м* от горизонта. Яма вытянута с северо-востока на юго-запад, и на ее бортах обнаружены полусгнившие концы жердей, некогда перекрывавших яму поперек. Ящика из плит не было. Ширина юго-западного борта ямы 1,32 *м*, а северо-восточного конца

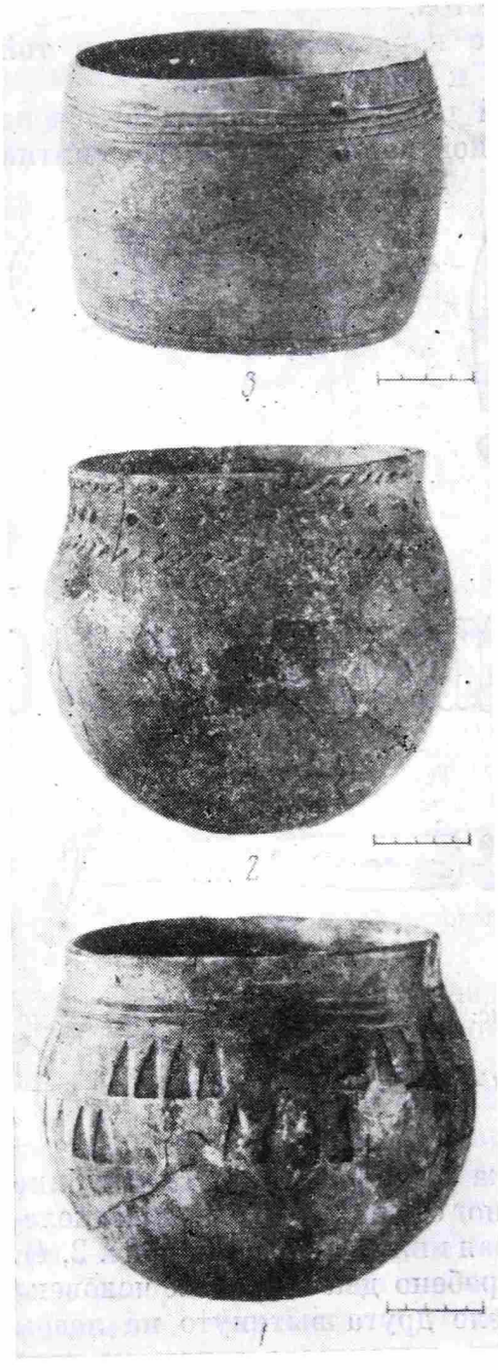


Рис. 7. Глиняные сосуды из могилы № 8

1,08 *м*. На разных глубинах при расчистке выявлено 54 обломка бомобовидного сосуда с утолщенным венчиком и плечиками (рис. 4,*4*), а также сплющенная бронзовая «трубочка» (рис. 6,7). На дне ямы оказались разрозненные кости взрослого человека плохой сохранности, по которым невозможно установить пол, возраст и первоначальную ориентировку. Судя по расширению ямы к одному (головному) концу и нахождению в том же конце бронзовой «трубочки», можно предположить, что погребенный был ориентирован головой на юго-запад.

Погребальные сооружения и обряд захоронения могильника Хара хая представляют несомненный интерес. В большинстве случаев захоронения совершались в каменных ящиках. Исключением явилась грунтовая могила № 9. Стенки всех ящиков выступали над поверхностью почвы. Ящики составлены из вертикально установленных плит, их покрывали широкие плиты. Чаще для стенок употреблялись четыре больших плиты и несколько маленьких. Ящики удлиненно-трапециевидные или прямоугольные в плане.

Глубина ящиков составляет в среднем 0,54 — 0,58 *м*, хотя есть и более глубокие (могила № 8—0,7 *м*) и более мелкие (могила № 5—0,32 *м*). Дном служил грунт. Размеры ящиков от 1,58 × 0,77 *м* до 2,17 × 0,91 *м*.

Все они вытянуты с восток — северо-востока на запад — юго-запад и первоначально находились в оградах, которые сохранились только в трех случаях (могилы № 2, 3 и 4, 7). Это были прямоугольные оградки из плит, врытых на ребро. Наличие таких оградок и ящиков обычно для карасукских могильников[3]. Материалом для оградок, плит покрытия и ящиков служил девонский песчаник из скалы Хара хая.

Наряду с типично карасукскими особенностями погребальных сооружений, могильник Хара хая имеет некоторое своеобразие. Так, могилы № 3 и 4 находились не только в общей оградке, но имели одну общую стенку из большой плиты, ибо ящик № 4 был пристроен к ящику № 3. Кроме того, у ящика могилы № 6 только три стенки состояли из плит, а четвертая была грунтовой. Могила № 9 представляла собой грунтовую яму с остатками перекрытия в виде полусгнившего дерева и обломков плитняка[4]. По инвентарю все эти погребения относятся к карасукской культуре.

---

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 110.

[4] Лишь одна карасукская могила отличалась этими особенностями (№ 2 у Георгиевской горы); С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 163.

Перечисленные выше особенности, не характерные для карасукских кладбищ Хакасско-Минусинской котловины, являются обычными для погребальных сооружений андроновской культурно-исторической области. Грунтовые могилы, нередко перекрытые жердями и плитняком, известны в разных районах. В казахстанских степях встречаются так же неполные ящики из трех плиток [5].

Сдвоенные ящики с общей стенкой, открытые в могильнике Хара хая и пока не известные на других карасукских кладбищах [6], обнаружены только в Центральном Казахстане в могильниках, относящихся к алакульскому («атасускому») типу (Айшрак, Бегазы, Жамбай-Карасу, Кобдик). Предположительно считается, что в сдвоенных ящиках хоронили семейные пары, причем женщин укладывали в северные камеры [7].

В нашем случае проверить подобное утверждение затруднительно, ибо в ящике № 3 оказались кости подростка 10—12 лет с сосудом, а в ящике № 4— скелет ребенка лет 6—7 и обломок сосуда. По подобным остаткам установить пол погребенного невозможно. Возраст умерших, кажется, исключает предположение о реальной семейной паре [8].

К тому же взрослые семейные пары в андроновских могильниках Хакасии, а также и в Казахстане, погребены обычно в общей яме или в одном ящике. По раскопкам могил близ улуса Орак выяснилось, что для енисейских степей характерны в андроновскую эпоху парные захоронения, в которых укладывали мужчин и женщин на левом боку. При этом женщина всегда находится сзади мужчины.

И вот в карасукском ящике № 8 могильника Хара хая мужчина и женщина находились первоначально в таком же положении.

В литературе, посвященной памятникам андроновской культурно-исторической области, не объясняется различие описанных двух типов парных захоронений. Те и другие считаются односемейными могилами. Между тем, этот вопрос, очевидно, не может решаться упрощенно. Теперь оба типа парных захоронений стали известны и в карасукской культуре. При этом встречены они в одном и том же могильнике Хара хая.

Таким образом, наряду с обычными карасукскими погребальными сооружениями у скалы Хара хая обнаружены могилы, которые как по устройству, так и по погребальному обряду сохранили отчетливые андроновские традиции. Важно отметить, что здесь мы находим как традиции местного варианта андроновской эпохи (могила № 8), так и пришлого центрально-казахстанского, так называемого алакульского (ящики № 3 и 4).

Относительно целые скелеты прослежены в восьми могилах. Чаще грабителями не тронута нижняя часть скелета. Там, по-видимому, не ожидалось находок крупных бронзовых предметов. Ограбление совершалось

---

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. ТРГИМ, XVII, М., 1948, С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I. МИА, 120, 1962; М. К. Кадырбаев. Акмола — памятник андроновской культуры. Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969.

[6] Среди карасукских могил в пяти случаях обнаружены парные погребения в одном ящике, разделенном перегородкой; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 113; его же. Карасукские могилы. СА, III, стр. 140—141; А. Н. Липский. Карасукские погребения в г. Абакане. «Краеведческий сборник», Абакан, 1956, стр. 104—105; М. Д. Хлобыстина. Каменский могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников. СА, 1970, 1.

[7] А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орозбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 38, 67, 92—94, 286 и рис. 3, 28, 30, 32, 50, 51, 65; М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. Археологический сборник ГЭ, 5, Л., 1962, стр. 67.

[8] Впрочем, М. Н. Комарова полагает, что девочка 6—8 лет, останки которой обнаружены со скелетом мужчины 40 лет в андроновской могиле № 22 близ улуса Орак, могла быть женой последнего, М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. Археологический сборник ГЭ, 3, Л., 1961, стр. 49.

современниками, так как в двух могилах (№ 2 и 5) мужские черепа с неотпавшими шейными позвонками были отброшены в северный угол. Очевидно, что отчленение их от скелета произошло до окончательного разложения связок [9].

Положение скелетов различно: слабоскорченное на левом или правом боку (могилы № 1 и 5) или вытянутое на левом боку (могилы № 2, 3, 8). В пяти случаях погребенные положены головой на запад — юго-запад, а в четырех могилах встречена восточная—северо-восточная ориентировка О положении погребенного в могиле № 6 можно судить по сосуду, который стоял в западном углу ящика, а в ящике № 7 — по обломку сосуда в восточном углу и остаткам ног. Сосуд с пищей обычно ставился в головках погребенного.

Возраст погребенных различен: в шести случаях обнаружены скелеты взрослых, три раза — останки подростков (могилы № 3, 4, 6) и однажды —младенца (могила № 7). Таким образом, на одном кладбище хоронили всех, без половозрастных различий. В могилах № 2 и 5 удалось определить пол и расовый облик погребенных — это были взрослые мужчины европеоидного типа [10]. Обилие бронзовых украшений в могиле № 6 дает возможность говорить о погребении женщины-подростка. Парное погребение (могила № 8) являлось захоронением мужчины и женщины. В ящике № 1, судя по украшениям, вероятно, была погребена женщина.

В могилы укладывали заупокойную мясную пищу и ставили сосуды с едой. От мясной пищи у взрослых остались кости коров (могилы № 1—3, 8), а в детских могилах № 4 и 6 — кости овцы. В основном это передние и задние части туши. Обычно мясо клали у северо-западной или юго-восточной стенки ящика возле рук погребенного (в могилах № 5, 7 и 9 костей животных не оказалось). Жидкая пища ставилась в сосудах, за исключением ящиков № 1 и 5, где посуда не обнаружена. Обычно с погребенным ставили один сосуд, но в могиле № 8 с парным захоронением оказалось три сосуда.

Описанный погребальный обряд встречается и в андроновское и в карасукское время, хотя для андроновского обряда более характерно скорченное положение скелета на левом боку, головой на юго-запад или запад, а для карасукского — на боку или спине, головой на северо-восток или восток [11]. В могильнике Хара хая обнаружено и то и другое положение погребенных. Видимо, погребальный обряд еще не установился. Возможно, что в одиночных захоронениях особи женского пола ориентированы головой на запад — юго-запад, а мужские — на восток — северо-восток. Но является ли это правилом или случайной выборкой погребений — на известном нам количестве захоронений установить невозможно.

В раскопанных карасукских могилах у скалы Хара хая обнаружено шесть целых глиняных сосудов и три в обломках. Все они имеют залощенную поверхность и разделяются на четыре типа.

I тип. Сферические округлодонные тонкостенные сосуды с выделенной шейкой и слабо отогнутым венчиком (рис. 4, *1* и 7, *1*). Найдены в могилах № 6 и 8. Цвет их темно-серый, а обжиг равномерный. Нагара и примесей в составе теста нет. Высота этих сосудов 12 и 15 *см*, диаметр горла 14 и

---

[9] Это уже было отмечено С. В. Киселевым, С. В. Киселев. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г. СА, IV, 1937, стр. 326.

[10] Определение В. П. Алексеева («Череп из могилы № 5 характеризуется еще и относительно круглой формой черепной коробки и, таким образом, попадает в границы вариаций характерного для карасукского населения брахикранного европеоидного типа. Череп из могилы № 2 отличается удлиненными пропорциями черепной коробки, что, однако, может быть и индивидуальной вариацией. Каких-либо сдвигов в направлении приближения к монголоидным признакам не прослеживается»).

[11] М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры; е е ж е. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак; В. С. Сорокин. Ук. соч.; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Ук. соч.; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири.

15 *см*, толщина стенок 0,5 *см*. С. В. Киселев писал, что сосуды этого типа особенно многочисленны среди глиняной посуды карасукского времени [12].

Таким сосудам присущ орнамент, расположенный по шейке и плечикам. На правом сосуде узор нанесен гребенчатым штампом (рис. 4, *1*). Вдавления зубцов глубокие, четырехугольные. Они образуют три горизонтальных пояса на шейке, к которым примыкают вертикальные зигзаги на плечиках. Штамп имел 7 зубцов. Этот вид орнамента не характерен для карасукской культуры. Зато он встречен на многих горшках области распространения андроновской культуры от Приуралья до Восточного Казахстана и Хакасии [13].

На втором сосуде (рис. 7, *1*) по шейке проходит пояс из трех резных линий, нанесенных концом палочки, а по плечикам расположены группы из четырех углубленных треугольников, нанесенных штампом в шахматном порядке. Орнамент, подобный описанному, нанесен на горшке, обнаруженном в 1930 г. В. П. Левашевой при раскопках карасукских могил на правом берегу Енисея у деревни Быстрой. Горшок из Быстрой также имеет три нарезные линии по венчику и вдавления треугольного штампа, расположенные в шахматном порядке (дно сосуда уплощено) [14]. Отметим, что аналогичный орнамент из углубленных треугольников являлся излюбленным украшением ручек карасукских бронзовых ножей [15]. Шахматное расположение орнамента известно на многих карасукских сосудах [16].

II тип. Сферический, плоскодонный, гладкий сосуд с прямой шейкой и уступом при переходе к выпуклобокому тулову (рис. 4, *2*). Он найден в могиле № 3. Цвет темно-серый, толщина стенок 0,5 *см*, обжиг неравномерный, в тесте видна примесь гравия. По размерам горшок приближается к сосудам I типа. Такие же карасукские сосуды опубликованы С. А. Теплоуховым [17]. С. В. Киселев отмечал, что сферические плоскодонные горшки с уступами особенно характерны для карасукской культуры. При этом справедливо подчеркивал, что уступы являются характерной особенностью карасукской керамики на востоке и позднеандроновской посуды на западе [18].

III тип. Бомбовидные сосуды с небольшим уплощенным дном и орнаментом, расположенным по венчику и шейке. Нагара нет. Этот тип представлен двумя целыми сосудами (могилы № 8 и 9) и двумя, дошедшими до нас в обломках (могилы 4 и 7). Первый сосуд имеет немного отогнутый венчик и светло-коричневую, с темными пятнами поверхность, толщина стенок 0,3—0,5 *см*, обжиг неравномерный. Орнамент образует узор, состоящий из пояска углубленных «колечек», нанесенных полой трубочкой, и

---

[12] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 133.

[13] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, стр. 133; О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. Там же, рис. 11; М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры, рис. 4 (12); С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, рис. 12—14 и табл. XXVIII; *14*, *16*; С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, Л., 1927, табл. VII, *10*, *13*; табл. VIII, *10*; табл. IX, *8*. Резные вертикальные зигзаги есть и на позднекарасукских сосудах. М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА АН СССР, 100, 1965, рис. 27, *3*, *9*, *11*. Оттиски гребенчатого штампа есть на карасукских сосудах из Усть-Ербы (ГИМ, № 78185, могила 26), Мохова улуса (ГЭ, № 249/12, могила 4) и с. Аскиз (II кладбище, могила 2). И. П. Кузнецов. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г., Томск, 1907).

[14] Хранится в Государственном Эрмитаже, коллекция № 248, инв. № 62.

[15] Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. III, *3*; В. Радлов. Сибирские древности. МАР, 3, I, 1, СПб., 1888, стр 10, 31 и табл. II, *10*; IV, *20*; V, *1*, *3*, *5*, *6*, *12*, *13*; VI, *3*.

[16] С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. XII, *4*, *26*, *29*; А. Н. Липский. Карасукские погребения в г. Абакане, табл. 12, *3*; И. П. Кузнецов-Красноярский. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 году. Томск, 1907, табл. III, *3*.

[17] С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. XII, *10*, *35*.

[18] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 133—134.

двух рядов (сверху и снизу) остроугольных оттисков, нанесенных треугольной палочкой (рис. 7, *2*) [19].

Второй сосуд (рис. 4, *4*) темно-коричневого цвета, имеет два желобка на шейке, разделенных уступчиками. В тесте — примесь кварца. Диаметр горла 20 *см*, толщина стенок 0,3—0,5 *см*. Обжиг равномерный. На шейке сосуда остались следы ремонта — два отверстия, просверленные для стягивания трещины. Вокруг венчика проходит узор в виде зигзага из нарезанных линий, а на шейке каплевидный орнамент, образующий ряды из 5—6 вдавлений, расположенных в шахматном порядке.

И, наконец, обломки венчиков двух сосудов без выделенных шеек (рис. 3, *7* и *8*). Цвет их светло-коричневый, в составе теста видны примеси: мелкая дресва в первом и слюда во втором. Орнамент в виде пояска из ямок расположен ниже горловины. В первом обломке ямки вдавлены глубоко, а в другом они значительно мельче. Этот вид орнамента характерен для карасукской посуды, а сами сосуды такого типа являются типично карасукскими [20].

IV тип. Плоскодонные широкогорлые бадейки найдены в могилах № 2 и 8. Обе они массивные толстостенные (рис. 4, *3* и 7, *3*). В тесте сосудов видны следы горного гравия. Обжиг сосудов хороший, цвет в одном случае светло-коричневый, в другом — красный, толщина стенок 0,7 *см*. Оба сосуда имеют по две пары вертикально расположенных отверстий для подвешивания и ношения (очевидно, на ремешке), но с появлением трещины в венчике первого сосуда все отверстия его тщательно замазали глиной и обожгли «пробки» заново (рис. 4, *3*). После этого сосуд употреблялся для приготовления пищи и имеет следы нагара. Первоначально же обе бадейки употреблялись для переноски жидкостей [21].

Орнамент на них расположен двумя зонами; у края сосуда и у дна. На первом сосуде имеются пояски из двух резных линий с пятью группами из трех заглаженных треугольников, обращенных вершинами друг к другу (рис. 4, *3*). На втором сосуде — четыре резные полосы у горла сосуда, три у его дна и одна на дне. Эти бадейки не находят себе прямых аналогий среди карасукской и андроновской посуды. По форме и массивности они ближе всего баночному сосуду из афанасьевского кургана Горного Алтая [22]. В 1963 г. Красноярской экспедицией найдена деревянная бадейка с прямыми стенками и отверстиями для подвешивания и ношения. Орнамент ее составляют вписанные друг в друга углы, обращенные остриями вверх и вниз. Эта бадейка имеет иные пропорции и узор, но в целом по назначению и орнаменту она приближается к сосудам из могильника Хара хая. Найдена она в могиле андроновской культуры [23]. Близки деревянной бадейке и алакульские глиняные баночки с парными отверстиями или без них [24].

Двухзонное расположение орнамента совершенно не свойственно известным до сих пор образцам карасукской посуды. При этом бадейки из Хара

---

[19] Такие сосуды — см. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. «Ежегодник гос. музея им. Н. М. Мартьянова», VI, 2 Минусинск, 1929, табл. II, *2, 3, 26*.

[20] Там же, табл. II, *18, 21, 22*; С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, табл. XII, *25, 42*.

[21] Сосуды для переноски жидкостей, имеющие по две пары горизонтально расположенных отверстий и даже сохранившуюся лыковую веревку, известны в срубной культуре (см. Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 122) и в андроновской («Андроновская культура», 1, САИ В 3—2, М.— Л., 1966, табл. XV, *4*).

[22] С. В. Киселев. К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири. ВДИ, 1948, 1, рис. 9; его же. Древняя история Южной Сибири, табл. VI, *16*. Из карасукских наиболее близки банки из Орака (ГЭ, № 296, могила 6) и Окунева улуса (ГЭ, № 4836, могила 36).

[23] М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА АН СССР, 100, 1965, рис. 26—2.

[24] «Андроновская культура», 1, табл. XXX, *2—5*; А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары. Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата 1962, рис. 8—3.

хая отличаются свободным полем вокруг горловины (рис. 4, *3* и 7, *3*), что присуще многим карасукским сосудам. Известно, что двухзонный орнамент встречается на енисейских андроновских горшках, которые, однако, не имеют свободного поля вокруг венчика [25]. Сосуды с гладким полем вокруг венчика обнаружены в большом количестве среди алакульской посуды [26]. Именно в алакульских могилах встречаются горшки со сходным расположением двухзонного орнамента и свободным полем вокруг горловины [27].

Таким образом, по расположению орнамента карасукские бадейки находят параллели в алакульской посуде западных районов. Среди горшков карасукской культуры они должны быть выделены как особый тип сосудов [28]. Обнаружение их в разных могилах у скалы Хара хая свидетельствует об известной распространенности бадеек в среде местного карасукского населения.

Бронзовые изделия из могильника Хара хая являются украшениями. Наиболее многочисленны бляшки разных типов.

I тип. Штампованные сдвоенные полушарные бляшки (рис. 5, *6* и *8*; 6, *4*) найдены в могилах № 6 и 8. Размер их невелик. Бляшки этого типа особенно характерны для памятников карасукской культуры. Они, видимо, нашивались на одежду и служили ее украшением. В других местах аналогичные бляшки встречаются изредка в абашевских комплексах на западе, в памятниках эпохи бронзы на Оби и в плиточных могилах на востоке [29].

II тип. Выпукло-вогнутые полусферические бляшки штампованы так, что два угла пластинки загнуты во внутрь (рис. 3, *2*). Четыре экземпляра их найдены в могиле № 1, где они лежали на ступне ноги и, по всей вероятности, являлись украшением обуви. Подобные бляшки известны в памятниках карасукской культуры [30].

III тип. Овальные штампованные бляшки с двумя отверстиями для пришивания (рис. 3, *1* и *5*). Одна из бляшек была найдена на уровне плеч, вторая около левой руки. Вероятно, они являлись украшением верхней части одежды. Такие бляшки известны как в карасукских, так в андроновских и в алакульских памятниках [31].

IV тип. Две штампованные овальные бляхи, с концентрическими выпуклыми кругами вокруг центральных полусфер, найдены в могиле № 6 (рис. 5, *1* и *2*). Они имеют по две пары отверстий для пришивания. Раз-

---

[25] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. VIII, *6—9*; М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак, табл. IX, *1*, *3-5*, *9* и др.; С. А. Рахимов. Памятник андроновской культуры — Каменка II. ИМКУ, 6, Ташкент, 1965, рис. 3; его же. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде. КСИА, АН СССР, 114, 1968, рис. 35.

[26] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты — Бутак I в Западном Казахстане, табл. 44, *9*; табл. 56, *88*; *93*, *98*, *107*, *117*, *118*, *132*, *141*.

[27] В. С. Сорокин. Ук. соч., табл. 56, *86*; «Андроновская культура», I, табл. XI, *9*; табл. XXIII, *6*; К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, табл. 43, *9*; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, рис. 52—4; 53—2.

[28] Э. А. Новгородова напрасно объединяет в один тип наши бадейки с сосудами, хотя и близкими по назначению, но иными по форме, имеющими к тому же налепные ушки с вертикальными отверстиями. Э. А. Новгородова. Локальные варианты карасукской керамики. Сб. «Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева». МИА, 130, 1965, стр. 182.

[29] О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, рис. 14—5; М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, 24, 1952, рис. 8—7; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, рис. 7—16; Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. IX. 15; Ср. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 131. Подобные сдвоенные бляшки обнаружены и в поздних могилах. А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Тр. ТГПИ, т. 10, Томск, 1953, табл. 9.

[30] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XII, *16—18*.

[31] Там же; М. П. Грязнов. Ук. соч., табл. V, *11*, *12*, *23*, *24*; С. А. Рахимов. Памятник андроновской культуры — Каменка II, рис. 2, *2*; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 35, *5*; 36, *4*.

мер бляшек 4,2×3,6 *см*. Подобные бляшки впервые найдены в могилах карасукской культуры. Аналогии для них известны пока только на западе. Это бляшки, найденные в Алексеевском могильнике на р. Тоболе и в могильнике Тасты-Бутак I на правом берегу р. Ори в Западном Казахстане. Эти могильники относятся к алакульской культурной области [32].

V тип. В могиле № 8 найдена прямоугольная бляшка с закраинами (рис. 6,*6*), не имеющая аналогий.

Следующим типом украшений являются бронзовые обоймочки с загнутыми краями, которые размещались вплотную друг к другу (рис. 6, *5*). Их в могиле № 8 найдено 11 штук. Они, очевидно, закреплялись на ремешках, которые, как считал С. В. Киселев, украшали женские нагрудники. Аналогии им найдены как в могильниках карасукской, так андроновской и алакульской культур [33].

К личным украшениям, найденным в могильнике Хара хая, относятся проволочные височные кольца (рис. 3, *4*; 5, *3*; 6, *3*), одно из типичных украшений женщин бронзовой эпохи. До нас дошли остатки трех колец диаметром 1,7; 2,3 и 3 *см*. Все они найдены в женских могилах (№ 1, 6 и 8) и типичны, как для карасукского, так и для андроновского инвентаря. То же следует сказать о бронзовых цилиндрических пронизках, найденных в могиле № 5 (13 экз.; рис. 3, *6*) [34]. Отметим еще обломок пластинки, закрученный в спираль (рис. 5,*7*), остатки двух пластинчатых браслетов (рис. 5, *4* и 5) из могилы № 6 [35] и обломки сплюснутой трубочки (рис. 6, *7*; из могилы № 9) [36].

В карасукском могильнике Хара хая найдены также каменные и костяные изделия. Из камня изготовлены два наконечника стрел. Серо-голубой кремневый наконечник из могилы № 1 (рис. 3, *3*) имеет вытянуто-треугольную форму. Обработан он плоской чешуйчатой ретушью, с обоих сторон. Лезвия его подработаны пильчатой ретушью. Второй наконечник, из белого полупрозрачного кварцита, найденный в могиле № 8, имеет такую же вытянуто-треугольную форму (рис. 6, *2*). Обработан он грубее — «подструган» по плоскостям и лишь по краям имеет пильчатую двухстороннюю ретушь. Длина наконечников 4,2 и 4,7 *см*. Оба они являлись военными и оказались поврежденными: у первого отломано основание, у второго отбито ударное острие. Скорее всего, люди, погребенные в могилах № 1 и 8, были ими убиты.

В карасукских памятниках Енисея каменные наконечники стрел до наших находок в могильнике Хара хая не были известны. За последние годы аналогичные наконечники обнаружены в могильнике у Сухого озера (на северной границе Хакасской автономной области) и на правом берегу Енисея близ устья реки Сыды [37]. Близкие по типу кремневые наконечники стрел найдены в кургане алакульского времени на озере Алакуль, а также на стоянках и в могильниках XV — XIII вв. до н. э. на территории от р. Камы до низовья р. Томи [38].

В могиле № 8 обнаружен также хорошо сохранившийся костяной

---

[32] Там же, рис. 41; В. С. Сорокин. Ук. соч., табл. 41, *4, 5, 8*.

[33] В. С. Сорокин. Ук. соч., табл. XXXIX, *8, 11, 12*; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 35, *7, 8*; М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак, табл. XV, *2, 15*; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 130 и табл. XII, 42 (справа).

[34] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 129; М. Н. Комарова. Ук. соч., табл. XV, *1, 3, 16, 24*; С. А. Рахимов. Ук. соч., рис. 2, *5*; В. С. Сорокин. Ук. соч., табл. 41, *13—15*.

[35] Подобные браслеты обычные для обского варианта карасукской культуры; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, табл. V, *1—2*.

[36] Аналогию см. В. С. Сорокин. Ук. соч., табл. 38, *20*.

[37] Г. А. Максименков. Раскопки в долине речки Черновой. Сб. «Археологические открытия 1965 года», М., 1966, стр. 9; Я. А. Шер, Л. П. Хлобыстин. Раскопки на среднем Енисее. Там же, стр. 10.

[38] К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, 24, 1952, рис. 7—3; В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях реки Томи. СА, 1959, 4, рис. 2, *3, 4, 14*; О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Прикамья. М., 1964, рис. 90.

втульчатый наконечник стрелы (рис. 6,*1*). Он имеет четырехгранную ударную головку и ромбическое сечение. Находки костяных втульчатых наконечников стрел известны в могилах карасукской культуры [39]. Наиболее близки нашему костяные наконечники стрел из карасукской могилы № 40 близ д. Сарагаш, а также из могилы алакульского типа в северо-западном Казахстане [40].

Таким образом, найденные каменные и костяные наконечники стрел характерны для развитого бронзового века в целом и, в том числе для карасукской культуры.

* * *

Изучение материалов, полученных при раскопках могильника Хара хая, позволяет заключить, что мы имеем дело с памятником, относящимся к раннему этапу карасукской культуры. Важно, что при этом удается зафиксировать некоторые этнические слагаемые, принявшие участие в сложении новой культуры.

Еще в 30-х годах, опираясь на данные собственных раскопок, С. В. Киселев отмечал, что для раннего периода «сосуществование андроновских и карасукских элементов устанавливается достаточно прочно» и «это обстоятельство подтверждает наличие генетической связи между андроном и карасуком». Уже тогда он справедливо относил карасукские памятники к концу II — началу I тысячелетия до н. э.[41]. Позднее, в основной своей работе, С. В. Киселев отмечал «переживание некоторых андроновских форм керамики в карасукское время», устанавливал связь узоров на карасукской посуде с андроновской орнаментикой, указывал на параллелизм в развитии карасукской и позднеандроновской (т. е. алакульской.— *Л. К.*) посуды (уступ в основании шейки сосуда и некоторые мотивы орнамента) и заключал, что посуда из карасукских погребений происходит «от более древней андроновской, но претерпевшей коренные изменения в отношении формы».

Подводя итоги изучения всего карасукского комплекса, С. В. Киселев устанавливал, что эта культура сложилась в результате притока пришельцев из юго-восточных земель, которые встретились со сравнительно редким андроновским и другим древним местным населением, соседили и смешивались с ним. Исходя из целого ряда данных, в которых немалую роль играло и обоснованное представление о параллельном развитии карасукской культуры Енисея с позднеандроновской в Казахстане, С. В. Киселев первым установил верную общую дату карасукской культуры XIII—VIII вв. до н. э.[42]. Наши данные подтверждают в целом приведенные выше

[39] Я. А. Шер, Л. П. Хлобыстин. Ук. соч., стр. 10—11; Два наконечника найдены С. А. Теплоуховым в могиле № 40 у дер. Сарагаш (Гос. Эрмитаж, № 4131—6) и два Г. П. Сосновским в могилах № 3 (Гос. Эрмитаж, № 297—64) и № 31 близ улуса Орак (см. М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак, табл. XV, *18*; могила является карасукской по ориентировке).

[40] «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, табл. II, *56*.

[41] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 162; ср. его же. Семантика орнамента карасукских стел. ИГАИМК, 100, М.— Л., 1933, стр. 280.

[42] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 80—82, 104—108 и табл. IX; ср. 2 изд. М., 1951; С. В. **Киселев. Неолит** и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4, стр. 265; С. А. Теплоухов (а за ним М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер) относил карасукскую культуру ко времени, близкому к 1000 г. до н. э. (см. С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, Л., 1929, стр. 60; М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Там же, стр. 82; ср. С. А. Теплоухов. Древнеметаллические культуры Минусинского края. «Природа», 1929; 6, стр. 544; «за 1000 лет до н. э.»). Начиная с 20-х годов, М. П. Грязнов и М. Н. Комарова в своих работах упорно защищали дату карасукской культуры (X—VIII вв. до н. э.), отказавшись от нее (в пользу датировки, предложенной С. В. Киселевым) лишь в 1964 г.: см. М. П. Грязнов. Археологические раскопки на Енисее. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г.» М., 1964, стр. 55. Ср. M. Gryaznov. Sibérie du Sud. «Archaeologia Mundi», Genève — Paris — Munich, 1969, стр. 98.

заключения С. В. Киселева. В особенности отметим отчетливо выявляемое в материалах из Хара хая участие в сложении карасукской культуры местных андроновских и алакульских этнических элементов. Подтверждается мнение ряда исследователей о том, что андроновская (федоровская) и алакульская этнографические общности существовали независимо, почти синхронно и на различных территориях при этом отмечаются их контакты и передвижения [43].

Люди, хоронившие на карасукском кладбище Хара хая, еще сохраняли обрядовые формы и некоторые традиционные черты материальной культуры тех этнографических общностей, из которых они происходили.

Так, к местной предшествующей андроновской культуре [44] восходят, очевидно, такие особенности обряда, как парное погребение в одном ящике (№ 8) мужчины и женщины, положенных друг за другом на левом боку. Возможно, что с древним местным населением связаны особенности физического типа мужчины из могилы № 2, отличающегося от карасукцев удлиненными пропорциями черепной коробки. К андроновской культуре восходит ориентация скелетов на запад — юго-запад (6 случаев), наличие гребенчатого штампа и вертикальных зигзагов в украшении сосудов, сходные формы височных колец, пронизок, обоймочек, выпуклых штампованных бляшек.

Какую-то часть пришлого алакульского населения характеризуют такие особенности в устройстве погребальных сооружений, как сдвоенные или неполные ящики [45], а так же грунтовые ямы. С алакульской культурной традицией оказываются связанными бадейки с двухзонным орнаментом, со свободным полем вокруг горловины, наличие желобков вокруг венчика некоторых сосудов, а также кольчатые и каплевидные узоры. Алакульским влиянием следует объяснить наличие «уступов» на ряде карасукских сосудов. Алакульскими по происхождению являются бляхи с концентрическими окружностями из выпуклых валиков и сплющенная «трубочка» (рис. 5, *1*, *2*; рис. 6, *7*), а также, возможно, какая-то часть выпуклых штампованных бляшек, обоймочек и пронизок.

Собственно карасукским в могильнике Хара хая следует считать, прежде всего, тип подквадратных оградок с погребениями в каменных ящиках. При этом ящики нередко имеют расширения в головном конце. Карасукскими являются также: положение умерших вытянуто на боку, и ориентировка их головой на восток — северо-восток. В могиле № 5 обнаружен специфичный для этой культуры мужской череп брахикранного типа. Карасукские черты отчетливо проявились в формах большинства сосудов (сферических, бомбовидных и сферических плоскодонных), в шахматном порядке узоров, а также особом их расположении соответственно типу сосудов, в использовании треугольных и ямочных штампов. Что касается найденных нами предметов, то к чисто карасукским относятся сдвоенные полушарные, полусферические гладкие и прямоугольные бляшки, а также пластинчатые браслеты.

---

[43] Э. А. Федорова-Давыдова. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1968; В. С. Стоколос. Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1967; Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Тр. ГИМ, 37, М., 1960; ее же. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. Сб. «Археология и этнография Башкирии». II, Уфа, 1964; См. также М. К. Кадырбаев. Акмола — памятник андроновской культуры. Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969 и С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. докт. дис., М., 1970.

[44] Напомню, что деревня Андронова, давшая имя культуре, находится в Хакасско-Минусинской котловине, в 4 *км* к юго-востоку от ст. Крутояр Красноярской ж. д.

[45] Ящики с парными погребениями мужчины и женщины, разделенными внутренней плитой, следует считать собственно карасукскими. Их нет ни в андроновских, ни в алакульских памятниках, ни в раннекарасукское время.

Таким образом, на раннем этапе карасукской культуры, судя по описанным материалам из Хара хая, можно констатировать три этнические традиции, еще не подвергнувшиеся полной нивелировке. Так как вклад местного (андроновского и древнего афанасьевского) населения, а также пришлых с юго-востока собственно карасукских степных племен, уже выявлен как С. В. Киселевым, так и другими исследователями [46], то нам следует остановиться на впервые фиксируемом новом небольшом притоке населения с запада, из области расселения алакульских племен, обитавших на территории современного Казахстана.

Продвижение какой-то части алакульских племен на восток, на земли, до того занятые андроновскими (федоровскими) племенами, отмечается в работах ряда исследователей. В частности, выявляется движение из Центрального Казахстана на Иртыш и далее по приалтайским степям на Верхнюю Обь [47]. К самому началу карасукской культуры часть алакульцев появилась на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Когда это произошло? Комплекс алакульского «воздействия», который подробно описан выше, совпадает по многим признакам со временем возникновения таких памятников алакульского типа, как могильники Тасты-Бутак I, Алексеевский и отчасти сам Алакульский. Могильник Тасты-Бутак радиоуглеродным методом датирован XIII — первой половиной XII в. до н. э. (автор раскопок допускает возможность уточнения даты до XIV — первой половины XIII в.) [48].

Эта дата соответствует времени начала карасукской культуры и позволяет считать, что исследованный нами могильник Хара хая относится также к XIII в. до н. э. Продвижение группы алакульского населения на восток, очевидно, происходило в таком случае в XIV в. до н. э., а в начале XIII в. часть алакульских пришельцев появилась в западных районах Хакасско-Минусинской котловины [49] и вступила во взаимодействие, как с древним местным населением, так и с пришедшими в это же самое время с юго-востока собственно карасукскими племенами. Весьма вероятно, что впоследствии будут выявлены и другие этнические группы, принявшие участие в этом процессе.

Таким образом, карасукская археологическая культура сложилась в результате сложного синтеза культур нескольких этнографических групп различного происхождения. Это подтверждается весьма смешанным антропологическим составом карасукского населения [50].

Ранний этап карасукской культуры, к которому относятся памятники типа описанного нами могильника Хара хая, можно было бы назвать Ха-

---

[46] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири; Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970; М. Д. Хлобыстина. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореферат канд. дис., Л., 1963.

[47] М. К. Кадырбаев. Ук. соч.; А. П. Уманский. Итоги археологических раскопок в Нижней Суетке в 1964 году. «Секция „Неолит и бронзовый век“ (тезисы докладов). Пленум Института археологии 1966 г. М., 1966; его же. Новые памятники андроновской культуры на Алтае. Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского ГПИ, 1, Кемерово, 1967. В Прииртышье (близ Павлодара) отмечены в могильнике Кобдик и наиболее восточные сдвоенные ящики. А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орозбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 38, 55, 286.

[48] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в западном Казахстане, стр. 89; «Андроновская культура», I, САИ, В 3—2, стр. 15; С. В. Бутомо. Применение радиоуглеродного метода в археологии. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях», М.— Л., 1963, стр. 29.

[49] Представления о приходе федоровских племен в Хакасско-Минусинскую котловину в XIII в. до н. э. оказались необоснованными: см. М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, 2, стр. 244.

[50] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955; В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. «Антропологический сборник», III, М.— Л., 1961.

рахаинским этапом (XIII в. до н. э.). В настоящее время намечается и последующий этап, который можно было бы назвать усть-ербинским (XII—XI вв. до н. э.), по могильнику у дер. Усть-Ерба, исследованному С. В. Киселевым [51].

L. R. Kyzlassov

«UNE NÉCROPOLE DE CULTURE KARASOUKÏENNE DÉCOUVERTE À KHARAKHAÏA»

Résumé

En 1958—1959, à Khakassie, sur la rive droite de la rivière d'Askise on a fouillé à la nécropole de Kharakhaï neuf sépultures se rapportant à la culture karasoukienne.

Outre les constructions funéraires traditionnelles propres à Kara-Souk ont été découverts des tombeaux dont la construction et la rite funéraires gardaient toujours les traits traditionnels bien prononcés de la culture d'Andronovo.

On révèle les traditions appartenant à une variante locale de la culture d'Andronovo ainsi que celles propres à la culture dite d'Alakoul, issue du Kazakhstan central.

Les études des matériaux provenant des fouilles de la nécropole de Kharakhaïa donnent lieu à rattacher ce monument archéologique aux étapes initiales de la culture de Kara-Souk. En même temps on peut révéler certains éléments éthniques participant à la formation d'une nouvelle culture qui ne fut pas encore entièrement nivelée.

Pour la première fois on a réussi à signaler ici un nouvel afflux peu considérable provenant d'une région où se peuplaient les tribus d'Alakoul qui occupaient le territoire du Kazakhstan actuel.

---

[51] Памятники этого этапа намечены М. Д. Хлобыстиной. М. Д. Хлобыстина. «Каменский могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников». СА, 1970, 1.

И. Г. ШУРГАЯ

АГОНИСТИЧЕСКИЕ АМФОРЫ В НЕКРОПОЛЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди находок в эллинистических некрополях центров Северного Причерноморья существует группа малоизученных расписных ваз, напоминающих позднепанафинейские амфоры. Находки подобных ваз известны также в ряде эллинистических центров Средиземноморья. И почти во всех случаях они происходят из некрополей. Таким образом, повсеместно эти вазы связываются с погребальным ритуалом.

Не преследуя цели всестороннего охвата материала, мы сосредоточиваем внимание преимущественно на находках этого типа на территории Северного Причерноморья.

На агонистические вазы впервые обратил внимание М. И. Ростовцев, назвавший их «агонистическими погребальными амфорами», что довольно точно характеризует всю серию ваз, воспроизводящих не только форму, но и сюжеты росписей позднепанафинейских амфор [1]. Вслед за М. И. Ростовцевым указанный термин был использован Р. Пагенштехером, утверждавшим наличие производства подобных ваз в Александрии. Не без оснований эту группу ваз Р. Пагенштехер называл «псевдопанафинейскими вазами» [2]. В дальнейшем вопрос об агонистических погребальных амфорах не получил специальной разработки в литературе, и их часто смешивают с позднепанафинейскими амфорами. Например, С. А. Семенов-Зусер в работе, посвященной физической культуре в центрах Северного Причерноморья, иллюстрируя один из агонов, привлек агонистическую вазу из Одесского музея, поименовав ее панафинейской амфорой [3]. Р. Эдвардс в сводной работе о позднепанафинейских амфорах чернофигурную амфору из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1901 г. также принимает за панафинейскую вазу [4]. Порой речь идет об имитациях панафинейских амфор, значению которых разъяснений не дается [5].

Между тем агонистические вазы, генетически связанные с позднепанафинейскими амфорами, весьма существенно от них отличаются. Позднепанафинейские амфоры, на которые они походят, как и панафинейские амфоры классической эпохи, помимо специфической формы обладают изображениями Афины Промахос на лицевой стороне, а на противоположной — изображениями агонов, исполненных в технике чернофигурной

---

[1] М. И. Ростовцев. Александрийская эллинистическая амфора. «Памятники музея изящных искусств», 1/2, М., 1912, стр. 64.

[2] R. Pagenstecher. Die Gefässe in Stein und Ton, Die Griechische-Ägyptische Sammlung E. von Sieglin, III, Leipzig, 1913, стр. 33.

[3] С. А. Семенов-Зусер. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940, стр. 17, рис. 6.

[4] G. R. Edwards. Panathenaics of Hellenistic and Roman Times. «Hesperia», 1957, 26, 4, стр. 326.

[5] Там же, стр. 323.

росписи. Позднепанафинейские амфоры снабжаются надписями, указывающими на их призовое назначение в праздники Великих Панафиней, и датированы именем архонта-эпонима, также начертанном на лицевой стороне вазы.

Восприняв форму позднепанафинейских амфор и рисунки агонов, написанных в чернофигурной технике, агонистические амфоры не содержат изображения Афины и традиционных надписей. Произвольно заимствованные у позднепанафинейских амфор росписи агонистических ваз, как правило, представляют различные агоны, украшающие тулова сосудов с обеих сторон.

Рассмотрим доступные нам образцы агонистических погребальных амфор, включив в обзор как ранее публиковавшиеся, так и неопубликованные экземпляры. Суммировав, таким образом, весь материал, мы попытаемся выявить наиболее специфические признаки и разновидности агонистических ваз.

Наиболее типичным и вместе с тем совершенным образцом агонистической амфоры является чернофигурная ваза из раскопок ольвийского некрополя в 1901 г.[6]. Покрывающая боковую поверхность вазы роспись исполнена в чернофигурной технике и представляет собой изображение двух агонов: всадника и колесничего, управляющего квадригой. Горло сосуда украшено лавровой ветвью — узором, не характерным для оформления этих частей панафинейских ваз. Форма сосуда, его размеры, изображение агонов, чернофигурная техника с последующей проработкой изображений резцом — все это заимствовано у позднепанафинейских амфор. Не определяя центра, откуда амфора была доставлена в Ольвию, Б. В. Фармаковский сближал ее с апулийскими и позднепанафинейскими амфорами[7]. От аналогичной вазы, по-видимому александрийского происхождения сохранились три фрагмента боковой поверхности с остатками изображений кулачных бойцов, бегунов и дискобола[8]. К этой же серии ваз следует отнести фрагменты чернофигурной амфоры, хранящейся в Одесском археологическом музее[9]. Амфора сильно пострадала в годы войны. В настоящее время от нее сохранились лишь части боковой поверхности, украшенной некогда изображением агона — бегущие атлеты. По остаткам росписи можно судить, что вазописец исполнил бег на длинную дистанцию — δόλιχος. В разработку сюжета включены изображения длинных колонн со стоящими на них светильниками. В орнаменте упомянутой амфоры проявилась известная деградация росписи, выразившаяся в небрежном исполнении рисунков, плохом «лаке», отсутствии проработки изображений резцом. Несмотря на различия, объясняемые тем, что эрмитажная амфора и обломки амфор из Херсонеса и Одесского музея были изготовлены в разных центрах и, по-видимому, в разное время, их объединяет близкое сходство с позднепанафинейскими амфорами.

В деталях росписи от позднепанафинейских амфор значительно больше отличается агонистическая ваза[10], происходящая из ольвийского некрополя, опубликованная Э. Р. Штерном[11]. Материал Э. Р. Штерна, со-

---

[6] Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г., ИАК, СПб., 1903, 8, стр. 28, рис. 15, *а*, *б*, *в*, *г*; см. также: ОАК, за 1901 г., стр. 9, рис. 13, *а*, *б*, *в*; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 276.

[7] Мы привели доказательства в пользу александрийского происхождения этой вазы. См.: И. Г. Шургая. К вопросу о чернофигурной вазовой росписи эпохи эллинизма. КСОГАМ, Одесса, 1965, стр. 148, 149.

[8] Фрагменты были найдены в Херсонесе в 1903 г. Хранятся в Государственном Эрмитаже, инв. № Х-1903/132—134. См.: И. Г. Шургая. Ук. соч., стр. 151, рис. 2, *1*, *2*, *3*.

[9] ОГАМ-45995; место находки — Ольвия, некрополь. Рисунок амфоры помещен в упоминавшейся нами работе С. А. Семенова-Зусера. См. С. А. Семенов-Зусер. Ук. соч., рис. 6 на стр. 17.

[10] ОГАМ — 26640.

[11] Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗООИД, XXVIII, Одесса. 1910, стр. 163, табл. I, *1*.

держащий керамику различных форм, был определен им целиком как александрийский. В дальнейшем, однако, его расчленили на местную и импортную группы [12]. Несколько гидрий из серии сосудов, опубликованных Э. Р. Штерном, были привлечены нами к работе, посвященной александрийской керамике в Северном Причерноморье, и им была дана атрибуция в качестве ваз Гадра [13].

На одной из сторон вазы черным «лаком» изображена квадрига, управляемая Эротом, на другой — Эрот, скачущий верхом на коне, словно стремящийся догнать бегущего впереди другого Эрота. Характерно отсутствие проработки изображений резцом. Повторяя в общих чертах форму позднепанафинейской амфоры, данная амфора отличается от нее более удлиненными пропорциями. В росписи амфоры помимо изображения обычных агонов — всадник и колесничий — включены детали, несвойственные панафинейским амфорам: Эрот, убегающий от всадника. В композиции совмещены агонистические и бытовые детали, не имеющие ничего общего с агоном. Исполненная как вольное подражание позднепанафинейской амфоре, ваза предназначалась для погребального ритуала. Об этом свидетельствует крайне слабый обжиг сосуда, непрочный «лак» росписи и тот факт, что ваза была сквозной без дна. Ваза сформована из пористой розовато-коричневой глины с мелкими блестками слюды, неизвестной нам по другим изделиям, что лишает нас возможности установить центр, где был изготовлен сосуд.

Рис. 1. Чернофигурная амфора — рисунок. Одесский археологический музей

Столь же трудно определить место производства и второй из опубликованных Э. Р. Штерном амфор [14]. Ваза исчезла в годы войны, и о ней можно судить только по публикации Э. Р. Штерна. Роспись амфоры, еще значительнее отходящая от росписей агонистического круга, свидетельствует о том, что в керамической мастерской, где она была сформована и расписана, воспроизвели только форму позднепанафинейской амфоры. На светло-розовом фоне тулова жидким черным «лаком» исполнен обнаженный атлет в венке с свисающими к плечам лентами. Он опирается на длинную трость (спортивный снаряд?). В левой руке атлет держит тенню (рис. 1). Позади него — женская фигура в хитоне и с венком на голове. Правая рука женщины вытянута по направлению к атлету так, словно она пытается удержать его. Как можно

[12] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 140 сл.

[13] И. Г. Шургая. Импорт Александрии в Северном Причерноморье. ВДИ, 1965, 4, стр. 126 сл.

[14] Там же, стр. 163, 164, табл. II, 2.

видеть, сюжет, в отдельных деталях восходящий к агонистической тематике — изображение атлета, трактуется в связи с погребальным ритуалом [15]. Об этом свидетельствует присутствие в росписи венков, тений, бантов и характер сюжета в целом. Агонистический облик, вазы подчеркивается ее формой, заимствованной у позднепанафинейской амфоры.

Две другие вазы (также публиковавшиеся Э. Р. Штерном), форма которых восходит к позднепанафинейским амфорам, украшены чернофигурными рисунками, не имеющими каких-либо точек соприкосновения с росписями агонистического круга [16].

Одна из амфор, от которой к настоящему времени сохранилась только средняя часть тулова с декоративным фризом, имела ранее высоту 58 *см* [17]. Амфора покрыта коричнево-черным «лаком», за исключением средней части тулова, оставленного в цвете глины и украшенного симмет-

Рис. 2. Фрагментированная чернофигурная амфора с изображением дельфинов. Одесский археологический музей

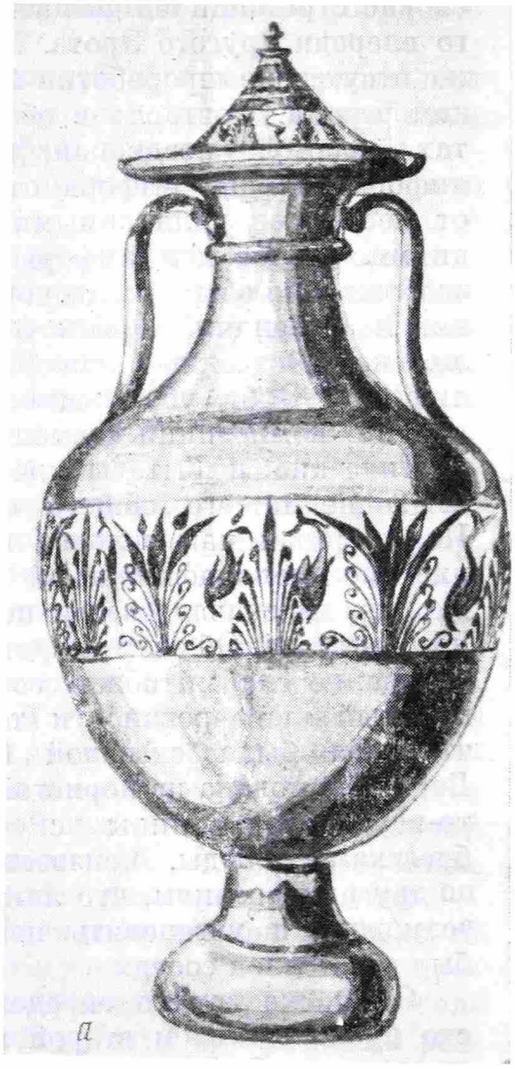


Рис. 2а. То же — рисунок. Реконструкция по Э. Р. Штерну

рично расположенными изображениями дельфинов, пальметками и водяными растениями (рис. 2 и 2а).

Другая амфора, сохранившаяся в таком же виде, как и предыдущая, орнаментирована чернофигурными изображениями грифонов с подчеркнуто симметричной, «геральдической» постановкой фигур [18] (рис. 3 и 3а). В интервалах на красноглиняном фоне декоративного фриза выписаны крупные пальметки.

Несмотря на различие в сюжетах росписи, обе амфоры близки по характеру исполнения, пропорциям формы, характеру «лака». Сформованы они из глины одного сорта: розовато-желтоватого цвета, светлой, абсолют-

[15] Об этом же пишет и Э. Р. Штерн: «Все изображение имеет, как доказывают венок и тении, известное отношение к погребальному ритуалу». Там же, стр. 164.

[16] Там же, стр. 164, 165, табл. I, *4* и II, *3*. Облик амфор, сильно пострадавших в годы второй мировой войны, реконструируется по рисункам в статье Э. Р. Штерна.

[17] III/1896; происходит из ольвийского некрополя.

[18] III/2973; происходит из ольвийского некрополя.

но идентичной, как можно видеть из непосредственного сопоставления, глине александрийских ваз Гадра [19].

Э. Р. Штерн предполагал, что все четыре опубликованные им амфоры александрийского происхождения. Он исходил из близкого сходства мотивов росписей амфор Одесского музея с керамикой Гадра из собрания Каирского музея [20].

Как мы уже отметили, амфора ОГАМ — 26640 (с изображением возницы, погоняющего квадригу, и всадника, преследующего Эрота) сформована из глины, не имеющей ничего общего с александрийской глиной. Установить же ее александрийское происхождение, как это делает Э. Р. Штерн, исходя только из сходства агонистического сюжета росписи амфоры с изображениями на небольшой группе чернофигурных гидрий Гадра [21],

Рис. 3. Фрагментированная чернофигурная амфора с изображениями грифонов. Одесский археологический музей

Рис. 3а. То же — рисунок. Реконструкция по Э. Р. Штерну

орнаментика которых в свою очередь сложилась под влиянием позднепанафинейских амфор, нельзя. Сходство росписи амфоры ОГАМ — 26640 с орнаментикой указанной серии чернофигурных гидрий Гадра понятно: они находятся под влиянием росписей одного и того же круга — позднепанафинейских амфор. А это, естественно, не подтверждает их происхождение из единого центра. По-видимому, агонистическая амфора ОГАМ — 26640 была завезена в Ольвию из какого-то эллинистического центра, поддерживавшего с ней торговые связи в III в. до н. э.

Что касается второй амфоры (пропавшей в годы войны), характер

[19] Э. Р. Штерн глину всех четырех расписных амфор воспринимает как совершенно однородную: «светло-желтая, крошащаяся, слабо обожженная глина» (Там же, стр. 163, 164). Между тем амфора ОГАМ-26640 изготовлена из более темной коричневато-желтоватой глины с мелкими блестками слюды и заметно отличается от глины амфор, украшенных изображениями дельфинов и грифонов (инв. № III/1896 и III/2973).

[20] Там же, стр. 170, 171.

[21] Речь идет о сравнительно небольшой группе гидрий Гадра с агонистическими росписями, являющихся частью обширной серии чернофигурных александрийских ваз Гадра.

глины которой нам известен только по описанию Э. Р. Штерна, то вполне допустимо, что она была изготовлена в Александрии. Ее роспись перекликается с орнаментикой ряда чернофигурных гидрий Гадра, не связанных с агонистическим кругом и более самобытных по декоровке [22].

Александрийское происхождение двух агонистических амфор с изображениями дельфинов и грифонов доказывается многочисленными аналогиями с росписями ваз Гадра в сочетании с александрийской глиной, из которой изготовлены амфоры.

Распространенный в эллинистическую эпоху декоративный мотив — дельфины, в том виде, как он трактован на амфоре из Одесского музея, отмечается только в росписи чернофигурных гидрий Гадра. Подобное изображение дельфинов, правда с некоторыми разновидностями, можно видеть на гидрии из некрополя Гадра эль-Манара [23], на гидрии из Каирского [24] и Александрийского [25] музеев и на гидрии Гадра из Афинского национального музея [26].

Круг аналогий, указывающий на александрийское происхождение амфоры, украшенной грифонами, еще более широк. Сошлемся на гидрию из Каирского музея, где грифоны выписаны в той же «геральдической» схеме [27], на гидрию из Афинского Национального музея, где между грифонами помещена не пальметка, а женская крылатая фигура [28]. На гидрии Гадра из собрания Лувра грифон изображен в единственном числе [29]. Изображение грифонов широко используется в искусстве Александрии эллинистической поры. В росписи люнетки эллинистической секции некрополя Сук эль-Вардиан грифоны трактованы так же, как на одесской амфоре [30]. Сдвоенные изображения грифонов входят в состав декора мозаики, украшавшей пол эллинистического дома в Александрии [31]. На многочисленных обломках александрийских фаянсовых кубков сдвоенные (возле пальметки) или одиночные изображения грифонов встречаются достаточно часто [32].

Таким образом, важно констатировать, что в Северное Причерноморье проникают агонистические погребальные вазы, производившиеся в Александрии [33].

О применении агонистических амфор в погребальном культе александрийских греков свидетельствуют изображения их в росписи центральной

---

[22] Ср., например, с гидрией из Каирского музея с изображением сирен (инв. № 26242); C. C. Edgar. Greek Vases, Le Caire, 1911, табл. XVII.

[23] A. Adriani. Nouvelles decouvertes dans la necropole de Hadra. Annuaire du Musee Greco-Romain, III (1940—1950), Alexandrie, 1952, стр. 18, рис. 14, табл. X, *2*.

[24] R. Pagenstecher. Dated Sepulchral Vases from Alexandria. AJA, 1909, XIII, табл. XI, *15*.

[25] Его же. Schwarzfigurige Vasen des vierten und dritten Jahrhunderts. Bulletin de la Societe Archeologique d'Alexandrie, 1912, 14, табл. XVI, *13*.

[26] Его же. Die Gefässe in Stein und Ton..., табл. IV.

[27] C. C. Edgar. Greek Vases, стр. 42, табл. XVI (инв. № 26358).

[28] L. Guerrini. Vasi di Gadra. Studi Miscelanei, 8, Roma, 1964, стр. 14, табл. III, *33*.

[29] Там же, стр. 42, табл. XVI, инв. № 26358.

[30] E. Breccia. Le Musee Greco-Romain 1925—1931, табл. XXVII, *97*.

[31] B. R. Brown. Ptolemaic Paintings and Mosaics and the Alexandrian Style. Cambridge (Mass.), 1957, стр. 69, табл. XLIV, *2*.

[32] E. Breccia. La necropoli di Sciatbi, II, табл. XXX, *271*, *272*. Обломки фаянсовых кубков этого типа имеются в коллекции В. С. Голенищева ГМИИ им. А. С. Пушкина; И. Д. Марченко. Из истории художественного ремесла Александрии. ВДИ, 1962, 2, стр. 106, рис. 2, *а*, *б*.

[33] Производство агонистических погребальных ваз в Александрии подтверждается находками их в александрийских некрополях. При осмотре мною экспозиции «Греко-римского музея» в Александрии главный хранитель музея Ю. Эль-Гериани любезно предоставил возможность ознакомиться с чернолаковой амфорой, которую следует отнести к категории агонистических погребальных ваз. Амфора (инв. № 23907) высотой 53 *см* происходит из гробницы некрополя Гадра (найдена при земляных работах на восточной окраине Александрии), изготовлена из светлой желтовато-розовой местной глины и покрыта тонким слоем жидкого коричнево-черного лака с тусклым блеском.

камеры одной из подземных гробниц некрополя Мариссы в Идумее, сооруженной по типу скальных александрийских гробниц [34]. Некрополь принадлежал сидонской колонии Мариссе, основанной Птолемеями в конце III в. до н. э. на принадлежавшей им части южной Палестины.

Таким образом, рассмотрев несколько агонистических амфор, часть которых нам удалось определить как александрийские, мы установили, что одни вазы близко походят на позднепанафинейские амфоры, тогда как другие, заимствовав форму, не выдерживают общей схемы росписи панафинейских ваз.

Рис. 4. Чернолаковая амфора с изображением бега гоплитов, исполненным в технике накладной росписи

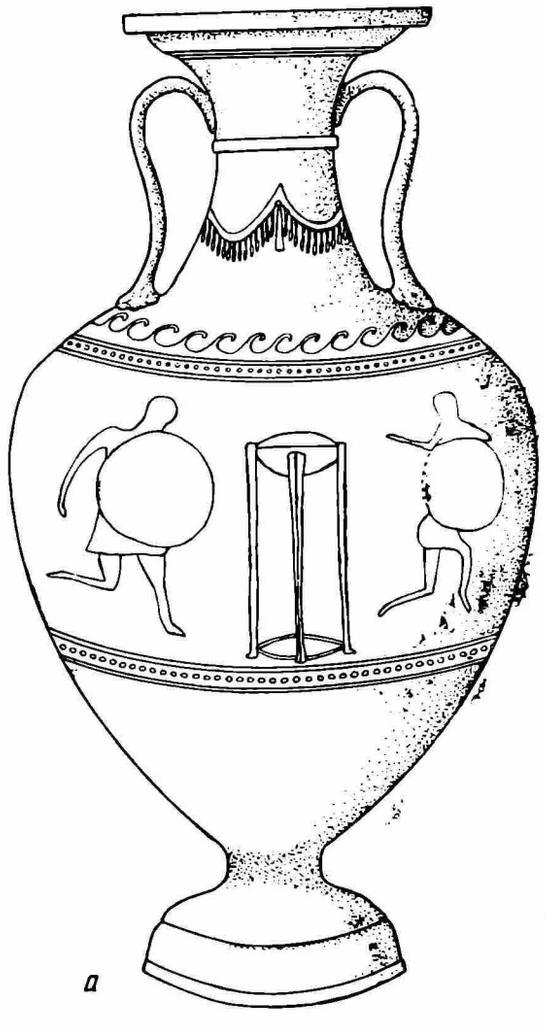


Рис. 4а. То же — прорисовка

Естественно, что в разных эллинистических центрах копирование позднепанафинейских амфор, хотя и не принявшее значительных масштабов, но подчиненное единой задаче — выделке агонистических ваз для погребального ритуала, было различным. По-разному, видимо, подходили к этому керамисты, стремившиеся передать общую схему позднепанафинейской амфоры, не отрабатывая деталей. Это в известной мере диктовалось и задачами производства — упростить, а следовательно, и ускорить выпуск агонистических ваз. Здесь сказались общие тенденции техники орнаментирования расписной эллинистической керамики.

Обратимся к примерам. В собрании Одесского археологического музея хранятся две чернолаковые амфоры. Одна из них, изготовленная из плот-

[34] J. P. Peters and H. Thiersch. Painted Tombs in the Necropolis of Marissa. London, 1905, стр. 13—14.

ной глины, покрыта тусклым черным «лаком» с незначительным блеском [35] (рис. 4 и 4а). Сосуд сформован в виде позднепанафинейской амфоры с заметными нарушениями пропорций ее формы. Высота 58 *см*. Тулово вазы чрезмерно велико, узкое горло посажено на непомерно широкие плечики. Ручки выгнуты в бо́льшей мере, чем у позднепанафинейской амфоры, ножка сработана нечетко, без обозначения граней.

Орнамент выполнен разжиженной глиной и белой краской, т. е. в широко практикуемой в эллинистический период технике накладной росписи. Горло амфоры украшено гирляндами зерновидных подвесок, нанесенных поверх чернолаковой поверхности тулова розовой краской и доработанных резьбой. Резьбой выполнен и орнамент «волны» на плечиках.

Чернолаковая поверхность средней зоны украшена изображениями бегущих со щитами мужских фигур. Роспись произведена красноватой разжиженной глиной, местами отставшей от поверхности сосуда. Рисунки сделаны в свободной беглой манере. В их исполнении заметна известная незавершенность: головы отдельных фигур намечены легким мазком, у других выписаны в виде кружков; руки написаны только до запястья, ступни ног едва обозначены. Фигуры отделены одна от другой треножниками, написанными разжиженной глиной.

Сюжет, представленный в виде обособленных, изолированных фигур, мало разработан, лишен законченного содержания. Оформление вазы носит исключительно декоративный характер. Вместе с тем совершенно очевидно, что бегущие мужские фигуры со щитами — заимствования росписи позднепанафинейской амфоры, где аналогичный сюжет обладает достаточной завершенностью и трактуется как ὁδὸ μος ὁπλίτης, т. е. бег атлетов в полном воинском снаряжении [36]. Агонистический характер росписи согласуется с формой амфоры.

Отдавая дань времени, гончар расписал вазу, воспроизводящую форму и сюжеты росписей позднепанафинейских амфор в несвойственной им технике.

Детали выполнения орнамента в технике накладной росписи в сочетании с характерной оранжево-красной глиной и покрывающим сосуд черным «лаком» коричнево-бурого оттенка — все это позволяет определенно выяснить вопрос о месте производства амфоры. Небрежно исполненный орнамент накладной белой, желтоватой или розоватой краской с обильным применением резьбы, как правило, характеризует малоазийскую керамику Гнафия, скорее всего ее пергамские образцы [37]. Узор зерновидных подвесок в той трактовке, которая наблюдается на публикуемой амфоре, отмечен А. Конце в публикациях пергамских образцов керамики Гнафия [38]. Рассмотренную агонистическую амфору скорее всего следует отнести к изделиям пергамского производства.

Вторая амфора [39] сформирована из глины того же качества, что и вышеописанная, и почти целиком в деталях воспроизводит ее пропорции (рис. 5). Высота амфоры почти такая же — 59 *см*. Покрывающий амфору черный лак с коричнево-бурым оттенком местами осыпался, обнажая красновато-оранжевый фон глины. Горло амфоры по обеим сторонам украшено пальметками, написанными белой краской в технике накладной росписи.

---

[35] ОГАМ-24905; Ольвия, некрополь.

[36] Приведем еще один известный нам случай копирования указанного сюжета с позднепанафинейской амфоры. Речь идет о гидрии Гадра собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, где δρόμος ὁπλίτης в отличие от публикуемой амфоры исполнен в чернофигурной технике и значительно ближе стоит к оригиналу; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 62 сл.; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 244.

[37] Т. Н. Книпович, сопоставив керамику с накладной росписью пергамского и аттического производства, наглядно проиллюстрировала различие в продукции керамики стиля Гнафия названных центров. Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, 1949, стр. 274.

[38] A. Conze. Altertümer von Pergamon. I, 2, табл. 36, 37, 38, 39.

[39] ОГАМ-24976; Ольвия, покупка у местного жителя в 1896 г.

Непрочный узор плохо сохранился и в настоящее время слабо различим. По краю плечиков и в нижней части тулова резцом обозначены двойные углубленные желобки, сверху и снизу обрамляющие декоративный фриз тулова. Заготовка под роспись тулова амфоры, целиком покрытого черным лаком, была рассчитана на заполнение ее накладной росписью. По-видимому, значительно упрощенная декорировка вазы не была доведена до конца.

Несмотря на различия в оформлении обеих амфор, мы констатируем полную идентичность в манере применения техники накладной росписи, обилие резьбы, что дополняется полным совпадением качества их глины и лака.

Таким образом, и амфора ОГАМ—24976 принадлежит к изделиям малоазийского, видимо пергамского, производства. Датировка ваз, вышедших, как можно полагать, из одной мастерской, решается на основе их типологических признаков. Лак, покрывающий амфоры, непрочный, матовый, но с некоторым блеском, близок покрытию малоазийской керамики второй половины III в. до н. э. В эту же эпоху орнаментация накладной белой краской все более схематизируется, упрощается, приобретает известную «беглость».

Наиболее вероятной датой двух рассмотренных амфор следует признать время второй половины — конца III в. до н. э.

Рассмотрев обе амфоры, пергамское происхождение которых представляется нам наиболее вероятным, мы убедились, что если агонистический характер первой амфоры определяется ее формой и сюжетом росписи тулова, то агонистический облик второй амфоры — только ее формой. В итоге рассмотрения двух вышеописанных ваз становится очевидным, что в серии агонистических погребальных амфор отмечаются образцы, украшенные не только чернофигурной росписью, но и в иной системе декорировки, например в технике накладной росписи. Отмечаются образцы, в оформлении которых агонистические сюжеты росписи отсутствуют, как это можно видеть у амфоры ОГАМ — 24979. Вместе с тем существуют и амфоры, расписанные в чернофигурной технике, но сюжетами, далеко отстоящими от агонистического круга, примером чего служат три александрийские амфоры собрания Одесского музея, которые были рассмотрены нами выше.

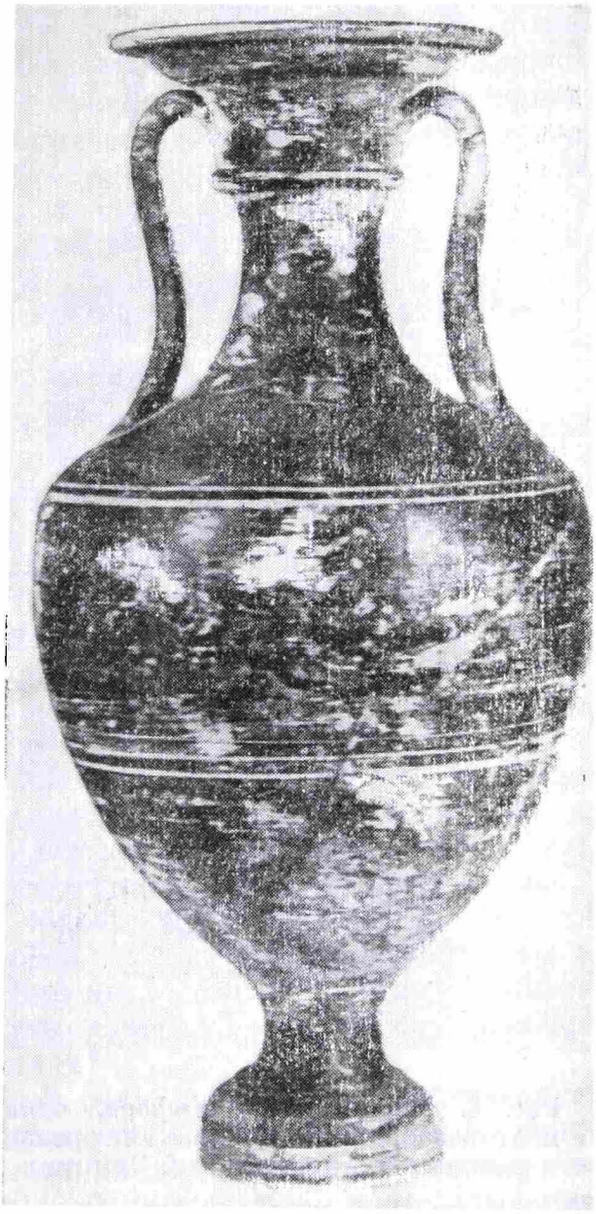


Рис. 5. Чернолаковая амфора со следами росписи накладной белой краской. Одесский археологический музей

Следовательно, агонистические погребальные вазы обладают значительными различиями в облике, сохраняя свой основной признак — форму, восходящую к позднепанафинейской амфоре.

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже чернолаковая амфора представляет собой еще одну из разновидностей агонистических погребальных

ваз [40]. Сравнительно небольшая ваза (высота 52 *см*) приближается к пропорциям позднепанафинейской амфоры (рис. 6). Сосуд изготовлен из оранжево-красной глины и закрашен черным «лаком», небрежно нанесенным на его поверхность. На нижней части тулова вазы резцом выполнены глубокие желобки. В оформление вазы желобки проникли из других форм эллинистической керамики, находящихся под сильным влиянием изделий торевтики: желобчатых гидрий, пелик и др. Ручки амфоры снабжены вертикальными ребристыми выступами наподобие ручек крупных металлических сосудов и их керамических подражаний.

Рис. 6. Чернолаковая амфора, орнаментированная в технике накладной росписи. Государственный Эрмитаж

Амфору украшает узор, выполненный накладной росписью розовой и белой краской с применением резьбы. Удлиненные лепестки, спускающиеся от венчика к основанию шейки, походят на чернофигурный узор горла панафинейских амфор. Каждый лепесток обведен резцом. Сдвоенные желобки — на плечиках и в нижней части тулова, у рифленой поверхности — обрамляют декоративный фриз тулова, разделенный на две зоны. Верхняя зона украшена пальметками, грифонами, букранием и женской фигуркой с распростертыми руками и изогнутыми в виде спиралей змеевидными ногами. Нижняя — изображениями голубей, написанных белой краской, и розеток с растительными побегами. Изображения двух грифонов, помещенных в центре декоративной зоны, по обеим сторонам пальметки, вызывают особый интерес. Как говорилось выше, это сюжет, широко применяемый в александрийском искусстве. Парными грифонами, исполненными в чернофигурной технике, украшена рассмотренная нами александрийская агонистическая амфора из Одесского музея [41]. Применение грифонов в декорировке эрмитажной амфоры, возможно, связано с александрийскими влияниями на декоративное искусство центра, где был изготовлен сосуд.

По манере использования техники накладной росписи с обилием резьбы, характеру глины, совпадающей с глиной двух предыдущих ваз Одесского музея, можно установить, что амфора принадлежит кругу малоазийских, скорее всего пергамских, изделий. Типологические признаки сосуда — качество черного «лака», система росписи, близкие в целом «лаку» и росписи двух упомянутых одесских амфор, указывают на ту же эпоху, что и время существования этих амфор,— середина — конец III в. до н. э.

Таким образом, рассмотрев серию агонистических погребальных амфор, мы убеждаемся, что они исходят из формы позднепанафинейских ваз, по-

[40] Б 3203. Найдена в Ольвии в 1909 г.
[41] ОГАМ-III/2973. См. рис. 4, *2*.

рой с большими или меньшими вариациями копируя их росписи. В то же время орнаментика их не всегда походит на оформление прототипа, более сложное, трудоемкое, а нередко несвойственное центрам, в которых производились амфоры. Именно поэтому отдельные агонистические амфоры украшены в более простой системе орнаментации, такой как накладная роспись, резьба и т. п., характерной для керамического производства большинства эллинистических центров. А специфика оформления художественной керамики в Александрии и Пергаме позволяет выделить агонистические погребальные амфоры, принадлежащие этим центрам. Мы видим, как сложившаяся в Пергаме система накладной росписи белой краской по чернолаковой поверхности сосуда (так называемый стиль Гнафия), с использованием резьбы, применяется в оформлении агонистических амфор, в то время как в Александрии Египетской в орнаментике этой же серии ваз используется чернофигурная роспись, пережившая в названном центре свое второе рождение и практикуемая в оформлении одной из серий ваз Гадра, сосудов, как известно, связанных с погребальным ритуалом.

Закономерен вопрос: как истолковать выпуск и распространение агонистических погребальных ваз, которые, как мы показали, генетически связаны с позднепанафинейскими амфорами и предназначались для погребального ритуала?

Их существование приходится главным образом на период конца IV—III вв. до н. э., отчасти начала II в. до н. э. Как известно, в Афинах в эллинистическую эпоху праздновались Великие Панафинеи, а победителям в отдельных видах состязаний, как и ранее, вручались призовые вазы. Международное значение Панафиней в указанное время не уменьшилось, а скорее наоборот возросло. В празднествах стремятся принять участие граждане удаленных от Афин эллинистических центров, в списках победителей можно прочесть имена крупнейших эллинистических монархов таких династий, как Атталиды, Птолемеи, Селевкиды [42]. Панафинейские амфоры, находки которых, относящиеся к эллинистической эпохе, встречены в разных странах Восточного Средиземноморья, изображаются в мозаиках [43], фресках [44], в росписи ваз [45]. Еще с классической эпохи за пределами Афин распространялись миниатюрные имитации панафинейских амфор — так называемые псевдопанафинейские амфориски, в которых продавалось оливковое масло высшего качества для парфюмерных целей [46]. В настоящее время все больший вес приобретает мнение, согласно которому распространение панафинейских амфор в Средиземноморье объясняется не только вывозом их за пределы Афин неафинянами, победителями на состязаниях, но и продажей их в качестве дорогих, высокохудожественных сувениров в память о пребывании в Афинах [47].

Несмотря на снижение политической роли Афин в эллинистическую эпоху, город оставался крупнейшим культурным и художественным центром эллинистического мира, роль которого не уменьшилась с появлением новых крупных центров. Характерно в этом смысле звучит высказывание Афинея, который, перечисляя крупнейшие центры античного мира: «золотой город Александрию», «прекрасный город Антиохию», «прелестный город Никомедию», выше их считает «самый сияющий из всех городов избранных Зевсом — Афины» [48].

[42] См., например, JG, II_2, 2313—2317.

[43] R. Pagenstecher. Schwarzfigurige Vasen..., стр. 235, прим. 1.

[44] G. Daux. Chronique de fouilles et decouvertes archeologique en Grece en 1964. BCH LXXXIX — 1965 — II, стр. 991, рис. 3.

[45] Изображения позднепанафинейских амфор нередко встречаются в росписи полихромных ваз Гадра. C. C. Edgar. Greek Vases, стр. 49—50. табл. XIX; B. R. Brown. Ptolemaic Paintings..., стр. 62, 63, табл. XXXVII, *1*, *3*; G. R. Edwards. Panathenaics..., стр. 348, табл. 18.

[46] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 151.

[47] М. И. Максимова. Панафинейская амфора из Зеленского кургана. КСИА, АН СССР, 83, стр. 19, 20.

[48] Athen., Deipnosonph., I, 20*b*.

Эллины, жившие в окружении варварской периферии, большое значение придавали тому, что связывалось с общеэллинским центром культуры — Афинами. Панафинейские амфоры как почетные призы с Παναθηναια воспринимались в качестве наиболее выразительного символа этого города.

Несмотря на то, что панафинейские амфоры далеко не массовый материал в погребениях, уместно вкратце коснуться вопроса об их находках в курганах скифской знати, отметив при этом, что большинство таких находок относится к классической эпохе. В скифских погребениях панафинейские амфоры наряду с другими изделиями художественного ремесла могли оказаться только в результате торговых контактов с греками [49]. Уже указывалось, что сам факт выдачи победителям на состязаниях амфор в больших количествах предполагал продажу их владельцами, что при учете высоких художественных достоинств призовых ваз способствовало их обогащению [50]. По-видимому, непосредственно от победителей амфоры уже как предметы купли-продажи начинали свой путь в различные страны Средиземноморского бассейна, порой далеко проникая в глубь варварских территорий. Естественно, что по своему значению в погребениях скифов панафинейские амфоры не отличались от других предметов роскоши, тогда как в среде эллинов вне зависимости от того, были ли они получены владельцами на состязаниях или приобретены у торговцев, безусловно, ассоциировались с Афинами, Панафинеями и всем кругом воззрений, близких сердцу грека.

Применение панафинейских амфор в погребениях, безусловно, носило вторичный характер. Вазы изготовлялись в афинских керамических мастерских в первую очередь как традиционные и священные призы, вручавшиеся победителям. Однако позднепанафинейские амфоры нередко попадают в состав погребального инвентаря, что отмечает и Э. Пфуль [51]. Как мы пытались показать, в отдельных центрах существовал обычай класть в погребения эллинов вазы, имитировавшие позднепанафинийские амфоры — различные по характеру и качеству исполнения, но более доступные, чем оригиналы. Безусловно, не все погребения эллинов в центрах, где прослеживается этот обычай, сопровождались агонистическими вазами. Видимо, погребения с агонистическими вазами в какой-то мере следует ставить в один ряд с погребениями с «палестрическим инвентарем» [52]. Агонистические амфоры могли оказаться не только в погребениях эллинов, но и в погребениях эллинизованных аборигенов.

По-видимому, обычай применения агонистических ваз не во всех центрах Северного Причерноморья прослеживается в одинаковой мере. Если в Херсонесе [53] и на Боспоре [54] мы встречаем единичные экземпляры агонистических ваз, то в Ольвии их используют довольно широко. Выше мы приводили агонистические амфоры, привезенные в Ольвию из Египта,

[49] Б. Б. Пистровский. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана. ИРАИМК, III, Л., 1924, стр. 104, 105.

[50] Например, первый победитель в беге среди мужчин получал 60 амфор (панафинейских) масла, второй — 12. Самое большое количество амфор, наполненных оливковым маслом, выдавалось за победу в одном из труднейших видов конных состязаний — ἵππων ζεύγει ἀδηφάγῳ — 140 амфор; В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. II, СПб., 1899, стр. 134.

[51] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, II, München, 1923, стр. 912—914.

[52] О погребениях с «палестрическим инвентарем» см.: Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи Боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. МИА, 69, 1956, стр. 282.

[53] В Херсонесе нам известны обломки одной агонистической амфоры, как мы показали, александрийского происхождения. См.: И. Г Шургая. К вопросу о черно-фигурной вазовой росписи эпохи эллинизма. КСОГАМ, Одесса, 1965, стр. 148, 149.

[54] К серии агонистических ваз следует отнести великолепные амфоры, происходящие из Зеленского кургана. Одна из ваз, скорее всего аттической работы, украшена изображением амазономахии (выс. 76 *см*); другая, по-видимому, малоазийская,— каннелюрами и покрыта черным лаком. См.: В. В. Шкорпил. Зеленской курган на Таманском полуострове. ИАК, 60, стр. 23, рис. 5; Arch. Anz., 1913, стр. 181, рис. 6 и 7.

Малой Азии и других мест. Известны и местные образцы агонистических амфор. В отдельных случаях они просто копируют привозные изделия[55]. В Ольвии есть также группа агонистических погребальных амфор, изготовленных в местных традициях. Полихромные амфоры, значительная часть которых издана К. И. Зайцевой[56], следует признать местным, ольвийским вариантом агонистических погребальных ваз. Специфика ольвийских амфор заключена в их связи с импортной керамикой, предназначенной для погребального ритуала, и в первую очередь с керамикой Гадра, проникавшей в Ольвию. По-видимому, от полихромных ваз Гадра ольвийские амфоры усваивают систему белой облицовки и полихромную роспись, от чернофигурных ваз Гадра — отдельные элементы декора: лавровые ветви, орнамент «по зонам» и т. п. (рис. 7). Вся система росписи ольвийских агонистических амфор, не следующая какой-либо стойкой, сложившейся схеме, указывает на эклетичность их оформления, на освоение орнаментальных мотивов, идущих из различных источников, и, как нам кажется наиболее вероятным, в первую очередь из александрийского.

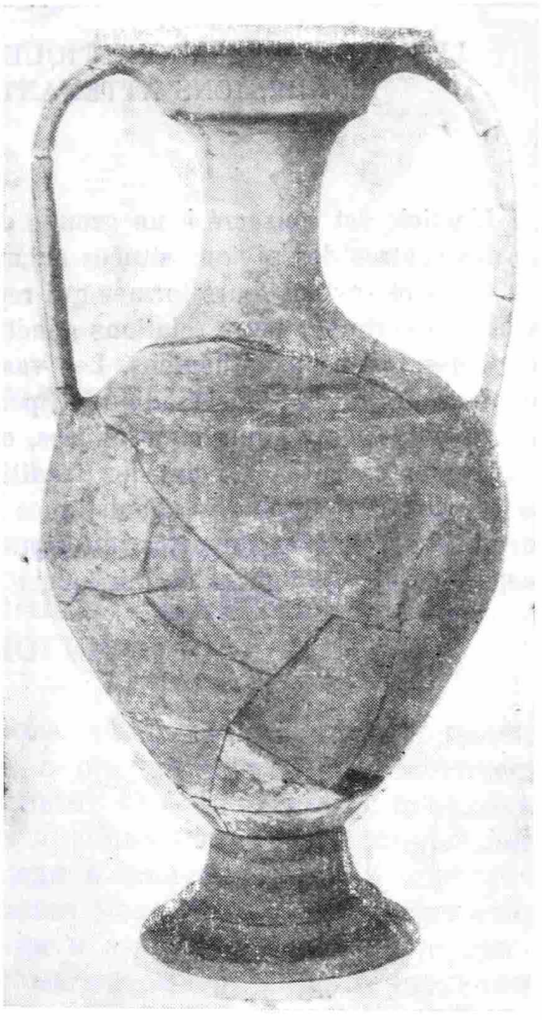


Рис. 7. Полихромная ольвийская амфора. Одесский археологический музей

В результате рассмотрения агонистических амфор из Северного Причерноморья, большая часть которых приходится на эллинистический некрополь Ольвии, мы убедились, что они изготовлялись во многих центрах. Находки подобных амфор александрийского и пергамского производства, свидетельствующие о контактах указанных центров с Северным Причерноморьем, дополняются серией агонистических ваз ольвийского производства. Агонистические погребальные амфоры, копирующие форму, а в ряде случаев и отдельные орнаментальные мотивы позднепанафинейских ваз, в каждом из центров, где они производились, обладают чертами, свойственными его керамическому производству в целом. Таким образом, в многообразной по форме материальной культуре различных частей эллинистического мира, разделенных огромными расстояниями, мы наблюдаем сходные явления, к которым следует отнести и агонистические амфоры.

---

[55] Подобная агонистическая амфора хранится в Одесском музее, см.: И. Г. Шургая. К вопросу об отражении александрийского импорта в керамическом производстве Ольвии. КСИА АН СССР, 109, стр. 38—41.

[56] К. И. Зайцева. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры). Тр. ГЭ. Л., 1962, VII, стр. 184 сл.

J. G. Chourgaia

LES AMPHORES AGONISTIQUES TROUVÉES DANS LES NÉCROPOLES DES RÉGIONS ATTENANTES AU NORD DE LA MER NOIRE

Résumé

L'article est consacré à un groupe d'amphores hellénistiques provenant des nécropoles des centres des régions situées au nord de la mer Noire. Les thèmes des décorations des vases et surtout leurs formes qui reproduisent l'aspect des amphores panathéniennes tardives expriment leurs relations génétiques avec les vases discernés en récompense au cours des festins panathéniens. Les vases agonistiques devaient servir en premier lieu, comme leurs décorations l'indiquent, pendant les cérémonies funéraires. Parmi les vases trouvés dans les régions mentionnées, on distingue ceux faits à Alexandrie d'Egypte et à Pergam, exécutés suivant les traditions de la production céramique de ces villes. La plupart des amphores agonistiques sont découvertes dans la nécropole d'Olbia où, parmi les récipients importés, on signale un groupe d'amphores d'origine locale dont l'aspect révèle les indices de l'influence des productions d'Alexandrie.

Заметки

Г. Ф. ЗАГНИЙ, В. А. КРУЦ, О. М. РУСАКОВ

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОТОННОГО МАГНИТОМЕТРА В АРХЕОЛОГИИ

В последнее время в условиях бурного гражданского и промышленного строительства, зачастую связанного с разрушением археологических объектов, становится все более очевидным, что археологам необходимы такие методы локализации погребенных древних объектов, которые позволяют обследовать перспективные площади в сжатые сроки и с достаточной степенью надежности. Одним из таких методов является магниторазведка, которая была успешно применена в археологии около десяти лет тому назад, когда появился протонный магнитометр, характеризующийся высокой разрешающей способностью и производительностью [1].

В настоящей статье изложен опыт магнитной съемки протонным магнитометром М-20 над многослойным памятником у с. Чапаевка, над трипольской площадкой у с. Ст. Безрадичи (Киевская область) и над гончарной печью у с. Любимовка (Днепропетровская область). Мы сознательно опускаем изложение теории метода магниторазведки, описание принципа работы протонного магнитометра, так как это можно найти в ряде руководств, предназначенных специально для археологов [2]. Здесь описываются только результаты магнитной разведки, которая была проведена весной 1967 г. в разных археологических условиях.

Археологический объект у с. Чапаевки представлен несколькими разновременными памятниками — поселением трипольской культуры, могильником зарубенецкой культуры и отдельными погребениями скифского времени. В 1966 г. здесь были проведены частичные раскопки.

Поскольку в задачу съемки входило выявление только ям трипольской культуры, то масштаб съемки выбран, исходя из размеров предполагаемых ям и, естественно, остальные археологические остатки, значительно уступающие по величине, не отразились в магнитном поле участка, хотя при более детальной сети наблюдений они могли бы стать объектами самостоятельных исследований.

На поселении трипольской культуры имелись различные хозяйственные ямы и углубления жилищ площадью от 5 до 20 $м^2$ и глубиной от 0,4 до 1 *м*. Все они были выкопаны в лёссе, заполнены гумусированным суглинком, содержащим различные материалы: керамику, кости животных и рыб, чешую рыб, створки раковин Unio, а также куски обожженной глины от печных сооружений, уголь, золу, Обожженная глина, уголь, зола залегали обычно скоплениями, площадью от 1×1 до 2×1 *м* и толщиной около 0,2 *м*. Иногда встречались отдельные скопления обломков сосудов.

[1] М. Д. Эйткин. Физика и археология. М., 1963.

[2] Там же; Г. С. Франтов, Л. А. Пинкевич. Геофизика в археологии. Л., 1966.

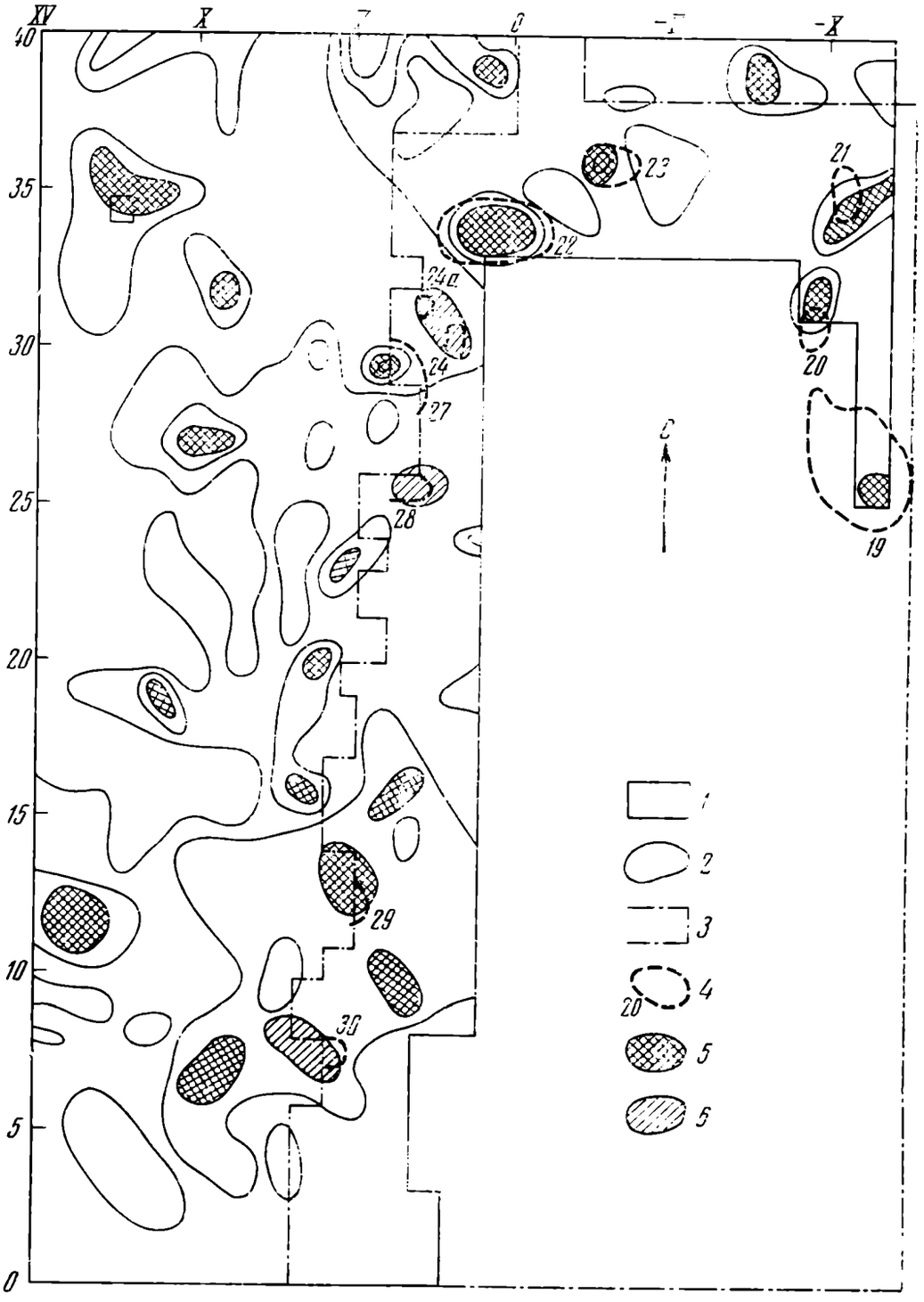


Рис. 1. Карта изолиний ΔT, полученная при съемке поселения трипольской культуры у с. Чапаевка

1 — границы участка съемки; *2* — изолинии ΔT; *3* — границы площади, где проводились раскопки в 1966—1967 гг.; *4* — контуры и номера ям, вскрытых раскопками; *5* — зоны повышенных значений ΔT; *6* — зоны пониженных значений ΔT

Могильник зарубинецкой культуры состоял из погребений, включавших пережженные человеческие кости и от одного до трех сосудов, стоящих вертикально или лежащих на боку.

Несколько слов о методике работ. Съемка проводилась на площади 2700 *м*^{2} по сети 2 × 2 *м*. Наблюдение производили два человека в течение трех дней. Вариации магнитного поля учитывались по данным магнитной обсерватории, расположенной в 40 *км* от Киева (пос. Дымер), хотя опытные исследования показали, что вполне удовлетворителен также способ исключения вариаций поля, при котором они фиксируются наблюдениями на одной точке через 5—8 мин. на протяжении всего периода работы. Точность съемки оценивалась повторными наблюдениями на 92 точках, что составляет 12% от общего количества точек. Среднеквадратичная

ошибка съемки составляет $\pm 1.3\gamma$. Чтобы упростить обработку наблюдений, в нормальном поле была выбрана точка, относительно которой вычислялись приращения полного вектора геомагнитного поля (протонный магнитометр измеряет абсолютное значение T).

Поскольку среднеквадратичная ошибка съемки — 1.3γ, то изолинии ΔT проводились через 4γ, что дало возможность исключать влияние случайных ошибок на характер изолиний, так как вероятность появления ошибки, превышающей утроенную среднеквадратичную погрешность, равна 0,01.

Ложные аномалии, вызванные осколками снарядов, современными железными предметами, опознавались по быстрому затуханию сигнала на пульте управления, вызванного резким нарушением однородности магнитного поля в непосредственной близости от датчика прибора. Эффект быстрого затухания сигнала приводит к тому, что заметно увеличивается разброс отсчетов вплоть до отказа работы магнитометра. Кроме того, аномалии, вызванные современными железными предметами, очень интенсивны по сравнению с теми, которые соответствуют археологическим объектам, и чрезвычайно локальны: они, как правило, фиксируются только в диаметре до 1 *м*.

На рис. 1 представлена карта изолиний ΔT. Здесь же показаны контуры ям, выявленных в процессе раскопок летом 1967 г. Области повышения поля отмечены двойной штриховкой, а зона понижения поля одинарной. Проанализируем карту магнитного поля с точки зрения соответствия аномальных значений ΔT археологическим объектам. Так, над ямами № 19, 20, 21, 22 наблюдаются аномалии примерно равной интенсивности, что не противоречит их одинаковому заполнению: оно сильно гумусировано и включает значительное количество фрагментов керамики, костей животных и рыб. Причинами повышения магнитного поля над этими ямами могут быть фрагменты керамики и обогащенная органическим веществом почва [3]. Обжиг глины при изготовлении керамических изделий и гумусизации почвы приводит к тому, что магнитные свойства объектов заметно увеличиваются и создается необходимый для магниторазведки контраст между заполнением ям и окружающей средой. Контуры аномалий в основном совпадают с границами ям, хотя имеются редкие исключения.

Например, яма № 19, несмотря на довольно большие размеры (около 8 *м* в поперечнике), характеризуется довольно узкой аномалией (около 2 *м*). Однако необходимо подчеркнуть, что заполнение большей части ямы по составу почти не отличается от почвенного слоя и только в восточном секторе ее обнаружен развал очага, который зафиксирован повышением поля. К тому же съемка выполнена над центральной частью ямы, поскольку остальная площадь была вскрыта ранее. Интенсивность магнитной аномалии над ямой № 23 несколько выше, чем над остальными. Повышение магнитного поля, очевидно, можно объяснить наличием в этой яме находок со следами действия огня и сильно гумусированной почвы.

На карте ΔT имеются отдельные участки, где значения поля понижены и которые, как выяснилось после раскопок, также приурочены к ямам. Например, ямы № 24, 24а, 28, 30 отмечаются пониженными величинами ΔT, причем ямы № 24 и 24а зафиксированы одной аномалией, хотя при более густой сети наблюдений было бы установлено две аномалии. Поскольку ямы № 28 и 30 полностью не раскрыты, остановимся более подробно на возможном объяснении причин, которые привели к понижению поля, используя только археологические сведения о ямах № 24 и 24а. Заполнение этих ям не гумусировано и по цвету почти не отличается от вмещающего слоя. Они были обнаружены по находкам отдельных фрагментов керамики и обломков костей животных. Словом, вещественный состав ям 24 и 24а количественно и качественно отличается от других, над которы-

[3] М. Д. Эйткин. Ук. соч.

ми зафиксированы повышенные величины ΔТ. Очевидно, в этом кроется ключ к объяснению разного поведения поля над различными ямами.

Как известно, осадочные породы обладают остаточной намагниченностью, обусловленной ориентацией мельчайших магнитных частиц породы в процессе оседания [4]. При этом порода приобретает однородную остаточную намагниченность по направлению поля эпохи образования. Видимо, эти ямы заполнялись под действием внешних агентов (ветра, временных потоков и т. п.). В таких условиях магнитные моменты частиц породы

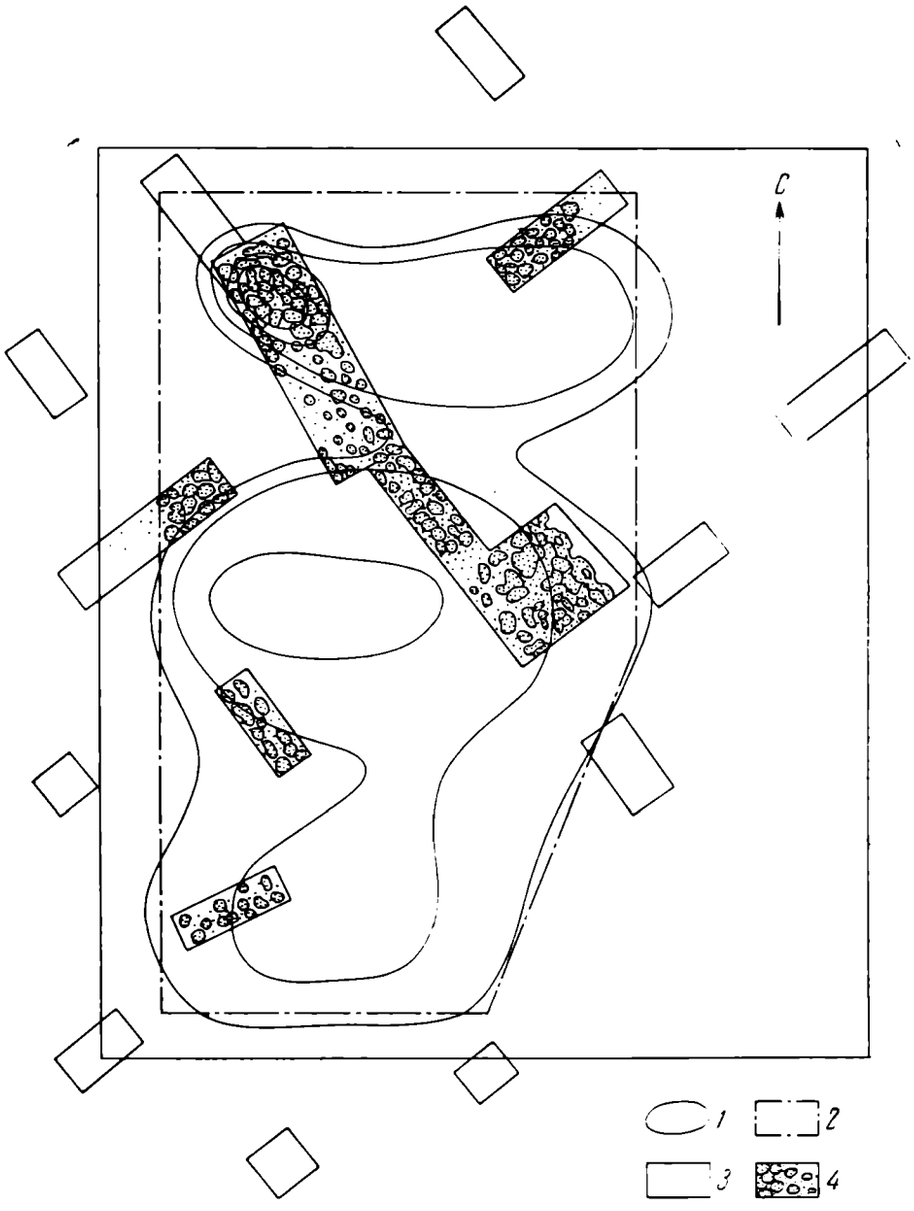


Рис. 2. Карта изолиний ΔТ над трипольской площадкой у с. Ст. Безрадичи

1 — изолинии ΔТ; *2* — контуры площадки по геофизическим данным; *3* — шурфы и траншеи; *4* — трипольская площадка, вскрытая шурфами и траншеями

уже не могли ориентироваться в магнитном поле Земли, и суммарная намагниченность в объеме ямы оказалась примерно равной нулю. На фоне магнитного поля участка это было отмечено пониженными значениями ΔТ. Таким образом, ямы могут быть зафиксированы и повышением магнитного поля и, напротив, понижением — это зависит от конкретного состава заполнения ям.

На рис. 1 видно, что участок съемки значительно превышает площадь раскопок, поэтому все магнитные аномалии в настоящее время не могут

[4] А. Н. Храмов, Г. Н. Петрова, А. Г. Комаров, В. В. Кочегура. Методика палеомагнитных исследований. Л., 1961.

быть интерпретированы. Пока мы можем предполагать, что они также указывают на существование различного рода ям. В частности, одна аномалия в северо-западном углу участка была проверена шурфом, который вскрыл яму, содержащую гумусированную почву, много фрагментов керамических изделий и т. п. Правда, вероятность обнаружения ям по аномальным значениям ΔT не является стопроцентной, поскольку, как видно из рис. 1, две аномалии не подтвердились раскопками.

Возможности магниторазведки не ограничиваются оконтуриванием ям — она может с успехом применяться для картирования более магнитных объектов, в частности трипольских площадок и печей. В принципе поиски трипольских площадок не представляют больших трудностей для археологов. Они обнаруживаются по наличию на поверхности кусков обожженной глины. Однако точное местоположение площадок неизвестно, так как их признаки встречаются на территории, которая значительно превышает размеры площадок. В таких случаях магниторазведка позволяет локализировать площадки с большой точностью ($\pm 0{,}25$ *м*), что установлено нами в процессе опытных работ. В качестве модели использовалась трипольская площадка, расположенная у с. Ст. Безрадичи Обуховского района Киевской области, ее границы установлены археологами раньше, когда в процессе рекогносцировочных поисков были заложены шурфы и канавы, которые, однако, не разрушили площадки.

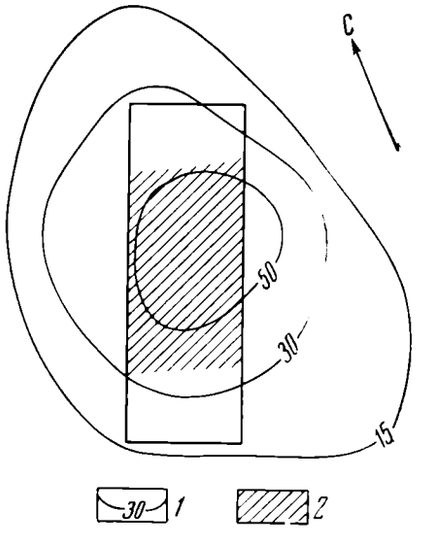


Рис. 3. Схема изолиний ΔT над гончарной печью у с. Любимовка Днепропетровской области

1 — изолинии ΔT в гаммах; *2* — развал печи, вскрытый разведочной траншеей, заложенной в аномальной зоне

После магнитной съемки по сети 1×1 нам удалось не только оконтурить площадку, но и установить по интенсивности поля степень ее сохранности, что было подтверждено последующими раскопками. Так, например, северная и центральная части площадки сохранились лучше всего, причем здесь глина оказалась наиболее обожженной. В соответствии с этим над ними зафиксированы самые высокие значения ΔT (рис. 2). А там, где наблюдается понижение магнитного поля (между северной и центральной частью участка), площадка почти разрушена.

Наконец, рассмотрим последний пример использования протонного магнитометра для археологических целей. Речь пойдет о поисках гончарных печей у с. Любимовка Днепропетровской области. На этом поселении у обрыва ручья была раскопана гончарная печь, поэтому имелись основания предполагать существование аналогичных печей и на других участках памятника. Действительно, нам удалось зафиксировать довольно интенсивную аномалию (рис. 3) рядом с известной печью, хотя исследователь памятника А. Т. Смиленко не предполагала возможности расположения двух печей в непосредственной близости друг от друга. Однако разведочная траншея, заложенная в зоне максимума аномалии ΔT, на глубине 1,3 *м* вскрыла развал печи. Детальное исследование ее за неимением времени пришлось отложить, хотя, судя по интенсивности аномалии (более 50γ), можно предположить, что это гончарная печь типа раскопанной неподалеку.

Таким образом, все приведенные примеры лишний раз подтверждают эффективность магниторазведки при поисках и оконтуривании археологических объектов.

В. А. РАНОВ

ДРЕВНИЙ НУКЛЕУС ИЗ ФЕРГАНЫ

(первичный нуклеус и его обработка)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПАВЛА ТРОФИМОВИЧА КОНОПЛИ

Осенью 1962 г. автор совместно с геологом С. А. Несмеяновым и ферганским краеведом П. Т. Коноплей совершил объезд палеолитических памятников, открытых в западной части Ферганской долины П. Т. Коноплей [1].

Очень интересным в этой поездке оказалось знакомство с чустпапскими адырами — крупной антиклинальной складкой, протянувшейся на 40 *км* от р. Чадак до г. Чуста. Складка прорезана многочисленными сквозными долинами, в бортах которых выработана сеть речных террас и

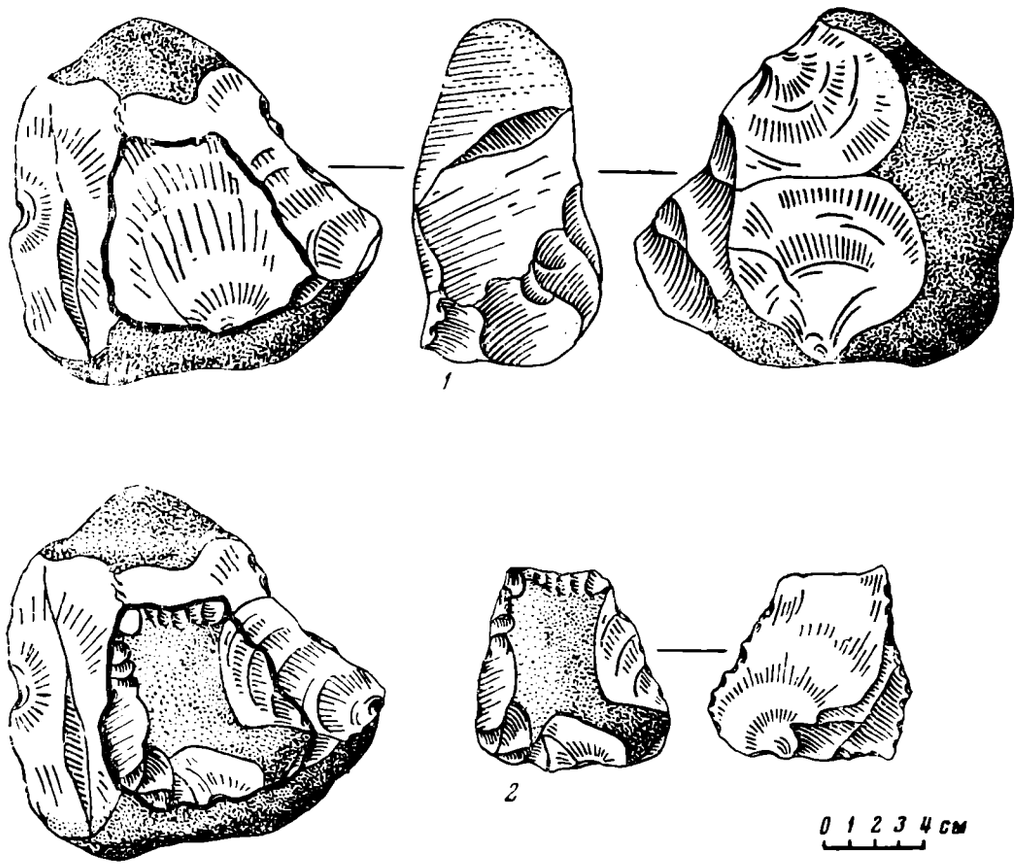


Рис. 1. Нуклеус из Ферганы и снятый с него отщеп

оврагов. Весьма привлекательны для поисков открытых стоянок, приуроченных к высыпкам древних галечников (типа кайрак-кумских местонахождений), растеррасированные плоские поверхности, относящиеся к различным периодам плейстоцена. В нескольких пунктах указанного района найдены орудия из порфирита, близкие по своему характеру к изделиям из Кайрак-Кумов. Можно предположить, что детальные разведки в чустпапских адырах приведут не только к открытию новых местонахождений, но и во многом прояснят весьма спорное геологическое положение кайрак-кумских мустьерских комплексов, найденных в менее ясных с точки зрения геоморфологии условиях [2].

---

[1] В. А. Ранов, С. А. Несмеянов, П. Т. Конопля. Палеолитические местонахождения в Южной Фергане. Сб. «Древняя и средневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967, стр. 3—29.

[2] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Тр. ИИ, XXXIII, Душанбе, 1962, стр. 22, 23.

У северной окраины поселка Пап на правом берегу Аламас-сая на локальном уступе, соответствующем по возрасту молодой части ташкентского комплекса, П. Т. Коноплей были найдены плохо выраженные чопперовидные изделия. Мы собрали здесь несколько сильно патинизированных отщепов, а также нуклеус в начальной стадии обработки и сколотый с него в древности плоский отщеп. Судя по общей ситуации, нуклеус по возрасту может соответствовать порфиритовому комплексу Кайрак-Кумов (раннее мустье). Никаких геоморфологических данных о его более древнем возрасте нет.

Для изготовления нуклеуса (размеры 14,5 × 13,5 × 7,6 *см*; вес 1500 *г*) использована галька буровато-красного мелкозернистого порфирита, обычного материала галечных шлейфов Кураминского хребта (рис. 1). Галечная поверхность, сохранившаяся местами, отличается от поверхности сколов — она ноздреватая, пористая, сильно выветренная. Вместе с тем хорошо различимые благодаря более гладкой поверхности фасетки сколов тоже в значительной степени патинизированы и совершенно не различаются от нее по цвету. Скорость патинизации изделий из кремня зависит скорее от условий, в которые они попадают, чем от их возраста. То же самое, очевидно, можно сказать и о других породах, в частности о порфиритах. Вместе с тем вряд ли справедливо было бы отказаться от использования характеристики патины при предварительных определениях. В данном случае характер патины на фасетках сколов нуклеуса совершенно такой же, как и на порфиритовых изделиях из Кайрак-Кумов.

Форма гальки, из которой изготовлялся нуклеус, подтреугольная, с плоским основанием и выпуклой противоположной стороной. Последняя и использовалась для создания рабочей поверхности нуклеуса. Большая часть периметра гальки имеет следы скалывания. В наиболее утолщенной части несколькими сколами образована грубая площадка, с которой как бы на торцевую часть гальки произведено несколько снятий. С нее же сделан боковой скол, убравший часть корки с найденного отщепа. Рассматривая эту часть нуклеуса, можно отметить и фасетку сколотой тонкой пластинки правильных очертаний.

Нетрудно представить себе последовательность снятия сколов: после обработки площадки и нескольких сколов на торце гальки в наиболее утолщенной части (эти сколы глубоко ушли в тело гальки и, образовав здесь ступеньку шириной в 1,5 *см*, затруднили дальнейшую обработку поверхности) было произведено еще два скола — один с площадки на торце, другой — прямо с галечной поверхности с противоположной стороны гальки. И только третьим ударом был снят не совсем удачный отщеп с горбатой спинкой и сильно утонченной ударной площадкой. Он отделился тоже не совсем хорошо, образовав уступ на поверхности. Таким образом, мастеру не удалось получить ровной рабочей поверхности, и, вероятно, поэтому нуклеус был оставлен.

С целью удаления корки с плоской стороны также снято два крупных отщепа. Для раскалывания порфирита требовалась незаурядная сила — о силе удара свидетельствует выкрашивание камня, имеющее характер пластинчатых выпадений. При накладывании снятого отщепа в точке удара образуется полость размерами 1,6 × 1,3 *см*, глубиной в 0,7 *см* на нуклеусе и 1,1 *см* на отщепе. Крупные метки от ударов отмечаются и в других случаях.

Нуклеус имеет очень архаичный облик. Древние традиции здесь определяются крупными размерами, грубостью обработки, невыразительностью рабочей поверхности, положением сколов, направленных с разных сторон, неправильными случайными очертаниями снятых фасеток, отсутствием фиксированных площадок (большая часть сколов произведена непосредственно с галечной поверхности; основной скол, формирующий рабочую поверхность нуклеуса, снят без предварительной подготовки).

В археологической литературе господствует традиционное мнение, что

наиболее древний нуклеус должен отличаться: а) случайностью формы: б) бессистемностью сколов; в) отсутствием выработанной ударной площадки [3]. К сожалению, правильность этого суждения не поддается проверке в реальных дошелльских комплексах: в Олдовейском материале супруги Л. и М. Лики не выделяют собственно нуклеусы, а лишь переходные формы между нуклеусом и чоппингом [4]; очень небольшим количеством представлены аморфные нуклеусы в Вертешселлеш [5]. С другой стороны, в Убейдии, в древнейшем комплексе ИВО-П, 1-я фаза, по данным М. Штекелиса, уже имеется три типа нуклеуса: одноплощадсчный, двухплощадочный и многоплощадочный [6]. Целая серия (12 форм) фиксируется в клектонских комплексах Европы [7].

Поэтому, принимая в принципе положения о характере облика древнейших нуклеусов, нужно более осторожно подходить к их типологическому выделению в смешанном подъемном материале. Так, неубедительно выглядят попытки выделить шелльский и шелльско-ашельский комплекс нуклеусов в Сатани-Даре и на Яштухе [8], тем более, что столь древний возраст найденных здесь изделий в настоящее время подвергается сомнению [9].

Можно предположить, что многие архаичные формы нуклеусов представляют из себя или начальные этапы выработки более устойчивых форм, или, как можно видеть на ферганском нуклеусе, неудавшуюся попытку сформировать нуклеус с фиксированной точкой или точками скалывания. Кстати, упомянутая выше «бессистемность» в расположении фасеток на древних нуклеусах не всегда определяется точно. Так, в упомянутой работе М. З. Паничкиной расположение фасеток на двух приведенных нуклеусах вряд ли можно назвать бессистемным — они последовательно выравнивают поверхность [10]. На наш взгляд, только значительное число сколов, расположенных в разных направлениях, фасетки которых срезают друг друга, можно назвать «бессистемными». Два-три скола, даже если они лежат в совершенно различных направлениях, еще не бессистемное скалывание — это может быть предварительной стадией обработки.

Выработанная форма нуклеуса определяется не только последовательностью скалывания, что, безусловно, имеет большое значение, но и более или менее правильной формой заготовок, снятых с нуклеуса. Только форма заготовки и позволяет в конечном итоге говорить о «леваллуазских», «дисковидных», «площадочных» формах нуклеусов, отличающихся от группы аморфных форм нуклеусов. Существование обеих групп в одних и тех же памятниках подтверждено многими примерами. Но взятые отдельно нуклеусы из обеих групп будут выглядеть как «более архаичные» и «более развитые» изделия. В этом отношении мысль И. И. Коробкова о том, что для древнейших форм нуклеусов руководящим принципом для датировки должны являться не столько черты самого нуклеуса, сколько сочетание

---

[3] М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. Археологический сборник, I, Л., 1959, стр. 9; И. И. Коробков. Нуклеусы Яштуха. МИА, 131, 1965, стр. 77.

[4] L. S. B. Leakey. Olduvai Gorge, Cambridge, 1951, стр. 34—37; M. D. Leakey. Preliminary Survey of the Cultural Material from Beds I and II. Olduvai Gorge, Tanzania. Background to Evolution in Africa. PSBF, Chicago and London, 1967, стр. 420.

[5] M. Kretzoi and L. Vértes. Upper Biharian (Intermindel) Pebbleindustry Occupation Site in Western Hungary. CA, 6, 1, 1965, стр. 83.

[6] M. Stekelis. Archaeological Excavations At'Ubeidiya, 1960—1963. Yerusalem. 1966, стр. 20.

[7] T. T. Paterson. Core, Culture and Complex in the Old Stone Age. PPS, нов. сер., XI, 1945, стр. 8—12.

[8] М. З. Паничкина. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар. МИА, 39, 1953, стр. 13 сл.; И. И. Коробков. Ук. соч., стр. 79 сл.

[9] R. G. Klein. Chellean and Acheulean on the Territory of the Soviet Union; a Critical Review of the Evidence as Presented in the Literature. AA, 68, 2, p. 2, 1966 стр. 36; В. П. Любин. Нижний палеолит СССР. Основные проблемы. Тезисы докладов на заседании, посв. итогам полевых исследований 1967. М., 1968, стр. 6.

[10] М. З. Паничкина. Шелльский комплекс..., рис. 2, *1, 2*.

нуклеусов с другим материалом памятника и стратиграфия последнего [11], можно распространить на весь нижний палеолит, по крайней мере до развитого мустье.

В заключение несколько слов о способе скалывания. Торцовая часть нуклеуса, по-видимому, разрабатывалась обычным способом — мастер поворачивал его в руках, отыскивая наиболее удобную точку для удара. Отщепы, отделенные с широких плоскостей гальки, могли быть сняты с лежащего неподвижно нуклеуса, как это описывает Ф. Борд [12]. Наконец, отщеп с тонкой ударной площадкой мог получиться, если наш нуклеус играл роль «неподвижного отбойника» (technique du percuteur dormant французских авторов), по которому наносился удар более легким нуклеусом (рис. 2). Эта техника отмечалась и советскими исследователями [13], но вполне вероятно, что ее удельный вес в древних нижнепалеолитических комплексах на территории СССР еще полностью не выявлен. В Сахаре, по мнению А. Алиман, «неподвижный отбойник» имел преимущественное распространение по сравнению с ручным в течение всего ашеля [14]. Широкое бытование отбойников этого типа для Марокко отмечает П. Биберсон [15]. «Technique du percuteur dormant» в Европе чаще носит название «technique sur enclume», «technique block — contre — block» или «technique clactonienne» [16]. Любопытно замечание Ф. Борда, что в определенных случаях древняя шелльско-ашельская техника раскалывания камня (включая «неподвижный отбойник».— *В. Р.*) может жить вплоть до неолита» [17].

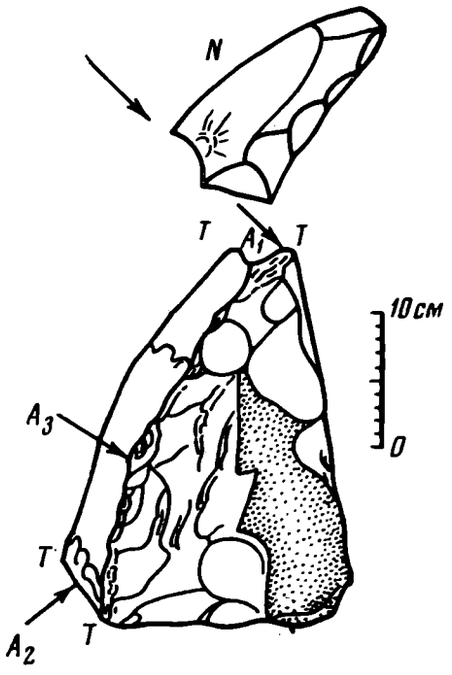


Рис. 2. Схема использования «неподвижного отбойника».

A_1, A_2, A_3 — использованные грани; T — вершины, по которым наносился удар; N — ашельский нуклеус (с которого уже сколот отщеп), показывающий вероятное использование угла T для отделения заготовки (по Алиман)

[11] И. И. Коробков. Ук. соч., стр. 79.
[12] F. Bordes. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961, стр. 13.
[13] П. И. Борисовский. Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, стр. 45; И. К. Коробков. Ук. соч., стр. 83.
[14] H. Alimen. Enclumes (percuteurs dormants) associées à l'Acheuléen supérieur de l'Ougartien (Oued Farès Sahara Occidental), BSPF, LX, 1—2, 1963, стр. 45.
[15] P. Biberson. Le Paléolithique inférieur du Maroc Atlantique. Casablanca, 1961, стр. 435.
[16] H. Aliman. Ук. соч., стр. 43.
[17] F. Bordes. Ук. соч., стр. 13.

ИОАХИМ ХАН

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ БИВНЯ СО СТОЯНКИ ХОЛЕНШТАЙН-ШТАДЕЛЬ

Произведения искусства малых форм, относящиеся к ранней и средней поре верхнего палеолита, на территории ФРГ редки. К кругу граветтоидных индустрий относятся три женских статуэтки: одна, сильно стилизованная, происходит из пещеры Вайнберг у Мауэрна [1] и две других — с открытой стоянки Майнц — Линзенберг [2]. Для ориньякоидных индустрий

[1] L. F. Zotz. Das Paläolithikum in den Weinberghölen bei Mauern. Quartär-Bibliotheck, 2. Bonn, 1955.
[2] E. Neeb und O. Schmidtgen, Eine altsleinzeitliche Freilandarststelle auf dem Linsenberg bei Mainz. «Mainzer Zeitschrift», 17—19, 1921—1924, стр. 108—112; J. Hahn. Gravettien — Freilandstationen im Rheinland. Bonner Jahrbücher, 169, 1969, стр. 44—87.

Г. Рик упоминает весьма спорную антропоморфную фигурку, которую он нашел в слое IV Фогельхерда [3].

При инвентаризации палеолитического материала из стоянки Холенштайн-Штадель (община Ассельфинген, округ Ульм) [4] мы заметили в коробке с костями животных многочисленные обломки обработанного бивня. С помощью двух коллег [5] удалось из более чем 200 фрагментов собрать неполную мужскую статуэтку. Такая находка едва ли предполагалась в Холенштайне, хотя Р. Ветцель в 1935 г. обнаружил там несколько палеолитических слоев. Его исследования были продолжены в 1937—1939 гг. О. Фёльцигом [6], но были прерваны второй мировой войной. С 1957 г. раскопки Холенштайн-Штаделя были продолжены Р. Ветцелем, главным образом в Медвежьей пещере [7].

Статуэтка из Штаделя, изготовленная из бивня мамонта, была найдена в 1939 г., в последние дни перед началом войны. О ее стратиграфическом положении говорит лишь указание на глубину. Более точные обозначения слоя и дневниковые записи отсутствуют, но указания на глубину и наличие следов породы на обломках бивня и костях животных позволяют установить стратиграфическую позицию статуэтки.

В Штаделе последовательность слоев в пещере и перед пещерой была примерно одинаковой, хотя некоторые различия, обусловленные неровностями дна пещеры, видимо, имели место. Поэтому можно взять за основу идеальный профиль Р. Ветцеля [8]. Сверху вниз отмечаются:

Современная почва	Современность
Тонкая серая почва	Неолит
Мелкий известняковый щебень	Мадлен
Желтая лёссовидная порода с щебнем средней величины	Ориньяк
Красно-желтая порода с щебнем средней величины	Ориньяк
Коричнево-красная порода с щебнем средней величины	Средний палеолит
Светло-серый слой	
Желтый глинистый слой	
Черный слой с щебнем средней величины	Средний палеолит
Желтый песчанистый слой	Средний палеолит

Инвентаризация показала, что эта последовательность должна быть несколько уточнена. В верхнем гумусовом слое вместе с неолитическими и более поздними остатками найдено несколько мезолитических предметов. В подстилающем его щебнистом слое залегали послепалеолитические остатки, а в желтой лёссовидной породе с щебнем встречен поздний «мадлен» с пластинками с горбатой спинкой. В слоях, обозначенных как ориньякские, найден типичный ориньяк, а не граветтоидная индустрия. Среднепалеолитические слои должны быть расчленены более детально.

Судя по археологическим данным и характеру отложений, наслоения пещеры относятся к позднему плейстоцену. Через самый верхний из ориньякских слоев проходит граница между верхним и средним этапами позднего плейстоцена, выраженная криогенными явлениями.

Фрагменты статуэтки найдены на глубине 1—1,20 *м* в нижнем, красно-желтом ориньякском слое. Это подтверждают остатки породы красно-желтого слоя, сохранившейся на нескольких фрагментах, а также сла-

---

[3] G. Riek. Die Eiszeitjägerstation am Vogelherd. Tübingen, 1934.

[4] Материал из Холенштайна хранится в Доисторических собраниях г. Ульма.

[5] Выражаю признательность Г. Альбрехту и Г. Леру за помощь при подборе фрагментов статуэтки.

[6] O. Völzig. Die Grabungen 1937 am Hohlenstein im Lonetal. Fundberichte aus Schwaben, нов. сер., 9, 1938; его же. Die Grabungen am Hohlenstein. Wissenchaftliche Akademie. Tübingen, 1941, стр. 94—101.

[7] R. Wetzel. Der Hohlestein im Lonetal. Mitteilungen des Vereinigung fur Naturwissenschaften und Mathemathik in Ulm. 26, 1961, стр. 21—75.

[8] R. Wetzel. Die Lontalarbeit als Gemeinschaftsforschung. Wissenschaftliche Akademie, Tübingen, 1, 1941, Abb. 11.

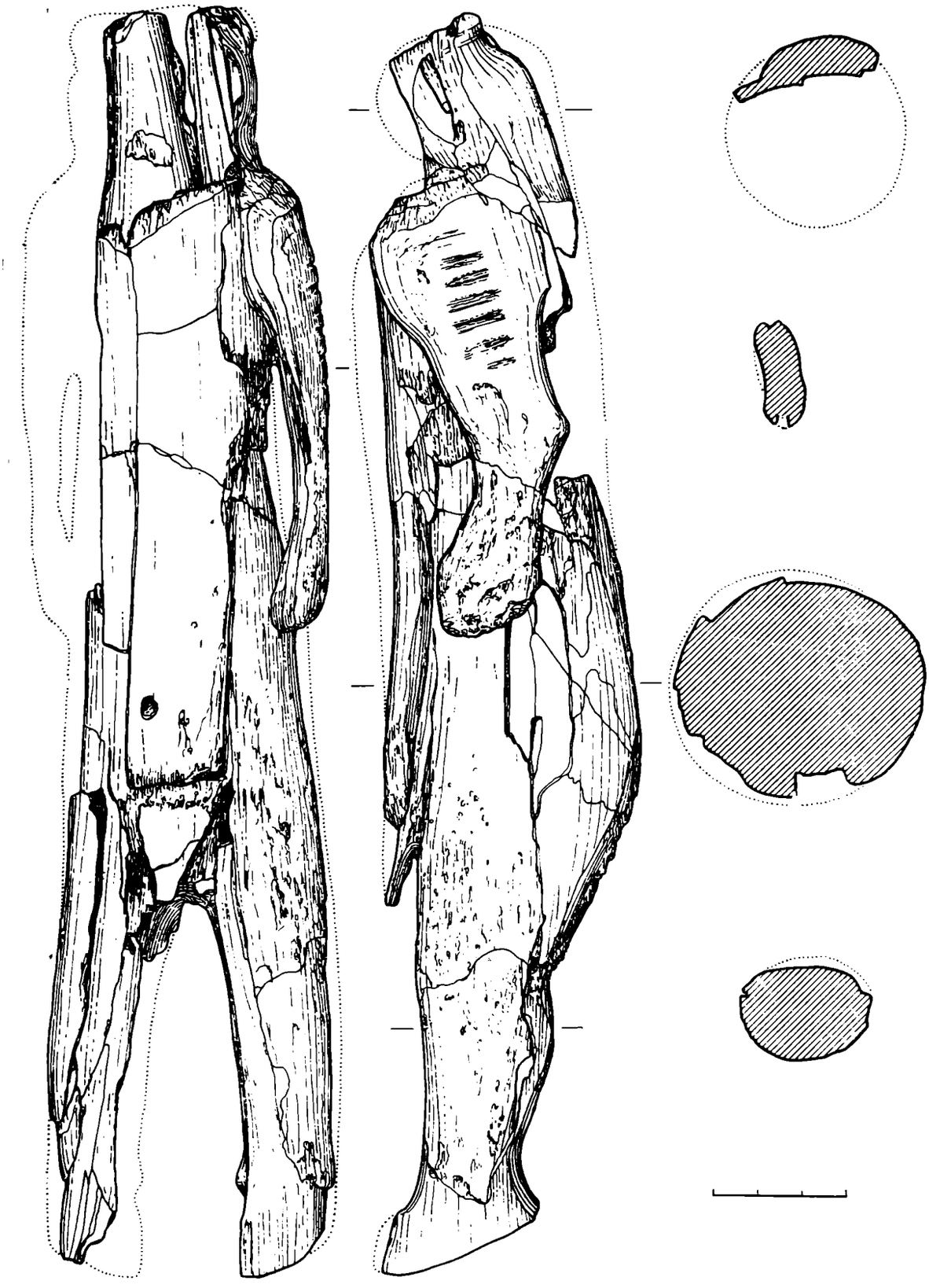


Рис. 1. Статуэтка из Холлепштайн-Штадель

бая красноватая до коричневого окраска самой статуэтки. Кости вышележащего мадленского слоя окрашены по большей части в желтый и светло-коричневый цвет. Поэтому статуэтку следует скорее всего относить к красно-желтому ориньякскому слою.

Оба ориньякских слоя не слишком богаты находками и не обнаруживают существенных различий в каменном инвентаре. Здесь встречено некоторое количество скребков на пластине и килевидных скребков, несколько полиэдрических и поперечноретушных резцов, комбинированные резцы-скребки и ретушированные пластины. Орудия с притупленной спинкой, которые впервые появляются лишь в граветте, отсутствуют. Кос-

тяная индустрия состоит из костяного наконечника метательного копья с массивным основанием, неорнаментированного лощила и ретушера. Из предметов украшения найдены бусинка из бивня мамонта и просверленные зубы лисицы. Правда, бусинка и сохранившееся полностью лощило (длиной около 50 *см*) происходят не из той коробки, где нами были найдены обломки статуэтки.

Статуэтка, представляющая собой круглую скульптуру, очевидно, была выполнена из бивня молодого мамонта (рис. 1). При длине 28,1 *см* она является самым большим изображением человека в пластике малых форм. Сохранившаяся ширина достигает 5,6 *см*, а толщина — 5,9 *см*. Первоначальных размеров установить нельзя, поскольку бо́льшая часть первоначальной поверхности, особенно на торсе, разрушилась. Лучше всего сохранились левая нога и левая рука. Внутренняя сторона левой ноги обнаруживает тщательную обработку. Заглаженность такова, что не осталось никаких следов вырезывания. Стопа тяжела и груба. Она заглажена движением от пальцев к пятке, что видно по следам резания. Скошенные к пятке подошвы создают впечатление, что статуэтка стоит на цыпочках. Можно предполагать, что она использовалась в лежачем положении или наклонно. На обеих ногах отчетливо обозначены лодыжки. Колени показаны слегка согнутыми. Ноги по сравнению с туловищем непропорционально коротки. Нижняя часть торса сохранилась наилучшим образом. Седалище сильно растрескалось, но в древности было гладким. Между седалищем и спиной заметно небольшое углубление, половины седалища не разделены.

Наличие фаллоса с бесспорностью указывает на мужской пол статуэтки. Верхняя часть торса сохранилась лишь в незначительной степени и, видимо, указывает на повреждение статуэтки в древности. Поэтому первоначальная ширина плеч не установлена с точностью, они могут быть и шире. Сохранились лишь косо поставленное основание шеи, подмышечная впадина (левая) и часть передней пластины. Эта пластина сейчас имеет разную сохранность поверхности.

Вся правая половина статуэтки была разрушена в древности. Левая рука отделена от торса, но кисть, возможно, примыкала к телу. Она коротка и слегка согнута. На верхней половине руки отчетливо виден бицепс, мускулатура плеча мощная, локоть подчеркнут вогнутой линией выше и ниже локтевого сгиба, кисть сжата в кулак. Пальцы не показаны. На верхней половине руки шесть поперечных нарезок. От головы сохранилась часть ее левой половины и шишковидный выступ. Верх выступа срезан наискось и образует начало черепного свода. На выступе сохранился остаток его первоначальной поверхности высотой с шею статуэтки, что указывает одновременно на высоту головы, которая была относительно невелика.

Поверхность головы тщательно заглажена. Шея обозначена небольшим углублением. Затылок сплошной, без расчленения. На голове заметно продолговатое утолщение в нижней трети. Место соединения головы с шеей украшено тонкими поперечными штрихами. Поперечно поставленное ухо не похоже на человеческое. Зооморфность головы подтверждается также тем, что она больше в ширину, чем в толщину, имеет уплощенное темя и крутой затылок. По-видимому, статуэтка из Холенштайн-Штадель не является чисто человеческим изображением, в ее облике антропоморфные черты сочетаются с зооморфными. Человеческое тело, опиравшееся на короткие ноги, вероятно, завершалось звериной головой. Косолежащие уши указывают на медведя [9] или представителя семейства кошачьих. Об этом же говорит облик спины и затылка. Статуэтка из Штаделя принадлежит к немногим изображениям мужчины в верхнем палеолите. Бли-

[9] Если это медведь, то бурый, поскольку пещерный имел уши, ориентированные вдоль тела.

жайшей параллелью является мужская фигурка из Брно II, которая входила в состав погребального инвентаря мужского погребения [10]. В формальном отношении, однако, сходства между ними мало. У мужской статуэтки из Брно II крупное удлиненное лицо с обозначенными чертами. Другие изображения мужчины известны из верхнего перигорьена Франции [11]. Они в еще меньшей степени сравнимы со статуэткой из Штаделя.

В ориньякоидных индустриях до сих пор имеются лишь единичные изображения человека. В ориньяке Франции известны многочисленные расписные и гравированные плитки, происходящие преимущественно из Дордони [12] и Пиренеев. На гравированной плитке из Термо-Пиала имеется рисунок женщины и еще одно изображение, бесспорно антропоморфное [13]. Однако принадлежность ее к ориньяку отнюдь не бесспорна, так как она была найдена в отвале. Французский ориньяк богат бессюжетными гравировками, нанесенными на лощила и лопаточки. По большой части это нарезки вдоль краев, ряды нарезок, ряды точек; два последних элемента образуют волнообразные и овальные мотивы. Эти нарезки есть в небольших количествах в средне- и восточноевропейских ориньякоидных культурах. Немногие постоянно населенные пещерные стоянки с костяным инвентарем подвергались криогенным процессам, разрушавшим слои. Более многочисленные открытые стоянки, если даже их культурный слой сохранился, подвергались тем же процессам, которые имели место главным образом в момент перехода от средней поры позднего плейстоцена к его поздней поре. Поэтому костный материал большей частью не сохранился.

Известны гравированные плитки из Ланг-Маннерсдорфа и Гросс-Вайкерсдорфа. Отдельные художественные изделия происходят из долины р. Лёне. Оба ориньякских слоя Фогельхерда дали целый ряд объемных изображений животных [14], но их культурная принадлежность оспаривается. Некоторые исследователи связывают их происхождение с ямой, впущенной в ориньякский слой, другие указывают на синхронность ориньякоидных слоев граветтийским памятникам [15]. Но нарезки на многих фигурках животных, точки, выемки и крестики, нанесенные рядами, говорят за принадлежность фигурок животных ориньякским слоям, где такие элементы орнамента встречаются на костяных изделиях. При этом фигурки животных в павловской и костенковской культурах, как правило, не орнаментированы. Пластика из Штаделя, расположенного всего в нескольких километрах к западу от Фогельхерда, является новым вариантом ориньякского искусства. Единственное антропоморфное изображение в ориньяке Восточной Европы было добыто благодаря раскопкам Н. Д. Праслова и А. К. Филиппова [16] (антропоморфная гравировка на лопаточке из рога). Ориньякоидная индустрия Мураловки представляется близкой той фации ориньякоидных культур, которая определяется как кремс-дюфур. В общем виде можно утверждать, что для ориньякоидных культур Запада свойственны наскальные изображения, тогда как ориньякцы Средней и Восточной Европы предпочитали наносить изображения на предметы.

Эта особенность не изменяется и при переходе к граветтоидным индустриям. Но теперь более распространены женские статуэтки со сходными стилистическими признаками [17]. Они выполняются по большей части реа-

---

[10] J. Jelinek, J. Pelišek, K. Valoch. Der fossile Mensch Brno II. Anthropos, 9. Praha, 1959.

[11] A. Leroi-Gouran. Prehistoire de l'Art occidental. Paris, 1965, стр. 66.

[12] D. de Sonneville-Bordes. Les industries des abris et grottes ornes du Perigord. Centenaire de la Prehistoire en Perigord. 1965, стр. 167.

[13] D. de Sonneville-Bordes. La Prehistoire moderne. 1967, рис. 119.

[14] G. Riek. Die Eiszeitjagerstation am Vogelherd, стр. 92.

[15] G. Freund. L'Art aurignacien en Europe Centrale. Bull. de la Societe prehistroique de l'Ariege, 12. 1957, стр. 1—24.

[16] Н. Д. Праслов, А. К. Филиппов. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях. КСИА АН СССР, 111, 1967, стр. 24—30.

[17] Изображений животных в искусстве малых форм немного, они становятся частыми лишь в мадлене.

листично, но с подчеркиванием признаков женского пола — груди, бедер, ягодиц, со стилизованной головой, атрофированными руками, со смыкающимися внизу ногами при отсутствии ступней. Но на первом плане в восточной части Средней Европы и в Восточной Европе теперь оказываются изображения животных, чаще мамонта, но также кошачьих и медведя, редко лошади. В верхнем перигордьене Франции изображения животных крайне редки, и происходят они по большей части из поздних памятников. Схематическое изображение лошади, которое в подобной форме появляется лишь в мадлене VI, происходит из Ля Коломбьер [18], из Ляро и из Ле Вашон (слой 3) [19]. Изображения мамонтов известны из протомадленского (перигордьен VI) слоя Верхней Ложери [20]. Специфической чертой граветтийского искусства является гипертрофированно выпукло-вогнутая линия шеи и спины, которая отмечается также и для зооморфной пластики Фогельхерда, например у лошади. Тематика зооморфных изображений от Запада до Востока в граветтоидных индустриях довольно близка, но в открытых стоянках Средней и Восточной Европы — за исключением женских статуэток, которые хорошо представлены и в Западной Европе,— искусство малых форм лучше представлено.

Правда, имеется точка зрения, что женские статуэтки и фигурки животных чаще происходят из поздних граветтоидных памятников. Помимо богатых местонахождений павловской культуры на территории ЧССР (Дольни Вестонице, Павлов), они действительно очень часто встречаются на поздних памятниках, которые характеризуются наконечником костенковского типа, таких как Виллендорф II, слой 9 [21], Моравапы — Подковица [22], Костенки I, верхний слой [23], Гагарино [24]. В финальных граветтоидных индустриях, которые в Средней Европе замещают солютре, распространенное только к западу от Роны, а в Восточной Европе — и солютре, и мадлен, встречаются только немногочисленные антропоморфные изображения. Они сильно стилизованы, и некоторые из них, возможно, не имеют отношения к антроморфным, например мезинские [25]. Статуэтка из Холенштайн-Штадель — одно из немногих мужских изображений верхнего палеолита. Для ориньяка до сих пор известно мало женских изображений, в противоположность гравированным изображениям вульвы и изображениям по принципу pars pro toto.

Важнейшая деталь холенштайнской статуэтки — сочетание антропоморфных и зооморфных признаков, причем последние выражены через уши, стоящие торчком. Такая комбинация известна в искусстве верхнего палеолита. Изображения людей, по-видимому в масках, описаны П. П. Ефименко среди находок позднеграветтской стоянки Костенки I, верхний слой [26]. При этом речь идет о головках, которые, по-видимому, никогда не сочленялись с торсом. Лучше представлены изображения человека-зверя в наскальном искусстве мадлена, например в пещере Трех братьев [27]. Вне наших возможностей установить имеем ли мы дело в данном случае

---

[18] H. L. Movius jr., S. Judson. The Rock-Shelter of La Colombiere. American Scool of Prehistoric Research, Bulletin 19, 1956.

[19] J. Bouissonie, D. de Sonneville-Bordes. L'Abri N 2 des Vachons, gisement aurignacien et perigordien, com. de Voulgesac (Charente). Congres prehistoric de France. XV session Poitiers — Angoulême, 1956.

[20] D. et E. Peyrony. Laugerie-Haute pres des Eysies. AIPH, mem. 19, 1938.

[21] F. Felgenhauer. Willendorf in der Wachau. Mitt. Prehist. Kommission in Wien, 1956/1959.

[22] L. F. Zotz. Die Venusstatuette von Morawany nad Vahom. «Slovenska Archeologia», 16, 1968, стр. 5—17.

[23] П. П. Ефименко, Костенки I. М.— Л., 1958, З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, А 4—3, М., 1962.

[24] С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина. ИГАИМК, 118, 1935.

[25] И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

[26] П. П. Ефименко. Ук. соч., рис. 185—188.

[27] H. Beguen et H. Breuil. Les cavernes du Volp. Trois Frères — Tuc d'Audoubert a Montesqieu — Avantès. Ariege, 1958.

со звериной маской, т. е. с тотемическими представлениями, или со звериной головой, т. е. с антропо-зооморфным божеством. Эти относительно неопределенные выводы едва ли могут быть уточнены, так как привлечение этнографических материалов привнесло бы наши современные представления.

Незначительное количество произведений мелкой пластики, относящихся к ориньякской культуре, не позволяет ответить на вопрос, насколько своеобразны стилистические особенности нашей статуэтки для ориньякоидных памятников. В частном смысле наша находка вместе с находками из Фогельхерда указывает на роль долины р. Лёне, где благодаря благоприятным условиям сохранности и, может быть, благодаря особому роду деятельности ее обитателей были найдены единственные в своем роде предметы художественной деятельности ориньякцев.

В. С. ДРАЧУК

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ у с. ПИЩИКИ НА ЧЕРКАСЩИНЕ

Памятник расположен в пойме левого берега Днепра, в 0,4—0,5 *км* к юго-западу от с. Пищики Ирклиевского района Черкасской области, на песчаной дюне высотой 2—3 *м* и площадью 200 × 250 *м*. Возвышение, на котором находилось поселение, с запада и севера примыкает к большому болоту, а с востока и юга окружено низиной. По-видимому, оно представляло собой раньше остров, возвышавшийся на несколько метров над уровнем воды [1].

Впервые стоянка была обнаружена в 1957 г. неолитическим отрядом Кременчугской экспедиции, производившим разведки в зоне затопления Кременчугского водохранилища. Тогда же на большом выдуве, расположенном по юго-западному краю возвышения, был собран обильный подъемный материал неолитического времени и фрагменты керамики трипольской культуры.

В 1958 г. неолитический отряд Кременчугской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством автора исследовал поселение. На площади памятника было заложено 45 шурфов (2 × 1 *м*) и четыре небольших раскопа общей площадью 220 $м^2$. Культурный слой лучше всего сохранился на западной окраине возвышения, давшей основную массу находок.

Стратиграфия слоев следующая: а) сверху — наносной желтый песок толщиной 0—0,15 *м*; б) под ним — темный гумусированный песок мощностью 0,15—0,35 *м*; в) ниже — бурый песок (толщина 0,35—0,6 *м*), залегающий на белом материковом песке. Находки залегали чаще всего в основании черного и в верхней части бурого слоев. Они представлены в основном разнообразным кремневым неолитическим инвентарем, неолитической и трипольской керамикой. Встречены также фрагменты керамики эпохи средней и поздней бронзы, орнаментированные шнуром и налепными валиками, на рассмотрении которых мы здесь не останавливаемся. Ниже мы даем общую характеристику материалов, включая находки 1957 г.

Кремень очень плохого качества. Чаще всего он темный, порой желтый, иногда с чередующимися светлыми и серыми полосами; редко — светлый, прозрачный. Кремневый инвентарь состоит из нуклеусов, отжимника, двух отбойников, трапеций, стрелок, сверлышек и ножевидных пластин. Всего найдено 197 кремневых изделий. Основное место среди них занимают ножевидные пластинки (свыше 50%). Они обычно имеют небольшой размер — 3—5 *см* в длину. Более крупные пластины использовались как режущие и скребущие орудия. Рабочий край их отретуширован с обеих

[1] В настоящее время это место залито водами Кременчугского водохранилища.

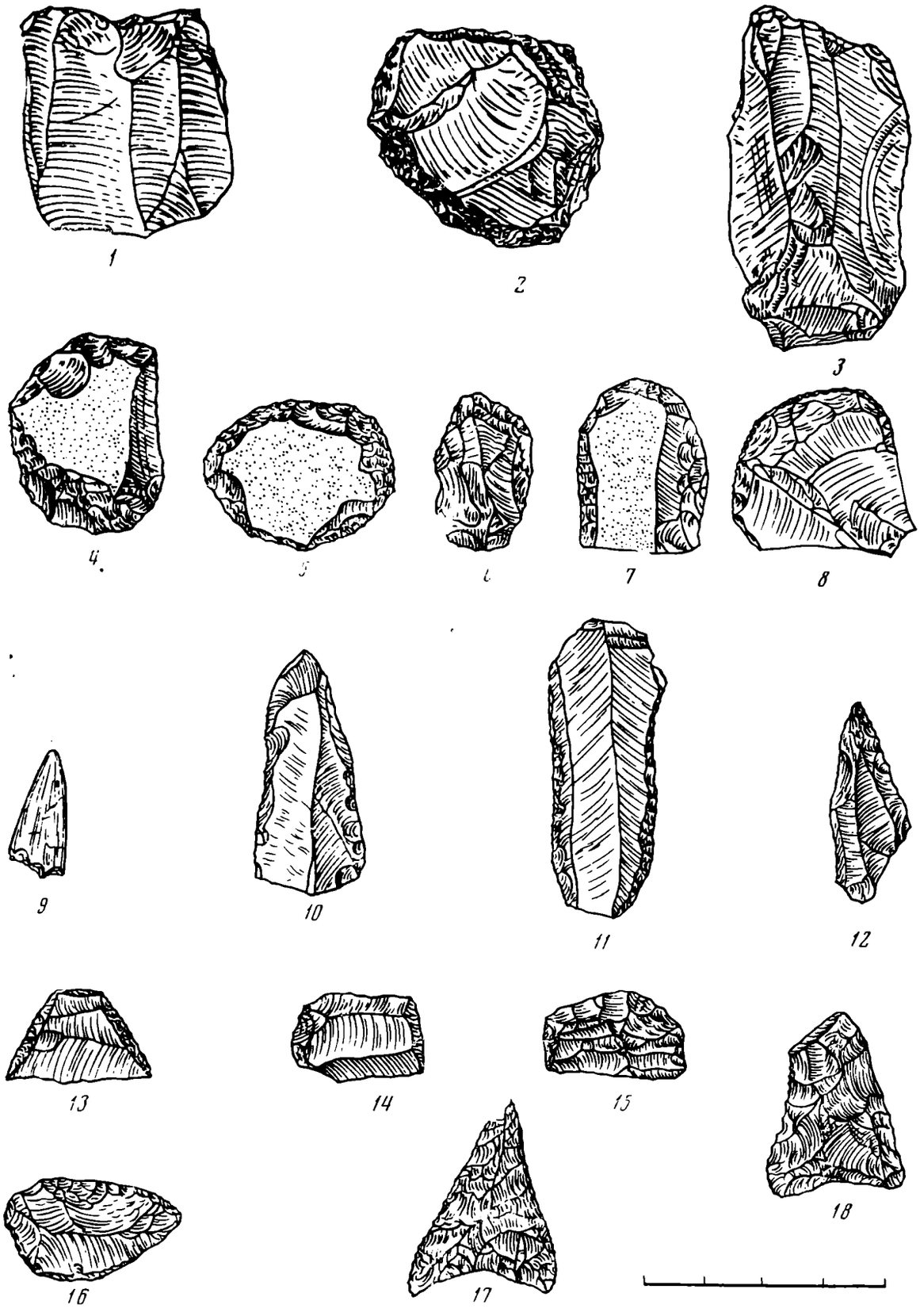


Рис. 1. Кремневые и костяные изделия неолитического поселения у с. Пищики на Черкасщине

сторон (рис. 1, *10, 11*). Пластины меньших размеров в подавляющем большинстве имеют плохо выраженные грани. Здесь, по-видимому, сказалось плохое качество кремня.

Около 25% кремневого инвентаря занимают скребки, сделанные в большинстве случаев из отщепов неправильных очертаний (рис. 1—6). Ретушь обычно наносилась только на рабочем крае (рис. 1, *4, 6*). Два скребка изготовлены на нуклевидных обломках (рис. 1, *2*), пять — на ножевидных пластинах (рис. 1, *7*). Один скребок с хорошо отретушированным рабочим краем можно рассматривать и как режущее орудие (рис. 1, *8*).

Сравнительно меньше трапеций (20 экз). Семь из них — правильной трапециевидной формы, размером от 0,5 × 1 до 1 × 2 *см* (рис. 1, *13*), две — подпрямоугольной формы, размером 1 × 1,5 *см* (рис.1, *14*), пять — неправильных очертаний. Среди них есть экземпляр со струганной спинкой (рис. 1, *15*). Шесть трапеций — сравнительно высокие; боковые стороны их оформлены крутой краевой ретушью.

Значительный интерес представляют найденные на поселении наконечники стрел. По форме они делятся на два вида: подтреугольные, с вогнутым основанием (рис. 1, *17*) и листовидные (рис. 1, *16*). Кроме того, на стоянке найдены незаконченные в обработке стрелы (рис. 1, *18*) и миниатюрные острия подтреугольной формы, которые использовались, вероятно, так же, как наконечники стрел.

Сверла представлены двумя экземплярами с сильно сработанным краем (рис. 1, *12*). Изготовлены из отщепов конусовидной формы; длина — 2,5 *см*, ширина у основания — 1,1 *см*, толщина у основания — 0,4 *см*.

Найдено 11 нуклеусов. Из них целых только три, длиной 3—3,5 *см*. Два нуклеуса использовались для изготовления небольших ножевидных пластин (рис. 1, *1*). Остальные употреблялись, по-видимому, для скалывания отщепов.

Из других орудий следует упомянуть отжимник размером 2,5 × 5 *см* со сработанным краем и очень заглаженной рабочей частью (рис. 1, *3*). Найдены также два отбойника. Один из них сделан из камня пирамидальной формы.

Особое место среди находок занимает большой тальковый челнок с поперечным желобком, расположенным слегка наискось. Желобок сильно сглажен. По краям, а также на спинке челнока нанесены мелкие насечки. Это орудие — первая находка подобного рода на неолитических стоянках Черкасщины и является одним из связывающих звеньев неолита Черкасщины и Надпорожья, где такие находки встречаются очень часто.

Кроме того, найдены изделия из костей животных: наконечник дротика хорошей сохранности, обожженный, конусовидной формы (рис. 1, *9*), и обломок какого-то плоского листовидного орудия.

Значительный интерес представляет керамический комплекс памятника. Керамика развитого неолита (свыше 300 фрагментов) орнаментирована гребенкой, наколами, проглаженными и прочерченными линиями. Узоры покрывали весь сосуд.

Посуда, украшенная гребенкой и наколами, представлена 150 фрагментами. В тесте примесь травы, редко — песка. Венчик прямой. Под венчиком — ряд ямочных вдавлений, по срезу венчика — иногда насечки. Гребенчатый орнамент (40%) нанесен мелким штампом, образуя горизонтальные ряды или елочные узоры (рис. 2, *1*). Иногда елочка чередуется с пролощенными параллельными линиями (рис. 2, *2*). Накольчатый орнамент (60%) располагается в виде цепочки отступающих наколов или кососетчатых композиций (рис. 2, *3—6*). Интересно, что черепки с накольчатым орнаментом травы в тесте не имеют.

Керамика, орнаментированная проглаженными и прочерченными линиями, также имеет сильную примесь травы в тесте (реже песка). Венчик обычно прямой, украшен рядом ямочных вдавлений (рис. 2, *7, 8*). Донышек сосудов на стоянке не найдено, однако по аналогии с соседними стоянками того же времени (например, Бузьки I) [2] можно предположить, что сосуды были как остродонные, так и плоскодонные.

Кроме того, на поселении встречено 46 фрагментов керамики, типологически более поздней, чем охарактеризованная выше. Они орнаментированы наколами и крупной гребенкой. Наколы (треугольные или лункообразные) (рис. 2, *9—11*) идут по всему тулову несколькими параллельными рядами или чередующимися полосами, заполненными вертикаль-

[2] Раскопки Д. Я. Телегина в 1956—1957 гг.

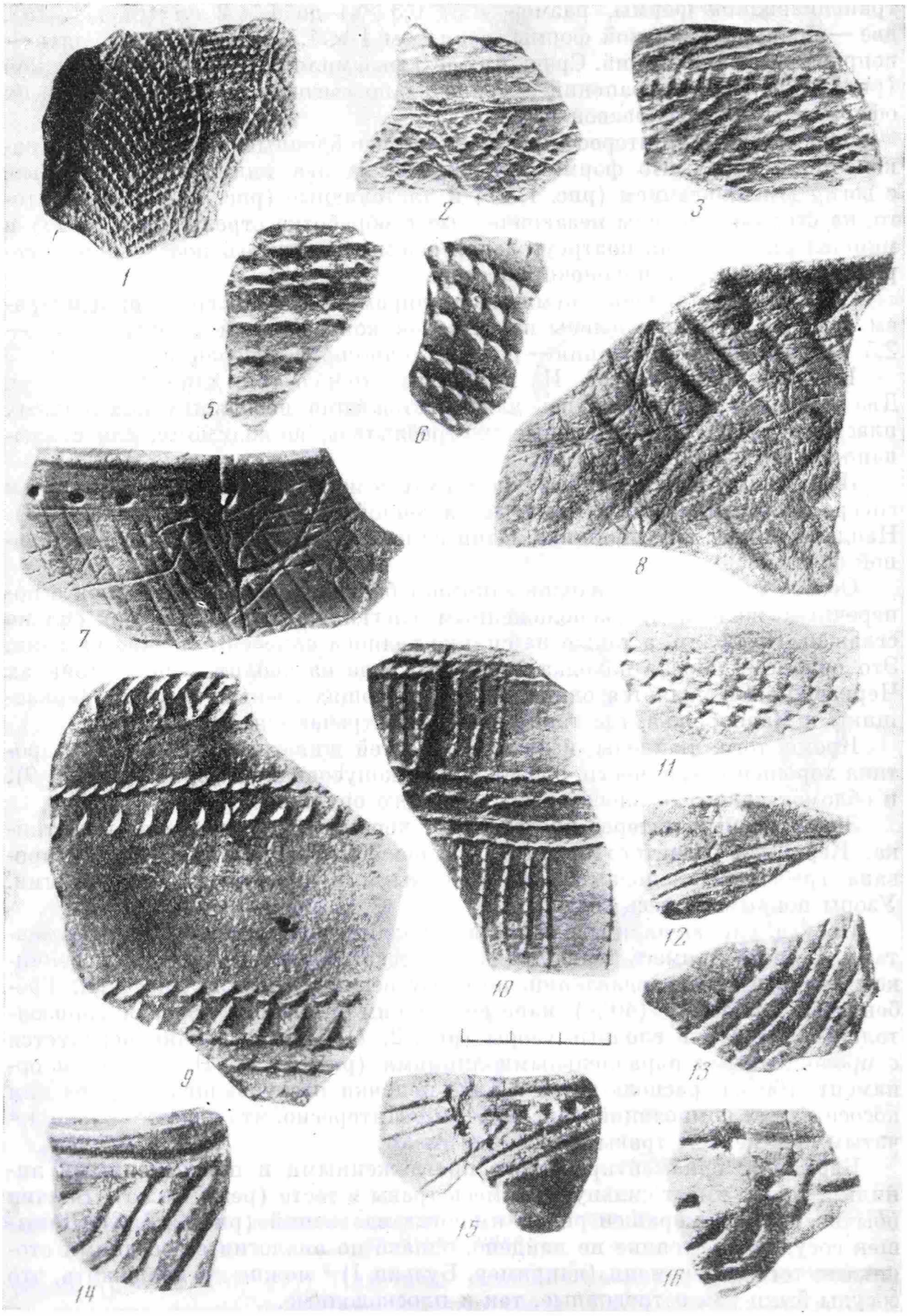


Рис. 2. Фрагменты керамики неолитического поселения у с. Пищики на Черкасщине

ными и горизонтальными рядами наколов. Венчик — прямой, так называемый гофрированный, с вдавливаниями пальцами по внутренней стороне. Орнаментирован горизонтальными линиями из треугольных наколов, чередующимися с чистыми полосами, заполненными квадратами из вертикальных линий треугольных наколов (рис. 2, *10*). Глина с примесью песка. Несколько обломков, украшенных лункообразными наколами, имеют примесь толчений ракушки (рис. 2, *11*). Поверхность сосудов либо очень грубая, шероховатая, либо хорошо выглаженная, блестящая, как бы вылощенная. Эта группа посуды имеет относительно толстые стенки, достигающие 1 *см*. Керамика же, охарактеризованная выше, более тонкостенна (0,4—0,5 *мм*).

Интересным результатом раскопок является факт совместного залегания керамики неолита с трипольской. Трипольскую керамику сближает с неолитической близкий состав глины и некоторые внешние признаки (ср., например, рис. 2, *12* и *13*). Лишь иногда в трипольских черепках встречается, кроме песка, примесь мелких зерен кварца, и только три фрагмента изготовлены из белой, тонко отмученной глины без всяких примесей. Украшена трипольская керамика глубоко прочерченным криволинейным орнаментом (рис. 2, *14*) с добавлением иногда по углам двух-трех круглых глубоких ямок (рис. 2, *15*). На одном фрагменте имеется типичное трипольское ушко (рис. 2, *16*).

Таким образом, исследование поселения у с. Пищики показало, что оно было заселено, начиная с развитого неолита. Люди жили на небольшой площади западной части песчаного возвышения, размером примерно 60 × 70 *м*. Для этого времени, которое относится к первому и второму периодам днепро-донецкой культуры, характерны микролитический инвентарь и керамика, орнаментированная гребенкой, наколами, пролощенными и прочерченными линиями. Интересно, что на этой же площади, в неолитическом слое, найдена трипольская керамика, которая к тому же по составу глины и внешнему ее виду почти полностью аналогична керамике позднего неолита, в частности, посуде с глиной красноватого оттенка, украшенной отступающими наколами (рис. 2, *13*).

Находки трипольской керамики известны и на других неолитических стоянках Черкасщины (Бузьки I, Байбузы и др.). Может быть, это свидетельствует о сосуществовании на указанной территории трипольской культуры и местной культуры позднего неолита.

Керамика неолитического поселения у с. Пищики вместе с материалами других стоянок Черкасщины (Коробовка, Мутыхи, Домонтово и др.), для которых характерна гребенчато-накольчатая орнаментация, может быть сопоставлена с посудой стоянок как Киевщины, так и Надпорожья, и является одним из звеньев, связывающих памятники лесостепного Левобережья в единую культуру днепро-донецкого типа.

И. Н. ХЛОПИН

ТЕМЕНОС НА КАРА-ТЕПЕ

(Южная Туркмения)

Последние полтора десятилетия археологического изучения Средней Азии прошли под знаком исследования культуры оседлых земледельцев Южной Туркмении времени неолита и особенно энеолита (VI—III тысячелетия до н. э.). Одним из основных и, можно смело сказать, эталонных памятников стало позднеэнеолитическое поселение Кара-Тепе у Артыка, верхний слой которого относится к началу III тысячелетия до н. э.[1].

[1] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка. ТЮТАКЭ, 3, 1961, стр. 319—463; его же. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 322—326.

Огромная для подобных памятников вскрытая площадь (более 3000 $м^2$), жилые кварталы, обширный некрополь, уникальный состав находок и многое другое поставило Кара-Тепе у Артыка в один ряд с наиболее исследованными и известными памятниками Переднего Востока и Средней Азии. Единственным моментом, до последнего времени смущавшим археологов, являлось отсутствие в его верхнем слое каких-либо признаков культовых сооружений, несмотря на интереснейшие комплексы находок, свидетельствующие о развитых и сложных религиозных воззрениях населения северной подгорной равнины Копет-Дага этого времени.

Обилие археологического материала позволяет сейчас перейти к его углубленному и тщательному анализу с целью превращения этих материалов в надежный исторический источник. В связи с этим мы можем иначе и более определенно подойти к решению проблемы святилищ, вернее, культовых сооружений в верхнем строительном горизонте Кара-Тепе. Но прежде нам следует вкратце коснуться проблемы южнотуркменистанских святилищ более раннего времени.

Более ранние святилища широко известны из поселений Геоксюрского оазиса времени развитого и позднего энеолита (Намазга II) [2]. Они подразделяются на две большие группы, причем основным критерием для отнесения святилища к той или иной группе является форма жертвенников, которые бывают круглыми и прямоугольными. Известно, что в более ранних святилищах были прямоугольные жертвенники (Яланга́ч-Тепе, Муллали-Тепе, Акча-Тепе), а в более поздних — круглые (Геоксюр I, Чонг-Тепе). Однако это не является строгим правилом, а тем более хронологическим показателем, так как круглые жертвенники известны из слоев очень раннего времени (Яланга́ч-Тепе, IV слой; Айна-Тепе, III слой) [3], а прямоугольные жертвенники, наоборот, были найдены (правда, несколько видоизмененные) в верхнем строительном горизонте поселения Геоксюр I [4]. Святилища с круглыми жертвенниками были обнаружены по нескольку на одном поселении (например, пять одновременных святилищ на Чонг-Тепе), а святилища с прямоугольными жертвенниками в развитом энеолите сооружались по одному на поселение. Это позволяет святилища с круглыми жертвенниками рассматривать как «домашние», «семейные», а с прямоугольными жертвенниками — как «родовые», «поселковые».

Комплекс построек раскопа № 4 на Кара-Тепе (рис. 1) состоит из двух больших помещений, обычно определяемых как дворы А и Б, вокруг которых сгруппированы более мелкие помещения. Двор Б интерпретировался и как общинная кухня, поскольку в последнем был обнаружен очаг из невысокого валика и скопление золы [5]. Однако культурные слои названных дворов, по существу, не отличались от заполнения других помещений и не содержали столь типичных для открытых участков древнеземледельческих поселений мусорно-натечных слоев. Последнее позволяет нам усомниться в правильности первоначальной интерпретации рассматриваемых объектов.

Первый комплекс (рис. 2, *1*) состоит из центрального квадратного помещения площадью в 42 $м^2$. Оно ориентировано углами по сторонам горизонта, вход в него с юго-восточной стороны, в западном, дальнем от входа углу находился отсек. Перед входом расположено длинное помещение, которое осью входа делится на две части, относящиеся друг к другу, как 1 : 2; большая часть открыта в сторону входа, а меньшая имеет перегород-

---

[2] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 76—79. См. также В. И. Сарианиди. Культовые здания поселений Анауской культуры. СА 1962, 1, стр. 44—56.

[3] И. Н. Хлопин. Модель круглого жертвенника с Кара-депе. КСИА, АН СССР, 98, 1964, стр. 47—51.

[4] В. И. Сарианиди. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1966 г. КСИА, АН СССР, 108, 1966, стр. 89—93.

[5] В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, стр. 357; его же. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 323—324.

ку, надо полагать, не доходившую до крыши, которую можно считать барьером. В центральном помещении отмечены следы существования здесь некогда очага, но его конструкцию и форму установить не удалось[6]. С юго-запада, с правой стороны центрального помещения, если стоять лицом к входу, пристроена группа маленьких помещений, конструктивно связанных с ядром комплекса; вероятнее всего надо видеть в них кладовые.

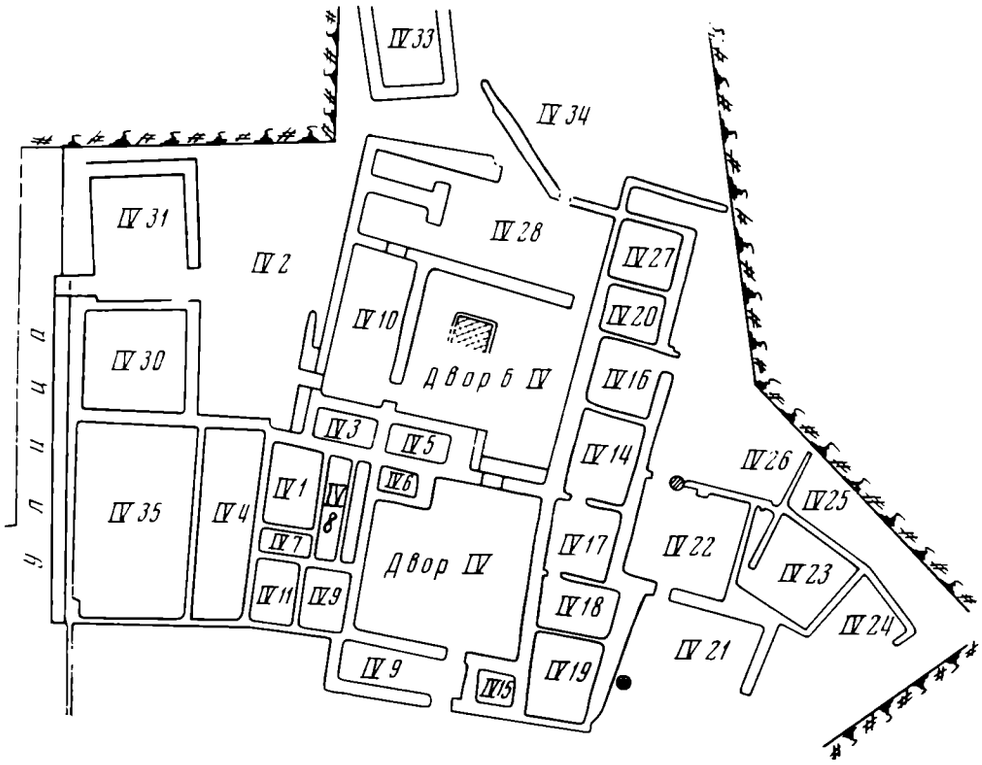


Рис. 1. Раскоп № 4 на Кара-Тепе у Артыка. План 1957 г.

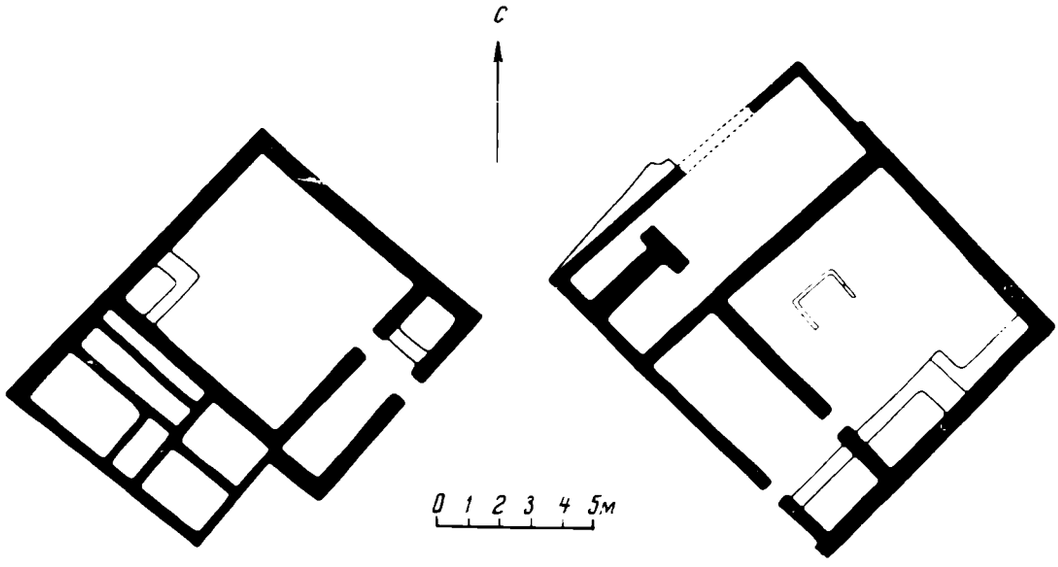


Рис. 2. Культовые комплексы построек на раскопе № 4 Кара-Тепе

Второй комплекс (рис. 2, *2*) также состоит из центрального практически квадратного помещения площадью около 47 *м*^{2}. Оно ориентировано углами по сторонам горизонта, вход в него находится в юго-западной стене, внутренний отсек расположен в южном углу около входа. Для входа в центральное помещение надо было и здесь пройти через тамбур со смещенным в сторону входным проемом, ось которого делит его на две неравные части, относящиеся друг к другу, как 1 : 3; меньшая часть имеет барь-

[6] В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, стр. 353.

ер. В центральном помещении отмечены остатки очага, вернее, прямоугольного жертвенника, валик которого образован поставленными на ребро кирпичами. С северо-запада, с правой стороны центрального помещения, если стоять лицом к его входу, также пристроена группа подсобных помещений, конструктивно связанных с основным ядром.

Поскольку любое сооружение из сырцового кирпича является более податливым для археологических инструментов, чем, скажем, из обожженного кирпича, такого рода объекты при раскопках требуют повышенной осторожности. Можно помимо воли допустить небрежность, и на плане может появиться лишняя дверь или, наоборот, помещение окажется наглухо замурованным. Анализ плана построек на раскопе № 4 привел нас к мнению, что такая небрежность имела место и здесь, что, в частности, и могло послужить толчком к первоначальной интерпретации объекта. Так, вызывает подозрение наличие в древности дверного проема между двором В и помещением № 28 — у него с одной стороны отсутствует косяк, что не отмечается в древнеземледельческой архитектуре; по-видимому, эта дверь появилась в результате траншеи, которая была прорыта вдоль северо-восточной стены двора Б, а северо-западная стена не была вовремя замечена. Также вызывает сомнение дверной проем между «дворами», сопряжение которых осталось по сути дела непонятным. Принципы планировки и оформление интерьера рассматриваемых сооружений на Кара-Тепе и бесспорных святилищ предшествующего времени очень сходны и представляют собой как бы дальнейшее развитие последних. Все сказанное позволяет сделать заключение о том, что раскопанный на Кара-Тепе комплекс являлся не жилым, а культовым, наиболее ранним из известных теменосом, что «дворы» А и Б являлись святилищами.

Естественно, возникает вопрос о генезисе этих святилищ, о том, представляют ли они местное явление или их надо полагать принесенными извне. Поскольку культурное единство южнотуркменистанской провинции оседлых земледельцев эпохи энеолита не подвергается сомнению [7], а наиболее исследованным районом этой провинции является Геоксюрский оазис, постольку мы имеем право оперировать материалами из этого района для выяснения генезиса карадепинских святилищ. Поразительно сходство общинных домов, в частности с Муллали-Тепе (позднее Намазга II), и этих святилищ: ориентация углами по сторонам света, вход в юго-восточной стене, предвходный тамбур, и, наконец, прямоугольный жертвенник внутри [8]. Это сходство не случайно, поскольку названный нами общинный дом, или ранний храм, не одинок, а лишь является наиболее типичным из сравнительно крупной серии построек такого рода. С другой стороны, сооружение подобного типа без всяких сомнений восходит к столь же обычному жилому дому любого из поселений геоксюрского оазиса времени развитого энеолита [9]. Наконец, внутренний отсек в карадепинских святилищах находит своего генетического предшественника опять же на Геоксюре. Все это позволяет нам утверждать, что в конструктивном отношении оба святилища на Кара-Тепе являются произведениями местных племен, что их традиции уходят в глубь веков именно на этой территории, что их генезис сугубо местный; последнее не позволяет искать их истоки где-либо за пределами ареала культуры древних земледельцев Южной Туркмении. Более того, можно говорить, что на Кара-Тепе мы имеем дело с конкретным поселковым или родовым святилищем, отличительные черты которого совпадают с чертами святилищ с прямоугольными жертвенниками из Геоксюрского оазиса, о которых говорилось выше.

---

[7] В подгорной полосе в памятниках развитого энеолита были найдены даже круглые жертвенники, тождественные геоксюрским, см. А. Я. Щетенко. Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каахкинском районе. «Каракумские древности», I, Ашхабад, 1968, стр. 21.

[8] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа..., стр. 29—33.

[9] Там же, стр. 73—75.

Как мы видим, центральное положение в поселении верхнего слоя на Кара-Тепе занимает своеобразный архитектурный комплекс, который может быть определен как культовый. Однако помимо двух охарактеризованных выше собственно святилищ (причем сейчас невозможно однозначно ответить на вопрос об их одновременном или последовательном существовании) в этом комплексе отмечены и другие постройки. Анализ

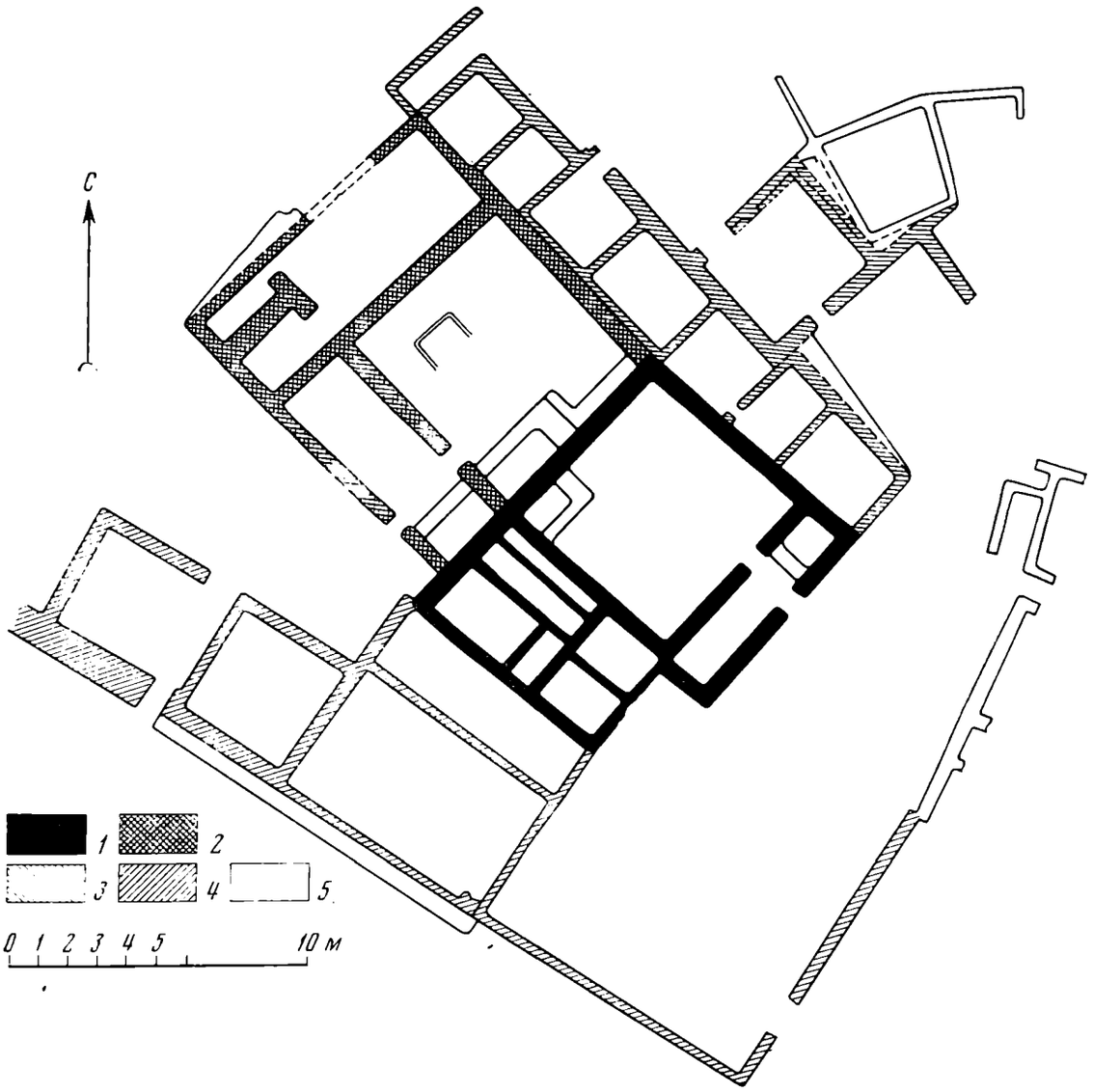


Рис. 3. Историческая эволюция культового комплекса на раскопе № 4 Кара-Тепе

планировки может, на наш взгляд, дать представление о последовательности застройки этого участка поселения (рис. 3). Первым было сооружено святилище I — его планировка наиболее правильная, строго выдержан квадрат центрального помещения. К северо-западной стене было затем пристроено святилище II; о такой последовательности говорит смещение направления стен и неточность квадрата центрального помещения (разная длина противоположных стен). Ряд небольших помещений, пристроенных к северо-восточной стене святилищ, был сооружен в третью очередь; аргументом в пользу этого мнения является: 1) утолщение северо-восточной стены второго святилища на один ряд кирпича ложком, что было нужно для достижения перевязки между святилищем и рядом помещений; 2) параллельность наружной общей стены этого ряда помещений северо-восточной стене святилища II, а не святилища I. Все это могло быть сделано только в предложенной нами последовательности, а не наоборот. Постройка четырех больших помещений к юго-западу от собственно культового комплекса, а также обводной ограды, была осуществлена уже после сооружения основного ядра, однако неясно, в каком временном

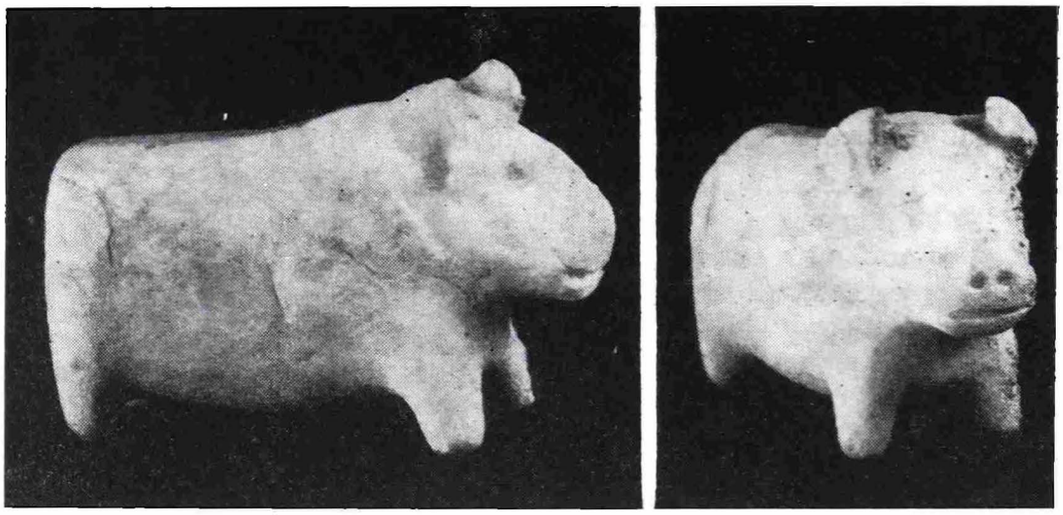


Рис. 4. Кара-Тепе. Мраморная статуэтка быка

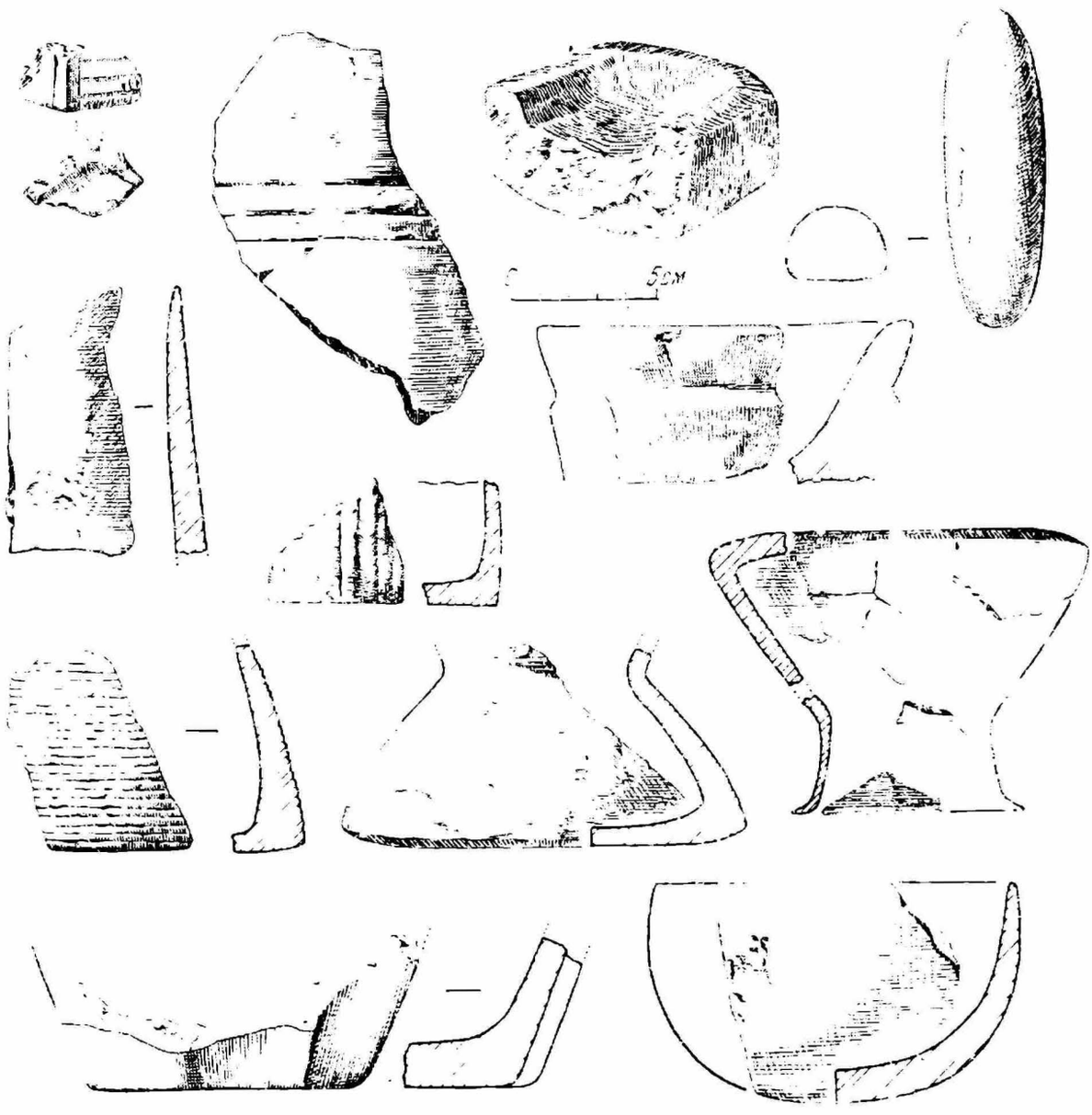


Рис. 5. Кара-Тепе. Каменные сосуды

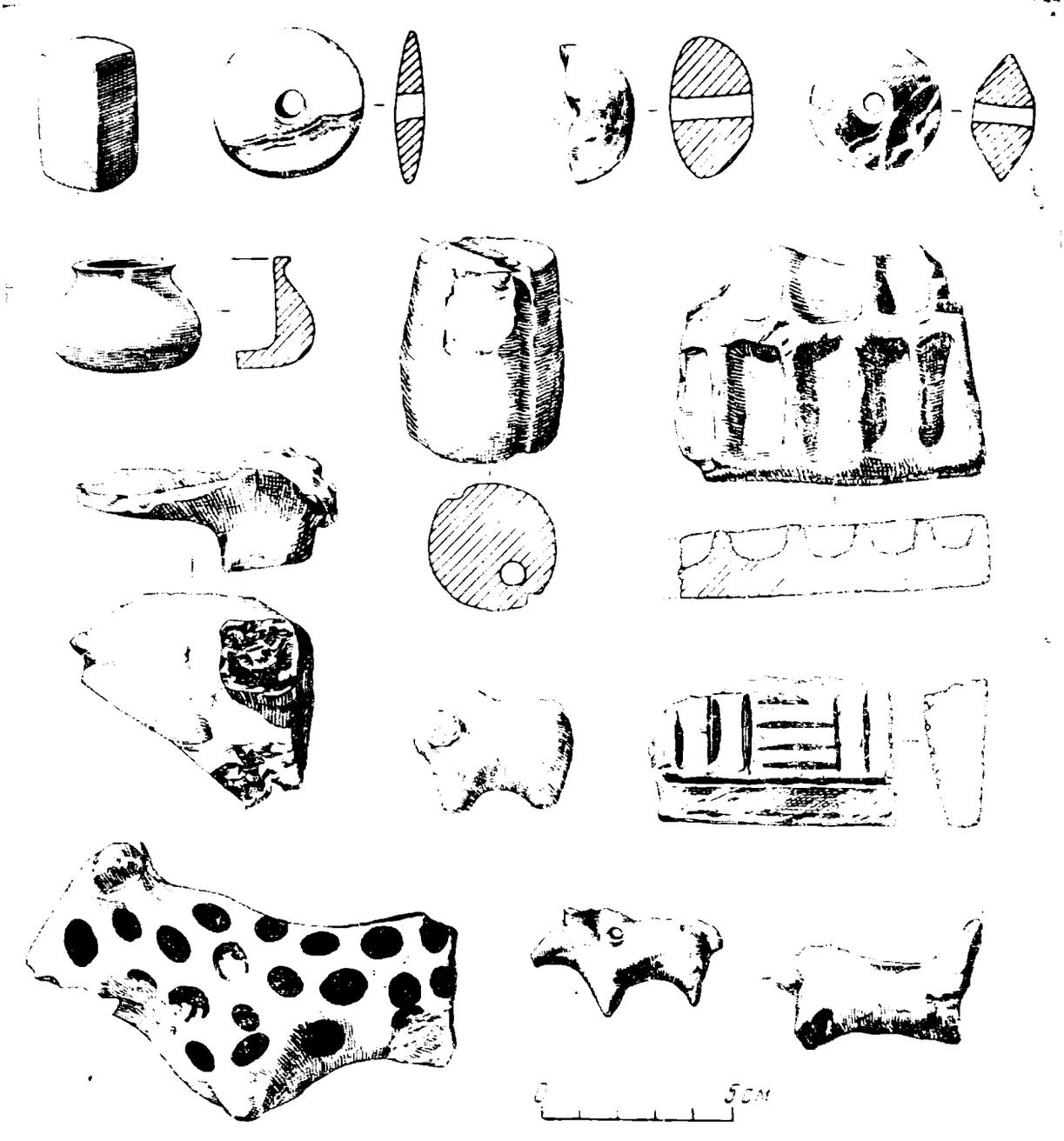


Рис. 6. Кара-Тепе. Каменные и керамические поделки

соотношении находится эта часть построек раскопа № 4 к названным выше комнатам на северо-востоке от основного комплекса.

Коль скоро установлено подлинное значение построек, вскрытых на раскопе № 4 Кара-Тепе, мы можем по-иному воспринять комплекс находок из этого места. Необычность этого комплекса была отмечена уже в первой публикации материала[10]: оттуда происходит знаменитая мраморная фигурка быка (рис. 4), более 10 каменных сосудов, в том числе многие из мраморовидного камня (рис. 5), значительное число поделок из камня, а также керамика, глиняные статуэтки, фигурки животных и многое другое (рис. 6). Совершенно очевидно, что перечисленный набор представляет собой уже некий комплекс, который не свойствен жилым частям поселения. Это — остатки комплекса ритуальных предметов периода позднего энеолита.

В связи с этим все остальные находки, в том числе и керамика с ее орнаментацией, приобретают особую семантическую нагрузку. Это не позволяет теперь сравнивать, как прежде, орнаментацию керамики с раскопа

[10] В. Е. Массон. Кара-депе у Артыка, стр. 347.

№ 4 и других мест поселения. В свое время именно сравнение керамической орнаментации с разных раскопов Кара-Тепе привело исследователей к мнению о возможности возрождения тотемических воззрений в среде древних земледельцев Средней Азии эпохи позднего энеолита [11]. Ныне, когда мы уверенно можем говорить о неравнозначности комплексов находок, представляется, что названное мнение лишается своей основной посылки, что в разных частях поселения якобы жили общины с разной тотемной принадлежностью.

Таким образом, предложенная интерпретация построек из верхнего строительного горизонта Кара-Тепе у Артыка позволяет сделать некоторые выводы:

1. В свете предложенных выше сопоставлений представляется возможность уточнить план комплекса построек на раскопе № 4, не прибегая к дополнительным археологическим работам: мы предлагаем считать недоразумением дверные проемы между «дворами» и между двором Б и помещением № 28; логически их существование не представляется нам оправданным.

2. Комплекс построек на раскопе № 4 на Кара-Тепе нельзя рассматривать как жилой. Заключение о культовом характере этого комплекса, как о теменосе эпохи позднего энеолита, представляется нам наиболее вероятным.

3. Культовый архитектурный комплекс времени Намазга III подтверждает непрерывность развития местных религиозных воззрений, связанных с поклонением солнцу и огню, в течение всего периода энеолита.

[11] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 352, 389—390.

Т. Г. МОВША

ГОНЧАРНЫЙ ЦЕНТР ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДНЕСТРЕ

Роль трипольских племен в IV—III тысячелетиях до н. э. в культурном развитии и формировании этнических общностей Юго-Восточной и центральной Европы, в передаче экономических и культурных достижений была весьма значительна. Наиболее интенсивны эти влияния были в бассейнах Прута и Днестра, постепенно замедляясь и теряя присущие черты по мере продвижения трипольских племен на восток.

Богатые плодородные земли, залежи кремня, высококачественных гончарных глин, близость к Карпатскому очагу древней металлургии меди создали, видимо, раньше чем в других районах, условия для развития ремесла и специализации отдельных общин. «Различные общины,— писал К. Маркс,— находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами...» [1].

Наряду с многими другими важной отраслью экономики у трипольских племен было изготовление посуды для хозяйственных нужд и культовых обрядов. Массовость находок, своеобразие сюжетов их орнаментов позволили еще Э. Штерну, а позднее Л. Чикаленко выдвинуть предположение о существовании специальных керамических центров [2]. В 30-х годах мысль о гончарных центрах и их влияниях высказал Л. Чикаленко. Он также предполагал наличие импортов посуды из разных районов трипольской культуры. В частности, им было обращено внимание на идентич-

[1] К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 359.

[2] Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII АС, I. М., 1906, стр. 21—22.

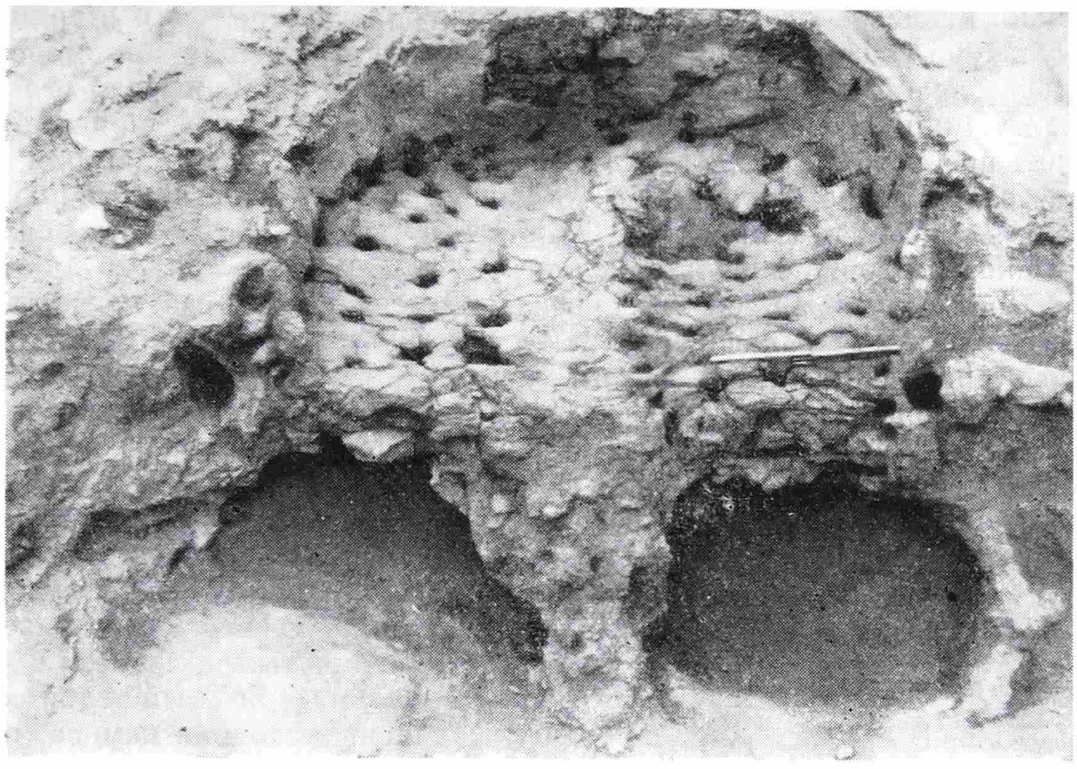


Рис. 1. Жванец. Гончарная печь № 2

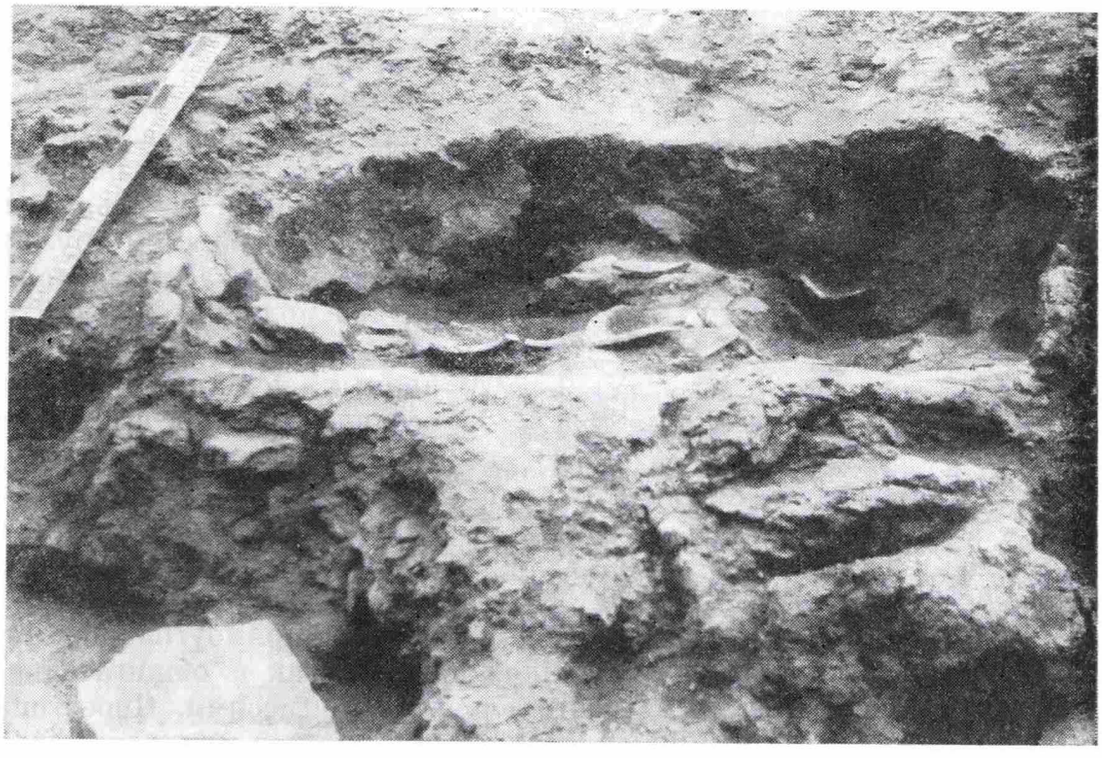


Рис. 2. Жванец. Гончарная печь № 2, загруженная посудой

ность сосудов из Васпльковцев и Киевщины, Бильче-Злоте и Городницы [3]. В несколько иной связи о специальных керамических мастерских писал К. Маевский [4]. Вслед за ними недавно к вопросу о гончарных мастерских обратился С. Н. Бибиков [5].

[3] Л. Чикаленко. Нарис розвитку українськоі неолітичноі мальованоі керамікн. Трипільська культура на Україні, 1. Київ, 1926, стр. 116.

[4] K. Majewski. Studia nad kultura Trypilska. «Archeologia», I, Вроцлав, 1947, стр. 34—36.

[5] С. Н. Бибиков. О некоторых вопросах синхронизации и расселения трипольских племен. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 1—9.

Однако несмотря на то, что постановка вопроса о наличии в трипольской культуре гончарных центров относится еще к началу XX столетия, длительное время отсутствовали археологические материалы для его разрешения. Лишь в последние два года раскопками на многослойном трипольском поселении в с. Жванец на Каменец-Подольщине автором был открыт большой производственно-гончарный комплекс, исследование которого лишь начато. В настоящее время обнаружено уже шесть обжигательных печей сложной двухъярусной конструкции.

Печи находились за пределами поселения в урочище Шовб, на западном высоком склоне примыкающей к нему Лысой горы, над обрывами карьеров по ломке сланца. На вскрытом участке печи располагались, видимо, несколькими рядами. Печи первого ряда были разрушены карьерами. От них (№ 4, 5) уцелели лишь остатки подов топочных камер. Хорошо сохранились печи второго ряда — № 1, 2, а также часть печи № 3, расположенной значительно северней последних. Печь № 6, по всей вероятности, находилась на линии третьего ряда. Все они устьем обращены на запад, к Жванчику — левому притоку Днестра. В материк (глинистый сланец) или предматериковый слой опущены топочная камера, нижняя часть обжигательной камеры — черень и основание свода, хорошо сохранившиеся, благодаря плотной почве.

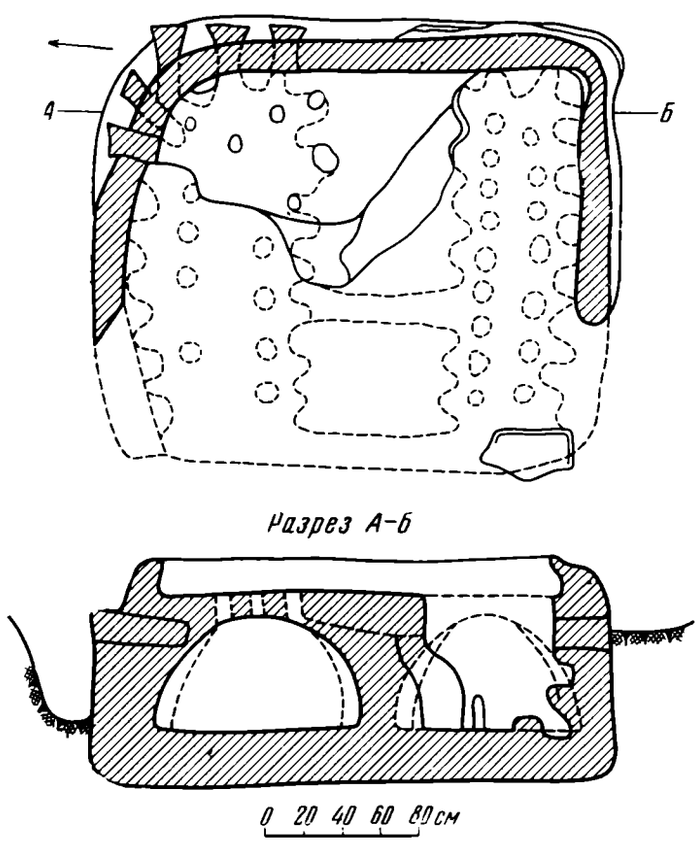


Рис. 3. Жванец. План и разрез печи № 1

Печи глинобитные, все конструкции их сложены из глиняных деталей. В плане они подковообразные или прямоугольные с закругленными углами, двухъярусные (рис. 1). В нижнем ярусе находится топка, разделенная на две половины козлом или сооружением в виде двух парных подпорных столбов, оставленных при выборке материкового или предматерикового грунта. Козел направлен от устья до противоположного конца кольцевой стены топочной камеры, где имеется прямоугольное отверстие для тяги пламени. Стены топочной камеры, как и обжигательной, обмазаны тонким слоем глины с растительными примесями. Через определенные промежутки на них намазывались дуговидные или лишь слегка изогнутые на концах глиняные выступы-арки, овальные или подтреугольные в разрезе. К вершинам арок и к кольцевой стене на обмазке крепились глиняные клинья-конусы. Сложное переплетение их составляло решетчатое перекрытие между верхней и нижней камерами. Решетка вместе с козлом или парными подпорными столбами служила опорой для глинобитного пода обжигательной камеры. Под имел несколько десятков трубчатых продухов. Через них проходили жар и пламя из топочной камеры. Отверстия их совпадали с промежутками между клиньями решетки.

Глиняные стены свода (в печи № 2 высотой до 47 *см*) наклонены внутрь, что позволяет предположить купольную форму. Сосуды, видимо, загружались в обжигательную камеру сверху; здесь, вероятно, было и отверстие для дымохода. Данные, полученные при разборке верхнего го-

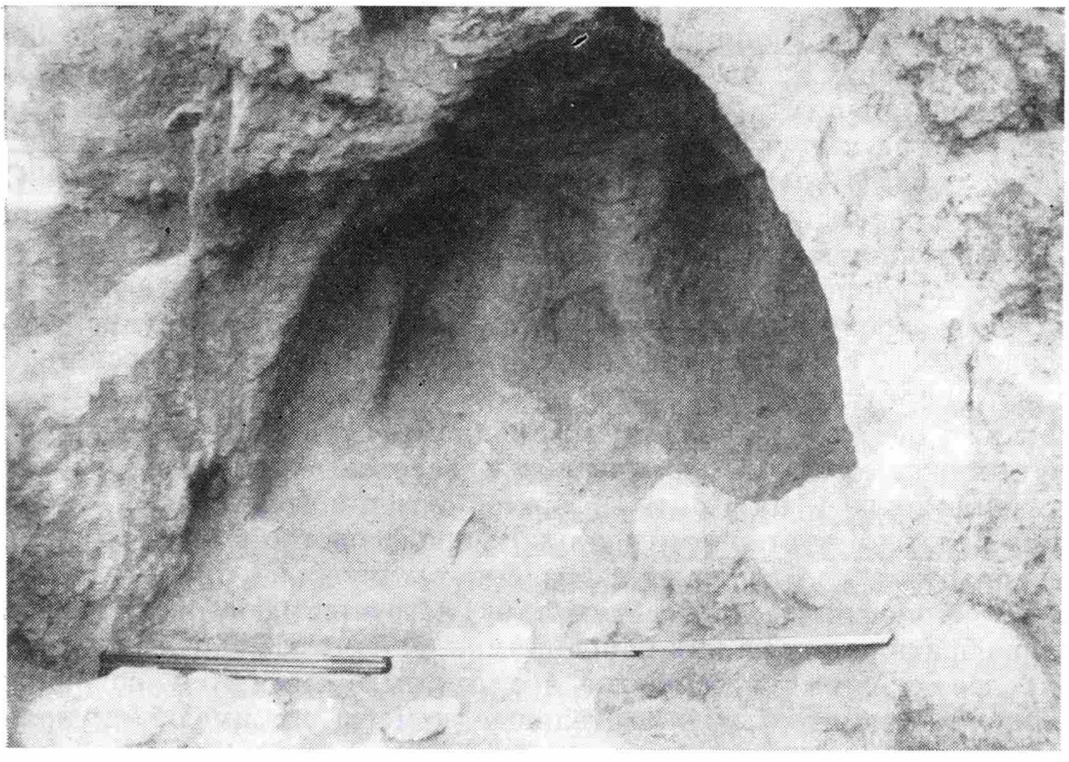


Рис. 4. Жванец. Арочный свод топочной камеры гончарной печи № 1

ризонта над печью № 2, позволяют думать, что отверстия сводов перекрывались тонкими деревянными кольями и плахами, обмазанными глиной. Поверх них настилалась битая толстостенная посуда.

В гончарных печах № 1, 2, 3 найдена однотипная трипольская керамика, в том числе и деформированная. Печь № 2 оказалась загруженной посудой. Крупные раздавленные сосуды лежали на ее черене (рис. 2). Сходство посуды, найденной в этих трех печах, с керамикой поселения в урочище Шовб указывает на связь печей с поселением. Наиболее близкими к открытым нами печам из Жванца, видимо, яляются печи из трипольского поселения Валя-Лупулуй в Румынии [6]. Однако краткость описания их и отсутствие иллюстраций не дают возможности составить отчетливое представление о конструктивных схемах.

Несмотря на общие черты, в гончарных печах из Жванца устанавливается два типа: первый тип — двухъярусный, подковообразный в плане, с козлом, поддерживающим черень обжигательной камеры с продухами. Черень лежит на решетке из глинобитных клиньев-конусов, расположенных двумя рядами по принципу «балочного» перекрытия (печь № 3). Второй тип — двухъярусный, прямоугольный в плане с двумя подпорными столбами и решеткой из глинобитных клиньев-конусов, расположенных по принципу «арочного» перекрытия (печь № 1, рис. 3, 4).

Каждый из этих типов встречается в гончарных печах Северного Причерноморья. Сходство проявляется в одних и тех же принципах устройства и нередко близких строительных материалах. Намечается сходство в межкамерном перекрытии печи № 3 из Жванца (первый тип) с печами № 2, 3, 5, 8 эллинистического периода Херсонеса, с печью из скифского городища совхоза Красное [7], а также с печами II—I вв. до н. э. Елизаветинского городища.

Второй тип печей из Жванца (печь № 1) сближается с античными печами первых веков н. э. Перекрытие их устроено по принципу «арочного моста». Но в печи из Жванца он образован не уступчатой кладкой, а

[6] M. Dinu. Santierul archeologie Valea Lupului. Materiale şi cercetări archeologice. III. Bucuresti, 1957, стр. 161—177.

[7] Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ, 1, 1—20, М., 1966, стр. 16.

арочным сводом. На вершинах арок были закреплены клинья, несколько приподнятые кверху.

Нельзя не отметить близость схемы трипольских обжигательных печей из Жванца к двухъярусным печам культуры полей погребений черняховского типа (Будешты, Лука-Врублевецкая, Рипнев II и др.). Сходство со всей очевидностью опровергает утвердившееся в науке мнение о том, что двухъярусный тип кельтских печей, с которым обычно связывают происхождение гончарных печей культуры полей погребений, является наиболее древним. После раскопок в Жванце вопрос о происхождении гончарных печей культуры полей погребений черняховского типа может быть пересмотрен.

Близкий тип печей (к первому жванецкому, печь № 3), особенно по характеру межкамерного перекрытия, известен в настоящее время в Средиземноморье — на Крите, в южной Италии и Сицилии [8]. Монографические работы о кустарном гончарном производстве в этих странах, где до сих пор отчетливо выражены древние технические приемы устройства гончарных печей, стали известны нам, благодаря любезности А. А. Бобринского, обратившему на них наше внимание.

Наиболее схожими и наиболее архаичными являются современные печи Крита (Азоматос). Обжигательные камеры их имеют купольный свод. Межкамерное перекрытие состоит из решетки, устроенной по «балочному» принципу [9]. Решетка, несмотря на отличительные особенности, в принципе повторяет конструктивный прием печей первого типа из Жванца (печь № 3) и античных печей III—IV веков н. э. на Боспоре.

На фоне ныне существующих представлений о трипольском гончарстве печи из Жванца поражают техническим совершенством. Каждая деталь и ее место строго продуманы. Все это — результат больших для того времени знаний и профессиональных навыков, закрепленных поколениями. Сложная двухъярусная конструкция печей с двумя отделениями топки позволяла достигать высокой температуры на всех этапах обжига посуды, высококачественной, нередко тонкостенной, близкой к античной. Изобретение такой печи и освоение подобной техники обжига посуды сыграло большую роль в развитии керамики. Оно явилось важным историко-культурным достижением в области производства древнеземледельческих энеолитических племен Юго-Восточной Европы, позволившим гончарству выделиться в отдельную отрасль производства, приближенного к ремесленному.

Имеются все основания предполагать, что в Жванце, на западном склоне Лысой горы находился крупный центр гончарного производства этого поселения, который, вероятно, обслуживал и другие поселки Среднего Поднестровья. Подобные производственные очаги, видимо, возникали в местах залежи высококачественного сырья. Следует предполагать открытие гончарных печей и на других поселениях трипольской культуры. Следы интенсивного гончарного производства в виде керамического брака обнаружены на ряде трипольских поселений, особенно относящихся к периоду расцвета культуры. Исходя из анализа стилистических и сюжетных особенностей антропоморфной и зооморфной росписи на сосудах, можно, как нам представляется, наметить несколько таких гончарных центров. Это Траян с геометрическим стилем антропоморфных изображений; Валя-Лупулуй, где были найдены гончарные печи и сосуды с изображением животных, выполненных в условно реалистической манере; Варваровка, роспись керамики которой сочетает несколько стилей — не только условно-реалистический, но и натуралистический; Петрены, с изображением сильно стилизованных когтистых животных; Рашков и Трифау-

[8] Roland Hampe, Adam Winter. Bei Töpfern und Töpferinen in Kreta. Mainz, 1962. Их же. Bei Töpfern und Zieglern in süd Italien Sizilien und Grichenland. Mainz. 1965.

[9] Roland Hampe, Adam Winter. Bei Töpfern und Töpferinen in Kreta. стр. 8, табл. 2, 3.

цы, с особыми рисунками шерстистых животных; Крутобородинцы II, характеризующиеся натуралистическим стилем зооморфных сюжетов; Кошиловцы-Обоз, со своеобразной антропоморфной и зооморфной росписью; Стена, где зооморфные рисунки выполнены в ленточной и реалистичной манере, и ряд других пунктов. Некоторые художественно-гончарные центры отражают не только вкусы и наклонности местных гончаров и художников, но также влияния и заимствования, часто из отдаленных трипольских районов. В орнаментике изделий наблюдается иногда несколько художественных стилей. Варваровка может служить тому примером.

Одним из таких производственно-гончарных центров был Жванец. В орнаментальном декоре его керамики прослеживаются традиции Крутобородинцев II, Варваровки, а также непосредственно хронологически предшествующего ему поселения Кошиловцы-Обоз. Но вместе с тем изделия Жванца носят печать и ярко выраженной самобытности.

Имеются основания высказать предположение, что позднетрипольские гончары передовых центров коренной территории Триполья были знакомы с ручным гончарным кругом легкого типа с неподвижной осью. Кружальная керамика, изготовленная на ручном кругу со скользящим подшипником, по данным А. А. Бобринского и Р. М. Мунчаева [10], обнаружена в памятниках новосвободненского этапа майкопской культуры (Луговое поселение, Бамутский могильник, курган Лески).

Между Трипольем и Майкопской культурой прослеживаются двусторонние связи, о чем свидетельствует близкая антропоморфная пластика (станица Урупская [11], поселение в районе Кисловодска [12], курган Катаргач-Тапа [13]). Связи Триполья с Кавказом, видимо, существовали и в предшествующее время (каменные крестовидные булавы из Коновки и Веремье). Племена майкопской культуры, вероятно, были посредниками в связях между Трипольем и цивилизациями Древнего Востока.

Открытие гончарного обжигательного комплекса в Жванце указывает на то, что процесс выделения гончарства из области домашнего производства, когда посуда лепилась для собственных нужд в каждом доме женщинами, у племен бассейна Среднего Днестра уже произошел. Обжиг керамики в больших сложных печах с двумя отделениями топки был по силам лишь мужчинам. Гончарное ремесло стало теперь занятием мужчин, которые, по всей вероятности, уже работали за счет общества. После обработки кремня, металлообработки в Триполье возникла специализация еще в одной важной отрасли — гончарном производстве.

Гончарные печи из Жванца, как и жилище позднетрипольского мастера из Цвикловцев [14], могут существенно изменить ныне существующее представление об уровне экономики трипольцев в период позднего и предпозднего Триполья. Они указывают на существование четкого распределения труда в трипольском обществе, на специализацию в области производства, на выделения ремесла из области домашнего производства, которые лишь гипотетично предполагались (К. Маевский [15], С. Н. Бибиков [16]). Специализация по видам занятий привела к повышению производитель-

---

[10] А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе. КСИА, АН СССР, 108, 1966, стр. 14—22.

[11] В. И. Марковин. Глиняная статуэтка из станицы Урупской. КСИИМК, 76, 1959, стр. 103—111.

[12] А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА, 1967, 1, стр. 231, рис. 4, *1—3*.

[13] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 134—135, рис. 46.

[14] Т. Г. Мовша. Пізньотрипільське житло — майстерня в Цвіклівців. «Археологія», XXIII, 1969.

[15] K. Majewski. Ук. соч., стр. 26.

[16] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 8; его же. Новые исследования трипольской культуры в Среднем Поднепровье. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований. М., 1964, стр. 22.

ности труда, к росту производства и создала все возможности для регулярного обмена.

Установление у обитателей Жванца во время, близкое к Кошиловцам-Обоз, гончарного производства закономерно вызывает постановку вопроса о сбыте продукции. Но решение его — дело будущего, так как поселения с аналогичной Жванцу керамикой пока неизвестны. В подобных гончарных центрах, по всей вероятности, для обмена изготовляли лишь высококачественную и, прежде всего, расписную посуду. Посуда кухонная, а также для хозяйственных нужд, как нам представляется, лепилась в каждом поселении. Гончарные центры на периферии трипольской культуры, которой является район с. Халепье-Щербаневка, могли и вовсе не существовать.

Гончарные печи из Жванца приоткрывают существенную черту экономического развития эпохи расцвета Триполья, приближение к ремесленному уровню гончарства — одной из традиционных отраслей производства трипольской культуры.

Появление гончарных производственных центров у трипольских племен явилось крупным экономическим и культурным достижением.

Триполье значительно превосходило окружавшие племена и представляло очаг древней цивилизации. Закономерность постановки этого вопроса основана не только на материалах самого Триполья, но и на материалах сходной и стадиально близкой культуры расписной керамики Туркмении. Последняя, по мнению, В. М. Массона [17], на ступени перехода от энеолита к бронзовому веку переживала уже протогородскую цивилизацию.

Большие, укрепленные рвами поселения, состоящие из десятков монументальных глинобитных жилищ, кремневых и гончарных мастерских, интенсивный темп развития производительных сил (пашенное земледелие), нескольких отраслей общинного ремесла (гончарного, кремнеобрабатывающего, металлообрабатывающего), накопление богатств (клады медных изделий из Карбуны, Ариушда, Городницы II, Цвикловцев, Рынгач), появление богатых погребений родовых и племенных вождей — таковы основные черты трипольской культуры времени расцвета. Развитие ее шло, видимо, по пути разложения первобытного общества, но в силу действия внешних причин, приведших к разрушению трипольской этнокультурной области не могло достигнуть ступени его окончательного распада.

[17] В. М. Массон. Историческое место среднеазиатской цивилизации. СА, 1964, 1 стр. 12—25; его же. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3, стр. 165—190.

Ю. С. ГРИШИН

НЕФРИТОВЫЙ НОЖ ИЗ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

В музее города Сретенска Читинской области хранится уникальная случайная находка — шлифованный массивный двулезвийный каменный нож из темно-зеленого с черными вкраплениями нефрита (рис. 1) [1]. Он был найден на р. Шилке, близ Сретенска, в пос. Ламы. Длина 28 *см*, наибольшая ширина в верхней части клинка около 10 *см*. Нож слегка изогнут. Он имеет широкий, относительно короткий (примерно в половину длины ножа) клинок с двумя лезвиями и слабо выраженным срединным ребром. Рукоять постепенно сужается к утолщенному шаровидному навершию. В верхней части клинка неглубокими прорезями нанесен орнамент в виде вертикальной елочки. Нож в значительной мере запатинирован.

Находки подобных нефритовых орудий до сих пор не были известны ни в Прибайкалье, где есть месторождения зеленого нефрита [2], ни в За-

[1] Сретенский музей. Инв. № 56.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. III, МИА, 43, 1955, стр. 174.

байкалье. Не были найдены они и в соседних областях. Ближайшей по форме аналогией рассматриваемому ножу может служить один китайский бронзовый несколько изогнутый нож иньского времени (XIV—XI вв. до н. э.), который, однако, имеет прорезную рукоять с полым внутри шаровидным навершием. Орнамент нанесен в верхней части клинка и состоит из выполненных выпуклыми линиями маленьких углов, опущенных вершинами вниз [3]. Значительное сходство по общему облику и пропорциям

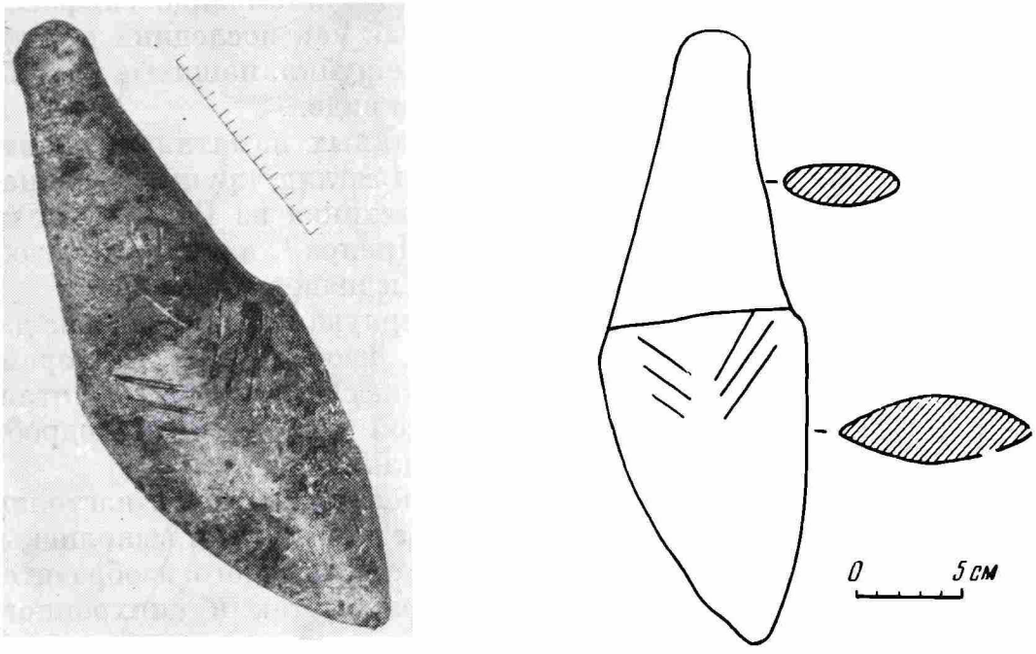


Рис. 1. Нефритовый нож из Забайкалья

описываемый нефритовый нож имеет и с забайкальскими изогнутыми бронзовыми ножами [4]. Следует отметить, что шлифованные каменные ножи и кинжалы, нередко подражающие металлическим медно-бронзовым изделиям иньско-карасукских и тагарских форм, известны пока лишь из соседних более восточных районов Приморья, Приамурья и Дунбея, причем они там изготовлялись из шифера [5]. Среди них, однако, не обнаруживается формы, аналогичной рассматриваемому ножу. Можно предполагать, что обычай изготовления шлифованных каменных орудий по металлическим образцам проник в Забайкалье с востока. Вряд ли можно сомневаться, что публикуемый нож был изготовлен в районе Байкала. Он сделан из прибайкальского нефрита, материала, нередко используемого в Прибайкалье и Забайкалье для топоров, тесел, колец и некоторых других предметов, причем с сопровождающим его характерным елочным орнаментом на клинке, также украшающим отдельные известные забайкальские бронзовые кинжалы [6].

---

[3] «Chinese Bronse Age Weapons by Max Loehr». Oxford, 1956, табл. XXXVI, *89*.
[4] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XXIX, *61*, *62*.
[5] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 100, 111—113, рис. 44—46; В. Е. Ларичев. О происхождении плиточных могил Забайкалья. Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959, табл. 1, *1—4*.
[6] Н. Н. Диков. Ук. соч., табл. XXIII, *2*.

М. В. ГОРЕЛИК

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СКИФСКИХ ДОСПЕХОВ ПО ПАМЯТНИКУ СКИФСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА — ЗОЛОТОЙ ПЛАСТИНКЕ ИЗ ГЕРЕМЕСОВА КУРГАНА

Памятники собственно скифского изобразительного искусства — чрезвычайно ценные источники по скифскому вооружению. Тем более велико их значение для представления о полном внешнем виде скифского оборонительного доспеха, особенно панциря, так как последний в силу своей конструкции и материала (металлические чешуйки, нашитые на кожу, или реже холст) почти не доходит до нас в целом виде.

К числу наиболее интересных из указанных памятников, и вместе с тем наименее изученных, относится, на наш взгляд, крупная (длина 19 *см*, высота 14 *см*) трапециевидная золотая пластинка из Геремесова кургана (IV в. до н. э.) в правобережье нижнего Днепра [1], на которой изображен поединок двух скифских воинов — конного и пешего (рис. 1).

Несмотря на «грубую работу»[2], характерную, вообще говоря, для всех изображений людей, сделанных скифами, изображение на геремесовой пластинке, как и на других предметах скифского искусства, отличается высокой точностью и подробностью в деталях.

Рис. 1. Золотая пластинка из Геремесова кургана IV в. до н. э.

Представленные в настоящей работе реконструкции выполнены с учетом как скифского изобразительного материала, так и синхронного скифам материала других областей, а также на основе изучения сохранившихся подлинных доспехов, хотя и относящихся к другим эпохам и регионам, но близких скифским по конструкции и материалам. Учтены нами и весьма меткие, хотя и относительно беглые и суммарные, замечания исследователей, относящиеся к рассматриваемому памятнику [3].

Так как геремесовская пластинка дает нам почти полную паноплию, во всяком случае в отношении защитного вооружения скифского воина, рассмотр будет произведен по отдельным видам защитного вооружения: панцирь, шлем, поножи, конский доспех.

1. Панцири. Покрой кожаной основы панциря всадника (рис. 1, *а*) представляется нам одинаковым для обоих вариантов реконструкции (рис. 2, *а*, *б*): правый борт с глубоким запáхом, правым набедренным и половиной правого оплечья; левый борт с левым набедренником из одного куска с наспинной частью и половиной правого оплечья; левое оплечье, выкроенное отдельно и вшитое в пройму между левым бортом и спиной; наконец, стоячий воротник, пришитый к горловине и завязывающийся сбоку слева. Подобная конструктивная схема основана на том, что линии стыков между отдельными частями показаны на пластинке двойными линиями (рис. 1, 3, *а*).

Таким образом, панцирь всадника (рис. 2, *а*, *б*) предстает пред нами в виде короткого, разрезанного спереди кафтана с глубоким запáхом справа налево, с набедренниками-лопастями, отходящими от нагрудной его

[1] Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова. Прага — Л., 1966, стр. 54, 112, табл. 188.

[2] Там же, стр. 54.

[3] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964, стр. 35, 43, 76, табл. 3, *16*; Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 41, рис. 20.

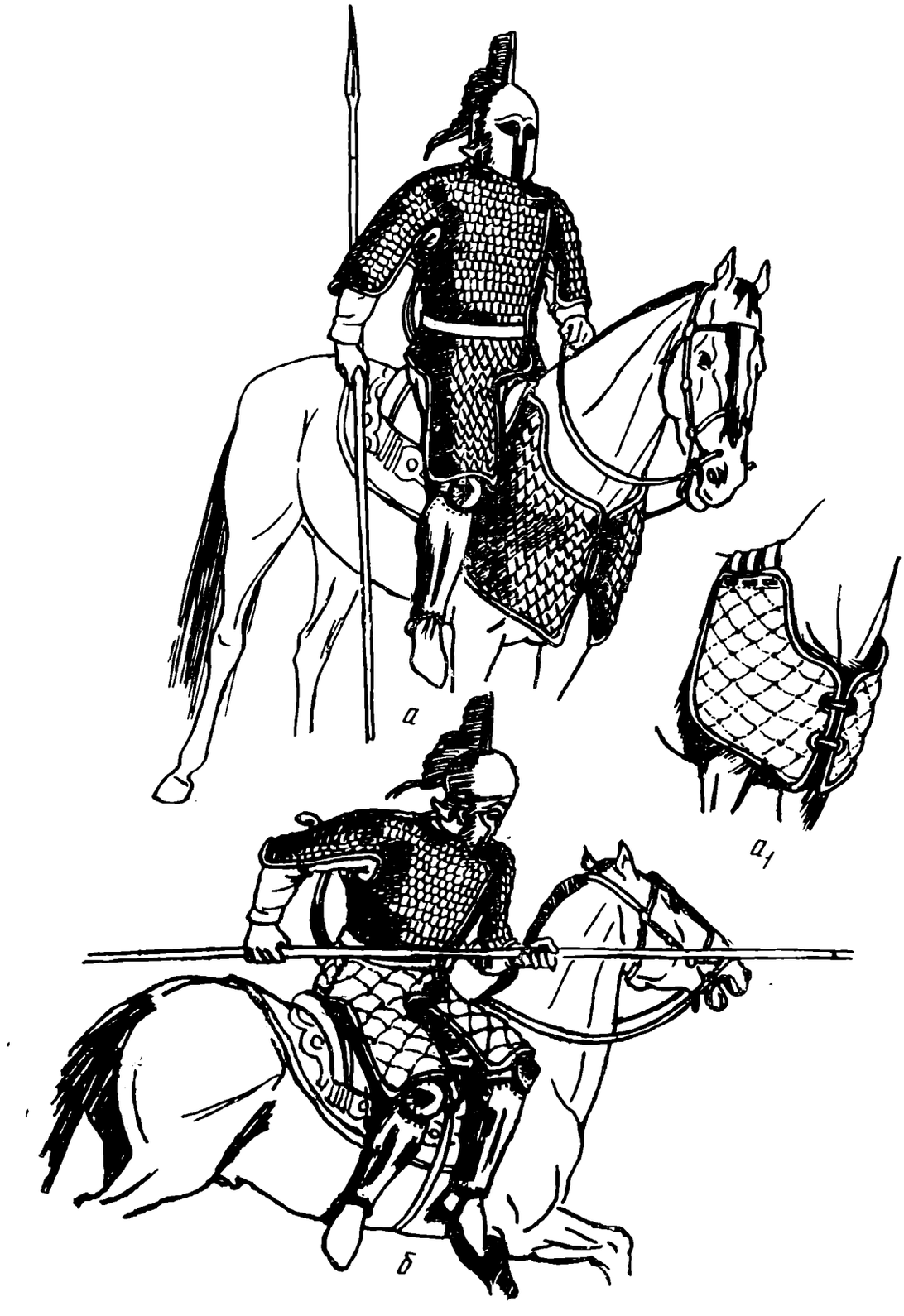


Рис. 2. Реконструкция левой фигуры (всадника) геремесовской пластинки

части, с лопастевидными оплечьями-нарукавьями. Доспех застегивается слева у горла, в верхнем и нижнем углах правого борта, и стягивается ременным поясом, пропущенным под кожаный валик-окантовку.

Представлено два варианта защитного покрытия кожанной основы. Первый вариант (рис. 2, *а*) предполагает полное металлическое чешуйчатое покрытие всего доспеха (или его передней части). В соответствии с изображением на пластинке верхняя часть туловища до пояса покрыта чешуйками с закругленным нижним краем (от горла до середины груди) и прямоугольными чешуйками (от середины груди до пояса). Сочетание чешуек указанных двух типов в одном доспехе надежно засвидетельст-

вовано археологическим источником — остатками панциря из кургана Шумейко[4] (рис. 3, *б*). Обращенные концами вниз крупные ромбы на подоле и набедренниках трактованы в первом варианте реконструкции как металлические чешуйки с заостренным нижнем краем (рис. 2, *а*).

Второй вариант реконструкции всаднического доспеха (рис. 2, *б*) отличается от первого только тем, что ромбы на подоле и набедренниках обозначают двойной слой кожи, простеганной в крупную косую клетку.

Рассмотренный доспех отличается большим удобством как при надевании, так и при использовании его всадником, для которого он специально и предназначен, и все это при чрезвычайно сильном оборонительном эффекте.

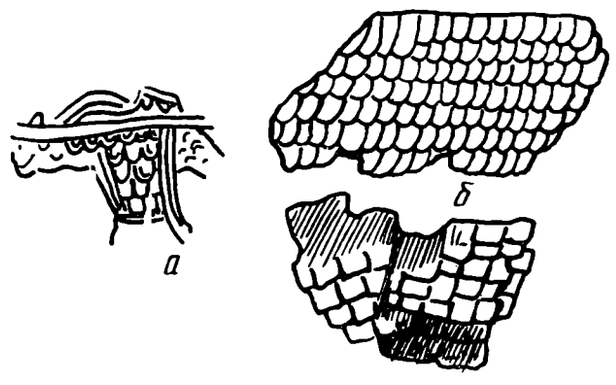


Рис. 3

а — деталь пластинки из Геремесова кургана; *б* — обломки панциря из Шумейкова кургана VI в. до н. э.

Для панциря пешего воина предложены два варианта покроя (рис. 4, 5), отличающиеся лишь в деталях. Согласно первому варианту (рис. 4)[5], панцирь имеет вид короткой куртки с длинными, ниже локтей, широкими рукавами. Она снабжена спереди разрезом сложной конфигурации одного из бортов: от плеча до середины груди — косым; далее (до подола) вертикальным. Куртка сзади доходит до копчика, спереди — до колен, так что образуются набедренники трапециевидной формы, и сама эта конструкция почти аналогична конструкции панциря всадника. Второй вариант кроя (менее вероятный; рис. 5) отличается от первого тем, что линия разреза опускается вертикально от середины груди только до пояса, а затем наискось идет к левому бедру, так что спереди образуется сплошной трапециевидный передник до колен.

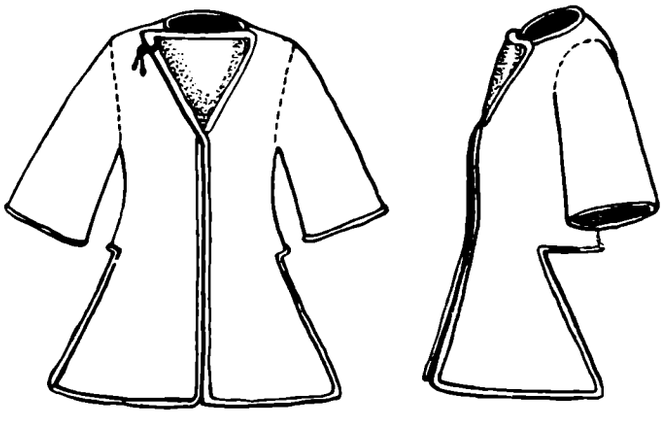


Рис. 4. Вариант реконструкции доспеха (покрой) пешего воина

Защитное покрытие кожи доспеха представляется нам комбинированным (рис. 5). Верхнюю часть и середину груди защищает большое металлическое треугольное зерцало (треугольник на груди пешего воина геремесовой пластинки может показаться просто треугольным вырезом панциря, но в таком случае наиболее уязвимое место остается открытым, и тем самым доспех почти начисто лишается своих защитных свойств). Интересно, что подобной формы зерцало, являясь почти уникальным в истории древнего вооружения, не было таковым для Северного Причерноморья: точно такую же деталь доспеха изобразил художник первых веков н. э. на груди конного копейщика, нарисованного на стене керченской катакомбы, открытой в 1873 г.[6] (рис. 6).

Некоторое сходство с названным зерцалом наблюдается лишь в панцирях, происходящих из Италии, представленных как вещественными памятниками, так и изображенных на италийской вазописи, стенописи и мел-

[4] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, 3. Киев, 1900, табл. 39, № 172.

[5] Данный вариант разработан совместно с А. И. Мелюковой.

[6] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, I. СПб., 1889, рис. 35.

кой бронзовой пластике[7]. Подобные доспехи имеют вид большой бронзовой пластины подтреугольной формы, как бы составленной из трех кругов (или двух кругов и головы — обычно Афины — внизу), и являются совершенно самостоятельным элементом вооружения. Они укреплялись на корпусе воина при помощи наплечных и боковых лямок, часто бронзовых. Связь их с нашим зерцалом хотя и вероятна, но достаточно отдаленна, так что применение нашиваемого на доспех треугольного металлического зерцала можно считать специфическим явлением вооружения именно Северного Причерноморья, прослеживаемым на протяжении полутысячи лет.

Остальная поверхность доспеха пешего воина геремесовской пластинки покрыта крупными ромбами (рис. 1, *б*), как и часть панциря конника (рис. 1, *а*).

В одном из вариантов реконструкции (рис. 5, *а, б*) предложено чешуйчатое (чешуйки с заостренным нижним краем) покрытие передней части доспеха. Спина защищена длинным назатыльником (об этом см. ниже). Ряды чешуек на груди идут параллельно боковым сторонам зерцала, переходят на рукава, закрывая их почти целиком; на набедренниках (или «фартуке») ряды горизонтальны. Набор в этом доспехе везде прямой в отличие от доспеха конника (рис. 2, *а, б*), где на левом, вшиваемом, оплечье применен обратный набор. Другой вариант реконструкции покрытия панциря пешего воина предусматривает двойной слой кожи, простеганный в крупную косую клетку (рис. 5, *в, г*). Панцирь пешего воина, судя по изображению на пластинке (рис. 1, *б*), подпоясан очень широ-

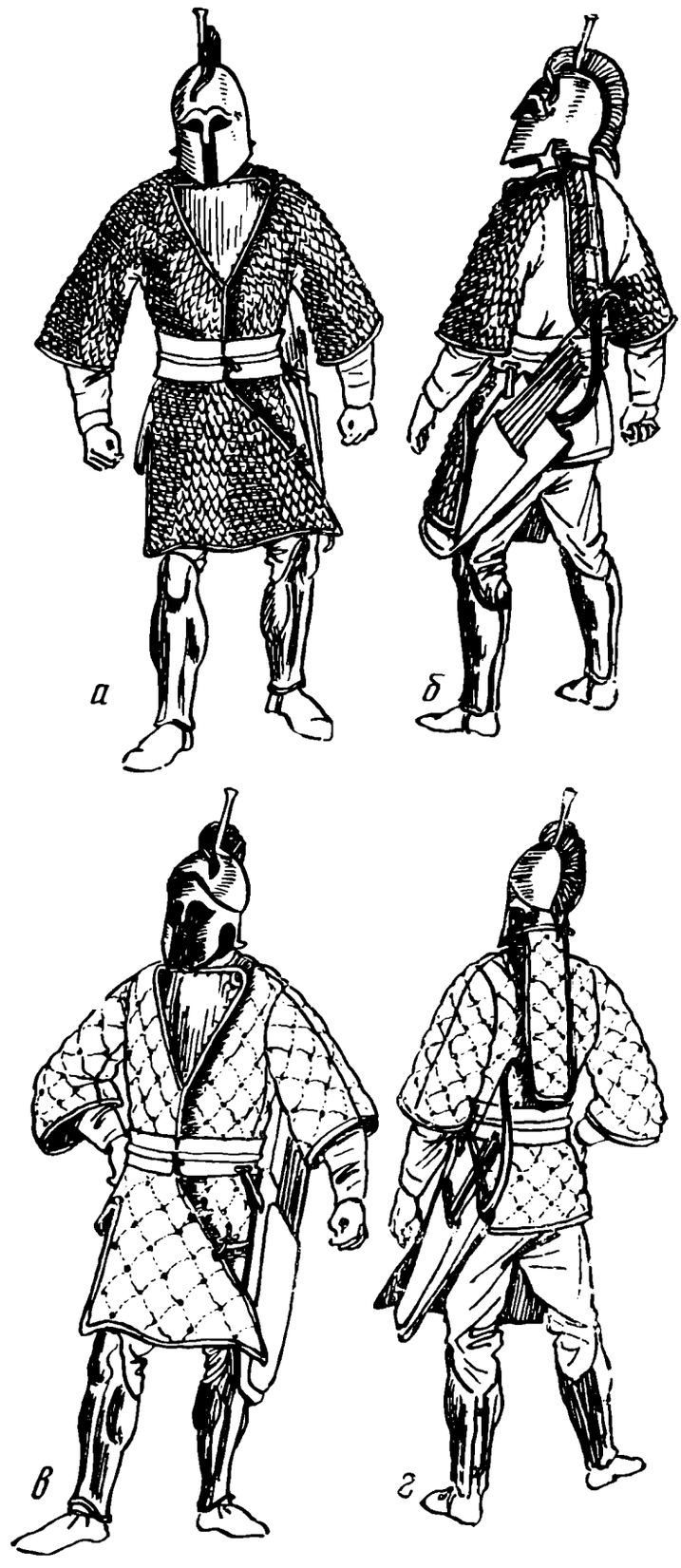


Рис. 5. Реконструкция правой фигуры (пешего воина)

[7] Курьер ЮНЕСКО, декабрь 1970, стр. 28. Handbook of the Collection of Arms and Armour: Metropolitan Museum of Arts, 1930, рис. 13; S. Reinach. Repertaire des Vares, 1. Paris, 1899, стр. 315, рис. 2; 2, Paris, 1899, стр. 359, рис. 4; его же. Repertaire de la Statuare, 2. Paris, 1908, стр. 188, рис. 4, 5; British Museum. A Guide to the Exhibition Illustrating Greek and Roman Life. London, 1929, рис. 80.

Рис. 6. Роспись Керченской катакомбы. Раскопки 1873 г. Первые века н. э.

ким кожаным поясом, вдоль середины которого пришит узкий ремень, снабженный завязками или пряжкой (рис. 5).

2. Шлемы. Наличие изображений металлических шлемов с высокими гребнями на воинах геремесовской пластинки было предложено в качестве гипотезы А. И. Мелюковой [8]. Солидаризируясь с приведенным мнением, попробуем уточнить и конкретизировать тип шлемов, изображенных на рассматриваемом памятнике.

Шлемы, воспроизведенные на пластинке (рис. 7, *а, б*), видны достаточно четко, хотя расположение их частей не всегда точно в смысле пропорционального отношения к величине головы (так, нащечные части шлемов доходят на изображении лишь до середины щек, в то время как у настоящих шлемов они закрывали щеки полностью).

Шлемы рассматриваемого памятника — это два почти совершенно одинаковых античных боевых оголовья, с наносниками, большими нащечниками, проймами для ушей, назатыльниками, без «линии волос» (рельефного перепада, отделяющего купол шлема от его тульи), снабженные навершиями в виде более или менее высоких штырей и волосяными гребнями. Наиболее близкие аналогии форме краев шлемов геремесовской пластинки мы находим в довольно ранних шлемах (VI—V вв. до н. э.) архаических форм: коринфского [9] (рис. 7, *к*), халкидского [10] (рис. 7, *м — о*) типов, переходных форм от коринфского к халкидскому [11] (рис. 7, *в — и*), а также в шлемах смешанного аттическо-коринфского типа [12] (рис. 7, *п*). На архаичность геремесовских шлемов указывает и отсутствие у них «линии волос», а также навершие в виде штыря.

Показательно, что по всем наиболее характерным признакам (конфигурация края, отсутствие «линии волос», характерное навершие-штырь) самую близкую и полную аналогию геремесовским шлемам дают шлемы, происходящие из Италии VI—V вв. до н. э. (рис. 7, *в — ж*, *к — л*, *о*, *п*). Тем не менее архаичность шлемов, изображенных на геремесовской пластинке, не дает еще повода для датировки самого памятника столь ранним временем. В пользу IV в. до н. э. говорит и комплекс кургана, и само изображение на пластинке — как сложность и высокая развитость изображенных на ней панцирей, так и, главное, характер изображения коня, вернее, его головы и шеи (рис. 1, *а*), весьма напоминающих античных гиппокампов и лошадиных грифонов, чьи изображения в больших количествах попадали к скифам именно с IV в. до н. э. и были разительно не похожи на произведения скифского звериного стиля.

То, что на памятнике скифского искусстава IV вв до н. э. изображены италийские шлемы VI—V вв. до н. э., да еще одинаковые, в то время как панцири имеют разную конструкцию, еще раз подтверждает тезис о том, что античные шлемы в скифской паноплии являлись вещью редкой и ценной настолько, что передавались по наследству очень продолжитель-

[8] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 76.

[9] F. F. von Lipperheide. Antike Helme. München, 1896, стр. 36.

[10] Там же, стр. 82, 100, 101.

[11] *в, з* — S. Reinach. Repertaire de la Stature, 2, стр. 186, рис. 4, 10; *г, д, ж* — S. Reinach. Ук. соч., IV. Paris. 1910, стр. 320, рис. 1; стр. 321, рис. 1; *е* — Mostra dell' Etruria Padano e della citta Spino 1. Bologna, 1960, табл. III; *и* — Х. М. Данов. Древна Тракия. София, 1969, рис. 82.

[12] R. Bloch. Etruscii. Bucuresti, 1966, рис. 20.

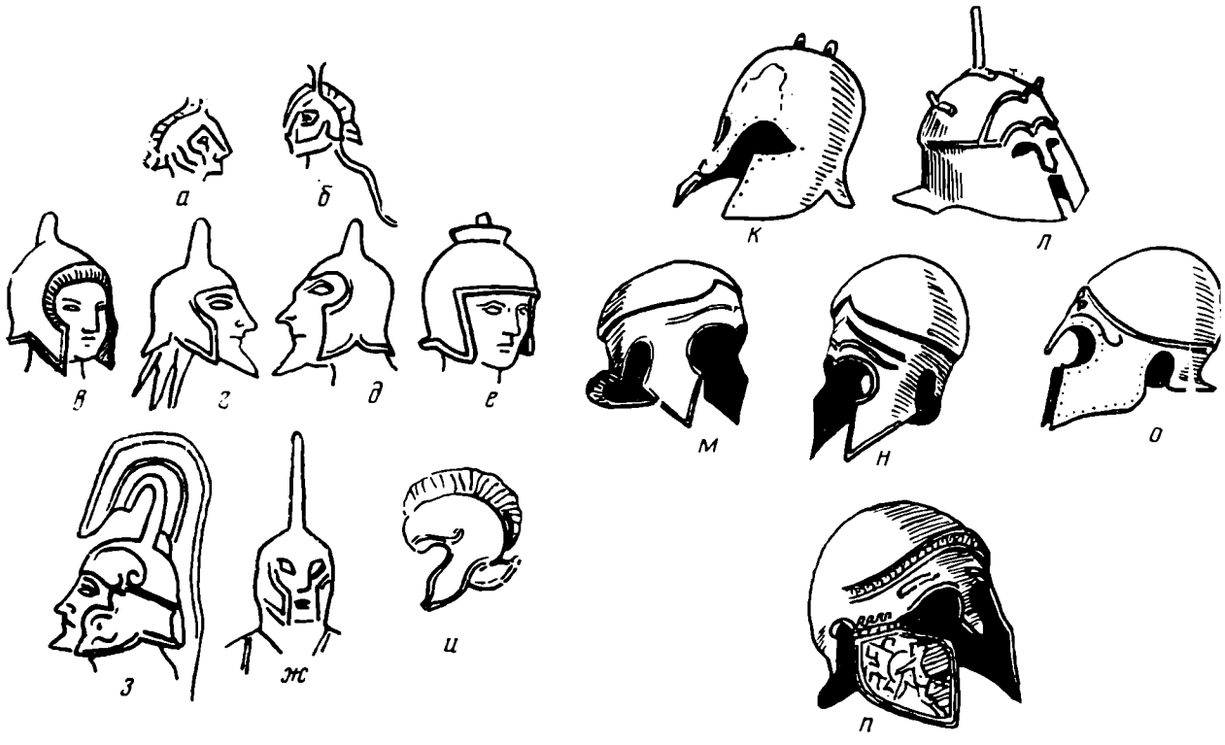


Рис. 7. Шлемы геремесовской пластинки и их аналогии.

а, б — шлемы с геремесовской пластинки; *в* — этрусская бронзовая скульптура (Кортона, VI—V вв. до н. э.); *г, д, ж* — детали бронзовых сосудов (Пезаро, VI в. до н. э.); *е* — этрусская бронзовая скульптура (Ареццо, середина VI в. до н. э.); *з* — греческая бронзовая скульптура (Олимпия, VI в. до н. э.); *и* — деталь серебряного позолоченого пояса из с. Ловеч, Болгария (вторая половина IV в. до н. э.); *к* — бронзовый шлем из Нижней Италии («Великая Греция», VI—V вв. до н. э. Собрание Липперхейда); *л* — бронзовый шлем (Фриули, VI—V вв. до н. э. Музей Armeria Reale, Турин); *м* — бронзовый шлем VI—V вв. до н. э. (собрание S. Delhaes, Вена); *н* — бронзовый шлем VI—V вв. до н. э. (Британский музей); *о* — бронзовый этрусский шлем из Вульчи VI в. до н. э. (Национальная библиотека. Париж); *п* — бронзовый, инкрустированный серебром этрусский шлем из Тоди V в. до н. э. (Музей «Вилла Джулия», Рим)

ное время, и мастер, изготовивший пластинку в IV в. до н. э., не видел, во всяком случае до времени ее создания, никаких других античных шлемов.

С другой стороны, фракийское изображение античного шлема (рис. 7, *и*), также относящееся к IV в. до н. э. и довольно похожее на геремесовское в смысле трактовки формы самого шлема, может говорить о том, что у скифов и фракийцев в IV в. до н. э. существовал сходный канон изображения античных шлемов именно в торевтике (изображение на скифском каменном изваянии IV в. до н. э. из с. Ольховчик [13] дает нам совершенно другой рисунок античного шлема, да и сам художественный стиль изображений на геремесовской пластинке не имеет ничего общего ни с одной из многочисленных художественных манер фракийского искусства).

На шлеме пешего воина геремесовской пластинки имеется интересная деталь, отличающая его от шлема всадника (рис. 1, *б*; 7, *б*): длинная линия, выходящая из-под назатыльника античного шлема и спускающаяся вдоль шеи и плеча фигурки воина до середины спины, слегка отгибаясь на конце. Ее можно было бы принять за конечный, особо длинный пучок волос гребня, что часто встречается на памятниках античного искусства, если бы она отходила от конца гребня и лежала поверх назатыльника шлема. Но она выходит из-под назатыльника, и это позволяет предположить, что данная линия схематически изображает длинный кожаный назатыльник-наспинник, прикрепленный к металлическому назатыльнику античного шлема (рис. 5, *б, г*), тем более что отверстия для укрепления подобных деталей имеются как на скифских, так и на переделанных ан-

[13] О. К. Тахтай. Скіфська статуя з с. Ольховчик Донецкої області. «Археологія», XVII, Київ, 1964.

тичных шлемах [14]. Имеется и сам назатыльник, хотя и не столь длинный [15]. Кожа назатыльника могла покрываться металлической броней в виде чешуек или полосок (рис. 5, *б*), аналогичных защите назатыльника чешуйчатого шлема конца V в. до н. э. из Новорозановки [16], либо усиливаться дополнительным слоем стеганой кожи (рис. 5, *г*). В любом варианте описанная деталь, удачно дополняя античный шлем, довольно надежно

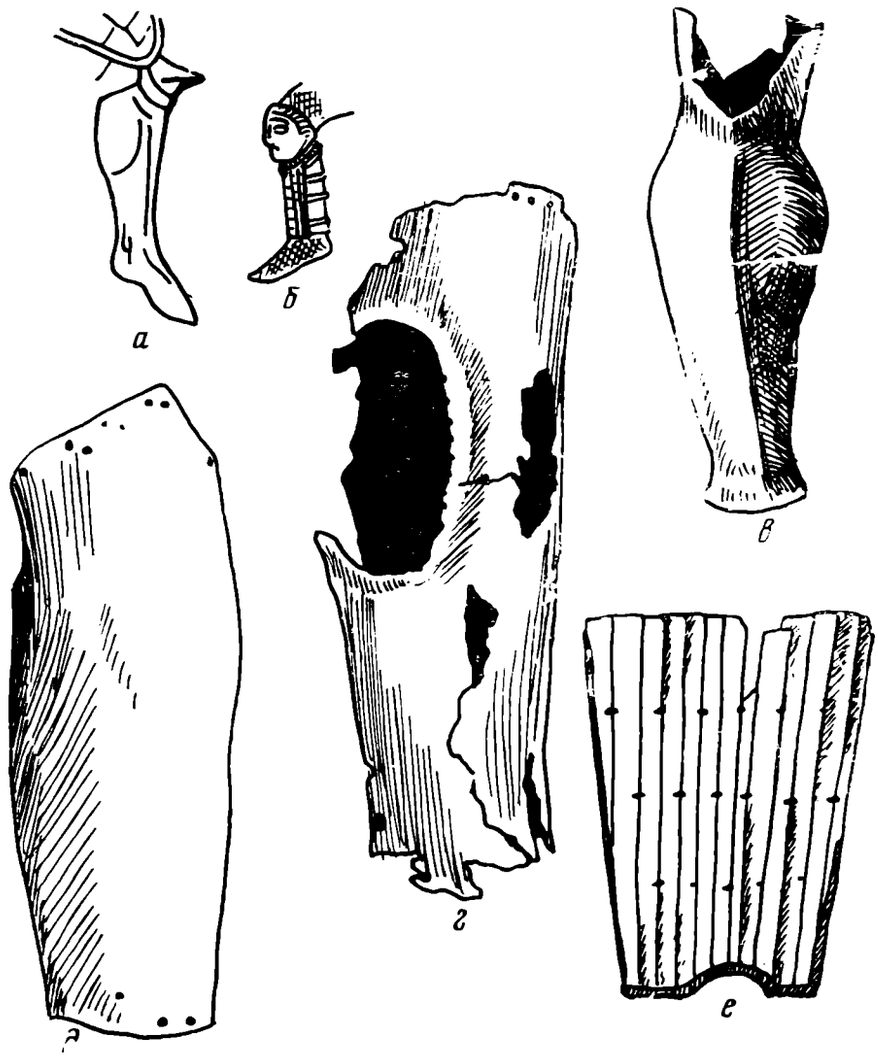


Рис. 8. Кнемиды-поножи

а — деталь геремесовской пластинки; *б* — деталь серебряной пластинки из Летницкого клада, Болгария (конец IV — начало III вв. до н. э.); *в* — бронзовая кнемида из кургана между селами Петраковка и Ромейковка (V в. до н. э.); *г* — бронзовая кнемида из Керчи (случайная находка); *д* — бронзовая кнемида из Курджипского кургана (IV—III вв. до н. э.); *е* — бронзовая пластинчатая поножа из Нимфейского кургана (раскопки 1868 г., V в. до н. э.)

защищала спину и уменьшала общий вес защитного вооружения за счет бронированного покрытия спины панциря.

3. Поножи. В то время как все изображение геремесовской пластинки исполнено в «варварской», грубой и схематичной манере, обращает на себя внимание трактовка ног персонажей, резко отличающаяся от всего остального изображения. Моделировка ног несомненно подражает античной моделировке в натурализме и изяществе исполнения, изображая ногу с реальным ее контуром, с подробно и точно воспроизведенной муску-

[14] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. ОИПК, 1. Л., 1941, табл. II, IV, V, VII, IX, XII.

[15] О. Г. Шапошникова. Погребение скифского воина на р. Ингул. СА, 1970, № 3, рис. 4.

[16] Там же, рис. 4.

латурой (рис. 8, *а*). Чем вызвано такое различие, такой стилевой разнобой? Причина нам видится в том, что скифский мастер-торевт изобразил здесь не ногу, как таковую, но античную «копию» ноги — кнемиды-поножи, выполненные точно по форме человеческой ноги, с более или менее ярко выраженной мускулатурой. Кнемиды пешего воина геремесовской пластинки (рис. 1, *б*; 4) представляется нам типичным античным доспехом, используемым в своем первозданном виде.

Гораздо более интересны поножи всадника (рис. 1,*а*; 2; 8,*а*). На наш взгляд, изображение доносит до нас весьма интересный и характерный именно для скифов факт — переделку античных доспехов в соответствии со своими специфическими боевыми потребностями [17]. Однако нам кажется, что переделка кнемид имела более широкие масштабы, чем это отмечено в работе Л. К. Галаниной и, вслед за ней, Е. В. Черненко [18]. Так, наряду с несомненно, как показала Л. К. Галанина, переделанными кнемидами из Курджипского кургана и кнемидами, случайно найденными в Керчи [19] (рис. 8, *г, д*), переделке подвергались, очевидно, поножи из кургана между селами Ромейковка и Петраковка [20] (рис. 8, *в*), из северного погребения Аксютинецкого кургана 1905 г.[21] и, возможно (судя по рисунку на плане), из кургана Солоха [22].

Характер переделки везде один и тот же: удалена верхняя часть кнемид, прикрывающая (и изображающая) коленную чашечку, что обеспечивало большую подвижность ноге, а главное, освобождало колено всадника для управления лошадью, так как гибкость и чуткость коленного сустава играют огромную роль при бесстремянной посадке. (В керченских кнемидах с той же целью вырезана и часть, закрывающая икры; рис. 8, *г*.)

Абрис верхнего края переделанных кнемид мог быть заостренным (Курджипс), ровным (Керчь) или вогнутым (Ромейковка, Солоха). Конечно, следует учесть, что в случаях утраты кнемидами коленной части могла быть не сознательная переделка, а разрушение, так как коленная часть наиболее рельефна и наиболее хрупка. Однако при любом оформлении верхнего края кнемиды во всех случаях переделки подводились к наиболее удобной форме всадпических поножей — к скифской, вернее, скифо-фракийской короткой пластинчатой поноже [23] (рис. 8, *б, е*).

Но на пластинке изображено и прикрытие колена, местное, изготовленное взамен отрезанной верхней части кнемид и имеющее вид металлического или кожаного конуса (рис. 8, *а*; 2, *а, б*), укрепленного на завязывающемся под коленом ремне. Подобная конструкция наколенника имеет аналогию во фракийской торевтике того же времени, в частности на изображении серебряной пластинки из Летницкого клада [24] (рис. 8, *б*), в то время как голень летницкого всадника прикрывает поножа, аналогичная Нимфейской (рис. 8, *е*). Фракийский наколенник отличается от скифского лишь формой, он имеет вид не конуса, а полушария, оформленного в виде маски человека (едва ли можно видеть в этой детали голову врага, протороченную к седлу всадника, так как она меньше головы самого всадника, а также ввиду того, что изображена сцена охоты, тогда

---

[17] Л. К. Галанина. Греческие поножи Северного Причерноморья. АС, 7. М.—Л., 1965; Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 89—95.

[18] Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 116.

[19] Л. К. Галанина. Ук. соч., рис. 3, *1, 2, 6, 7*.

[20] В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья. М., 1967, табл. 37, *8, 9*.

[21] В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, табл. 21, *10*.

[22] А. П. Манцевич. Парадный меч из кургана Солоха. Сб.: «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969, рис. 1.

[23] Е. В. Черненко. Ук. соч., рис. 62; Х. М. Данов. Древна Тракия. София, 1969, рис. 129.

[24] Там же, рис. 129.

как изображение действительно отрубленной головы на пластинке из того же клада гораздо больше головы всадника [25]).

Описанная конструкция реконстрируемого наколенника чрезвычайно удобна именно для всадника, особенно бесстремянного, так как, несколько лишая колено чуткости, она сохраняет подвижность сустава и усиливает строгость управления конем, не говоря уже о собственно защитной функции.

4. **Конский доспех.** Снаряжение коня, как и остальные реалии, достаточно точно изображены на рассматриваемом здесь памятнике (рис. 1, *а*).

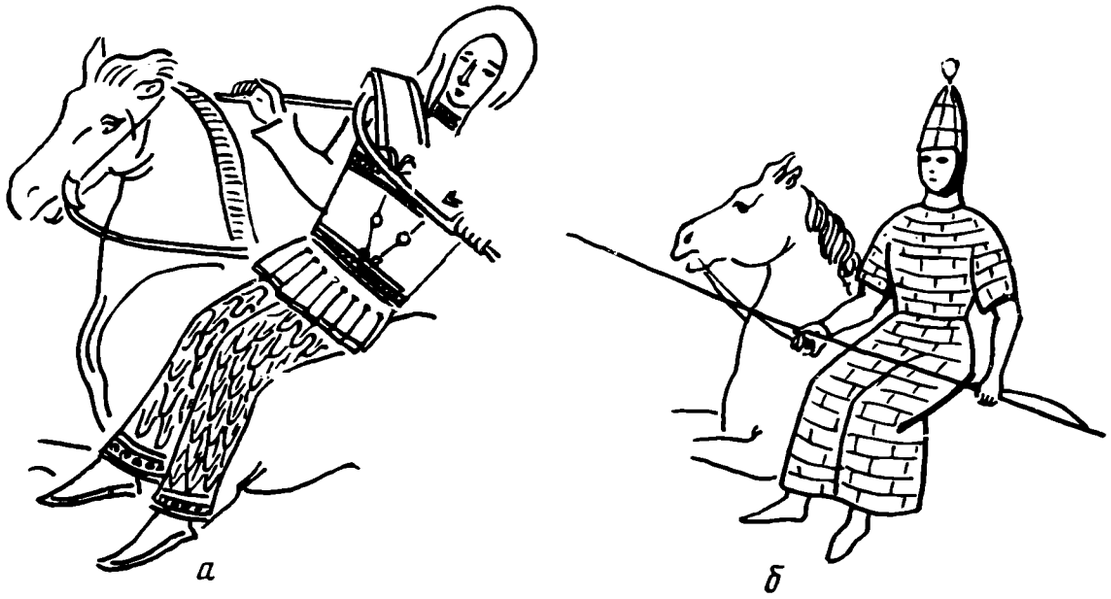


Рис. 9. Росписи

а — краснофигурный сосуд работы художника Макрона (Аттика, середина V в. до н. э.); *б* — роспись Керченской катакомбы (раскопки 1941 г. Первые века н. э.)

На голове коня — узда с двумя суголовными, подбородным, налобным и наносным ремнями, фигурный металлический крупный налобник, дугообразные псалии с двумя отверстиями. Ремни украшены круглыми бляхами — по три с каждой стороны (все это имеет аналогии в археологическом материале), на спине коня — мягкое кожаное седло поверх овального чепрака, украшенного изображениями голов животных в «зверином стиле» (рис. 2).

О применении скифами панцирей защиты для лошадей не говорится, кажется, ни в одной работе по скифам. Только Е. В. Черненко указывает на то, что «имеются... данные, позволяющие предполагать применение названными племенами (скифскими и синдо-меотскими.— *М. Г.)* средств защиты боевого коня» [26]. Приведенное высказывание Черненко находит, на наш взгляд, подтверждение в изображении геремесовской пластинки. Мы трактуем лопасть, покрывающую грудь коня, расположенную выше и правее колена всадника, окаймленную рельефной линией и покрытую теми же ромбами, что и части панцирей бойцов (рис. 1, *а*), как изображение правой половины конского нагрудного панциря, состоящего из двух (рельефная линия — линия стыка) крыловидных кожаных лопастей, покрытых остроугольной металлической чешуей (рис. 2, *а*), либо двойных кожаных, стеганных в крупную косую клетку (рис. 2, *а1*). Лопасти висят на ремнях, перекинутых через холку коня, и связываются у него на груди (рис. 2, *а1*).

Если отказаться от указанной трактовки, ничего не остается, как предположить, что рассмотренная лопасть является левым набедренни-

---

[25] Там же, рис. 131.

[26] Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 164.

ком панциря всадника и, таким образом, обе ноги всадника оказываются переброшенными на правый бок коня, т. е. всадник геремесовской пластинки сидит верхом по-женски (рис. 2, *б*). Это предположение кажется нам менее вероятным, хотя такой способ посадки тяжеловооруженного всадника известен и по аттической вазописи сер. V в. до н. э.[27] (рис. 9, *а*), и по стенописи Керченской катакомбы первых веков н. э., открытой в 1841 г.[28] (рис. 9, *б*). Но в первом случае изображена амазонка, раненая и падающая с коня (в других случаях амазонки на вазописи сидят по-мужски), а во втором — всадник в очень длинном, тяжелом, и главное, не разрезанном спереди панцире, которому ничего не остается, как сидеть боком. Доспех же геремесовского всадника приспособлен именно для верховой езды и совершенно не мешает сидеть в седле по-мужски. Женская же посадки является весьма неустойчивой и оттого особенно опасной в бою.

Характер защитного вооружения — шлем, тяжелый панцирь, поножи и, возможно, конский доспех, а также использование копья в качестве колющего оружия в рукопашной схватке (причем копье держится обеими руками) позволяют видеть во всаднике геремесовской пластинки непосредственного предшественника катафрактариев. Он имеет все (или почти все) признаки последних. Недоказанной в настоящее время остается лишь массовость таких воинов у скифов, их тактическая самостоятельность и специфические для катафрактариев способы функционирования на поле боя[29].

[27] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, III. München, 1923, AH. 504.
[28] Русские древности, 2. СПб., 1889, рис. 51.
[29] А. М. Хазанов. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства. ВДИ, 1968, 1.

Б. А. ВАСИЛЕНКО

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СИНОПСКИХ КЛЕЙМ

Хронологическая классификация синопских клейм была разработана около 40 лет назад Б. Н. Граковым; он разбил все клейма на шесть хронологических групп, датируемых временем от конца IV до 70-х годов I в. до н. э.[1] Несколько позднее, когда была передатирована серия синопских монет, по которым определялось начало клеймения в Синопе, автор пересмотрел свою хронологию и отодвинул нижнюю границу синопских клейм до середины IV в. до н. э.[2] Однако последующие исследования в этой области неоднократно указывали на необходимость коренного пересмотра датировок Б. Н. Гракова, в частности верхней хронологической границы клейм Синопы[3]. Такой пересмотр и был недавно совершен И. Б. Брашинским, который сохранив содержание астиномных групп Б. Н. Гракова и их хронологическую последовательность как не вызывающие сомнений, отодвинул предложенные Б. Н. Граковым абсо-

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 113—155.
[2] Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Архив ИА АН СССР, № 538, стр. 28; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 90.
[3] А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореф. канд. дис., Л., 1951, стр. 12; М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 161, 218; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, № 2, стр. 301.

лютные даты примерно на 50 лет [4]. Таким образом, классификация Б. Н. Гракова была сохранена, но получила новые хронологические рамки:

I — около 360—320 гг. IV — около 220—183 гг.
II — около 320—270 гг. V — около 183—150 гг.
III — около 270—220 гг. VI — вторая половина II в до н. э.

Совершенно новая классификация синопских клейм была предложена В. И. Цехмистренко, который вместо шести хронологических групп установил вначале четыре, а позднее пять хронологических периодов в синопском клеймении [5]. Однако его классификация, хотя и вносит некоторые коррективы в старую периодизацию и содержит принципиально новые соображения, является все же относительной, так как не дает абсолютных дат. Кроме того, хронологическая последовательность и содержание новых периодов и старых групп в общих чертах совпадают, но классификация В. И. Цехмистренко не обладает той простотой и доступностью, как старая, и во многом очень неудобна для пользования; таким образом, она не может пока заменить старую.

Более тщательно В. И. Цехмистренко разработал классификацию и хронологию синопских гончарных клейм, которые он разделил на пять групп и дал как относительные (по хронологическим периодам), так и абсолютные датировки [6]. Но все же, как говорилось выше, пользоваться периодизацией В. И. Цехмистренко довольно трудно и неудобно, тем более что некоторые ее положения нуждаются в более детальной разработке.

Мы считаем, что наиболее полной и более простой является все же классификация Гракова — Брашинского. Несмотря на то, что она была подвергнута И. Б. Брашинским пересмотру в хронологическом отношении, в последние годы раздается все больше голосов за еще более раннее начало синопского клеймения. Так, еще М. И. Максимова высказала мысль о возможности начала клеймения в Синопе в первой половине IV в. до н. э., о чем было сказано выше [7]. В. И. Цехмистренко, выделивший пять гончарных групп, относит первую из них — наиболее раннюю из всех групп синопских клейм и, следовательно, начало клеймения в Синопе — к 70—60-м годам IV в. до н. э. и считает, что начало клеймения возможно отнести и к первой четверти столетия или даже к концу V в. до н. э., против чего, правда, возражает И. Б. Брашинский [8]. Весьма интересные данные приведены В. И. Пругло: автор, рассматривая синопские клейма III группы (270—220 гг., по И. Б. Брашинскому) из Мирмекийского комплекса, приходит к выводу, что такая поздняя датировка этих клейм опровергается суммой всех данных комплекса, так как по стратиграфическим данным они безусловно относятся к IV в. до н. э.[9]. Однако по некоторым соображениям (которые станут ясными из дальнейшего) мы считаем, что подобная датировка этого комплекса несколько занижена; она неприемлема и потому, что если в нем имеются клейма III группы, то, учитывая хронологическую протяженность трех первых групп, при-

---

[4] И. Б. Брашинский. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 133.

[5] В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, 1, стр. 56—68; его же. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис., М., 1963, стр. 6—8.

[6] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, 3, стр. 59—76; его же. Клейма как источник..., стр. 8—11.

[7] М. И. Максимова. Античные города..., стр. 161.

[8] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма..., стр. 68; И. Б. Брашинский. Успехи..., стр. 302.

[9] В. И. Пругло. Синопские амфорные клейма из Мирмекия. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 42—48.

дется отодвинуть начало синопского клеймения по крайней мере к середине V столетия, что вряд ли имеет место.

В пользу этого свидетельствуют материалы из античных поселений на побережье Днестровского лимана. Основные выводы получены нами при рассмотрении керамических клейм, найденных в Никонии (городище у с. Роксоланы). Весь материал по керамической эпиграфике из Никония можно рассматривать как единый комплекс, не выходящий за пределы по крайней мере начала последней четверти III в. до н. э., так как на городище полностью отсутствуют клейма Родоса (а также одновременные им книдские, косские и паросские, синопские V и VI групп и херсонесские III и IV групп), наиболее интенсивный импорт из которого в Северное Причерноморье, как известно, начинается с 220 г. до н. э. (в конце III в. до н. э. город приходит в упадок, а новый подъем приходится уже на римское время). Процент синопских клейм в Никонии не очень велик (14,3%), и тем более интересна находка здесь пяти клейм IV группы с именами астинома Эсхина и гончара Хабрия (эмблема — палица), астинома Артемидора и гончара Прота (эмблема отбита), астинома Диониспя и гончара Каллисфена (гроздь), астинома Гестиэя и гончара Тюса (канфар) и астинома Каллисфена (лук в горите) без имени гончара, которая датируется И. Б. Брашинским 220—183 гг. Таким образом, у нас имеются данные о проникновении сюда, хотя и в незначительных количествах, синопского импорта после 220 г. до н. э., т. е. когда ни один из центров античного мира уже не ввозил в Никоний свои товары. Синопские клейма IV группы найдены и в других поселениях этого побережья (мы не принимаем в расчет Тиру, так как она, в отличие от всех прочих населенных пунктов данного района, сравнительно легко перенесла кризис конца III в. до н. э., вследствие которого все остальные поселения здесь пришли в упадок и в основном прекратили свое существование) — на левом берегу в пос. Ефимовка-1 (с именами астинома Мильтиада и гончара Скомфия, эмблема — пучок молний), на правом — в пос. Затока (с именами астинома Деметрия и гончара Гефестия, эмблема — голова влево). Что касается отсутствия клейм этой группы на прочих поселениях побережья, то скорее всего это факт случайный и объясняется недостаточной их изученностью, хотя не исключена возможность упадка некоторых из них до начала бытования клейм IV группы.

Во всяком случае, материалы с побережья Днестровского лимана свидетельствуют о проникоповении в этот район синопской продукции после 220 г. до н. э., если придерживаться хронологии И. Б. Брашинского. Но этот факт находится в противоречии со всеми данными, полученными в результате исследований указанных поселений. Следовательно, сам собой напрашивается вывод о необходимости еще одного пересмотра абсолютных дат синопских клейм в сторону понижения (в какой-то степени это вызывается и тем фактом, что клейма IV группы найдены в мелких поселениях побережья, которые не могли не прийти в упадок в конце III в. до н. э., когда экономический центр района — Никоний — переживал тяжелый кризис и не ввозил импортных товаров).

Необходимость подобного пересмотра подтверждается и другими данными, полученными в результате хронологического сопоставления клейм Гераклеи, Фасоса и Синопы (датировка по И. Б. Брашинскому) из Никония и Тиры как наиболее крупных центров побережья Днестровского лимана, к тому же подвергнутых более детальному изучению по сравнению с другими поселениями данного района. В результате сопоставления мы видим, что при довольно значительном удельном весе гераклейского и фасосского импорта на побережье к концу V — первой четверти IV в. до н. э. здесь полностью отсутствуют синопские товары. В период наибольшего расцвета гераклейской и фасосской торговли (вторая и третья четверти IV в.) Синопа дает сравнительно малый процент своей продукции, но когда ввоз товаров двух первых центров несколько сокращается и посте-

ненно идет на убыль (последняя четверть IV — середина III в. до н. э.), импорт Синопы возрастает и достигает максимума и продолжает поступать в прибрежные поселения и тогда, когда в связи с упадком района в них (кроме Тиры) перестают поступать товары других центров.

Такое хронологическое соотношение удельного веса товаров трех крупных экспортеров древности на первый взгляд наводит на мысль о том, что синопские товары постепенно приходят на смену гераклейским и фасосским. Однако, учитывая специфику синопской торговли [10], мы вынуждены отказаться от такого объяснения — очень странным оказывается факт закупок преимущественно вина в периоды расцвета и преимущественно оливкового масла в периоды упадка. Гораздо убедительнее был бы факт закупок в больших количествах вина и масла в периоды расцвета и в малых — в периоды упадка. И чем объяснить, что такой крупный экспортер, как Синопа, чуть не на полстолетия позже близкой ей географически и вряд ли более развитой в экономическом отношении Гераклеи начинает клеймить свою тару? Все эти факты позволяют нам считать, что необходимо понизить начальные даты групп синопских клейм.

И. Б. Брашинский датирует переход от I ко II группе синопских клейм по комплексу Елизаветовского могильника, где вместе с клеймом астинома Хабрия (одного из позднейших в I группе) найдены гераклейские клейма с именами магистрата Лиситея (без предлога ἐπί) и фабриканта Атта (II группа по И. Б. Брашинскому) и с именами того же фабриканта и магистрата Андроника с предлогом (III группа), причем тип амфор с этими клеймами является переходным от II к III (по И. Б. Зеест). И. Б. Брашинский относит этот тип амфор к концу IV в. до н. э., на основании чего указанные гераклейские клейма датируются им последней четвертью этого столетия, и, следовательно, переход от I ко II группе синопских клейм также приходится на это время [11]. Но некоторые соображения заставляют нас с сомнением отнестить к такой датировке. Прежде всего, в настоящее время датировка типов гераклейских амфор, произведенная И. Б. Зеест, нуждается в пересмотре. Так, И. Б. Зеест относит амфоры I и II типов (наиболее ранние) ко второй половине IV в. до н. э., начиная с середины столетия [12]. Она датирует гераклейские амфоры на основании хорошо известных комплексов и классификации Б. Н. Гракова. Однако эта классификация давно устарела и в настоящее время пересмотрена И. Б. Брашинским, а комплексы в большинстве случаев датируются теми же амфорами. Сейчас начало гераклейского клеймения относится к рубежу V—IV вв. до н. э. или даже к концу V в.[13], к этому же времени следует относить и появление ранних типов гераклейских амфор. Следовательно, датировать в настоящее время комплекс Елизаветовского могильника по данным И. Б. Зеест не совсем верно.

Кроме того, высказанные нами соображения о появлении предлога ἐπί в гераклейских клеймах гораздо ранее последней четверти IV в. до н. э. [14] позволяют нам перенести деятельность фабриканта Атта на несколько десятилетий назад — приблизительно к началу второй четверти IV в. до н. э. Действительно, имя магистрата Лиситея известно в клеймах как II (без

---

[10] М. И. Максимова. Античные города..., стр. 334.

[11] И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 3, стр. 183—185; его же. Экономические связи..., стр. 133; Аналогичные выводы сделаны: И. Б. Брашинский. Комплекс кровельной черепицы из раскопок Ольвийской агоры 1959—1960 гг. Сб. «Ольвия. Теменос и агора». М.—Л., 1964, стр. 307, 308.

[12] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 52.

[13] И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, V, 1965, стр. 22.

[14] Б. А. Василенко. Заметки о гераклейских клеймах. СА, 1970, 3, стр. 219.

предлога ἐπί) [15], так и III группы (с предлогом) [16], причем одинаковая во всех случаях эмблема (гроздь) не вызывает сомнений, что мы имеем дело с одним и тем же лицом. Однако мы не склонны вслед за И. Б. Брашинским относить деятельность этого магистрата ко времени перехода от второго этапа гераклейского клеймения к третьему [17], скорее ее следует отнести ко времени перехода от первого этапа ко второму. Дело в том, что известно клеймо второй группы с именами магистрата Лисипея и фабриканта Ботаха (эмблема — буква бета, которая, несомненно, является первой буквой его имени) [18]. Хотя магистрат Лиситей и фигурирует здесь без обычной для него эмблемы (грозди), мы все же считаем, что в обоих случаях перед нами одно и то же лицо. Указанного фабриканта Ботака мы отождествляем с фабрикантом, выпускавшим несколько необычные клейма в виде буквы бета, в полукружиях которой помещены сокращение имени магистрата и его эмблема (сама форма клейма — первая буква имени фабриканта) [19]. Такие клейма мы относим к рубежу первого и второго этапов гераклейского клеймения. Следовательно учитывая все сказанное, можно с уверенностью отнести указанные клейма из Елизаветовского могильника к самому началу второго этапа гераклейского клеймения (началу второй четверти IV в. до н. э.). Возможно, это мнение подтверждается и клеймом треугольной формы с именем магистрата Андроника (с предлогом ἐπί) [20], которое мы также относим к указанному времени. Действительно, если магистрат Андроник в указанном клейме и магистрат Андроник в клейме из Елизаветовского могильника одно и то же лицо (что вполне возможно), то наше предположение об отнесении указанных клейм с именами фабриканта Атта и магистратов Андроника и Лиситея к самому началу второй четверти IV в. до н. э. получает дополнительное подтверждение.

Следовательно, клеймо астинома Хабрия также следует отнести к указанному времени, т. е. переход от I ко II группе синопских клейм нужно датировать приблизительно рубежом первой и второй четвертей IV в. до н. э. А так как I группа синопских клейм охватывает период около 25 лет, то начало клеймения в Синопе, учитывая хронологическую протяженность I гончарной группы, следует отнести к концу V в. до н. э. (к последним годам столетия).

Весьма интересные данные получаются при сравнении абсолютных дат синопских гончарных клейм по схемам В. И. Цехмистренко и И. Б. Брашинского — эти даты по В. И. Цехмистренко более низкие [21] и больше соответствуют сказанному выше. Суммируя все сказанное, мы приходим к выводу, что датировка синопских клейм по классификации Гракова — Брашинского в настоящее время не совсем соответствует

---

[15] И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок..., стр. 183, рис. 6, *2*; Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, 1, 1926, 47.

[16] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 121, № 39.

[17] И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок..., стр. 184; его же. Керамические клейма..., стр. 25.

[18] М. Мирчев. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958, табл. XXXIII, *1*.

[19] Б. А. Василенко. Древньогрецьки керамічні клейма із Одеси. В печати. Другое клеймо этого типа найдено на побережье Днестровского лимана на поселении у с. Николаевка (не опубликовано).

[20] В. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 году. ЗООИД, XVIII, 1895, стр. 107, № 15; Э. Р. Штерн. О последних раскопках и находках в Ольвии. ЗООИД, XXII, V, 1900, стр. 111, № 9.

[21] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма..., стр. 59—76; И. Б. Брашинский. Экономические связи..., стр. 133.

действительности и нуждается еще в одном пересмотре в сторону понижения. Если отнести начало синопского клеймения к самому концу V в. до н. э. или хотя бы к началу IV в. до н. э.[22], тогда все указанные выше противоречия полностью устраняются, и не только удельный вес синопского импорта приходит в соответствие с удельным весом импорта других центров, но исчезают и несоответствия между датировками некоторых клейм, в том числе ранних, которые заметны при сравнении хронологических схем В. И. Цехмистренко и Гракова — Брашинского.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные, полученные при изучении и сопоставлении керамических клейм из поселений побережья Днестровского лимана и комплекса Елизаветовского могильника, в настоящее время далеко недостаточны для установления точных абсолютных дат новых датировок синопских клейм, хотя достаточны для констатации необходимости пересмотра общепринятых датировок и самой постановки вопроса.

---

[22] Датировка синопских драхм, по которым определяется начало синопского клеймения, по мнению некоторых исследователей, не является абсолютной и не подтверждается другими материалами. Кроме того, почему нельзя считать, что клеймение в Синопе возникло под влиянием и вскоре после появления его на Фасосе (конец V в. до н. э.), как это наблюдается в близлежащей Гераклее?

М. М. КОБЫЛИНА

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ МОЙР В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Габриэла Борденаке опубликовала интереснейший памятник из Истрии — мраморную плиту с изображением трех женских фигур. Они сидят на общей скамье в глубокой нише внутри эдикулы с дорийскими пилястрами, стоящими на маленькой базе и поддерживающими эпистиль с карнизом тонкого профиля[1] (рис. 1).

На эпистиле двухстрочная греческая надпись, великолепно сохранившаяся:

Γυκεία Διονυσίου θυγάτηρ
Θεοφίλου γυνὴ τοῦ Θεοδότου Μοτραις.

(Гикея, дочь Дионисия, жена Теофила сына Феодота мойрам). Г. Борденаке относит надпись ко второй половине III в. до н. э. Плита является вотивным приношением мойрам, которые и изображены в нише. Г. Борденаке подчеркивает особую ценность этого памятника — впервые не только в Истрии, но и во всей греческой скульптуре открыто подписное и точно датированное изображение мойр.

Как мойры обычно определяются три фигуры на восточном фронтоне Парфенона, в виде группы женщин: двух сидящих и одной полулежащей. Основанием для такого определения служили изображения на Мадридском путеале с неоаттическим повторением центральной сцены рождения Афины из головы Зевса, представленной на восточном фронтоне Парфенона.

Мойры были изображены на большом фризе Пергамского алтаря, но от этого изображения сохранилось только имя Клото на куске карниза.

Памятник, исследованный Г. Борденаке, не является таким высоким произведением искусства, как скульптура Парфенона. Борденаке отмечает немного небрежное, поверхностное исполнение, но подчеркивает важность сохранившейся до нас иконографической версии, до сих пор

---

[1] G. Bordenoche. Nouvi documenti sui culti di Istros in epoca ellinistica Studii clasice IX. Bucuresti, 1967, стр. 147, рис. 4.

неизвестной. Перед нами сложившийся популярный тип вотивного приношения мойрам подобно сложившемуся типу Кибелы, сидящей в глубокой нише.

Рассмотрим подробнее этот замечательный памятник. Богини сидят на небольшом расстоянии одна от другой в застывших торжественных позах, только левая рука средней фигуры, поднятая к груди, несколько нарушает однообразный ритм повторения. Торс неподвижен, колени слегка расставлены, ступни ног носками обращены немного в стороны.

Рис. 1. Мраморная плита из Истрии с изображением мойр и посвятительной надписью. Вторая половина III в. до н. э.

Правая рука всех трех фигур, согнутая в локте, выдвинута вперед и немного в сторону, протягивает фиалу. Левая рука у крайних фигур лежит на колене, у средней приложена к груди. Высоко подпоясанный хитон спадает от пояса сжатыми неподвижными складками, подчеркивая стройность тела, и только немного расходится у ног более объемными, но негнущимися складками, при этом выделяется средняя складка — она больше выступает, сильно затененная с обеих сторон; из-под хитона видны ступни. Несколько более пластично изображена тонкая ткань хитона на груди, образующая неглубокие складки у шеи. С головы на плечи спадает покрывало. Скульптор показал движение плотной ткани покрывала соответственно движению рук. Покрывало спадает на левое плечо. Оно отодвинуто выступающей в сторону и вперед правой рукой и гибкими складками охватывает нижнюю часть фигуры, обрисовывая

очертания коленей и ног. Другой конец покрывала закрывает левое плечо и руку, следуя ее движению.

Фигура слева исполнена несколько пластичнее и тщательнее, чем две другие. В правой руке у каждой мойры изображена фиала, чаша для возлияний. Такой атрибут не является свойственным только мойрам: фиала весьма часто изображается в руке сидящей богини (Деметра, Кибела и др.) в скульптуре и коропластике IV в. до н. э. и позднее.

Подписные изображения мойр до публикации вотивной плиты из Истрии были известны только в вазописи. Древнейшее — на чернофигурном кратере Клития и Эрготима второй четверти VI в. до н. э.: мойры представлены участвующими в торжественном шествии богов на свадьбе Пелея и Фетиды около колесницы Гермеса и Майи — четыре идущие женские фигуры с надписью μοιραι над ними; они несколько различаются деталями одежды, прически, движением левой руки, но в общем почти повторяют одна другую. Атрибутов они не имеют [2].

Среди немногих изображений, которые определяются как мойры, есть рисунок на ноландской амфоре первой половины V в. до н. э. с изображением сидящей прядильщицы между двумя стоящими женскими фигурами [3]. О мойрах-прядильщицах упоминает уже Гомер:

> Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
> В нить бытия роковую вплели для него при рождении [4].

Прялку в руках мойр называет и Платон [5]: три мойры, одетые в белое, увенчанные, поют: Лахезис — о случившемся, Клото — о настоящем, Антропос — о будущем: от времени до времени они касаются веретена — Клото правой рукой, Антропос левой, Лахезис обеими руками. Но в скульптуре таких изображений не найдено.

Только в римском искусстве с его стремлением к детальному и точному описанию, к изображению реалий богини судьбы, парки, представлены с определенными атрибутами, как на мадридском путеале, где одна из парок ткет ткань жизни человека, другая тянет эту нить, а третья обрезает. Особенно часто парки изображаются на римских саркофагах в различных вариантах, с такими атрибутами, как прялка, земной шар, диптих [6].

Изображение мойр на вотивной плине из Истрии бросает свет на некоторые памятники, происходящие из раскопок античных городов Северного Причерноморья.

В 1958 г. при раскопках Тиры в здании II—III вв. в полностью сгоревшем помещении (№ 24), где хранились, как пишет А. И. Фурманская, наиболее ценные и почитаемые предметы домашнего инвентаря и где погиб хозяин дома, в завале камней и черепицы в северо-восточной части помещения были найдены три скульптуры [7]: герма бородатого Диониса в венке из плюща, исконного божества Тиры [8]; изображение воина — яркий памятник местной варваризованной скульптуры позднеантичного периода [9] и третья скульптура, найденная рядом с гермой Диониса, — небольшая плита (высота 0,20 *м*) с изображением сидящих женских фигур

---

[2] A. Furtwengler. R. Reichpold. Griechische Vasenmalerei. München, 1904, табл. 1—2.

[3] S. Reinach. Repertoire des vases I. Paris, 1899, стр. 468, рис. 1.

[4] Пер. В. А. Жуковского. М.— Л., 1935, стр. 119, RE, 2479.

[5] RE, XV, стр. 2470.

[6] G. Bordenache. Ук. соч., стр. 149.

[7] А. И. Фурманская. Памятники скульптуры из Тиры. КСИА УССР, 10, 1960, стр. 78.

[8] Там же, стр. 79—80, рис. 2.

[9] Там же, стр. 82—83, рис. 4.

(рис. 2). Значительная часть плиты не сохранилась. А. И. Фурманская справедливо высказывает предположение о наличии третьей фигуры [10].

Дата этой скульптуры II—III вв. н. э., принятая А. И. Фурманской на основании сопоставлений с изображениями Кибелы на Боспоре, в Ольвии и городах Западного Причерноморья, вполне убедительна.

Общие элементы композиции и одинаковая трактовка отдельных деталей привели А. И. Фурманскую к заключению о близости скульптуры из Тиры культовым памятникам Северо-Западного, преимущественно Западного Причерноморья [11]. Плита из Истрии еще ярче свидетельствует об этой близости: в скульптуре из Тиры мы находим более позднее повторение эллинистического типа, сложившегося в Истрии. На плите из Тиры изображены такие же стройные фигуры женщин, сидящих на общей скамье, в высоко подпоясанных хитонах, с покрывалом, падающим на плечи; правая рука, протянутая вперед и немного в сторону, держала, очевидно, фиалу; левая у фигуры слева лежит на колене; у средней была, по-видимому (здесь поверхность повреждена), поднята к груди; покрывало окутывает нижнюю часть торса, широко расставленные колени и ноги. Ниже покрывала виден хитон, из-под которого выступают ступни ног. Но в исполнении фигур наблюдается свойственное скульптуре первых веков н. э. упрощение и схематизация форм — складки хитона на груди и ниже пояса показаны несколькими врезанными линиями, жестко выделен край хитона на груди, глубокими косыми врезами изображены складки покрывала ниже колен, жестко выделены очертания ног под хитоном и упрощена центральная складка. В виде простой рамки исполнено и обрамление ниши. Эта плита в $2^1/_2$ раза меньше великолепного по сравнению с ней вотивного приношения из Истрии и выполнена из серого мраморовидного известняка.

Рис. 2. Плита из Тиры. II—III вв. н. э.

Изображение мойр из Истрии позволяет определить сюжет двух боспорских статуэток, который до сих пор оставался неясным. Мы имеем в виду две терракотовые группы, изображающие трех сидящих женщин, явно выполненные в одной форме, но найденные в Пантикапее в разных местах. Одна из них была открыта в 1902 г. в детской земляной гробнице на Эспланадной улице [12] (рис. 3).

Другая (рис. 4) была найдена в 1905 г. на южном склоне Митридата к югу от Длинной скалы в западной части кургана, в обломках за каменным

---

[10] Там же, стр. 80—82, рис. 3.

[11] Там же, стр. 82.

[12] ИАК, СПб., 9, 1904, стр. 102, рис. 23, ГЭ, инв. П 1902, 59. Она лежала в ногах костяка вместе с фрагментом другой статуэтки (женская голова). Вокруг обеих ног костяка от кисти левой руки до правой лежали: 1 — краснофигурный лекиф с пальметтой; 2 — чернолаковый фигурный сосудик в виде женщины, поднимающейся, опирающейся на обе руки; 3, 4 — два чернолаковых блюдца; 5 — бронзовая шкатулка; 6 — сетчатый лекиф; 7—8 — два простых одноручных сосуда; 10 — чернолаковый сосудик желобчатый; 11 — чернолаковый скифос; 9 — лекиф с белыми точками; 12 — краснофигурный лекиф с пальметтой; 13 — чернолаковый флакон, украшенный с одной стороны головой Плутона, с другой — раковиной; 14, 15 — два лекифа, усеянные белыми точками.

ящиком (размеры ящика: ширина и длина 0,25, высота 0,33 *м*), в котором стояла краснофигурная пелика, наполненная жженными костями. На пелике изображены две моющиеся женщины около лутерия, эрот, лебедь и две женщины в хитонах; на оборотной стороне две фигуры в гиматиях [13]. Среди костей была обнаружена золотая подвеска в виде головы Геры со следами эмали. За ящиком кроме терракоты были найдены черепки чернолакового канфара и блюдца, сетчатого арибалла с белыми точками и чашки, покры-

Рис. 3. Терракотовая статуэтка из Пантикапея. Конец V — начало IV вв. до н. э.

той желтой краской и коричневыми полосками. Пелика как по форме сосуда, так и по форме пальметт и по стилю росписи относится к первой половине IV в. до н. э.

Терракотовые статуэтки представляют собой изображение трех богинь в роскошных головных уборах. Величественные фигуры богинь, довольно свободное движение левой и центральной фигуры, мягкость исполнения

[13] ИАК, СПб., 30, 1909, стр. 22—23, мог. № 82, рис. 13.

складок хитона и складок покрывала соответствуют дате совместных находок [14].

Образ мойр из Истрии позволяет предположить, что в этих терракотах перед нами изображение мойр, но, конечно, более ранние, чем на палите из Истрии, к тому же в весьма своеобразной, боспорской трактовке.

Рассматривая построение группы и исполнение каждой фигуры, можно прийти к заключению, что не только эти статуэтки, но и формы для

Рис. 4. Терракотовая статуэтка из Пантикапея. Конец V — начало IV вв. до н. э.

них были выполнены в Пантикапее. Аналогии из других мест мной не найдены, и тип этой группы остается оригинальным и своеобразным.

По-видимому, мастер использовал две формы. Две левые фигуры изображены обнявшись: рука средней лежит на плече фигуры слева; правой рукой последняя приподнимает покрывало подобного Афродите Алкамена. Тонкая ткань хитона, прилегающая к телу, контрастирующая с толстой тканью покрывала, выполнена в живописном стиле конца V в. до н. э. [15]

---

[14] Обе терракоты вошли в корпус терракотовых статуэток Северного Причерноморья, III. Пантикапей. Каталог Л. Ф. Силантьевой, табл. 5, *2*, ГЭ, инв. П. 1905, 57.

[15] ДБК, LXXa, *3*; Fr. W i n t e r, II, табл. 4, № *1*.

Левые две фигуры близки целому ряду терракотовых статуэток, изображающих Деметру и Кору, относящихся к V и началу IV вв. до н. э.[16] Фигура справа воспроизводит тип богини в хитоне и гиматии, сидящей на троне в неподвижной позе, прижимая правую руку с цветком к груди, левую положив на колени, также боспорского производства конца V — начала IV вв. до н. э.[17]

Коропласт объединил в одно целое эти два типа статуэток, соединив сиденье, изобразив руку средней фигуры на плече левой, дав им одинаковые головные уборы, прически и лица. Форма, в которой сделаны статуэтки, потерта от частого употребления, грубовато выполнены кисти рук, ступни ног, складки покрывала на плече и ногах фигуры справа прорезаны[18].

Определение этих статуэток как изображений мойр пока является наиболее приемлемым.

Нахождение статуэток в могиле вполне соответствует значению мойр.

Область власти мойр — вся человеческая жизнь, особенно все значительные моменты человеческой судьбы, прежде всего рождение, брак и смерть[19].

По орфическому гимну LXI три мойры, любимые дочери темной ночи, живут в пещере около небесного источника света и летают над бесконечной землей. Надписи, относящиеся к мойрам, большей частью погребальные[20]. Реже встречаются надписи, сообщающие, что мойры помогают достигнуть счастья и победы[21]. Обычно в надписях говорится о множестве мойр, иногда о трех[22].

Павсаний в описании Эллады упоминает о храмах, святилищах и алтарях, поставленных мойрам. Храмы мойрам были воздвигнуты рядом с такими сооружениями, как храм Фемиды и Зевса (в Фивах Павсаний IX. 25. 4), как храм матери богов и храм Деметры и Коры (в Акрокоринфе Павсаний, II, 4, 4). В Спарте святилище мойр находилось на агоре рядом с могилой Ореста (Павсаний III, 11. 10).

Павсаний (II, 14. 4) упоминает об алтаре мойр вблизи храма Евменид в Сикионе и об алтаре мойр около алтаря Зевса Мойрогета (покровителя мойр) в Олимпии при входе к месту старта на ипподроме.

У Павсания мы находим также указания на рельефные изображения мойр. Так, описывая трон Аполлона в Амиклах, Павсаний (III. XIX. 4) говорит, что пьедестал статуи Аполлона имел форму жертвенника, на котором были изображены Деметра, Кора и Плутон, а за ними мойры и оры, вместе с ними Афродита, Афина и Артемида.

Павсаний (I. 40. 3) пишет, что в Мегаре при входе в священный участок Зевса стояла статуя Зевса, «над головой Зевса были изображены Оры и Мойры, ибо предопределение и судьба подчиняются одному Зевсу».

В Аркадии, в Ликосуре (Павсаний VIII, 36, 6), в портике, ведущем к храму Деспоїны (Владычицы), на стене из белого мрамора сделаны были рельефные изображения мойр и Зевса Мойрагета.

Павсаний упоминает также о двух статуях мойр. «В храме Аполлона на Делосе стояли две статуи мойр, вместо третьей стоял Зевс Мойрагет».

В этих сообщениях изображения мойр указываются рядом с изображением Зевса и ор, храмы и святилища мойр — рядом с храмами Деметры и Коры, Фемиды, матери богов, и Афродиты.

---

[16] Например, L. H e u z e y. Les figurines antiques de terre cuite du Musee du Louvre. Paris, 1883, табл. 16, *1*.

[17] ДБК, табл. XIX, 9; стр. 84, стр. 116; Fr. W i n t e r, I, табл. 89, *6*.

[18] Статуэтки исполнены из боспорской глины. С оборотной стороны прямоугольные отверстия, внизу открыты.

[19] RE. XV, стр. 2449.

[20] Там же, стр. 2470.

[21] Там же, XV, стр. 2475.

[22] Там же, стр. 2478.

Известно упоминание (Павсаний I. 19. 2) об Афродите как мойре: «в Афинах, в Садах, был храм Афродиты и в нем древнее изображение в форме гермы и на нем надпись о том, что Афродита была древнейшею из мойр».

Плита, посвященная мойрам из Истрии, была найдена в пронаосе храма Афродиты.

К этим изображениям мойр можно присоединить и наши северопричерноморские.

Плита из Тиры была найдена вместе с изображением Диониса, главного божества Тиры, в священном месте дома.

Статуэтки, происходящие из Пантикапея, если принять наше истолкование, являются первыми известными нам изображениями мойр, открытыми на некрополе. Их нахождение в могилах раскрывает их хтоническое значение, их связь со смертью человека, распространенную в народных верованиях, ярко отраженную и в надписях.

Т. И. ГОЛУБКИНА

АЖУРНЫЕ ТКАНИ ИЗ КУВШИННОГО ПОГРЕБЕНИЯ МИНГЕЧАУРА

Среди разнообразных археологических материалов Мингечаура [1] имеются остатки тканей, ниток, фрагментов тонких веревок, а также отпечатки тканей на бронзовых предметах. Остатки и следы отпечатков тканей прослеживаются здесь с эпохи бронзы [2] до средневековья [3].

Исследования тканей и ниток из грунтовых и курганных погребений эпохи бронзы из Мингечаура проводили палеоботаник В. А. Петров (Текстильный институт им. С. М. Кирова в Ленинграде), И. А. Панкова (сотрудник Ботанического института АН СССР). Установлено, что волокно здесь льняное [4]. В кувшинных погребениях Мингечаура также сохранились остатки тканей, которые определял В. А. Петров. Они оказались из льна и шерсти.

При обследовании Мингечаура в апреле 1949 г. В. А. Петров обнаружил на склонах Боз-Дага цветы дикорастущего льна. Этот факт указывает на возможность культуры льна во времена кувшинных погребений в Албании или же по крайней мере использования дикого льна [5].

В кувшинных погребениях найдены пряслица разных форм и размеров, а также грузила ткацкого станка. Другие принадлежности ткацкого ремесла не обнаружены, вероятно, потому, что они выделывались из дерева и не дошли до нас. Поэтому пока ничего нельзя сказать об устройстве ткацких станков и их частей.

---

[1] С. М. Казиев. Памятники Мингечаура, как источник изучения истории Азербайджана. Изв. АН АзербССР, 7, 1950.

[2] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959.

[3] Р. М. Ваидов. Мингечаур III—VIII вв. (По археологическим данным). Баку, 1960.

[4] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Ук. соч., Приложение IV, стр. 152.

[5] В. А. Петров. О растительных остатках Мингечаура. Стенограмма доклада, прочитанного на Отделении общественных наук АН АзербССР, 4 мая 1949, стр. 3, 4.

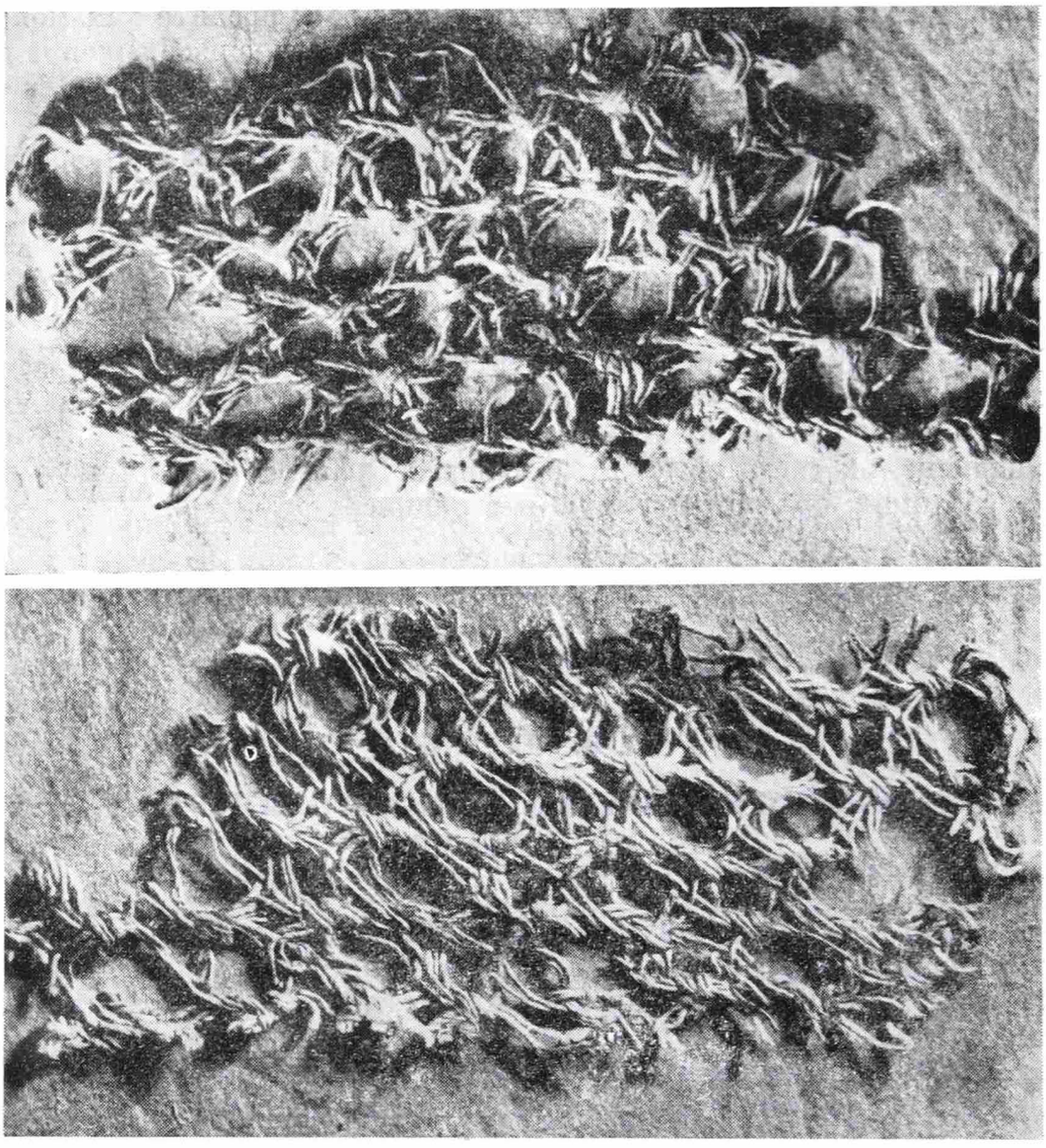


Рис. 1. Ажурная ткань из Мингечаура.

а — газовая ткань № 1 с лицевой стороны; *б* — газовая ткань № 1 с изнанки

При археологических раскопках в Азербайджане (Кызылванк, Узерлик-Тепе, Кюль-Тепе I и II) [6], Дагестане [7] (Манас, Каякент, Джемткент, Верхний Гуниб и т. д.), Грузии [8] (Квацхелеби и др.) обнаружены костяные проколки, служившие для работы по мягкому волокнистому веществу [9]. Они применялись для выравнивания нитей основы при тканье. Это подтверждается и этнографическими данными [10]. Были найдены детали

---

[6] В. Г. Алиев. Культура расписной керамики в Азербайджане. Автореф. канд. дис., Баку, 1966, стр. 24.

[7] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 132; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. К истории дагестанских племен в конце III—II тысячелетий до н. э. Махачкала, 1965, стр. 231.

[8] А. И. Джавахашвили, Л. И. Глонти. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиа-Кохи). Урбнисси I, Тбилиси, 1962, стр. 62, табл. IV, 107.

[9] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, М., 1961, стр. 63.

[10] Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас). СА, XXVI, 1956, стр. 193.

ткацкого станка — костяные колки, служившие для закрепления нитей основы. Там же встречены костяные четырехпалые гребни, которые употреблялись для подбивки рабочей нити на вертикальном ткацком станке [11]. В более поздних, катакомбных погребениях Мингечаура, датируемых V—VII вв., были найдены ремизки [12]. Судя по размерам и этнографическим параллелям, они употреблялись для производства паласов (без ворсовых ковров). В катакомбных погребениях обнаружены и деревянные веретена.

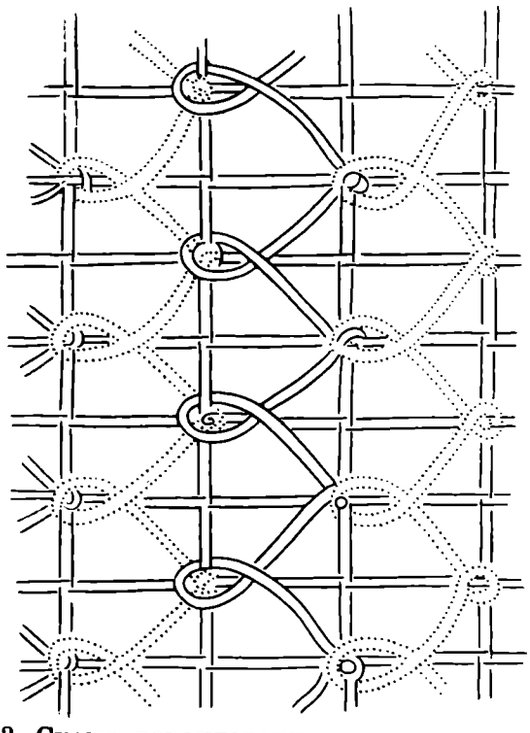


Рис. 2. Схема переплетения ткани, натянутой на основу

Развитие ткачества в Мингечауре периода кувшинных погребений, вероятно, определялось наличием местного сырья, в виде льна, возможно, конопли [13], а также шерсти местных верблюдов, овец и коз. Остатки льняных тканей здесь пока что найдены только неокрашенные.

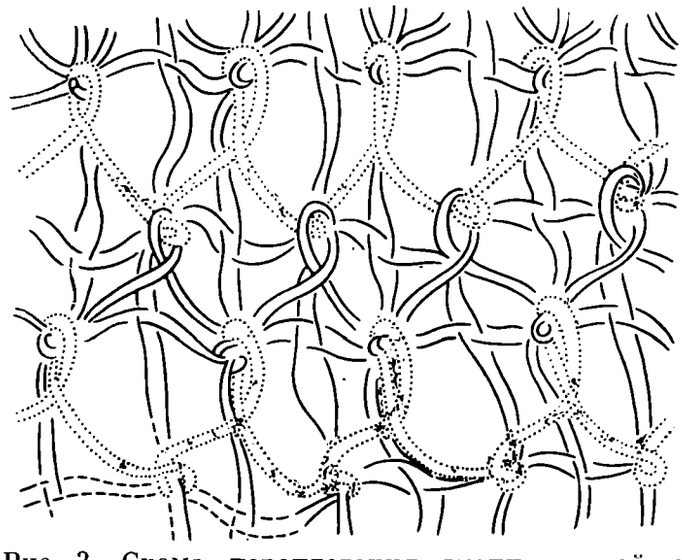


Рис. 3. Схема переплетения ткани, снятой со станка

В Мингечауре периода кувшинных погребений известны ткани различного качества, в зависимости от их назначения. Найдено полотно такого переплетения, при котором уток в каждом ряду поочередно покрывает одну нить основы и проходит под другой, создавая тонкое полотно хорошего качества.

Более грубое полотно готовилось ковровым плетением, при котором отдельные нити привязывались узлами на нити основы. Это наиболее древний способ плетения.

Весьма интересно погребение девочки-подростка кувшинного погребения 4, раскопанного Е. П. Пахомовым в июле 1936 г. «На ней,— пишет он,— были, по-видимому, красные кожаные башмаки и такой же пояс, матерчатые шаровары, схваченные у щиколоток бронзовыми браслетами по 11 на каждой ноге. Поверх шаровар юбка, а выше талии кофта, сохра-

---

[11] К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе, около Агдама. МИА, 67, 1959, стр. 410, 411, рис. 19, 2; А. И. Джавахашвили, Л. И. Глонти. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг., стр. 62, табл. IV, стр. 107.

[12] Г. М. Асланов. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИИМК, 60, 1955.

[13] В с. Вандам Куткашенского района АзербССР в настоящее время сеется конопля, из которой вьются веревки для узды. Говорят, что жители северной части Вандама не выдавали замуж своих девушек якобы для того, чтобы сохранить секрет изготовления этих веревок.

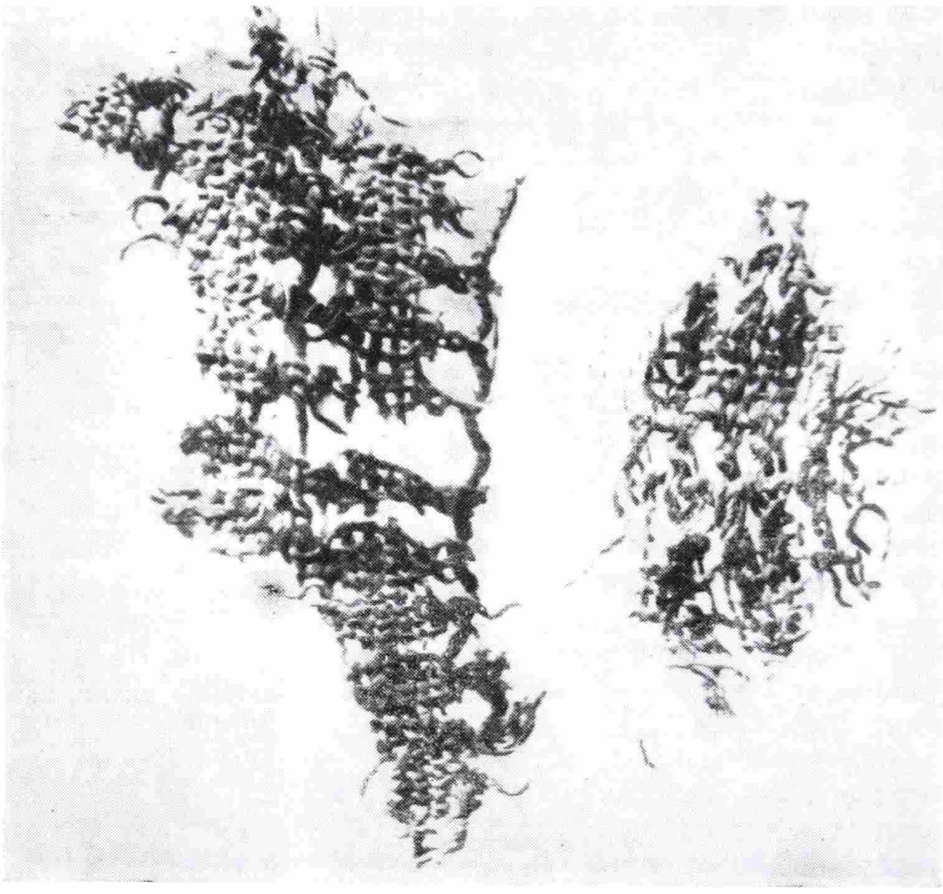


Рис. 4. Газовая ткань № 2

нились следы чего-то вроде кружевного плетения. На руках опять браслеты и вязки бус, много их на шее» [14]. Кусочки ткани и «кружев» хорошо сохранились около браслетов. Ткань оказалась тонким льняным полотном. Льняной характер волокна подтвердили лаборатория материаловедения Азербайджанского политехнического института (доцент Р. Р. Рзаева) и Ботанический институт АН СССР.

Остатки этих тканей и кружевоподобных фрагментов исследовались специалистом Ленинградского отделения Института археологии АН СССР А. А. Гавриловой [15]. Предварительное определение их следующее: «Газовая ткань № 1. Небольшой кусок (6,5 × 3 *см*). Светлая ткань из неокрашенного растительного волокна. Переплетение образуется сочетанием гарнитурового (полотняного) тканья и безузелкового плетения, выполненного одной системой нитей основы и двумя системами нитей утка. Нити основы натянуты парами, с большим интервалом. Первая система нитей утка расположена также парами с большим интервалом, в гарнитуровом (полотняном) переплетении. Вторая система утка проходит пар-

[14] Е. А. Пахомов. Мингечаурское кувшинное погребение. «Бакинский рабочий», 14 февраля 1937 г.

[15] Считаю приятным долгом выразить свою глубокую признательность А. А. Гавриловой. Фотографии ажурных тканей Мингечаура были показаны специалистам: художникам-технологам по кружевоплетению, художникам-технологам по вышивкам, художникам-технологам по ткачеству и искусствоведам Научно-исследовательского института художественной промышленности в Москве. По определению инженера-технолога по кружевоплетению М. А. Гусевой оказалось: один образец в виде сложной мережки — вышивка. Другой образец по определению специалиста М. А. Гусевой является также вышивкой типа «стяги». Указанная вышивка сделана строчевым или ажурным швом, так называемым выдергом нитей и их обметкой. Специалисты это называют строчевое шитье с выдергом, но без подреза нитей. Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность инженеру-технологу по кружевоплетению М. А. Гусевой.

ной нитью, зигзагообразно расположенной между двумя парами нитей первого утка. При этом верхние петли нового ряда охватывают безузелковыми петлями каждое второе перекрестие нитей основы и первого утка и нижние петли предыдущего ряда, с чередованием ряда с левой нитью сверху с рядом с правой нитью сверху.

Плотность нитей основы — 4 нити в *см*, первого утка — 6 нитей, второго утка — две пары в *см*. Нити толстые, скручены вправо.

Заключение: Отмеченная правильность в чередовании нитей отражает технику тканья, а не вышивки. По технике переплетения данная ткань занимает как бы промежуточное место между тканными и плетеными тканями. Безузелковое переплетение нитей отличается от газового (с перевивочной основой). Поэтому данная ткань условно названа газовой.

Прилагаются: фотоувеличение [16] с лица и с изнанки (рис. 1, *а, б*), схема переплетения ткани, натянутой на станке (рис. 2), схема переплетения ткани, снятой со станка (рис. 3)».

«Газовая ткань № 2. Два небольших кусочка с газовым переплетением (1,5 × 3,5 и 2 × 1 *см*) и два кусочка полотна с той же плотностью, что и полотняные промежутки на газовой ткани. Ткань светлая, из неокрашенного растительного волокна.

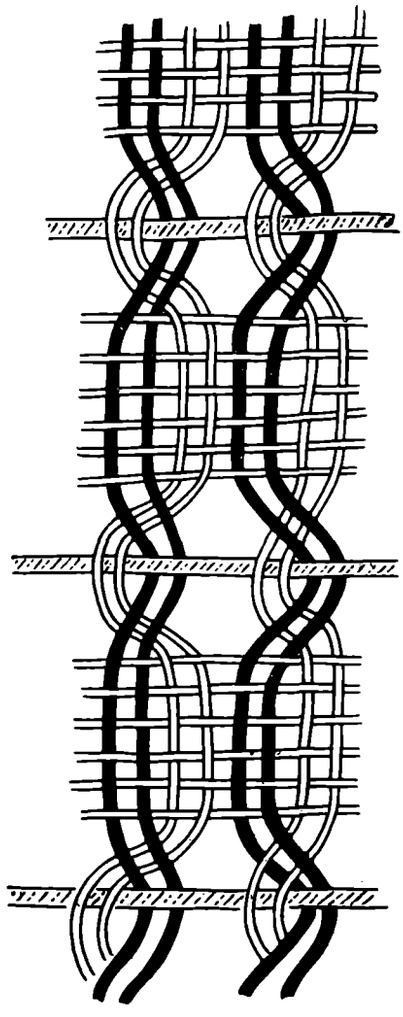


Рис. 5. Схема переплетения газовой ткани № 2

Переплетение — сочетание газового (с перевивочной основой) с гарнитуровым (полотняным), выполненным одной системой основы и двумя системами утка. Нити основы натянуты плотно, соединяясь парами в рядах с газовым переплетением и расходясь в рядах с гарнитуровым переплетением. Первая система утка из толстой ссученной нити проходит между парными нитями основы газового переплетения, всегда с правой парой поверх утка. Вторая система нитей утка, одинарных, переплетается в гарнитуровом переплетении с одинаковыми нитями основы. Один ряд газового переплетения чередуется с шестью рядами гарнитурового переплетения. Плотность нитей основы 16—24 нити в сантиметре, ссученного утка 2 нити, одинарного утка — 12—16 нитей в *см*. Нити основы и одинарного утка скручены вправо. Толстые нити другого утка скручены вправо и ссучены влево.

Заключение: Указанная правильность в положении нитей в газовом переплетении отражает технику тканья, а не вышивки.

Прилагается: фотоувеличение газовой ткани (рис. 4); схема переплетения газовой ткани (рис. 5)».

Как видно из определения А. А. Гавриловой, в ажурных тканях нити основы и утка не только переплетаются, но еще перекрещиваются, а иногда и перевиваются по несколько нитей вместе. Сквозные промежутки — ажур при тканье — получаются в результате сдвига в пучок нитей основы в местах перекрещивания и перевивок. Ажурные ткани имеют сложную технику выработки и требуют дополнительных приспособлений к ткацкому станку: ажур-ремизки, добавочная основа и т. д.

[16] Фотоувеличения газовых тканей выполнены сотрудником Гос. Эрмитажа М. Г. Агоронян.

Рис. 6. Керамика из кувшинного погребения 4 Мингечаура

На основании керамики (рис. 6), бронзовых браслетов с вогнутостью в середине (рис. 7), серных бус и т. д. исследуемое кувшинное погребение датируется II—I вв. до н. э. Описанные ажурные ткани обнаружены в Азербайджане впервые и являются шедевром ткацкого искусства.

Высокое мастерство в изготовлении сложного узора в тканях — техника ажурного переплетения — характеризуются плотностью ее основы в 16—24 нити в *см*, ссученной вдвое нитью, одинарного 12—16 нитями в *см* в нем. Кроме того, следует отметить двухсторонность ткани.

По технике изготовления мингечаурские ажурные ткани имеют близкие аналогии с шелковыми газовыми тканями китайского происхождения. Наиболее древние китайские шелковые газовые ткани найдены в 1924—1925 гг. П. К. Козловым [17] в Монголии в Хара-Хото и датируются рубежом нашей эры. Известны китайские газовые ткани у скифов на Алтае V в. до н. э.[18] Но китайские газовые ткани выделаны из шелка [19].

Мингечаурские образцы ближе всего к так называемой третьей группе газа из Ноин-Ула и Ильмовой пади, имеющей сложное ажурное переплетение. Переплетения ткани № 1 из Мингечаура, судя по микрофотосним-

[17] А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов. Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-Ула. ИГАИМК, IX, 7—9, М., 1932.

[18] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

[19] Е. Лубо-Лесниченко. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. В собрании Гос. Эрмитажа, Каталог, Л., 1961.

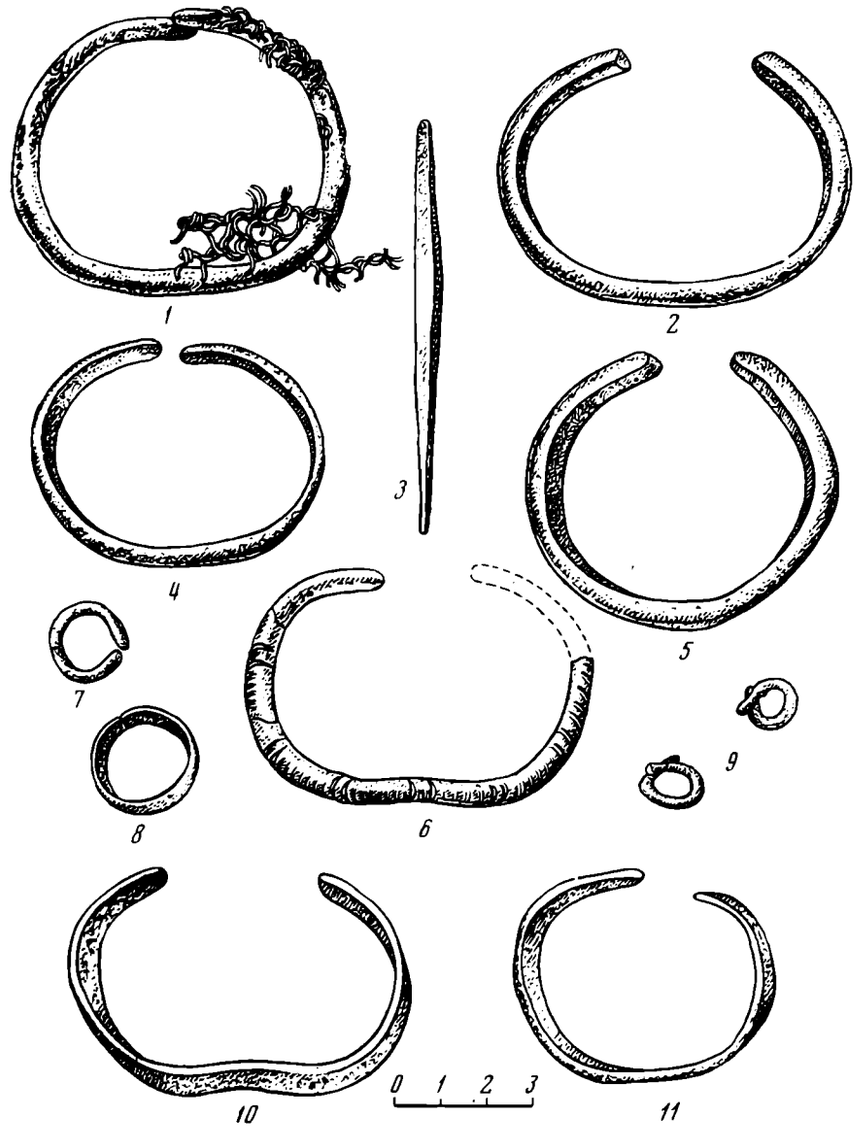


Рис. 7. Бронзовые браслеты из кувшинного погребения 4 Мингечаура

кам, очень сходны с переплетением ткани типа тюля (Ильмовая падь, могила 123) [20].

Сказанное выше свидетельствует о сходстве в технологии изготовления газовых тканей Мингечаура и древнего Китая. Однако своеобразие и самостоятельность мингечаурских ажурных тканей бесспорны, ибо они вытканы из льняных ниток, а китайские из шелковых; рядом с мингечаурскими ажурными тканями мы имеем простые льняные ткани и другие льняные изделия.

В Мингечауре периода кувшинных погребений выработка декоративных ажурных газовых тканей производилась на ткацком станке. У древних жителей Мингечаура эти ткани применялись для украшения одежды и, возможно, различных предметов быта.

Газовые ткани двухтысячелетней давности из кувшинного погребения Мингечаура свидетельствуют о замечательном искусстве древних мастеров, владевших развитой техникой, сложной обработкой волокнистых растений, многовековым опытом ткачества.

Изготовление льняных тканей и их отделка отражают художественные вкусы древних обитателей Мингечаура и раскрывает еще одну, до сих пор неизвестную отрасль древнего ремесла этого района — изумительную технику выделки тканей. Несомненно, дальнейшие раскопки кувшинных погребений в Азербайджане дадут новые интересные материалы по ткацкому ремеслу и декоративно-прикладному искусству древней Кавказской Албании.

[20] В. Н. Кононов. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади. СА, VIII, 1946, стр. 70, рис. 3.

К. В. КОСТРИН

ИССЛЕДОВАНИЕ СМОЛИСТОГО ОСАДКА ИЗ ДРЕВНИХ АМФОР, НАЙДЕННЫХ ПРИ РАСКОПКАХ ТАНАИСА

Среди многочисленных находок Нижне-Донской археологической экспедиции, производившей в 1955—1969 гг. под руководством Д. Б. Шелова, раскопки древнего боспорского города Танаиса [1], особый интерес представляют светлоглиняные амфоры, датируемые первой половиной III в., имеющие на плечике или горловине надпись «Ναφα», представляющую собой, искаженное греческое слово «Ναφθα»— нефть (рис. 1). Эти амфоры (большинство из них было разбито) обнаружены Т. М. Арсеньевой [2], в количестве около ста экземпляров, в 1968 г. при вскрытии трех помещений, примыкающих к юго-западной угловой башне оборонительных стен. Надписи на них нанесены красной краской. Все они однотипны, имеют общую высоту около 40 *см*, наибольший диаметр — 18 *см*, объем — около 2,5 *л*. На внутренних стенках и донцах амфор — твердый темный смолоподобный осадок.

По предложению Т. М. Арсеньевой, мы выполнили (в битумной лаборатории Башкирского научно-исследовательского института по переработке нефти) анализ этого вещества методом адсорбционного разделения на силикагеле с применением люминесценции (освещения растворов ультрафиолетовыми лучами определенной волны), с использованием смесей изооктана и бензола, взятых в различных соотношениях, в качестве элюентов. Этот надежный метод анализа органических веществ был успешно использован нами и ранее — при анализе смолы из амфор X в., найденных в 1895 г. близ станицы Великокняжеской (ныне Пролетарская)[3], и осадка из «черносмоленых» кувшинов VIII—XI вв., обнаруженных в 1952—1955 гг. академиком Б. А. Рыбаковым при раскопках Тмутаракани [4].

В таблице приведены результаты определения группового состава осадка. Для сравнения в ней показан также групповой состав, определенный тем же методом, двух наиболее тяжелых нефтепродуктов, близких по своим физико-химическим свойствам к веществу, обнаруженному в амфорах Танаиса.

Асфальтит — это концентрат асфальтенов и смол, избирательно выделенный легким бензином из остатка перегонки легкой ромашкинской нефти (Татарская АССР). Его количество от исходной нефти составляет около 7%.

Рубракс — это наиболее высокоплавкий сорт нефтяного битума. Его температура плавления — 137°. Данный образец получен в промышленных условиях путем окисления воздухом гудрона тяжелой нафтено-ароматической ярегской нефти (Коми АССР). Выход рубракса от исходной нефти равен около 45%.

---

[1] Д. Б. Шелов. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967.

[2] Т. М. Арсеньева. Раскопки в Танаисе. Сб. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 116—118.

[3] К. В. Кострин. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской. СА, 1965, 1, стр. 291—293.

[4] К. В. Кострин. Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани. СА, 1967, 1, стр. 285—289.

Показатель преломления n^{20}_D парафино-нафтеновой фракции смолистого осадка из амфор оказался равным 1,499, что указывает на преобладание в ней нафтеновых углеводородов. Элементарный анализ (сожжение) вещества показал содержание в нем (%):

углерода	72,80	азота	0,33
водорода	8,22	несгораемого остатка	1,30
серы	0,26	кислорода (по разности)	17,09

Внешние свойства осадка (цвет, блеск, раковистый излом, твердость, хрупкость) аналогичны наиболее тяжелым, богатым асфальтенами остаточным нефтепродуктам, а также природному асфальтиту.

Вышеизложенные результаты показывают, что вещество из амфор Танаиса представляет собою сильно окисленную, выветрившуюся нефть нафтено-ароматического типа, претерпевшую за более чем 17 столетий глубокие процесссы испарения, окисления, конденсации, превратившуюся в значительной степени в асфальтены и даже (по-видимому) в карбены.

Люминесцентный анализ смолистого осадка из амфор Танаиса

№ п/п	Наименование компонентов	Содержание компонентов, вес. %		
		осадок	асфальтит	рубракс
1	Парафиновые и нафтеновые углеводороды	3,5	5,5	25,3
2	Ароматические моно- и полициклические углеводороды	2,3	10,5	21,1
3	Смолы	34,3	16,8	20,3
4	Асфальтены	40,7	67,3	33,1
5	Карбены, карбоиды, механические примеси	19,5	Отсутствие	Отсутствие
	Сумма	100,3	100,1	99,8

Ближайшие к устью Дона нефтяные месторождения, издавна известные выходами нефти на поверхность, находятся на Таманском и Керченском полуостровах. Сравнение результатов анализа осадка из амфор с качествами нефтей этих месторождений (в частности, отсутствие в нем твердых парафинов) показывает, что он ближе всего к остатку от глубокой переработки нефти Чонгелека, расположенного в 30 *км* к югу от Керчи (древнего Пантикапея), в 2—3 *км* от Керченского пролива (Боспора Киммерийского). Доставка отсюда нефти к устью Дона — в Танаис при развитом и в I—III вв. судоходстве по Азовскому морю, очевидно, была простым и обыденным делом.

Менее показательным оказалось исследование нагара, соскобленного со светильников, найденных в Танаисе. Количество его весьма незначительно. Поэтому нам пришлось ограничиться только качественным анализом. Несмотря на длительную экстракцию этого вещества, мы получили его раствор в бензоле лишь в очень слабой концентрации. При исследовании экстракта методом люминесценции, он флуоресцировал желто-голубым цветом, с сильным молочным оттенком, типичным для нефтепродуктов, богатых смолами. Оранжево-розовое свечение, характерное для растительного, в частности оливкового, масла, и зеленовато-молочное, характерное для животных жиров (говяжье сало), совершенно отсутствовали. Поэтому можно предположить, что светильники в Танаисе «заправлялись» нефтью.

До настоящего времени наиболее древней находкой, свидетельствующей о многовековой давности возникновения добычи нефти на территории нашей страны, являлась остродонная амфора с нефтью, датированная концом IV в., найденная В. Ф. Гайдукевичем [5] в Крыму в 1939 г. при раскопках города Тиритаки. Теперь же можно считать установленным, что нефтяное дело на берегах Черного моря существовало и в начале III в.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 15—134.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 439

Раскопки в Новгороде продолжаются ежегодно. Почти каждый год дает новые берестяные грамоты. Последний раз я их касался, публикуя некоторые грамоты из раскопок 1962—1964 гг.[1] Тогда была дана и библиографическая справка о шести томах, в которых полностью были опубликованы 405 грамот из раскопок 1951—1961 гг. После этого была издана превосходная книга Л. В. Черепнина о наших грамотах[2]. Общее число новгородских берестяных грамот уже достигло 488. Считаю теперь целесообразным отдельно издать грамоту № 439.

Она найдена 19 августа 1967 г. на Лубяницком раскопе. Этот раскоп находился на Московской улице на месте строительства телевизионной вышки. Название раскопа дано по справке проф. С. Н. Орлова, предполагавшего, что здесь проходила древняя улица Лубяница.

Грамота № 439 залегала в квадрате 9 на глубине 1,88 *м*. Длина ее 384 *мм*, ширина 52 *мм*. Привожу текст. При этой транскрипции малый юс заменяю буквой «я», а сочетание «оу» заменяю буквой «у». «...Спироку. Оже ти не возяло Матеека пи, воложи ю со Прусомо ко мне. Язо ти олово попродале и свинеце и клепание вьхо. Уже мне не ехати во Сужедале. Воску куплены 3 пи. А тобе поити суда. Воложи олова со цетыри безмене полотенеца со дова цереленая. А куны прави сопроста».

Дата грамоты XIV — XV вв. по ступенчатому «в». Это надежный палеографический признак, много раз встреченный на бересте, пергамене и бумаге. Я много раз печатно его рассматривал[3]. Левая часть этой буквы кажется верхней ступенькой, правая — нижней.

Особую трудность грамоте придавало загадочное слово (или сокращение) «пи», встреченное дважды. В картотеке словаря древнерусского языка в Институте русского языка Академии наук СССР я ничего подобного не нашел. Цифровое значение (ПИ-88) здесь не дает смысла. Да цифры и отмечались титлами или точками.

Я обратился за консультацией к авторитетному специалисту по финским языкам Ю. С. Елисееву. Цитирую его ответ.

«Дважды встреченное в грамоте слово «пи» можно почти с полной уверенностью толковать как карельское «голова». Фонетический облик этого слова в финском языке — pää «голова», которое в диалектах карельского языка дифтонгизировалось и дало piä «голова». Поскольку в прибалтийско-финских языках вообще наибольшее ударение в дифтонгах падает на первый компонент, то в речи русского населения, имевшего тесные контакты с карелами, это слово должно было быть воспринято как «пи». Нет сомнения, что грамоту писал не карел, ибо последний должен бы склонять слово, особенно после числительного: карел сказал бы 3 piätä, а русский знает только его номинативную форму «пи». Логически истолкование слова «пи» как «голова» не противоречит содержанию текста грамоты, особенно во втором случае. Воску куплены три головы. Следует полагать, что воск формовался (для продажи и продавался) головами... Первое предложение имело бы смысл: «Если ты (еще) не взял у Матеека голову (воска), то вложи (и пошли) ее (обратите внимание на согласование в роде — ее, т. е. голову, а не его) с Прусом ко мне».

---

[1] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. СА, 1965, 3.

[2] Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

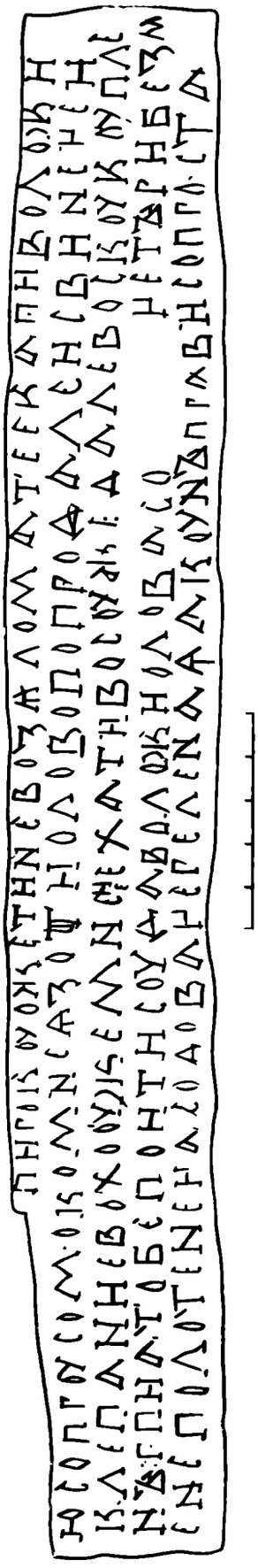
[3] См., например, А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 г. М., 1959, стр. 71.

Это прекрасное решение загадки. Дело в том, что А. И. Никитский писал: «Воск получался в Новгороде частию из юго-западной, частию же из северо-восточной Руси и шел в торговое обращение большими кусками или кругами»[4]. В другом месте тот же автор говорит о «кругах (кусках, которыми продавался воск)»[5]. При горячей обработке воску придавали круглую форму.

Занимаясь летописными миниатюрами, я уже ссылался на эти слова А. И. Никитского. В одной из миниатюр Кенигсбергской летописи в сцене, где князь Игорь одаряет греческих послов воском, перед ним на столе лежат три круга. «Цвет кругов желтый с восковым оттенком»[6]. Эти круги и были головами воска. Круглые головки воска напоминали современные круглые головки сыра.

Имя автора грамоты оторвано. Имя адресата стоит в дательном падеже: «Спироку» — Спирку. Здесь уменьшительная форма имени Спиридон, встречаемого в Новгородской летописи. Имя Матеека стоит в родительном падеже. Можно видеть здесь уменьшительную форму имени Матвей. В Новгородской летописи имя Матвей обычно пишется Матей.

«Оже» — если. «Ти» после этого слова — ты. «Возяло» — взял. «Воложи» — вложи. «Ю» — ее. «Прусомо» — Прусом; здесь надо предположить собственное имя. «Язо» — яз, я. «Ти» после этого слова — тебе. «Попродале» — попродал, продал. «Свинеце» — свинец. Слово «клепание» происходит от глагола «клепати». В словаре Срезневского указано одно из значений этого глагола «ковать»[7]. Здесь это значение вероятно. Ведь перед тем упомянуты олово и свинец. Слово «вьхо» заставляет вспомнить мнение В. И. Борковского. Он печатно указал, что в грамоте № 87 слово «вьхемо» надо читать «вьсемо». В виде аналогий он назвал «вьхоу» вместо «всоу» в грамоте «Варлаама и «вхо» вместо «вьсь» в Новгородской летописи[8]. Здесь тоже надо читать «вьсо». Но это все же не до конца ясно. Ведь современное иотованное «о» в слове «всё» появилось поздно. В древнерусском языке здесь еще звучало «е». Однако лингвист Н. В. Подольская сообщила мне, что после звука «х» здесь звук «о» закономерен. В нашей грамоте № 211 встречено слово «вхого». «Сужедале» — Суздаль. «Не ехати во Сужедале» означало «не ехать в Среднюю Россию».



---

[4] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 166.

[5] Там же, стр. 173.

[6] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 27.

[7] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. 1, СПб., 1893, стр. 1218.

[8] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953 и 1954 гг. М., 1958, стр. 98.

Упоминание о покупке воска придает особую ценность грамоте, поскольку в ней речь идет об олове и свинце. В древней и средневековой цветной металлургии широко применялось литье по восковой модели. Технику этого литья исследовал Б. А. Рыбаков[9]. Н. В. Рындина по материалам новгородских раскопок доказала, что новгородские ювелиры тоже постоянно применяли восковые модели[10]. Автором рассматриваемой грамоты был один из этих ювелиров. Он купил необходимый ему для работы воск.

«Тобе» — тебе. «Суда», судя по контексту, означает «сюда». Слово «сюда» изредка употреблялось в древней Руси наряду с более частым синонимичным словом «семо»[11]. «Воложи» опять означает «вложи». «Со» — с. «Цетыри безмене» — четыре безмена. Безмен в качестве меры веса упомянут в словаре Срезневского с разъяснением: «в XVI веке в безмене считалось два с половиной фунта»[12]. Едва ли этот вес часто менялся. В рассматриваемой грамоте XIV — XV вв. речь идет о десяти фунтах олова, о четырех килограммах. «Полотенца со дова» — полотенца с два, т. е. приблизительно два. В полотенца было завернуто олово. Возможно и другое толкование: полотенцами названы плоские листы олова.

Слово «цереленая», т. е. красное, относится к олову. Химик Г. А. Балуева, с которой консультировался В. Л. Янин, предполагает здесь сурик. По-польски сурик доныне называется czerwien olowiana, т. е. оловянная краснота. По-английски сурик red lead, т. е. красный свинец. Сурик — минерал, в основном состоящий из свинца, но в древнерусском языке слово «олово» по словарю Срезневского означало иногда свинец[13]. Это смешение отразилось и в польском термине. Наша грамота, однако, называет олово и свинец отдельно. Здесь этого смешения нет. Свинец в Новгород ввозился из Польши. При наших раскопках найден десятипудовый слиток свинца с польским клеймом[14]. Возможно, что уже в Новгороде сурик служил, как и в наше время, краской для металлов. Тогда понятно упоминание о нем в письме металлурга.

Для глагола «правити» словарь Срезневского указывает одно из значений «взыскивать, собирать»[15]. Это хорошо подходит к кунам, т. е. денежным знакам. «Сопроста» — спроста. Л. В. Черепнин присоединяется к мнению Н. А. Мещерского, считавшего, что «спроста» в грамоте № 17 означает «быстро»[16].

В целом грамота важна как отрывок деловой переписки ремесленника-ювелира. Есть здесь сведения и о технике цветной металлургии.

---

[9] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 245—257.

[10] Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров. МИА, 117, 1963, стр. 243—247.

[11] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. 3, СПб., 1903, стр. 907.

[12] И. И. Срезневский. Ук. соч., 1, СПб., 1893, стр. 60.

[13] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. 2, СПб., 1902, стр. 661.

[14] В. Л. Янин. Находка польского свинца в Новгороде. СА, 1966, 2.

[15] И. И. Срезневский. Ук. соч., 2, стр. 1347.

[16] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 155, 156, 213.

И. И. СОКОЛОВ

К ВОПРОСУ О ТВЕРСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Представляя, какую большую научную ценность имеют для изучения истории древнерусских городов находимые в них берестяные грамоты, я хотел бы в связи с этим поделиться воспоминаниями об одном случае из моих школьных лет.

В 1903—1904 гг., когда мне было 11—12 лет, мне пришлось жить в Твери на квартире в здании мужской гимназии, где ныне помещается медицинский институт (Советская ул., д. № 4).

По приезде в Тверь после летних каникул я увидел на территории сквера (находящегося, как и ныне, перед фасадом здания гимназии), рядом с правым флигелем (дом № 2) вырытую глубокую траншею с большими валами земли по обеим ее сторонам. Как-то раз, гуляя по скверу и проходя около этих валов, я заметил на них кучку трубочек и обрывков из берестяной коры. Подняв и очистив их от земли, обратил внимание на нацарапанные на них очертания каких-то букв. Несмотря на мои попытки разобрать написанное, сделать этого я не смог и бросил их обратно на землю.

В настоящее время, зная о находках в городах берестяных грамот, я вспомнил о моей находке, и у меня появилось предположение: не были ли виденные мной кусочки бересты с нацарапанными буквами берестяными грамотами.

Сообщая об этом, я хотел бы обратить внимание интересующихся историей Тверского края, и в частности историей г. Твери, на тот участок земли в г. Калинине, в недрах которого можно было бы искать указанные грамоты.

И. С. ВАЙНЕР, В. Ф. КАХОВСКИЙ, Ю. А. КРАСНОВ

БЕРЕСТА С НАДПИСЬЮ ИЗ ЧЕБОКСАР

В 1969 г. 1-й Чувашский отряд Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР [1] проводил раскопки в Чебоксарах. Археологические работы большого масштаба в столице Чувашии производились впервые. Раскоп был заложен во дворе школы № 15 на улице Чернышевского, в древней части города, на берегу р. Чебоксарки, у подножья холма, где в 1555 г. была построена деревянная Чебоксарская крепость [2]. Мощность культурного слоя в раскопе достигала 4,7 *м*. Были вскрыты напластования от XVIII—XIX до XIV вв. и изучена часть городского квартала, планировка которого существенно не менялась с XIV в. до наших дней. Почвенные условия обеспечили прекрасную сохранность дерева и других органических материалов, особенно в средних и нижних слоях раскопа. Изучены хорошо сохранившиеся остатки деревянных домов, относящихся к различным периодам, собрана большая коллекция деревянных и берестяных изделий.

Особый интерес представляют два фрагмента берестяного сосуда, найденные в кв. 38 16-го пласта (глубина 300—320 *см*), в слое, непосредственно перекрывающем остатки сооружения 12 и подстилающем сооружение 10. Эти сооружения представляли собой жилые дома сравнительно небольших размеров с примыкающими к ним хозяйственными пристройками. В обоих сооружениях отмечены ясные следы кожевенного и сапожного ремесла. Оба фрагмента берестяного сосуда имеют хорошую сохранность, найдены лежащими рядом, относятся к его стенкам и сходятся между собой по разрезу. Сложенные вместе они имеют высоту около 13 *см*, в длину сохранились на 13—17 *см*. Толщина бересты около 3 *мм*. С одной стороны (левой). фрагменты имеют семь отверстий для продевания шнура, сшивающего стенки сосуда. Отверстия расположены по высоте в три ряда. Система расположения отверстий и характер потертости бересты позволяют говорить о соединении частей стенок сосуда внахлест, причем соседняя слева часть стенки накладывалась на рассматриваемую. Никаких следов скрепления с днищем, а также характерного оформления верхней части сосуда на рассматриваемых фрагментах нет (рис. 1 — 2).

---

[1] Начальник экспедиции Ю. А. Краснов, начальник отряда В. Ф. Каховский.

[2] История Чувашской АССР, 1. Чебоксары, 1966, стр. 64—65.

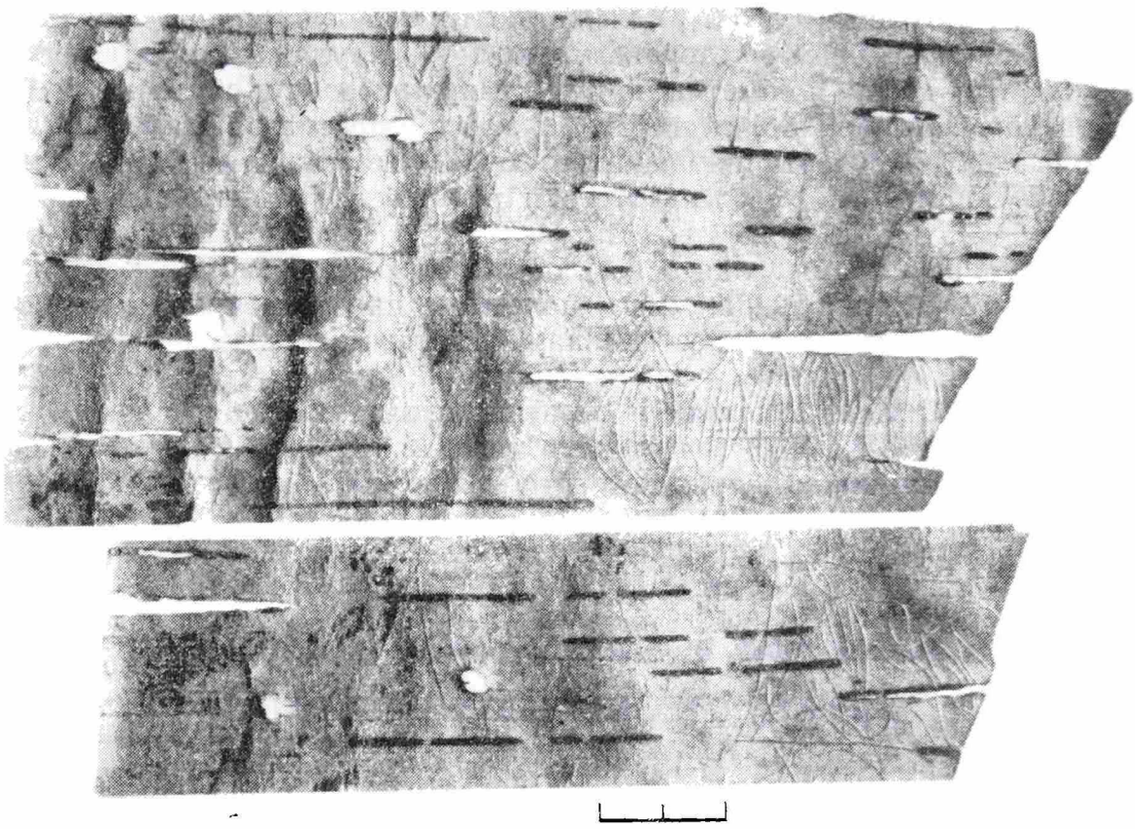


Рис. 1. Фрагменты берестяного сосуда с надписью и орнаментом из раскопок в Чебоксарах

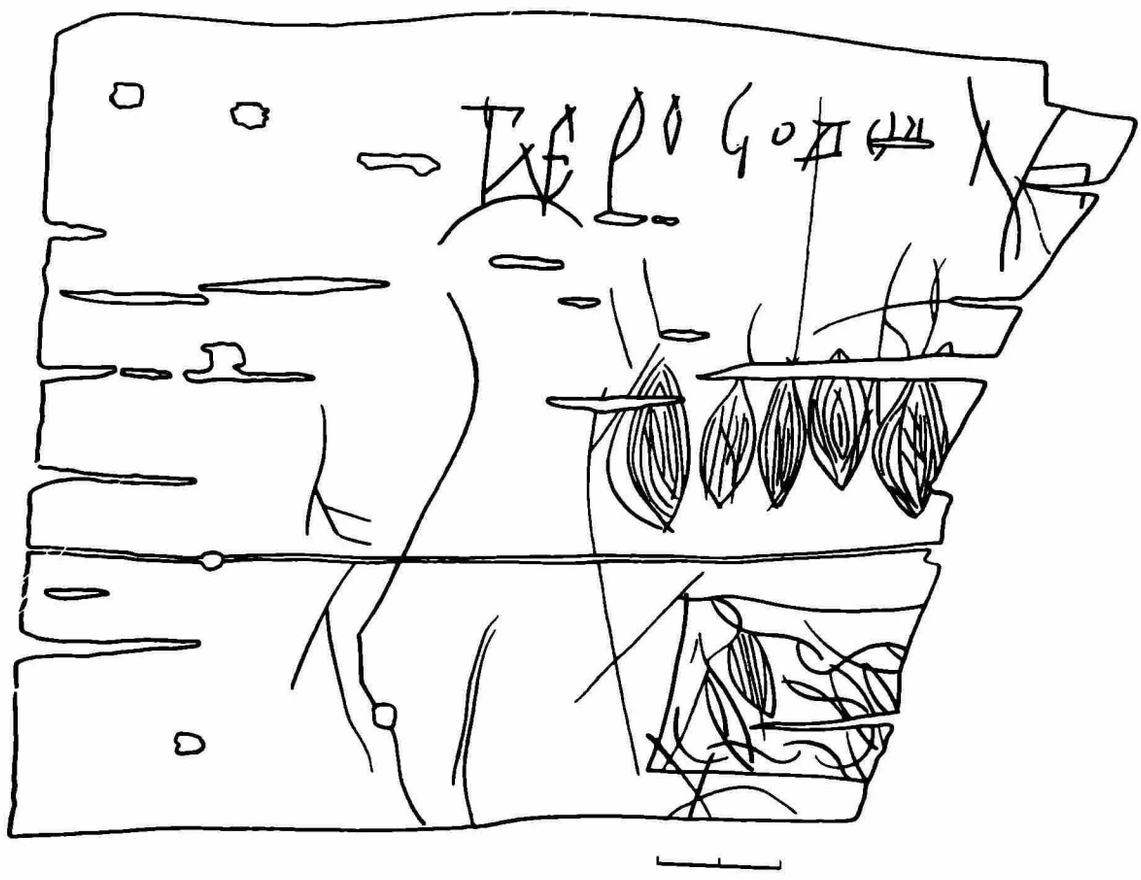


Рис. 2. Прорись фрагментов берестяного сосуда с надписью и орнаментом из раскопок в Чебоксарах

Правая часть обоих фрагментов занята сверху надписью, снизу — расположенным в два ряда орнаментом. Сохранившаяся часть надписи читается как БЕРОЗОВОИ [3]. За ней следует как будто бы буква «л» и еще одна буква, характер которой определить трудно, так как береста здесь оборвана. По-видимому, это начало надписи, полностью восстановить которую невозможно. Высота букв различна и колеблется от 15 до 4 *мм*. Надпись выполнена полууставным письмом, в начертаниях букв, особенно первых трех, прослеживается определенное стремление к изяществу формы.

Ниже надписи расположен орнамент. Первый ряд его состоит из изображений листьев с характерными изящно приостренными концами и четко прорисованными прожилками. Их форма напоминает листья водных растений, например кувшинки. Сохранившаяся часть орнаментального пояса состоит из пяти изображений листьев, расположенных в вертикальном положении, почти вплотную друг к другу. Длина изображений 20—24 *мм*, ширина 7—14 *мм*. Еще ниже располагается второй орнаментальный пояс, состоящий из прямоугольной рамки высотой 26—28 *мм* с включенным в нее довольно сложным растительным узором. Рамка сохранилась в длину на 35—36 *мм*. Весь облик рамки с узором удивительно напоминает книжную заставку, которую она, очевидно, и воспроизводит. На поверхности бересты видны также прочерченные линии. Некоторые из них, возможно, следует рассматривать как отдельные небрежно написанные буквы, не составляющие слов.

Как надпись, так и орнамент выполнены одним и тем же очень острым, очевидно, металлическим предметом. Надпись и орнамент нанесены на поверхность бересты до того, как последняя была использована для изготовления сосуда, но с явным расчетом, что из нее определенным образом будет изготовлен этот предмет.

Берестяные сосуды, найденные при раскопках древнерусских городов, нередко украшались по стенкам и крышке разнообразными узорами [4]. На крышках встречаются и надписи [5]. Остатки берестяного сосуда из Чебоксар интересны наличием надписи на стенке и использованием в орнаментации мотивов, заимствованных из рукописных книг. Несомненно, что человек, изготовивший этот сосуд, был не только грамотен, но и хорошо знаком с русскими рукописными книгами.

Археологическая дата находки такова. По созданной для Чебоксарского раскопа хронологии, пласт (штык) 13 должен датироваться рубежом XVI—XVII вв., пласты 14—16 — XVI в., пласт 17 — рубежом XV—XVI вв. В пользу этого говорят следующее соображения. Слои, начиная с 12-го пласта, в отличие от вышележащих, не содержат ни зеленых поливных изразцов, бытующих с середины XVII в.[6], ни зеленых поливных кровельных плиток, начало производства которых на Руси датируется самым концом XVI в., а наибольшее распространение падает на середину и вторую половину XVII в.[7] Уже с 11-го пласта и ниже исчезает посуда с высококачественной зеленой поливой, распространенная на Руси также с середины XVII в.[8] Только в 13—16-м пластах в массовом керамическом материале имеются признаки, позволяющие говорить о XVI в. С 13-го пласта и ниже встречается керамика с пепельно-серым лощением, нанесенная без

[3] Написание слова «берёза» и его производных через «о» вместо «ё» часто встречается в памятниках древней русской письменности, в том числе в новгородских берестяных грамотах XIV—XV вв. См. например, грамоты № 27 и 40. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

[4] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, Е 1—55, М., 1968, стр. 49, рис. 41, табл. 37, *1, 5, 7*.

[5] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 43.

[6] М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, 12, 1949, стр. 88, 95.
САИ, Е 1—39, М., 1969, стр. 53.

[7] Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, Е1-39. М., 1968, стр. 53.

[8] Там же, стр. 52.

ангоба, по московским материалам датируемая XVI — самым началом XVII в.[9] Лощение на черной керамике в этих пластах значительно лучше, чем в вышележащих. Оно тщательное, глубокое. Обычным является лощение всей поверхности сосудов, включая дно, а у некоторых сосудов — и части внутренней поверхности. Линейный орнамент глубокий, собран в пучки, так что поверхность выглядит рифленой. Все эти признаки свойственны для московской чернолощеной керамики именно XVI в.[10] Среди массовой керамики имеются формы, по московским аналогиям датирующиеся XVI и XVI — началом XVII в. Таковы обломки горшковидного умывальника раннего типа [11] (пласт 13), обломки чернолощеных кувшинов, аналогичных типу II, выделенному Р. Л. Розенфельдтом по московским материалам [12] (пласты 15—16), чернолощеные миски с коротким, отогнутым под прямым углом венчиком и горизонтальным верхним обрезом [13] (пласт 16) и ряд других. В 15—16-м пластах найдены обломки желто-красной керамики с лощением. Такая керамика, хорошо известная в русских городах XIV—XV вв., а в городах Поволжья — и в более раннее время, нигде не встречается позднее середины XVI в. [14] Особенно характерен найденный в обломках в 15-м пласте крупный сосуд с прекрасным лощением и узорами в виде волн и арок между полосами глубокого врезного орнамента. По характеру орнамента и общему облику этот сосуд близок более ранней болгарской керамике. Аналогичные сосуды являются частой находкой в слоях Казани XV — первой половины XVI в.[15] Другие находки, сделанные в рассматриваемых пластах, не противоречат отнесению их к XVI в. Здесь найдены, например, замок с шаровидным туловом — тип, получивший распространение с начала XVI в.[16], В-образные и овальные кресала, время существования которых охватывает и XVI в.[17]

В пластах, подстилающих слой XVI в. (пласты 17—18 и слой щепы и строительного мусора под сооружениями 11—12; глубина 320—380 *см*), встречены материалы, позволяющие датировать их XV и рубежом XV—XVI вв. Среди них — ключи от цилиндрических замков типов В и В-1 по классификации Б. А. Колчина, датирующиеся от середины XII до первой трети XV в.[18], чернолощеные кумганы, по московским аналогиям датирующиеся XV—XVI вв.[19], небольшие поливные кумганчики, относящиеся к XV — самому началу XVI в. [20], обломки посуды, украшенные по поверхности крупными (5—8 *мм*) пятнами ангоба, в Москве встречающиеся преимущественно с материалами XV в.[21], и другие находки, образующие вполне определенный комплекс.

Расположение фрагментов берестяного сосуда с надписью и орнаментом в основании слоя, отнесенного к XVI в., позволяет датировать его началом этого столетия. На эту же дату указывает палеографический анализ начертаний отдельных букв надписи и характер орнамента, воспроизводящего книжную заставку. По заключению зав. отделом рукописей ГИМ М. В. Щепкиной и сотрудницы того же отдела Л. М. Костюхиной, надпись

---

[9] Там же, стр. 29.
[10] Там же, стр. 29.
[11] Там же, стр. 37.
[12] Там же, стр. 31.
[13] Там же, стр. 34; табл. XII, *3—5*.
[14] Там же, стр. 14.
[15] Н. Ф. Калинин. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. Изв. КФАН, сер. гуман. н., 1. Казань, 1955, стр. 131—132, рис. 21.
[16] И. Г. и Р. Л. Розенфельдт. О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV—XVII вв. КСИИМК, 77, 1959, стр. 121, рис. 52.
[17] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65. 1959. рис. 87, *4*, 85.
[18] Там же, стр. 82, рис. 67, 70.
[19] Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 32—33.
[20] Там же, стр. 24, 50.
[21] Там же, стр. 20—27.

и орнамент должны датироваться первой четвертью XVI в. (см. приложение 1).

Надпись на бересте — не единственный памятник русской письменности, обнаруженный при раскопках 1969 г. в Чебоксарах. Среди остатков комплекса сооружений 8, интерпретированного как двор кожевника, был обнаружен кусок невыделанной кожи с частично сохранившимся волосом (пласт 11, кв. 9). На нем острым предметом, вероятно ножом, была прорезана надпись, от которой сохранились буквы «МИК» и штрих от четвертой буквы, которая могла быть буквой «Ж» (рис. 3). По заключению директора Чувашского НИИЯЛИЭ В. Д. Дмитриева, первые две буквы надписи могут рассматриваться как знаки буквенной цифири «мыслете»

Рис. 3. Обрывок кожи с надписью из раскопок в Чебоксарах

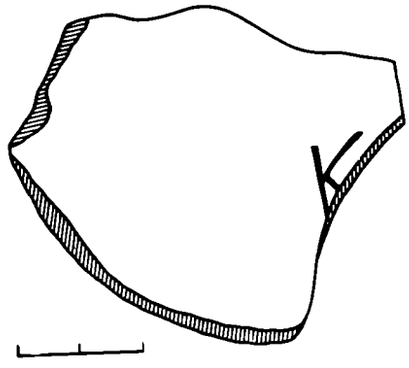


Рис. 4. Обломок сосуда с начертанной на нем буквой из раскопок в Чебоксарах

и «иже», хотя титла над ними нет. В этом случае буквы обозначают число 58. Третий знак — «како» — может обозначать начало слова «кож». В целом надпись может рассматриваться как обозначающая число кож в кипе (см. приложение 2). Находки красных поливных изразцов в сочетании с поливными зелеными изразцами и фрагментами зеленых поливных кровельных плиток, как и массовый керамический материал из комплекса сооружений 8, позволяют надежно датировать его XVII в. Этой дате не противоречит характер начертаний букв надписи.

На носке лыжи, обнаруженной в 17-м пласте (рубеж XV—XVI вв.) ножом была грубо процарапана буква «К», являвшаяся, вероятно, меткой владельца лыжи, может быть, начальной буквой его имени или прозвища.

Весьма интересен фрагмент стенки сосуда с сохранившейся на ней частично буквой «К» (рис. 4). Обломок принадлежит к группе бурой керамики, наиболее массовой в Чебоксарах в слоях XIV—XVI вв. Высота буквы более 12 *мм*. Малые размеры обломка не позволяют говорить, имел ли здесь место только один буквенный знак или целое слово, от которого сохранилась начальная буква. Фрагмент был обнаружен в 19-м пласте (глубина 380—400 *см*).

Нижний слой Чебоксарского раскопа, начиная с 19-го пласта, и до материка, на основании комплекса находок должен датироваться XIV — самым началом XV в. Основанием для датировки служат находки обломков привозных поливных сосудов с синей и бирюзовой поливкой на кашинной основе, весьма характерных для городов Поволжья золотоордынского времени и неизвестных в домонгольских слоях [22], обломков изразцов с голубой поливой на серой и розовато-серой основе, также привозных, в Болгарах известных преимущественно в поздних слоях золотоордынского времени [23].

---

[22] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 134.

[23] Верхняя дата таких изразцов может быть установлена по находкам их в раскопе у Ханской усыпальницы в Болгарах в слое, отложившемся между 1361 и 1431 гг. (Раскопки Болгарского отряда Поволжской экспедиции, 1968 г.).

В этих же пластах найдены цилиндрические висячие замки и ключи от них, принадлежащие к тем типам, которые были широко распространены в Европе, в том числе на Руси и в Волжской Болгарии, в XIII — начале XV в.[24] Здесь же встречено определенное количество типичной болгарской посуды желтого, красного, серого и коричневого цветов, по составу теста, характеру обжига, орнаментации и лощению находящие аналогии преимущественно в керамике золотоордынской эпохи. Для датировки нижних слоев Чебоксарского раскопа может быть привлечено бронзовое зеркало, найденное выше в перекопе, по размеру и стилистическим признакам аналогичное бронзовым зеркалам золотоордынского времени, хорошо известным по раскопкам в городах Волжской Болгарии. Время их бытования может быть ограничено XIV в. В более поздних слоях поволжских городов эпохи Казанского ханства такие зеркала неизвестны [25].

Стратиграфическое положение рассмотренного выше обломка сосуда с буквой в верхней части нижнего слоя Чебоксарского раскопа позволяет датировать его рубежом XIV—XV вв. или самым началом XV в. Сама буква, процарапанная на нем, не имеет каких-либо палеографических особенностей, указывающих на дату. Ее начертание (прямая мачта, довольно длинная и несколько изогнутая верхняя косая линия, соединение верхней и нижней косых линий у мачты) довольно обычно. Следует отметить, что подобное начертание буквы «К» встречается и в русских рукописях XIV—XV вв., в частности в новгородских берестяных грамотах [26].

Рассмотренные находки интересны не только как ранние образцы русской письменности, обнаруженные при археологических раскопках в Среднем Повольжье. Вместе с другими материалами из раскопок 1969 г. они убедительно свидетельствуют о том, что уже с начала XV в., когда территория Чувашии входила еще в состав Казанского ханства, в Чебоксарах имелось русское население [27]. Появление русских поселенцев в этом отдаленном пункте Среднего Поволжья отнюдь не удивительно в свете сложившейся в XIV—XVI вв. исторической ситуации. Еще в XIII—XIV вв. после основания Нижнего Новгорода русские поселения стали появляться в бассейне р. Суры, в непосредственной близости от чувашских земель. В 1372 г. на Суре был основан город Курмыш. На протяжении XIV и XV вв. русские войска во время походов на Болгары, Казань и другие поволжские города неоднократно проходили по территории Чувашии, не встречая сопротивления. Первое упоминание о Чебоксарах в письменных источниках, относящееся к 1469 г., связано именно с походом русских на Казань и остановкой войска, плывшего по Волге, «на Чебоксаре». После основания в 1523 г. Васильсурска русское влияние на западные районы Чувашии усилилось. Возможно, уже в это время западная Чувашия была временно присоединена к России [28]. Можно предполагать, что появление русских поселенцев в Чувашии, в частности в Чебоксарах, сыграло немаловажную роль в мирном присоединении чувашских земель к России, которое произошло в 1546 г.

---

[24] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 118; Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 82, 86, рис. 65, 70.

[25] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 116—117.

[26] Например, грамоты №№ 383, 385, 389 (А. В. Арциховский. Новые берестяные грамоты. СА, 1962, 2, рис. 2, 4, 5) и № 420; его же. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., СА, 1965, 3, рис. 6).

[27] Интересно отметить, что при раскопках в Чебоксарах найдены остатки лаптей XIV—XV вв., различных по способу плетения. По этнографическим данным, часть их характерна для русских, часть — для чуваш.

[28] История Чувашской АССР, 1, стр. 55—60.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ФРАГМЕНТОВ БЕРЕСТЫ ИЗ РАСКОПОК В ЧЕБОКСАРАХ

На двух фрагментах бересты из раскопок Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР в г. Чебоксары прорезаны надпись БЕРОЗОВОИ, а также орнамент в виде заставки с растительным наполнением и рисунков отдельных листьев.

И надпись, и украшение выполнены уверенной рукой человека, владевшего приемами письма полууставом и хорошо знакомого с русскими рукописными книгами (украшения бересты подражают книжным заставкам). Кроме того, на поверхности бересты можно различить несколько отдельных букв, не составляющих целые слова.

По общему характеру почерка — четкость полууставных начертаний, сочетание в мачтах и перекладинах букв строго прямых линий с округлыми, стремлению к некоторому изяществу форм — надпись БЕРОЗОВОИ следует отнести к XVI в.[1] Анализ же начертаний каждой из букв показывает следующее.

1. Буква «Б» — искусного рисунка, со строго вертикальной удлиненной мачтой, короткой крышей и опущенным плечом, с большой, манерно изогнутой в виде трапеции с округлым основанием петлей — близка к определенному виду простых заглавных и некоторых строчных букв в полууставном письме рукописей первой четверти XVI в.[2]

2. Буква «Е» по своему начертанию принадлежит к тому же типу полуустава, что и буква «Б». Несколько вытянутая по вертикали, с изящно изогнутой спинкой и опущенным вниз удлиненным язычком, эта буква аналогична начертаниям книжного письма той же первой четверти XVI в.[3]

3. Буква «Р» — простого рисунка, с округлой мачтой-спинкой и угловатой петлей, не противоречит основным начертаниям, встречающимся в рукописных книгах первой четверти XVI в.[4]

4. Буква «О» — узкой удлиненной формы — характерна для почерков первой половины XVI в.[5] Две другие формы «О» («О — широкое») встречаются в рукописях как XVI, так и XVII в.

5. Начертание следующей буквы, обозначающей звук «з» и являющейся здесь, по-видимому, буквой «земля», имеет вид открытой вправо ломаной петли с отходящим от нее вертикально вниз хвостом. Подобный рисунок этой буквы встречается, хотя и не часто, в почерках первой четверти XVI в.[6]

6. Буква «В» трапециевидной формы бытует в русских полууставных почерках в течение всего XVI в.

7. Буква «И» просматривается на бересте плохо, и поэтому говорить о датирующих особенностях ее формы не представляется возможным.

Таким образом, начертания основных букв надписи БЕРОЗОВОИ имеют аналогии в письме русских книг первой четверти XVI в. При этом следует заметить, что чаще всего такие аналогии встречаются в заглавиях книг или в послесловиях, написанных писцами более бегло, чем самый текст. Исходя из вышесказанного, рассматриваемую надпись на бересте можно определить как полууставное письмо первой четверти XVI в. Этой дате не противоречит и орнамент, украшающий бересту. Изображение заставки-рамки с включенными в нее растительными мотивами (в частности, подражанием византийскому вьюнку) указывает также на первую четверть XVI в.

Л. М. Костюхина, М. В. Щепкина

---

[1] В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 133.

[2] ГИМ, Син. 185—1°, 1504 г., лл. 32, 231 об. и др.; Син. 765—4°, 1518 г., л. 15 и др.; Чуд. 142—4°, 1521 г., л. 304 и др. Дата рукописи дается в ссылках только один один раз, при первом упоминании.

[3] ГИМ. Син. 185—1°, лл. 189, об., 231 и др.; Чуд. 142—4°, лл. 303 об. и др.; Чуд. 207—4°, 1501 г., лл. 20 об. и др.

[4] ГИМ. Син. 185—1°; Чуд. 142—4°, Чуд. 180—1°, 1512 г., лл. 413 и др.; Син. 261—1°, 1512 г., лл. 234 и др.; Син. 755—4°, 1517 лл. 280 и др.

[5] Особое сходство можно отметить с начертаниями этой буквы в киноварных заглавиях рукописи Спн. 185—1° на лл. 52 и др.

[6] Чуд. 207—4°, л. 473; Син. 765—4°, л. л. 23 об., 27 и др.; Чуд. 142—4°, л. 391.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О НАДПИСИ НА КУСКЕ КОЖИ ИЗ РАСКОПОК ЧЕБОКСАРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА АН СССР 1969 г.

На куске кожи, обнаруженном при раскопках 1-го Чувашского отряда Чебоксарской экспедиции ИА АН СССР в г. Чебоксары во дворе школы № 15 (штык 11, кв. 9) имеются буквы М И К. Хотя над первыми двумя знаками титла нет, можно допустить, что они представляют собой знаки буквенной цифири «мыслете» и «иже», обозначающие число 58. Третья буква — «како», возможно, является начальной буквой слова «кож». Палеографические особенности надписи не противоречат ее отнесению к XVII в.

В. Д. Дмитриев

А. В. ЦИРКИН

НИЖНЕБОРКОВСКИЙ КЛАД

Изучение истории земледелия древней мордвы имеет большой научный и практический интерес, особенно в связи с возникновением и развитием феодальных отношений. Систематическое изучение земледельческих орудий и культурных злаков дает возможность установить время, место и условия появления земледелия и начало его отделения от ремесла.

Русские археологи XIX и начала XX в. уделяли мало внимания хозяйству мордвы, и в частности земледелию. Между тем летопись отмечает, что у мордвы были свои тверди (городки), жито, скот, которые сильно пострадали во время походов владимирских князей в 1228 г.[1] В последние годы накопился значительный материал, позволяющий ставить вопросы хозяйственной деятельности древних мордовских племен [2].

Важнейшим источником по изучению земледелия древней мордвы бесспорно являются земледельческие орудия. За последние годы благодаря широким археологическим работам, предпринятым научными учреждениями Мордовии (Мордовский университет, МНИИЯЛИЭ, республиканский музей), стали известны несколько интересных находок земледельческих орудий, к числу которых несомненно принадлежит Нижнеборковский клад.

Клад найден в мае 1968 г. на небольшой незатопляемой возвышенности вблизи луговой дороги, в 300 *м* к северо-западу от села Нижние Борки Темниковского района Мордовской АССР (рис. 1). Лемехом плуга были постепенно выпаханы четыре сошника, один серп, тесло, долото, скобель, сверло, пять стрел и скоба-накладка. Все эти вещи поступили к жителю села студенту-историку Сыркину Н. И., а затем в археологический музей Мордовского университета. Для удобства изложения мы будем давать описание сошников в порядке их нумерации.

Сошник 1, железный, тупоносый, длина 250 *мм*, диаметр втулки 50 *мм*, ширина рабочей части 45 *мм*. Имел две щечки для насадки на развилку сохи. Соотношение длины втулки к рабочей части 1,3 : 1,2. Сошник выкован из железной пластинки толщиной 10 *мм*. Рабочий край сохранил следы износа. Вес сошника 800 *г* (рис. 2, *1*).

---

[1] ПСРЛ, I, 2. Суздальская летопись. Л., 1927, стр. 451. «Великий князь Юрий... вшедь в землю мордовскую, Пургасову волость, пожгаша, жито потравиша, и скот избиша, полон послаша назад, а мордва вбегаша в свои тверди».

[2] П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии древней мордвы. СЭ, 1952, 3, стр. 181 и далее. См. также сб.: «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965 (статьи А. П. Смирнова, А. Е. Алиховой, М. Р. Полесских, А. В. Циркина и др.).

Сошник 2, железный, тупоносый, длина 250 *мм*, диаметр втулки 85 *мм*, ширина рабочей части 54 *мм*. Имел две щечки для насадки. Соотношение длины втулки к длине рабочей части 1,3 : 1,2. Сошник изготовлен целиком из одной железной пластинки толщиной 6 *мм*, имеет следы износа. Вес 800 *г* (рис. 2, *2*). По своей форме и конструкции сошники такого типа встречаются в материалах древнерусской деревни, и в частности в могильнике Большая Брембола Владимирской области, где они датируются культурными слоями XII в.[3] На территории расселения древней мордвы

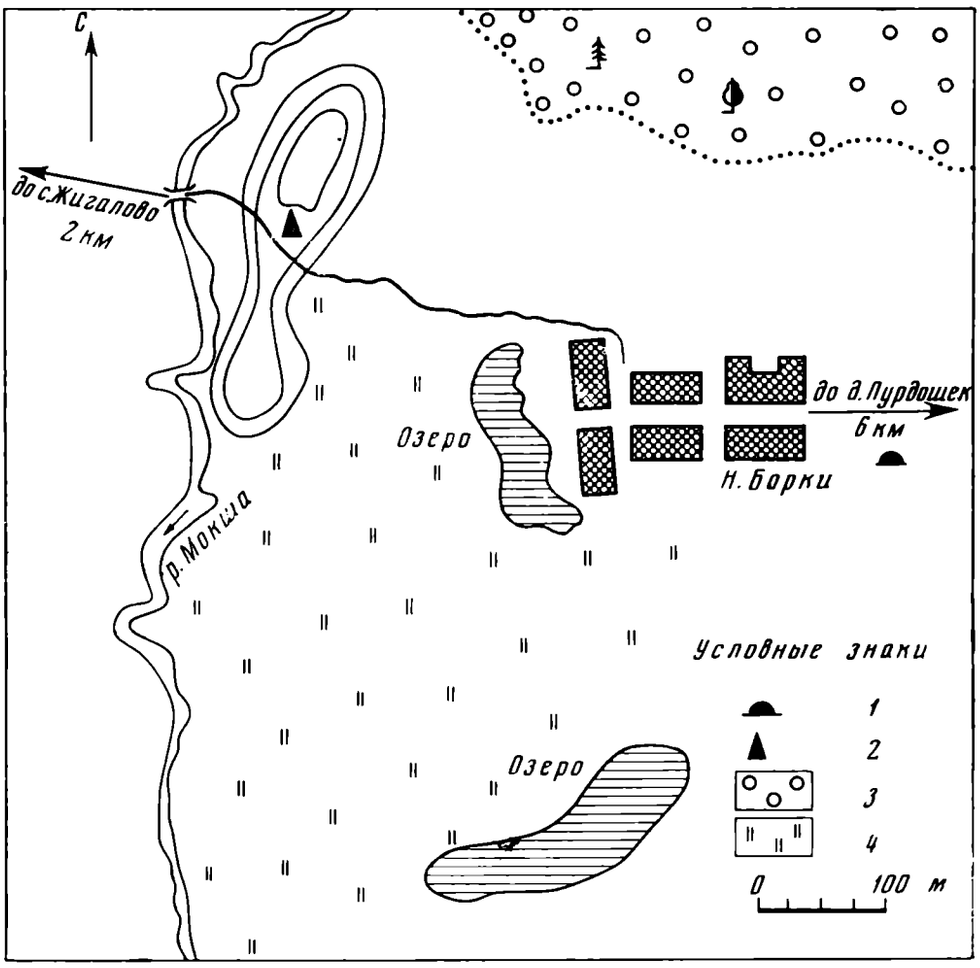


Рис. 1. Местоположение клада
1 — кладбище, *2* — клад, *3* — лес, *4* — луга

аналогичной формы сошник найден у села Паньжа Ковылкинского района Мордовской АССР в слоях XIII в.[4]

Сошник 3, железный, остроносый, длина 315 *мм*, диаметр втулки 74 *мм*, ширина рабочей части 54 *мм*. Имеются две щечки для насадки. Соотношение длины насадочной втулки к длине рабочего края сошника 1,4 : 1,7. Вес. 1300 *г*. Изготовлен целиком из одного куска кричного железа, вытянутого в пластину толщиной 10 *мм*. Рабочие края не сохранили следов заточки. Видимо, сошник не был в употреблении.

Сошник 4, железный, остроносый, длина 325 *мм*, диаметр втулки 75 *мм*, ширина рабочей части 80 *мм*. Соотношение длины втулки к рабочей части сошника 1,3 : 1,9. Изготовлен целиком из одного куска кричного железа, вытянутого в пластину толщиной 10 *мм*. Рабочие края не имели следов заточки; следовательно, сошник не был в употреблении. Вес сошника 1500 *г* (рис. 2, *4*). По форме и конструкции подобен сошникам, най-

---

[3] В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 32. М., 1958, рис. 5, *4*.

[4] М. Ф. Жиганов. Хозяйство мордвы в XIII—XIV вв. Автореф. канд. дис. М., 1955.

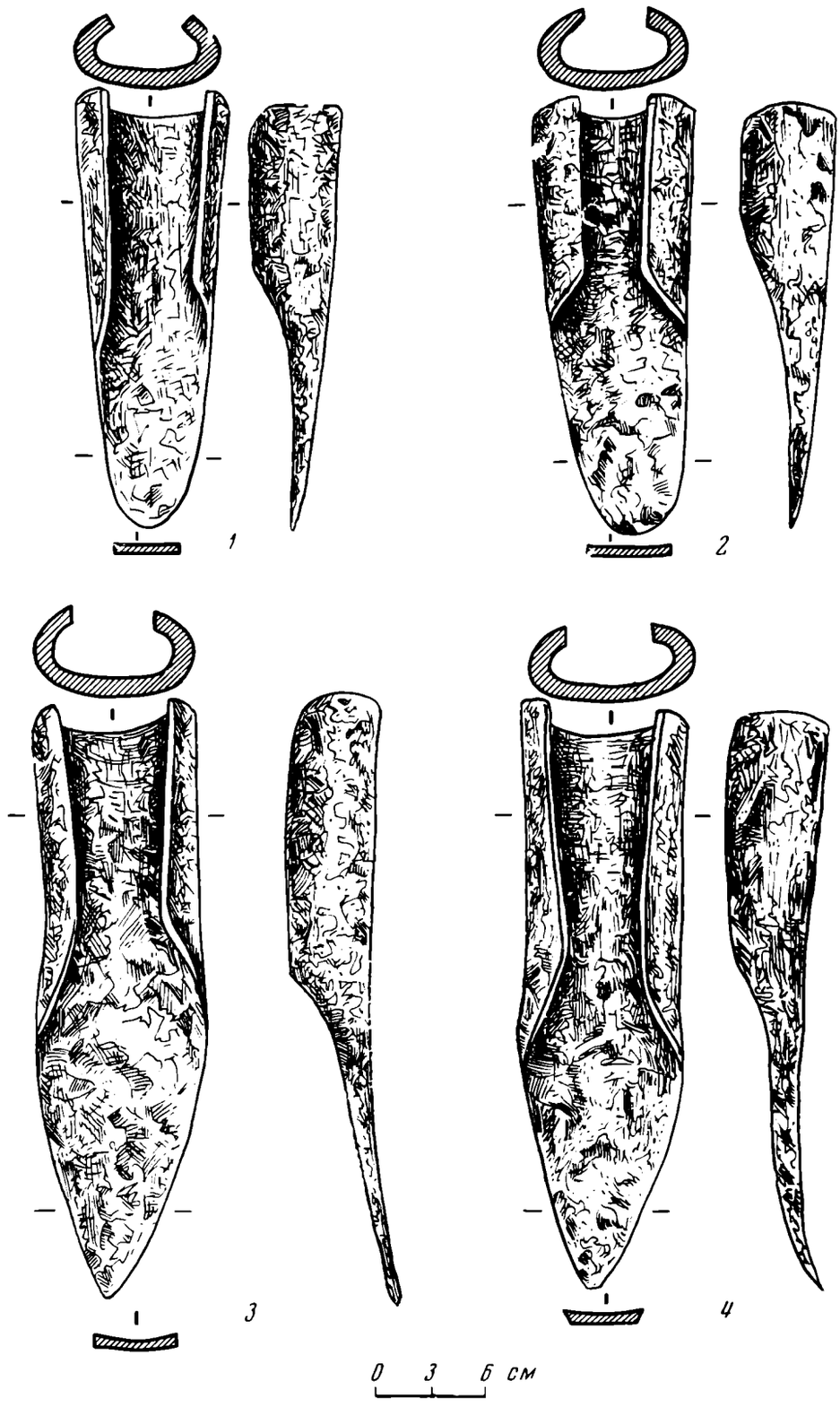


Рис. 2. Сошники из клада

денным в бывшем Коломенском уезде Московской области [5]. На территории расселения Мордовии такие сошники обнаружены впервые.

Два последних сошника имеют одинаковые параметры, явно выраженную асимметричность, сильно заостренные носы, круглую в поперечном разрезе трубицу и относительно большую ширину. Эти данные, вероятно, косвенно указывают на бытование в XII—XIII вв. у мордвы двухлемешных сох с близко насаженными сошниками. Преимущества нового вида сохи по сравнению со старыми были бесспорны. Старая соха, имевшая крутонасаженный сошник, только рыхлила почву, новая соха с двумя

[5] В. П. Левашова. Ук. соч., стр. 36, рис. 8, 2.

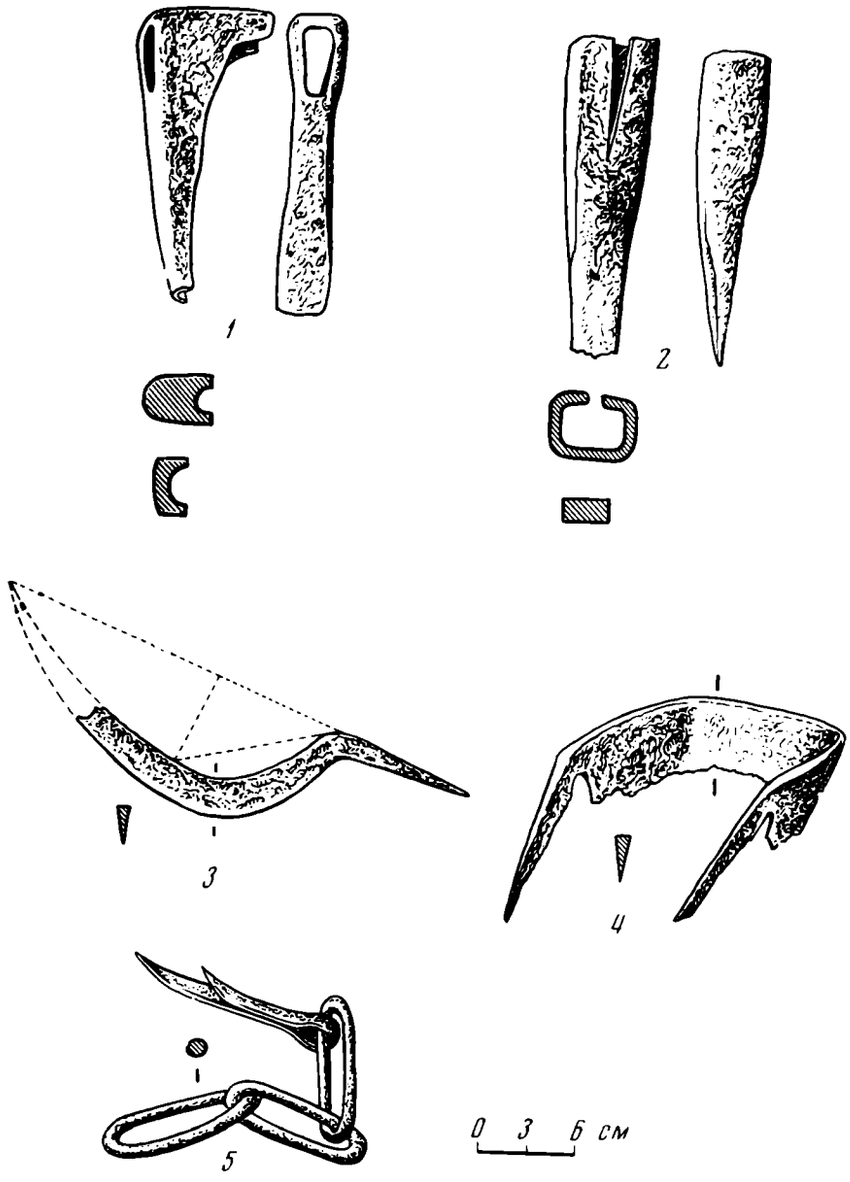


Рис. 3. Орудия труда:
1 — тесло; *2* — долото; *3* — серп; *4* — скобель; *5* — скоба-накладка

сошниками давала желобчатую бороздку шириной около 18 *см*. Если дать сохе некоторый наклон в сторону, то один из сошников будет срезать пласт земли горизонтально, а другой — подрезать его сбоку [6]. Это облегчало отрез пласта и значительно повышало производительность сохи.

Кроме сошников в Нижнеборковском кладе был найден серп. Находки серпов в мордовских могильниках — явление довольно частое. Как правило, серпы встречаются в женских погребениях. Серп из клада сохранился не полностью. Длина дошедшей до нас части серпа вместе с рукояткой составляла 200 *мм*, ширина лезвия клинка 20 *мм*, толщина тыльной части клинка 3 *мм*. Крутизна изгиба лезвия в начальной части серпа составляет 45°. Лезвие имело небольшие зубчики. Серп изготовлен из железного клинка с наваренным стальным лезвием [7] (рис. 3, *3*). Вес 100 *г*. Аналогичные по форме серпы имели широкое распространение в курганах Московской области, где они датируются культурными слоями XII—XIII вв.[8] На территории Мордовии подобные серпы встречены

[6] Там же, стр. 36.

[7] Металлографический анализ серпов из Кержимановского клада показал, что подобная технология была широко распространенной в XIII—XIV вв.

[8] В. П. Левашова. Ук. соч., рис. 15, *8*.

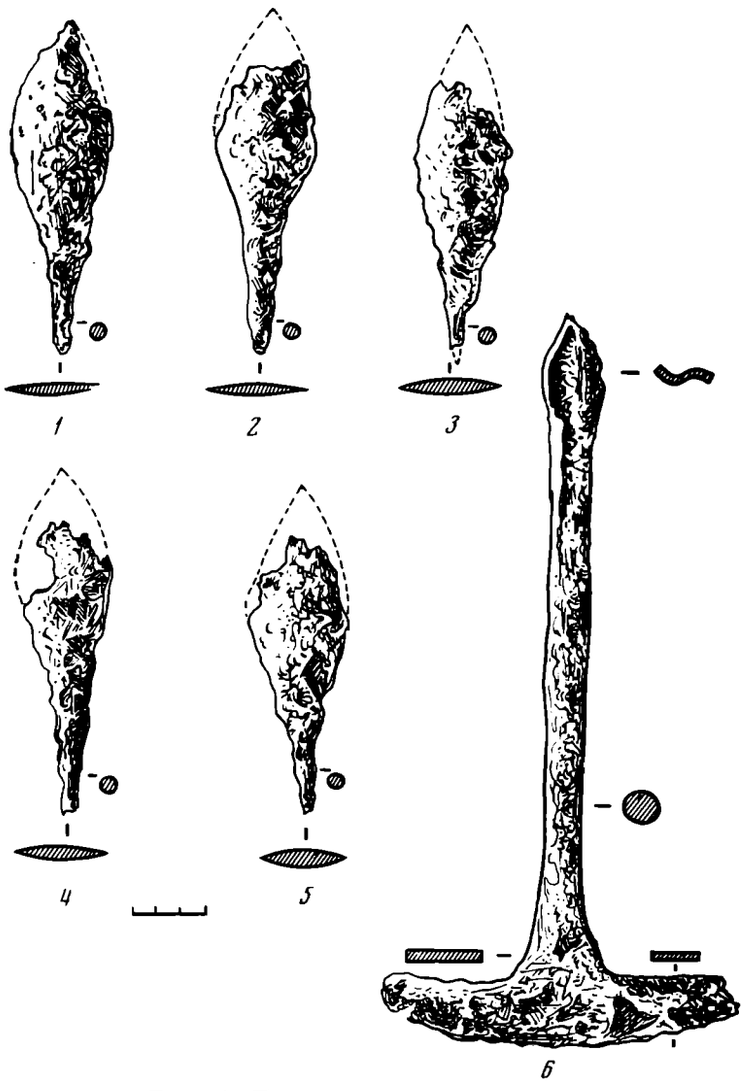


Рис. 4. Другие вещи из клада:
1—5 — наконечники стрел; *6* — сверло

в Кержимановском кладе [9], в Кельгининском могильнике [10] IX—XIII вв. и других памятниках междуречья Оки и Волги.

Нижнеборковский клад содержал не только земледельческие орудия. В нем находились принадлежности ремесленника: тесло, долото, скобель и сверло.

Т е с л о. Железное, длина 70 *мм*, ширина рабочей части 35 *мм*, длина обуха 80 *мм*, ширина обуха 35 *мм*, диаметр проуха 40 *мм*. Нижний конец тесла имел выгнутую рабочую часть (рис. 3, *1*). Аналогичной формы тесла в памятниках мордвы рубежа I и II тысячелетий н. э. найти, к сожалению, не удалось. И тем не менее нельзя не заметить, что подобная конструкция продолжала эволюцию тесел, встречаемых на древнерусских памятниках. Подобное тесло найдено на городище «Княжья гора» [11].

Д о л о т о. Четырехгранного сечения, с лезвием на одном конце и втулкой на другом. Общая длина 190 *мм*, длина втулки 115 *мм*, ширина рабочей части 34 *мм*, диаметр втулки 40 *мм*. Форма долота приближается к современной. Рабочий край сохранил следы заточки. Вес 600 *г* (рис. 3, *2*). Подобной формы долота встречаются в мордовских древностях часто. В качестве ближайшей аналогии можно указать на долота из Лядинского и Шокшинского могильников [12]. Широкое распространение они имели в славянских древностях [13].

С к о б е л ь. Железный, двуручный. Радиус дуги около 120 *мм*, ширина лезвия 46 *мм*, толщина спинки 3 *мм*, длина лезвия по окружности 180—190 *мм*. Вес 200 *г* (рис. 3, *4*).

Аналогичной формы скобели встречаются довольно широко, и в частности известны в славянских древностях. Ближайшим пунктом, где найден подобный инструмент, является Вятический курган под Москвой [14]. На территории расселения мордвы подобных находок пока не зарегистрировано.

С в е р л о. Железное, с расплющенной ручкой и отломанным концом. Длина 160 *мм*, диаметр стержня 7 *мм*, ширина сверла 11 *мм*, длина ручки 76 *мм*, ширина ручки 12 *мм*. Вес 120 *г* (рис. 4, *6*). Похожие сверла найдены

[9] А. В. Циркин. Кержимановский клад. СА, 1969, 1.
[10] А. В. Циркин. Кельгининский могильник. Тр. МНИИЯМИЭ, 34. Саранск, 1968, стр. 256.
[11] Б. А. Колчин. Черная металлургия в Древней Руси. МИА, 32, 1953, стр. 112, рис. 74.
[12] А. В. Циркин. Отчет о раскопках Шокшинского могильника в 1967 году. Архив ИА АН СССР.
[13] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 109, рис. 71.
[14] А. В. Арциховский. Царицынские курганы. МИА, 7, 1952, стр. 79, рис. 1.

в Новгороде [15]. В мордовских древностях находки таких орудий нам пока неизвестны.

В кладе находились пять железных черешковых стрел листовидной формы. Длина стрел колебалась от 80 до 70 *мм*, ширина — от 20 до 18 *мм*. Соотношение пера к черешковой части стрелы 2 : 1. В разрезе все стрелы имеют линзовидную форму. Ни у одной стрелы не было бортика, отделяющего наконечник от черешка (рис. 4, *1—5*). Подобные стрелы имели довольно широкий ареал и хронологический диапазон. Они встречались у мордвы в VII в., например в материалах Борковского могильника [16], а также в памятниках XII—XIII в.[17]

Кроме вышеперечисленных вещей в Нижнеборковском кладе встречена железная скоба-накладка (рис. 3, *5*).

По времени клад, с учетом приведенных выше аналогий, не вызывает больших затруднений и может быть отнесен к XII—XIII вв.

[15] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 113, рис. 76.

[16] А. А. Спицин. Древности бассейна рек Оки и Камы, МАР, 25, СПб., 1901, табл. XX, *5*.

[17] А. В. Циркин. Кельгининский могильник (раскопки 1966 г.). Тр. МНИИЯЛИЭ, 34, стр. 259, рис. 3, *8*.

Л. Л. ГАЛКИН

КАШИННЫЙ КУВШИН ИЗ СЕЛИТРЕНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1968 г. Селитренским отрядом Поволжской экспедиции при раскопках землянки на Селитренском городище золотоордынского города Сарая были обнаружены фрагменты кашинного сосуда. Землянка была перекрыта слоем отходов производства керамической мастерской конца XIV в.

Фрагменты сосуда были сосредоточены в юго-восточной части землянки на уровне ее первого пола, видимо, относящегося к середине XIV в. Сосуд был реставрирован. Он представляет собой кувшин с шаровидным туловом и высоким расширяющимся раструбом горлом (рис. 1, 2). Ручка сосуда начинается от середины его покатого плеча, затем идет вертикально вверх и, плавно закругляясь, крепится под краем горла. Поддон не сохранился, но судя по имеющимся аналогиям, был кольцевидным [1]. Общая высота кувшина 22 *см*, наибольшая ширина 16 *см*, высота горла 9,8 *см*, толщина стенок 0,5—0,7 *см*. Кашинная масса, из которой изготовлен сосуд, имеет тонкую однородную структуру и белую равномерную окраску по всей толщине черепка.

Формовка сосудов из кашинной массы производилась в специальных формах. Несколько алебастровых форм, служивших для этой цели, было найдено в слое с отходами производства керамической мастерской, о которой говорилось выше. Среди них и форма для выделки высокогорлых кувшинов (рис. 3, *2*).

На внутренней стороне кувшина видны следы обработки ее на гончарном круге. По-видимому, способ производства кашинной керамики с помощью формовки с последующей обработкой внутренней части сосудов на гончарном круге имел широкое распространение и принесен в Сарай пришедшими сюда мастерами. Следует отметить, что находка подобных форм не была известна до сих пор на территории Советского Союза.

Форма сосуда имеет глубокую традицию в искусстве Востока и может быть прослежен в изделиях из металла, стекла и керамики XI—XVI вв.[2] Не менее традиционным было и использование таких сосу-

[1] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 282, рис. 183, *10*.

[2] Б. Веймарн, Г. Каптерева, А. Подольский. Искусство Арабских народов. М., 1960, рис. 37; М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг., рис. 8. «Полевые ис-

дов. Судя по стенной росписи из Саммары, относящейся к IX в., в подобных кувшинах подавали вино [3].

Как свидетельствуют письменные источники, в Золотой Орде хмельные напитки употреблялись мусульманами. «Они Кипчаки ханифийского толку, и опъяняющий напиток у них дозволен»,— пишет Ибн Батута, посетивший г. Сарай в 1333 г. Таким напитком был кумыс [4]. Монгольский обычай пить кумыс был введен в Египте современником хана Берке (1256—1266) султаном Бейбарсом (1260—1277) [5].

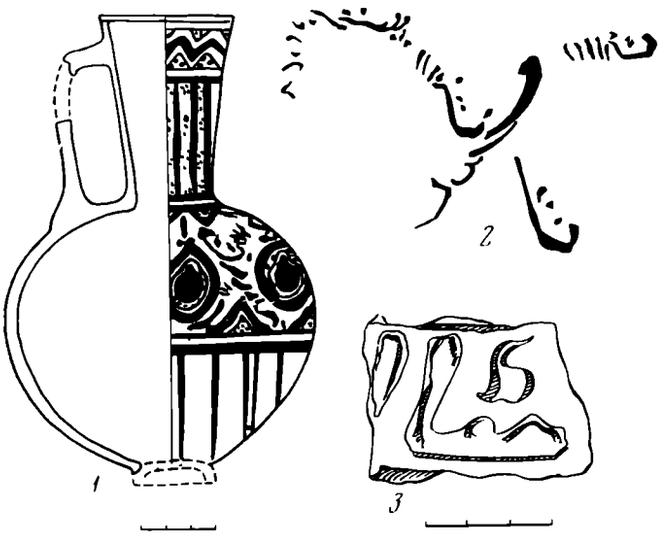


Рис. 2

1 — графическая реставрация сосуда; *2* — прорись «надписи» на кувшине; *3* — фрагмент алебастровой формы для оттиска благопожелания

Найденный нами кувшин покрыт прозрачной свинцовой поливой с двуцветной подглазурной росписью и по типу может быть отнесен к группе I по классификации, предложенной Н. М. Булатовым [6].

Горло опоясывает синяя ломаная линия, ограниченная с двух сторон горизонтальными полосами. Сверху и снизу в углы зигзага вписаны темно-зеленые треугольники с точками. Ниже этого декоративного пояса горло делится девятью вертикальными синими линиями с группами темно-зеленых точек между ними. Внизу горло окантовано двумя синими линиями. Нижняя половина тулова украшена вертикальными синими полосами, спускающимися к поддону. Они ограничены сверху широкой синей линией.

Основную нагрузку в декорировке несут плечи сосуда и верхняя половина тулова. Если смотреть сверху, то в плане мы увидим у основания горла синюю пятиконечную звезду. На плечах сосуда и ниже нанесены большие синие медальоны с растительным узором. Медальоны являются почти обязательным украшением сосудов подобной формы [7]. По белому полю вокруг медальонов и между лучами звезды нанесена орнаментальная «надпись», которая яляется нечитаемым подражанием благопожеланию, обычному на аналогичного рода парадной посуде [8]. Одним из примеров использования благожелательного слова как своеобразного штампа служит короткое выражение, которое некоторыми исследователями читается как «успех» [9] (рис. 3, *1*). Оно широко используется золотоордынскими керамистами Поволжья и Хорезма в XIV в. [10]

следования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.», М., 1963; Gaston Migeon. Manuel d'art musulman. Paris, 1927, 2, стр. 236, рис. 55, стр. 240; V. рис. 636 A, 645, 684, 717; SPA. VI. London — New York, 1939; рис. 1442 B, рис. 1447; The Art Quarterly. Autumn 1968, XXXI, 3, стр. 320, рис. 3.

[3] Б. Веймарн и др. Ук. соч., рис. 20.

[4] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I. СПб., 1884, стр. 300.

[5] Амин-аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой. М., 1962, стр. 23.

[6] Н. М. Булатов. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. СА, 1968, 4, стр. 99—101, табл. 2.

[7] См. сноску 2; Т. А. Измайлова. Керамика из раскопок в Анберде. Тр. ОИКИВ ГЭ, IV, Л., 1947, рис. 1.

[8] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967.

[9] А. Л. Монгайт. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого. КСИИМК, XIX, 1948, стр. 70—73, рис. 26—28; А. Ф. Медведев. Поливная керамика из Новгорода. МИА, 117, 1963, рис. 1, *4*.

[10] А. Л. Монгайт. Ук. соч.; А. Ф. Медведев, Ук. соч.; Р. М. Булатов. Классификация поливной керамики золотоордынских городов нижнего Поволжья и Север-

Рис. 1. Кашинный кувшин из Селитренного городища после реставрации

В слое с отходами керамического производства были найдены фрагменты сосудов (кашинных и красноглиняных) с эпиграфическим поясом, оформленным в виде многократного повторения этого слова. В этом же слое была найдена часть алебастровой формы для оттиска данной формулы на рельефных кашинных сосудах. К сожалению, приходится отметить, что эпиграфика Золотой Орды изучена очень слабо, хотя к настоящему времени имеется сравнительно богатый материал.

Очень близкую аналогию нашему сосуду, если не по форме, то по датировке и технике исполнения, мы видим в кувшине, найденном на ремесленно-земледельческом поселении близ урочища Уйгарак на территории джучидской «Кок-Орды» [11]. Кстати, на развалинах этого поселения найден бронзовый перстень, близкий перстню с Селитренского городища [12]. Возможно, что указанный пункт был одним из многих ремесленных поселений и городов Кок-орды, Хорезма, Кавказа и других мест, откуда прибывали мастера-ремесленники в Сарай Богохранимый.

Наш кувшин, хотя и уступает во многом по тщательности изготовления и росписи иранским и другим ближневосточным сосудам, тем не менее не лишен вкуса. Надо думать, что подобная нарядная керамика пользовалась большим спросом у многочисленных гостей Сарая, в том числе у русских купцов и послов из Новгорода, Москвы, Рязани и т. д. [13] Несомненно, она украшала дома и самих золотоордынцев.

Рис. 3

1 — красноглиняная керамика из Селитренского городища с повторяющимся благопожеланием; *2* — часть алебастровой формы для выделки кашинных кувшинов

Обычай украшать интерьер жилища нарядной дорогой посудой отмечается на востоке со средневековья до наших дней [14]. В Хорезме в XII—XIV вв. строились специальные сооружения, служившие, как предполагают, для размещения в них декоративной посуды. Эти, обычно сырцовые, постройки состоят из стен с многочисленными нишами-ячейками, в которые устанавливалась посуда. Эти строения известны в науке как «каптар-хана» —

ного Кавказа. Канд. дис., М., 1969, рис. 1, альбом; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма — IX—XVII вв., рис. 35, 45; рис. 36, 21. Тр. ХЭ, IV, М., 1959.

[11] С. П. Толстов. Ук. соч.; Г. А. Федоров-Давыдов. Аноним Искандера и термин «Ак-орда» и «Кок-орда». Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 224—230.

[12] Л. Л. Галкин. Перстни селитренского городища. В печати.

[13] А. Л. Монгайт. Ук. соч.; А. Ф. Медведев. Ук. соч.

[14] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.— Л., 1949, стр. 19, рис. 4: см. ниже сноски 16, 17, 18: Б. А. Куфтин. Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М., 1925, стр. 44.

голубятня [15]. С. П. Толстов, высказавший приведенное выше предположение о назначении подобных сооружений, подкрепляет его ссылкой на Ибн-Батуту, который видел выставку различной посуды в богатом доме казия в Ургенче [16]. Указанный обычай украшать стены нарядной посудой существовал довольно широко в мусульманском мире. Он известен в восточноафриканских торговых городах XIII—XIV вв., где декоративную посуду рядами вмазывали в стены [17]. Ниши в стенах домов для хранения парадной посуды известны в средневековых мусульманских городах Сомали [18].

Вполне возможно, что в таких богатых поволжских городах, как Сарай, где обнаружено обилие парадной столовой посуды, «выставка» ее составляла предмет гордости состоятельного золотоордынца.

[15] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 258—260, рис. 164; недавние археологические исследования «Каптар-Хана» в Мерве говорят о том, что здесь эти сооружения служили помещениями для сушки и хранения дынь, винограда и других бахчевых и садовых культур; Т. Асилов, С. Б. Лунина. К вопросу о назначении средневековых зданий типа «Каптар-Хана». Тр. ЮТАКЭ, XIV, Ашхабад, 1969, стр. 206—215. Возможно, этим целям они служили в Хорезме (Л. Г.).

[16] С. П. Толстов. Ук. соч.

[17] N. Chittik. Kilum; A. Preliminary Report. Табл. XI*a*. Azania. Journal of the British Institute of History and Archaeology in East Africa. 1. Nairobi — 1966. Приношу глубокую благодарность Б. В. Андрианову за указанную мне аналогию.

[18] A. T. Curle. The Ruined Touens of Somaliland. «Antiqaity» XI, 43. September, 1937, стр. 315—327, табл. 11.

Н. С. ШЕЛЯПИНА

НАДГРОБИЯ XIII—XIV вв. ИЗ РАСКОПОК В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Земляные и строительные работы 1963—1965 гг. на территории бывшего митрополичьего двора у Крестовой, Патриарших палат и Успенского собора затронули один из древнейших погребальных памятников Москвы.

Наиболее ранние погребения грунтового некрополя относятся к середине — второй половине XII в. Густота и многослойность захоронений свидетельствует об устойчивости погребальной традиции.

Фундаменты существующих построек и трассы коммуникаций городского хозяйства нарушили планировку кладбища, в результате чего заполнение могильных ям XIII— начала XIV вв., за редким исключением, не удалось проследить. Этот горизонт некрополя отмечен находками фрагментов гладких и орнаментированных немогильных плит. Надгробные камни были найдены в потревоженном слое. Плиты, как правило, смещены и разбиты. Топография находок дает основание предполагать, что их нужно относить к некрополю Успенского собора 1326 г. и к кладбищу, располагавшемуся вокруг храма конца XIII в., остатки которого удалось выявить в процессе раскопок.

Надгробные камни тесаны из крупных белокаменных монолитов. Все они прямоугольной формы, некоторые имеют небольшие скосы углов. Верхняя поверхность плоская либо слегка выпуклая. Строгой стандартизации в их производстве, как видно, не было. Средняя длина плит 2 *м*, ширина около 60 *см*, толщина 8—10 *см*. Толщина неорнаментированных плит второй половины XIII в. 18 *см* [1]. Фактура обработки камня близка к характеру отески белокаменных блоков кладки раннемосковских архитектурных памятников.

[1] На территории кладбища неоднократно были встречены фрагменты намогильных плит толщиной 17—19 *см*.

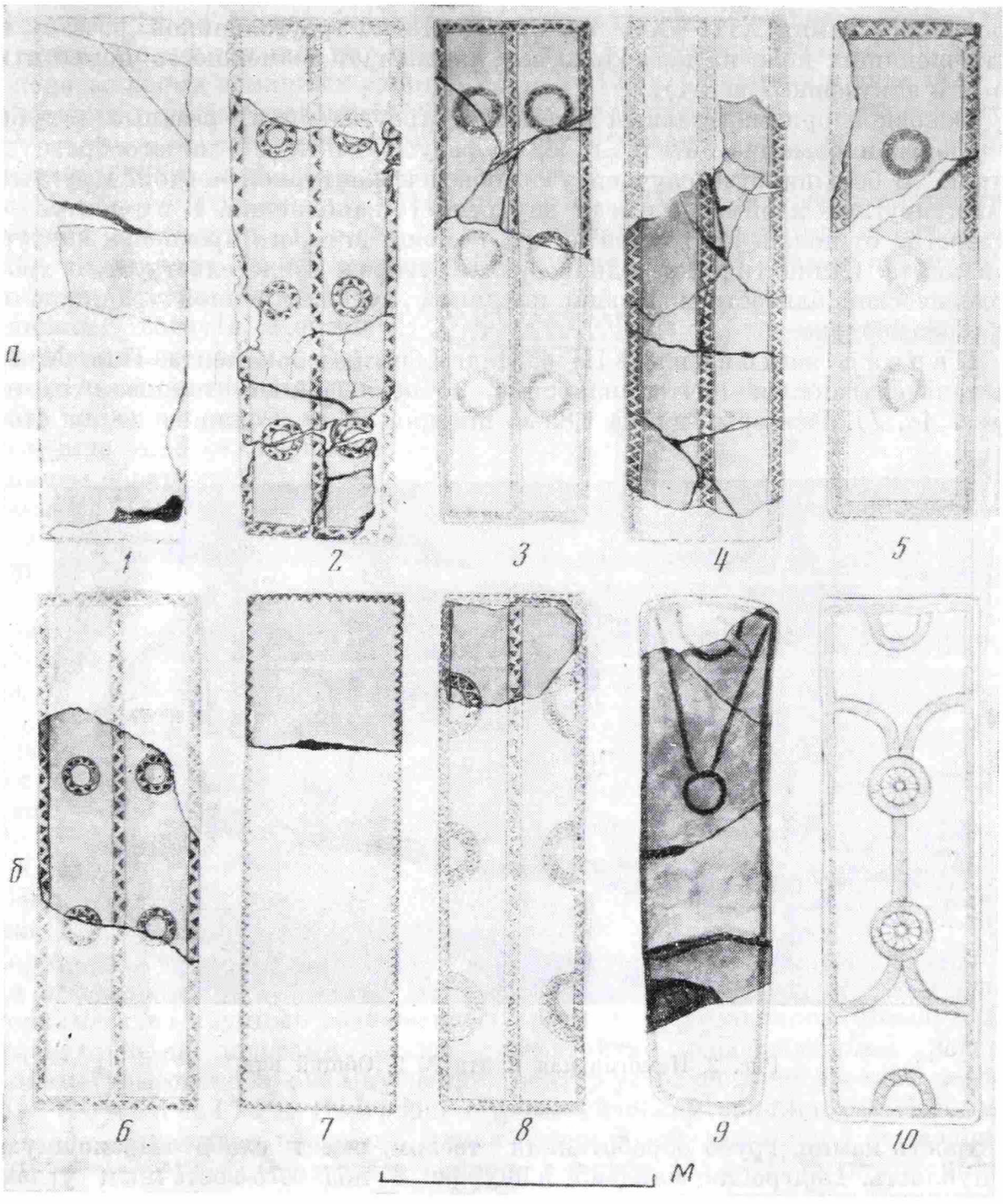


Рис. 1. Реконструкция орнаментов намогильных плит XIII—XIV вв. из раскопок в Кремле

Реконструкция основных элементов орнаментальной композиции надгробий позволила установить, что они являются исходными в декорировании белокаменных надгробных плит Москвы и Подмосковья XVI—XVII вв.[2] Хронологически и стилистически они предшествуют широко распространенным типам надгробий с надписями. Элементы декоративного оформления надгробий XV—XVII вв. выполняют роль орнаментальной рамки для мемориальной надписи. Размещение на поверхности на-

[2] Т. В. Николаева. О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника. СА, 1958, 3, стр. 170—174; е е ж е. Надгробие новгородского архиепископа Сергия. СА, 1965, 3, стр. 267; В. Б. Гиршберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. НЭ, I, М., 1960, стр. 3—61; Т. В. Николаева. Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры. НЭ, VI, М., 1966, стр. 207—241; В. Б. Гиршберг. Надписи из Георгиевского монастыря. «Археологические памятники Москвы и Подмосковья», 5, М., 1954, стр. 106—128; М. Г. Рабинович. Крепость и городок Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 284.

могильного камня XIII—XIV вв. орнамента из треугольников, розеток и тяг, членящих поле на несколько зон, исключает возможность поместить на нем эпитафию (рис. 1).

Основной орнаментальный элемент — треугольники, резаные вглубь в трехгранновыемчатой технике, образуют четкую зигзагообразную линию. В большинстве случаев узор обведен контурной чертой. Круглые и полукруглые клейма не имеют внутреннего заполнения. В их центре — отверстие от ножки инструмента, при помощи которого прочерчен контур орнамента. Стилистическое единообразие узоров свидетельствует о хронологической близости нагробий и единой художественной традиции в их орнаментике.

Первая половина XIII в. Надгробие без орнамента. Инв. № 8. Камень сохранился почти полностью, за исключением торцовой части (рис. 1*а*, *1*). Размеры: длина 1,85 *м*, ширина 60 *см*, толщина 18 *см*. По-

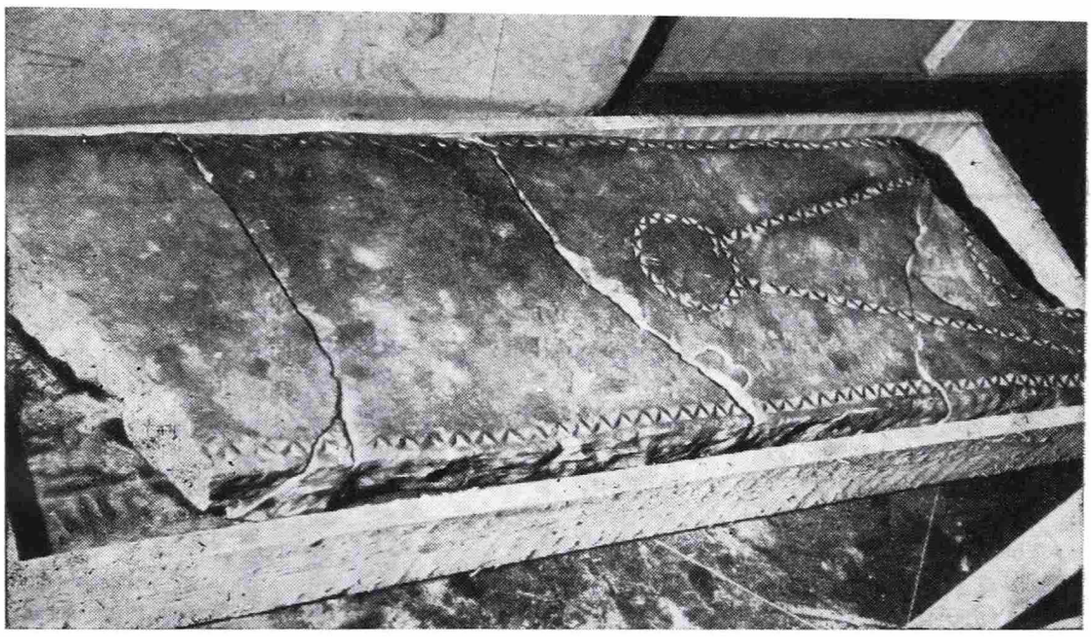


Рис. 2. Намогильная плита № 9. Общий вид

верхность камня, грубо обработанная теслом, имеет слабо выраженную выпуклость. Надгробие найдено в шурфе 8 под юго-восточным углом Крестовой палаты. Плита обнаружена в III культурном слое на глубине 5,92 *м* и ориентирована в направлении восток-запад. Надгробие перекрывало могильную яму, в заполнении которой встречено несколько черепков керамики курганного типа. Захоронение мужское, безынвентарное, с остатками кожаной могильной обуви. На отметке 141, 98 плиту перекрывал сруб 4, датированный стратиграфически серединой XIII в.

Вторая половина XIII — начала XIV в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 1. Плита разбита на несколько частей. Размеры сохранившейся части: длина 1,60 *м*, ширина 58 *см*, толщина 8 *см* (рис. 1 *а*, *2*). Поверхность гладкотесаная, боковые и нижняя плоскости грубо обработаны теслом. Надгробие найдено в шурфе № 15 у южного фасада Крестовой палаты на глубине 4,88 *м*. Камень обрамлен рамкой из врезных разреженных треугольников шириной 4,5 *см* («волчий зуб»). Такая же орнаментальная лента делит плиту надвое по продольной оси. Надгробие украшено шестью попарно расположенными розетками диаметром 15 *см*. Орнамент из треугольников расположен по их контуру.

Вторая половина XIII — начало XIV в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 2. Сохранилась часть камня, разбита на четыре куска (рис. 1*а*, *3*). Длина уцелевшей части 85 *см*, ширина 60 *см*,

толщина 10 *см*. Надгробие было найдено в шурфе 10а в переотложенном грунте. Могильная яма под плитой не прослеживается. Она была потревожена во время земляных работ XVI — XVII вв. Орнамент в виде лент из крупных глубоко врезанных треугольников и розеток с обводкой из треугольников аналогичен орнаментике вышеописанной плиты. Внутренние контуры узора окаймлены врезной чертой.

Вторая половина XIII — начало XIV в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 3. Сохранившаяся часть камня имеет длину 132 см, ширину 62 *см*, толщину 10 *см* (рис. 1*а*, *4*). Лицевая поверхность плиты слегка выпуклая, нижняя вогнута. Хорошо читаются ложчатые борозды отески камня. Надгробие найдено в шурфе 17 на глубине 4,73 *м*. Обломки плиты обнаружены в нарушенном перекопом грунте. Орнамент из крупных врезных треугольников, образующий четкую зигзагообразную линию, расположен по продольной оси камня и вдоль параллельных ей граней. Внутренние контуры орнаментальных полос ограничены врезной чертой.

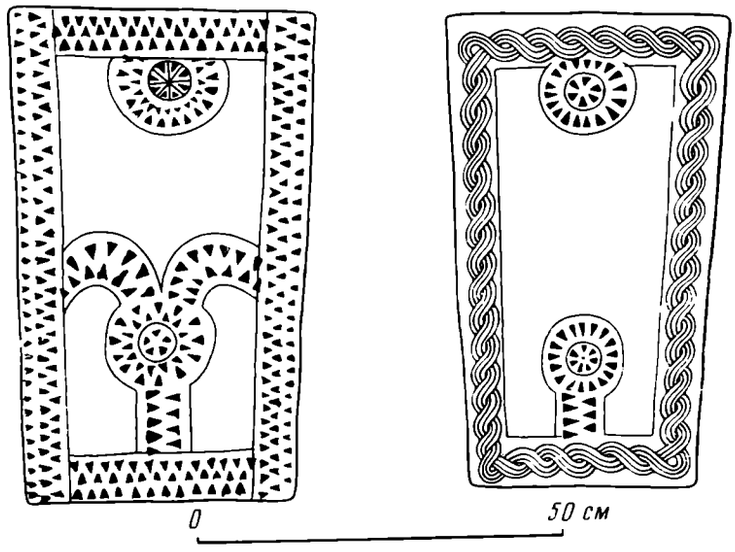


Рис. 3. Намогильные плиты из Троицкого собора города Трубчевска

Вторая половина XIII — начало XIV в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 5. Плита разбита на множество мелких частей (рис. 1,*б*, *6*). Восстановить ее размер можно лишь ориентировочно. Ширина камня 60 *см*, толщина 10 *см*. Надгробие найдено в слое строительного мусора в шурфе 23. Плиту украшает геометрический орнамент из крупных разреженных врезных треугольников. Между орнаментальными полосами четыре симметрично расположенных розетки диаметром около 15 *см*. Внутренний контур узора очерчен врезной чертой.

Конец XIII в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 4. Плита сохранилась частично, длина камня 80 *см*, ширина 55 *см*, толщина 10 *см* (рис. 1*а*, *5*). Надгробие найдено в шурфе 15а в III культурном слое. Могильная яма не прослеживается, захоронение под плитой не обнаружено. Один из углов сохранившегося торца камня скошен. Лицевая поверхность надгробия украшена орнаментом из окаймляющей ленты врезных треугольников и трех розеток, расположенных по продольной оси камня. Узор ограничен врезной чертой. Диаметр орнаментальных кругов 18 *см*.

XIII — начало XIV в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 6. Сохранилась торцовая часть плиты размером 58 × 60 × 9 *см* (рис. 1*б*, *7*). Камень найден в шурфе 10 в проездной арке церкви 12 апостолов. Орнамент из врезных треугольников расположен по контуру плиты в одну линию, образуя зубчатый край. Контур рисунка непрочерчен.

Вторая половина XIII — начало XIV в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 7. Сохранился фрагмент плиты размером 52—53 × 35 × 10 *см* (рис. 1*б*, *8*). Надгробие найдено в раскопе II у западного фасада Успенского собора в забутовке белокаменной кладки 80—90-х годов XIV в.

По продольной оси камня проходит орнаментальная полоса из хаотически расположенных врезных треугольников. Контуры ее очерчены неглубокими врезными линиями. Сохранившаяся часть розетки из двойного ряда треугольников дает возможность предположительно реконструировать об-

щий вид орнаментального рисунка. Обращает на себя внимание недостаточно тщательное его выполнение.

XIV в. Надгробие с геометрическим орнаментом. Инв. № 9. Плита сохранилась почти полностью, за исключением торцовой части. Длина камня 1,49 *м*, ширина изголовья 49,5 *см*, ширина по ножному торцу 45,6 *см*, толщина 9 *см* (рис. 1*б*, *9*). Углы плиты сглажены. Надгробие найдено в шурфе 8 под Успенским собором на глубине 2,49 *м* от современного пола собора. Узор из врезных треугольников, обращенных друг к другу вершинами, нанесен без прорисовки внутреннего контура. В художественной обработке камня чувствуется рука опытного резчика (рис. 2). Тот же орнамент окаймляет розетку диаметром 15,5 *см* с отходящими от нее тягами.

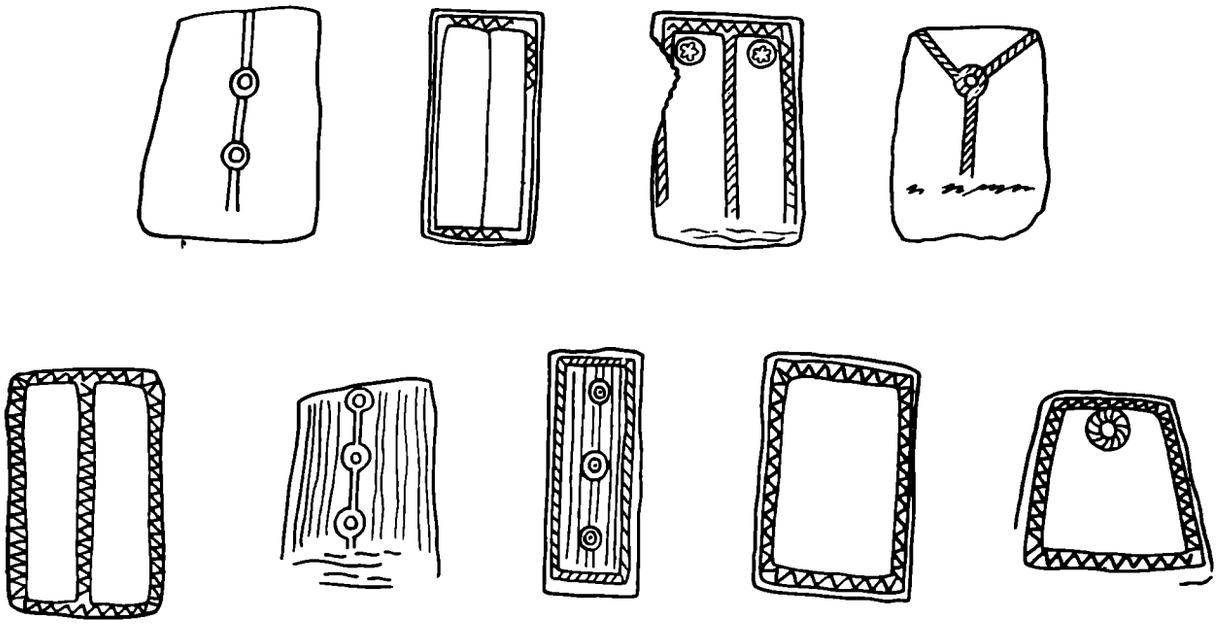


Рис. 4. Орнаментика надгробий Боснии, Герцеговины и соседних областей

Изголовье плиты украшает полукруглое клеймо без внутреннего заполнения. Узор нанесен без использования циркуля.

Под намогильной плитой находилось безынвентарное женское захоронение № 46. Глубина могильной ямы 81 *см*. Костяк ориентирован головой на запад. Сохранившиеся остатки деревянной гробовины имели в изголовье килевидную форму. Конструкцию гроба восстановить не удается. Нижняя плоскость плиты сохранила следы обработки двумя инструментами: теслом с шириной борозд 7,5 *см* и ложковым инструментом с шириной рабочего края 3,8—4 *см*.

Ближайшей аналогией надгробиям из кремлевских раскопок (по орнаменту) является находка в деревне Поливанова Московской области у Подольска. В паперти часовни использованы обломки надгробных камней. «Среди них плита вида а. Орнамент выполнен из углубленных насечек клинообразных форм» [3] (рис. 1*б*, *10*).

В 1913 г. во время реставрационных работ в Успенском соборе Московского Кремля в шурфах вдоль его северного фасада ведущий наблюдение археолог С. С. Закатов обнаружил два погребения под резными белокаменными плитами. Характер их орнаментики тождественен декору плит из раскопок 1963—1965 гг. Плита 3 из раскопок 1913 г. имела ширину 64,7 *см*, толщину 7,9 *см*, длину сохранившейся части 71 *см*. Плита 4 имеет размеры 61,3 *см* × 91,25 *см*.

Кремлевским находкам близки по орнаментике белокаменные намогильные плиты без надписи из бывшего Троицкого собора г. Трубчевска Брян-

[3] «Древности». Труды комиссии по сохранению древних памятников императорского Московского археологического общества. Протокол заседания 21 июня 1910 г. IV, М., 1912, стр. 211.

ской области (рис. 3). Для датировки плит чрезвычайно важно, что в древнейшей части здания, относящейся к XIV в., находилась фамильная усыпальница князей Трубецких [4]. Интересно сопоставить орнаментику рассматриваемых памятников с погребальными стеллами Боснии, Герцеговины и областей, входивших в средневековое королевство Боснии [5] (рис. 4). Тождество орнаментальных мотивов и их композиции легко объяснимо существованием в XIII—XIV вв. оживленных культурных связей Руси с южнославянскими землями.

Не исключена возможность, что орнаментика намогильных плит является трансформацией мотивов тканных украшений погребальных одеяний.

О широком применении узорной ткани в оторочке мужских и женских одежд в рассматриваемый период времени свидетельствуют данные археологии, иконописные изображения, миниатюры и шитье.

Орнаментальную кайму из треугольников, образующих зигзагообразную линию по краю ложа, нередко можно видеть на плащаницах «Положение во гроб» [6]. Орнамент выполнен цветным шелком. Полоса, окаймляющая ложе, иногда трактуется как край гроба [7]. Чрезвычайно устойчива иконография Богоматери с изображением ложа, покрытого покрывалом с орнаментальной каймой [8].

Характер резьбы и композиция орнамента надгробных плит близка украшению деревянных изделий народного декоративного искусства, в котором как и в вышивках традиционно сохранялись древние изобразительные формы и архаичные мотивы [9]. Одним из таких сюжетов являлась комбинация неглубоких вырезов и зарубок. В тех случаях, когда техника деревянного «узорочья» переносилась в камень, орнамент не рублен, а как бы резан.

Элементы орнаментики надгробий XIV в. находят отражение в резьбе, украшавшей предметы церковной утвари: резной узор намогильных плит наиболее близок орнаментике крышек свечных ящиков [10], коников и свечных столов [11].

Новые находки в Кремле доказывают широкую распространенность художественной обработки камня в период возведения раннемосковских храмов.

---

[4] В. П. Левенок. Надгробия князей Трубецких. СА, 1960, 1, стр. 245.

[5] Marian Wenzel. Ukrasni motivi na steccima. 1965, «Veselin masleša», Sarajevo.

[6] Положение во гроб. Плащаница. 1594 г. Вклад жены Елеазара Леонтьевича Ржевского (Вологодский музей, № 6060). Положение во гроб. Плащаница. 1561 г. Вклад князя Владимира и княгини Ефросинии Старицких в Троице-Сергиев монастырь (Загорский музей, № 103) Положение во гроб. Плащаница. 1595—1598 гг. Вклад князя Голицына в Троицко-Сергиев монастырь (Загорский музей, № 2425).

[7] Приношу благодарность Н. А. Маясовой за консультацию по этому вопросу.

[8] В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, 1, М., 1963. Успение, конец XII — начало XIII вв., рис. 29. Успение. XIII в., рис. 93. Успение. Первая четверть XV в., рис. 141.

[9] Т. В. Николаева. О некоторых надгробиях..., стр. 79.

[10] А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего хозяйства и отчасти церковного обихода, III. М., 1911, табл. 34.

[11] Там же, табл. 7, 1.

Критика и библиография

Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa von Gerhard Bosinski. (Institut für Ur — und Frühgeschichte der Universität zu Köln. Fundamenta. Monographien zur Urgeschichte. Herausgegeben von Hermann Schwabedissen. Reihe A, Band 4). Böhlau Verlag, Köln — Graz, 1967. 205, стр. in folio, 7 карт, 197 табл.

Работа Г. Босинского представляет собой свод обширных археологических материалов, относящихся к среднему палеолиту западной части Центральной Европы, включающей земли Федеративной Республики Германии, северо-западную провинцию Голландии — Фрисланд, департаменты Франции — Нижний Рейн и Верхний Рейн (Эльзас) и швейцарский кантон Базель.

Превосходно изданная работа состоит из вводного раздела, двух частей текста, каталога палеолитических стоянок и местонахождений, обширного альбома, где все изделия даны в натуральную величину (197 таблиц), и семи карт распространения сырья и групп индустрий.

В монографии дан обстоятельный анализ среднепалеолитических памятников, их топографии, геологии, остатков фауны, флоры и каменного инвентаря. Подробно изложена история исследования, дана историческая картина развития культур.

Во введении дано определение среднего палеолита, который, по мнению автора, начинается с появления подготовленных ядрищ и оканчивается с наступлением верхнего палеолита. Выделение среднего палеолита как особой ступени совпадает с последними высказываниями В. П. Любина и А. Н. Рогачева. Исследование среднего палеолита на интересующей Г. Босинского территории начинается в XIX в., однако тогда еще не делались различия между палеолитическими эпохами. М. Гернес в 1903 г. впервые разделил палеолит Центральной Европы на шелло-мустье, солютре и мадлен. Анализируя взгляды следующего поколения исследователей — Ф. Вигерса, Й. Байера, Ю. Андре, Г. Босинский высказывает отрицательное отношение к взглядам последнего. Резкая критика Ю. Андре несколько однопланова: если такие работы и использовались для автохтонистских концепций, то подобное же стремление освободиться от французской схемы, выделить местные культуры и дать им местные обозначения у австрийца Й. Байера, чеха К. Абсолона, поляка С. Круковского, у советского ученого В. А. Городцова показывают, что такова была общая тенденция развития науки того времени. Анализ работ А. Брейля и О. Менгина, касающихся палеолита Германии, и критика Г. Босинским теории параллельных филумов Брейля во многом совпадает с высказываниями по этому поводу С. Н. Замятнина.

Интересны замечания автора о том, что понятие «замкнутый комплекс» вообще неприменимо к археологии древнего палеолита, а понятие «относительно замкнутый комплекс» можно принять лишь с определенными оговорками. Эти ясные и определенные термины следовало бы ввести в нашу практику анализа палеолитических памятников. Г. Босинский как будто бы стоит на позиции признания местного своеобразия культур среднепалеолитического времени, поскольку он делит мустье Германии на морфологические группы. Но поскольку эти группы следуют друг за другом в хронологическом порядке, поневоле возникают сомнения, не являются ли морфологические группы хронологическими ступенями? Эти группы отличаются от археологических культур еще и тем, что они не ограничены одной Германией.

Автор справедливо считает, что типология Борда для Германии неприменима. Г. Босинский предлагает местную, рассчитанную на германское мустье, типологию. Своеобразие изучаемым Г. Босинским памятникам придает наличие двусторонне обработанных орудий, которые не являются ни рубилами, ни листовидными остриями. Они определяются им как микокское рубило, листовидное рубило, нож-рубило, нож типа Бокштайн, плоско-выпуклое рубило и т. д. Эти типы выделены традиционным эмпирическим способом, со всеми присущими ему недостатками: основанием для подразделения служит один признак. Например, нож отличается от других двусторонних форм наличием обушка, листовидное рубило — одинаковой толщиной по всему краю, плоско-выпуклое рубило — своим плоско-выпуклым сечением и т. д. Однако возникает вопрос, не являются ли типы, выделяемые исследователем, на самом деле лишь подтипами, или просто одним и тем же типом.

Первая из морфологических групп (поздний ашель, по определению автора), представленная находками под Ганновером (Дерен и Ретен), вряд ли относится к риссу, как полагает Г. Босинский. Судя по типичной мамонтовой фауне, это скорее всего вюрмские памятники. Присоединение к этой группе Лебенштедта в высшей степени спорно. Продольные прямые скребла на леваллуазских отщепах и такие же выпуклые продольные скребла на нелеваллуазских заготовках из Лебенштедта не имеют аналогий в Дерене и Ретене, а асимметричные двусторонне обработанные ножи Дерена и Ретена не встречены в Лебенштедте. Вюрмский возраст массивных, архаичных на первый взгляд ганноверских рубил служит предостережением тем, кто на основании отдельных находок хочет видеть ашель к востоку от Рейна. Далее рассматривается группа, называемая Г. Босинским микокской. Поскольку в археологии палеолита термин «микокский» закрепился за рубилами с вогнутыми краями, симметричными и утолщенными в основании, то Г. Босинскому приходится идти на известную ломку понятий и давать по существу новое определение германскому микокскому рубилу, поскольку настоящие микокские рубила встречаются во Франции, а те, которые наш автор называет микокскими, представляют новый тип, встречающийся лишь в Германии. Точно так же и остальные орудия, сопровождающие их,— местное явление, так что Г. Босинскому пришлось сделать еще один шаг и объявить микок германским явлением, игнорируя приоритет в приложении этого термина к французским памятникам.

Микокская группа. Распадается на подгруппы, именуемые автором типами.

Тип Бокштайн. Характеризуется «микокскими» рубилами (по терминологии Г. Босинского, т. е. асимметричными рубильцами с утолщенным основанием), удлиненными плоско-выпуклыми рубильцами, листовидными рубильцами, ножами типа Бокштайн, грубыми листовидными остриями, продольными скреблами. Нет изделий на пластинах.

Тип Клаузеннише. Преобладают листовидные рубильца, рубильца с обушками. «Микокские» рубила и удлиненные плоско-выпуклые рубильца очень редки. Есть скребла с двусторонней обработкой лезвия.

Тип Шамбах. Те же типы, но нет «микокских» рубил.

Тип Рерсхайн. Здесь представлены крупные листовидные острия.

Г. Босинский относит эту «микокскую» морфологическую группу к эемскому межледниковью, однако сопровождающая эти памятники мамонтовая фауна указывает на вюрмский возраст. Поскольку «позднеашельские» памятники (Дерен, Ретен, Лебенштедт) он отнес к риссу, то «микок» Г. Босинского следует за «поздним ашелем» на деле же обе группы памятников приблизительно одновременны.

Альтмюльская группа. На типы она не делится, поскольку к ней относится только один памятник — Мауэрн. Основную массу орудий составляют листовидные острия. Встречаются продольные скребла, двойные скребла, двуконечные острия. Эту группу Г. Босинский относит к самому концу изучаемого периода, к умеренному колебанию внутри последнего оледенения, именуемую теперь хенгело, а ранее — гетвайг.

Мустьерская группа. К этой группе Г. Босинский относит памятники, которые содержат только односторонне обработанные орудия, и сопоставляет их с французскими культурами времени среднего палеолита: Кина и Ферраси.

Тип Райндален. Продольные скребла, поперечные скребла, двойные скребла. Остроконечники, двойные острия. Среди заготовок много пластин.

Тип Картштайн. Продольные скребла мелких и средних размеров, поперечные скребла, двойные скребла. Если в памятниках типа Райндален единичны поперечные скребла, то здесь единичны и невыразительны двойные скребла. Типичных остроконечников нет. Ретушь небрежна. Двуконечные острия обработаны с брюшка и определяются как острия типа Картштайн.

Тип Бальве IV. Отмечены продольные скребла, поперечные (широкие, по Г. Босинскому) скребла, а также двойные со сходящимися лезвиями. Остроконечники и двойные острия (лимасы) отсутствуют. Лишь немногие невыразительные экземпляры можно отнести к остриям. То, что Г. Босинский называет дуговидно изогнутыми остриями, скорее следует называть продольными скреблами. Наиболее характерная черта типа Бальве — обилие поперечных скребел и отсутствие остроконечников.

Мустьерская морфологическая группа стратиграфически залегает выше микока. Она сопровождается мамонтовой фауной и, стало быть, относится к вюрму. Ее возраст может быть уточнен в Бальве, где он относится к теплому колебанию, теперь определяемому как хенгело, а ранее как гетвайг, с которым сопоставляется и альтмюльская группа. Для подтверждения своей гипотезы эволюции среднего палеолита от микока к мустье Г. Босинский ссылается на материалы Франции, где, по его мнению, прослеживается подобная эволюция от мустье с ашельской традицией к мустье типа Кина и Ферраси. Выбор Г. Босинского нельзя признать удачным, поскольку именно во Франции и было впервые доказано, что развитие среднего палеолита нельзя свести к одной линии эволюции и что развитие мустье с ашельской традицией шло параллельно с мустье типа Кина. Поэтому Г. Босинский упоминает лишь о гипотезе Л. Праделя, выделяющего «пластинчатое мустье» как особую ступень позднего мустье. Но эта гипотеза основана лишь на общих соображениях. Если в одних культурах действительно со временем доля пластин увеличивалась, то в других этого не

случалось. Так, в Ля Рошет самый верхний слой имеет самый низкий процент пластин. В абри Арман Шадурн верхний слой, относящийся к зубчатому мустье, содержит лишь 7% пластин, а нижний — 12%.

Заключительная часть коротка. «Ашельские» находки Средней Европы представляются автору однокультурными с ашелем Западной Европы, микокская морфологическая группа — единой с микоком Франции, хотя Г. Босинский и предполагает его возникновение на Востоке, основываясь на материалах Кюик-Кобы; если это предположение и допустимо с морфологической точки зрения, то предполагаемый Ф. Бордом рисский возраст микокских слоев в Ля Микок исключает приоритет Востока. Мустьерская морфологическая группа объединяется с шарантьеном Франции, т. е. с культурами Кина и Ферраси. Если к этому добавить, что «микок» в понимании Г. Босинского простирается и на Восток, включая Тату и Староселье, а альтмюльская группа соединяется с селетом и Ильской, то культурное своеобразие изучаемой области, продемонстрированное автором в предшествующих разделах работы, им же отрицается в заключении. Напротив, мысли, высказанные им по поводу оценки морфологических групп, снова напоминают Г. Босинского первых глав: он справедливо утверждает, что морфологический облик той или иной группы нельзя объяснить исходя из одних только целей применения. Одинаково употреблявшиеся орудия по-разному оформлялись разными группами населения. Разделы «Хозяйство», «Культ», «Типы человека» содержат лишь перечисление фактов, но не их анализ.

Сильная сторона работы — глубокий морфологический анализ — перевешивает слабые стороны. Мы убеждены, что морфологии и типологическим понятиям, введенным в науку Г. Босинским, предстоит долгая жизнь.

Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев

Archaeologia Viva, vol. I, N 1, 1968, Tehran, The Iran Bastan Museum, pp. 2—156.

Новый ежеквартальный журнал, как это следует из редакторского предисловия, ставит целью ознакомление любителей старины и специалистов с малоизвестными или вообще ранее неизвестными музейными и частными коллекциями, а также с новейшими открытиями в области древней истории, археологии и искусства разных стран мира. Этот международный журнал издается на английском, французском и немецком языках и сопровождается большим количеством иллюстраций, в том числе цветных. К участию в нем привлечены крупнейшие специалисты мира.

Рассматриваемый номер посвящен Ирану. Он открывается рецензией на книгу П. Амье «Элам» и общим обзором «Зарождение цивилизации». Статья Р. Брейдвуда «Первые шаги на пути производства пищи в доисторическом Иране» подводит итоги многолетних исследований в области становления производящего типа хозяйства древнейшего Ирана. Особое внимание уделяется вновь открытому памятнику Ганж Дарех (8500—7000 гг. до н. э.), материалы которого заполняют существовавший до сих пор хронологический пробел после Карим Шахира.

Исключительная значимость этого памятника заключается еще и в том, что здесь в слое VII тысячелетия до н. э. встречена керамика, которая, как полагают, была не обожжена, а лишь высушена на солнце и только позднее, находясь в здании, погибшем от пожара, приобрела характер обожженой посуды [1]. В связи с этим некоторые авторы ставят вопрос о правомерности термина «докерамический неолит» применительно к соответствующим памятникам Древнего Востока, где также могла бытовать необожженная, а лишь высушенная на солнце посуда.

В заключении своего обзора автор приходит к выводу, что Загросс и прилегающие области играли ключевую роль в процессе становления производящего хозяйства, в то время как большая часть Юго-Западной Азии составляла хотя и обширную, но примитивную ойкумену. Дальнейшие исследования покажут, насколько правомерен столь категорический вывод; пока лишь отметим новейшие открытия на Яхья-Тепе (район Кермана), нижние слои которого (VI тысячелетие до н. э.) дают параллели с Тепе Гураном и Джармо [2].

Искусству Древнего Ирана посвящена статья Э. Порады, подкупающая читателя широтой охвата в сочетании с тонким искусствоведческим анализом. Эта же тема затрагивается в статье Л. Ванден Берга «Богатые натуралистические влияния на иранской расписной посуде», в которой намечаются основные этапы развития керамиче-

[1] Более подробно см.: C. Young and Ph. Smith. Research in the Prehistory of Central Western Iran. «Science», 1966, 153, стр. 386—391; Ph. Smith. Char-i-Khar and Ganj Dareh. Suvrey of Excavations in Iran during 1965—1966. «Iran», V, 1967, стр. 138—139; Ph. Smith. Ganj Dareh tepe. Survey of Excavations in Iran during 1966—1967. «Iran», VI, 1968, стр. 158—159.

[2] C. Lamberg-Karlovsky. Tepe Yahya. Survey of Excavations in Iran, 1967—1968. «Iran», VII, 1969, стр. 184—186.

ского искусства Древнего Ирана. Нельзя не отметить склонности автора к выделению новых художественных школ и стилей применительно чуть ли не к каждому поселению, что уже было критически оценено в советской литературе [3].

В статье «Тюренг-Тепе и долина Горгана в бронзовом веке» Ж. Дейе подводит итоги своих многолетних работ на этом замечательном памятнике. Для нас особый интерес представляет вновь установленная стратиграфическая колонка Тюренг-Тепе и особенно период II В (начало III тысячелетия до н. э.). Именно в это время на всех памятниках Горганской долины распространяется серая керамика с нацарапанным орнаментом. Любопытно отметить наличие аналогичного типа сосудов, спорадически встречающихся на таких южнотуркменских памятниках, как Геоксюр и Кара-Тепе. Этот бесспорный импорт указывает, что сиалко-гиссарские влияния не были единственными в пору Намазга III и позволяет синхронизировать периоды Гиссар IIA, Сиалк III, Тюренг IIB и Намазга III.

Запустения в конце II тысячелетия до н. э. большинства поселений Горганской долины автор склонен объяснить наступлением прогрессирующего засушливого периода. На это, по мнению Ж. Дейе, указывает тот факт, что раньше всего были заброшены поселения, находящиеся дальше от Каспийского моря. Так, например, на Тюренг-Тепе в это время (1800—1700 гг. до н. э.) жизнь хотя и замирает, но полностью не прекращается. Как бы то ни было, сам факт запустения поселений Горганской долины имеет принципиально важное значение для выяснения вопроса о генезисе «культуры архаического Дахистана» Юго-Западной Туркмении. В свете имеющихся данных представляется более вероятным, что в конце II тысячелетия до н. э. имело место переселение племен Горганской долины на Мисрианское плато, где неизвестны памятники более раннего времени, а материальная культура обнаруживает генетическую связь с культурами типа Шах-Тепе II и Тюренг-Тепе.

Ж. Дейе приходит к выводу, что родиной серой керамики является долина Горгана, где эта посуда появляется на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. В конце II тысячелетия до н. э. носители серой керамики (которых автор отождествляет с мидийцами) доходят до Западного Ирана. Таким образом, по Ж. Дейе, Горганская долина является районом, где раньше всего появляются собственно иранские племена [4]. Естественно думать, что все эти вопросы лишь ставятся на повестку дня и еще далеки от окончательного разрешения. Тем не менее новые археологические материалы заставляют с большей осторожностью относиться к старой теории о связи праноязычных племен с преимущественно скотоводческими племенами степных районов Средней Азии.

В статье Я. Малеки «Абстрактное искусство и зооморфные мотивы» приводится первая достаточно полная публикация керамики из Тегеранского оазиса. По автору, посуда нижних слоев Чешме Али и Кара-Тепе находит частичные параллели в Сиалк I и особенно Сиалк II (5000—4500 гг. до н. э.). Отмечается, что разнообразие и стиль декора посуды Кара-Тепе указывают на более длительное существование, что, в свою очередь, предполагает перерыв между Сиалк II и III. Как будто аналогичная картина характерна для поселений Исмаилабад и Мухамадабад. К V тысячелетию до н. э. относится поселение Муселах-Тепе (неопубликованные материалы раскопок 1958—1959 гг.). Памятники типа Сурх-Хаб и Тепе Гуран содержат керамику, сходную с Гиссар I. В заключение обзора автор отмечает, что красная керамика является древнейшей на Иранском плато, причем в Тегеранском оазисе располагался свой особый художественный центр, хотя и находившийся в контактах с соседними районами. Все эти новые материалы приобретают особое значение в связи с предположением о возможном сложении керамического комплекса Анау IA под непосредственным воздействием культуры типа Чешме Али [5].

В статье Е. Негахбана «Марлик — царский некрополь II тысячелетия» высказывается мнение о существовании в раннежелезном веке единой «цивилизации» в Гиляне, Мазандеране и Иранском Азербайджане. Видимо, к этому же культурному кругу относится и могильник Калураз, расположенный неподалеку от Марлик-Тепе (А. Хакеми. «Калураз и цивилизация мардийцев»).

Многолетние раскопки Хасанлу еще не получили развернутой публикации, поэтому обобщающая статья Р. Дайсона, посвященная этому памятнику, представляет большой научный интерес. Автор выделяет в Хансанлу 10 основных слоев, охватывающих (по серии радиокарбоновых дат) время от 6000 г. до н. э. до 200 г. н. э. (из-за подпочвенных вод материковые слои достигнуты не были). Ранние стадии обживания памятника, вскрытые шурфами, более полно представлены материалами близ расположенных поселений (Ходжи Фируз, Далма, Пишдали-Тепе).

Едва ли не самой интригующей теме — луристанским бронзам — посвящена статья Л. Ванден Берга «Бронзы пастухов и всадников Луристана». Автор предлагает различать два термина — «луристанская бронза» и бронзы «луристанского типа».

---

[3] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1965.

[4] Движение праноязычных племен с востока на запад признает и Т. К. Янг, который, правда, основывается в первую очередь на материалах Тепе Гиссар (C. Joung. The Iranian Migration into the Zagros. «Iran», V, 1967, стр. 24).

[5] В. И. Сарианиди. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана. СА, 1970. 4.

В первое определение он включает все соответствующие предметы, происходящие из собственно Луристана и относящиеся к периоду от III тысячелетия до н. э. до ахеменидского времени. Автор считает, что изделия подлинно «луристанской бронзы» принадлежали пастухам, а позднее — воинам-всадникам. Именно поэтому основные типы этих изделий включают зооморфные мотивы. Поскольку большая их часть происходит из могил, допускается, что около рек и ручьев, где кочевали пастухи, находились священные места, специально предназначенные для некрополей. На основании этого автор приходит к выводу о существовании «цивилизации пастухов», которые постепенно трансформировались в коневодов и, наконец, воинов-всадников. Однако эта «цивилизация» предполагает не только пастушество, но и ограниченное занятие земледелием. Предполагается существование торговых городов, в которых жили металлурги и кузнецы, изготавливавшие так называемые луристанские бронзы.

Нетрудно заметить, что некоторые из выдвинутых положений носят чисто теоретический характер, однако как попытка объяснения проблемы они бесспорно заслуживают внимания и проверки на новом археологическом материале.

В двух следующих статьях П. Амье («Цивилизация Элама») и Ф. Стеве («Сузы, современные раскопки акрополя») приводятся новые данные о начальных этапах и дальнейшей истории Эламской цивилизации.

Древней истории Белуджистана посвящены две статьи. Первая из них касается исследования древнего поселения Тали Иблис (И. Колдуэлл. «Тали Иблис и начало медной металлургии в V тысячелетии»). В настоящем обзоре нет необходимости останавливаться специально на этой статье, так как уже имеется более полная публикация [6].

Статья Б. де Карди «Бампур, памятник III тысячелетия в персидском Белуджистане» посвящена новым материалам и их историко-археологической интерпретации [7]. Автором выделено шесть периодов существования памятника, причем в слое III отмечаются связи с Сеистаном и Афганистаном (Мундигак IV). В целом периоды Бампур I—IV дают единый комплекс керамики, изготовленной на гончарном кругу; наряду с кремовой и красной посудой имеется серая, украшенная либо росписью, либо процарапанными орнаментами. В конце периода IV отмечается приход нового населения, и в периоде V возникает новая, гибридная культура, сложившаяся на базе местной и пришлой. Последний по времени период VI хорошо датируется печатями, относящимися к 1920 г. до н. э.

Рассматриваемый выпуск заканчивается статьей Т. С. Янга «Раскопки Годин-Тепе», на котором выделено семь периодов. Следует отметить перерыв между слоями V и VI, что автор объясняет вторжением в Загрос носителей урукской культуры. В раннебронзовое время отмечается влияние, возможно связанное с хурритами. Особенно необходимо подчеркнуть, что могилы Годин-Тепе периода III не дают перерыва между эпохой бронзы и железа, и хотя появляется серая керамика типа Гиссар — Шах-Тепе, она не вытесняет, а сосуществует с местной.

Заканчивая обзор журнала, нельзя не признать его большую значимость для специалистов, занимающихся культурой Древнего Ирана. Введение в научный оборот свежих материалов и публикация старых музейных коллекций резко расширяют наши представления об основных этапах истории племен этой территории.

Вместе с тем необходимо сделать одно замечание общего порядка — о терминологической путанице. Чуть ли не по каждому памятнику выделяются новые периоды под собственными, часто неоправданными названиями. Именно этот выпуск показывает насущную необходимость установления единой схемы с терминологической унификацией основных культур.

В. И. Сарианиди

---

[6] Investigation at Tali Iblis. Illinois, 1967. В. И. Сарианиди и С. А. Панарин. Investigations at Tal-i-Iblis. CA, 1971, 1.

[7] Более подробно см. B. de Cardi. Excavations at Bampur, S. E. Iran: A Brief Report. «Iran», VI, 1968, стр. 135—156.

W. Sarnowska. Kultura unietycka w Polsce. T. I, Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1969, 383 стр.

В конце 1969 года во вроцлавском издательстве «Ossolineum» вышла из печати интересная книга Ванды Сарновской «Унетицкая культура в Польше» — первый том обширной монографии автора, посвященной этой культуре, и первая сводная работа по унетицкой культуре в Польше вообще. До этого польская археологическая литература располагала лишь рядом статей, в которых излагались результаты исследований отдельных памятников или групп памятников унетицкой культуры или же рассматривались некоторые частные вопросы, вытекающие из этих исследований. Большинство этих статей, кстати сказать, было опубликовано самой В. Сарновской.

Книга Б. Сарновской состоит из двух частей: исследования, в котором дается общая характеристика памятников унетицкой культуры на территории Польши, и материалов, содержащих краткое описание каждого из этих памятников в отдельности. Все это вместе взятое является как бы вступлением ко второму тому монографии, в котором будут подробно рассмотрены общие проблемы, связанные с унетицкой культурой, и в частности, как пишет В. Сарновская, будет обосновано включение ею в состав унетицкой культуры памятников, не считавшихся до этого унетицкими, и освещены вопросы влияния унетицкой культуры на соседние культуры, известные в то время на территории Польши (стр. 10, 125).

До сих пор в польской (да и не только в польской) археологии было принято считать, что унетицкая культура, охватывавшая в период своего расцвета в начале эпохи бронзы значительную территорию в самом центре Европы, в Польше была распространена только на юго-западе страны: Силезия, южная Великопольша и Любусская земля в междуречье нижней Варты и средней Одры [1]. В отличие от общепринятого мнения В. Сарновская расширяет территорию, занятую унетицкой культурой, на всю западную Польшу, включив в нее две самостоятельные культуры: ивенскую и гробско-смярдовскую (по старому названию — культура гробская I). Первая из них охватывает северную Великопольшу, Куявию, часть Мазовии и южные районы Гданьского Поморья, вторая северо-западную Великопольшу и все остальное Поморье, вплоть до Балтийского моря. В. Сарновская объединяет их в северную группу унетицкой культуры.

Вторую группу этой культуры в Польше, южную, составляют, по мнению автора, древности Силезии, южной Великопольши и Любусской земли, т. е. памятники, которые другими археологами отнесены уже к унетицкой культуре. Включение в унетицкую культуру ивенской и гробско-смярдовской культур, по утверждению В. Сарновской, оправдано тем, что в обеих этих культурах отчетливо прослеживается весь комплекс унетицких элементов (стр. 120). Однако,— добавляет В. Сарновская,— из этого не обязательно следует, что расширение территории унетицкой культуры так далеко к северу связано с переселением туда самого унетицкого населения из более южных районов. Неизвестно еще,— пишет она,— имеем ли мы здесь дело с переселением людей или же с распространением культурных влияний (там же). Деление же памятников унетицкой культуры в Польше на две группы — южную и северную— произведено В. Сарновской на основании различий в керамическом комплексе, поскольку все остальные вещи, найденные на памятниках обеих групп, одинаковы (стр. 11).

В первой части книги В. Сарновской приводится довольно обстоятельное описание основных видов памятников унетицкой культуры (поселения, могильники, клады), дается анализ вещевых материалов, найденных на этих памятниках (керамика, каменные и кремневые орудия, металлические орудия и предметы вооружения, украшения), а также кратко характеризуются хозяйственные и общественные отношения, торговый обмен и верования племен унетицкой культуры, определяется датировка памятников и устанавливаются фазы развития культуры. У нас нет возможности остановиться здесь на всех этих вопросах подробно. Да и вряд ли это стоит делать сейчас, поскольку все положения, выдвинутые автором в первом томе, по существу лишь поставлены, а обоснование их будет дано во втором томе монографии. Поэтому я кратко остановлюсь лишь на вопросе о датировке унетицкой культуры, предложенной В. Сарновской, поскольку она, как и район распространения культуры в Польше, установленный автором, отлична от общепринятой.

В. Сарновская, исходя из чехословацких аналогий, датирует унетицкую культуру в Польше тем же временем, каким эта культура датируется и в Чехословакии, т. е. 1900—1550 гг. до н. э. При этом она выделяет две основные фазы развития культуры: первую, или раннюю — 1900—1700 гг. до н. э. и вторую, или позднюю — 1700—1550 гг. до н. э. Памятники первой фазы известны в Силезии, главным образом в районах к югу от Вроцлава. В конце этой фазы они появляются также в Великопольше и на Куявии. Памятники второй фазы распространены на всей территории, занятой унетицкой культурой. Больше всего их, однако, приходится на Великопольшу, куда в это время, если так можно сказать, перемещается центр тяжести унетицкой культуры в Польше. Кроме этих двух основных фаз В. Сарновская выделяет еще и третью, имеющую переходный характер от унетицкой культуры к культуре предлужицкой — 1550—1450 гг. до н. э. Памятники этой фазы немногочисленны и пока что известны лишь в Любусской земле. Не знаю как удастся автору обосновать это выделение во втором томе монографии. Дело в том, что другие археологи эти же самые памятники Любусской земли датируют тем же временем, что и остальные памятники унетицкой культуры, и считают, что нет никаких оснований относить их к более позднему времени [2].

---

[1] J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski. Pradzieje Polski — Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 123—127; J. Filip. Evropský pravěk. Praha, 1962, стр. 56; A. Mouchа. Aunjetitzer Kultur. В кн. J. Filip. Eucyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. I, Prag, 1966, стр. 61—64.

[2] A. Knapowska-Mikołajczykowa. Wczesny okres epoki brazu w Wielkopolsce. «Fontes Archaeologici Posnansiensis», VII, Poznan, 1957, стр. 110.

Во второй части книги В. Сарновской приводится краткое описание каждого из известных в Польше памятников унетицкой культуры. Материалы сгруппированы по воеводствам (Быдгощское, Гданьское, Кошалинское, Опольское, Познаньское, Вроцлавское, Щецинское, Зеленогурское) и расположены в алфавитном порядке. Здесь же указана соответствующая литература.

Книга богата иллюстрирована. В конце книги имеются сводные таблицы погребальных комплексов и типов вещей, а также краткое резюме на английском языке.

Хотя надлежащим образом оценить книгу В. Сарновской можно будет только после выхода в свет обещанного второго тома монографии, уже сейчас можно сказать, что труд, затраченный автором, не напрасен. Книга получилась интересной, а главное — крайне необходимой не только для польских археологов, но и для всех занимающихся и интересующихся древнейшим прошлым славянских народов.

Ю. В. Кухаренко

А. А. Штамбок. Из царства Атея в Неаполь скифский. М. «Советский художник», 1968, 168 стр. с илл. Тираж 50000. Цена 48 коп.

Немногочисленная популярная литература о скифах пополнилась недавно книгой А. А. Штамбока, вышедшей в серии «Страницы истории искусств». Книга написана живо, увлекательно. Не будучи археологом, автор широко использовал научную и научно-популярную литературу, умело выбрав интересные, яркие факты из истории археологических открытий. В соответствии с современным уровнем скифоведения книга дает читателю представление не только о кочевых скифах с их курганами, но и о скифах оседлых, об их поселениях и городах.

Четыре раздела, из которых состоит книга, носят характер очерков, связанных между собою общей темой, причем первые два — «На пути в Атеево царство» и «Всадники из Неаполя скифского» — по содержанию отвечают заглавию книги, последние же — «Документальный портрет» и «В лабиринтах истории» — в значительной своей части выходят за его пределы. Так, третий раздел, начинающийся с рассказа о восстановлении по черепу облика скифского царя, композиционно связан с предыдущим разделом, но автор пользуется случаем упомянуть и о других работах М. М. Герасимова. Четвертый очерк посвящен находкам скифской эпохи в Сибири и на Алтае, которые не смешиваются со скифскими, а правильно трактуются как принадлежащие племенам, близким к сако-массагетским.

Центральное место в книге А. А. Штамбока отведено поздним крымским скифам. Здесь, к сожалению, автор не избежал ряда ошибочных положений, впрочем довольно распространенных в специальной литературе, против популяризации которых необходимо возразить.

Как и некоторые археологи [1], автор смешивает вопрос о местоположении столицы крымских скифов с вопросом о локализации скифского Неаполя, упоминаемого в письменных источниках (стр. 75 сл., 88). Если первый вопрос после работ экспедиции П. Н. Шульца можно считать решенным, то второй остается спорным [2]. Не следует забывать, что ни в декрете в честь Диофанта (IOSPE, I², № 352), ни у Страбона (VII, 4, 7) не сказано, какая из перечисленных там скифских крепостей была главной, и вся обычно приводимая аргументация доказывает лишь то, что на окраине Симферополя был в древности главный город крымских скифов. В пользу же того, что он назывался Неаполем, ни одного серьезного аргумента никто еще не привел. А. А. Штамбок, разумеется, имел полное право употреблять это общепринятое название, но доказательства, которые он пытается представить, лишь компрометируют идею. Совершенно недопустимо сейчас ссылаться на вызвавшие сомнения ученых еще более ста лет назад недостоверные данные А. С. Уварова, усмотревшего на двух найденных на городище амфорных ручках слово «Неаполис» (стр. 76). Не говоря уже о том, что находка двух клейм где бы то ни было не позволяет делать вывод о производстве там данных амфор, напомним, что найденные А. С. Уваровым ручки принадлежали херсонесским амфорам и на них было оттиснуто не название города, а имя астинома в родительном падеже — Νεολόλιος. Имя это хорошо известно в херсонесской ономастике [3], и неправомерность чтения его на клеймах и граффити

[1] А. Г. Сальников. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии. ЗОАО, I, 1960, стр. 95.

[2] См. О. Д. Дашевская. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном. ВДИ, 1958, 2, стр. 146 сл. Интересно не учтенное в этой статье мнение М. И. Ростовцева, характеризующего центр крымских скифов «как город Скилура около нынешнего Симферополя, вряд ли носивший в древности имя Неаполя» (М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 918, стр. 158).

[3] Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, 4, стр. 119; В. Н. Даниленко. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э. «Античная древность и средние века», 4, Свердловск, 1966, стр. 158.

как названия города в свое время отмечалась [4]. Утверждению А. А. Штамбока, что будто бы «против мнения И. П. Бларамберга (о тождественности симферопольского Керменчика с Неаполем.— *О. Д.*) возражали те ученые, которые не были там и не видели остатков стен, а те, кто видел и вел раскопки, так или иначе подтверждали это мнение» (стр. 83), противоречат факты [5].

Касаясь вопроса о восстании Савмака (стр. 97), автор безоговорочно принимает концепцию С. А. Жебелева, опубликованную последним, кстати, не в 1924, а в 1933 г. [6] Однако в результате длительной дискуссии даже сторонники точки зрения С. А. Жебелева признали необоснованным его утверждение, что Савмак был рабом и что поднятое им в конце II в. до н. э. на Боспоре восстание надо рассматривать как рабское, и теперь считают вероятным «присутствие в рядах восставших скифов и городских ремесленников, и зависимых крестьян, и всякого рабочего люда, а также рабов» [7].

В описании раскопок предполагаемого Неаполя А. А. Штамбок допускает ряд произвольных искажений. Нет оснований, например, говорить о якобы открытых в городе «кварталах» ремесленников; преувеличена роль гончарства, выделение которого у скифов в ремесло вообще не доказано. Не соответствует действительности характеристика керамики Неаполя как покрытой орнаментом (стр. 89): последний у скифов Центрального Крыма вообще чрезвычайно редок. Примитивно представление о культурном слое: «Поверх радужного слоя с остатками цветущей культуры прошла серо-черная прослойка золы и сажи» (стр. 94); «Поверх прослойки золы и сажи Шульц обнаружил следы жизни города на Салгире» (стр. 99). На самом же деле такого существенного, а тем более — сплошного слоя золы и сажи, который являл бы собой следы катастрофы, там не обнаружено.

Этот воображаемый слой автор пытается увязать с событиями, описанными в херсонесском декрете в честь Диофанта, а именно с захватом войсками Диофанта скифской крепости Неаполя. Однако тут автор, как и каждый, кто отождествляет с Неаполем письменных источников главный город крымских скифов, неизбежно наталкивается на противоречие: мавзолей знати в скифской столице остался не разоренным врагами, хотя он и находился у самых городских ворот, вне оборонительных стен. Отсюда автор делает закономерный, но противоречащий его же вышеупомянутым утверждениям вывод: «Понтийскому полководцу не удалось сломить скифов и овладеть святыней города на Салгире» (стр. 105). Это, по мнению автора, означает, что слова декрета о захвате Диофантом Неаполя являются преувеличением. А. А. Штамбок допускает явную натяжку, передавая содержание надписи таким образом, будто бы войска Диофанта «ворвались в Хабеи и о с а д и л и Неаполь» (разрядка моя.— *О. Д.*). Но вместо такого вольного изложения древнего документа автору следовало бы учесть имеющиеся в научной литературе точки зрения и подумать, во-первых, о том, что захваченный Диофантом Неаполь (который, подчеркиваю снова, ни в одном письменном источнике не назван главным городом скифов [8]) может и не совпадать со скифской столицей, открытой раскопками на окраине Симферополя, и, во-вторых, о возможности того, что мавзолей был построен после похода Диофанта на скифов.

Следует заметить, что А. А. Штамбок более категорично, чем археологи, утверждает, что документальный портрет, созданный М. М. Герасимовым по черепу скифского вождя или царя, захороненного в каменной гробнице мавзолея, абсолютно совпадает с изображениями царя Скилура и что череп несомненно принадлежал последнему (стр. 131). П. Н. Шульц высказал это мнение лишь предположительно [9], а Н. Н. Погребова, датировавшая каменную гробницу концом II — началом I в. до н. э., склонна была отождествлять погребенного в ней скифа с сыном Скилура — Палаком [10].

В книге имеется довольно много мелких неточностей. Например, при описании того же мавзолея (стр. 102—103) говорится, что кони были захоронены по бокам царской гробницы, тогда как на самом деле они покоились в центре мавзолея; гробница была закрыта не тремя каменными крышками, а тремя в ряд положенными плитами, составлявшими перекрытие каменного ящика. Название другой скифской

---

[4] О. Д. Д а ш е в с к а я. Ук. соч., стр. 146, 147.

[5] Ю. А. К у л а к о в с к и й. Новые данные для истории Старого Крыма. ЗРАО, X, 3—4, нов. сер., 1899, стр. 12; Н. Л. Э р н с т. Неаполь скифский (к столетию со времени первых раскопок). 2-я конференция археологов СССР, в Херсонесе 10—13 сентября 1927 года. Севастополь, 1927, стр. 24; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 533, 534; О. Д. Д а ш е в с к а я. Ук. соч., стр. 146 сл.

[6] С. А. Ж е б е л е в. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ИГАИМК, 70, 1933.

[7] В. Ф. Г а й д у к е в и ч. К дискуссии о восстании Савмака. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1969, стр. 89.

[8] Страбон (VII, 4, 7), перечисляя скифские крепости в Крыму, Неаполь упоминает в последнюю очередь, а первым называет Палакий, как раз не захваченный войсками Диофанта.

[9] П. Н. Ш у л ь ц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 25.

[10] Н. Н. П о г р е б о в а. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. МИА, 96, 1961, стр. 179.

крепости А. А. Штамбок, следуя неправильной традиции, передает как «Хабей» (стр. 92 и 95) вместо «Хабеи» [11]. Цитируя сначала (причем неточно) Херсонесскую присягу, а затем излагая ход событий, автор трижды (стр. 91, 92 и 95) называет «Калос-Лимен-Прекрасную Гавань», в то время как надо (тем более в цитате) или транскрибировать греческое название без перевода, или ограничиться переводом. Б. Н. Гракову приписаны специальность социолога (стр. 46) и расшифровка клейм боспорских и ольвийских астиномов (стр. 47), но таких клейм вообще не было. Гору Митридат, на которой стоял в древности город Пантикапей, автор называет «седалищем Митридата» (стр. 99), путая, как видно, название всей горы с отдельными ее выступами, которые прозвали «креслами Митридата». Формула в титулатуре поздних боспорских царей гласила не «друг римского цезаря» (стр. 99), а «друг цезаря и друг римлян». На стр. 93 помещена фотография с подписью «голова барранчика», а следовало бы написать, что это — украшение очажной подставки. Перечень такого рода погрешностей, содержащихся в рецензируемой книге, можно было бы продолжить.

Как уже упоминалось, книга А. А. Штамбока написана по археологической, главным образом научно-популярной литературе, многие места являются пересказом других работ. Список их следовало бы дать в конце книги. Разумеется, многих из указанных недочетов могло бы не быть, если бы автор обратился за консультацией к археологам.

О. Д. Дашевская

[11] См. О. Д. Дашевская. Ук. соч., стр. 144.

Археологические исследования средневекового Крыма. Сборник, подготовленный Институтом археологии АН УССР. «Наукова думка», Киев, 1968, 212 стр.

Средневековая Таврика — нынешний Крым — изучена еще недостаточно. С этой точки зрения появление нового сборника, публикующего материалы и исследования по средневековому Крыму, вызывает, естественно, чувство большого удовлетворения — отраден сам факт выхода в свет сборника статей с ценным материалом и интересными комментариями.

В предисловии намечено несколько вопросов, освещение которых является первоочередным,— прежде всего «процесс возникновения и развития феодальных отношений в средневековом Крыму» (стр. 5). Это, конечно, наиболее важная проблема. Непонятно только сопоставление XI — XII вв. с временем «италианской и армяно-малоазийской торговли» (стр. 6), т. е. с XIV — XV вв., что, конечно, неправомерно, ибо это периоды различного исторического содержания. Второй проблемой совершенно справедливо названы проблемы культурного наследия средневекового Крыма.

Статьи, составляющие сборник, разрабатывают различные вопросы истории Крыма: и экономику, и историческую географию, и собственно культуру. Большинство работ посвящено раннему средневековью — V—VII и VIII—IX вв.— наиболее темному периоду в истории Таврики, часть статей — зрелому и позднему средневековью — X — XV вв.

Начнем с наиболее дискуссионной работы, которой открывается сборник,— статьи Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского «О локализации страны Дори». Авторы стремятся доказать, что страна Дори, упоминаемая византийским писателем VI в. Прокопием в его трактате «О постройках», занимала не юго-западную область Таврики (приблизительно к югу от реки Качи или Бельбека), как это общепринято и казалось достаточно установленным, а узкую прибрежную полосу. Защитой этой прибрежной территории и служили «длинные» стены, которые, по словам Прокопия, построил в стране Дори император Юстиниан. Находились же эти стены, как утверждают авторы, на Яйле и даже указывают реальные их остатки. Тем самым они меняют всю историческую географию раннесредневековой Таврики.

Проследим аргументацию авторов. Для ясности дальнейшего изложения приведем соответствующие места из трактата Прокопия. Сначала у него речь идет об укреплении Боспора и Херсона, которые находятся на берегу Эвксинского Понта; затем он говорит, что Юстиниан «воздвиг там и два укрепления, так называемый Алустон и в Горзувитах». «Здесь же, на этом побережье, есть страна по имени Дори, где с давних времен живут готы...» (Прокопий говорит о них как о федератах империи: они участвуют в походах римлян «всякий раз, когда императору было это угодно».) «Сама область Дори лежит на возвышенности (высоко, на высоте), но она не камениста и не суха; напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего они любят жить всегда на равнине (или в поля — ἐν πεδίῳ)». Он лишь «укрепил все места, где можно вступить, длинными стенами (τειχίσμασι μακροῖς)» [1].

[1] Procopii Caesariensis. Opera omnia. Ed. Haury, Lipsiae, 1913, стр. 100—102 (русск. пер. С. Кондратьева. ВДИ, 1939, 4, стр. 249).

Авторы исходят из буквального понимания текста Прокопия, не допуская ни малейших отклонений. Выражение Прокопия «Здесь же, на этом побережье, есть страна по имени Дори», т. е. там же, где находится Алустон и Горзувиты, означает, по их мнению, только одно: страна Дори занимает прибрежную полосу. «Здесь же» (ἐντοῦθα) значит — по соседству с названными прибрежными городами, что подтверждается и пояснением Прокопия — в приморской части» (κατὰ τὴν παραλίαν).

Но заключение это вызывает ряд возражений. Прежде всего сами авторы указывают на то, что Прокопию «не все представлялось ясным и точным» (стр. 15); область Дори он называет как-то неопределенно, сопровождая его словечком τις, т. е. некая. Насколько смутны географические представления Прокопия относительно Таврики, где он не бывал и судил о ней по рассказам, показывает то, что Кепы и Фанагорус, т. е. поселения на Таманском полуострове, он помещает вблизи Херсона [2]. Плохо знал Прокопий и географию восточного Причерноморья (современную Абхазию), и также потому, что здесь сам не бывал; его описанию этой области, по мнению кавказоведов, нельзя придавать решающего значения, как нельзя полностью доверять и его этнографическим представлениям, довольно путаным [3].

Но если следовать описаниям Прокопия, то нельзя игнорировать его указание, что Дори лежит «на возвышенности», на «высоте» (ἐν ὑψηλῷ), между тем прибрежная полоса (к югу от Яйлы) — это склон возвышенности у самого моря. Ἐν ὑψηλῷ больше всего соответствует именно юго-западному Крыму с его грядами гор. Прокопий пишет, что готы живут в полях, на равнине (ἐν πεδίῳ), что меньше всего подходит к прибрежной полосе.

Авторы видят противоречие между этим указанием Прокопия и тем, что территория, которую укрепил Юстиниан, была, очевидно, горной (стр. 17). По мнению авторов, то и другое Прокопием нарочито противопоставлено, из чего следует, что «готы жили на равнине, теперь оказались в горах» (стр. 17). Однако повода говорить о каких-либо перемещениях готов в Таврике в VI в. текст Прокопия не дает. Противоречие, которое у него нашли авторы, кажущееся, ибо поля (равнины), где жили готы, расположены среди гор, что вполне соответствует ландшафту юго-западного Крыма, где, как известно, немало равнин с полями (достаточно назвать Байдарскую долину).

Прокопий сообщает, что император Юстиниан не построил у готов ни крепостей, ни городов, а это, по мнению авторов, «не позволяет локализовать Дори в районах, имевших в VI в. города и крепости» (стр. 17). В другом месте (стр. 22) они добавляют, что по Прокопию, в стране Дори «не было ни городов, ни крепостей». Но это явное искажение: Прокопий говорит совсем о другом — лишь о том, что Юстиниан не строил там ни того, ни другого.

Император Юстиниан, по Прокопию, возвел, в стране Дори «длинные» стены, преградив тем самым доступ туда врагам. Речь идет о проходах (εἴσοδος) — очевидно, имеются в виду горные проходы, клейсуры. Такие клейсуры наиболее характерны опять-таки для юго-западного Крыма. Так как страна Дори, по мнению авторов, занимала прибрежную полосу, то они считают «очевидными, что вся система оборо́ны должна была защищать страну Дори с севера» (стр. 19), т. е. шла по Яйле. Однако такая локализация «длинных» стен в стране Дори становится «очевидной» лишь при локализации самой страны Дори на узкой и ограниченной приморской полосе. Но эта локализация, как уже говорилось, плохо вяжется с данными Прокопия и даже противоречит им.

В связи с «длинными» стенами авторы останавливаются на вопросе о раннесредневековом limes tauricus, наличие которого предположил А. А. Васильев (с ним согласились и другие исследователи) [4]. Авторы отрицают наличие такого лимеса просто потому, что намечаемую цепь и систему укреплений составляют раннесредневековые крепости юго-западной Таврики (Мангуп, Эски-Кермен, Сюрень, Инкерман-Каламита), а этот район, по мнению авторов, в территорию Дори не входит; следовательно, и крепости эти к стране Дори отношения не имеют (стр. 29), а потому и не рассматриваются. А на южном берегу в таком лимесе, мол, вообще не было надобности (стр. 32). Остается, по мнению авторов, предположить, что «длинные» стены, построенные Византией, находились на Яйле, преграждая доступные перевалы.

Определив теоретически местоположение «длинных» стен на Яйле, авторы находят их остатки и в натуре. Этим стенам посвящена вторая часть статьи. Авторы

---

[2] Война с готами, VIII, 5, 28 (русск. пер. С. Кондратьева. М., 1950, стр. 388); А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 492: «Прокопий, хорошо знакомый с южным берегом Черного моря, знал северный его берег лишь понаслышке, и потому показания его об этом крае не могут быть точными».

[3] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, 56. СПб., 1914, стр. 171; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, стр. 10, 15.

[4] А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1921, стр. 182; М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма, МИА, 34, 1953, стр. 324; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 27.

называют целый ряд звеньев таких стен (стр. 34 сл.). Мы не будем перечислять их; они обозначены в другой статье одного из авторов [5]. Остановимся лишь на отдельных вопросах.

1) Некоторые из остатков стен, например, на Чатыр-даге или у Демерджи, находятся на перевале, ведущем к Алустону, но он не входил (как указывают авторы — стр. 17) в страну Дори; следовательно, и стены к Дори не относятся.

2) Раннесредневековая дата названных авторами стен на перевалах Яйлы ничем не обоснована. Найденная при зачистке этих стен керамика помимо того, что она вообще не может служить показателем даты стен около которых она найдена (на стр. 41 именно таким путем датированы стены), отнюдь не V—VI вв., как думают авторы. По крайней мере на рис. 5 (стр. 42), где воспроизведены наиболее выразительные образцы керамики из числа находок в Чигинитре и Демерджи, нет ни одного бесспорного фрагмента V—VI вв.: обломки пифосов (№ 1—3) — не ранее XII—XIII вв., на что указывают профиль венчиков и украшение медальонами; полный пифос (№ 5) — скорее всего IX—X вв., горшки (№ 4) — не ранее IX—X вв. и только фрагменты амфор (№ 6) неясны, и по рисунку судить о них невозможно.

3) Существеннее характер самих стен. Они вообще мало похожи на крепостные стены. По словам авторов, это «своего рода каменные заборы шириной от 1,8 до 2 *м*... Высота этих стен, по-видимому, не превышала человеческого роста» (стр. 35—36). Сложены они из рваного камня почти без обработки, притом часто насухо, т. е. самым примитивным образом (стр. 40, 41, 43, фот. на стр. 41 и рис. 2 в «Археологія», XII, стр. 158), и ничего общего с византийскими крепостными стенами, известными нам в Херсонесе, на Мангупе, Эски-Кермен, Сюрени и др., не имеют. Уже одно это говорит против трактовки таких стен-заборов в качестве «длинных» стен Прокопия, возведенных в VI в. Трудно поверить, что эти заборы имели реальное оборонительное значение.

4) О. И. Домбровский на карте в упомянутой статье, да и в тексте ее, указывает четыре основных перевала, которые соединяли степной и предгорный Крым с прибрежным районом, т. е. (по его определению) со страной Дори. Но почти все эти дороги представляют собой лишь горные тропы, к тому же функционирование их в раннее средневековье более чем сомнительно и во всяком случае никак не показано. К тому же эти тропы труднодоступны для всадников [6] и, конечно, вовсе не доступны для кибиток, на которых враги-кочевники будто бы подъезжали к оборонительным стенам на Яйле (стр. 36). Непонятно и то, к каким городам или крупным поселениям Дори на южном берегу вели эти тропы.

Только один старый путь (между Чатырдагом и Демерджи), ведущий к Алустону (а от него на Запад вдоль берега — в Партениты и Горзувиты), представляется нам реально существовавшим в эпоху Прокопия. Но район Алустона, по мнению авторов, не принадлежал стране Дорос. Следует напомнить, что строительство дорог из предгорного Крыма на южный берег началось лишь после прихода русских.

Своими перемещениями страны Дори в узкую приморскую полосу авторы, в сущности, меняют всю картину истории раннесредневековой Таврики: ее жизненные центры выносятся за пределы юго-западного района, наиболее насыщенного памятниками именно эпохи Прокопия (V и VI вв), переносятся в прибрежную полосу, которая, наоборот, очень бедна такими памятниками [7] хотя шансов на находки здесь в связи с бурным строительством XIX и XX вв. было куда больше, чем в любом другом месте Крыма (за исключением Горзувит с их обширным могильником Суук-су, но это уже, как отмечают авторы, не страна Дори). К тому же южный скалистый склон Яйлы, покрытый густым лесом, был мало удобен для земледелия (а готы, по Прокопию, искусные земледельцы) оно стало развиваться здесь только в начале XIX в. вместе с русской колонизацией [8].

Сравнительно большой юго-западный район Таврики с его городами и поселениями раннего средневековья превращается волею авторов в какой-то вакуум, ни одному хронисту того времени неизвестный и никем из них не упоминаемый. Все эти города — Мангуп, Эски-Кермен, Сюрень, Инкерман-Каламита и многие раннесредневековые поселки, выявленные за последние годы в бассейнах рек Бельбек, Кача и Черная, утрачивают связь со страной Дори и как бы повисают в воздухе, теряют историческую почву. Между тем упоминания об этой области в раннем средневековье существуют не только у Прокопия. Но о них рецензируемая статья умалчивает.

В конце V в. город Дори упоминает Присциан. В VII в. его называет византийский хронист Феофан; туда в крепость Дорос (Дори) бежал из Херсона экс-импера-

---

[5] О. И. Домбровський. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір. «Археологія», XII, 1961, стр. 155—166.

[6] Почему, например, тропу из верховьев р. Альмы в Ялту авторы считают «одной из самых оживленных дорог» древности (стр. 36), совершенно непонятно.

[7] На всем протяжении от Гурзуфа до Балаклавы мы до сих пор не знаем не только раннесредневековых поселений, но и вообще раннесредневековых памятников (V—VI вв.), если не считать нескольких изолированных погребений того времени (см.: Н. И. Репников. Археологические памятники [южного берега Крыма]. ИГАИМК, 109. Л., 1935, стр. 195—200, № 19, 21, 23).

[8] И. Н. Медведева. Таврида. Л., 1956, стр. 285 и сл.

тор Юстиниан II. Город этот, захваченный хазарами, находился неподалеку от Херсона и, судя по контексту, не на морском берегу. Город Дорос в VIII в. упоминает «Житие Ионна Готского». Локализация же Дори-Дороса, позднее Феодоро, в юго-западной Таврике, а именно на плато Мангупа, достаточно твердо установлена [9]. Известно, что Дорос-Мангуп существовал уже во времена Прокопия [10]. Естественно предположить, что Дорос и был центром страны Дори.

Все названные крепости юго-западной Таврики — это реальные памятники раннесредневекового крепостного строительства. Кстати, даваемое авторами определение «длинных» стен (стр. 18) вполне подходит и к Сюреньскому укреплению, где раннесредневековая крепостная стена тянется почти по прямой линии (с изломом) от одного края мыса до другого [11]. Таковы же оборонительные стены на Мангупе, в основе также раннесредневековые, но большей частью позднее переложенные из древнего же материала — я имею в виду стену, пересекающую по прямой линии Тешкли-бурун, и длинную (протяжением более 400 *м*) почти прямую стену, преграждавшую доступ на плато с северной его стороны. Такая трактовка мангупских стен вполне возможна, хотя мы на ней и не можем настаивать. Но эти памятники полностью устранены авторами из поля своего зрения.

Добавим, что «длинные» стены Юстиниан строил не только в Таврике, но и в восточном Причерноморье — в Лазике (территория нынешней Абхазии). Он «укрепил стенами все ущелья в этой стране — их обыкновенно называют клейсурами, чтобы таким образом перед врагами были заперты все пути в Лазику» [12]. Это, несомненно, так называемая Келасурская, или Великая Абхазская стена, прослеживаемая на протяжении около 160 *км*. Но исследователь стены М. М. Иващенко полагает, что «определенных данных о существовании сплошной стены нет; возможно, что существовала только цепь укреплений, идущая в направлении, указываемом для этой стены» [13]. Не так ли было и в юго-западной Таврике? Возможно, что и там «длинные» стены на самом деле представляли собой «длинную» систему укреплений и «длинные» преграды на столовых горах, которые занимали эти укрепления (Мангуп, Эски-кермен и др.). Авторы умалчивают и о критике, которой подвергалась их концепция [14], тем самым освобождая себя от необходимости дать ответ.

Концепция авторов, как нам кажется, основана на произвольной и неубедительной трактовке сообщений Прокопия, вместе с тем она игнорирует многочисленные раннесредневековые памятники юго-западной Таврики.

Большая статья Е. В. Веймарна «О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма» состоит из двух частей. В первой из них (стр. 45—77) в связи с вопросом о локализации Фулл излагаются результаты археологических исследований автора на плато Чуфут-кале в 1956—1959 гг. Раскопки велись у Средней стены в ее северной части, где выявлена калитка и две линии вырубленного в скале рва, одновременного Средней стене. Открыта вырубка, в которой, по мысли автора, было заложено основание башни; он излагает свои наблюдения, свидетельствующие о перестройке стены в XIV—XVII вв., и описывает гончарный водопровод, который через ворота вел воду в город (стр. 52—59). Далее автор переходит к вопросу о раннесредневековой базилике на плато Чуфут-кале, существование которой он отрицает; найденные здесь византийско-коринфские капители VI в., по его мнению, попали на Чуфут-кале в более позднее время (стр. 61). Отрицает автор и связь с исследуемым памятником частично раскопанного могильника V—IX вв. [15] на том основании, что могильник этот расположен от него слишком далеко (до 1,5 *км*). Некрополь Чуфут-кале, по его мнению, следует искать где-то к востоку от города (стр. 62—63), но попытка его найти пока не дала положительных результатов (стр. 63—64).

Наконец, Е. В. Веймарн подробно описывает материал из шурфов, заложенных им у подножья северо-восточных обрывов плато с целью изучить мусорную свалку вне городских стен. Но и там он не находит ничего древнее X—XI вв. (стр. 65) или XI—XII вв. (стр. 68). Только разведочные шурфы на самом плато (к западу от Средней стены) дали разрозненные обломки раннесредневековой керамики (стенки амфор с глубоким рифлением — рис. 21, *3* и амфор с зонами мелкого рифления VIII—

---

[9] А. А. Васильев. Ук. соч., I, стр. 49—53.

[10] На плато Мангупа известны раннесредневековые крепостные стены, базилика, кусок лапидарной надписи с именем Юстиниана. М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 325—326.

[11] Н. И. Репников. Сюйренское укрепление. Сб.: «Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг.» (ИГАИМК, 117), 1935, стр. 115 сл.

[12] Procopii. De aedificiis, III, 7_5 — ВДИ, 1939, 4, стр. 249.

[13] М. М. Иващенко. Великая Абхазская стена. Известия Абхазского научного общества, IV. Сухуми, 1926, стр. 65.

[14] Д. Л. Талис. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет. ВВ, XIX, 1951, стр. 255, прим. 70; А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 153, прим. 11 (критика упомянутой статьи О. И. Домбровского в «Археологія», XII, 1961).

[15] В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 207—212; его же. Могильник Чуфут-кале в Крыму. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 108—115.

IX вв.— рис. 21, *2*), но строительные остатки так и не обнаружены. Все это приводит Е. В. Веймарн к выводу, что Чуфут-кале «возник не ранее конца X в.» (стр. 75).

Впервые проведенные автором на городище раскопки, притом тщательно выполненные, безусловно, очень ценны, ибо дают реальные факты по истории Чуфут-кале. Однако согласиться со всеми заключениями Е. В. Веймарна мы не можем. Во-первых, материал, добытый его раскопками, охватившими лишь небольшую площадь, очень ограничен. Во-вторых, автор обошел молчанием кладку юго-западной оконечности Средней стены (с юго-восточной ее стороны), состоящую из очень крупных блоков на известковом растворе с цемянкой, отнесенную мной к VI в. по аналогии с типичными раннесредневековыми кладками [16]. Эта часть Средней стены резко отличается от остальной ее части, которую исследовал Е. В. Веймарн и которую — я с ним вполне согласен — нельзя отнести к раннему средневековью. Таким образом, данные раскопок Средней стены отнюдь не дискредитируют раннюю дату южной ее части, являющейся, как мне представляется, остатком первоначальной стены.

Не могу согласиться и с тем, что раннесредневековый могильник в Майрам-дере не связан с Чуфут-кале, ибо указанное Е. В. Веймарном расстояние от города (1,5 *км*) никак нельзя признать чрезмерным. Да и могильник в Иосафатовой долине не намного ближе. Связывать же могильник в Майрам-дере с поселением напротив Успенского монастыря пока вряд ли возможно: ведь поселение это вообще никогда не раскапывалось, и мы его не знаем. Наконец, среди керамического материала, собранного на плато, раннесредневековая керамика все же попадается. Сравнительно позднее возникновение Чуфут-кале (конец X в.) нельзя поэтому считать доказанным. Правда, автор не претендует на «окончательное решение этого вопроса» (стр. 45), не претендуем на это и мы, возвращаясь к мнению А. Л. Бертье-Делагарда, которое нам представляется наиболее вероятным. Будем надеяться, что дальнейшие исследования городища осветят вопрос о времени возникновения Чуфут-кале более определенно.

Еще менее убедительна локализация Фулл — поселения, упоминаемого в источниках VI, VIII и IX вв. и, надо полагать, довольно крупного, поскольку оно являлось центром большой христианской епархии. По мыслям Е. В. Веймарна, Фуллы находились в расположенном неподалеку от Чуфут-кале поселении Кыз-кермен (стр. 75—77). Но это, во-первых, совсем маленькое поселение, занимающее часть мыса, возвышающегося над долиной р. Качи, с редко расположенными и немногочисленными домами и с короткой оборонительной стеной, ограждавшей его с напольной стороны. Во-вторых, ведя в течение двух сезонов раскопки на плато Кыз-кермен, мы убедились, что ничего древнее VIII—IX вв. там нет (таково мнение и Е. В. Веймарна — стр. 75). Таким образом, Фуллами, существовавшими уже в VI в., поселение на плато Кыз-кермен быть не могло.

Вторая часть статьи Е. В. Веймарна касается территории княжества Феодоро в конце XV в.— накануне турецкого завоевания (стр. 77—82 и карта на стр. 79). Статья эта не вызывает возражений. Следует лишь оговорить, что речь идет о границах уже хиревшего княжества накануне его гибели: в XIII—XIV вв., т. е. до татарских погромов и захватов и до обоснования татар в юго-западном Крыму, его границы были, вероятно, шире.

Можно согласиться с Е. В. Веймарном, что территория консульства Чембало (Балаклавы) несколько преувеличена А. Л. Бертье-Делагардом; она, вероятно, вообще не намного выходила за пределы самого Чембало с самой ближайшей округой. По крайней мере, в Уставе Кафы 1449 г. никаких селений, принадлежащих Чембало, не указано, хотя очевидно, что сельская округа, снабжавшая город, не могла не быть с ним экономически связана [17].

Следующая статья принадлежит О. И. Домбровскому. Она содержит предварительную публикацию сведений о средневековых поселениях и других памятниках на горном массиве Бойка (стр. 83—96). Это первая публикация очень интересного и важного для истории юго-западной Таврики памятника, о котором до сих пор почти ничего не было известно. Этим определяется несомненная ценность публикации О. И. Домбровского.

Этот пункт уже давно связывается с Пοῖκα в надписи сотника Хуптани (с христианским именем Дмитрия) — правителя Феодоро (т. е. Мангупа), датированной 1361—1362 гг. [18] Это, действительно, феодальное владение — удел, входивший в состав княжества Феодоро, и об укреплении которого сообщает надпись.

Здесь в результате обследования в 1955—1956 гг. О. И. Домбровским прослежены оборонительные стены из бутового камня на известковом растворе толщиной 2,3 *м* (местами, по моим записям, 1,90 *м*), преграждавшие седловины между возвышенностями (стр. 86—87), выявлены шесть средневековых поселений, отмеченных

---

[16] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 122.

[17] Устав для генуэзских колоний в Черном море... 1449 г. ЗОО ИД, V, 1863, стр. 784 (§ 4), 795 (§ 17).

[18] А. И. Маркевич. Географическая номенклатура Крыма как исторический источник. ИТОИАЭ, II (59), 1928, стр. 21; Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа (ИГАИМК, 71, 1933, стр. 9—11).

скоплением керамики (стр. 94—95), остатки кузнечного производства (стр. 92); даны некоторые сведения о старых дорогах с крепидами (стр. 93; аналогичные крепиды мы наблюдали около с. Передового, бывш. Уркуста в Байдарской долине). В западной части седла к ЮЗ от горы Сатир обследован храм. Но все это — результат общего обследования. Бойка ждет археологических раскопок, которые только и смогут дать более определенные представления об этом памятнике.

Храм у горы Сатир был раскопан лишь с внешней стороны, но О. И. Домбровский нашел плиты, которыми были «настланы полы поверх туфового сводчатого перекрытия подпольных помещений». Последние, однако, раскопаны им не были (стр. 89); храм, по мнению автора, имел усыпальницу, что вполне вероятно. Само же здание он определяет как «базиликальное в плане» (стр. 89 и рис. 6), однако плана храма (его внешних очертаний по данным раскопок) в статье почему-то не приведено, что неоправданно сужает возможности судить о здании. Попробуем, однако, представить себе внутреннюю структуру храма, исходя из выясненных раскопками его размеров, наличия трех апсид и нартекса. Если из общей длины (27 *м*) вычесть выступ апсид (вместе с междуапсидальными стенками — 9 *м*) и ширину нартекса (9—10 *м*), то для внутреннего пространства останется приблизительно квадрат с внутренними размерами 17 × 17 *м*. Таким образом, характерная для базилики протяженность здесь исключена. В квадратном помещении храма естественно предположить 4 устоя, поддерживающих купол (диаметром 6,5 *м*). Но автор упоминает найденное при раскопках здания надгробие в виде миниатюрной модели храма с двухскатным покрытием, воспроизводящей, возможно, данный храм. Однако рисунок надгробия также не приведен, что очень досадно, ибо отнимает у читателя и то немногое, что может помочь реконструкции здания. Если модель эта следует реальным формам храма, то внутреннюю композицию его надо будет представить себе в более простом виде с продольными полуцилиндрическими сводами, что также часто встречается в провинциальном греческом зодчестве позднего средневековья.

Автор не датирует храм — для этого нет прямых данных, надгробие же с моделью и надписью в статье не опубликованы. Он ограничивается указанием на «верхнюю дату», т. е. на время, до которого храм существовал, а именно конец XV в., когда Крым захватили турки. Построен же храм, по моему мнению, вряд ли раньше XII—XIII вв.— времени возвышения княжества Феодоро, ставшего в этот период независимым. В отношении даты поселений на Бойке показательна керамика, найденная здесь и, судя по рис. 7 (стр. 90), относящаяся ко времени от XII в. (поливная чаша, рис. 7, *а*) до XIV—XV вв. (блюдо, рис. 8), хотя встречен и фрагмент кувшина с плоской ручкой (рис. 7, *б*), и обломок горшка со сплошным рифлением и волной (рис. 7, *в*), типичных для IX, особенно X в. Но автор объединил на рис. 7 керамику из разных пунктов Бойки, а места находок отдельных предметов в подписи под рисунком не указал, что в научном издании, конечно, недопустимо.

Следующий раздел сборника посвящен юго-восточному Крыму и содержит две статьи М. А. Фронджуло. В первой из них речь идет о раскопках поселения VIII—X вв. на холме Тепсень на окраине пос. Планерского (бывш. Коктебель) в 1957—1959 гг., другая — о ремесленном производстве в восточном Крыму в ту же эпоху. Эти обе статьи в сборнике, пожалуй, наиболее значительны по своему историческому содержанию, хотя и не бесспорны.

В первой из них дается описание шести раскопанных домов VIII—IX вв., состоящих большей частью из двух помещений со стенами из сырцового кирпича на каменном основании, обычно сложенном «в елку», с лежанками и с открытыми очагами, некоторые — с печами-каменками в углу. Приводятся находки, из которых особенно интересны земледельческие орудия (коса-горбуша, мотыжка), литейные формы, кузнечный пробойник, железный шлак (железо, как выяснилось, плавилось из керченской руды). Важны наблюдения автора о наличии на поселении двух строительных периодов, из которых первый предшествует строительству VIII—IX вв. (стр. 112). Далее следует обобщенная характеристика керамического комплекса этого времени (пифосов, амфор, столовой и кухонной посуды). Обращает внимание малочисленность находок кувшинов с плоскими ручками, всего 1,5% (стр. 123) — формы, столь характерной для юго-западной Таврики, особенно в городе (Херсон), и совсем ничтожное количество находок лепной посуды (рис. 126), которая, наоборот, как показали наши раскопки, доминирует в керамике одновременных сельских поселений юго-западной Таврики. Как видно, поселение в Планерском по своей культуре ушло по сравнению с ними далеко вперед. Для Планерского характерно обилие находок бороздчатых яйцевидных амфор причерноморского типа, которые, как известно, в большом количестве производили тогда в восточной Таврике (Чабан-куле и Канакская балка). Автор связывает это с расцветом виноградарства и виноделия в Крыму (стр. 123 и 143): амфоры служили тарой для вина, но, конечно, широко использовались и в быту — для воды, для масла.

М. А. Фронджуло делает и более широкие обобщения. 1) Украшения на сосудах в виде линейно-волнистого орнамента он генетически связывает с традицией римского времени (стр. 127), хотя это элементарный орнамент, всюду сопутствующий гончарной посуде и возникающий без всякого взаимовлияния. 2) «Несмотря на то что памятники IV—VII вв. почти не изучены, мы вправе полагать, что местные позднеантичные традиции сохранились в керамическом производстве восточного

Крыма в VII — IX вв.» (стр. 127). Указание на это он видит не только в керамике, но и в конструкции гончарных печей. «Мы можем поставить вопрос и шире — не были ли земли Боспора и его округи той территорией, где на основе сармато-меотской кухонной посуды произошел процесс зарождения так называемой салтово-маяцкой кухонной керамики с ее линейно-волнистым орнаментом» (стр. 128).

М. А. Фронджуло свои заключения распространяет и на тип жилого дома восточной Таврики; тип этот весьма существенно отличается от жилищ салтово-маяцкой культуры (стр. 119), с чем нельзя не согласиться (то же относится и к юго-западной, и к западной Таврике), как и с тем, что «жилые дома поселения в с. Планерском VIII—IX вв. по своей планировке, ориентации и строительным приемам очень близки к рядовым жилым домам античных городов» (стр. 120, ср. стр. 131). Отсюда автор заключает, что культура поселений Таврики VIII—IX вв. «по всей вероятности, была создана оседлым, этнически смешанным населением (потомками тавров, скифов, сармато-алан, боспорских греков), уцелевшим после гибели Боспорского царства... В материальной культуре этого смешанного многоэтнического населения сохранились и получили дальнейшее развитие античные традиции» (стр. 130).

М. А. Фронджуло, конечно, прав, говоря о влиянии позднеантичного Боспора и вообще городов Таврики на сложение местной «варварской» культуры раннего средневековья: влияние это было значительным и всесторонним. Но не считаться с салтово-маяцким элементом в ней нельзя: он сильно ощущается на каждом шагу, прежде всего в керамике. Формы лепной посуды, столь типичной для раннесредневековых поселений юго-западной Таврики (она там явно преобладала), нельзя вывести из форм местной посуды (а в соседнем Херсоне лепная посуда почти не встречается); типичные для поселений VIII—IX вв. горшки со сплошным рифлением генетически невозможно возвести к позднеантичным формам, а линейно-волнистый орнамент, как говорилось, вовсе не обязательно связан с античной керамикой; облик этих горшков особенно характерен для болгарской керамики, которая нам теперь хорошо известна по многочисленным поселениям Приазовья [19] и самой Болгарии [20], а сосуды с внутренними ушками теперь известны и в восточной Таврике [21]. Известны теперь там и полуземлянки, овальные в плане (юртообразные).

Правда, факты эти стали известны лишь в самое последнее время и не успели отразиться в рецензируемой статье, но это не меняет сути дела. Дело не в том, можно ли назвать эту культуру VIII—IX вв. в Таврике салтово-маяцкой или «крымским вариантом» салтово-маяцкой культуры (этот термин вообще ничего не выражает). Суть в том, что культура средневековой Таврики того времени во многом обязана притоку нового элемента — болгар из Приазовья, распространившихся по всей Таврике (до крайних западных степных ее пределов) и испытавших воздействие позднеантичных городов, прежде всего Боспора и Херсона и даже, возможно, вобравших в себя в ощутимой степени выходцев из этих городов, переживавших в ту пору упадок. Таким образом, культура эта действительно, как пишет М. А. Фронджуло, северопричерноморская (стр. 132), но, как мне представляется, сформировалась она благодаря массовому притоку нового для Таврики и весьма активного этноса — болгар. В обстановке старых и сильных античных традиций культура оседавших болгар, сливавшихся с местным смешанным населением, приобретала новый облик, который не назовешь ни собственно причерноморским, ни чисто болгарским, ни салтово-маяцким, хотя элементы всех этих культур она содержала. Несомненно, статья М. А. Фронджуло поможет исследованию этой проблемы.

Другая статья того же автора «О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму» (стр. 133—151) рассматривает, в сущности, ту же тему — культуру восточной Таврики VIII—IX вв. но в аспекте производственном. В первой части излагаются результаты раскопок гончарных печей того времени — одной в Канакской балке (из четырех там открытых автором), одной — в соседнем Чабанкуле. Печи небольшие, с одним топочным каналом (ранее раскопанные в Чабанкуле — двухканальные). В обеих раскопанных печах обжигались амфоры. М. А. Фронджуло открыл и мощные (метровой толщины) завалы керамического боя. Рассматриваются также керамические изделия (фляги, кувшины), украшенные простейшим орнаментом, нанесенным толстыми красными линиями (стр. 141 и рис. 9), аналогии которым известны на Северном Кавказе. М. А. Фронджуло заключает, что такого рода керамика привозилась на Кавказ из Крыма. Но это маловероятно; скорее наоборот: мотив украшения красными линиями из аланской среды Северного Кавказа был занесен в болгаро-аланскую же среду восточной Таврики.

---

[19] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1697, стр. 106—108, рис. 25.

[20] С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА. XXVII, 1957, стр. 117—118, 124; Ст. Станчев, Ст. Иванов. Некрополът до Нови Пазар. София, 1958, стр. 56—64; ср. рис. 7 и 8; С. Георгиева. Раскопки на могили XXXII и XXXIII в Плиска. Изв. на Българския археол. институт, XX, 1955, стр. 15—24.

[21] А. В. Гадло. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива. КСИА АН СССР, 113, 1968, стр. 83, рис. 22а.

Не могу согласиться и с тем, что гончарные печи в Чабан-куле и Канакской балке «принадлежали городским ремесленникам раннесредневековой Сугдаи». Этот вывод делается автором на том основании, что продукция печей очень хорошая, стандартная, печи носят «городской характер» (стр. 142). Но Сугдея VIII—IX вв. нам еще совершенно неизвестна, да и находится далеко от печей (30 *км*), и изображать гончарную слободу в Чабан-куле как ремесленный пригород Сугдеи у нас пока нет оснований. Скорее, этот гончарный поселок отпочковался от ближайших поселений, которые выявил автор (стр. 142).

Вторая часть статьи является обзором находок металлических предметов из раскопок в Планерском (стр. 143—150): железных сельскохозяйственных орудий, предметов бытового обихода и медных украшений, которые здесь же и производились (найдено пять каменных матриц); отмечается наличие железоделательного производства (скопление шлака); довольно широко привлечен параллельный материал (стр. 150), главным образом из салтово-маяцких поселений. Но эта часть статьи в значительной мере повторяет обзор металлических находок, сделанный выше, при описании раскопок в Планерском в 1957—1959 гг. (стр. 108, 109, 115—116, 128—129). Добавлена лишь мысль о том, что изготовленные в Планерском украшения «находили сбыт в многочисленных салтовских поселениях на Дону и Донце» (стр. 149 и 150), что, однако, в статье никак не показано.

Три последние статьи сборника посвящены могильникам предгорного и горного Крыма и носят описательный характер.

В статье О. А. Махневой «О плитовых могильниках средневекового Крыма» (стр. 155—168) дается сводное описание могильников в с. Заречном (близ Симферополя) и в Алуште. Первый из них — с могилами, обложенными очень тонкими плитами и без инвентаря (украшения имеют только детские погребения: проволочные серьги, серьги с бусиной, шаровидные пуговицы). Автор относит их к X—XII вв. (стр. 159), но эта датировка сомнительна, ибо такой тип могилы, как указывает и О. А. Махнева (стр. 168), держится в Крыму вплоть до позднего средневековья, а приведенные формы украшений (рис. 9 на стр. 163) также очень устойчивы. Так, например, не только серьги в виде проволочных колец, но и шаровидные пуговицы нам встречались в плитовых могилах XIV в. близ с. Гончарное (бывш. Варнутка).

Дата могильника в Алуште, мне думается, также более поздняя, чем XIII в., как датирует его О. А. Махнева по золотым филигранным бляшкам из могилы 21. Вернее дата вещей с подобной орнаментикой из Бухары, предложенная А. А. Спицыным (XIII—XIV вв.) [22], но и она завышена. Об этом говорит орнаментика на татарских надгробиях XVI—XVII вв. в Поволжье [23]. Мы склонны датировать эти бляшки не XIII—XIV вв., а XVI—XVII столетиями. Сама церковь, где устроена могила, возможно, древнее. В заключение автор дает краткий обзор плитовых могильников Крыма, начиная с античных.

Статья А. А. Щепинского «Средневековые погребения в грунтовых могилах близ Симферополя» (стр. 169—180) представляет собой публикацию трех погребальных памятников. Первый из них — это грунтовый могильник XIV—XV вв. в Холодной балке близ Симферополя (стр. 169—175). Показательна устойчивость погребального обряда, столь близкого в данном случае обряду VIII—IX вв. Автор открыл вблизи могильника и поселение приблизительно того же времени (стр. 175), которому могильник, очевидно, принадлежал.

Второй памятник — впускное погребение в кургане у р. Салгира (близ пос. Жигулина Роща) — вероятно, раннесредневековый (стр. 176). Третий — впускное погребение в долине р. Альмы у с. Плодовое, также датируемое автором ранним средневековьем (судя по широкогорлому кувшину, напоминающему сарматский) в чем, однако, нет уверенности.

Наконец, последняя статья — О. А. Черепановой и А. А. Щепинского (стр. 181—201) — является сводкой сведений о курганных погребениях поздних кочевников в степном Крыму, открытых раскопками в конце XIX и начале XX в. (Ю. Кулаковского, Н. И. Веселовского и Н. Л. Эрнста), и о случайных находках, происходящих из таких погребений. Речь идет о погребениях конных воинов; часть этих погребений авторы связывают с печенегами и половцами и соответственно датируют IX—XI вв. (почему-то названными позднесредневековыми — стр. 183, 187), часть считают татарскими и относят к золотоордынскому времени (XIII—XIV вв.).

Сборник завершает приложение (стр. 205—212), в котором дана краткая характеристика архива А. Л. Бертье-Делагарда, столь много сделавшего для изучения античной и средневековой Таврики. Архив этот хранится в Крымском областном краеведческом музее (Симферополь) и содержит ряд еще не опубликованных руко-

---

[22] А. А. Спицын. Бухарский клад и Мономахова шапка. ИАК, № 29, 1909, стр. 80. Дата дана им исходя не из конкретных аналогий, а из общих соображений.

[23] Али-Рахим. О двух татарских погребальных памятниках XVII в. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской ССР, III. Казань, 1929, стр. 16, фронтиспис и табл. 2; П. М. Дульский. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI—XVII вв. Там же, стр. 23—25; его же. Народное искусство Татарской республики. Сб.: «Художественная культура Советского Востока», 1931, стр. 79—81, табл. XI и XII.

писей (стр. 207—210), среди них «Ведомость» христианского населения, вышедшего из городов и деревень Крыма в 1778 г., комментарии к переводу «Путешествия в Крыму» П. С. Палласа (опубликованному в ЗООИД, XII, XIII) и др. Эти труды, принадлежащие перу тонкого и глубокого исследователя, каким был А. Л. Бертье-Делагард, было бы желательно возможно скорее опубликовать, как и его эпистолярное наследство (в архиве хранится 25 писем самого А. Л. Бертье-Делагарда и 238 писем к нему за время с 1876 по 1919 г.), в котором занимающиеся историей Таврики несомненно найдут для себя немало полезного и поучительного.

В нашей рецензии мы сосредоточили внимание на тех статьях, которые по своим выводам являются в той или в иной мере спорными; в этом отношении рецензия является дискуссионной. Но мы убеждены, что в деле изучения средневековой Таврики такое обсуждение не только полезно, но и необходимо.

А. Л. Якобсон

И. Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Изд-во «Наукова думка», 1969.

В монографии рассматриваются материалы пяти стоянок. Совместное с И. Г. Шовкоплясом руководство раскопками Добраничевской и Мезинской стоянок позволило И. Г. Пидопличко привести о них дополнительные сведения и соображения. Публикуется исследованное им исключительное по сохранности и деталям Межиричское жилище. Благодаря изучению автором архивных и коллекционных материалов в некоторой мере прояснен вопрос о жилищах и бытовой обстановке Киевокирилловской и Гонцовской стоянок.

Собственно жилищам уделено около четверти книги. Остальная часть посвящена вопросам стратиграфии, топографии, орудиям, фауне, датировке и т. д. Это делает книгу интересной для специалистов различных дисциплин, но, учитывая небольшой ее объем, по-видимому, препятствует полноте описаний и доводов. Поэтому в ряде случаев не удается составить ясное представление о вещах и оценить позицию автора.

Изложение начинается с описания Киевокирилловской и Гонцовской стоянок, раскопки которых были начаты еще в конце XIX в. и во многом плохо документированы. Автор вынужден постоянно ссылаться на последующие описания вместо того, чтобы поместить их в начале и тем самым представить сомнительные материалы в свете надежных. Такое построение книги не вполне удачно.

И. Г. Пидопличко считает, что главными типами позднепалеолитических наземных жилищ были временные строения в виде чума с каркасом из жердей и яранга — постоянное жилище куполообразной формы, в основе которого обязательным элементом были черепа и другие кости мамонта (стр. 13—15). Жилища рассматриваемых им стоянок отнесены к ярангам. На наш взгляд, здесь недооцениваются фундаментальные возможности чумов и переоцениваются те же свойства яранг. Даже переносной чум ханты и манси в летнее время обкладывается дерном и мхом. Южнее, в лесной зоне, покрытие чума из кустов свежесодранной бересты и пихтовой коры приваливают сверху жердями и бревнами. Эскимосы севера Канады и Гренландии укрепляют нижнюю часть покрытия чума камнями или изогнутыми обломками костей, обычно китовых. Как видим, при постройке современных (в том числе и совершенных) форм чума используются элементы, придающие им некоторую основательность. В примитивном позднепалеолитическом строительстве при необходимости сооружать жилища на годы и имея под рукой столь подходящий материал, как кости мамонта, древние строители могли использовать их для приваливания покрытия и внешней обкладки.

Остов яранги конструируется из жердей. Ее покрытие береговые жители укрепляют подвешенными на ремнях тяжелыми камнями, а оленеводы ограничиваются тем, что приставляют к своим меньшим по размеру и более легким ярангам грузовые сани. Очевидно, яранга не столь уж превосходит чум своей основательностью. К тому же она достаточно специфичный тип жилища, и пока нет никакой возможности усмотреть ее в каком-либо из позднепалеолитических развалов. Поэтому правильнее говорить просто о куполообразном типе жилищ, вероятность бытования которого в позднем палеолите почти такая же, как конического (чумообразного). Что касается конструктивной фундаментальности и долговременности обоих типов, они, должно быть, равно варьировали в самых крайних по тому времени пределах.

Определить по остаткам тип жилища — трудноразрешимая задача. Большой интерес в этом плане представляют наблюдения И. Г. Пидопличко о наличии во фронтальных частях межиричского и мезинского жилищ парных черепов мамонтов, имеющих по одному бивню. Предполагается, что бивни были соединены наподобие арок, чему имеются довольно серьезные подтверждения. Заменив понятие «яранга» понятием «купольное жилище», согласимся с И. Г. Пидопличко, что по-

добное строение фасадной части жилища может свидетельствовать о сооружении его по типу куполообразного. В отношении мезинского жилища укажем на еще одно обстоятельство. Основная часть черепов по краю основания была вкопана в землю затылочной частью, а лобной обращена внутрь ограждения. Они должны были бы плотно прилегать к покрытию конусного жилища. Но в одном из черепов сохранились бивни длиной по 1,5 *м*, крутой дугой загнутые внутрь жилища. В таком виде череп трудно приспособить к стене конусного жилища, зато он естественно входит в контур куполообразного.

Входная арка могла иметься в Гонцовском жилище. Его тип остается под вопросом. Все прочие жилища отнесены И. Г. Пидопличко к ярангам лишь по наличию кольцевой обкладки из костей мамонта. Насколько это правомерно, уже говорилось.

Вряд ли можно согласиться с оценкой автором назначения костных элементов основания и завалинки описанных им жилищ. По его мнению, основная их роль — фортификационная, для защиты от проникновения в жилище хищных зверей и враждебных людей (стр. 77, 93, 147, 148). В некоторой мере противореча себе, широкое применение костей мамонта при строительстве жилищ в лесостепной зоне он объясняет низким уровнем технической культуры, вне возможностей которой было использование толстых бревен (стр. 14). Но толстых бревен, по-видимому, и не требовалось, а вместо заготовки толстых жердей и переноса тяжелых камней для сооружения полноценного зимнего жилища естественно было воспользоваться во многих отношениях более подходящим материалом — костями мамонта. Кости и без того приходилось доставлять на поселение, так как в условиях охоты слишком хлопотно было отделить все мясо от костей и воспользоваться мозгом. К тому же кости требовались на поселении и в производственных, бытовых и других целях[1]. Вполне понятно, что употребление столь громоздкого материала придавало жилищам фундаметальный, «фортификационный вид», но само по себе это отнюдь не доказательство фортификационного назначения конструкции основания.

Срок жизни людей в жилищах и на поселениях И. Г. Пидопличко определял по количеству съеденных животных. В среднем он близок 8 годам и лишь у межиричского — 20 (стр. 151—154). Эти числа, возможно, далеки от окончательных, но они выглядят реалистично, особенно в сравнении с теми непомерными сроками, которые иногда даются. Что же касается попытки по скорости лёссонакопления выяснить интервал, отделяющий заброшенное межиричское жилище от современности, то она сделана без должного обоснования. Неясно, каким образом определена продолжительность периодов интенсивного хода процесса, его затухания и многое другое (стр. 142—144). Правдоподобная датировка в узких пределах (6—7 тыс. лет) не может быть надежно установлена в результате беглой прикидки, если она недостижима пока и при глубоком учете изменений климата, геологических процессов, растительности, рельефа и пр.

Не убеждают и соображения автора по поводу истребления мамонтов (стр. 148, 149). За 1857—1876 гг. в Африке в основном примитивными способами была уничтожена 51 тыс. слонов. И. Г. Пидопличко делает вывод, что при подобной интенсивности охоты в лесной и лесостепной зонах Европейской части СССР мамонты могли быть выбиты за 200 лет. Однако он не приводит данных в пользу того, что мамонт, бывший в течение тысячелетий основным объектом охоты, вдруг был поставлен в условия резкой ее интенсификации. И такие данные вряд ли имеются, хотя постепенное совершенствование промысла мамонта, разумеется, должно было происходить. Что же касается африканской аналогии, ею следует пользоваться осмотрительнее уже потому, что там пожар истребления был разожжен совершенно иным обстоятельством — добычей бивней.

Мнение о переживании мамонта в Восточной Европе вплоть до письменно-исторического времени — противоположная крайность автора. Существование редких животных — столь крупных, неплодовитых и приспособленных к стадному образу жизни — не могло в условиях все возраставшей населенности продлиться тысячи лет. Будь это не так, при нынешней исследованности мезолита, неолита, бронзы и раннего железа Восточной Европы мы имели бы немало свидетельств переживания мамонтов.

В краткой рецензии мы специально остановились на некоторых важных вопросах, вызывающих сомнение или, на наш взгляд, неверно освещенных автором. Что до монографии в целом, в ней содержится немало ценных сведений и мыслей, она хорошо издана. К тому же она представляет собой первый опыт монографического исследования группы поселений — дела уже назревшего и нужного не только археологам. Книга на редкость хорошо издана. Подписи под рисунками и краткое заключение даны и на английском языке, что облегчит знакомство с книгой иностранным читателям.

В. Я. Сергин

---

[1] Попутно заметим, что доставка костей на поселение по перечисленным и прочим надобностям, по всей вероятности, и послужила причиной все более широкого использования их в строительстве вплоть до известных нам масштабов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ В г. ФРУНЗЕ

23—26 ноября 1970 г. во Фрунзе состоялось Совещание по проблемам изучения средневекового города Средней Азии, организованное Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана и Институтом истории АН Киргизской ССР. Созыв его был продиктован необходимостью координации усилий археологов, занимающихся этой тематикой. В совещании приняли участие представители 27 учреждений из 14 городов.

Первый день работы совещания был посвящен ознакомлению с работами археологов Киргизии, было заслушано пять сообщений, осветивших разные стороны археологического изучения Киргизии.

24 ноября на утреннем и вечерном заседаниях были заслушаны основные доклады, касавшиеся важнейших аспектов исследования средневекового города Средней Азии. В. М. Массон (Ленинград) в докладе «Методические аспекты изучения средневековых городов Средней Азии и Казахстана» отметил успехи, достигнутые в области изучения средневекового города, особенно в сфере исторической топографии областей и больших городов. По мнению докладчика, в большой проблеме изучения средневековых городов можно выделить три главных направления: исследование городской жизни исторической области, выявление динамики развития отдельных городов и исследование поселения как социального организма. Получение надежных данных возможно только при соблюдении тщательной фиксации археологического материала в процессе раскопок. Важнейшим методическим приемом является изучение микрорельефа городищ и горизонтальные раскопки большими площадями. Большое значение имеет широкое использование в археологии методов точных наук, но пока не все археологические учреждения Средней Азии имеют необходимые лаборатории. Для исследования социально-экономического строя общества необходимо внедрять в археологическую практику методы демографического анализа, разрабатывать социологические аспекты истории города. Необходимо сочетать правильную методику раскопок с технологическим анализом материала и социально-экономической интерпретацией.

О. Г. Большаков (Ленинград) в докладе «Социально-экономический строй средневекового города и задачи его археологического исследования» показал, каким образом изменение социально-экономического строя города в VIII—IX вв., приведшее к замене городов-резиденций большими торгово-ремесленными центрами, может отразиться в облике археологического памятника. По мнению докладчика, период наиболее интенсивного роста среднеазиатских городов приходится на IX в. Говоря о локализации ремесел в пределах кварталов, он отметил, что в X—XI вв. еще не сложились замкнутые кварталы, а имеющийся археологический материал не позволяет говорить о концентрации и территориальном обособлении отдельных видов ремесел.

Далее был поднят вопрос об определении понятия «город» применительно к мусульманскому средневековью. По мнению О. Г. Большакова, основой для установления числа городов в Средней Азии X в. должны быть списки городов ал-Мукаддаси; отождествление их с реальными остатками дает тип поселения, считавшегося городом. В докладе предлагался опыт подсчета численности городского населения и соотношения его с сельским. Высокий процент городского населения (в среднем около 20—25%) определял высокую товарность сельского хозяйства. В заключение докладчик указал на необходимость исследования среднеазиатского города на широком историческом фоне с привлечением материалов по Ближнему Востоку.

Н. Н. Негматов (Душанбе) в докладе «Из опыта изучения городской жизни ходжентско-уструшанского региона» ознакомил совещание с работами по исследованию городов Уструшаны, особенно подробно остановившись на примере Ходжента и Бунджикота (Шахристан). Исследование Ходжента, древние слои которого скрыты под современным городом, проводилось при сочетании данных письменных источников, раскопок и этнографо-топонимических материалов. Докладчик подчеркнул, что только такое комплексное исследование может предохранить от односторонних и неточных выводов.

С. Б. Лунина (Ташкент) рассказала о приемах изучения исторической топографии большого города, применяемых ЮТАКЭ; выборка данных письменных источников, сплошной сбор подъемного материала на отдельных частях городской территории, изучение сохранившихся архитектурных сооружений, проведение археолого-топографической съемки, шурфовка, планомерные раскопки. С. Б. Лунина согласилась с мнением О. Г. Большакова, что период наибольшего роста города приходится на IX в., в X в. почти вся площадь будущего города застроена. В качестве примера исследования ремесленного квартала были приведены раскопки квартала керамистов западнее Султан-Калы. В XII в. после разгрома Мерва гуззами город полностью восстанавливается. Вопреки прежним представлениям установлено, что и после монгольского нашествия в XIII—XIV вв. происходит частичное заселение города. К числу закономерностей, установленных работами ЮТАКЭ, относятся: факт одновременного развития ремесла в IX в. в шахристане и рабаде, монографическое обособление жилых домов богатых горожан, вынесение в пригород объектов, требовавших больше свободных площадей.

Г. А. Федоров-Давыдов (Москва) в докладе «Исследование социальной структу-

ры средневекового города при археологических раскопках» продемонстрировал на примере Сарая Берке (Царево городище) отражение социальной структуры общества в застройке: превращение рабов-военнопленных в свободных ремесленников выражается в замене землянок домами. Засвидетельствованы два типа социальной организации ремесла: часть ремесленников расселялась по профессиональному признаку, а часть жила в усадьбах аристократии, в которых оказываются ремесленники разных специальностей. Планировка некоторых усадеб показывает сохранение в среде городского населения семейной организации типа патронимии.

Ю. Ф. Буряков (Ташкент) в докладе, сделанном от имени экспедиции, возглавляемой Я. Г. Гулямовым, ознакомил присутствующих с ходом работ на Афрасиабе и планами дальнейшего его исследования. Работами установлено, что в античное время русло Сиоба было на 9 *м* выше современного и он не был границей города, который простирался на северо-восток за пределы этого канала. В районе Регистана обнаружено русло канала, проведенного в первых веках до н. э. для снабжения водой территории Афрасиаба. В VIII—IX вв. н. э. этот район начинает застраиваться, превращаясь в рабад Самарканда.

В прениях по этим докладам выступило 11 человек.

Главной темой выступлений был вопрос о локализации ремесленных кварталов, профессиональной однородности населения квартала, об определении его границ. Относительно способности топографического плана отразить планировку и границы города мнения разделились. Ряд выступавших отметили, что наибольший темп роста городов приходится на IX в., в то же время происходят значительные изменения в технике и технологии ремесленного производства.

В третий день работы совещания было заслушано 18 докладов и сообщений по отдельным вопросам исследования отдельных городов и районов. Особо следует отметить четкое и содержательное сообщение Г. В. Шишкиной (Ташкент) об изучении квартала на северо-западе Афрасиаба, П. Н. Кожемяко (Фрунзе) об изучении памятников средневековья в Киргизии, К. А. Акишева, К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича (Алма-Ата) о перспективах археологического исследования Отрара, К. А. Абдуллаева (Ташкент) об исследовании городища Харашкент (Канк), В. Н. Ягодина (Нукус) об изучении Миздахкана и применении аэрофотосъемки, Е. Е. Неразик (Москва) об исследовании Хорезмских средневековых поселений, Э. Г. Гулямовой (Душанбе) о средневековых памятниках в районе Хульбука.

Все выступавшие на совещании отмечали полезность и своевременность созыва совещания и высказывались за практику подобных конкретных по теме совещаний. Участники единогласно приняли резолюцию, в которой одобряются планы широкого исследования Баласагуна и Отрара, рекомендуется в ближайшие пять лет завершить историко-топографическое обследование Средней Азии, шире применять методы технологического анализа, использовать аэрофотосъемку. В качестве основной единицы исследования внутри города рекомендованы раскопки квартала.

На заседании Научного совета 26 ноября были рассмотрены мероприятия по осуществлению и контролю за выполнением решений совещания. Принято решение о посещении членами Совета раскопок средневековых городов для ознакомления с применяемой методикой. Совет утвердил план основных мероприятий на 1971—1972 гг. В тот же день участники совещания ознакомились с городищем Бурана, на котором планируется начать раскопки большого масштаба.

О. Г. Большаков

О. А. АБИБУЛЛАЕВ

9 сентября 1970 г. после тяжелой болезни скончался старший научный сотрудник Института истории АН Азербайджанской ССР, кандидат исторических наук Осман Абибуллаевич Абибуллаев. Ушел от нас человек, сделавший большой вклад в развитие археологической науки в Азербайджане.

О. А. Абибуллаев родился 28 сентября 1913 г. в Бахчисарае в Крыму, в семье сельского учителя. Рано потеряв родителей, О. А. Абибуллаев жил и учился в детском доме. После окончания средней школы в 1930 г. в Симферополе он ряд лет работал сельским учителем, фрезеровщиком на заводе, техническим секретарем Нахичеванского Обкома партии и библиотекарем областного парткабинета.

Окончив в 1938 г. годичные учительские курсы при Наркомпросе, он в 1940 г. направляется учителем в сел. Баскал (АзербССР). В 1941 г. О. А. Абибуллаев вступает в ряды Красной Армии.

Во время Великой Отечественной войны он участвовал в боях в Крыму и на Северном Кавказе, где был три раза ранен и контужен. В конце 1943 г. был освобожден из армии по инвалидности. За участие в Великой Отечественной войне был награжден правительственными медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

В 1944 г. Абибуллаев поступает на востоковедческий факультет Азгосуниверситета им. С. М. Кирова в Баку, который оканчивает в 1948 г. С конца 1947 г. работает в Институте истории АН АзербССР сначала лаборантом, потом младшим научным сотрудником по археологии Азербайджана.

Его кандидатская диссертация, успешно защищенная в 1959 г., была посвящена исследованию многослойного холма Кюльтепе в Нахичеванской АССР.

О. А. Абибуллаев систематически принимал участие во многих археологических экспедициях в Кобыстане, Мингечауре, на городище Оренкала в Мильской степи. Находясь в составе Оренкалинской экспедиции, проводимой Институтом истории АН АзербССР и ЛОИА под руководством А. А. Иессена, он возглавлял отряд этой экспедиции по исследованию памятников энеолита и эпохи бронзы на территории Нахичеванской АССР и в Ходжалы (НКАО).

Раскопки и исследования О. А. Абибуллаева на холме Кюльтепе явились ценным вкладом в развитие археологии не только Азербайджана, Закавказья, но и всего Кавказа. Он впервые выявил круглые жилища и погребения энеолита и ранней бронзы в Азербайджане. В результате тщательного многолетнего изучения холма Кюльтепе он установил стратиграфически культурные слои энеолита, бронзы и раннего железа. Благодаря его исследованиям так называемый «Куро-Аракский энеолит» нашел свое место в археологии Закавказья в виде культуры ранней бронзы, так как металлические изделия этого периода оказались не из меди, а из мышьяковской бронзы. Его исследованиями была установлена и культура средней бронзы, ранее не разработанная в Азербайджане. Он уточнил хронологические рамки указанных выше периодов.

Исследования энеолита, ранней и средней бронзы были обобщены в начальных главах подготовляемого коллективного труда «Археология Азербайджана», одним из авторов которых являлся О. А. Абибуллаев.

В своей научной деятельности О. А. Абибуллаев всегда имел тесные контакты с крупными археологами-кавказоведами.

В процессе своей работы от занимался подготовкой молодых кадров археологов, успешно защитивших кандидатские диссертации, посвященные различным проблемам древней археологии Азербайджана.

Результаты своей многолетней работы по энеолиту, ранней, средней и поздней бронзе, включающей археологические объекты не только Азербайджана, но и синхронные памятники Закавказья, О. А. Абибуллаев обобщил в монографии «Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР». Работа эта заслуженно была представлена к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. Но болезнь и преждевременная смерть оборвали его плодотворную деятельность.

За время своей работы в Институте истории О. А. Абибуллаев опубликовал ряд работ: монографию «Археологические раскопки холма Кюльтепе» и многочисленные статьи на страницах периодических научных изданий центральных институтов АН СССР и республиканских АН АзербССР, а также статьи в БСЭ, в многотомной истории СССР.

Неоднократно О. А. Абибуллаев с успехом выступал на научных сессиях, проводимых Институтом археологии АН СССР и Институтами истории АН АзербССР, АрмССР и ГрузССР.

Всегда жизнерадостный, с легкой шуткой, необычайно скромный, кристально честный, прекрасной души человек и товарищ — таким останется в нашей памяти рано ушедший от нас О. А. Абибуллаев.

В. Алиев, Н. В. Минкевич-Мустафаева

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКО

2 января 1971 г. в возрасте 45 лет скоропостижно скончался археолог-антиковед, один из немногих специалистов по керамической эпиграфике, кандидат исторических наук Владимир Ильич Цехмистренко.

В. И. Цехмистренко родился 5 сентября 1925 г. в станице Таманской. Среднее образование его было прервано Отечественной войной. Окончив 9 классов в Краснодаре, семнадцатилетним юношей Владимир Цехмистренко идет на фронт, участвует в боях на Северном Кавказе, после ранения опять возвращается в строй, на Западный фронт. Награжден медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией». Демобилизовавшись в 1946 г., В. И. Цехмистренко окончил с золотой медалью среднюю школу и в 1948 г. поступил в Московский университет. Избрав своей специальностью античную археологию, В. И. Цехмистренко со студенческих лет начал работать в археологических экспедициях на Керченском полуострове.

По окончании МГУ в 1953 г. Владимир Ильич уезжает на работу в Керченский историко-археологический музей, где работает сначала научным сотрудником, а затем главным хранителем. В это время определяются его научные интересы в области керамической эпиграфики. В 1958 г. в «Советской археологии» напечатана его первая статья по этой тематике. Как представитель Керченского музея В. И. Цехмистренко неоднократно вел охранные раскопки в городе, а также систематически участвовал в работе Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции ИА АН СССР.

В 1959 г. Владимир Ильич был зачислен в аспирантуру МГПИ им. Ленина на кафедру истории древнего мира и средних веков, а в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э.». После аспирантуры он был направлен на три года на работу в г. Йошкар-Олу, где читал курсы археологии и истории средних веков в Марийском ГПИ.

В эти годы (1960—1965) экспедиционная деятельность Владимира Ильича была связана главным образом с исследованием Западного Крыма: он был одним из основателей и ведущих сотрудников Донузлавской экспедиции ИА АН СССР, отдавая новому делу всю свою энергию и опыт, а также привлекая к работе многих своих учеников, проходивших под его руководством полевую практику.

Вернувшись в Москву, В. И. Цехмистренко стремился всецело посвятить себя научно-педагогической деятельности в области древней истории и археологии. Работая заместителем начальника Управления по охране памятников архитектуры г. Москвы, он подготовил впервые курс лекций по охране археологических памятников, а перейдя в 1969 г. в Центральную научно-исследовательскую лабораторию консервации и реставрации в качестве заведующего отделом прикладного искусства, всемерно содействовал делу сохранения археологических коллекций в музеях и подготовке кадров реставраторов. Преподавательской работой в МГПИ удавалось заниматься по совместительству, а любимым делом — исследованием древнегреческих керамических клейм — в свободное время. Тем не менее научное наследие, оставленное Владимиром Ильичом, значительно. Им разработан ряд вопросов ме-

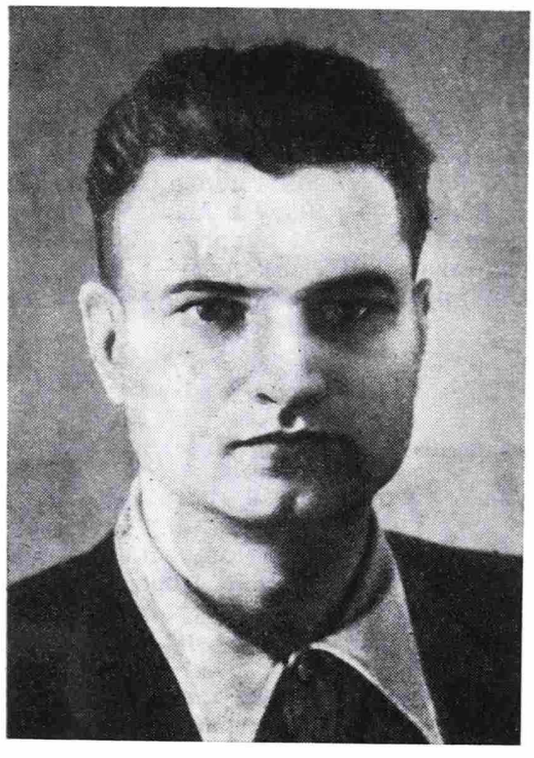
тодологии изучения клейм, создана новая периодизация синопских клейм, существенно уточнены датировки этой важной группы источников, которыми сейчас пользуются многие археологи.

Вопреки предостережению врачей, после недолгого перерыва В. И. Цехмистренко вновь вернулся к экспедиционной работе. В 1969 и 1970 гг. он работал старшим научным сотрудником Анапско-Керченской экспедиции ИА АН СССР. Осенью 1970 г., всего за три месяца до его безвременной смерти, исполнилось желание Владимира Ильича: он был принят на основную работу в МГПИ и утвержден в звании доцента. Радостным, полным творческих планов и энергии, со свойственной ему манерой добродушно шутить и подбадривать окружающих — таким видели Владимира Ильича в последние дни его жизни друзья, товарищи, ученики и таким он останется в памяти их.

О. Д. Дашевская, И. Т. Кругликова

Список печатных трудов В. И. Цехмистренко

1. Два керченских сосуда с акварельной росписью. КСИА АН СССР, 70, 1957, стр. 147—149.
2. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, 1, стр. 56—70.
3. Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского кургана близ Керчи. МИА, 69, 1959, стр. 251—256 (в соавторстве с В. Э. Куниным).
4. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, 3, стр. 59—77.
5. Глиняный штамп из Пантикапея. СА, 1962, 1, стр. 279—282.
6. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1963, 18 стр.
7. Заметки о синопских клеймах. СА, 1964, 1, стр. 321—324.
8. Из истории изучения синопских керамических клейм. Уч. зап. Марийского ГПИ им. Н. К. Крупской, 27, Кафедра истории, 1965, стр. 239—267.
9. Заметки о синопских клеймах. СА, 1967, 1, стр. 256—261.
10. Керченский склеп 1961 г. СА, 1968, 3, стр. 189—194.
11. О принадлежности вторых имен в синопских клеймах. НЭ, VII, 1968, стр. 23—36.
12. Заметки о синопских клеймах. СА, 1971, 3.



Ю. В. ДЕРЕВЯГИН

6 октября 1970 г. скончался неутомимый исследователь Саратовского края археолог Юрий Владимирович Деревягин.

Ю. В. Деревягин родился 21 мая 1926 г. в Саратове в семье служащего. После окончания Ростовской военной спецшколы он был зачислен курсантом Сумского Краснознаменного артиллерийского училища им. М. В. Фрунзе, которое окончил в 1945 г. В течение последующих десяти лет офицер Ю. В. Деревягин служил на различных должностях в частях Советской Армии в Австрии и на Западной Украине. В 1948 г. Юрий Владимирович вступил в ряды Коммунистической партии. За образцовую службу и выполнение заданий командования Ю. В. Деревягин был награжден медалями «За боевые заслуги» и «30 лет Советской Армии и Флота».

Интерес к истории привел Ю. В. Деревягина на исторический факультет Саратовского университета, который он окончил с отличием в 1960 г. Еще студентом Юрий Владимирович был участником археологических экспедиций университета и областного музея, выступал с сообщениями на первых всесоюзных археологических студенческих конференциях, а на последних курсах учебы был зачислен старшим научным сотрудником Саратовского областного музея краеведения. Интересы Ю. В. Деревягина как музейного работника не ограничивались только археологией. Он занимался разработкой экспозиций по истории Саратовского края в эпоху империализма.

В 1963 г. Ю. В. Деревягин переходит на преподавательскую работу в Саратовское художественное училище. Прекрасный педагог, он пользовался любовью и уважением учащихся и преподавателей.

До последних часов своей жизни Ю. В. Деревягин не прерывал тесных связей с музеем, отдавал много времени систематизации археологических коллекций в фондах, по-прежнему принимал участие в экспедициях музея. Одновременно Ю. В. Деревягин работает инструктором-археологом на Областной детской эскурсионно-туристской станции, отдает много сил и энергии воспитанию юных краеведов-историков. Он организовал актив из школьников, с энтузиазмом помогавших ему в археологических работах. Со своими юными помощниками он обследовал большинство районов области, неустанно пропагандировал изучение и охрану памятников истории и культуры. Юрий Владимирович был глубоко убежден, что всестороннее изучение истории и археологии местного края возможно при самом широком участии и помощи юных краеведов, что эта работа посильна школьникам, что они смогут немало сделать в деле поисков и охраны археологических памятников. Работа самого Юрия Владимировича с юными краеведами — яркое тому подтверждение.

С 1960 г. Ю. В. Деревягин начал проводить самостоятельные археологические исследования. Он поступает в аспирантуру по археологии при Саратовском университете. Его научные интересы связаны с эпохой бронзы Нижнего Поволжья. Основное внимание Ю. В. Деревягин уделял изучению поселений срубной культуры. Им открыты и описаны десятки селищ эпохи бронзы в бассейнах рек Медведицы, Хопра, Узеней и других местах. На основе корреляционного и картографического методов исследования многочисленных памятников и коллекций он пришел к выводу о раз-

личиях в керамике поселений и погребальных комплексов, о более древнем возрасте поселений эпохи бронзы в Саратовском Заволжье. Эти и другие свои наблюдения и выводы он хотел изложить в начатой и оставшейся теперь незавершенной работе, которую думал представить к защите в качестве кандидатской диссертации.

Последние годы Ю. В. Деревягин проводил раскопки открытой им на берегу р. Алтата у села Дергачи Саратовской области неолитической стоянки, первого из известных нам самого древнего поселения людей в Саратовском Заволжье. Смерть прервала работу над дальнейшим исследованием стоянки и подготовкой предварительной публикации этого интересного и ценного в научном отношении памятника.

Ю. В. Деревягин ушел от нас в самом расцвете творческих сил — он не успел сделать многое из задуманного! Светлая память о Юрии Владимировиче — коммунисте, ученом и педагоге — останется в сердцах всех знавших его людей.

Е. К. Максимов, В. Г. Миронов, В. А. Фисенко

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятки Украинской РСР
АС — Археологический сборник
АЭ — Археологическая экспедиция
АЭБ — Сб. «Археология и этнография Башкирии»
БД — Белгород-Днестровская экспедиция
ВВ — Византийский временник
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВМГУ — Вестник Московск. государств. университета
ГМИИ — Государств. Музей изобразительных искусств
ГЭ — Государств. Эрмитаж
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖДП — Живопись древнего Пянджикента
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государств. Академии истории материальной культуры
Изв. СНВИК — Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения
Изв. СОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИИАЭ — Институт истории, археологии, этнографии Казахской ССР
ИМКУ — Сб. «История материальной культуры Узбекистана»
ИРАИМК — Известия Российской академии материальной культуры
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Украинской ССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
«Мацне» — Вестник Акад. наук Грузинской ССР. Отделение общественных наук
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МЭ — Материалы по этнографии
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государств. археологический музей
ОГУ — Одесский государственный университет
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
Працы — Працы сэкцыі археолёгіі БАН
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЖДП — Скульптура и живопись древнего Пянджикента
СЭ — «Советская этнография»
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский Институт языка, литературы, истории
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИ — Труды Института истории Таджикской ССР
Тр. ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
Тр. КФАН — Труды Казанского филиала АН СССР
Тр. МАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. ОИКИВ ГЭ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. ГЭ
Тр. ОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры. ГЭ
Тр. САРАНИОН — Труды Секции археологии Российской Ассоциации научно-исслед. институтов общественных наук
Тр. ТГПИ — Труды Томского государств. педагогич. института
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Тр. ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ЮУЭ — Южно-украинская экспедиция

AAH — Acta archaeologica hungaricae
AAKb — Acta Archaeologica. Køberhavn
AÉ — Archaeologiai ertesitö
AJA — American Journal of Archaeology
AmAn — American Anthropologist
AP — Archeologia Polski
APAMNH — Anthropological Papers of the American Museum of Natural History
AR — Archaeologicke rozhledy
Arch. anz.— Archäologischer Anzeiger
BCH — Bulletin de Correspondance Hellenique
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
BSA — Annual of the British School at Athens
BSPF — Bulletin de la Société Préhistorique Française
CA — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
EW — East and West
FA — Folia archaeologica
Fr. Winter — Fr. Winter. Die Typen der figurlichen Terracotten. Berlin — Stuttgart, 1903.
IG — Inscriptiones Graecae
ILN — Illustrated London News
INES — Journal of Near East Studies
IOSPE — B. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
JPEK — Jahrbuch für prehistorische und etnographische Kunst
JHS — Journal of Hellenic Studies
MDAFA — Mémoires de la délegation Archëologique française en Afghanistan
MDI — Mitteilungen des Deutschen archäologischen instituts
PA — Pamatky archeologické
PSBW — Proceedings of the Symposium held at Burg Wartenstein
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
RE — Paulys — Wissowa. Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
SAOC — Studies in Ancient oriental Civilization
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
SPA — Survey of Persian Art
WA — Wiadomesci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И. Г. Нариманов (Баку). О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане . . 3
М. Тоси (Италия). Сеистан в бронзовом веке — раскопки на Шахри-Сохте 15
П. М. Кожин (Москва). Относительная хронология погребений в могильнике Окунев улус 31
М. И. Артамонов (Ленинград). Вопросы хронологии скифо-сибирского золота 40
Л. И. Крушельницкая (Львов). Памятники раннежелезного времени в верховьях Западного Буга 58
В. И. Цехмистренко (Москва). Заметки о синопских клеймах 67
В. И. Прутло (Ленинград). К хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской 76
С. М. Васюткин (Уфа). К дискуссии по бахмутинской культуре 91
А. К. Амброз (Москва). Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (окончание) 106
А. П. Смирнов (Москва). К вопросу о русско-мордовских отношениях в X—XIV вв. 135

Публикации

Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев (Москва). Раннеземледельческие поселения северной Месопотамии 141
Л. Р. Кызласов (Москва). Карасукский могильник Хара Хая 170
И. Т. Шургая (Ленинград). Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья 189

Заметки

Г. Ф. Загний, В. А. Круц, О. М. Русаков (Киев). Опыт применения протонного магнитометра в археологии 203
В. А. Ранов (Душанбе). Древний нуклеус из Ферганы 208
Иоахим Хан (ФРГ). Верхнепалеолитическая статуэтка из бивня со стоянки Холенштайн — Штадель 211
Р. С. Драчук (Евпатория). Неолитическое поселение у с. Пищики на Черкасщине 217
И. Н. Хлопин (Ленинград). Теменос на Кара-Тепе 221
Т. Г. Мовша (Киев). Гончарный центр трипольской культуры на Днестре . 228
Ю. С. Гришин (Москва). Нефритовый нож из Восточного Забайкалья . . 234
М. В. Горелик (Москва). Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Гермесова кургана 236
Б. А. Василенко (Ивано-Франковск). К вопросу о датировке синопских клейм 245
М. М. Кобылина (Москва). Об изображениях мойр в Северном Причерноморье 250
Т. И. Голубкина (Баку). Ажурные ткани из кувшинного погребения Мингечаура 257
К. В. Кострин (Уфа). Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса 264
А. В. Арциховский (Москва). Берестяная грамота № 439 266
И. И. Соколов (Москва). К вопросу о тверских берестяных грамотах . . . 268
И. С. Вайнер, В. Ф. Каховский, Ю. А. Краснов (Чебоксары, Москва). Береста с надписью из Чебоксар 269
А. В. Циркин (Саранск). Нижеборковский клад 276
Л. Л. Галкин (Москва). Кашинный кувшин из Селитренного городища . . 281
Н. С. Шеляпина (Москва). Надгробия XIII—XIV вв. из раскопок в Московском кремле 284

Критика и библиография

Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев (Ленинград). G. Bosinskii. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa 290
В. И. Сарианиди (Москва). Archaeologia Viva, vol 1, N 1 292
Ю. В. Кухаренко (Москва). W. Sarnowska. Kultura unietycka w Polsce, t. 1 294
О. Д. Дашевская (Москва). А. А. Штамбок. Из царства Атея в Неаполь скифский 296
А. Л. Якобсон (Ленинград). Археологические исследования средневекового Крыма 298
В. Я. Сергин (Москва). И. Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине 306

Хроника

О. Г. Большаков (Ленинград). Археологическое совещание в г. Фрунзе 308
О. А. Абибуллаев 310
В. И. Цехмистренко 312
Ю. В. Деревягин 314

SOMMAIRE

Articles

I. G. Narimanov (Bakou). Sur l'agriculture de l'Enéolithique à l'Azerbaïdjan 3
M. Tosi (Italie). Le Séistan à l'âge de bronze; les fouilles à Shakhri-Sokhta . 15
P. M. Kojine (Moscou). Chronologie relative des sépultures de la nécropole d'Okounev-Oulousse 31
M. I. Artamonov (Léningrad). Problèmes de la chronologie des objets scythes en or provenant de la Sibérie. Torques et bracelets 40
L. A. Krouchelnitskaïa (Lvov). Monuments de l'âge de pierre ancien situés dans le cours supérieur du Bug 58
V. I. Tsekhmistrénko. (Moscou). Notices sur les empreintes de Sinop 67
V. I. Prouglo (Léningrad). A propos de la chronologie des empreintes englyphiques provenant d'Héraclée de Ponte 76
S. M. Vassioutkine (Oufa). A propos de la discussion sur la culture de Bakhmoutino 91
A. K. Ambroz (Moscou). Problèmes de la chronologie du debut du Moyen Age en Europe Orientale 106
A. P. Smirnov (Moscou). A propos des relations russes — mordvines aux X—XIV-es siècles 135

Publications

N. Ya. Merperte, R. M. Mountchaev (Moscou). Sites des agriculteurs anciens dans la Mésopotamie septentrionale 141
L. R. Kyzlassov (Moscou) Une nécropole de culture karasoukienne découverte à Kharakhaï 170
J. G. Chourgaia (Léningrad). Les amphores agonistiques Trouvées dans les nécropoles des régions attenantes au nord de la mer Noire 189

Notices

G. F. Zagniy, V. A. Krouts, O. M. Roussakov (Kiev). Essai de l'utilisation du magnétomètre à protons à des fins d'archéologie 203
V. A. Ranov (Douchanbé). Un nucléus ancien provenant de Fergana . . . 208
Ioahim Han (République Fédérale d'Allemangne). Statuette faite d'une défense de mammouth rattachée au Paléolithique supérieur et trouvée à la station de Holenstein — Stadel 211
V. S. Dratchouk (Eupatoria). Station néolithique près du village Pichtchiki de la région de Tcherkassy 217
I. N. Khlopine (Léningrad). Temenos à Kara-Tépé 221
T. G. Movcha (Kiev). Centre de poteries de la culture tripolienne sur le Dniester 228
Yu. S. Grichine (Moscou). Un coutelas de jade provenant de la Transbaïkalie orientale 234
M. V. Gorélik (Moscou). Essai d'une réconstruction des armures de Scythes d'après une lame d'or, document des beaux arts scythes, provenant du kourgane de Hermès 236
B. A. Vassilenko (Ivano-Frankovsk). A propos de la datation des empreintes de Sinop 245
M. M. Kobylina (Moscou). Sur les représentations des Moires dans les régions côtières septentrionales de la Mer Noire 250
T. I. Goloubkina (Bakou). Etoffes ajourées trouvées dans les sépultures en dolium de Minghétchaour 257
K. V. Kostrine (Oufa). Etudes des dépots de résine dans les amphores anciennes trouvées au cours des fouilles de Tanaïs 264

A. V. Artsykhovsky (Moscou). Un écrit sur l'écorce de bouleau N 439 . . . 266
I. I. Sokolov (Moscou). Les écrits sur l'écorce de bouleau à Tver 268
I. S. Vaïner, V. F. Kakhovsky, Yu. A. Krasnov (Tchéboksary, Moscou). Une feuille en écorce de bouleau comportant une inscription et retrouvée à Tchéboksary 269
A. V. Tsyrkine (Saransk). Trésor de Nijny — Borovsk 276
L. L. Galkine (Moscou). Une cruche en argile de cascina la gorodichtché Sélitrenny 281
N. S. Chéliapina (Moscou). Dalle tombale des XIII—XIVes siècles mise au jour au cours des fouilles du Kremlin de Moscou 284

Bibliographie

N. K. Anissioutkine, G. P. Grigoriev (Léningrad). G. Bosinski. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa 290
V. I. Sarianidi (Moscou). Archaeologia viva, vol. 1, N 1 292
Yu. V. Koukharenko (Moscou). W. Sarnowska. Kultura unietycka B Polsce t. 1 294
O. D. Dachevskaïa (Moscou). A. A. Chtambok. Du royaume d'Athée à Naples de Scythes 296

Chroniques

O. G. Bolchakov (Léningrad). Journées archéologiques dans la ville de Frounzé 308
O. A. Abiboullaev 310
V. I. Tsekhmistrenko 312
Yu. V. Déréviaghine 314

ОПЕЧАТКИ

к статье **Ю. Г. Виноградова «Из истории архаической Ольвии»**, СА, 1971, № 2, стр. 232—238

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
232	29 сверху	Χσάνθας ἔδοκε	Χσάνθας ἔδοκε
»	21 снизу	αζ	ας
235	22 сверху	Ξάνθας ἔδο̄κε	Ξάνθας ἔδο̄κε
»	23 сверху	δίδωμί	δίδωμι
»	32 снизу	τὶμιος	τίμιος
»	31 снизу	ἠκὸλιξ	ἡ κύλιξ
»	28 снизу	τιμία	τιμία
»	26 снизу	Ξάνυας ἔδο̄κε [οὐκ ἔχει δὲ ῥὸλικας] τὶμιας	Ξάνθας ἔδο̄κε [οὐκ ἔχει δὲ ῥύλικας] τίμιας
»	22 снизу	G. Klaggenbach	G. Klaffenbach
»	14 снизу	A. Bernard	A. Bernand
»	10 снизу	λεπ]ωκεν	πέπ]ωκεν
»	9 снизу	ἔδ]ωκεν	ἔδ]ωκεν
»	4 снизу	Афродиссии	Афродисии
236	23 сверху	τὶμία	τιμία
»	12 снизу	Εανθη	Ξάνθη

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16/IV-1971 г. Т-03590 Подписано к печати 8/VII-1971 г. Тираж 2665 экз.
Заказ 2157 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,0+1 вкл. Бум. л. 10,0 Уч.-изд л. 30,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10